

Брюс У. Меннинг

И ПУЛЯ ШТЫК

Армия
Российской империи
1861–1914

*Авторизованный
перевод с английского
Николая Эдельмана*

*Под научной редакцией
Олега Айрапетова*

Модест Колеров
Москва 2016

Посвящается Тони и Элис

УДК 355.12(470) «18/19»
ББК 63.3(2)5-35
М 62

SELECTA

**серия гуманитарных исследований под редакцией
М. А. Колерова**

Перевод с английского Николая Эдельмана
Под научной редакцией Олега Айрапетова

При оформлении обложки использована картина
В. Верещагина «Смертельно раненый». 1873. ГТГ

Брюс У. Меннинг
М62 Пуля и штык. Армия Российской империи, 1861–1914. М., Модест Колеров, 2015. 424 с. (SELECTA. XXIII).

Bruce W. Menning. Bayonets Before Bullets. The Imperial Russian Army, 1861–1914. Bloomington & Indianapolis, 1992.

ISBN 978-5-905040-19-1

УДК 355.12(470) «18/19»
ББК 63.3(2)5-35

© Bruce W. Menning, 1992
© Н. В. Эдельман, перевод на русский язык, 2015
© О. Р. Айрапетов, научная редакция перевода
на русский язык, 2015
© М. А. Колеров, составление серии, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Тридцать лет назад эта книга началась как изучение тактических нововведений в Русской Императорской Армии во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Постепенно работа охватила более широкую тему институциональных преобразований в течение длительного периода времени, начиная с реформ Д. А. Милютина до начала Первой мировой войны. В результате появилась книга, которая стала осознанным продолжением трудов как российских и советских учёных (например, А. М. Зайончковского, Л. Г. Бескровного, П. А. Зайончковского), так и западных (Джона С. Кертиса, Джона Л. Кипа и Дитриха Байрау).

Полувековой промежуток времени между 1861 и 1914 гг. представляет собой огромное полотно, позволяющее не только отобразить более полную картину, но также и описать глубокие преобразования, происходившие в армии. Механизмов было много: от новых технологий и организационных структур до новаторских идей и приобретённого опыта. Влияние этих и других факторов на Русскую Императорскую Армию менялось в зависимости от обстановки, восприятия, возможностей, ресурсов, отношения и расстановки сил. Итогом исследования стала картина, показывающая несовершенство адаптации со всеми сопутствующими ей недостатками и недоработками.

Как говорится в известном изречении: «Классика всегда современна». Так же как и классические проблемы. Преобразования и адаптация к ним являются постоянными в истории человеческих отношений; при этом каждой эпохе присущи свои особые испытания и способы их преодоления. И степень, до которой общество может приспособиться к этим изменениям, предопределяет их долгосрочный успех или провал.

Книга была написана в то время, когда ограниченные ресурсы во времени и доступе к материалам из архивов обязывали полагаться на печатные основ-

ные и второстепенные источники. Их невероятные объёмы и разнообразие представляли широкую палитру красок для того, чтобы нарисовать портрет Русской Императорской Армии. Следующее поколение историков должно предоставить больше деталей и нюансов на основе архивных материалов.

Перевод обязывает проверять точную формулировку цитат на русском языке, многократно встречающихся в книге. Все они были сверены с первоисточниками. Во время редактирования были приложены все усилия для того, чтобы авторский стиль и мысль дошли до русского читателя с наименьшими искажениями. Все необходимые уточнения, в том числе к найденным ошибкам, которые неизбежно появляются в крупных исследованиях, даны в редакторских примечаниях. Первоначальный текст книги остался без изменений. Автор выражает глубокое удовлетворение, что эта книга будет доступна широкому кругу русских читателей, а также искренне благодарит русских коллег и друзей, которые сделали возможным публикацию этой книги на их родном языке.

Брюс Меннинг

ВВЕДЕНИЕ

В настоящем исследовании разбираются организация и военное искусство армии Российской империи в течение двух войн и двух этапов индустриальной революции. Рассказ начинается с самоанализа, последовавшего за поражением в Крымской войне, затем описываются принципиальные изменения, принесённые эпохой реформ, и приводится оперативный и тактический анализ русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Далее обрисовывается реакция русских военачальников как на их собственный военный опыт, так и на впечатления от других конфликтов, демонстрируется, как российская армия перешла на использование бездымного пороха, и объясняется, почему она не прошла испытание боями на Дальнем Востоке в 1904–1905 гг. В 1905–1914 гг. всё повторяется: очередной раунд глубокого самоанализа и военных реформ в преддверии вероятной грядущей войны.

Основной акцент нашего исследования будет сделан на армии Российской империи как на военном институте. Мы опишем, как эта армия была организована, как она тренировалась и как вооружалась для сражений. Мы покажем, как она набиралась военного и боевого опыта. Мы расскажем об армейских тактиках, изобретателях, преподавателях, политиках, организаторах и мечтателях. Но в первую очередь эта книга о том, как этот военный институт вёл отчаянную борьбу за то, чтобы приспособиться к изменениям в дарвиновском мире, сурово карающем за ошибки и неумение адаптироваться.

Одна часть нашей книги посвящена организационно-доктринальным вопросам, а другая — военным действиям. Современный военный опыт свидетельствует о том, что обе эти стороны оказываются неразрывно связаны и в мирное, и в военное время, что недавно ещё раз подтвердил историк Питер Парет своими словами о том, что зарождение и развитие всех суще-

ственных аспектов войны происходит в мирное время¹. В данном исследовании это единство признаётся посредством сочетания традиционной военной истории с её направленностью на войну как таковую и более широких организационных и интеллектуальных вопросов, которыми занимается новая военная история. С первых же страниц книга строится в предположении, что боевые качества армии (сфера боевого и оперативного анализа) можно адекватно оценить лишь с учётом предвоенной подготовки (сфера концепций и инфраструктуры).

По причинам, которые станут очевидными при чтении книги, подготовка к грядущим войнам, проводившаяся в 1861–1914 гг., приобрела беспрецедентный размах и значение, нередко подталкивая к оригинальным решениям и в сфере мысли, и в сфере действий, включая подготовительные экскурсии в едва зарождающуюся дисциплину военной науки. Храня верность интеллектуальным традициям этой эпохи, советский военный теоретик генерал-майор С. Н. Козлов сто лет спустя утверждал, что «важнейшей задачей военной науки всегда было определение характера будущей войны». Далее он отмечал, что понимание характера грядущей войны основывается на понимании трёх отдельных, но взаимосвязанных феноменов: уровня технологии данной эпохи, опыта прошлых войн и общего политического окружения².

Категории, выделенные генералом Козловым, представляют собой полезную отправную точку при создании удобных рамок для выявления порядка и поиска какого-либо смысла в попытках русской армии измениться в преддверии будущих битв. Особую проблематичность и сложность рассматриваемому периоду придавал резко ускорившийся темп технологических изменений. В течение всего нескольких поколений русские перешли с кремниевых дульнозарядных ружей на мелкокалиберные магазинные винтовки, с гладкоствольных пушек на нарезные скорострельные полевые орудия. Не вдаваясь в детали, достаточно сказать, что скорость и размах технологических изменений стали доминирующими факторами, влиявшими на развитие военных институтов в течение этой эпохи.

Но если технология заявила о себе как о важнейшем показателе изменений в военном деле, то политика в самом широком смысле этого слова задавала тот контекст, в котором военные фигуры и учреждения вели дискуссии о природе изменений и аранжировали соответствующие отзывы. В период 1861–1914 гг. трое Романовых, сменявших друг друга на престоле, оставались ключевыми игроками в имперской военной драме, разыгрывавшейся на фоне прежних и новых антагонизмов, традиционных и свежих интересов. Поли-

¹ *Peter Paret*, Foreword in Harold R. Winton, *To Change an Army* (Lawrence, Kans., 1988), vii.

² *Козлов С.* Военная наука и военные доктрины в первой мировой войне // Военно-исторический журнал. № 11. Ноябрь 1964. С. 31.

тические структуры царизма служили общими рамками, в которых происходили военные изменения. По этой причине солдат и тактик неохотно делили военные подмостки с политиком и реформатором — даже в тот период, когда технологические изменения, по видимости, повышали авторитет специалиста и профессионального военного.

Помимо технологии и политического контекста, глубокое влияние на развитие военных институтов императорской России в 1861–1914 гг. оказывал прецедент. Пытаясь представить себе перспективы многогранных последствий новых технологий и соответствующих методов и средств, русские как никогда прежде систематически изучали свой собственный военный опыт и опыт современников. Этим исследованиям и русские военные, и их советские коллеги обязаны как истоками своего нынешнего военного профессионализма, так и возникновением институциональной военной истории. Та степень, в которой русские могут поставить своё прошлое на службу будущему, представляет собой важный аспект в общей картине военных изменений и адаптации, происходивших в течение всего позднеимперского периода.

Боевые действия представляют собой второй важный аспект данной книги. Как новые технологии и институты прошли испытание войной? По всевозможным причинам западные историки и военные обозреватели — несмотря на редкие вспышки интереса и исследований — зачастую либо игнорируют, либо объявляют несущественными уроки русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и русско-японской войны 1904–1905 гг. Однако в мире крупномасштабных военных учреждений европейского типа два эти конфликта представляют собой две наиболее важные проверки концепций и вооружения, произошедшие между 1871 и 1914 гг. Эти войны во всей отчётливости выявили практически все военные вызовы индустриальной эпохи, включая мобилизацию массовых регулярных кадровых и резервных армий, управление крупными соединениями на огромных расстояниях, возросшую смертность огнестрельного оружия, изменение стратегических и тактических схем, и значение внутреннего фронта.

Таким образом, портрет русской армии, вырастающий из её организационной и боевой истории, имеет сложную, многогранную структуру, чьи аспекты, узловые точки и компоненты менялись с течением времени, влияя друг на друга и на формы и измерения целого. Изменения в технологии влекли за собой изменения в организации и структуре. Одновременно с этим социальный и политический контекст обуславливал общую институциональную реакцию на технологические и адаптационные вызовы. Все эти части взаимодействовали друг с другом в окружении, которое само подвергалось изменениям; соответственно, функционирование этих частей невозможно полностью понять в изоляции либо друг от друга, либо от целого.

Насколько хорошо эти стороны работают в паре, как правило, зависит от связей — органических и механических, интеллектуальных и физических, духовных и нравственных. Как только армия приобрела свою базовую пореформенную форму, её боеспособность стала определяться связями не только между прошлым и настоящим, но также связями между солдатами, идеями и вооружением. Кроме того, по различным причинам именно в сфере связей чаще всего обнаруживались недостатки армии Российской империи. Можно привести в пример М. И. Драгомирова. Большую часть рассматриваемого периода он был теоретиком и практиком, чьи мысли и действия весьма характерны для преобладавших представлений о важнейших связях между человеком и оружием. Именно под сенью Драгомирова прошло почти полвека развития русской тактической мысли, и именно он сделал популярной известную максиму А. В. Суворова: «Пуля — дура, штык — молодец». Хотя события 1904–1905 гг. по большей части опровергли тактические представления Драгомирова, по вине других неудачных связей русские солдаты в 1914 г. отправились на войну, во время которой нехватка патронов снова заставила их задуматься над дилеммами, неотъемлемыми от приверженности бойцов воле и холодной стали.

Исследование организационной и военной истории армии Российской империи в 1861–1914 гг. представляется полезным начинанием по нескольким причинам. Одна из них — понимание того, что из-за языковых барьеров и дистанцированности — в нескольких смыслах слова — некоторые важные аспекты русского военного прошлого остались не замеченными для западных наблюдателей. В их число входит существенная преемственность между прежним имперским и новым советским режимами в ряде областей, от вооружения до военной мысли. Некоторые наиболее поразительные стороны последней, отразившиеся в замечаниях генерала Козлова, включают озабоченность выявлением сущности и рамок военной науки, внимание к значению военной доктрины и поиски пользы от военной истории. Другим первостепенным аспектом позднеимперского военного наследия является неизменная озабоченность развитием жизнеспособной теории ведения современных военных операций. Учитывая непреходящее значение этих и других аспектов русской военной теории позднеимперского периода, изучение тех обстоятельств, при которых они впервые всерьёз заявили о себе, окажется вполне достаточным оправданием настоящего исследования.

В качестве дополнительного оправдания выступает несколько других историографических и практических соображений. Первое из них — это представление о том, что историки склонны к разобщению опыта XIX и XX столетий, в результате чего традиционный подход не позволяет учитывать важную преемственность, наблюдаемую в течение всего этого периода, от заверше-

ния Крымской войны до начала Первой мировой войны³. Ещё одним фактором послужило появление в последние несколько десятилетий новых материалов и интерпретаций по различным темам, связанным с русской военной историей в 1861–1914 гг.⁴ Последним — и небезосновательным — оправданием послужила идея о том, что ещё одна попытка найти ответ на некоторые заковыристые вопросы о военном прошлом может пролить новый свет и на прошедшую эпоху, и на советскую действительность.

Установлению хронологических рамок и определению глубины исследования способствовали также историографические соображения. Недавняя работа Джона Л. Г. Кипа «Soldiers of the Tsar» и более ранние новаторские исследования Джона Ш. Кертиса весьма тщательно освещают институциональную эволюцию русской армии в дореформенный период⁵. Однако не существует ни одной книги ни на одном языке, в которой бы эти исследования связывались либо с недавним проницательным анализом русской армии в 1914–1917 гг., проведённым Норманом Стоуном и И. И. Ростуновым, либо с последующей объёмистой военной историографией по революционному и советскому периодам⁶. Настоящая работа призвана закрыть эту брешь. Отчасти моя попытка основывается на трудах других исследователей, чьи солидные, основополагающие работы по отдельным аспектам русской военной истории составляют существенную долю материала для данного исследования⁷.

³ Исключение — такая устаревшая и чрезвычайно тенденциозная работа, как: *Керсновский А. А.* История русской армии. В 4 ч. Белград, 1933–1938.

⁴ См., например: *Золотарёв В. А.* Россия и Турция. Война 1877–1878 гг. М., 1983; *Шаццило К. Ф.* Россия перед первой мировой войной (Вооружённые силы царизма в 1905–1914 гг.) М., 1974; История русско-японской войны 1904–1905 гг. / Под ред. И. И. Ростунова. М., 1977; *Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973; *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX в. М., 1986; *John Busbnell*, *Mutiny amid Repression: Russian Soldiers in the Revolution of 1905* (Bloomington, Ind., 1985); *William C. Fuller, Jr.*, *Civil-Military Conflict in Imperial Russia 1881–1914* (Princeton, N. J., 1985); *Joseph Bradley*, *Guns for the Tsar: American Technology and the Small Arms Industry in Nineteenth-Century Russia* (DeKalb, Ill., 1990).

⁵ *John L. H. Keep*, *Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia 1462–1874* (Oxford, 1985); *John Shelton Curtiss*, *The Russian Army under Nicholas I, 1825–1855* (Durham, N. C., 1965); *John Shelton Curtiss*, *Russia's Crimean War* (Durham, N. C., 1979).

⁶ *Norman Stone*, *The Eastern Front 1914–1917* (New York, 1975); *Ростунов И. И.* Русский фронт первой мировой войны. М., 1976.

⁷ В число работ, достойных упоминания, входят: *Robert Fred Baumann*, «The Debates over Universal Military Service in Russia 1870–1874», Ph.D. diss., Yale University, 1982; *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973; *Бескровный Л. Г.* Русское военное искусство XIX в. М., 1974; *E. Willis Brooks*, «D. A. Miliutin: Life and Activity to 1856», Ph.D. diss., Stanford University, 1970; *John Busbnell*, «The Tsarist Officer Corps 1881–1914: Customs, Duties, Inefficiency», *American Historical Review*, 86, no. 4 (October 1981), 753–780; *John Erickson*, «The Russian Imperial / Soviet General Staff», Center for Strategic Technology, Texas A&M University, College Station Papers 3 (College Station, Tex., 1981); *David R. Jones*, «Russia's Armed Forces at War, 1914–1918: An Analysis of Military Effectiveness», Ph.D. diss., Dalhousie University,

Материалы для анализа и аргументации в поддержку различных наблюдений и выводов черпались из сочетания доступных первичных и вторичных источников. В число важнейших первичных материалов входят дневники, доклады и различные собрания документов и произведений, включая те, что использовались при составлении официальной истории. Сама эта история, во всеми её сильными и слабыми сторонами, служит важным и обширным источником информации, освещающей два важнейших вооружённых конфликта данного периода, в которых участвовали русские⁸. В дополнение к вторичным материалам по дореволюционному периоду ещё одним важным источником информации и интерпретаций являлись советские материалы, особенно опубликованные в последние несколько десятилетий, когда советские историки стали уделять больше внимания военному прошлому царской России.

Историк Э. Г. Карр как-то заметил, что история представляет собой непрерывный диалог между прошлым и настоящим, в котором современные проблемы формируют подход историка к прошлому и обуславливают сделанные им выводы. Настоящее исследование не является исключением. Начало работы над ним относится к 1983–1984 гг., когда автор посещал регулярные курсы при Колледже армейского командования и Генерального штаба США, на которых преподаватели советовали ему сочетать интерес к русской военной истории с повышенным вниманием к взаимодействию между доктриной, технологией и организацией при подготовке к современной войне и во время её ведения. Впоследствии некоторые предметы в Школе углублённых военных исследований при том же заведении предоставили возможность как раздвинуть рамки первоначального исследования, так и опробовать многие из его предположений и выводов на инструкторах и офицерах-студентах, в мирное время занятых подготовкой к будущим войнам. Их замечания и проницательная критика послужили полезным руководством к дополнительным исследованиям и творческой работе.

1986; *Кавтавадзе А. Г.* Из истории русского генерального штаба // Военно-исторический журнал. № 12. Декабрь 1971. С. 75–80. № 7. Июль 1972. С. 87–92; *Мецераков Г. П.* Русская военная мысль в XIX в. М., 1973; *Forrest A. Miller*, Dmitrii Miliutin and the Reform Era in Russia (Nashville, Tenn., 1963); *Walter M. Pintner*, «Russian Military Thought and the Shadow of Suvorov», in Peter Paret (ed.), *Makers of Modern Strategy from Machiavelli to the Nuclear Age* (Princeton, N. J., 1986), 354–375; *Carl Van Dyke*, «Culture of Soldiers: The Role of the Nicholas Academy of the General Staff in the Development of Russian Imperial Military Science, 1832–1912», M. Phil. thesis, University of Edinburgh, 1989; *Peter Von Wabblade*, «Military Thought in Imperial Russia», Ph.D. diss., Indiana University, 1966; *Зайончковский П. А.* Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952.

⁸ Обзор важнейших источников см.: *Бескровный Л. Г.* Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957, 348–450; *Золотарёв В. А.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в отечественной историографии. М., 1978; Справочники по истории дореволюционной России / Под ред. П. А. Зайончковского. 2-е изд. М., 1978. С. 236–309; *Бескровный Л. Г.* Очерки военной историографии России. М., 1962. С. 152–315.

Несколько слов по поводу датировки. В данном исследовании принята датировка по юлианскому календарю, который использовался в России вплоть до 1918 года. В XIX и XX вв. юлианский календарь отставал от григорианского соответственно на двенадцать и тринадцать дней.

1. АРМИЯ Д. А. МИЛЮТИНА И М. И. ДРАГОМИРОВА

Таковы были требования и плоды общего в русской армии после Крымской войны положительного течения, т. е. стремления приготовить для будущей военной деятельности не только целые части войск, но и каждого человека в отдельности, в особенности же офицеров, которым новые условия боя ставили особые ответственные задачи, часто требуя и от младших сознательного, смелого, но вместе с тем и разумного почина.

(Из «Описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове», 1901 г.)⁹

Массовые военные организации представляют собой совокупность множества переменных величин, а потому черты характера и взгляды отдельных лиц почти никогда не отражаются на состоянии современных армий. Возможным исключением из этого правила служила армия Российской империи в 1860-е и 1870-е гг. Особые обстоятельства подтолкнули эту армию к периоду стремительных преобразований, позволив двум офицерам — Д. А. Милютину и М. И. Драгомирову — оставить свой отпечаток на одной из крупнейших военных машин той эпохи. Милютин, ставший в 1861 г. военным министром, руководил целым рядом далеко идущих реформ, затрагивавших почти каждый аспект существования России как военной державы. Драгомиров, специалист по тактике и армейскому обучению, внёс ключевой вклад в формирование тактической системы, которая придала реформам Милютина боевую значимость. Та армия, которая в 1877–1878 гг. устремилась через

⁹ Описание русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. В 9 т. и 14 кн. СПб., 1901–1913. Т. I. 1901. С. 151.

Румынию к Дунаю и за Дунай, в значительной степени была армией Милютина и Драгомирова.

Зарождение перемен

Период между 1856–1877 гг. ознаменовался болезненными переменами, затронувшими и русскую армию, и русское общество. Поражение в Крымской войне не оставило камня на камне от величественного военного сооружения, возведённого царём Николаем I (1825–1855), и вызвало к жизни серию далеко идущих открытых и закрытых дискуссий о причинах краха и мерах, необходимых для того, чтобы избежать его повторения. Сторонников гражданских и военных реформ было много и они придерживались самых различных взглядов. В социальном плане основной мишенью критики стало пагубное влияние крепостничества на экономику, нравственное состояние и вооружённые силы страны, и одним из первых шагов Александра II (1855–1881) после Парижского конгресса 1856 г. было создание законодательного механизма, работа которого и привела в 1861 г. к освобождению крестьян¹⁰. Этот результат, в свою очередь, расчистил путь для ряда либеральных реформ, растянувшихся на следующее десятилетие и закончившихся в 1874 г. введением всеобщей воинской повинности¹¹.

Импульс к военным реформам порождalся не только социальными изменениями, но и военными императивами. Немаловажную роль в соображениях будущих реформаторов играло убеждение, что Россия забывает о своём истинном военном наследии, воплотившемся в духе и деяниях таких героев предыдущего столетия, как Пётр I и А. В. Суворов: оба они выступали за прагматичную военную организацию, а также тактику, учитывавшую характер врага, условия местности и ресурсы, которыми располагала Россия¹². Однако в годы, протёкшие между победой над Наполеоном и падением Севастополя, это наследие утонуло в потоке того, что современники называли «парадоксальной», понимая под этим манию монарха и его военной свиты к жёстко-

¹⁰ В соответствии с условиями, выдвинутыми на конгрессе, Россия теряла южную Бессарабию, лишилась права вмешиваться в дела Валахии и Молдавии и была вынуждена согласиться на демилитаризацию Чёрного моря, объявленного нейтральным.

¹¹ Альфред Дж. Рибер решительно утверждает, что импульсом к социальным реформам послужили военные потребности; см.: *Alfred J. Rieber* (ed.) *The Politics of Autocracy: Letters of Alexander II to Prince A. I. Bariatinskii, 1857–1864* (Paris and The Hague, 1966), 15–31; см. также: *Keep, Soldiers of the Tsar*, 351–53.

¹² О суворовских традициях см.: *Bruce W. Menning*, «Train Hard, Fight Easy: The Legacy of A. V. Suvorov and His "Art of Victory"», *Air University Review*, 38, no 1 (November–December 1986), 77–88. (См. русский перевод статьи в «Русском сборнике». Том IX. М.: Модест Коллеров. 2010. С. 155–170.)

му единообразию и их слепую приверженность к муштре в ущерб гибкости и модернизации. Колоссальная, неповоротливая, привязанная к отжившей свой век социоэкономической системе, имперская армия под руководством неизобретательных командиров опозорила себя в 1854–1855 гг., не сумев изгнать врага из пределов своей страны¹³.

Ещё до поражения и последовавших за ним дискуссий многие военные обозреватели понимали необходимость преобразований. Со времён Павла I (1796–1801) влиятельные слои российского офицерского корпуса считали сползание к институциональной негибкости и консерватизму пагубным для военных интересов России. Их негодование и недовольство неуклонно росло в период после наполеоновских кампаний и в декабре 1825 г., в момент краткого междоцарствия, привело к провалившейся попытке переворота. В течение следующих двух десятилетий память о выступлении декабристов сыграла существенную роль в военных и политических расчётах Николая I — царя, одержимого страхом не только перед зарубежной революцией, но и перед опасностью заговоров в рядах его собственной знати и офицерского корпуса¹⁴.

Тем не менее преобладающие реакционные настроения не смогли полностью заткнуть рот недовольным — как лояльным режиму, так и нелояльным. Будущие бунтари изучали уроки декабря 1825 года, выводя из них «алгебру революции», в то время как будущие реформаторы пытались выразить свои мнения в формулировках, приемлемых для режима. Ещё в 1839 г. Д. А. Милютин, молодой офицер, получивший назначение на Кавказ, и недавний выпускник Николаевской военной академии, на страницах «Отечественных записок» — ведущего журнала той эпохи — открыто превозносил добродетели А. В. Суворова, талантливого и победоносного полководца времени Екатерины Великой. Перечисляя многочисленные достижения Суворова, Милютин делает вывод, что этот русский генералиссимус настолько опередил свой век, что во многих отношениях его методы предвосхищали тактику и стратегию Наполеона¹⁵. За замечаниями Милютина скрывалась мысль, что военное выживание России требует возврата к духу Суворова. Такие настроения разделялись многими офицерами, включая нескольких ведущих преподавателей Николаевской академии. Вероятно, совсем не случайно, что Милютин

¹³ О более негативных аспектах царского милитаризма см.: *John Keep*, «The Military Style of the Romanov Rulers», *War & Society*, 1, no 2 (September 1983), 60–72; *John Shelton Curtiss*, «The Army of Nicholas I: Its Role and Character», *American Historical Review*, 63, no 4 (July 1958), 884–86.

¹⁴ *John L. H. Keep*, «The Russian Army's Response to the French Revolution», *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, H. 4, Bd. 28 (1980), 510, 514–516, 520.

¹⁵ *Brooks*, D. A. Miliutin: Life and Activity to 1856, 67. (Во время обучения Д. А. Милютина в академии её официальное название было: Императорская военная академия (с 1832 г.) В последующем оно неоднократно менялось: Николаевская военная академия (с 1909 г.), Императорская Николаевская военная академия (с 1910 г.). — *Прим. ред.*)

в период своей службы на Кавказе открыто обращался мыслями к Суворову, поскольку условия на южном военном фронтире зачастую требовали смелых отступлений от общепринятой практики «парадомании» воинских частей, дислоцированных ближе к Санкт-Петербургу¹⁶.

Два других офицера, А. И. Астафьев и Ф. И. Горемыкин, выступали за изменения в подходе, уставных требованиях и обучении, которые, с одной стороны, вернули бы армию к её истинным корням, а с другой — привели бы её в соответствие с реальностью новых видов тактики. Астафьев, офицер Генштаба, в своих сочинениях 1850-х гг. отстаивал превосходство Суворова над Наполеоном и высказывался против окостенения военной теории и практики, являвшегося результатом рабского следования военным аксиомам в интерпретации современных последователей Наполеона. Астафьев полагал, что многие аспекты наполеоновского военного искусства устарели и не соответствовали современным нововведениям, таким как, например, внедрение нарезного ручного оружия, которое «потребуется изменения не только организации армии, расположения, движения и действия войск в войне, но даже и того, что заключают в себе тактика, военная администрация, стратегия и все военные науки»¹⁷.

В 1849 г. Горемыкин, профессор Николаевской академии, издал своё «Руководство к изучению тактики в начальных её основаниях и в практическом применении». Подобно Астафьеву, он осуждал сползание к военному педантизму и писал, что «пора отстать от тяжёлых и странных форм, в которые учёность военная иногда облекалась»¹⁸. Однако, порицая слепое преклонение перед Наполеоном, Горемыкин сохранял, по крайней мере, одно вполне наполеоновское убеждение, а именно разграничение между материальными и моральными факторами в военном деле. Горемыкин утверждал, что, несмотря на значение вооружения и оснащения, нравственное превосходство остаётся абсолютным условием успешного применения вооружённых сил в бою. Интересно, что когда Горемыкин преподавал в академии, одним из выпускников этого заведения был М. И. Драгомиров, молодой пехотный офицер, со временем ставший одним из самых влиятельных умов в русской армии после 1856 года.

В противоположность своим современникам, в большей мере ориентировавшимся на тактику, Милютин считал, что для возвращения к суворов-

¹⁶ О связи реформ с военным фронтиром см.: *Зайончковский П.* Военные реформы... С. 36 и *Bruce W. Menning.* «The Army and Frontier in Russia» in Carl W. Reddel (ed.) *Transformation in Russian and Soviet Military History* (Washington, D. C., 1990), 25–38. Сам Милютин полагал, что обстановка фронта требует решать острые военные проблемы нетрадиционными методами; см.: *Милютин Д. А.* Воспоминания. Репринтное изд. (Newtonville, Mass., 1979), 305–6.

¹⁷ Цит. по: *Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков* / Под ред. Л. Г. Бескровного. М., 1960. С. 20.

¹⁸ Цит. по: *Зайончковский П.* Военные реформы... С. 37.

ским традициям одних изменений в тактике и обучении недостаточно. Милютин указывал, что тактическая гибкость, быстрота расчёта и действий, а также жажда к решениям — вот качества, требуемые от офицеров новой породы, приученных брать на себя ответственность и завладеть инициативой. Так в одной из наиболее откровенных дневниковых записей, относящихся к 1840 г., Милютин подвергает резкой критике систему офицерского обучения, заявляя, что она рассчитана на производство попугаев, которые, подобно попке, повторяют приказы, но сами по себе почти ни на что не пригодны¹⁹.

Другие критики системы понимали необходимость фундаментальной реорганизации рядового состава. И бунтари, и реформаторы мечтали о том, что рекрутов из крепостных, побоями приведённых в повиновение и насильно приученных к автоматизму гусиного шага, заменят свободные люди, действующие и повинующиеся не из страха, а благодаря своим убеждениям и чувству долга. Русские военные обозреватели, отделённые друг от друга большими промежутками времени и расстояниями, отмечали влияние французской революции на европейские армии и с завистью наблюдали, как это влияние высвобождает военный потенциал людских масс²⁰.

Помимо этих соображений, провозвестники преобразований руководствовались также пониманием необходимости внесения фундаментальных изменений в систему воинского набора, организацию армии и её вооружение. Размышляя о крымском поражении, Милютин отмечал застенчивость крепостничества, мешающего России использовать её колоссальные людские ресурсы и не способствующего содержанию крупных обученных резервов. Милютин усматривал необходимость в фундаментальном переустройстве русской военной администрации. Чрезмерная централизация и громоздкость Военного министерства мешали ему адекватно реагировать на требования меняющегося военного мира. Традиционная армейская структура мирного времени, в которой со времён Наполеона доминировали формирования типа армий и корпусов, продемонстрировала свою неспособность плавно перестроиться в структуры военного времени. Рассматривая эти и другие вопросы, Милютин и его единомышленники по сути дела предлагали не что иное, как революционную реорганизацию всей российской армии и её вспомогательных институтов²¹.

¹⁹ Дневник Д. А. Милютина. В 4 т. / Под ред. П. А. Зайончковского. М., 1947–1950. Т. I. С. 26–27; о том же самом явлении среди рядовых см.: *Elise Kimerling Wirtschafter, From Serf to Russian Soldier* (Princeton, N. J., 1990), особ. chap. 3.

²⁰ Описание русско-турецкой войны... Т. I. С. 139–140; Прокофьев Е. А. Военные взгляды декабристов. М., 1953. С. 99–101.

²¹ См., например: *Зайончковский П. Военные реформы...* С. 50; Дневник Д. А. Милютина. Т. I. С. 20–21. Обзор многочисленных исследований, посвящённых Милютину, см.: *Peter Von*

После Парижского конгресса потребовалось несколько лет на то, чтобы убедить пациента проглотить прописанную ему пилюлю. В 1856 г. новый император Александр II назначил военным министром осторожного Н. О. Сухозанета. Пребывание на посту военного министра этого ветерана, проявлявшего решительность в боях, ознаменовалось скупыми и паллиативными мерами. Главным достижением Сухозанета стала отмена изжившей себя системы военных поселений. Лишь через три года Александр и его ближайшие советники пришли к заключению, что Сухозанету не хватает целеустремлённости и темперамента для осуществления более смелых преобразований. Разочарование в новом министре достигло наивысшей точки во время пьемонтско-австрийского кризиса 1859 года, когда Сухозанет доложил императору, что для сосредоточения четырёх русских корпусов на австрийской границе в ответ на настойчивые просьбы французов потребуется пять с половиной месяцев! Хотя царь и его сторонники из числа реформаторов отнюдь не отличались единством взглядов и программ, Милютин всё же наконец вызвали в Санкт-Петербург, и 30 августа 1860 г. он получил портфель товарища военного министра. Своим назначением на этот пост Милютин был обязан фельдмаршалу князю А. И. Бярятинскому, другу детства царя, главнокомандующему на Кавказе, у которого Милютин служил начальником штаба. Непрочный альянс между министром Сухозанетом и его заместителем Милютиным длился до 9 ноября 1861 г., когда император наконец освободил слабого здоровьем Сухозанета от должности и перевёл его в Варшаву наместником Царства Польского, тем самым расчистив место для Милютина²².

В течение последующих двух десятилетий армия испытала на себе всю мощь организаторского гения Милютина, его дальновидности, настойчивости, проницательности, сочетавшихся со значительной долей везения в его стремлении воплотить в жизнь свои представления о более совершенной военной организации. К этой задаче Милютин подошёл скорее как учёный, нежели как боевой ветеран. Дмитрий Алексеевич Милютин, родившийся в 1816 г. в обедневшей дворянской семье, получил начальное образование в пансионе при Московском университете, закончив его с серебряной медалью, после чего в 1833 г. направился в Санкт-Петербург и поступил на действительную службу фейерверкером в гвардейскую артиллерию. Шесть месяцев спустя он получил офицерский чин, а ещё через три года, пропустив вступительный курс, закончил — снова с серебряной медалью — недавно открывшуюся Николаевскую военную академию. После назначения в 1837 г. в Генеральный штаб гвардии, Милютин в 1839–1840 гг. служил в Отдельном

Wabde, «Dmitrii Miliutin: Appraisals», *Canadian Slavic Studies*, 3, no 2 (Summer 1969), 400–414.

²² E. Willis Brooks, «Reform in the Russian Army, 1856–1861», *Slavic Review*, 43, no 1 (Spring 1984), 74–77.

Кавказском корпусе, где во время стычки с горцами получил серьёзное ранение в правое плечо. Вернувшись в Санкт-Петербург в чине капитана гвардии, Милютин провёл десятимесячный отпуск в Европе для поправки здоровья, а затем прослужил ещё два несчастливых года на Кавказе, после чего получил в 1845 г. чин подполковника и назначение профессором Николаевской военной академии по кафедре военной географии²³.

Милютин провёл более десяти лет в академии, где, по счастью, имел возможность делить время между размышлениями и исполнением служебных обязанностей. Должность профессора военной географии позволила ему тщательно продумать взаимосвязимость между ресурсами и военным потенциалом страны — проблема, впервые заинтересовавшая его ещё на Кавказе. Милютин стал первопроходцем применения статистического анализа к военной географии и заложил длительную традицию статистических исследований, касавшихся вероятных противников и театров военных действий. Тем временем Милютин унаследовал от незадолго перед тем скончавшегося военного историка А. И. Михайловского-Данилевского неоконченное исследование по истории кампаний Суворова в северной Италии и Швейцарии. Продолжая в 1848–1853 гг. исследовательскую работу, начатую Данилевским, Милютин проникся ещё большим восхищением к Суворову как полководцу. Плодом его труда явилась многотомная «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году», которая принесла автору Демидовскую премию Академии наук²⁴. Наконец, во время Крымской войны Милютин эпизодически появляется в императорской свите в качестве советника и состоит по особым поручениям при военном министре В. А. Долгорукове. Теперь уже в чине генерал-майора, Милютин участвует также в работе некоторых важных совещательных органов, включая Комиссию для улучшений по военной части. Весной 1856 г. Милютин приобщается к придворной и министерской политике; начиная с этого времени он подаёт докладные записки непосредственно своим начальникам и самому императору. В своих сочинениях и в приводимых им аргументах Милютин предстаёт ревностным сторонником военных реформ²⁵.

Один из уроков, извлечённых Милютиным из его положения при дворе, состоял в том, что доступ к верхам не обязательно влёт за собой санкционирование проведения в жизнь его замыслов. Правда, некоторые из его идей

²³ Бильдерлинг А. Граф Дмитрий Алексеевич Милютин // Военный сборник. № 2, Февраль 1912. С. 5–6.

²⁴ Оситова М. Обзор военно-научных трудов Д. А. Милютина // Военно-исторический журнал. № 9. Сентябрь 1972. С. 103–105.

²⁵ Зайончковский П. А. Выдающийся учёный и реформатор русской армии // Военно-исторический журнал. № 12. Декабрь 1965. С. 32–34; см. также: Копылов В. Н. Милютин как военный деятель // Военная мысль. № 3. Март 1945. С. 60–61.

о военном образовании хоть и не без труда, но получили признание и были учтены в документах, направленных на ограниченную реорганизацию системы офицерского обучения, включая расписание Николаевской академии. Кроме того, его третье предложение учредить журнал для профессиональных военных по образцу уже существовавшего «Морского сборника» и в формате популярного либерального журнала «Современник» в конце концов воплотилось в жизнь в 1858 г. с появлением «Военного сборника». Однако даже в реформаторском климате, воцарившемся сразу же после поражения в Крымской войне, громогласные призывы Милютина к радикальным переменам в военном деле в основном оставались неслышанными, ставя его в незавидное положение пророка, опередившего своё время²⁶.

В итоге Милютин был вынужден ещё какое-то время ходить в подручных, прежде чем его взгляды стали оказывать прямое, а не только косвенное влияние. Когда Долгорукова сменил консерватор Сухозанет, Милютин некоторое время собирался подать прошение о длительном отпуске, а затем воспользовался, хотя и неохотно, неожиданной возможностью перевода на Кавказ начальником штаба Барятинского. Это, уже третье, пребывание на Кавказе с конца 1856 по середину 1860 г. дало Милютину возможность воплотить в жизнь свои прежние теории о замирении враждебных горцев и децентрализации военных действий против них. К тому моменту, когда Милютин летом 1860 г. вызвали в столицу империи, Барятинский и Милютин сумели захватить в плен прославленного бунтаря Шамиля и приступить к созданию военно-политической инфраструктуры, которая четыре года спустя способствовала успешному завершению кавказской войны²⁷. Тем временем Милютину пришлось провести ещё год в реформаторском чистилище на посту товарища военного министра Сухозанета.

Три основных принципа реформ: стабильность, децентрализация и увеличение численности

15 января 1862 г., всего лишь через 10 недель после вступления в должность военного министра, Милютин представил императору объёмный список реформаторских предложений. Программа Милютина, в значительной степени основанная на его прежнем опыте, наблюдениях и выводах, задавала

²⁶ E. Willis Brooks, «The Improbable Connection: D. A. Miljutin and N. G. Chernyshevskij, 1848–1862», *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. H. I. Bd. 37 (1989), 30–31, 34–35; John Keep, «Chernyshevskii and the 'Military Miscellany'» in Inge Auerbach, Andreas Hilgruber, and Gottfried Schramm (eds.), *Felder und Vorfelder russischer Geschichte. Studien zu Ehren von Peter Scheibert* (Freiburg, 1985), 115–117.

²⁷ Miller, Dmitrii Miliutin, 30–32.

цели и общее направление его деятельности на последующие два десятилетия. Первоочередной задачей Милютина было снижение государственных расходов с одновременным устранением разрыва между военным потенциалом России и реальной внешнеполитической ролью страны. Ещё в 1856 г. Милютин выступал за систему, которая позволила бы в мирное время сокращать численность армии до допустимого минимума, сохраняя в то же время способность её быстрого мобилизационного развёртывания в случае войны. В своём объёмном докладе императору Милютин писал, что «при настоящих же условиях положения европейских держав, когда каждый из них имеет весьма значительную постоянную армию и обеспеченные средства к развитию своих военных сил на случай войны, подобное политическое значение России может быть не иначе поддерживаемо, как соразмерною вооружённою силою, с теми же основаниями к правильному развитию её в военное время, какие для сего приняты в других державах». При этом он указывал, что в случае войны Пруссия сможет увеличить свою армию мирного времени в 3,5 раза, Австрия — в 2,2 раза, и Франция — вдвое²⁸.

Русская армия была способна на такое увеличение численного состава армии только в теории. Милютин констатировал, что на бумаге русская армия насчитывала 765 532 человек плюс резерв, позволявший в случае войны увеличить эту цифру почти вдвое. Однако Милютин называл эту способность к увеличению численности армии «мнимой», поскольку она основывалась не на суровой реальности, а на устаревших и неточных данных и штатных расписаниях. В качестве лекарства от этого и других недугов он рекомендовал провести ряд реформ в области организации, комплектования и обучения армии, совокупность которых позволила бы России перенять и использовать на свой собственный лад европейскую систему кадровой регулярной армии и массового резерва²⁹.

Помимо поддержки царя, амбициозная программа Милютина требовала для своего осуществления стабильной внешнеполитической обстановки, но Санкт-Петербург смог добиться лишь частичного успеха в своих попытках обеспечить спокойствие и выиграть время, необходимое для радикальной военной реформы. В этом отношении проводимая министром иностранных дел А. М. Горчаковым политика «*recueillement*», или сознательной самоизоляции, вполне соответствовала императивам внутренней реформы и ослабленному внешнеполитическому положению России в период, непосредственно

²⁸ См.: Столетие Военного Министерства. 1802–1902. / Под ред. Д. А. Скалона. В 13 т. и 51 кн. СПб., 1902–1913. Т. I. С. 70–183; особенно см. с. 70–71 и 73–75 и сноски. (Т. I. Исторический очерк развития военного управления в России. СПб. 1902. — *Прим. ред.*) Доклад Милютина целиком напечатан: Т. I. Приложение II. С. 70–183 (цитата на с. 73. — *Прим. ред.*).

²⁹ Там же. Т. I. Приложение II. С. 76.

последовавший за Крымской войной³⁰. Но в более долгосрочной перспективе изменения в европейском балансе сил, а также рост панславизма в России и национализма на Балканах и в Восточной Европе вновь грозили международным взрывом. Поначалу Россия дистанцировалась от Австрии, делая ставку на Францию Наполеона III, которая в целом поддерживала националистические движения на Балканах, противопоставляя их растущему влиянию Пруссии и Великобритании в восточноевропейских и ближневосточных странах. Хотя Россия закрепила за собой кое-какие позиции на Балканах, оказывая поддержку сербскому националистическому движению, возникновение в 1866 г. единого румынского государства, осуществившееся без участия России, в то время никак не соответствовало её интересам³¹.

Потерпев неудачу на Балканах, российский экспансионизм искал выхода на Дальнем Востоке и в Центральной Азии, где политика «*recueillement*» была неактуальна, поскольку вмешательство великих держав казалось маловероятным. Пекинский договор 1860 г. обеспечил России торговые привилегии в Китае, подтвердил её присутствие на Амуре и закрепил за царём право на обширные земли между реками Амуром и Уссури и Тихим океаном. Эта последняя уступка дала России возможность построить порт Владивосток. На западном участке границы русские войска в 1871 г. вторглись на китайскую территорию, на 10 лет оккупировав Кульджу и тем самым временно получив контроль над стратегически важной долиной Или и доступ к перевалам через Тянь-Шань³².

В Средней Азии, начиная с конца 1850-х гг., русские добились скорее символических, нежели реальных успехов в ходе нескольких малозначительных военных кампаний, обеспечивших сперва русское покровительство, а затем и русскую гегемонию над местными кочевыми полуварварскими племенами. В 1864 г. две русские колонны, вышедшие одна из Оренбурга, а вторая из Семипалатинска, взяли Чимкент и заняли казахские степи, тем самым вступив в прямую конфронтацию с Хивой, Бухарой и Кокандом. В июне 1865 г. предприимчивый генерал М. Г. Черняев взял Ташкент. Три года спустя генерал К. П. фон Кауфман захватил Самарканд. В 1869 г. Бухара и Коканд стали российскими протекторатами. В 1873 г. генерал фон Кауфман навязал такой же статус Хиве, а в 1876 г. Коканд был аннексирован. Не желая отставать от своих товарищей, действующих на северо-восточном направлении, русские войска, дислоцированные на Кавказе, в 1869 г. укрепились на закаспийском плац-

³⁰ Об общей обстановке см.: William C. Fuller (Jr.), «Strategy and Power in Russia, 1600–1914», (рукопись), 1990, chap. 7.

³¹ Barbara Jelavich, *St. Petersburg and Moscow: Tsarist and Soviet Foreign Policy, 1814–1974* (Bloomington, Ind., 1974), 133–36.

³² Ibid., 163–66.

дарме, откуда в 1873–1877 гг. провели серию кампаний против туркменских племён, подходя всё ближе к границам Афганистана³³.

Поскольку завоевания в Средней Азии не приносили почти никаких непосредственных практических выгод, главным их итогом стали дополнительная нагрузка на скудные военные ресурсы и обеспокоенность великих держав, особенно Великобритании, имевших интересы в этом регионе. В отличие от длительных кампаний на Кавказе и в южных степях, опыт среднеазиатских войн повлёк за собой весьма незначительные изменения в тактике и руководстве армией. Например, к удовольствию вражеских снайперов в последующих войнах, Российская армия постепенно заменила старую летнюю униформу на белые парусиновые гимнастёрки, типа тех, что хорошо послужили солдатам в жарком азиатском климате. Новые завоевания разбередили также воображение самых агрессивных из числа русских националистов, которые так и не смогли примириться с горчаковской политикой сознательной самоизоляции. Между тем Средняя Азия оставила свой отпечаток на многих служивших там офицерах. Для таких, как «ташкентский лев» генерал Черняев, превратности фронтальной войны становились индульгенцией на превышение полномочий, помогали приобрести громкую репутацию в печати, только-только избавившейся от гнёта цензуры, а временами даже давали повод поставить под сомнение мудрость петербургского начальства³⁴. Более молодые, младшие по чину, участники этих кампаний под влиянием того же фронтального опыта порой приобретали дурные военные привычки, которые так называемые «ташкентцы» впоследствии бессознательно пытались применять в сражениях с более стойкими врагами³⁵.

Вблизи границ Европейской России существовали другие очаги напряжённости, которые непрестанно налагали серьёзные требования на вооружённые силы и влекли за собой всевозможные осложнения международного характера. Хотя кавказские войны завершились в 1864 г., русская администрация в Тифлисе работала в условиях неустойчивого мира, требовавшего размещения войск в ключевых областях, особенно тех, что были уязвимы для турецкого влияния и нападений. В 1863 г. разразилось восстание в Поль-

³³ *Richard A. Pierce, Russian Central Asia 1867–1914 (Berkeley, Calif., 1960), 17–45.*

³⁴ См., например: *David MacKenzie, The Lion of Tashkent: The Career of M. G. Cherniaev (Athens, Ga., 1974), 99–104.*

³⁵ Согласно М. И. Драгомирову, Средняя Азия представляла собой «колоссальную фабрику выскочек», воспроизводящих карьеру «ташкентцев», то есть офицеров, чьи «боевые навыки загублены опытом мелких экспедиций... в которых противника нельзя назвать грозным врагом [и] в которых тактика имеет второстепенное значение по сравнению с организацией снабжения, санитарной службой и войсковой гигиеной...» (Цит. в обратном переводе с английского. — *Прим. ред.*) См.: *Carl Van Dyke, «Russia's Military Professionals: The Development of a Unified Military Doctrine at the Nicholas Academy of the General Staff, 1832–1914», рукопись, 1990, 140.*

ше, вызванное давними обидами, ростом националистических настроений и неуклюжими попытками российских властей провести рекрутский набор среди непокорного населения³⁶. Хотя русской армии удалось быстро подавить мятеж, поддержка, оказываемая Францией польским националистам, привела к значительному охлаждению между Санкт-Петербургом и Парижем. С другой стороны, потеплели отношения с Берлином, которые, однако, достались России дорогой ценой: она обязалась сохранять нейтралитет во время войн за объединение Германии. В 1873 г., даже после того, как франко-прусская война продемонстрировала всю реальность военной угрозы со стороны Германии, объединившейся под эгидой Пруссии, Санкт-Петербург совместно с Берлином и Веной создал «Союз трёх императоров», тем самым выиграв дополнительное время для милютинских реформ³⁷.

Совокупное воздействие изменившихся внешних и внутренних обстоятельств сначала потребовало некоторого увеличения численности российской армии, затем способствовало незначительному её сокращению и, наконец, послужило основанием для новых призывов к реформам и к увеличению численного состава армии. А это в конечном счёте привело к созданию массовой кадровой армии и резерва. Одновременные военные операции в Центральной Азии, на Кавказе и в Польше помешали резкому сокращению численности действующей армии, предусмотренному в плане Милютина. Позднее такое сокращение всё-таки произошло, но уже на фоне возрастающей озабоченности, вызванной ростом военного потенциала Пруссии, который проявился в её молниеносной победе 1866 г. над Австрией. В результате событий 1870–1871 гг. эта озабоченность переросла в настоящую тревогу, которая нашла выражение в пересмотре оценки угроз, а также в программе, ещё раз подтвердившей и углубившей решимость царя провести военную реформу и увеличить численность армии в пределах, заданных финансовыми и людскими ресурсами.

В течение всего периода реформ обстановка внутри страны открывала широкие возможности для этого процесса, но одновременно и налагала свои ограничения. В первую очередь это касалось всеобщей воинской повинности. Освобождение крестьян в 1861 г. теоретически сделало возможным массовый призыв, однако в первые годы работы Милютина в качестве главы Военного министерства всеобщая воинская повинность оставалась идеей, опережавшей своё время. Соблюдение традиционных интересов дворянства, а также исключительная сложность задачи ставили на пути реформатора непреодолимые препятствия. Вследствие этого Милютину пришлось ограничить-

³⁶ См.: Керсновский А. А. История русской армии. Ч. 2. Белград, 1934. С. 411–414. (По изд.: М., 1993. Т. 2. С. 196–199. — Прим. ред.)

³⁷ Jelawich, St. Petersburg and Moscow, 159.

ся осуществлением таких мер, как расширение масштабов традиционного рекрутского набора, увольнение в отпуск обученных кадров, сокращение «не боевой» части армии, т. е. нестроевиков, числившихся на действительной службе, и изменения в структуре резервных частей, превращавшие их в реальные механизмы обучения и источники живой силы для регулярной армии, которая по-прежнему была способна лишь на очень ограниченное развёртывание в военное время. Одновременно Милютин старался по мере возможности заручиться поддержкой для осуществления своего плана по внедрению всеобщей воинской повинности. Однако для проведения этого плана в жизнь потребовалось более десяти лет³⁸.

Кадровая армия и резерв представляли собой важные аспекты общего плана реформ, который предусматривал развитие обновлённой вспомогательной и административной структуры с целью устранения расточительности, коррумпированности и неэффективности старой системы. До 1862 г. вооружённые силы строились на основе армий и корпусов, дислоцированных в соответствии с основными организационными и военными требованиями как мирного, так и военного времени. Как отмечал Джон Эриксон, эти единицы, в особенности 1-я (полевая) и Кавказская армии, «тащили на себе снабжение подобно тому, как улитка тащит на своей спине раковину», и подчинялись не Военному министерству, а непосредственно царю³⁹.

На основе своего опыта, полученного на Кавказе, где фельдмаршал князь Барятинский создал военные округа как ключевые единицы для эффективного управления войсками, Милютин предложил создать целый ряд военных округов и водрузить на их плечи основную тяжесть вспомогательной и административной ноши. Он начал с того, что в 1862 г. отменил отсталую корпусную организацию мирного времени и поделил 1-ю армию на три округа (Варшавский, Виленский и Киевский), к которым добавил четвёртый, Одесский, образованный из V корпуса и Сводного кавалерийского корпуса. В 1864 г. царь объявил создание военных округов по всей России, и к четырём уже существующим добавилось ещё шесть. С созданием ещё четырёх округов в 1865 г. их общее число достигло четырнадцати⁴⁰. Два десятилетия спустя итогом среднеазиатских завоеваний стал пятнадцатый, Туркестанский округ. Эта сеть военных округов, подвергаясь незначительным изменениям, более столетия служила оборонному механизму и Российской империи, и Советского Союза.

³⁸ Miller, Dmitrii Miliutin, 184–185.

³⁹ Erickson, *The Russian Imperial / Soviet General Staff*, 6.

⁴⁰ [Милютин Д. А.] «Военные реформы Императора Александра II» // Вестник Европы. Т. 17. № 1. Январь 1882. С. 21–32.

Военные округа воплощали в себе милютинскую концепцию рациональной децентрализации, призванной повысить эффективность вооружённых сил и облегчить переход армии от мирного времени к военному. Каждый округ напоминал миниатюрную версию усовершенствованного Военного министерства. В рамках округов базовой тактической единицей армии взамен корпуса стала дивизия. Во главе округа стоял командующий, который осуществлял общее руководство через окружной совет, а военное руководство — через штаб округа. В состав окружного совета входили ключевые представители «второстепенных», в том числе снабженческих, организаций, которые координировали свою работу с соответствующими подразделениями Военного министерства под контролем командующего округом и начальника его штаба. В военное время руководящий аппарат округа в теории мог быть быстро преобразован в штаб действующей армии. Внося последние штрихи в эту систему, Милютин в 1874 г. создал административную инфраструктуру, состоявшую из воинских начальников на губернском и уездном уровнях. В их обязанности входило содействие содержанию резервных частей, обеспечение непрерывности притока рекрутов в армию и проведение единообразной практики на региональном и местном уровнях в соответствии с воинским уставом империи⁴¹.

Реорганизация Военного министерства и создание Главного штаба

Следующим этапом в преобразовании военного управления стала реорганизация самого Военного министерства. До 1862 г. в его состав входили канцелярия военного министра, девять департаментов и прочие службы, штабы и учреждения, как правило, создававшиеся случайным образом, без каких-либо попыток координации, рационализации и единства управления. Начальники некоторых департаментов подчинялись непосредственно царю, в то время как работа других без всякой нужды тормозилась в лабиринте подотделов, делавших общую организационную структуру негибкой и препятствовавших её здоровому развитию. Желая избавиться от этого раздутого и неэффективного аппарата, Милютин в 1862–1869 гг. предпринял серию организационных реформ, которые привели к постепенному преобразованию министерства. После ряда проб и ошибок министерство приобрело упрощённую и консолидированную структуру, состоявшую из 5 основных подразде-

⁴¹ Erickson, *The Russian Imperial / Soviet General Staff*, 7; см. также: Редигер А. Учебные записки по военной администрации. СПб., 1888. С. 438; Керсновский А. А. История русской армии. Ч. 2. С. 398–399. (По изд.: М., 1993. Т. 2. С. 180–181. — Прим. ред.)

лений (Императорской главной квартиры, военного совета, главного военного суда, канцелярии Военного министерства и Главного штаба), 7 главных управлений (интендантского, артиллерийского, инженерного, военно-медицинского, военно-учебных заведений, военного судопроизводства и управления иррегулярных войск) и нескольких вспомогательных инспекторов и главных комитетов⁴². Все отделы и управления подчинялись военному министру, который являлся неоспоримым главным военным советником царя, обладавшим колоссальным авторитетом во всех военных вопросах. Действие реформы трудно переоценить: упростилась управленческая структура, были чётко определены роли и обязанности, штатная численность министерства снизилась до 1 000 человек, а загруженность административной работой — на 45%⁴³.

Положительные результаты были налицо, но общее развитие событий не вполне удовлетворяло всех заинтересованных лиц, включая фельдмаршала князя Барятинского, который усматривал в успехах своего протеже крушение собственных надежд на реорганизацию министерских и штабных функций по альтернативной, прусской модели. Прусская система предусматривала передачу оперативного планирования и управления армией в независимый и крайне централизованный генеральный штаб, начальник которого подчинялся бы непосредственно государю. При этом военный министр становился бы лишь номинальной главой администрации, а роль его ведомства свелась бы к выполнению инфраструктурных и хозяйственных задач, обеспечивающих функционирование имперской военной машины во главе с генеральным штабом. Целью Барятинского, естественно, было отодвинуть Милютину в сторону и самому определять военное будущее России, встав во главе обновлённого генерального штаба⁴⁴, — вполне естественное стремление для чиновника, который в качестве наместника на Кавказе обладал непосредственным доступом к царю и объединял в своём лице громадную гражданскую и военную власть. Однако ловкие манёвры самого Милютина, сумевшего на протяжении всех 1860-х гг. не утратить милости царя, оказались достаточной контрмерой против этого почти неприкрытого вызова его собственному авторитету и положению.

В ретроспективе представляется, что конфликт Милютина с Барятинским имел весьма серьёзные последствия для армии, не сводясь к простому противоборству воли двух деятелей, стремившихся к управлению военной

⁴² Столетие Военного Министерства... Т. I. С. 483–485.

⁴³ [Милютин Д. А.] Военные реформы Императора Александра II... С. 18; Peter Von Wahlde, «Russian Military Reform: 1862–1874», *Military Review*, 39, no 10 (January 1960), 63–64.

⁴⁴ О противостоянии Барятинского и Милютина см.: Зайончковский П. Военные реформы... С. 126–127.

машиной. Вероятно, в тот момент ни тот, ни другой не осознавал — или, может быть, осознавал лишь смутно, — что развитие идеи генерального штаба достигло критической точки. Хотя в России термин «генеральный штаб» вошёл в употребление не позднее 1763 г., чёткое определение этого понятия отсутствовало даже в милютинское время. Так, в официальных указах конца 1850-х гг. отмечалось, что этот термин применим в трёх ситуациях: он может относиться к вспомогательным штабным органам на дивизионном уровне и выше, к сфере военно-научной деятельности, связанной с подготовкой к войне и с её ведением, и к уровню юрисдикционной компетенции в рамках Военного министерства по делам, требующим либо особого надзора, либо высшего военного образования. Офицеры, выполнявшие эти функции и обязанности в Военном министерстве или при армии, проходили по ведомостям как офицеры генерального штаба⁴⁵.

Опять же в ретроспективе, различные аспекты всех трёх вышеупомянутых категорий попадали в сферу ответственности зарождающегося «головного штаба»; этим термином историк Даллас Ирвин описывал центральный военный орган, оказывающий верховному командованию помощь в управлении армией и в административном контроле над нею, а также в творческом формулировании и выполнении директив, поступающих с более высоких уровней. Собственно, прообразы «главного» штаба (наиболее ярким примером которых служит прусский Генеральный штаб Хельмута фон Мольтке), действуя поверх исторических и функциональных связей, выполняли в первую очередь две задачи: систематический сбор информации, полезной для вероятных военных действий в будущем, и интеллектуальную подготовку к проведению таких операций либо через развитие навыков, помогающих справиться со случайностями, либо через разработку конкретных военных планов, либо через то и другое⁴⁶. Если эта деятельность сочетается с оперативными полномочиями в рамках единого органа или если глава этого органа получает роль непосредственного военного советника при главе государства, то мы получаем нечто вроде прусского Генерального штаба.

Однако в русских условиях не существовало ни когнитивных, ни политических оснований для такого уклона. Хотя Милютин и многие из его современников понимали, что реорганизация армии и перевооружение осложнили ведение войны, они, очевидно, не видели особой необходимости в принятии каких-либо мер, за исключением внесения поправок в свои принципиальные представления о преобразовании министерства и центральных

⁴⁵ Кастарадзе А. Г. Из истории русского генерального штаба (1909 — июль 1914 г.) // Военно-исторический журнал. № 12. Декабрь 1971. С. 75–76.

⁴⁶ Dallas D. Irvine, «The Origin of Capital Staffs», *Journal of Modern History*, 10, no 2 (June 1938), 162, 165.

штабных органов. Возможно, никто лучше Милютина не понимал, что современная война требует и систематического сбора военно-географической информации, и необходимости подготовки штабных офицеров-специалистов, призванных оказывать помощь командирам в действующей армии и знакомых с военной картографией. Тем не менее в тогдашних российских обстоятельствах требования современной войны ещё не породили импульса к созданию всемогущего центрального штаба, занятого подготовкой конкретных военных планов. Время, необходимое для сосредоточения войск после объявления войны, было ещё слишком длительно и не допускало возможности точного планирования, а варианты вражеских действий в течение того же интервала — слишком многочисленными, чтобы давать сколько-нибудь надёжные прогнозы. Соответственно, генеральные оперативные планы могли существовать, но носили лишь гипотетический характер, в то время как более точные планы удавалось разработать лишь для отдельно взятых театров военных действий⁴⁷. За несколькими исключениями, эта ситуация сохранялась в России вплоть до 1880-х гг.

Одновременно с тем неравномерный темп технической модернизации задавал и различную степень потребности в развитии структур головного штаба. В Пруссии ускоренное создание железнодорожной сети, позволившее учитывать скорость сосредоточения войск и проводить последнее в соответствии с точными расписаниями, внесло разительные поправки в расчёты и составление мобилизационных планов и подхлестнуло формирование головного штаба в его окончательном виде — как раз в то время, когда Милютин и Барятинский дискутировали о достоинствах прусской системы. В России, где железнодорожное строительство шло не столь быстрыми темпами, такого непосредственного импульса к созданию централизованного штаба, выполняющего задачи планирования, не имелось. И пока последствия объединения Германии не проявились со всей очевидностью, русские вполне довольствовались рационализацией и постепенной модификацией штабных процедур и штабной организации.

Поскольку твёрдого теоретического обоснования для планов Барятинского по устройству генерального штаба не имелось, то на практике ставка Милютина на бюрократические prerogatives Военного министерства одержала верх над личными предпочтениями наместника. С точки зрения Милютина, функции генерального штаба лучше было оставить в рамках Военного министерства, организованного по французскому образцу, тем самым сохранив единый контроль не только над инфраструктурой, но и над процессом рудиментарной подготовки и планирования. Именно на этом фоне состоялся де-

⁴⁷ Ibid., 177.

бют Российского императорского Главного штаба — несовершенной версии идеального Генерального штаба.

Создание непосредственного предшественника Главного штаба восходит к 1863 г., когда Милютин преобразовал Департамент Генерального штаба в Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) во главе с генерал-квартирмейстером, который сам подчинялся Главной квартире Его Императорского Величества — штабу командования в его традиционном варианте, который не следует путать с позднейшим Главным штабом. Новый ГУГШ сохранял контроль над Николаевской академией, которая в 1855 г. была переименована в Николаевскую академию Генерального штаба, и над военнотопографическим депо. Общую координацию осуществлял Совестьательный комитет, который проводил специальные расследования и был уполномочен осуществлять широкий надзор за подготовкой офицеров Генерального штаба. Различные отделения в рамках ГУГШ по-прежнему отвечали за статистику, координацию транспортных мощностей, учебную работу, военно-исторические исследования, изучение потенциальных театров военных действий, подготовку предложений по размещению войск и сбор разведывательной информации⁴⁸.

Почти три года спустя циклический характер процесса реформ продиктовал дальнейшие изменения. Создание военных округов продемонстрировало разумность сочетания в рамках окружных штабов тесно связанных между собой функций, а именно квартирмейстерских (оперативных) и распределения воинских частей для развёртывания. Здравый смысл и личный опыт Милютина подсказывали также, что это приведёт к расширению горизонтов и конструктивному сотрудничеству, которые в свою очередь помогут преодолеть традиционное непонимание между строевыми офицерами и офицерами Генерального штаба, занимающими соответствующие штабные должности как в центре, так и в округах. К концу 1865 г. логика сочетания аналогичных функциональных обязанностей и диверсификации рабочего опыта на высшем уровне привела к созданию Главного штаба, образованного слиянием ГУГШ с инспекторским департаментом Военного министерства. Так Милютин решил общую задачу передачи в ведение единой организации по французскому образцу как оперативных функций генерал-квартирмейстера, так и функций развёртывания войск, находившихся в ведении инспекторского департамента. Эти нововведения уменьшили к тому же неразбериху, приведя к единому стандарту функциональные сферы компетенции как в Главном

⁴⁸ David R. Jones, «Administrative System and Policy-Making Process, Central Military (Before 1917)» in *The Military-Naval Encyclopedia of Russia and the Soviet Union*, II, 112. (До 1855 г. академия называлась: Императорская военная академия. — Прим. ред.)

штабе, так и в аналогичных штабах на уровнях округов, армий и корпусов военного времени⁴⁹.

Негативная сторона реформы состояла в том, что Милютин создал в рамках Военного министерства вторую и быстро растущую империю, многообразные и сильно фрагментированные требования которой препятствовали созданию необходимой связи между стратегией и мобилизацией. Новый Главный штаб обладал широкими военно-административными полномочиями; под его юрисдикцией находились, в частности, статистическая информация, персонал и укомплектование, а также вопросы, связанные со структурой, дислоцированием и службой войск. Согласно организационному расписанию 1869 г., при Главном штабе состояли следующие структуры: военно-топографический отдел, комитет по передвижению войск «железными дорогами и водою», Военно-учёный комитет, Николаевская академия Генерального штаба и корпуса — офицеров Генерального штаба (144 генерала, 242 старших офицера и 109 младших офицеров), военных топографов и фельдъегерский. Лишь в 1875 г. в структуру Главного штаба был с заповеданием добавлен Комитет для подготовки данных к мобилизации войск⁵⁰. При этом состоящий при Главном штабе корпус офицеров Генерального штаба, не имея достаточных полномочий и ресурсов, всего-навсего служил резервом превосходно обученных и талантливых кадров для Военного министерства⁵¹.

Такая организация привела к рассредоточению деятельности и распыленности целей. Поскольку начальник Главного штаба одновременно возглавлял и Генеральный штаб, его административные обязанности были слишком обширны для того, чтобы целиком взять в свои руки сложные процессы сбора информации и планирования. В то же время этой работой по-прежнему занималось слишком много лиц и учреждений, что никак не способствовало реальной штабной интеграции и экономии усилий. Не случайно в 1870-е гг. зачаточные варианты первых российских военных планов разрабатывались не коллективным «мозгом армии», а мозгом одного индивидуума, Николая Николаевича Обручева, талантливого, но не пользовавшегося доверием правительства протеже Милютина. Обручев сменил своего наставника в роли преподавателя Академии Генерального штаба и служил заместителем редактора «Военного сборника», а затем в начале 1860-х гг. совершенно неожидан-

⁴⁹ [Милютин Д. А.] Военные реформы Императора Александра II... С. 13–14; Зайончковский П. Военные реформы... С. 100.

⁵⁰ Столетие Военного Министерства. Т. I. С. 484, 486; см. также: Great Britain War Office, *The Armed Strength of Russia* (London, 1873 ed.), 86–87.

⁵¹ См., например: М. Г. Устройство и служба генерального штаба // Военный сборник. Т. 92. № 7. Июль 1873. С. 87. (Это первая статья — с. 85–114, продолжение было в др. номерах. — Прим. ред.)

но был уличён в связях с революционной организацией «Земля и воля». Тучи над его головой ещё сильнее сгустились в 1863 г., когда Обручев отказался участвовать в подавлении польского восстания, и спасти его карьеру стоило большого труда и, возможно, при вмешательстве самого Милютина. К 1867 г. Обручев в достаточной степени восстановил свою репутацию для того, чтобы стать начальником Военно-учёного комитета⁵².

Полевое управление и дилеммы мобилизации

Болезни роста на личном и институциональном уровнях отражали не только политическую обстановку, но и трудность планирования и осуществления сложного перехода от мирного времени к возможной будущей войне. В число других острых инфраструктурных проблем входили полевое управление войсками и хронические недочёты в мобилизационном процессе. Отказ в мирное время от структуры дислоцирования, основанной на боевых порядках, требовал умения создавать в военное время командные и штабные инстанции на более высоком уровне, нежели дивизионный. В 1868 г., после более пяти лет размышлений и проб, Милютин предложил своё решение задачи — новое «Положение о полевом управлении войск в военное время». В нём расписывался командный и штабной состав полевой армии и входящих в неё корпусов и определялись соответствующие должностные обязанности. Полевое управление войсками включало в себя четыре «главных отдела» (полевой штаб и отдельные управления — интендантское, артиллерийское и инженерное) и шесть «второстепенных» структур (комендантское управление, инспектор госпиталей, полевое военно-медицинское управление, инспектор военных сообщений, полевое почтовое управление и главный священник армии). «Главные» органы подчинялись непосредственно главнокомандующему, который являлся полномочным представителем царя, — его приказы имели силу законов, подписанных императором. За шесть «второстепенных» функциональных сфер отвечал начальник штаба полевой армии, выполнявший роль непосредственного помощника главнокомандующего по всем вопросам, относящимся к полевому управлению. Одновременно на помощника начальника штаба возлагались квартирмейстерские обязанности и ответственность за дислоцирование. В состав полевого штаба также входили военно-топографический отдел и офицер, занимающийся сбором развединформации. Аналогичная, но упрощённая версия той же схемы полевого управления ис-

⁵² Барбасов А. Русский военный деятель Н. Н. Обручев // Военно-исторический журнал. № 8. Август 1973. С. 101–102; *Keep, Soldiers of the Tsar*, 358, 362.

пользовалась на уровне корпусов в составе полевой армии и в отдельных корпусах⁵³.

Хотя Положение 1868 г. представляло собой явный шаг вперёд по сравнению с аналогичным документом 1846 г., решение одной группы проблем влекло за собой появление других. Барятинский, который к тому времени стал главным оппонентом Милютина, не замедлил указать на то, что сама суть новой схемы полевого управления предоставляет Военному министерству и его чиновникам широчайшие возможности для того, чтобы вмешиваться в вопросы, прежде находившиеся в юрисдикции армейских командиров. Прозрачно намекая на Милютина, Барятинский заявлял, что «тот, кто сам не командовал полком, не в состоянии постичь величие нашей армии или понять, что значит командовать ею»⁵⁴. Ещё хуже, когда во главе полевой армии оказывался член царской семьи или даже сам царь, так как в этом случае мог встать вопрос о том, у кого реально находится власть — у бюрократического аппарата или у командующего.

В то же время непреднамеренным последствием милютинской схемы оказалась чрезмерная загруженность командующего и начальника его штаба бумажной работой и административными обязанностями, отвлекавшими их от выполнения основной задачи — ведения операций⁵⁵. Другим важным недостатком, которого не заметили ни Барятинский, ни другие критики, была слабая связь между воюющим фронтом и снабжающим тылом. Хотя реорганизация предусматривала упрощение управленческих и логистических структур и процедур, её авторы не сумели подробно разработать взаимоотношения между полевыми штабами и соответствующими им (и более мощными) элементами в окружных штабах, которые в конечном счёте обеспечивали поддержку и снабжение полевых формирований. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. выявила этот недочёт во всей очевидности, но Милютин, по крайней мере, какое-то время мог рассчитывать на поддержку царя, парируя менее существенные критические выпады в адрес новой системы полевого управления⁵⁶.

Куда более злободневными и серьёзными оказались недостатки, присущие мобилизационному процессу. Главным образом благодаря улучшениям в административной сфере к моменту польского восстания 1863 г., вся русская армия могла быть полностью переведена на штаты военного време-

⁵³ Фёдоров А. В. Русская армия в 50–70-х годах XIX века. Л., 1959. С. 130; Столетие Военного Министерства... Т. I. С. 550–554.

⁵⁴ Цит. (в обратном переводе с английского. — *Прим. перев.*) по: Baumann, The Debates over Universal Military Service, 10.

⁵⁵ Керсновский А. А. История русской армии. Ч. 2. С. 402. (По изд., М. 1993. Том 2. С. 185. — *Прим. ред.*)

⁵⁶ Столетие Военного Министерства... Т. I. С. 561–562.

ни всего за два с половиной месяца — огромное достижение по сравнению с жалкими возможностями Сухозанета в 1859 году. К 1867 г. дополнительные нововведения позволили сократить период, требовавшийся для мобилизации в Киевском военном округе, до 25 дней, а в Кавказском военном округе (где он имел самую большую продолжительность) — до 111 дней. В 1872 г. соответствующий минимальный срок составлял всего лишь 9 дней, а максимальный — 39 дней⁵⁷.

Эти во всех отношениях серьёзные достижения омрачались пониманием того, что потенциальные противники России достигли ещё более впечатляющих успехов не только в своих мобилизационных возможностях, но также — благодаря железным дорогам — в способности сосредотачивать мобилизованные войска для проведения полевых операций. Н. Н. Обручев, сменивший Милютина в Николаевской академии, в течение всех 1860-х гг. активно агитировал в печати за строительство в России стратегических железнодорожных магистралей, но его призывы по большей части оставались без внимания. К 1870 г. возможности, созданные железнодорожными перевозками, как и решительный дебют Германии, объединённой под эгидой Пруссии на центральноевропейской сцене, неожиданно породили новую угрозу, слишком серьёзную, чтобы Россия могла её игнорировать. В самый разгар Франко-прусской войны Обручев, обдумывая уроки, извлечённые из мобилизационных возможностей крупных европейских держав, пришёл к выводу, что «...наша армия едва ли может быть признана вполне достаточной для обороны и едва ли ещё не менее для наступления»⁵⁸.

Русская армия столкнулась с кризисом скорости и массовости, а просто-го решения этой проблемы не предвиделось. В начале 1873 г. генерал-майор Обручев представил Милютину специальную записку «Соображения об обороне России», в которой достаточно подробно рассматривались последствия изменений на европейской военной сцене и их значение для России. Анализ Обручева заслуживает внимания в силу двух причин: во-первых, в нём ясно и сжато излагалось то, о чем говорилось во множестве отдельных исследований ещё с 1870 г., а во-вторых, он представлял собой своего рода военный план — не подробный экскурс, характерный для прусского Генерального штаба, а общий обзор доступных для России вариантов в случае войны с Германией, Австро-Венгрией или с обеими державами сразу⁵⁹.

Обручев приходит к очень тревожным выводам. Он превосходно понимал, что в будущей войне на западе Россию вполне может ожидать столк-

⁵⁷ Зайончковский П. Военные реформы... С. 281.

⁵⁸ Цит. по: Зайончковский П. Военные реформы... С. 258.

⁵⁹ См.: Fuller (Jr.), *Strategy and Power in Russia, 1600–1914*, chap. 7; анализ Обручева вкратце излагается в: Зайончковский П. Военные реформы... С. 280–288.

новение не с одним противником, а с коалицией, включающей и Германию, и Австро-Венгрию. Что ещё хуже, в случае полномасштабной военной мобилизации армия каждой из этих держав наверняка будет обладать численным превосходством над русской армией, особенно если принимать в расчёт обученные резервы. Наконец, Россия стоит перед фактом отставания в мобилизационном процессе, вызванного как её обширными пространствами, так и неспособностью вести строительство стратегических железных дорог теми же темпами, что Германия и Австро-Венгрия. Согласно Обручеву, русской армии потребуются для мобилизации и сосредоточения от 54 до 58 дней, в то время как у Германии на это уйдёт от 20 до 23 дней. Чтобы выставить войска против Австро-Венгрии, России понадобится уже от 63 до 70 дней, а австрийцы сделают то же самое за 30–33 дня. При отсутствии полной военной мобилизации русские могут рассчитывать на недолговременное численное превосходство лишь в том случае, если сумеют вовремя сосредоточить основную часть своей регулярной армии мирного времени на одном-единственном театре военных действий⁶⁰.

Перечислив другие слабые места, включая недостаточную инженерную подготовку и неадекватное распределение лошадей, Обручев делает вывод, что в случае войны на западе русская армия сможет удержаться на Висле, где будет вынуждена вести оборонительные действия, прежде чем перейти в наступление либо против Германии, либо против Австро-Венгрии. При этом план Обручева оказывался выполнимым лишь в том случае, если будут приняты меры по усилению оборонительных сооружений между Вислой и реками Нарев и Буг. Более того, России придётся строить дополнительные стратегические железнодорожные магистрали для обслуживания этих оборонительных рубежей, одновременно увеличивая свою армию и размещая войска так, чтобы защитить уязвимые фланги укрепленного района в центральной Польше. Выполнение этих мер потребует дополнительных расходов не менее чем в 40 млн рублей на сооружение крепостей, строительство почти 7 000 км железных дорог и создание армии в 820–840 пехотных батальонов вместо тех 516, что имелись в Европейской России⁶¹.

В основе соображений Обручева лежала модифицированная схема дислоцирования войск, которая, в зависимости от точки зрения, могла внушить либо благодушие, либо тревогу. Прежде в обороне своих западных рубежей Россия полагалась на устаревшую и неполноценную сеть крепостей, которые подкреплялись силами прикрытия, находящимися в разной степени боеготовности и размещёнными дальше от границы, вдоль основных пу-

⁶⁰ Зайончковский П. Военные реформы... С. 282–283.

⁶¹ Там же. С. 285–287.

тей, ведущих в глубь страны. Теперь же точный расчёт времени, расстояния и численности позволил Обручеву рекомендовать сосредоточение большего числа регулярных сил на территории Царства Польского, что требовало иного размещения армии в мирное время, дополнительных инженерных приготовлений и существенного изменения расписаний по проведению мобилизации и присылке подкреплений. Лишь путём создания более сильного заслона на границе русские могли надеяться выиграть время для того, чтобы расстроить наступление потенциальных противников и прикрыть свой собственный громоздкий мобилизационный процесс. В то же время именно эти шаги могли усилить подозрения в Берлине и Вене, поскольку военные планировщики этих стран весьма логично сочли бы усиленную концентрацию русских войск на границе за угрозу. Кроме того, для Санкт-Петербурга фатальным могло оказаться то, что будущие военные планировщики столкнулись бы с искушением рассматривать приграничное расположение войск как трамплин для стремительных наступательных операций либо против Германии, либо против Австро-Венгрии, либо против обеих стран в том случае, если готовность пойти на рассчитанный риск взяла бы верх над благоразумием и осторожностью. Наконец, размещение значительных сил в Польше и на соседних территориях создавало ситуацию, которая диктовала свою собственную логику по поддержке и защите этой части русских вооружённых сил, неожиданно оказавшихся в более уязвимой позиции. Таким образом, Обручев заложил основы весьма неоднозначного наследия: с одной стороны, его проект впоследствии привёл к значительным искажениям в схемах мобилизации и дислоцирования, одновременно нагнетая подозрения и создавая потенциально обманчивые возможности; с другой стороны, общая направленность планов при жизни Обручева сохраняла отчётливо оборонительный характер⁶².

От кризиса к призыву: милютинская система в действии

Предложение Обручева о дополнительном размещении 300 батальонов в Европейской России безнадежно расходилось с реалиями российской армейской структуры и наличием обученного воинского резерва. Несмотря на все усилия Милютин, предпринимавшиеся ещё с 1861 г., рудиментарная российская система кадров и резервов в 1872 г. была способна выставить в случае мобилизации всего 1 358 тыс. человек — цифра, более чем на полмиллиона не дотягивавшая до требований самого Военного министерства.

⁶² Об общей обстановке см.: *Зайончковский А. М.* Подготовка России к империалистической войне. М., 1926. С. 29–31.

Ещё осенью 1870 г. Милютин в который раз призывал к введению всеобщей воинской повинности, что обеспечило бы России паритет с западом хотя бы в отношении численности армии. В ответ на это царь создал два совещательных органа — Организационную комиссию и Комиссию по срокам службы, которые были призваны изучить тесно взаимосвязанные проблемы воинской повинности и армейской организации. Хотя обе комиссии закончили свою работу к лету 1872 г., перспектива всеобщей воинской повинности вызвала в обществе бурные дебаты, причём либеральная пресса либо занимала амбивалентную позицию, либо поддерживала Милютину, а консервативная печать выражала большее или меньшее неодобрение⁶³. Желая сохранить инициативу и не упустить момента, Милютин летом 1872 г. настойчиво уговаривал царя провести более тщательное изучение военных нужд России.

Царь уступил, создав в начале 1873 г. закрытое Особое совещание, однако содержание и тон дискуссий неожиданно, хотя и ненадолго, поставили всю программу милютинских реформ под угрозу. На совещании, проходившем 28 февраля — 31 марта 1873 г., право голоса получили не только глава Военного министерства, министры флота, иностранных дел и финансов, но и несколько высокопоставленных лиц, выражавших откровенную враждебность по отношению к милютинскому плану реформ — в первую очередь фельд-маршал князь Барятинский и влиятельный граф П. А. Шувалов, отвечавший за безопасность императора. Потенциальными оппозиционерами являлись и другие участники совещания, включая наследника престола Александра Александровича, который симпатизировал Барятинскому, и великих князей Михаила Николаевича и Николая Николаевича. Работа совещания началась достаточно гладко: Милютин огласил повестку дня, а председательствовал сам царь. Военный министр открыл дискуссии обзором развития российского военного дела в европейском контексте со времени Крымской войны. Он перечислил достижения своих реформ, обрисовал текущие угрозы в выражениях, в основном почерпнутых из обмученных «Соображений об обороне России», и в заключение подчеркнул, что дальнейшее обеспечение безопасности России потребует дополнительных ресурсов.

Никто из присутствующих не оспаривал произведённой Милутиным оценки угроз. Однако, когда речь зашла об организации армии, качестве её состава, а также о финансовой стороне дела, дискуссия приняла ожесточённый характер. Критики сравнивали милютинскую систему с прусской — и не в пользу первой. Барятинский обвинял Милутина в том, что реформы военного министра привели не только к бюрократизации армии, но и к повышению расходов и растратам. Министр финансов граф М. Х. Рейтерн вы-

⁶³ Miller, Dmitrii Miliutin, 196–200.

ступил с докладом о том, что дополнительные военные расходы поставят под угрозу финансовую безопасность государства⁶⁴. Среди бури голосов, выражавших аналогичные мнения, Милютин либо хранил каменное молчание, либо переходил в агрессивную контратаку, опираясь на факты и статистику. Царь же пытался утихомирить страсти, призывая к компромиссу и дополнительному изучению вопроса, и в конце концов назначил особую комиссию для изучения вопроса о том, как сократить военные расходы. К ярости и отчаянию Милютин, во главе этой комиссии царь поставил Барятинского, ясно давая понять, что результаты работы комиссии могут стать оправданием для отмены значительной части того, что Милютину удалось сделать за предыдущие двенадцать лет⁶⁵. Человек, который, по словам Милютин, «не знал, счёта денег, даже в собственном кармане», был неожиданно призван судить об обоснованности 160-млн бюджета Военного министерства⁶⁶.

Большинство опасений военного министра в конце концов оказались беспочвенными. Несмотря на влияние оппозиции и остро критическую по отношению к Милютину направленность дебатов, царь в конечном счёте принял сторону реформатора, признав здравость милютинской программы в её основных чертах и ещё раз дав понять, что он поддерживает идею о всеобщей воинской повинности. Так как Барятинский страдал подагрой, итоги работы его комиссии были опубликованы лишь в середине 1873 г. Когда этот доклад с содержащейся в нём едкой критикой наконец появился на свет, Милютин, опираясь на информацию, собранную за это время Главным штабом, смог опровергнуть поверхностный анализ своих противников и даже со злорадством отметил в своём дневнике их некомпетентность⁶⁷. Итак, оппозиция была интеллектуально дискредитирована, Барятинский из-за болезни всё сильнее отходил на вторые роли, и результатом дискуссий начала 1873 г. стало укрепление позиции Милютин и получение им нового мандата на борьбу за всеобщую воинскую повинность.

Но это не означает, что Милютин вышел из схватки без единой царапины. Совещание внесло ряд изменений в основы армейской структуры, включая как возрождение в западных военных округах командных инстанций на корпусном и бригадном уровнях, так и перекройку полковой организации: отныне полки получили по четыре батальона, хотя и по уменьшенным штатам мирного времени. Кроме того, совещание утвердило ряд мер по созданию реальных резервных сил, которые подразделялись на разные категории и фор-

⁶⁴ Финансовая аргументация резюмируется в: *Dietrich Beyrau*, *Militär und Gesellschaft im vorrevolutionären Russland* (Cologne, 1984), 303–304.

⁶⁵ *Baumann*, *The Debates over Universal Military Service*, 211.

⁶⁶ Цит. по: *Федоров А. В.* Русская армия... С. 213 (сноска).

⁶⁷ *Miller*, *Dmitrii Miliutin*, 218.

мирования, пригодные для различных целей, в том числе для немедленного включения в действующую армию, для тылового обеспечения, для пополнения на случай боевых потерь, а также для создания новых частей с нуля в случае всеобщей мобилизации. Однако новые корпусные структуры оставались в подчинении у командующих военными округами, а изменения в организации резерва и регулярной армии по большей части соответствовали либо прежним предложениям Милютина, либо недавним рекомендациям Организационной комиссии. И всё же, несмотря на ряд тяжёлых минут, пережитых Милютиным, его программа реформ вышла почти без повреждений из испытания жесточайшим боем мирного времени. Тем не менее особого повода для ликования не имелось: за исключением нескольких изменений, не требовавших больших затрат, лишь немногие предложения поддавались немедленному воплощению в жизнь — либо из-за нехватки обученных кадров, либо из-за финансовых ограничений. В обозримом будущем даже те части, что размещались на уязвимой западной границе, были обречены на сохранение уменьшенных штатов мирного времени, в то время совещание неохотно признало, что ключевые вопросы усиления войск и укрепления пограничных оборонительных сооружений рекомендуется сочетать «с наличными финансовыми средствами»⁶⁸.

Более существенным было то, что дискуссии, прозвучавшие в ходе совещания, дали дополнительный импульс усилиям по введению всеобщей воинской обязанности. Государственный совет — орган, готовивший законопроекты для последующего утверждения их царём, — ещё до завершения работы Особого совещания приступил к рассмотрению рекомендаций, выдвинутых Комиссией о воинской повинности. В течение утомительных и нередко бурных сессий, длившихся с 27 января по 14 декабря 1873 г., Государственный совет постепенно разработал пригодный к выполнению законопроект. Горячие споры развернулись по целому ряду вопросов, начиная от проблемы осуществления призыва среди этнических меньшинств и относительной продолжительности действительной службы и пребывания в запасе и кончая критериями для освобождения от призыва и защитой интересов дворянства. Дебаты в Государственном совете, проходившие на фоне оживлённой дискуссии в свободной печати, тянулись почти год, прежде чем царю был представлен законопроект, пригодный для высочайшего утверждения⁶⁹.

⁶⁸ Зайончковский П. Военные реформы... С. 304. (Зайончковский именует это совещание «Секретным», но в ряде исследований это совещание называют «Особым». — Прим. ред.)

⁶⁹ Наиболее подробно этот законодательный процесс освещается в: Baumann, *The Debates over Universal Military Service*, chaps 2 and 3. (Комиссия о воинской повинности — полное название «Комиссия для составления нового Положения о личной воинской повинности в Империи и Царстве Польском» — приступила к работе 5 января 1871 г., а закончила — 19 января 1873 г.; см. о её работе: Зайончковский П. Военные реформы... С. 307–314. — Прим. ред.)

В итоговом «Уставе о воинской повинности», вступившем в силу с 1 января 1874 г., торжественно провозглашалось, что «защита престола и отечества есть священная обязанность каждого русского подданного». Согласно уставу, всё «мужское население, без различия состояний» подлежало воинской повинности — призыву на военную службу на 21-м году жизни. Освобождение от предписанных законом 15 лет службы (6 лет на действительной службе и 9 — в запасе) можно было получить по состоянию здоровья, семейному положению и уровню образования⁷⁰.

Вследствие всевозможных условий и льгот, около 48% мужчин, годных к службе, получали освобождение в мирное время, и 24% — в военное время. Привилегии, предусмотренные законом, основывались не на сословном происхождении, а на уровне образования. Так, чтобы обеспечить армии необходимое количество офицеров и унтер-офицеров, рекрутов с различным уровнем образования призывали на краткосрочную действительную службу, после чего их увольняли в запас. Студенты и предприниматели могли получить отсрочку, но не освобождение от службы. Люди, формально проучившиеся не менее двух лет в разных учреждениях, имели право добровольно поступить на действительную службу с гарантией облегчённых условий и сокращённого срока действительной службы. Такие вольноопределяющиеся, как и призывники с соответствующим уровнем образования, могли также рассчитывать на более скорое получение унтер-офицерских и офицерских чинов. Однако в качестве уступки дворянству, чтобы получить дворянское звание, образованные люди, выслужившиеся до офицерского чина, должны были провести на службе три лишних года⁷¹.

Тем не менее проведение в жизнь Устава по крайней мере создавало Милютину основу для реального развёртывания кадровой армии в случае войны за счёт резервов. С поправками относительно условий службы для казаков, жителей некоторых регионов и этнических меньшинств, Устав оставался в силе до 1917 г., задавая рамки обязательной воинской повинности в Российской империи⁷². Таким образом, Милютин нашёл способ удовлетворить военные потребности государства и одновременно сделал большой шаг в сторону превращения армии в проводника некоторых, пусть даже ограниченных, социальных изменений. Со введением всеобщей воинской повинности проводившиеся в армии программы по ликвидации безграмотности

⁷⁰ Положение под названием «Устав о воинской повинности» было перепечатано в: Военный сборник. Т. 95. № 2. Февраль 1874. С. 107–150.

⁷¹ *Keep, Soldiers of the Tsar*, 376–77; см. также: *Nicholas N. Golovine, The Russian Army in the World War* (New Haven, Conn., 1931), 18–19.

⁷² По поводу исключений для отдельных категорий подданных см.: *Robert F. Baumann, «Universal Service Reform and Russia's Imperial Dilemma», War & Society*, 46, no 2 (September 1986), 31–48.

становились доступными для более широких слоёв населения, в то время как возможность продвижения по службе в зависимости от уровня образования открывала более широкие перспективы для карьеры на основе личных качеств⁷³.

Армейская структура и организация

В тех изменениях, которым в 1861–1876 гг. подвергалась организация и строительство армии, отразились самые разные влияния, включая потребность в реформах, общепринятые армейские представления о составе сухопутных сил, финансовые соображения и растущее стремление к поиску рационального соотношения между действующей армией и запасом. Смена обстоятельств и требований приводила порой к неоправданным решениям относительно размера и состава воинских частей, которые влекли за собой противоречия, окончательно устранённые лишь после русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

По первоначальным расчётам Милютина, вооружённые силы должны были иметь структуру, которая требовала наличия в регулярной армии 730 тыс. бойцов с возможностью пополнения её в военное время ещё 1 170 тыс. человек из запаса. В интересах упрощения и ускорения мобилизации структура армии мирного времени должна была по возможности максимально соответствовать её предполагаемой структуре в военное время, причём число крупных частей оставалось неизменным и в мирный, и в военный период, в то время как предписанная численность этих частей колебалась в зависимости от обстоятельств. Соответственно в 1864 г., когда в основном завершившийся переход к системе военных округов потребовал новой армейской структуры, при которой пехотная дивизия становилась крупнейшим военным формированием мирного времени, царь утвердил новое штатное расписание, предусматривавшее наличие 47 регулярных пехотных дивизий (3 гвардейских, 4 гренадерских и 40 армейских). Каждая дивизия состояла из 4-х полков; таким образом, армия всего насчитывала 188 пехотных полков, каждый из которых мог быть укомплектован по одному из четырёх вариантов списочного состава: кадровый (320 чел.), обыкновенный состав мирного времени (500), усиленный состав мирного времени (680) и состав военного времени (900). Каждый пехотный полк включал в себя три пехотных батальона, которые, в свою очередь, состояли из трёх линейных и одной стрелковой роты. Кроме того, по северной, южной и восточной границам империи

⁷³ *Keep, Soldiers of the Tsar*, 370–71.

были размещены 29 отдельных стрелковых батальонов. Численность каждого батальона могла соответствовать одному из трёх уровней укомплектования, в зависимости от общего статуса армии: по штатам военного времени (720 чел. рядовых), а также усиленный мирный (544) и обыкновенный мирный (400)⁷⁴.

С целью обучения новобранцев Милютин создал 80 запасных пехотных батальонов, которые распределил по всей империи. Однако, за исключением их основной миссии, задачи этих батальонов, никогда не менявших мест своей дислокации и подчинявшихся соответствующим военным округам, так и не были чётко определены. И хотя эти батальоны выполняли безусловно полезную роль, их постоянные кадры и текущий призывной состав едва ли могли послужить основой для крупномасштабного развёртывания армии, к чему Милютин призывал ещё с середины 1850-х гг.⁷⁵

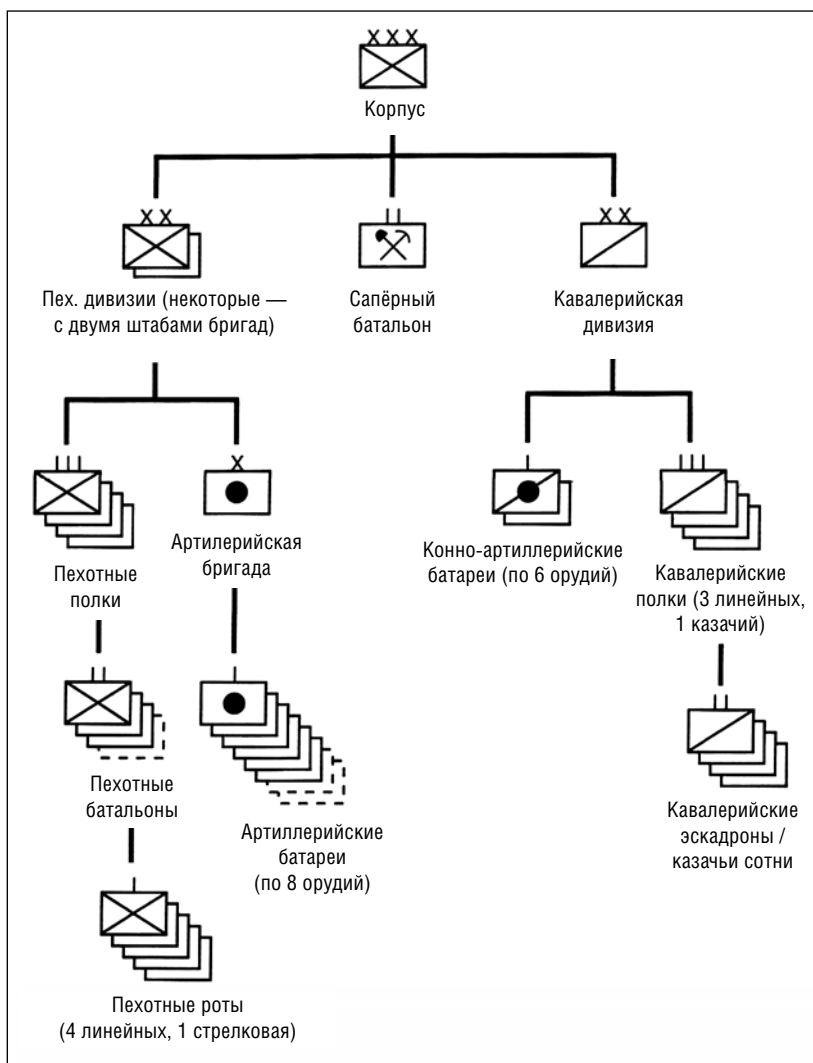
Через 10 лет после реорганизации 1864 г., благодаря изменениям, санкционированным Особым совещанием 1873 г., численность пехоты постепенно начала возрастать. Новая пехотная дивизия появилась на Кавказе, и всего их стало 48. Теперь каждая дивизия делилась на две бригады по два полка. Однако вместо прежних трёх батальонов каждый полк теперь состоял из четырёх. Отдельные стрелковые батальоны были объединены в 8 стрелковых бригад. Если учитывать составные элементы этих отдельных бригад, то в русской армии 1876 года насчитывалось 192 полка, составлявших активные полевые силы в количестве 682 батальонов⁷⁶.

Кроме того, преобразования 1873 г. привели к возникновению первой действительно гибкой конфигурации резервов в милютинскую эпоху. Накануне войны с Турцией новая структура резервов включала один гвардейский и 164 армейских кадровых батальона. Эти запасные батальоны, подобно их менее гибким предшественникам, сохраняли постоянное местоположение и служили базой, на которой офицерские и унтер-офицерские кадры мирного времени осуществляли обучение постоянного потока новобранцев, направляемых в регулярную армию. Однако в случае мобилизации каждая из четырёх кадровых рот запасного батальона пополнялась резервистами, превращаясь в новый полностью укомплектованный батальон, благодаря чему запасной батальон мог быть развёрнут в четырёхбатальонный запасной полк, сохраняя в то же время достаточно кадров для укомплектования дополнительного батальона. В теории полученные таким образом

⁷⁴ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке... С. 45–48.

⁷⁵ Дружинин К. И. Военное дело в России при вступлении на престол Императора Александра II и перед войной 1877–1878 гг. // История русской армии и флота / Под ред. А. С. Гришинского, В. П. Никольского и Н. Л. Кладо. В 16 т. М., 1911–1913. Т. XI. С. 16–17.

⁷⁶ См.: Описание русско-турецкой войны... Т. I. С. 68, 85.

Русский армейский корпус переходного периода. 1877–1878

Состав корпуса: 20 160 человек пехоты, 2 048 человек кавалерии, 96 полевых артиллерийских орудий и 12 конно-артиллерийских орудий (штаб и обоз не показаны). Организационные изменения, начавшиеся в 1873 г., окончательно завершились лишь к 1879 г. Они включали в себя появление штаба бригады для каждой двух пехотных полков, добавление четвёртого пехотного батальона к каждому пехотному полку и усиление артиллерийской бригады двумя дополнительными батареями.

один гвардейский и 164 армейских резервных полка могли бы почти удвоить размер действующей полевой армии. Но до тех пор, пока новые структуры не были в достаточной мере укомплектованы, они могли развернуться лишь в 13 ½ резервных армейских пехотных дивизий с численным составом, почти идентичным дивизиям в регулярной армии. Собственно, Военное министерство стремилось к тому, чтобы дивизии двух этих типов отличались друг от друга только по номерам. Так были заложены основы порядка, обещавшего удовлетворить растущие потребности армии в пехоте в случае войны, хотя потенциал новой системы невозможно было полностью реализовать до тех пор, пока всеобщий призыв не обеспечит наличие достаточного числа обученных резервистов⁷⁷.

По мере внедрения системы кадров и резервов, Военное министерство предпринимало меры для более активного использования её возможностей. Помимо создания целых запасных формирований, те солдаты и младшие офицеры, которые отбыли свой срок на действительной службе, получали мобилизационные назначения в соответствии со своим возрастом, опытом и тем, как давно они были уволены в запас. В случае мобилизации лица, прослужившие менее 8 лет, предназначались для укомплектования существующих частей действующей армии до штатов военного времени; после 1874 г. полки могли иметь три уровня состава: мирного времени (1 500), усиленный мирного времени (2 100) и военного времени (3 600). Лица, прослужившие от восьми до двенадцати лет, составляли запас для пополнений на поле боя. Наконец, из тех, кто прослужил от двенадцати до пятнадцати лет, предполагалось создавать отдельные запасные части, которые могли существенно усилить действующую армию⁷⁸. Кроме того, на бумаге ещё существовало ополчение — местная милиция, формируемая из лиц, освобождённых от призыва, а также из лиц, не достигших сорокалетнего возраста, но уже отслуживших свой срок. Ополчение могло быть создано только специальным императорским указом. Все эти категории развивались очень медленно и сколько-нибудь заметно проявили себя лишь после русско-турецкой войны, когда всеобщий призыв и новые структуры наконец-то заняли предназначенное им место. Например, в ноябре 1876 г. полная мобилизация могла поставить 722 тыс. человек в действующую армию и 752 тыс. человек в резерв — на 480 тыс. человек, или 30% меньше, чем требовалось по штатному расписанию⁷⁹.

⁷⁷ Там же. С. 104.

⁷⁸ Great Britain War Office, *The Armed Strength of Russia* [Official Copy] (London, 1882), 58; (См. также: Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. С. 48. — Прим. ред.)

⁷⁹ Керсновский А. А. История русской армии. Ч. 2. С. 404. (По изд.: М., 1993. Т. 2. С. 186. — Прим. ред.)

Структура артиллерийских частей в общих чертах мало отличалась от пехоты. По образцу пехотных и кавалерийских частей полевая артиллерия делилась на пешие и конные формирования, различавшиеся в первую очередь степенью подвижности, необходимой для того, чтобы в поле не отставать от пехоты или от кавалерии. Преодолев ряд затруднений, связанных с перевооружением и реорганизацией в начале 1860-х гг., пехотная артиллерия к 1869 г. насчитывала 47 артиллерийских бригад в соответствии с числом пехотных дивизий. Ещё две бригады были распределены в Туркестанский и Восточно-Сибирский военные округа, а 1 батарея — в Западно-Сибирский военный округ. После преобразований, имевших место в 1870 г., каждая бригада состояла из шести 8-орудийных батарей, различавшихся типом вооружения. Как и в случае с пехотой, артиллерийские бригады могли иметь разные уровни состава в зависимости от боеготовности. Многие из вышесказанного относилось и к конной артиллерии, которая состояла из 4 гвардейских батарей и 7 конно-артиллерийских бригад. Помимо обычной пешей и конной артиллерии, в различных частях империи располагались 37 артиллерийских парков, выполнявших роль поставщиков снаряжения, лошадей и орудий⁸⁰.

Общие организационные изменения середины 1870-х гг. нашли своё отражение в размерах русской полевой артиллерии и её способности к развёртыванию. Накануне Русско-турецкой войны пешая артиллерия в действующей армии разрослась до 48 бригад в соответствии с числом действующих дивизий; ещё 3 бригады предназначались для поддержки отдельных пехотных частей. Вследствие растущей потребности в огневой мощи каждая бригада со временем получила 8 батарей вместо прежних 6. Конная артиллерия в действующей армии увеличилась незначительно и имела в своём составе 27 регулярных и 21 казачью батарей — на каждую по 6 орудий⁸¹.

В то же время возросло значение резервных артиллерийских частей. После 1876 г. насчитывалось 6 запасных пеших артиллерийских бригад, каждая по шесть батарей. При мобилизации каждая кадровая батарея развёртывалась в 4 батареи — следовательно, каждая резервная бригада в случае войны могла выставить 24 батареи. После принятия мер к созданию резерва для пополнения и обучения у резервной артиллерии оставались достаточные мощности для того, чтобы выставить 96 резервных артиллерийских батарей для поддержки резервных дивизий, направленных в полевую армию, и ещё 48 запасных батарей оставить в целях пополнения. В 1876 г. в общем составе русской полевой артиллерии в военное время насчитывалось 365 батарей и 2809 орудий⁸².

⁸⁰ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. С. 54.

⁸¹ Описание русско-турецкой войны... Т. I. С. 89–91.

⁸² Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. С. 55.

Вследствие изменения тактики и задач русская кавалерия перед 1877–1878 гг. также претерпела существенные изменения. В 1866 г. конница состояла из 56 полков (4 кирасирских, 20 драгунских, 16 уланских и 16 гусарских), сведённых в 10 кавалерийских дивизий. Гвардейские дивизии и дивизии в составе Кавказской армии состояли из 4 драгунских полков, а армейские кавалерийские дивизии — из 6 (по два гусарских, уланских и драгунских). Каждый полк включал в себя 4 эскадрона. В противоположность развёртываемым пехотным полкам, составы кавалерии в военное и мирное время мало отличались (777 и 689 чел. соответственно)⁸³.

После того, как исследования в начале 1870-х гг. показали, что Россия отстаёт от других крупных европейских держав по числу кавалерийских формирований, российская конница подверглась некоторому расширению. К 1876 г. она насчитывала 19 дивизий (2 гвардейских, 14 армейских, 2 казачьи и Кавказская). В то время как гвардейские дивизии были неоднородны по своему составу, каждая регулярная кавалерийская дивизия состояла из драгунского, уланского, гусарского и казачьего полков. В каждый кавалерийский полк входили 4 эскадрона, но казачьи полки сохраняли традиционное деление на 6 сотен. Накануне русско-турецкой войны полевая армия располагала кавалерийскими силами в 237 эскадронов и 130 казачьих сотен⁸⁴.

Поскольку содержать кавалерию было дорого, а Российская империя располагала и другими конными формированиями, структура кавалерии не предполагала наличия таких же развёртываемых резервных частей, какие имелись в пехоте и артиллерии. К 1875 г. система кавалерийского резерва могла обеспечить по одному запасному эскадрону на каждый действующий полк — всего 56 резервных эскадронов. В мирное время они предназначались для обучения новобранцев, а в военное — для пополнения боевых потерь. Реальное военное развёртывание конницы обеспечивалось за счёт сохранения в империи крупных казачьих формирований, призываемых на службу при мобилизации⁸⁵.

Одним из важнейших непредусмотренных результатов милютинских реформ было возрождение казачьей воинской службы. В 1861 г. в Российской империи насчитывалось 10 отдельных казачьих войск и несколько более мелких казачьих частей. Эти войска, в том числе самое крупное — Донское, являлись прямыми или косвенными наследниками тех казаков — жителей пограничья и прочих беглецов, которые в старину стремились на периферию, куда не простиралась власть сперва Московского царства, а затем Российской империи. В XVIII веке оказавшиеся в подчинении у петербургских властей

⁸³ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. С. 51–52.

⁸⁴ Описание русско-турецкой войны... Т. I. С. 88.

⁸⁵ Там же. С. 110.

казаки использовались в качестве вспомогательных конных частей, а в XIX в. их все чаще использовали для подкрепления регулярной конницы, особенно в качестве разведывательных и дозорных отрядов, а иногда для рейдов по тылам противника на поле боя и в глубь вражеской территории⁸⁶. Однако в период после Крымской войны Милютин считал казачье войско дорогостоящим анахронизмом, а самих казаков — противниками внедрения единообразного военного законодательства, интересы которых шли вразрез с требованиями социальной и экономической модернизации. Поначалу военный министр собирался ограничить использование казачьих войск и даже постепенно лишить казаков их особого статуса.

Франко-прусская война внесла, однако, некоторые коррективы в планы Милютина. С увеличением потребности в коннице для охраны границ, а также для расстройств вражеских мобилизационных планов и операций прикрытия, отказ от использования казаков неожиданно стал представляться неразумным. С тем чтобы не тратить скудные ресурсы на укрепление регулярной кавалерии, которую было сложно обучать и дорого содержать в мирное время, наилучшим выходом казалось теперь возобновление традиций казачьей службы с одновременным введением более единообразной униформы для казаков⁸⁷. Соответственно, важным аспектом кавалерийской реформы после 1874 г. явились не только постепенное включение казачьих частей в регулярные кавалерийские дивизии, но и учёт чисто казачьих формирований в просчитанном мобилизационном расписании. В результате в 1876 г. почти двухмиллионное казачье население Российской империи могло в военное время выставить 887 эскадронов и сотен, 264 конных орудий, 19 пехотных (пластунских) батальонов и всевозможные более мелкие подразделения. В случае полной мобилизации под знамёна могла встать приблизительно четверть миллиона казаков, около 40% из которых приходилось на долю войска Донского⁸⁸.

В состав армии входили также различные специализированные части. В штатном расписании 1864 г. предусматривались инженерные войска в количестве 11 сапёрных батальонов и 6 понтонных полубатальонов. Гарнизоны крепостей насчитывали ещё 6 полков, 3 отдельных пехотных батальона и 54 артиллерийских роты. В 1876 г. число сапёрных батальонов увеличилось до 15 (11 действующих и 4 запасных, обращённых в действующие), число же

⁸⁶ Bruce W. Menning, «A. I. Chernyshev: A Russian Lycurgus», *Canadian Slavonic Papers*, 30, no 2 (June 1988), 196–200.

⁸⁷ Robert H. McNeal, «The Reform of Cossack Military Service in the Reign of Alexander II» in Béla K. Király and Gunther E. Rothenberg (eds.), *War and Society in East Central Europe. Brooklyn College Studies on Society in Change*, no. 10 (New York, 1979), 416–420.

⁸⁸ Описание русско-турецкой войны... Т. I. С. 118–119.

понтонных полубатальонов не изменилось. Среди новых инженерных частей были 3-й железнодорожный батальон, три военно-телеграфных парка. В 1877 г. в составе инженерных войск были организованы 3 полевых инженерных парка и 2 парка осадных орудий, последние служили как склады осадной артиллерии⁸⁹.

Финансовые соображения, новые технические средства и новое армейское штатное расписание — все эти факторы оказали серьёзное влияние на участь крепостей и их гарнизонов. В начале 1860-х гг. Россия обладала 29 крепостями, большинство из которых нужно было либо модернизировать, либо попросту перестраивать заново. Пока ещё свежи были воспоминания о Крымской войне, предполагалось выделить 10 млн рублей на перестройку многих крепостей по образцу Севастополя. Однако события 1870–1871 гг., подчеркнувшие резко возросшую роль железных дорог и нарезной артиллерии в осадном деле, посеяли в умах русских военных тревогу и нерешительность. Лишь после долгих дискуссий Особое совещание 1873 г. решило выделить дополнительные 66 млн рублей на перестройку крепостей, прикрывающих западную военную границу, в первую очередь Ивангорода, Новогорьевска, Варшавы и особенно Брест-Литовска. Однако для завершения работ потребовалось бы около 30 лет, а к тому времени приграничные крепости утратили бы своё значение⁹⁰.

Эти соображения подтолкнули министерство в 1874 г. на создание специальной категории крепостной пехоты с целью освободить регулярную пехоту от гарнизонных обязанностей. Сохраняя некоторую аналогию с запасными частями, кадровый состав 29 крепостных батальонов мирного времени (24 после 1876 г.) мог быть в военное время развернут в четырёхбатальонные полки. В то же время в 1876 г. крепостная артиллерия насчитывала 50 батальонов, состав которых колебался от 400 рядовых в мирное время до 1 200 в военное время. В отличие от крепостной пехоты, артиллерийские войска могли быть откомандированы из крепостей в качестве подразделений осадной артиллерии⁹¹.

Общая численность российской армии пополнялась также за счёт местных и инородческих формирований. Из «инородцев» — коренных нерусских народностей — формировались весьма пёстрые части и подразделения, как, например, башкирские, а также различные кавказские кавалерийские части. В военное время они могли увеличить численность полевой армии примерно

⁸⁹ Там же. Т. I. С. 96. (Более подробно о составе инженерных частей см. на с. 97. — *Прим. ред.*)

⁹⁰ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. С. 442–443. (У Бескровного — вместо Новогорьевска указана крепость Новогрудок. — *Прим. ред.*)

⁹¹ Описание русско-турецкой войны... Т. I. С. 102–103.

на 23 500 человек⁹². Кроме того, в каждой губернии имелись местные батальоны, несущие сторожевую и конвойную службу, но, поскольку армия старалась всё более дистанцироваться от функций по обеспечению внутренней безопасности, эти войска постепенно заменялись жандармами.

В целом, в связи с различными факторами внешнего и внутреннего характера, численность действующих и запасных вооружённых сил России в период между началом милютинских реформ и завершением русско-турецкой войны заметно колебалась. В 1862 г. действующая армия насчитывала 792 761 офицера и солдата. Реальный — а не на бумаге — резерв немногим превышал 100 тыс. человек. Несмотря на необходимость в снижении расходов, польское восстание 1863 г., наряду с усилиями по окончательному умиротворению Кавказа, потребовало временного увеличения размеров действующей армии. Весной 1864 г. её численность достигла 1 132 тыс. человек; затем, благодаря прекращению военных действий и в Польше, и на юге начала снижаться. Первоначально царь приказал сократить численность армии на 264 тыс. человек, и к 1867 г. действующая армия сократилась до 742 тыс. человек — для мирного времени эта цифра останется стабильной на протяжении последующих двух десятилетий. Так, в 1874 г. в действующей армии насчитывалось 754 265 офицеров и солдат. Однако 1 января 1878 г., в разгар русско-турецкой войны, численность действующей армии возросла, превысив 1,5 млн человек. Несмотря на то, что численность армии так и не достигла 1,9 млн, которые требовались для войны против австро-германской коалиции, общая численность сил, при необходимости подлежащих мобилизации, красноречиво свидетельствовала о растущей эффективности созданной Милутиным системы кадров и резервов⁹³.

Переворужение

Вопросы всеобщей воинской повинности и структуры армии едва не истошили физические силы и политический капитал Милютина. Тем не менее он занимался ещё и вопросами перевооружения российской армии. Задача эта была особенно сложной вследствие неотложности её разрешения, неопробованности новых видов оружия и колоссальности затрат. Но как бы

⁹² Описание русско-турецкой войны... С. 120.

⁹³ Исторический очерк деятельности военного управления в первое двадцатипятилетие царствования Государя Императора Александра Николаевича (1855–1880 гг.) / Сост. М. И. Богданович // Военный сборник. Т. 132. № 3. Март 1880. С. 22, 28, 33, 35; *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX веке. С. 40–41. (По данным Бескровного, общая численность армии в 1874 г. насчитывала генералов и офицеров — 29 174 чел. и рядовых — 742 465 чел., что в итоге составляло 771 639 чел. — *Прим. ред.*)

там ни было, в эту эпоху стремительного развития военной техники новейшее вооружение приобретало огромное организационное и тактическое значение.

Немногие из числа свидетелей Крымской войны всерьёз оспаривали необходимость перевооружить русскую армию современным ручным оружием взамен гладкоствольного 7-линейного ружья, являвшегося неизменным спутником пехоты ещё с начала XVIII века. В 1857 г. это оружие было официально заменено дульнозарядным нарезным ружьём 6-линейного калибра, производившимся в Германии и Бельгии. К 1862 г. было выпущено 260 106 таких ружей, называвшихся «винтовками», так же как официально именовались и прочие виды нарезного стрелкового оружия⁹⁴. Однако после того, как Австро-прусская война 1866 г. окончательно доказала превосходство казнозарядного оружия над дульнозарядным, русским военным пришлось выбирать между двумя дорогостоящими решениями: либо принимать на вооружение новое оружие, либо переделывать имеющиеся винтовки в казнозарядные. После многочисленных дискуссий, экспериментов и сравнительных испытаний были испробованы оба варианта — с самыми плачевными результатами.

Проблемы начались в 1867 г., когда Военное министерство организовало закупку 200 тыс. дульнозарядных винтовок, переделанных в казнозарядные шведским изобретателем И. Карле. Когда в системе Карле выявились серьёзные дефекты, великий князь Николай Александрович оплатил из собственного кармана приобретение с целью ограниченных испытаний 10 тыс. винтовок Баранова — также модифицированных и снабжённых откидным затвором, приобретаемым в то время популярность и в Европе, и в США. Милютин, несомненно, избежал серьёзных политических осложнений, когда проведённые Военным министерством исследования и испытания различных систем выявили пригодность — в основном по финансовым соображениям — переделки, которую предложил чешский оружейник Сильвестр Крнк (или Крынк). В 1869 г. Россия отказалась от системы Карле в пользу системы Крынка, приобретя у него 800 тыс. казнозарядных 6-линейных винтовок. В этой винтовке использовались металлические патроны и затвор, который при зарядке следовало поворачивать налево. Дальность стрельбы из винтовки Крынка составляла 2 000 шагов, но, как и другие переделки того периода, это оружие отличалось непрочностью и часто создавало проблемы с извлечением гильз в условиях продолжительной стрельбы⁹⁵.

Тем временем несколько русских офицеров, включая полковника А. П. Горлова и капитана гвардии К. И. Гуниуса, отправились в США, где по-

⁹⁴ *Мавродин В. В., Мавродин Вал. В.* Из истории отечественного оружия. Русская винтовка. Л., 1981. С. 32–34.

⁹⁵ *Фёдоров В. Г.* Вооружение русской армии за XIX столетие. СПб., 1911. С. 195–209.

сле испытания многочисленных видов оружия сочли наиболее многообещающей винтовку Хайрама Бердана, снайпера-ветерана американской гражданской войны. Оба русских офицера в течение большей части 1867 и 1868 гг. вместе с Берданом разрабатывали подходящий металлический патрон калибром в 4,2 линии, заодно предложив ряд модификаций с целью усовершенствования первоначальной конструкции Бердана, которая предусматривала откидной затвор, аналогичный системе Баранова. Пока Горлов и Гуниус продолжали эксперименты и испытания, Военное министерство уже направило срочный заказ на несколько тысяч экземпляров этой модифицированной винтовки (модель 1868 г.), которая получила известность как «винтовка Бердана № 1». В начале 1869 г., в тот момент, когда система Крынка взяла верх над винтовками Карле, Бердан неожиданно лично прибыл в Санкт-Петербург и принялся рекламировать новый вариант своей первоначальной конструкции, снабжённый скользящим затвором — очень простым и мощным. Эта винтовка со временем стала называться «моделью 1870 г.», или, ещё проще, — «винтовкой Бердана № 2». В 1870 г., невзирая на только что одобренную систему Крынка, а также вследствие благоприятных результатов испытаний, явного баллистического превосходства 4,2-линейной пули, за которую ратовал Милютин, и других соображений, «винтовка Бердана № 2» была официально взята на вооружение как основное стрелковое оружие русской армии⁹⁶.

Неказистая однозарядная «берданка» со скользящим затвором завоевала в 1870–1880-е гг. огромную популярность. Она использовала осаленные пули калибром в 4,2 линии в бумажной обёртке и была рассчитана на дальность действительного огня в 450 шагов, максимальную дальность — в 4000 шагов. Такие винтовки закупались за границей в очень небольших количествах. В 1876 г. Тульский оружейный завод наконец-то сумел наладить производство скользящих затворов. К весне следующего года в наличии имелось уже 232 тыс. винтовок Бердана, но тем временем более половины русских войск успело получить винтовки Крынка — оружия, устаревшего даже по стандартам самой армии. В результате накануне войны с Турцией русская армия оказалась вооружена винтовками двух основных систем и нескольких второстепенных (Карле и винтовка Бердана № 1), что привело к серьёзным проблемам с обучением, снабжением боеприпасами и боевым духом. Как отметил, описывая ситуацию, один советский историк, вооружение русской пехоты «не отличалось единообразием»⁹⁷. Помимо разнобоя с оружием, несколько неудавшихся начинаний начала 1860-х гг. привели к ещё большим

⁹⁶ Фёдоров В. Г. Указ. соч. С. 224–226. Превосходное обсуждение этой темы см.: Bradley, *Guns for the Tsar*, 107–111.

⁹⁷ Беляев Н. И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956. С. 26.

затратам в момент, когда государственный бюджет был и без того перегружен до предела другими военными программами.

Одновременно выполнялась второстепенная, хотя и связанная с основной, программа по приобретению личного оружия для кавалерии и жандармов. Поскольку эта программа имела меньшее значение, требовала меньших затрат и меньшего объёма поставок, Военное министерство не уделяло такого внимания закупке пистолетов, как закупке винтовок. Полковник Горлов, находясь в США, как бы между делом изучил несколько альтернативных систем личного оружия, в первую очередь системы Кольта и Смита-Вессона. Несмотря на более благоприятные отзывы об английском самовзводном револьвере (двойного действия), с американской фирмой «Смит и Вессон» были заключены один за другим три контракта, по которым Россия в конечном счёте получила 142 333 револьвера модели № 3 в трёх вариантах — это был пистолет одинарного действия (несамовзводный) калибром в 4,4 линии, имевший нехитрую «переламывающуюся» конструкцию с автоматической экстракцией гильз, позволявшей быстро производить перезарядку. Тяжёлые, но во всех отношениях надёжные «Смиты и Вессоны» почти два десятилетия оставались стандартным личным оружием русских военных⁹⁸.

В число более серьёзных программ входила разработка и приобретение артиллерийских орудий. Как и в случае со стрелковым оружием, опыт Крымской войны продемонстрировал потребность в нарезной артиллерии. Однако в отличие от нового ручного оружия, превосходство артиллерийских орудий нового типа не всегда было очевидным. Артиллеристы нуждались в нарезных стволах, чтобы вести огонь по пехоте на дистанциях, равных или превышающих дальность новейших винтовок, но проблема была в том, что нарезка стволов влекла за собой множество технических и тактических компромиссов, которые либо ставили под сомнение достоинства нарезной артиллерии, либо требовали новых приёмов стрельбы, к которым артиллеристы не всегда могли приспособиться. Увеличившаяся дальность и изменение траектории стрельбы лишили артиллерию способности эффективно вести настильный огонь. Дульнозарядные нарезные пушки перезаряжались медленнее, чем их предшественники. Вплоть до 1860-х гг. казнозарядная артиллерия оставалась неизвестным и неопробованным явлением. Нарезные пушки стреляли снарядами уменьшенного размера на более дальние дистанции, но до тех пор, пока в обиход не вошли усовершенствованные снаряды и взрыватели; снаряды для нарезных пушек далеко отставали в своей эффективности от традиционных ядер и картечи. Новые металлы для отливки стволов — например, сталь — допускали большее давление пороховых газов и бо-

⁹⁸ Bradley, *Guns for the Tsar*, 114–116.

лее значительную дульную скорость, однако новые неопробованные приёмы литья нередко приводили к преждевременным разрывам ствола при нормальном режиме использования. Что ещё хуже, тактики не могли определиться с тем, как использовать новую технику. Если артиллерия шла в атаку вместе с пехотой, пехота под огнём всегда могла окопаться, артиллеристы же стояли за своими орудиями беззащитными. Если орудия оставались в тылу, артиллеристы лишались возможности оказывать непосредственную огневую поддержку и подвергались насмешкам пехоты. В условиях такой неопределённости Военное министерство, сперва при Сухоzanете, затем при Милютине, и приступило к перевооружению русской полевой артиллерии⁹⁹.

Как и в случае с ручным оружием, перевооружение артиллерии началось с нескольких фальстартов, прежде чем Военное министерство нашло более или менее удачное решение проблемы. Русские военные уже во время Крымской войны прибегли к срочным мерам, чтобы преодолеть отставание в артиллерии. Одна из них заключалась в том, чтобы просто-напросто делать нарезку в уже имеющихся гладкоствольных медных пушках. Так были немедленно переделаны 12-фунтовые пушки, а после войны к ним присоединились и 6-фунтовые. Однако готовый результат едва ли оправдывал затраты, и в итоге Военное министерство в 1857 г. заказало на заводах Круппа несколько литых стальных стволов для испытаний. Когда Австро-сардинская война 1859 г. снова привлекла внимание к преимуществам нарезной артиллерии, Военное министерство, не имея ни средств, ни техники для того, чтобы полностью перейти на литые нарезные пушки, приступило к производству новых образцов гладкоствольных бронзовых орудий (4- и 8-фунтовых). В 1858–1862 гг. русские оружейные заводы произвели достаточно бронзовых пушек, чтобы полностью переоснастить 1 104 орудиями 129 пеших и 18 конных артиллерийских батарей. Тем временем под руководством А. В. Гадолина и Н. В. Маиевского продолжались эксперименты по отливке бронзовых нарезных казнозарядных орудий, и, в конце концов, в 1867 г. были разработаны и одобрены 4- и 9-фунтовые системы. Получив в 1868 г. металлические лафеты, эти бронзовые казнозарядные пушки оставались основой русской полевой артиллерии вплоть до 1880-х гг.¹⁰⁰

Орудия, разработанные Гадиным и Маиевским, представляли собой последнее слово в бронзовой казнозарядной артиллерии. 9-фунтовая пушка весила чуть более тонны; запираение ствола в ней осуществлялось скользящим клином. Считалось, что её эффективная дальность составляет

⁹⁹ Проблемы, с которыми сталкивались артиллеристы, обстоятельно изложены в: *Dennis E. Showalter, Railroads and Rifles: Soldiers, Technology, and the Unification of Germany* (Hamden, Conn., 1975), chap. 9; см. также: Описание русско-турецкой войны... Т. I. С. 188–190.

¹⁰⁰ *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX веке. С. 344–347.

3 200 метров, хотя фугасными снарядами она могла стрелять на 4 480 метров. 4-фунтовка весила около 1 600 фунтов; соответствующая дальность стрельбы равнялась 2 560 и 3 400 метрам. Помимо этих двух основных типов, русские оружейные заводы выпускали небольшие 3-фунтовые горные гаубицы, пригодные для перевозки на вьючных животных в местностях, недоступных для артиллерии. Горная пушка весила чуть более 500 фунтов и могла стрелять на дистанцию в 1 423 метра.

Решающее значение для приёмов использования полевой артиллерии имел выбор боеприпасов, сопровождавший переход к нарезному оружию. К 1876 г. русская армия приняла на вооружение три типа снарядов: фугасный с ударным взрывателем, шрапнельный с дистанционным взрывателем и картечь. Фугасные снаряды годились для разрушения деревянных и каменных построек, но оказались неэффективными против земляных укреплений. И шрапнельные, и фугасные снаряды очень эффективно поражали незащищённую живую силу. Однако шрапнельный снаряд выказывал наибольшую эффективность на средних дистанциях стрельбы; затем заметное увеличение подъёма и соответствующее снижение скорости уменьшали площадь поражения. Картечный снаряд содержал меньше картечных пуль, чем его предшественник для гладкоствольных орудий, но считался эффективным на дистанциях до 400 метров. Внедрение новшеств велось в таком темпе, что артиллеристам требовались время и возможность для того, чтобы ознакомиться с сильными и слабыми сторонами новых орудий и снарядов¹⁰¹.

Хотя и Австро-сардинская война 1859 г., и Австро-прусская война 1866 г. пробудили у русских военных интерес к растущему значению нарезных орудий, только Франко-прусская война 1870–1871 гг. подтолкнула Милютину к тому, чтобы ускорить перевооружение царской полевой артиллерии. С того момента, как несколькими годами прежде на вооружение были приняты бронзовые казнозарядные пушки, русские оружейные заводы производили новые орудия неторопливым темпом — от 40 до 250 в год. Однако прусские победы заставили в следующие несколько лет взяться за дело с удвоенной энергией. 1 января 1873 г. Милютин докладывал императору о том, что «Решительное влияние, которое оказывала артиллерия на успех сражений в последней прусско-французской войне, вызвало повсеместное увеличение состава полевой артиллерии, у нас это увеличение тем более необходимо, что соразмерность нашей полевой артиллерии с другими родами оружия далеко ниже существующего отношения главных европейских государств»¹⁰². Милютин ответил на вызов, увеличив производство бронзовых 9-фунтовок до 400 ство-

¹⁰¹ Беляев Н. И. Русско-турецкая война... С. 32–33.

¹⁰² Цит. по: Зайончковский П. А. Переворужение русской армии в 60–70-х годах XIX в. // Исторические записки. Т. 36. 1951. С. 86.

лов ежегодно, благодаря чему к концу 1875 г. перевооружение артиллерии резными казнозарядными орудиями в основном завершилось¹⁰³.

Менее успешными оказались недолгие попытки усилить огневую мощь полевых артиллерийских бригад, включив в их состав картечницы Гатлинга. В 1870 г. русские военные начали эксперименты с орудием Гатлинга, в котором использовалось 10 нарезных стволов, заряжавшихся из магазина и вращавшихся от руки вокруг центральной оси, делая примерно по 200 выстрелов в минуту. В 1874–1876 гг., после того, как русский оружейник В. С. Барановский модифицировал картечницу, снизив её вес и увеличив скорострельность, в каждую артиллерийскую бригаду включалось по батарее из 8 картечниц Гатлинга. Однако, вследствие своего веса, технических проблем и невысокой дальности стрельбы, эти картечницы были в 1876 г. сняты с вооружения полевых войск и переведены в крепостную артиллерию¹⁰⁴.

Офицерский корпус и начальное военное обучение

Милютин настаивал на необходимости повышать качество офицерского состава, а потому вопросы набора офицеров и их образования не избежали пристального внимания реформатора. До 1861 г. офицерский состав традиционно пополнялся четырьмя путями: из числа выпускников военных академий и школ, выпускников кадетских корпусов и гвардейских военных школ, особливо отличившихся унтер-офицеров, и вольноопределяющихся, дослужившихся до офицерского чина — к последним относились главным образом полуобразованные дворянские отпрыски¹⁰⁵. Из 50 567 лиц, произведённых таким образом в 1825–1850 гг. в офицерское звание, лишь 14 415 являлись выпускниками военно-учебных заведений. Вследствие этого офицерский корпус отличался крайней неоднородностью в смысле образования. Милютин не мог обойти своим вниманием эту проблему ещё в 1830-х гг. Второй сложностью являлась нехватка кандидатов на офицерский чин. Например, в 1861 г. армия получила 1 270 новых офицеров, в то время как в отставку вышел 4 271 — если бы такая тенденция продолжалась, то она бы стала источником больших бед для военной машины, стоявшей на пороге серьёзных реформ и модернизации¹⁰⁶.

¹⁰³ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. С. 347. (Цифры стволов у Бескровного и Зайончковского отличаются. Первый указывает — 400 стволов за 1873 г., второй — 395 стволов за 1874 г. — Прим. ред.)

¹⁰⁴ Зайончковский П. А. Перевооружение русской армии в 60–70-х годах XIX в. С. 85.

¹⁰⁵ О наборе и обучении офицерского корпуса до 1856 г. см.: J. E. O. Screen, *The Helsinki Yunker School 1846–1879* (Helsinki, 1986), 11–20.

¹⁰⁶ Miller, Dmitrii Miliutin, 96–101.

Начиная с 1863 г., Милютин предпринял ряд мер с целью исправить эти недостатки и поднять уровень офицерского образования. Сперва он упразднил кадетские корпуса, преобразовав их в двадцать военных гимназий с новым расписанием без крена в сторону армейской муштры и педантизма. Взамен кадетских корпусов Милютин создал систему военных училищ для подготовки офицеров разных специальностей. В эти военные училища принимали выпускников военных гимназий; в четырёхлетней учебной программе основное место занимали военные дисциплины. Лучшая половина каждого класса при выпуске получала чин лейтенанта, худшая половина — младшего лейтенанта. Особое внимание при обучении уделялось тактике на полковом уровне, хотя в число других предметов входили два иностранных языка, химия, механика, аналитическая геометрия и русская литература. Из стен военных училищ ежегодно выходило по 400–500 выпускников.

Нехватка образованных младших офицеров вынудила Милютину создать в каждом военном округе дополнительные учебные заведения — юнкерские училища. Кандидатами на зачисление в эти училища являлись молодые солдаты из различных полков, которые должны были выдержать серьёзные вступительные экзамены. Юнкерские училища отличались пёстрым составом учащихся: от выпускников средних специальных учебных заведений до лиц, не закончивших образование в военной гимназии, или выпускников гражданских учебных заведений. Обучение в юнкерских училищах продолжалось два года. В первый год изучались дисциплины общего характера, а во второй — такие военные предметы, как тактика, вооружение, топография и основы артиллерийского дела. Тактике обучали в основном на ротном уровне. После выпуска юнкера возвращались в свои полки, где могли получить повышение в чине при наличии вакансий и с согласия полкового командира¹⁰⁷. К 1877 г. юнкерские училища выпустили 11 500 офицеров, приблизительно три четверти из которых были дворянского происхождения. Хотя выпускники военных и юнкерских училищ в мирное время удовлетворяли потребности армии в офицерах, мобилизация 1877 г. выявила нехватку примерно в 17 тыс. младших офицеров в соответствии со штатным расписанием военного времени¹⁰⁸.

Хотя задача новых учебных заведений заключалась в том, чтобы готовить грамотных офицеров, обладающих специальными военными знаниями, Милютин осознавал необходимость создать условия для повышения уровня образования офицеров. Одной из таких мер было учреждение в полках при военных округах небольших библиотек, укомплектованных книгами по тактике,

¹⁰⁷ Screen, *The Helsinki Yunker School 1846–1879*, 23–27.

¹⁰⁸ Oliver Allen Ray, «The Imperial Russian Army Officer», *Political Science Quarterly*, 76, no. 4 (December 1961), 579–581.

военной истории и военной теории. Другой мерой являлось предъявлявшееся младшим офицерам в начале 1870-х гг. требование активно участвовать в ежегодных «малых манёврах» военных округов. Милютин требовал, чтобы во время этих летних учений младшие офицеры под наблюдением старших делали зарисовки местности, схемы манёвров и планы полевых укреплений. В 1875 г. Милютин потребовал также от младших офицеров участвовать в тактических учениях на карте и на местности. В подписанном им приказе указывалось, что «весьма желательно, чтобы ближайшими руководителями молодых офицеров... могли быть ротные и эскадронные командиры»¹⁰⁹.

Высшее офицерское образование

Милютин связывал свои надежды на преобразование армии в основном с младшими офицерами. Между тем он не мог оставить без внимания и образование старших офицеров. И действительно, нехватка образованных старших офицеров была не менее существенной, чем нехватка младших. К окончанию Крымской войны Россия обладала тремя академиями для старших чинов: Николаевской академией Генерального штаба, Николаевской инженерной академией и Михайловской артиллерийской академией — последние две были созданы лишь в 1855 г. Хотя шли разговоры о том, чтобы объединить три эти академии в одну огромную «Императорскую военную академию», все они сохраняли значительную автономию до 1862 г., когда Милютин поставил проверенного сподвижника, генерал-майора Н. В. Исакова, во главе Главного управления военно-учебных заведений при Военном министерстве. В 1855–1862 гг. все три академии ежегодно выпускали в среднем лишь по 143 человека. Под началом Милютина-Исакова ситуация сперва ухудшилась, а затем начала улучшаться. Несмотря на хроническую нехватку квалифицированных штабных офицеров, Военное министерство ужесточило требования к абитуриентам академии Генерального штаба. Начиная с 1863 г., кандидаты должны были пройти жёсткие вступительные экзамены, иметь не менее четырёх лет строевой службы и представить от своего полкового командира рекомендацию, подтверждающую их преданность и верность долгу. Отчасти вследствие этих требований число абитуриентов в 1863 г. сократилось до восьми, а в 1866–1870 гг. Академию Генштаба окончили лишь 96 офицеров¹¹⁰.

С другой стороны, качество образования постоянно улучшалось. В то время как артиллерийская и инженерная академии продолжали выпускать штаб-

¹⁰⁹ Цит. по: Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. С. 161.

¹¹⁰ Erickson, *The Russian Imperial / Soviet General Staff*, 12.

ных специалистов соответствующего профиля, академия Генерального штаба со временем превратилась в полноценный штабной колледж. Обучение в академии продолжалось два года, причём офицеры, проходившие «теоретический курс», первую летнюю сессию проводили в полевых частях, а офицеры на «практическом курсе» (топографии) столько же времени проводили в поле с картами и геодезическими инструментами. В течение обычного учебного года главными предметами являлись тактика и стратегия; дополнительно предусматривались курсы по военной истории, управлению войсками, военной статистике, сферической геометрии, картографии, рисованию и черчению. В число второстепенных предметов входили русский язык, артиллерийская и инженерная практика, политическая история и иностранные языки. В начале 1870-х гг. в расписании появились русский эквивалент «исторических реконструкций» и техника военных игр, из-за чего продолжительность обучения удлинилась на полгода, в сумме составив почти три года¹¹¹. Изменения в расписании происходили на фоне оживлённых (но безрезультатных) дискуссий о том, не следует ли сделать высшее военное образование более узкоспециализированным в ущерб предметам общего профиля. Милютин, возможно под влиянием Обручева, явно отдавал предпочтение специализированному профессиональному образованию, полагая, что повышением общего образовательного уровня должны заниматься либо каждый офицер лично, либо его конкретное окружение. Напротив, профессор стратегии Г. А. Леер считал, что академия не должна становиться «фабрикой офицеров генерального штаба», потому что штабной офицер должен обладать достаточной эрудицией для решения сложных, многогранных проблем. Лееру хотелось бы превратить военную академию в учебное заведение, обладающее признаками «военного университета»¹¹².

Подход Леера в немалой степени отражал изменение его собственных представлений об академических приоритетах. Хотя Леер быстро выдвинулся в академии Генерального штаба благодаря своим познаниям в тактике и в инженерном деле, его все сильнее занимала стратегия, особенно в отношении как к военной истории, так и к научным знаниям в целом. По мнению Леера и многих его современников, Крымская война выявила вопиющее несоответствие между теорией и практикой военного искусства. Чтобы изменить это положение, Леер предлагал ввести систематическое изучение стратегии и её эволюции в ходе истории, особое внимание уделяя наполеоновским вой-

¹¹¹ Great Britain War Office, *The Armed Strength of Russia* (1873 ed.), 107–110.

¹¹² Erickson, *The Russian Imperial / Soviet General Staff*, 12–13; см. также: Гололобов А. Наша академия генерального штаба (Сравнительный очерк) // Военный сборник. Т. 79. № 5. Май 1871. С. 90–107 (раздел II «Чем должна быть наша академия генерального штаба: военным университетом или аппликационной школой?». — *Прим. ред.*)

нам и современной эпохе. Отталкиваясь от богатых традиций Н. В. Медема и Антуана-Анри Жомини и черпая вдохновение в современных ему позитивистских тенденциях, Леер выступал за использование истории как фактической основы, из которой следует извлекать основные и неизменные принципы военного искусства, лежащие в основе современной стратегии. В 1867 г. он опубликовал отдельными выпусками в «Военном сборнике» первый вариант своего учебника по стратегии. Хотя Леер посвятил несколько десятков страниц значению железных дорог, отмечая, что они могут ускорить сухопутную переброску войск в 6 раз, а их снабжение — в 15 раз, он упрямо отказывался смотреть на текущие военные реалии иначе чем через теоретическую призму наполеоновского опыта¹¹³. В 1871 г., читая в академии курс лекций о последствиях Франко-прусской войны, Леер делал справедливый вывод о том, что пар, электричество и возросшая огневая мощь проводят резкую грань между текущей и наполеоновской эпохами. Однако, признавая значение железных дорог для ускоренного сосредоточения войск и их своевременного снабжения, Леер отмечал, что выражение «врознь двигаться, а вместе драться» принадлежит не Мольтке, а Наполеону. Далее Леер утверждал, что «если прусаки в 1866 и в 1870 годах действовали по *наружным* операционным линиям и разделяли свои силы потому, что обстановка этого требовала, то далеко ещё отсюда не следует, чтобы *внутренние* операционные линии и принцип сосредоточения сил отжили свой век»¹¹⁴. Тем самым преданность Леера Наполеону и его чрезмерное увлечение теорией вели к тому, что он видел лишь деревья, да и то не те, что надо, в то время как вокруг него менялся весь лес.

В течение всей своей карьеры в академии Леер продолжал раздвигать пределы теории, представляя резкую противоположность своему коллеге М. И. Драгомирову, который упрямо сохранял преданность прикладной тактике. Многие из того, что происходило в академии в последующие тридцать лет, можно объяснить различиями в их методах, интересах и акцентах. Речь шла не только об интеллектуальном будущем армии, но и о извечном вопросе, чему следует уделять большее внимание в высшем военном учебном заведении — теории или практике. Разумеется, наиболее разумным был бы сбалансированный подход, но из наследия Леера и Драгомирова явствует, что о компромиссе не могло быть и речи¹¹⁵.

¹¹³ Леер Г. Современное состояние стратегии // Военный сборник. Т. 57. № 10. Октябрь 1867. С. 230.

¹¹⁴ Цит. по: Леер Г. Стратегический и тактический обзор франко-прусской войны (до Седана) // Военный сборник. Т. 81. № 10. Октябрь 1871. С. 164 и 165 (цитаты. — Прим. ред.), 168–170 (раздел «Железные дороги». — Прим. ред.)

¹¹⁵ Достоинства, присущие наследию каждого из этих деятелей, подробно обсуждаются в главе 4 данной книги; см. также: Макиев Ф. А. Несколько слов о Драгомировском и Лееровском периодах начальствования академией // Военный сборник. № 12. Декабрь 1907. С. 234–238.

Вне зависимости от расстановки акцентов, растущее значение академии Генерального штаба, безусловно, внесло свой вклад в повышение профессионализма русских военных. Когда выпускники академии начали занимать видные должности, образование стало рассматриваться как важный фактор карьерного роста, хотя успехи в учёбе так никогда полностью и не смогли заменить тех преимуществ, которые давали происхождение и привилегированное положение. В реальности самой серьёзной гарантией продвижения по служебной лестнице служило, вероятно, сочетание образования и происхождения. Несмотря на небольшое на первых порах число выпускников, роль учёбы в академии как первого шага на пути к жизненному успеху постепенно начала сказываться на составе армейских командных и штабных структур. Как указывал Джон Эриксон, за тридцатилетие между 1852–1882 гг. академию окончили 1 329 чел., из них 903 — получили назначения непосредственно в Генеральном штабе, а 327 — последовательно выдвигались на всё более высокие командные должности: 197 — во главе полков, 66 — бригад, 49 — дивизий, 8 — корпусов и 7 — военных округов¹¹⁶. Строевую службу выпускники академии нередко несли с отличием, что позволило генералу Обручеву как-то заметить, что во время русско-турецкой войны генерал, отдавая приказ строевому офицеру со значком Николаевской академии, имел больше оснований надеяться на то, что приказ будет успешно выполнен¹¹⁷. Хотя сделать предстояло ещё немало, под руководством Милютин постепенно выстраивалась система, в которой многие командиры и штабные офицеры среднего уровня были ветеранами и полевой службы, и Николаевской академии Генерального штаба. Лишь впоследствии «генштабисты» обзаведутся чем-то вроде корпоративной ментальности и привыкнут считать себя армейской элитой¹¹⁸.

Возвышение Драгомирова

В то время как Милютин реорганизовывал обучение и тактику, задача донесения нововведений до рядовых бойцов легла на плечи преподавателей и войсковых командиров. Уже в начале 1860-х гг. Михаил Иванович Драгомиров стал выразителем и исполнителем учебных и тактических принципов, сформировавшихся, по сути дела, под его руководством. Он родился в 1830 г. в украинском городе Конотопе в семье дворянина, ветерана наполеоновских кампаний. Драгомиров, как и его отец, избрал военную карьеру, поступив сперва в Дворянский полк (1846), а затем в гвардейский Семеновский полк

¹¹⁶ *Erickson, The Russian Imperial / Soviet General Staff*, 15–16.

¹¹⁷ *Van Dyke, Russia's Military Professionals*, 68–69.

¹¹⁸ *Erickson, The Russian Imperial / Soviet General Staff*, 14.

(1849). В 1854 г. он успешно сдал вступительные экзамены в Николаевскую военную академию, где слушал лекции Астафьева и, подобно многим своим современникам, был глубоко встревожен поражением в Крыму. Окончив академию с золотой медалью, Драгомиров отправился в Западную Европу, где недолгое время обучался в знаменитой военной школе Сен-Сир, а затем был откомандирован для ознакомления с методами подготовки, применявшимися во французской и британской армиях. В 1859 г. Драгомиров получил официальную должность российского наблюдателя в быстротечной войне между Австрией и Сардинией, но прибыл к театру военных действий слишком поздно и не успел стать непосредственным очевидцем событий¹¹⁹.

Эти впечатления от пребывания за границей способствовали формированию у Драгомирова стойких убеждений по вопросам тактики и обучения, а также взаимоотношения между ними. Подобно многим реформаторски настроенным современникам, Драгомиров призывал к тому, чтобы армия преодолела своё пристрастие к парадам и мелочной регламентации, и по примеру своего предшественника Суворова требовал, чтобы войска занимались исключительно развитием необходимых боевых навыков. Собственно, именно с лёгкой руки Драгомирова приобрёл популярность один из суворовских принципов: «учить тому, что необходимо на войне»¹²⁰. Для Драгомирова война была не упражнением на механическое перемещение шахматных фигур, а смертельной борьбой между двумя живыми силами, в которой внезапность является скорее правилом, нежели исключением. Современная война требовала боевой подготовки не марширующих марионеток, а бойцов с разносторонними способностями.

Отчасти эти убеждения опирались на распространённую в то время идею, что любая война протекает в двух сферах — физической и нравственной (или духовной). В отношении нравственного элемента, наблюдения Драгомирова и исторические уроки привели его к выводу, что человек в бою подвержен двум противоположным побуждениям: к самосохранению и самопожертвованию. Эти побуждения, в свою очередь, являются порождениями соответственно разума и воли. С целью преодоления явного противоречия между разумом и волей в бою, Драгомиров предлагал разделить боевую подготовку на две категории — воспитание и образование. Первое развивало в солдатах преданность, отвагу и патриотизм. А второе

¹¹⁹ Советская военная энциклопедия. В 8-ми тт. Т. 3. Статья «Драгомиров Михаил Иванович». (Во время обучения М. И. Драгомирова в академии её официальное название было: Императорская военная академия (до 1855 г.), вполс. Николаевская академия Генерального штаба. — *Прим. ред.*)

¹²⁰ Лобов В. Н. Русский военный мыслитель и педагог // Военная мысль. № 2. Февраль 1990. С. 44–45. (Лобов, приводя это выражение, оговаривается, что этот принцип звучит так в современной формулировке. — *Прим. ред.*)

давало им стрелковую подготовку, приёмы штыкового боя и физические упражнения¹²¹.

С точки зрения Драгомирова, разум и воля проявляются на поле боя соответственно в огнестрельном и в холодном оружии. Поскольку сама суть победы состоит в том, чтобы навязать противнику свою волю, Драгомиров полагал, что штыковая атака является ключевым моментом битвы. Любые перестрелки — не более чем прелюдия к решающей схватке двух волей в тот момент, когда два противника сходятся в рукопашной схватке. Признавая серьёзную роль физического или материального элемента в бою, Драгомиров в своей концепции обучения и тактики первое место отводил всё же нравственному фактору.

Представления Драгомирова были вполне созвучны новым порядкам в российской армии, при которых рядовые бойцы были уже не крепостными, а свободными людьми, и их обучение соответственно требовало, чтобы упор делался на поощрение и положительные стороны боя. Занимая с 1860 г. в военной академии должность адъюнкт-профессора тактики, Драгомиров подчёркивал необходимость единообразного подхода к военному обучению, которое бы направляло всю сознательную деятельность солдата к достижению военных целей. С 1862 г. Драгомиров также входил в созданный Милютиным специальный комитет по устройству и образованию войск — эта должность позволила молодому офицеру внедрить многие свои идеи в военную доктрину и в практику. Драгомиров сыграл ключевую роль в придании нового измерения русским методам армейского обучения. В соответствии со своими убеждениями, он призывал Военное министерство разделить военную подготовку на две категории: воспитание и образование. С целью воспитания, то есть развития воли, наставник должен насаждать в бойцах преданность государю и отечеству, дисциплину, веру в то, что выполнение приказа является священным долгом солдата, отвагу, решительность и чувство локтя. Образование должно включать в себя выработку таких навыков, как меткая стрельба, приёмы штыкового боя, гимнастика и тактика. Согласно концепции Драгомирова, воспитание имеет большее значение, чем образование, так как неопытный, но стойкий боец предпочтительнее опытного, но нестойкого. Кроме того, при наличии мотивации солдат будет обучаться боевым навыкам более усердно, чем его товарищ, заражённый безразличием¹²².

¹²¹ Gary Vincent Malanchuk, «The Training of an Army: M. I. Dragomirov and the Imperial Russian Army, 1860–1905», M. A. thesis, Miami University, 1978, 15–17.

¹²² Ibid., 19–21; Курс тактики для гг. офицеров учебного пехотного батальона / Сост. М. И. Драгомиров. Изд. 2-е. СПб., 1867. С. 69; см. также: А. М. Комиссаров, М. И. Драгомиров о воинской дисциплине // Военно-исторический журнал. 1989. № 6. С. 89–90.

Тактика пехоты

Концепции Драгомирова принесли больше пользы при преодолении разрыва между обучением армии крепостных и армии свободных людей, чем при преодолении разрыва между техникой и тактикой. Помимо более общих проблем, связанных с организационным и социальным окружением, на эволюцию тактических концепций и принципов оказало влияние несколько важных факторов. Одним из них был опыт, полученный русской армией в Крымской войне. Другим — опыт чужих армий, приобретённый в войнах той эпохи, включая главным образом Австро-сардинскую войну 1859 г., Гражданскую войну в США, Датскую войну 1864 г., Австро-прусскую войну 1866 г. и Франко-прусскую войну 1870–1871 гг. Драгомиров и его современники старались на примере этих конфликтов принять верные решения в отношении развития русской тактической доктрины. Налицо было серьёзное расхождение во мнениях, однако возникавшая система представляла собой компромисс между старым и новым, где взгляды Драгомирова брали верх над взглядами некоторых из его более смелых коллег.

Опыт сражений, происходивших после 1853 г., свидетельствовал о том, что неудача наступательных действий в первую очередь была связана с тяжёлыми потерями в рядах атакующих в тот промежуток времени, когда они покидают исходные рубежи атаки и идут на сближение с противником. Эти потери объяснялись применением нарезного ручного оружия, позволявшего обороняющимся вести огонь по атакующим с больших дистанций, более метко и более продолжительное время. В противоположность гладкоствольным ружьям прежней эпохи винтовка давала пехотинцам возможность точно поражать цели на дистанциях от 500 до 1 000 шагов. Такой вывод заставил аналитиков и обозревателей искать новые способы проведения наступательных действий, которые бы снижали боевые потери до неопределённого, но приемлемого уровня. Решения предлагались разные¹²³.

Возможно, наиболее радикальный выход предложил А. И. Астафьев, который в 1856 г. издал трактат «О современном военном искусстве». Он признавал влияние нового вооружения на ход сражений и делал вывод о том, что нарезное оружие изменило ключевые характеристики поля боя. Как считал Астафьев, основная задача тактика состоит в том, чтобы найти способ использовать возросшую мощь нарезного оружия, одновременно снижая собственные потери. Опыт свидетельствовал о необходимости крупномасштабного применения тактики разомкнутого строя и стрелковых цепей. Астафьев выступал за использование разомкнутого строя не только на рот-

¹²³ Курс элементарной тактики / Сост. П. М. Гудим-Левкович. В 3 т. СПб., 1887–1890. Т. I. С. 22–23; Мещеряков Г. П. Русская военная мысль... С. 143.

ном, но также на батальонном, полковом и бригадном уровнях. По его мнению, прежнее построение колоннами оставалось полезным только при движении к полю боя. Если требовалась штыковая атака, то разбросанные части должны были мгновенно сомкнуть строй и нанести единый массированный удар. При астафьевской тактике рассыпного строя особое значение приобретали учёт особенностей местности и даже земляные укрепления. Наряду с рассыпным строем Астафьев также выступал за внедрение такой формы, цвет которой делал бойцов менее заметными на поле боя, а покров обеспечивал бы большую свободу движений. Астафьев не касался важной проблемы управления войсками в бою¹²⁴.

Леер и Драгомиров, по примеру Астафьева, также пришли к более систематическим взглядам по злободневным вопросам тактики. Оба они благодаря многочисленным сочинениям пользовались в 1860-е и 1870-е гг. колоссальным влиянием в русской офицерской среде. Леер в большей степени, чем Драгомиров, выражал тенденцию к развитию военных исследований как науки. Он определял тактику как теорию и искусство наиболее выгодного использования таких элементов, как войска, оружие и условия местности, в сражениях и битвах. Так же, как и в области стратегии, Леер полагал, что основой для создания тактической теории служит критический анализ событий военной истории. В своём учебнике тактики Леер выступал приверженцем сомкнутого строя, тем самым выражая свойственную для того периода тенденцию к недооценке огневой мощи и одновременной переоценке штыковой атаки. Тем не менее его учебник был полезен в том смысле, что требовал координировать действия отдельных родов войск, подчёркивал значение диспозиций и призывал к обязательной разведке вражеских сил и местности¹²⁵.

Многие из этих настроений отражались и во взглядах Драгомирова, хотя он решительно выступал против научных соблазнов. Драгомиров полагал, что между теоретической и прикладной тактикой не должно быть никакой разницы, и в сущности, его важнейшим вкладом в военную мысль было требование соблюдать единство войсковой подготовки и тактической практики. В сфере тактики Драгомиров не поддерживал радикального решения, предложенного Астафьевым, придавая куда меньшее значение огневой мощи в современном сражении. Драгомиров считал, что задача тактики — поиск наилучшего сочетания огня и стального клинка для достижения победы на поле боя. По его мнению, пуля и штык дополняют друг друга, и неудивительно, что он предлагал использовать в бою два основных строя — сомкнутый и ра-

¹²⁴ Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков. С. 20–21. (Труд Астафьева на стр. 203–250. — *Прим. ред.*)

¹²⁵ Мещеряков Г. П. Русская военная мысль... С. 202–205.

зомкнутый. «Действие холодным оружием требует строя сомкнутого..., действие оружием огнестрельным требует рассыпного строя...», — писал он в своём учебнике для военных училищ¹²⁶.

Исходя из своей убеждённости в превосходстве духовного над физическим, Драгомиров утверждал, что основным строем для атаки остаётся сомкнутый, но он понимал, что опыт недавних войн трудно игнорировать, и поэтому соглашался с тем, что разомкнутый строй также играет важную роль в атаке, но такую роль, которая требует существенной степени независимости. Драгомиров призывал к учениям и манёврам для того, чтобы выработать рациональное соотношение между этими двумя типами строя, особенно при взаимодействии с кавалерией и артиллерией. Кроме того, Драгомиров писал о необходимости применения строя к местности, выделяя два типа тактического использования особенностей местности — «пассивный» и «активный». Способность к преодолению препятствий он называл «активным» применением к местности, использование местности в целях укрытия — «пассивным»¹²⁷.

Взгляды Драгомирова на применение к местности и стрельбу свидетельствуют о том, насколько его тактические концепции вытекали из его общего понимания боевого духа и нравственного начала. Драгомиров полагал, что чрезмерная приверженность прицельной стрельбе вынуждает солдат слишком полагаться на свою меткость и тем самым лишает атаку импульса, когда бойцы останавливаются, чтобы сделать новый залп. Нельзя допускать никаких препятствий на пути единого порыва, который и приводит к успеху атаки. Точно так же стремление к поиску укрытия на поле боя делает бойцов слишком зависимыми от инстинкта самосохранения. Ничто в такой степени не подрывает мощь атаки, как забота о собственной безопасности. Поэтому Драгомиров рекомендовал рыть траншеи только в качестве искусственных препятствий, способных задержать наступление врага¹²⁸.

Возможно, благодаря настояниям Милютина, Драгомиров в течение 1860-х гг. состоял на должности профессора тактики в Николаевской академии. Это позволило ему оказывать своими лекциями и сочинениями значительное влияние на создание тактических уставов нового поколения. Кроме того, Драгомиров принимал непосредственное участие в разработке этих уставов, входя в состав Комитета по устройству и образованию войск, который был учреждён Милютиным в 1862 г. с целью наблюдения за пересмо-

¹²⁶ Драгомиров М. И. Сборник оригинальных и переводных статей 1858–1880. В 2-х т. СПб., 1881. Т. I. С. 28.

¹²⁷ См.: Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. С. 143–144; Зайончковский П. Военные реформы... С. 186.

¹²⁸ Зайончковский П. Там же. С. 186.

тром полевых и тактических уставных требований. Поэтому не случайно, что в уставах 1860-х и 1870-х гг. заметна печать драгомировских представлений¹²⁹.

Наиболее ярким примером сочетания старого и нового явились новые уставные требования наступательной тактики пехоты, созданные под руководством Драгомирова. «Устав строевой пехотной службы», изданный в 1866 г., представлял собой первый новый пехотный устав с 1831 г. (не считая исправлений 1840-х гг.). В общем, авторы устава одобряли усиление огневой мощи в качестве прелюдии к штыковой атаке. Исходя из этого, при подготовке к атаке и её проведении устав предписывал сочетание сомкнутого и разомкнутого строя, оставляя выбор строя, наиболее соответствующего ситуации, в значительной степени на усмотрение командиров. Сам устав был разделён на три части. В первой — «Школа рекрутская» — выражались новые взгляды таких авторов, как Драгомиров, который всячески выступал за позитивный подход к обучению солдат основам военного дела. В уставе говорилось, «...что если рекрут не исполняет чего-либо или исполняет дурно, то это происходит, за весьма редкими исключениями, не от нерадения, а от непонимания требований». Короче говоря, акцент делался на упрощении инструкций, пользе примера — «показа», важности поощрения, а также на обучении солдат только тому, что необходимо на войне. Такой подход полностью соответствовал любимому изречению Драгомирова (позаимствованному у Суворова) — «учить в мирное время только тому, что придётся делать в военное»¹³⁰.

Во второй и третьей частях устава давались указания по тактике, начиная с ротного и заканчивая полковым уровнем. Русская система, сложившаяся в 1860-е гг., предусматривала деление полка на три батальона, каждый из которых включал в себя 5 рот (4 линейных и 1 стрелковую). В соответствии с такой организацией пехотный устав придавал особое значение «двухшереножному строю» и превращал батальон в главную тактическую единицу. Боевой строй батальона состоял из одной—двух шеренг сомкнутых ротных колонн, размещённых в 150–300 шагах позади стрелковой цепи. Ширина фронта батальона составляла 200–400 шагов, а глубина 500–700 шагов. При нормальном боевом порядке четыре линейных роты батальона, имея целью перейти в штыковую атаку, наступали в сомкнутом строю позади стрелковой цепи, образованной пятой — стрелковой — ротой. В ходе наступления стрелки передвигались перебежками, по 50–100 шагов. За ними плотным строем следовали линейные роты, обычно безостановочно, хотя теоретически под огнём

¹²⁹ Von Wabde, *Military Thought in Imperial Russia*, 120–122; см. также: Гапеев М. А. Общевойсковые учения. М., 1983. С. 53–58.

¹³⁰ Курс тактики... / Сост. Драгомиров. С. 67 (цитата); см. также с. 67–69; (См. цит. из устава: Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. С. 146. — Прим. ред.)

они могли остановиться, залечь и даже рассеяться. Когда линейные роты оказывались в нескольких сотнях шагов от вражеской позиции, стрелки отходили на один из флангов, освобождая линейным ротам пространство для штыковой атаки¹³¹.

При подобном боевом порядке штык приобретал вчетверо большее значение, чем огонь. На практике мания к соблюдению огневой дисциплины ещё более снижала роль огнестрельного оружия. Устав предписывал, чтобы стрелковая цепь открывала огонь по сплошным целям на дистанции в 600–800 шагов и по отдельным целям — начиная с 300 шагов. На учениях и в бою стрелков всячески призывали экономить боеприпасы. Например, Драгомиров требовал, чтобы его стрелки, прикрывая атаку, расходовали не более половины своих 60 патронов¹³². Если требование Драгомирова являлось нормой и если командиры не позволяли линейным ротам открывать огонь во время атаки, то каждый батальон использовал в атаке не более 10% своего огневого потенциала — очевидно, это делалось в явном убеждении, что огнестрельное оружие играет в атаке вспомогательную роль по сравнению с холодным.

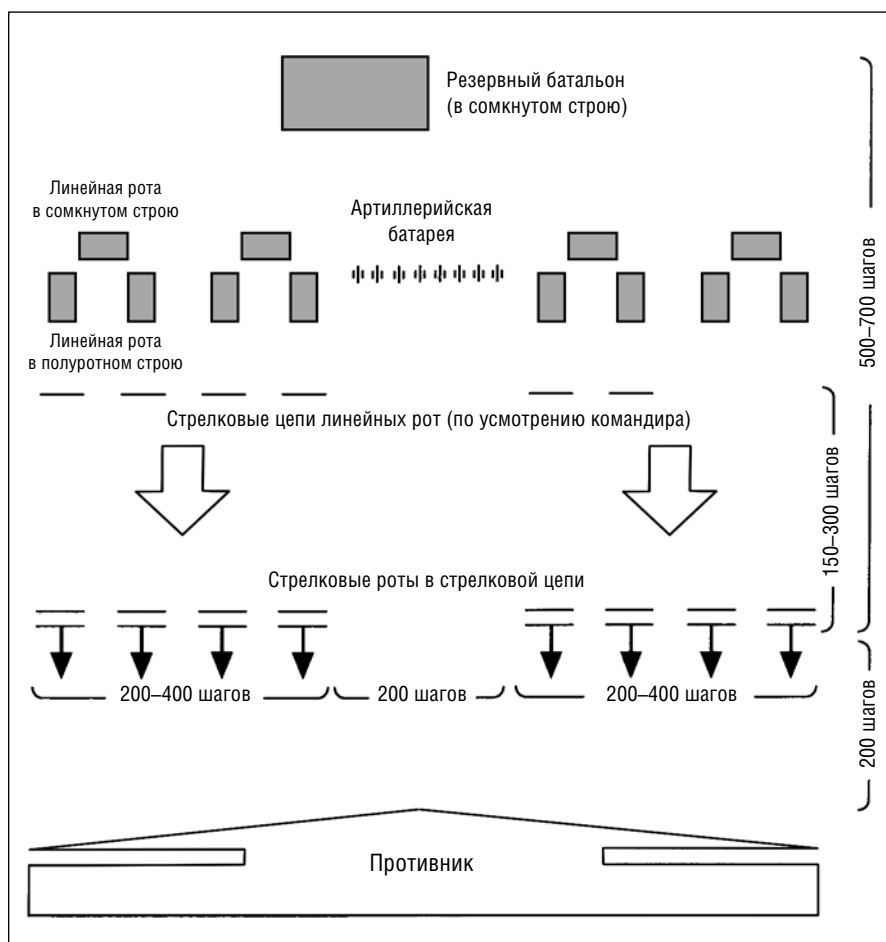
Подобная расстановка приоритетов отражалась также на войсковой организации и преобладавших в армии настроениях. Пехотный офицер Б. Н. Грек впоследствии писал, что «стрелков строго отличали от линейных. Первых готовили для действия в цепи огнём, а последних, по старым традициям, предназначали почти исключительно для штыкового удара...»¹³³. Хотя устав на словах призывал к гибкости, командиры с крайней неохотой использовали линейные роты для поддержки стрелков, чтобы не снижать численность линейной пехоты. И хотя в теории стрелки обладали свободой выбора целей и режима огня, на практике командиры предпочитали сохранять жёсткий контроль над стрелковыми цепями. Линейную пехоту обучали в первую очередь залповой стрельбе в сомкнутом строю. Аналогичным образом устав, признавая значение ружейного огня, не обеспечивал достаточной глубины строя, в чём выразилась принципиальная неспособность его авторов представить себе последствия ружейного огня в бою. Стремление во что бы то ни стало сохранять порядок в строю приводило к тому, что командиры противились усилению стрелковой цепи и не позволяли передвигаться перебежками от одного укрытия к другому. Грек, наоборот, утверждает, что, в наступлении широко практиковалось движение «в ногу и подравнивание»¹³⁴.

¹³¹ Курс тактики... / Сост. Драгомиров. С. 290–295 (подраздел «бой». — *Прим. ред.*); F. V. Greene, Report on the Russian Army and Its Campaigns in Turkey in 1877–1878 (New York, 1879), 441–443. (См. также: *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX веке. С. 147. — *Прим. ред.*)

¹³² Описание русско-турецкой войны... Т. I. С. 164. (Уставным документом являлось «Наставление для обучения стрельбе в цель пехоты и драгун» 1870 г. — *Прим. ред.*)

¹³³ Цит. по: *Беляев Н. И.* Русско-турецкая война... С. 46.

¹³⁴ Там же. С. 45.

Боевой порядок полка в наступлении. 1876

Источники: Развитие тактики русской армии. М. 1957; The Armed Strength of Russia, 1873

Опыт современной войны явно вступал в противоречие с практикой, принятой в русской армии, но не до такой степени, чтобы побудить к внесению исправлений в основные принципы пехотной тактики. В начале 1870-х гг. Франко-прусская война вызвала оживлённые дискуссии о необходимости дальнейших изменений. Один из наблюдателей, барон Л. Л. Зедделер, написал для «Военного сборника» шумевшую статью «Пехота, артиллерия и кавалерия в бою и вне боя в германо-французской войне 1870–1871 годов». Барон отмечал, что вследствие возросшей огневой мощи казнозарядного оружия «рукопашный бой случался только при атаке местных предметов». В иных случаях *«огонь всегда предпочитался штыку»*. Это объяснялось тем, что «огнестрельное оружие получило небывалую ещё силу, заменившую, по крайней мере в минувшей войне, штыковую атаку». Поэтому русским военным следует пересмотреть свои методы ведения огня и сближения с врагом. Вслед за Астафьевым, Зедделер призывал полагаться в бою главным образом на индивидуальную стрельбу и стрелковые цепи, поскольку «для боя *основной строй есть рассыпной*, и только в виде исключения — *сжмнутый*». Зедделер полагал, что в русской армии следует уделить особое внимание индивидуальной подготовке, посвящая как можно больше времени стрельбе по целям на различных дистанциях — «развить по возможности стрелковое дело», но в то же время обучая солдат «ловко применяться к местности, действовать самостоятельно в рассыпном строю, соблюдать строгий порядок в строю, употребляемом в бою, т. е. рассыпном»¹³⁵.

Предложения Зедделера практически не получили официальной поддержки. Созданный Милютиним механизм по обсуждению и проведению в жизнь преобразований — Главный комитет по устройству и образованию войск — отказался увеличить дистанцию учебной стрельбы до 1 000 шагов, ссылаясь на первоочередность «других требований боевой подготовки войск». Предложение использовать беглый огонь также было отвергнуто под тем предлогом, что скорострельность — это «вопрос, связанный с увеличением расходов». Основное внимание при обучении по-прежнему уделялось залповому огню по команде, потому «что хорошо направленные залпы производят в бою независимо от урона весьма сильное впечатление на неприятеля, а в мирное время могут служить средством для приучения людей к полному вниманию и подчинению их выстрелов воле начальника». Тем не менее Комитет согласился с тем, что не следует пренебрегать огнём «до крайних дистанций», и полагал «ограничиться» обучением по минимуму — «для лучших стрелков» — трети состава каждой линейной роты. Комитет ничего не предпринял для того, чтобы внести

¹³⁵ Флигель-адъютант барон Зедделер. Пехота, артиллерия и кавалерия в бою и вне боя в германо-французской войне 1870–1871 годов // Военный сборник. 1872. Т. 86. № 7. С. 52–68. (Цит. по: С. 54, 55, 50, 56, выделение курсивом в тексте цитат авторское. — Прим. ред.)

изменения в боевые порядки, хотя и проявил некоторый интерес к наблюдению Зедделера о возросшем значении стрелковых цепей¹³⁶.

Кавалерия

В течение двух десятилетий между Крымской войной и Русско-турецкой войной 1877–1878 гг. роль кавалерии в современной войне стала предметом оживлённых дискуссий. Некоторые военные наблюдатели полагали, что изобретение нарезного оружия означает смертный приговор конному войску. Русский и британский опыт, полученный под Балаклавой, ясно указывал, что дни кавалерии как ударного боевого средства на поле боя уходили в прошлое. Уроки и Гражданской войны в США, и Франко-прусской войны 1870–1871 гг., казалось бы, подтверждали этот вывод. В американской гражданской войне кавалерия применялась, однако не только в целях нарушения боевого порядка противника на поле боя, но и для дальней разведки и нанесения ударов по тылам. В русской же кавалерии процесс расширения старых функций и приобретения новых продвигался медленно, а тактические и организационные расчёты несли на себе печать консервативных взглядов и институциональной инерции.

Почти полтора десятилетия консервативные силы сохраняли превосходство. Драгомиров, будучи пехотным офицером, настаивал на том, что его взгляды на эффективность внезапных ударов распространяются также и на кавалерию, давая традиционалистам возможность ссылаться на мнение одного из ведущих тактических авторитетов той эпохи. Подкрепление поступало и от корпуса кавалерийских офицеров — традиционного оплота старинных и наиболее консервативных знатных семей. Сама монархия, вольно или невольно, усиливала инерцию своим увлечением парадами и церемониями, которые отвлекали от тактической подготовки. Из трёх родов войск кавалерия выказывала наиболее сильную предрасположенность к парадомании прежней эпохи¹³⁷.

Лишь в 1869 г. появился новый «Устав о кавалерийской строевой службе». Три его части, содержавшие предписания для отдельных кавалеристов, командиров эскадронов и командиров полков, представляли собой аналоги трёх разделов пехотного устава, вступившего в действие тремя годами ранее. Каждый кавалерийский полк делился на четыре эскадрона плюс один резервный. Эскадрон, разбитый на четыре взвода, представлял собой основ-

¹³⁶ Описание русско-турецкой войны... Т. I. С. 165–167. (Цит. по: С. 165–166 со сноской, см. также: *Зайончковский П.* Военные реформы... С. 190. — *Прим. ред.*)

¹³⁷ См. подробнее: *Мещеряков Г. П.* Русская военная мысль... С. 212–213; см. также: *Курс тактики...* / Сост. Драгомиров. С. 184–185. (Из раздела «Соединение трёх родов войск». — *Прим. ред.*)

ную тактическую единицу. В уставе значительное внимание уделялось единообразной подготовке кавалеристов и их коней с целью развития силы, подвижности и выносливости.

Новый устав уделял большее внимание конной атаке, чем устав 1845 г., что было связано с преобладанием идей о значении внезапных ударов. На дистанции в 1 000–1 200 шагов от врага кавалерийский отряд выстраивался в несколько шеренг для атаки в сомкнутом строю. Приближаясь к врагу, кавалеристам следовало перейти с рыси на «фронтальной галоп», а затем нестись вперёд во весь опор — «карьером». Помимо сомкнутого строя, устав предусматривал необходимость атак в рассыпном строю «для преследования разбитого неприятеля» и для нападения на «неприятельские батареи». Хотя в уставе достаточно много места было посвящено построениям, пригодным для парадов и смотров, авторы доктрины явно не видели большой необходимости в соблюдении симметрии и чёткости строя на поле боя. Устав чётко указывал: когда эскадрон мчится в атаку, «...ряды не могут быть совершенно сомкнуты, и равнение также не может быть так хорошо, как на других аллюрах, чего и требовать не следует, дабы не лишиться быстроты». Ведение огня во время атаки совершенно отменялось. Возможность атаки в спешенном строю также не предусматривалась — в уставе ясно говорилось, что «по малой действительности пальбы с коня, удар холодным оружием составляет главное и даже, можно сказать, единственное средство, которым располагает кавалерия для нанесения вреда противнику»¹³⁸.

Взгляды традиционалистов почти не появлялись в печати после того, как адепты перемен начали кампанию, которая привела к постепенному внесению поправок в устав и в процесс обучения. Само Военное министерство, стараясь учесть уроки Гражданской войны в США, в начале 1870-х гг. отводило всё больше внимания взглядам Н. Н. Сухотина, который выделял глубокие рейды и разведку как истинные задачи современной кавалерии¹³⁹. В 1871 г. Военное министерство издало указания по пешей подготовке драгун, а в 1873 г. за ними последовало и предписание о пешем обучении гусар и улан. За этими новшествами стояла идея о том, что конные отряды разных типов станут проводить самостоятельные операции по прикрытию переправ, при прохождении дефилов, захвату населённых пунктов и проведению дальних рейдов. Та же самая идея привела к частичному вооружению кавалерии винтовкой Бердана № 2 и к распределению по частям пироксилина для взрывных работ¹⁴⁰.

¹³⁸ Цит. по: *Зайончковский П.* Военные реформы... С. 206–207.

¹³⁹ О чуть более поздней реакции на взгляды Сухотина см.: *Сухомлинов В. А.* Воспоминания. Берлин, 1924. С. 53, 62–63.

¹⁴⁰ *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX веке. С. 154; см. также: *Зайончковский П.* Во-

Дополнительные задачи, сочетавшиеся с продолжающимся увлечением парадными и атаками в сомкнутом строю, влекли за собой противоречивые требования к кавалерии. С одной стороны, плац-парадная рутина и маниакальное, по сути, стремление к отточенности и лоску заставляло многих командиров беречь своих людей и лошадей для официальных церемоний и инспекций. Раздававшиеся иногда требования продемонстрировать способность к глубоким рейдам для захвата вспомогательных целей приводили к ошеломляющим, но предсказуемым результатам. Лошади оставались целы, но всадники из-за долгой гарнизонной жизни выказывали свою полную никчёмность. Во время полевых учений летом 1876 г. командующий Варшавским военным округом приказал трём конным эскадронам преодолеть за 44 часа 160 вёрст (приблизительно 144 км) с целью захватить и удерживать переправу на Висле. Один из участников пробега отмечал, что к концу рейда люди так устали, что у некоторых начались галлюцинации, а другие не могли исполнять даже самых элементарных заданий. Он пришёл к выводу, что они были бы «не в состоянии оказать какое-нибудь противодействие в случае нападения даже слабого противника»¹⁴¹.

Наоборот, на манёврах, проводившихся в 1876 г. в Виленском округе, кавалерийская дивизия преодолела 100 вёрст и по завершении рейда продемонстрировала готовность к бою. В 1877 г. великий князь Николай Николаевич присутствовал на учениях, во время которых 12 кавалерийских эскадронов проделали путь в 170 вёрст за два дня, что не отразилось сколько-нибудь серьёзно на их боеспособности¹⁴². И это были не единичные случаи.

В целом кавалерия не отличалась высокой готовностью к продолжительным кампаниям; в этом в какой-то мере было виновато отсутствие чётких взглядов на роль конницы в современной войне. Хотя новые идеи давали повод для известного оптимизма, это были лишь отдельные яркие фрагменты в калейдоскопе апатии, инерции, самоуспокоенности и институционального застоя. В этом отношении русская кавалерия, вероятно, мало отличалась от своих европейских аналогов.

Полевая артиллерия

Положение кавалерии после 1856 г. было во многом неопределённым. То же касалось и полевой артиллерии, хотя и по иным причинам. Мало

енные реформы... С. 207; ср.: *Jay Luvaas, The Military Legacy of the Civil War* (Chicago, 1959), 112–113.

¹⁴¹ Цит. по: *Зайончковский П.* Военные реформы... С. 210.

¹⁴² *Зайончковский П.* Военные реформы... С. 210.

кто из обозревателей всерьёз оспаривал мнение, что артиллерия сохранит свою роль в грядущих сражениях, но сама природа этой роли вызывала большие споры. Кроме того, стремительное развитие военно-технических средств само по себе приводило к осложнениям двоякого рода. Во-первых, оно зачастую опережало возможности казны по закупке нового вооружения, особенно в ту эпоху, когда иные, и не менее важные, задачи непрерывно предъявляли новые требования к государственному бюджету. Во-вторых, темпы модернизации далеко превышали способность артиллеристов привести свои взгляды и практические навыки в соответствие с новыми техническими реалиями.

Крымская война протрезвила российских артиллеристов, ознакомив их с возможностями нарезного оружия. Со времён Петра Великого они выезжали на поле боя, вручную устанавливали свои гладкоствольные орудия на позицию, а затем стрельбой на близких дистанциях пробивали брешы в плотных вражеских строях. Артиллеристы защищали пехоту, многократно умножая её незначительную огневую мощь, и открывали ей дорогу к наступлению или отступлению. С изобретением нарезного ручного оружия орудийная прислуга сама неожиданно оказалась уязвимой для пехотного огня. На Альме и при Инкермане вражеские стрелки безжалостно расстреливали русских артиллеристов, которые отважно шли в атаку вместе с пехотой. В 1857 г. многие военные агенты сделали вывод, что лишь стационарная, гладкоствольная артиллерия в Севастополе сумела внушить врагу уважение к русским пушкам. Что же касается полевой артиллерии, она не выдержала проверки боем¹⁴³.

Технические неясности в сочетании с институциональными привычками, профессиональными предубеждениями и противоречивыми взглядами на прошлые и настоящие кампании привели к отсутствию в посткрымский период чёткой линии в тактике и методах обучения. Поскольку многие артиллерийские части на первых порах сохраняли гладкоствольные дульнозарядные орудия, в конце 1850-х и начале 1860-х гг. обучение артиллеристов почти не претерпело изменений. Артиллерийский устав 1859 г. предписывал пять видов («родов») стрельбы, большинство из которых было рассчитано на поддержку традиционных линейных построений прежней эпохи. Устав отличался излишней детализацией, включая требование о том, чтобы во время муштровки все расчёты, обслуживающие орудия одной батареи, чётко и одновременно выполняли одни и те же движения. Офицеры, не уделяя серьёзного внимания меткости в стрельбе, в то же время настаивали на соблю-

¹⁴³ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. С. 343–344; см. также: *Thomas Vernon Moseley*, «Evolution of the American Civil War Infantry Tactics», Ph.D. diss., University of North Carolina, 1967, 71–72.

дении стандартной дистанции между орудиями и безопасного интервала между батареями, ведущими огонь, и их передками. Ситуация усугублялась тем, что Военное министерство, несущее бремя непосильных материальных затрат, выделяло слишком мало средств на закупки боеприпасов для учебной стрельбы. Именно на этом фоне русская артиллерия в 1860-е гг. стала разрастаться в размерах и начала получать нарезные орудия в значительных количествах¹⁴⁴.

Уже полевые манёвры 1866 г. выявили существенные недостатки русской артиллерии, вызвавшие критику Милютина и предложения по их исправлению. В соответствии с преобладавшим мнением о преимуществах нарезных орудий военный министр огласил программу, в которой приоритет отдавался точности огня в ущерб его массированности. Когда в батарее начали поступать нарезные стволы, тренировка расчётов и учебная стрельба стали производиться в соответствии с распоряжениями Милютина и новыми требованиями по стрельбе на более дальние дистанции меньшим числом снарядов. Согласно новому плану применения артиллерии, всё более важную роль при обучении расчётов и учебной стрельбе стал играть наводчик. Во время учений командир батареи назначал цель и первоначальную дистанцию стрельбы, после чего в командование каждым отдельным орудием фактически вступал его наводчик, наблюдая за попаданиями, оценивая необходимую дистанцию и корректируя огонь. До 1873 г. производились кое-какие эксперименты с навесным огнём, но затем артиллеристы полностью сосредоточились на стрельбе прямой наводкой, которая, в соответствии с привычкой, сохранившейся со времён гладкоствольных орудий, обычно велась лишь на коротких дистанциях и по хорошо заметным целям. В 1873 г. Военное министерство официально одобрило корректирование стрельбы методом «вилки». В то же время артиллерийские офицеры, время от времени сотрудничавшие с математиками, приступили к разработке таблиц стрельбы, начали учитывать метеорологические данные и стали экспериментировать с такими элементарными понятиями, как централизованное управление огнём всей артиллерийской батареи¹⁴⁵.

В начале и середине 1870-х гг. скудость ресурсов усугубила те болезни роста, которыми страдала артиллерия. На вооружение принимались новые, всё более разрушительные боеприпасы, включая артиллерийские снаряды и шрапнель, как с дистанционными, так и с ударными взрывателями. Однако каждая батарея из 8 орудий ежегодно получала для тренировок лишь по 128 снарядов, причём только восемь из них были боевые, а остальные —

¹⁴⁴ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. С. 155–157; см. также: Описание русско-турецкой войны... Т. I. С. 188–190.

¹⁴⁵ Мещеряков Г. П. Русская военная мысль... С. 210–211.

дымовые, с уменьшенным взрывчатым зарядом. После 1876 г. каждая батарея получала в год по четыре шрапнельных снаряда для учений. В результате ни сами артиллеристы, ни их командиры в ходе учебной стрельбы не могли по-настоящему понять боевые возможности и недостатки своих орудий¹⁴⁶.

Во время полевых учений артиллерия вступала в учебные сражения с пехотой и кавалерией, поражая близкие цели прямой наводкой. Фактически артиллеристы 1870-х гг. пользовались новыми нарезными орудиями точно так же, как их предшественники пользовались гладкоствольными пушками в крымскую эпоху. Правда, новые орудия отличались увеличенной дальностью и меткостью попадания, но мало кто из офицеров как в самих артиллерийских частях, так и за их пределами имел представление о том, что делать с этими свойствами. При наличии казнозарядных нарезных орудий отсутствовали сколько-нибудь чёткие методы их применения для поддержки пехоты или кавалерии. Да и высшее начальство проявляло в этом отношении полную беспомощность. Перечисляя причины, по которым русская артиллерия плохо проявила себя в войне с турками в 1877–1878 гг., в официальном описании войны отмечалось, что «на неполный успех совместной работы артиллерии с другими родами оружия оказало недостаточное знакомство высших начальников со свойствами нарезной артиллерии»¹⁴⁷.

Полевые учения

Проблема координации артиллерийской поддержки с действиями пехоты и кавалерии представляла собой лишь одну сторону в общем состоянии неясности, связанной с полевыми и тактическими учениями данного периода. Ежегодные летние лагерные сборы уже давно стали неотъемлемой частью армейской жизни в мирное время, но крымское поражение и последующий упор на обучении породили куда более серьёзное отношение ко всевозможным манёврам, которые стали считаться важным и насущным делом. В 1858 г. Военное министерство издало исправленный «Воинский устав о полевой пехотной службе в мирное время», призванный заменить устав 1846 г. с таким же названием. В исправленном уставе давались общие указания по проведению полевых манёвров и соответствующим вопросам разведки и охранения. Однако армия вернулась к крупномасштабным полевым учениям лишь после 1865 г., когда в Россию начали возвращаться части, участвовавшие в подавлении польского восстания.

¹⁴⁶ Описание русско-турецкой войны... Т. I. С. 190.

¹⁴⁷ Там же. С. 196.

В 1865–1877 гг. армия ежегодно проводила сборы, настолько масштабные, что для них потребовались специальные полигоны и постоянные лагеря. Со временем появилось 27 таких «сборных пунктов», в которых могла проводить учения значительная доля боевых сил армии, если удавалось заранее спланировать учения в две смены. По сведениям министерства, в 1876 г. численность частей, принимавших участие в ежегодных учениях, составляла 460 пехотных батальонов, 321 кавалерийский эскадрон и 253 артиллерийские батареи¹⁴⁸.

Важнейшую роль в этих летних манёврах играл лагерь в Красном Селе под Санкт-Петербургом. Там армии был выделен достаточный земельный участок для того, чтобы проводить тактические учения с участием трёх родов войск в течение 8–12 дней. Штабные офицеры прибывали из своих военных округов в столицу империи для присутствия на этих манёврах, а затем воспроизводили те же самые учения со своими частями на местных полигонах. Однако при такой системе возникали две крупные проблемы. Первой была нехватка пространства для манёвров. Из всех отведённых для них мест лишь Красное Село и несколько других имели территорию, достаточную для массовых учений. Во многих регионах, включая важнейший Варшавский военный округ, имелись мощности для проведения манёвров только с одной ночёвкой. Вторым затруднением являлось отсутствие централизованного надзора за манёврами, проводившимися в разных военных округах, в чём проявлялся недостаток милютинской системы децентрализованного контроля над чрезмерно разбухшим военно-административным аппаратом Российской империи. Командующие округами подвергались давлению с разных сторон и имели в своих руках слишком разные ресурсы: в результате зачастую не было никаких гарантий того, что манёвры, проводившиеся в военных округах, точно воспроизведут условия «больших манёвров» в окрестностях столицы¹⁴⁹.

Такое отсутствие единообразия проистекало не только из децентрализации, но также из неадекватного надзора. Издававшиеся уставы не поспевали за требованиями, которые предъявляла к обучению стремительно менявшаяся армия, и постоянный поток исходивших из Военного министерства дополнительных директив явно не мог полностью компенсировать отсутствие всеобъемлющего учебного устава. Хуже того, во главе системы военной инспекции стояли члены императорской семьи, в результате чего военным очень часто приходилось выполнять не объективные требования, а личные

¹⁴⁸ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. С. 159–161; Описание русско-турецкой войны... Т. I. С. 201–203.

¹⁴⁹ Описание русско-турецкой войны... Т. I. С. 203–204; Гарева М. А. Общевоинские учения. С. 52.

капризы. Да и пример Санкт-Петербургского военного округа не всегда благоприятствовал развитию армии в верном направлении. По ряду причин, начиная от организационной инерции и заканчивая близостью императорской семьи, манёвры вблизи столицы часто принимали характер тщательно срежиссированного спектакля. Несмотря на все новшества, в тени Санкт-Петербурга постоянно маячила опасность возврата к негативным сторонам прошлого¹⁵⁰.

Внимательное прочтение итоговых донесений по состоянию учебного процесса и результатов манёвров в различных округах позволяет с достаточной точностью оценить готовность милютинской армии к войне. Даже пехотные офицеры зачастую не уделяли серьёзного внимания стрелковой подготовке. Хотя принципиальное понимание тактической системы Драгомирова проникло на уровень малых частей, командиры сплошь и рядом выказывали склонность к буквальному применению этой концепции, которая, напротив, требовала гибкости. Во время учебных сражений в незнакомой обстановке офицеры порой выстраивали стрелковые цепи ещё до того, как показывался враг. Как только обе стороны вступали в контакт и ситуация начинала развиваться, офицеры теряли управление стрелковыми цепями. Между ними и резервами пропадала координация. Что ещё хуже, она пропадала и между отдельными родами войск. Командиры батальонов и полков сталкивались с большими трудностями, пытаясь управлять своими частями на значительно увеличившихся расстояниях. Кавалеристы в ожидании подходящего момента для атаки против пехотных частей пренебрегали обязанностями по охране и разведке. Усердные артиллеристы тащили свои пушки вслед за пехотой, но командиры батарей не проявляли особой способности ни к ведению массированного огня, ни к использованию дальнобойных свойств своих нарезных орудий¹⁵¹.

Хотя штабные офицеры и прочие авторы донесений нередко пытались изобразить в выгодном свете эти и другие недостатки, поток директив из Военного министерства в начале 1870-х гг. свидетельствовал о том, что Милютин осознавал нужду в мерах по исправлению ситуации. Вдобавок к предписаниям, военный министр постоянно подчёркивал необходимость в дополнительном обучении с целью преодоления многих из наиболее вопиющих недостатков армии в сфере обучения и полевых учений¹⁵².

¹⁵⁰ Копылов В. Н. Тактика русской армии в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Развитие тактики русской армии / Сост. Д. В. Панков. М., 1957. С. 194–195; Кондратьев П. Тактическое образование офицеров // Военные беседы исполненные в штабе Гвардии и Петербургского округа в 1896–1897 г. 1897. Т. 18. С. 69–70.

¹⁵¹ Сборник материалов по русско-турецкой войне. В 97 вып. СПб., 1898–1911. Вып. 21. Ч. 2. С. 217–219, 225, 227, 238–239, 248–249, 354–355, 416.

¹⁵² Потто В. Современное образование и воспитание войск // Военный сборник. Т. 105. № 12. Декабрь 1875. С. 464–468; Копылов В. Н. Тактика русской армии... С. 195–196.

В том значении, которое Милютин придавал полевым учениям и подготовке офицеров, отражалась его озабоченность несколькими ключевыми моментами в рамках общего состояния армии. При содействии Драгомирова, чьи методы и взгляды и формировали, и отражали новые подходы к обучению и тактике, Милютин менее чем за два десятилетия совершил настоящую революцию в том, что касалось комплектования, обучения, оснащения и организации российской армии. Не менее важными были изменения в методах подготовки этой армии к бою. Однако во многих отношениях переход от старого состояния к новому либо страдал изъянами, либо остался незавершённым. Доведение процесса до логического конца требовало ещё большего времени и средств, однако поступление этих бесценных ресурсов прервалось вследствие событий, неподвластных Милютину. Учитывая эти обстоятельства, можно понять, почему многие историки характеризуют русскую армию, отправившуюся в 1877 г. на войну с Турцией, как «переходную».

2. РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА, 1877–1878

Но все прочие виды оружия затмевает казнозарядное ружьё, с лёгкостью делающее от 5 до 6 выстрелов в минуту и бьющее на милю с четвертью. Вследствие этого пехота в большей степени, чем когда-либо, становится тем родом войск, на который возложено всё бремя сражений, который причиняет и несёт наибольшие потери, и по отношению к которому все прочие роды войск являются просто вспомогательными.

*Лейтенант Ф. В. Грин, официальный наблюдатель
от США на Балканском театре¹⁵³*

Хотя по решению Парижского конгресса защита балканских христиан была объявлена коллективной ответственностью всех европейских держав, Санкт-Петербург и в посткрымскую эпоху придерживался политики сохранения дружеских связей между русскими православными и славянскими народами Балкан. Эта политика была созвучна росту панславянских настроений в России и в то же время позволяла сохранять известное политическое влияние, особенно на Сербию, направленное против Турции и великих держав, включая Великобританию и Австро-Венгрию. В течение недолгого периода, вплоть до убийства в 1868 г. сербского князя Михаила Обреновича, распространение панславянских идей на Балканах сулило возможность создания под эгидой Сербии и защиты России единого славянского государства, включающего не только Сербию, но и Черногорию с Болгарией. Одновременно панславянское движение

¹⁵³ Greene, Report on the Russian Army., 455.

в начале 1870-х гг. всё больше тяготело к борьбе православных славян во Фракии и Македонии, где притесняемые меньшинства стекались под знамёна болгарского национализма. Новый балканский кризис разразился в 1875 г., когда турецкие войска в Боснии и Герцеговине подавили восстание славянских крестьян против мусульманских помещиков¹⁵⁴.

Невзирая на то что события требовали немедленной реакции, Санкт-Петербург поначалу проявлял понятные колебания в отношении поддержки различных народных движений на Балканах. С одной стороны, по официальному мнению Министерства финансов и Министерства иностранных дел, Россия едва ли могла себе позволить авантюризм во внешних делах и ненужные войны. С другой стороны, общественное мнение стремительно вставало на сторону балканских славян, жаждавших автономии и независимости. Соответственно престарелый министр иностранных дел Горчаков трудился над тем, чтобы распутать балканский узел в рамках Лиги трёх императоров и в согласии с европейскими державами. Однако в то же самое время панслависты и служащие российских консульств нередко превышали свои полномочия, заверяя балканских славян в моральной и даже материальной поддержке со стороны России. Одновременно с тем, как прославянская агитация на страницах русских газет приобретала истерическое звучание, вышедшие в отставку и находившиеся в отпусках русские офицеры поступали на сербскую военную службу. Кризис ещё больше углубился весной 1876 г., когда турецкие иррегулярные части перебили до 30 тыс. болгар, с опозданием присоединившихся к антитурецкому восстанию. Наконец, летом 1876 г. Сербия и Черногория начали войну с Турцией¹⁵⁵.

Последующие события быстро втянули Россию в новую войну с Турцией. Хотя сербской армией командовал «ташкентский лев» генерал Черняев, сопротивление сербов оказалось недолгим, и Россия в октябре 1876 г. была вынуждена навязать Турции перемирие. После того, как в ноябре Россия провела частичную мобилизацию своей армии, в конце 1876 г. в Константинополе прошла конференция послов, на которой великие державы договорились оказать поддержку реформам и созданию автономных христианских провинций в европейской части Турции. Решительный отказ Турции от выполнения этой программы в январе 1877 г. поставил Россию перед реальной перспективой военных действий. В соответствии с этим Санкт-Петербург договорился с Австро-Венгрией о возможном разделе Балкан на неперекрывающиеся сферы влияния, а посол Н. П. Игнатьев посетил ряд крупных европейских столиц, заверяя великие державы, что Россия по-прежнему готова к разумному решению балканско-

¹⁵⁴ См. обзор этих событий: *Edward C. Thaden. Russia Since 1801* (New York, 1971), 264–268.

¹⁵⁵ *Jelavich, St. Petersburg and Moscow*, 176–178.

го кризиса. В Великобритании усилия Игнатьева привели к подписанию в марте 1877 г. Лондонского протокола, требовавшего от Турции проведения реформ и демобилизации. В случае турецкого отказа Россия получала право известить европейские державы о том, что война с Турцией необходима для защиты балканских интересов Европы в целом. 4 апреля 1877 г. Россия подписала соглашение с Румынией, по которому последняя пропускала русские войска по своей территории. 12 апреля Россия объявила войну Турции¹⁵⁶.

Планирование и начальный этап войны

В русских планах войны с Турцией ключевую роль играли три фактора — география, время и контроль Турции над Чёрным морем. География и турецкое господство на Чёрном море диктовали сухопутную кампанию на двух направлениях: кавказском и балканском, причём основные усилия отвлекало на себя последнее. Более того, господство Турции на море означало также, что сухопутное наступление следует вести поодаль от берегов, чтобы не допустить пресечения операций на суше морскими десантами. Наконец, большая вероятность вмешательства великих держав вынуждала Россию к нанесению стремительного удара, чтобы поставить остальной мир перед свершившимся фактом.

Начиная с весны 1876 г., широкие контуры наступательных замыслов России раскрывались в серии лекций, составленных генералом Обручевым и прочитанных подполковником Генерального штаба Н. Д. Артамоновым офицерам Санкт-Петербургского военного округа. С целью добиться быстрой развязки в духе наступления И. И. Дибича в 1829 г., план Обручева предусматривал молниеносную сухопутную кампанию, направленную прямо в сердце Османской империи — на Константинополь. Обручев предлагал мобилизовать 250 тыс. человек в Бессарабии, направить их маршем через Румынию, чтобы форсировать Дунай где-то в его среднем течении, прикрывая гонку к Балканскому хребту выставленными восточнее и западнее оборонительными заслонами, а затем прорваться через горы в сторону Адрианополя, создавая угрозу для турецкой столицы. Второстепенный театр на Кавказе должен был связать дополнительные турецкие силы и предотвратить вторжение в южно-русские степи. Замысел был смелым, ясным и — по крайней мере в изложении лектора — выглядел вполне осуществимым¹⁵⁷.

¹⁵⁶ См.: *Бескровный Л. Г.* Русское военное искусство XIX в. С. 303–307.

¹⁵⁷ Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. В 4 вып. СПб., 1899–1901. Вып. IV. С. 81–83; *Беляев Н. И.* Русско-турецкая война... С. 67–68; *Fuller, Strategy and Power in Russia. 1600–1914*, chap. 7.

В соответствии с планами, в общих чертах основанными на концепции Обручева, Балканская кампания против Турции действительно разворачивалась тремя чётко выраженными фазами. Во время первой фазы, с 12 апреля по 3 июля 1877 г., русские с согласия Бухареста ввели на территорию Румынии войска из Бессарабии, сосредоточив в Валахии четыре корпуса, затем успешно форсировали Дунай и создали надёжный плацдарм на его южном берегу. Во время второй фазы, с 4 июля по 10 декабря, русская армия завязла в Болгарии, в том числе потратив много времени и живой силы на осаду Плевны. В течение третьей фазы, с 11 декабря по 19 февраля 1878 г. (когда был заключён Сан-Стефанский договор), русская армия прорвалась за Балканы и оказалась на подступах к Константинополю.

Молниеносная кампания против слабого противника, на которую, по расчётам Обручева и других специалистов, потребовалось бы несколько месяцев, в реальности растянулась на 47 недель. Такое расхождение между планами и реальностью было вызвано рядом осложнений и просчётов, включая погодные условия, расстояния, численность живой силы, неумелое планирование, упорную турецкую оборону и влияние технологических новшеств на оперативную и тактическую сторону войны. Ещё до начала военных действий русские провели две частичные мобилизации (1 ноября 1876 г. и 3 апреля 1877 г.), ни одной из которых не хватило для создания решающего перевеса в живой силе, необходимого для завершения задунайских задач, поставленных перед армией¹⁵⁸. После объявления войны исключительно мокрая весна привела к тому, что дороги в Румынии раскисли, а реки и ручьи на несколько недель вышли из берегов. Несмотря на относительно гладкую мобилизацию действующих и резервных войск, железнодорожные перевозки и по Румынии, и по России сильно тормозились вследствие недоразвитой и перегруженной железнодорожной сети, разной ширины колеи и плохого состояния подвижного состава. Расстояние и невозможность воспользоваться морскими линиями коммуникаций усугубляли эти и другие затруднения — прямой путь из Кишинёва в Сан-Стефано через Шипкинский перевал имел протяжённость почти в 1 000 км, большую часть которых армии приходилось преодолевать на своих двоих¹⁵⁹.

Турецкие оборонительные планы первоначально благоприятствовали решительному русскому наступлению. Невзирая на морское превосходство на Чёрном море и программу военной модернизации, намеченную к завершению в 1878 г., полководцы султана придерживались устаревшей страте-

¹⁵⁸ Сборник материалов по русско-турецкой войне. Т. XI. С. 121–122.

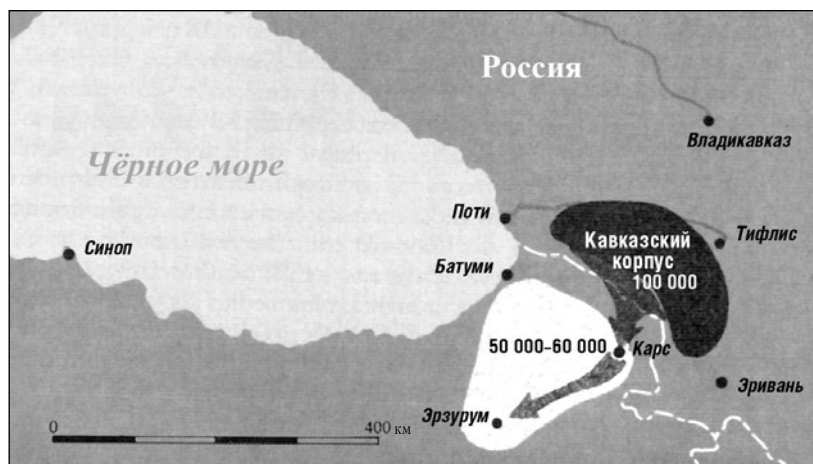
¹⁵⁹ Ростунов И. И. Боевые действия русской армии на Балканах в 1877–1878 гг. // Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Балканы / Под ред. Г. Л. Арша, В. Н. Виноградова и др. М., 1978. С. 10–25; Бескровный Л. Г. Русское военное искусство XIX в. С. 315–318.

гии пассивной обороны. Константинопольский Совет обороны полагался на морскую мощь и удержание четырёхугольника, образованного четырьмя сильными крепостями (Силистрия, Варна, Рущук и Шумла), надеясь таким образом разрушить русские замыслы на Балканах. Собственно, причины для такой осторожности были очевидными: хотя в случае войны турки могли мобилизовать более чем 400-тысячную армию, большая часть этих сил оставалась неиспытанной и неподготовленной. Регулярная армия была небольшой, вспомогательные службы почти не существовали, а постоянные части размером крупнее батальона представляли собой фикцию. Нет ничего удивительного в том, что турецкая тактика делала упор на обороне подготовленных позиций. Эту довольно мрачную картину расцвечивало лишь несколько светлых моментов. Одним из них было недавнее принятие на вооружение нового пехотного оружия — винтовки Пибоди-Мартини, в то время считавшейся одним из лучших видов казнозарядного ручного оружия в мире, а некомпетентная во всех прочих отношениях служба снабжения проявила достаточно предвидения для того, чтобы запастись для каждой такой винтовки от 500 до 1 000 патронов. Вторым поводом для оптимизма было недавнее перевооружение турецкой полевой артиллерии ограниченным числом (48 стволов) крупновесных стальных пушек, чья убойная сила и дальность стрельбы (4–5 км) превосходили всё, имевшееся в русском арсенале. Ни одно из этих новшеств не сулило ничего хорошего для русских пехотинцев, которых ожидало столкновение с их турецкими противниками на поле боя лицом к лицу¹⁶⁰.

Драгомиров и Гурко

В первые месяцы военных действий решительность, удача и турецкая недееспособность не позволили русским ознакомиться с суровой реальностью сухопутных сражений 1870-х гг. Форсирование Дуная, осуществлённое в середине июня под руководством генерал-майора М. И. Драгомирова, представляло собой классический пример успешной операции, основанной на широкой разведке, военной хитрости, тщательной подготовке и энергичном выполнении, что, в свою очередь, стало возможным благодаря смелому, уверенному и осведомлённому руководству. Начиная с середины мая, пока русские силы (260 тыс. человек в составе четырёх корпусов: VIII, IX, XII и XIII) под общим командованием брата царя, великого князя Николая Николаевича-старшего (начальник штаба — Н. Н. Непокойчицкий) сосредотачивались

¹⁶⁰ *Беляев Н. И.* Русско-турецкая война... С. 57–65 (раздел «Турецкая армия перед войной 1877–1878 гг. Военно-морские силы Турции». — *Прим. ред.*).

План войны. 1877

в окрестностях Бухареста, инженеры почти месяц вели тщательную рекогносцировку на Дунае, пока верховное командование не решилось форсировать реку в Зимнице — поселении, расположенном на прямом пути к Шипкинскому перевалу, но посредине между крупными турецкими гарнизонами на противоположном берегу Дуная, в Никополе и в Рушуке. Успешная переправа в Зимнице под огнём противника стала бы немалым достижением, поскольку другой берег реки отличался крутизной, а сама она в этом месте достигала более чем километра в ширину и 30 м в глубину. В преддверии операции по суше — в некоторых случаях из самого Санкт-Петербурга — были доставлены и собраны на Олте, притоке Дуная, понтоны и другие материалы для наведения переправы. Одновременно напротив Никополя и Рушук были установлены батареи, а сам Дунай перекрыли пятью минными заграждениями, чтобы нейтрализовать турецкие броненосцы. За несколько дней до запланированной переправы русские провели отвлекающую операцию в Галаце и симулировали подготовку к переправе в Никополе. И лишь 13 июня генерал Драгомиров начал сосредотачивать войска в месте реальной переправы, но в откровенно малых количествах, не позволявших раскрыть русские намерения. Наконец, из Одессы и Севастополя были доставлены паровые катера, призванные содействовать переброске войск и понтонов¹⁶¹.

Особо следует отметить тактическую диспозицию, выбранную генералом Драгомировым для переправы. В его распоряжении находились войска из его собственной 14-й пехотной дивизии (53-й, 54-й, 55-й и 56-й полки), 4-я стрелковая бригада, сводная рота почётного конвоя, две сотни пеших казаков (пластунов), две сапёрные роты, две горные батареи, 23-й полк донских казаков, сотня уральских казаков, 4 понтонных батальона и отряд моряков-гвардейцев (всего 16 ½ батальона, 6 казачьих эскадронов и 64 орудия). Напротив русских в Систове находились турецкий батальон и эскадрон (770 человек) с двумя пушками. Другой вражеский отряд стоял примерно в 5 км к востоку от Систова; он включал в себя 5 батальонов (3 330 человек) и четырёхпущечную батарею¹⁶². Драгомиров лично провёл рекогносцировку переправы с подчинёнными ему командирами, подробно объяснив свой план. Он собирался провести атаку тремя последовательными волнами, обеспечив каждую артиллерийской поддержкой и приняв меры к тому, чтобы прикрывать переправу артиллерийским огнём с дружественного берега. По замыслу Драгомирова, первой волне предстояло занять плацдарм на противоположном берегу, а двум последующим волнам укрепить и расширить этот плацдарм, взяв Систов и разбив либо отогнав два местных турецких отряда, прежде чем из Ру-

¹⁶¹ См. подробнее: Русско-турецкая война 1877–1878 / Под ред. И. И. Ростунова. С. 92–96.

¹⁶² Тактические примеры для военных и юнкерских училищ / Сост. Г. Зандер. Одесса, 1897. С. 60–61.

щука или Никополя придут крупные вражеские подразделения. Точное время и место атаки были сообщены войскам лишь за несколько часов до переправы. Хотя при войсках находилась императорская свита, даже император не был осведомлён о деталях операции вплоть до 20.00 часов 14 июня¹⁶³.

Переправа началась 15 июня в 01.00. Турецкие часовые подняли тревогу и открыли огонь из ручного оружия по первой волне атакующих, которым было приказано не открывать огня, а дожидаться высадки на берег, после чего провести штыковую атаку. Хотя турецкие пули потопили понтон с ценным грузом — двумя горными гаубицами, к 01.45 одиннадцать рот 53-го Волынского полка и несколько казачьих отрядов (около 2 500 человек) уже находились на южном берегу Дуная. Там, несмотря на высадку мелкими группами и первоначальную путаницу в темноте, русские сумели взобраться на берег и растянуться, создав оборонительный периметр по обоим берегам небольшого притока, впадающего в Дунай. Вследствие проблем со связью и из-за того, что ситуация менялась ежеминутно (после того, как прозвучал сигнал тревоги, турецкие офицеры бросали свои войска по частям в яростные местные контратаки), ротные командиры, действующие по собственной инициативе, стали ключевыми фигурами в развёртывающейся тактической ситуации. Не ожидая приказов, они расширили оборонительный периметр, оборудовали местные позиции, сами переходили в контратаки — нередко ведя в бой импровизированные соединения — а затем приняли меры к обеспечению переправы второй волны. Перед лицом непрерывных угроз со стороны врага, стремившегося сбросить русских в реку, планы Драгомирова были спасены не исповедуемой им тактикой пехотных атак, а инициативой командиров мелких частей и поспешной организацией импровизированных стрелковых формирований — как впоследствии отмечал американский наблюдатель, лейтенант Фрэнсис Винтон Грин, войска воспринимали их появление как нечто совершенно естественное. Помимо этого, шесть горных гаубиц (две из первой волны и четыре из второй) оказывали пехоте непосредственную поддержку, картечью ослабляя вражеские контратаки и отбивая у турок готовность идти в бой¹⁶⁴.

Возможно, самый критический момент наступил сразу после рассвета, когда прибыли местные вражеские подкрепления и артиллерия, а вторая волна русских войск ещё не завершила переправу. Несколько понтонов были опустошены ружейным огнём; один уцелевший впоследствии вспоминал, что «от падающих пуль вода кипела около понтонов». Однако на выручку снова пришла инициатива: один из молодых ротных командиров, лейтенант

¹⁶³ Описание русско-турецкой войны... Т. II. С. 135.

¹⁶⁴ *Greene, Report on the Russian Army*, 444; см. также: *Беляев Н. И. Русско-турецкая война...* С. 119, 122.

Маторный, оценив ситуацию, собрал под огнём две роты 54-го Минского полка и повёл их в смелую штыковую атаку, ударив во фланг турецким стрелкам, расстреливавшим русских на переправе. Хотя русские артиллеристы на северном берегу не могли непосредственно поддерживать пехоту, опасаясь попасть по своим, 9-фунтовки, ведя огонь через реку, эффективно подавляли вражескую артиллерию. Тем временем на другой берег переправился сам Драгомиров и, решив, что занятый плацдарм достаточно велик, чтобы на нём хватило места для последующих сил, отдал приказ приостановить наступление, чтобы сплотить ряды. В 11.00, когда на южном берегу Дуная уже находились почти вся 14-я дивизия и части 4-й стрелковой бригады, Драгомиров приказал атаковать Систовские высоты, чтобы закрепиться на них и обеспечить дальнейшее расширение плацдарма для размещения на нём основных частей VIII корпуса генерала Ф. Ф. Радецкого. После того, как русские атаковали намеченные цели, турецкое сопротивление быстро сошло на нет, и к 15.00 войска Драгомирова заняли и высоты, и поселение Систов. Потери русских составили 30 офицеров и 782 нижних чина убитыми и ранеными¹⁶⁵.

На следующий день инженеры начали сборку первого из двух понтонных мостов, которые были готовы соответственно к 19 июня и к 28 июля. Тем временем различные импровизированные паромы переправляли через Дунай новые войска, и к вечеру 20 июня переправу завершила вся пехота генерала Радецкого и основные части XIII корпуса. К 1 июня отдельные части четырёх русских корпусов (120 тыс. человек) уже вели наступательные операции к югу от Дуная. Одним решительным ударом русские прорвали первую линию турецкой обороны и далеко продвинулись в реализации смелых наступательных замыслов Обручева, родившихся годом ранее. Советские историки до сих пор превозносят форсирование Дуная в 1877 г. как превосходный пример «сложной стратегической операции, проведённой на широком фронте». Кроме того, они называют достойной подражания инициативу командиров мелких частей, чьи действия оказались решающими для успеха драгомировских планов¹⁶⁶.

Пока русские части ещё прибывали в Болгарию, великий князь отдал приказ создать за Дунаем три отдельных отряда: Западный, Восточный и передовой. Поскольку ширина Дуная и быстрое течение реки не позволяли переправить кавалерию вплавь прежде переправы основных русских сил, верховное командование не имело сведений о численности и диспозиции турок. Когда 25 июня передовой отряд под командованием генерал-майора И. В. Гурко, популярного бывшего командующего 2-й гвардейской дивизией, подошёл к Тыр-

¹⁶⁵ Описание русско-турецкой войны... Т. II. С. 153–156.

¹⁶⁶ Котылов. Тактика русской армии... С. 202.

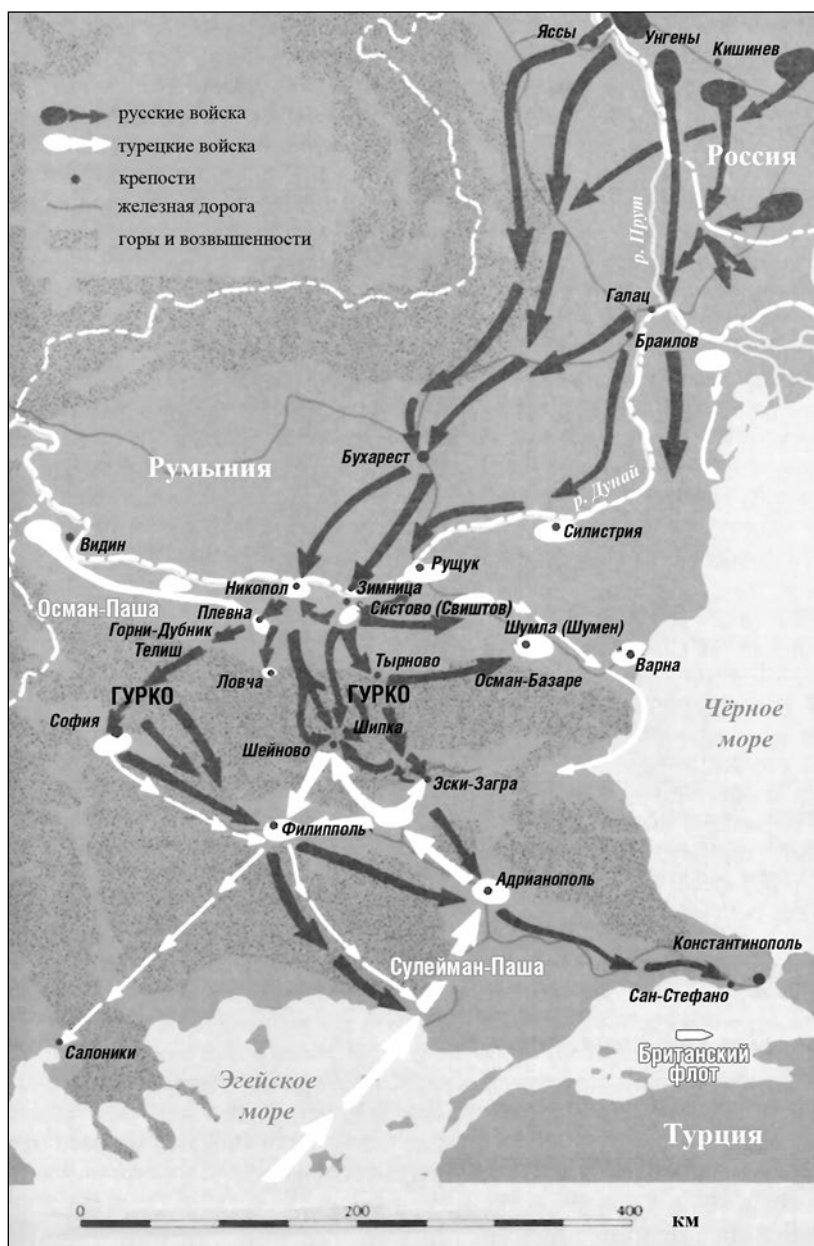
ново, практически не встретив сопротивления, великий князь предложил, чтобы основные силы армии прорывались через балканские перевалы вслед за Гурко, а Западный и Восточный отряды прикрывали их соответственно справа и слева. Однако 28 июня император — очевидно, по совету Милютин — отверг дерзкие замыслы брата, назвав их «крайне рискованными», пока Рущук, Никополь, Шумла и Плевна всё ещё находятся в руках врага. Более того, император указывал, что русские коммуникации в Румынии уязвимы для турецкой атаки из Видина. Великий князь не стал оспаривать царскую волю и немедленно потребовал от VIII корпуса приостановить наступление на Тырново в ожидании прибытия IV и XI корпусов. Царь и верховное командование, вместо того чтобы совершенно забыть об осторожности, сделали её своим идолом, тем самым не сумев воспользоваться преимуществами, которые обеспечил им Драгомиров своими удачными действиями под Систовом¹⁶⁷.

Неожиданный акцент на осторожность отчасти стал отражением тренний, созданных решением царя присоединиться к своей полевой армии. Хотя Александр II гарантировал великому князю как номинальному верховному главнокомандующему полную свободу действий, влияние и присутствие царя и его ближайших советников серьёзно сказывались на ключевых решениях. Такая расстановка не вполне устраивала великого князя, который привык считать себя смелым и независимым лидером, но зато она служила оправданием для допущенных им ошибок. Кроме того, личное присутствие царя оказывало угнетающее воздействие на младших командиров, которым приходилось считаться с практическими и персональными последствиями неудач на глазах у императорской свиты. Существенно также, что для перевозки императорского окружения требовалось 17 поездов из 350–500 вагонов, которые ложились тяжёлым бременем на транспортную сеть, и без того перегруженную¹⁶⁸.

Несмотря на смену настроений в верхах, у генерал-майора Гурко оставался приказ захватить балканские перевалы, и он вёл приготовления к прорыву через горный хребет. Поскольку Шипкинский перевал занимали 4 700 турок, Гурко реорганизовал свой передовой отряд в ударное подразделение (10 ½ батальона, 31 ½ эскадрона и 32 пушки, всего около 16 тыс. человек), избавленное от ненужного багажа и готовое к быстрому переходу через более неприступный Хайнкёйский перевал. После нескольких небольших сражений на южном склоне Балканского хребта 5 июля Гурко подошёл к деревне Шипка, лежащей к югу от Шипкинского перевала, на день опоздав к дате, ранее намеченной для одновременной атаки с севера и с юга с участием VIII корпуса, которому

¹⁶⁷ Описание русско-турецкой войны... Т. II. С. 184–185; Дневник Д. А. Милютин. Т. II. С. 189.

¹⁶⁸ Беляев Н. И. Русско-турецкая война... С. 87–88, 117 (сноска 1).

Военные действия на Балканском театре. 1877-1878

предстояло штурмовать турецкую оборону на самом перевале. Неспособность Гурко наладить связь со своими северными партнёрами по обходным путям привела к двум несоординированным и неудачным русским атакам на турецкие позиции на перевале, но в ночь на 7 июля турецкие силы ушли сами, бросив раненых, боеприпасы и полевую артиллерию (8 стальных пушек)¹⁶⁹.

Гурко затребовал подкреплений, чтобы продолжить наступление на юг, но изменение оперативной ситуации по обеим сторонам Балканского хребта помешало ему развить инициативу. Следует отметить, что форсирование Дуная и внезапное появление Гурко на южном склоне Балкан посеяло панику среди мусульманского населения Румелии и вызвало перестановки в султанском правительстве в Константинополе. Но, как однажды заметил Хельмут фон Мольтке, турки обычно начинают воевать к тому моменту, когда все прочие уже сдались бы, и его слова как нельзя лучше подходят к событиям 1877 г. Из Черногории был вызван новый главнокомандующий, Мехмет-Али-паша, а султан поспешил выставить против Гурко подкрепления под началом Сулейман-паши. Благодаря этим и другим отчаянным мерам к середине июля 16 тыс. бойцов Гурко противостояло 50 тыс. турок. 17 июля Гурко попытался возобновить наступление из Казанлыка с целью создать угрозу турецким коммуникациям с Адрианополем, но под Эски-Загрой столкнулся с наступающими войсками Сулейман-паши. После сражения, с перерывами продолжавшегося два дня, Гурко отступил к Шипкинскому перевалу, но не раньше, чем его кавалерия сумела разрушить турецкие железнодорожные и телеграфные коммуникации по всей округе. Командование обороной Шипки перешло к генерал-майору Н. Г. Столетову, а Гурко отступил на север, воссоединившись со своим VIII корпусом¹⁷⁰.

Действия Гурко, выходя за рамки простого рейда, подаются в русской и советской военной истории как образец проведения общевойсковой операции передовым подразделением. Менее чем за месяц Гурко захватил один из главных балканских перевалов, внёс немалый вклад в панику, которая едва не привела к падению султанского правительства, частично разрушил две важные железнодорожные и телеграфные линии и собрал бесценные сведения о турецких силах к югу от Балкан. Однако многие обозреватели закрывают глаза на тот факт, что при выполнении своей миссии Гурко истощил свою конницу до такой степени, что VIII корпус, на который приходилась львиная доля русской кавалерии, на несколько месяцев был лишён разведки¹⁷¹.

¹⁶⁹ *Colonel Epauchin [N. Epanchin]. Operations of General Gurko's Advance Guard in 1877*, trans. H. Havelock (London, 1900), 3–7, chap. 3.

¹⁷⁰ Русско-турецкая война 1877–1878 / Под ред. И. И. Ростунова. С. 104–105.

¹⁷¹ *Копылов. Тактика русской армии...* С. 203–204; *Беляев Н. И. Русско-турецкая война...* С. 159–160; *William McElwee. The Art of War: Waterloo to Mons* (Bloomington, Ind., 1974), 169–199;

Радецкий, командовавший VIII корпусом, в середине июля не смог выделить подкреплений для Гурко, поскольку возобновившееся турецкое сопротивление повлияло на оперативную картину и к северу от Балкан. Переправившись через Дунай в конце июня и начале июля вслед за передовым отрядом Гурко, Восточный отряд генерал-лейтенанта П. С. Ванновского (XII и XIII корпуса, одна кавалерийская дивизия и 216 пушек) ударил на восток, в направлении реки Лом, и приступил к неспешной осаде Рушука. Мехмет-Али вскоре превратил этот спокойный участок фронта в жаркое местечко, реорганизовав местные войска в серьёзную боевую силу, а затем проведя ограниченное наступление, которое связало три русских корпуса (Ванновского и Радецкого). Тем временем Западный отряд генерала Н. П. Криденера (IX корпус, три кавалерийские бригады и 108 орудий), двигаясь вверх по Дунаю, осадил и штурмовал Никополь, который был занят русскими 4 июля¹⁷².

Штурм Никополя на несколько дней затормозил продвижение Криденера на юго-запад, тем самым подготовив сцену для эпического противоборства русских и турок под Плевной, которое определяло, кому быть хозяином Балкан. Именно сражения под Плевной в большей степени, чем какой-либо другой набор обстоятельств, выявили разительный разрыв между наступлением и обороной, созданный новшествами в технологии, включая главным образом массовое распространение казнозарядных винтовок. Вплоть до начала июля военные операции сохраняли высокую степень подвижности: внезапность, скорость и манёвренность избавляли от необходимости вести затратные планомерные сражения. Когда обе стороны наконец сошлись в изнурительном противостоянии под Плевной, оно превратилось в решающую проверку русского командирского корпуса, тактических принципов, организации и вооружения.

Первый и второй штурмы Плевны

Занятие русскими Тырново наконец пробудило турок от бездействия, и 2 июля Осман-паша, лучший турецкий полевой командир, вышел из Видина, направляясь на юго-восток (а не в Румынию, как опасался царь) с 16 тыс. закалённых бойцов и 60 пушками. Тем временем генерал Криденер, командовавший IX корпусом на правом фланге русских, успешно провёл штурм Никополя и его слабо укреплённой цитадели. 4 июля, в день взятия Никополя, русский штаб узнал из венских газет, что Осман-паша покинул Видин, а 5 июля рус-

Chris Bellamy, «Antecedents of the Modern Soviet Operational Manoeuvre Group (OMG)», *RUSI*, 129, no. 3 (September 1984), 51–54.

¹⁷² *Беляев Н. И.* Русско-турецкая война... С. 140–142.

ские конные разъезды донесли о том, что мощная турецкая колонна движется на Плевну — важный перекрёсток дорог менее чем в 40 км от Никополя. В тот же день Криденер приказал 5-й пехотной дивизии (9 000 чел., 46 пушек) под командованием генерал-лейтенанта Ю. И. Шильдера-Шульднера занять Плевну, «если не встретится особого препятствия». И Осман-паша, и Шильдер-Шульднер подошли к Плевне 7 июля, однако турки опередили русских на 6–8 часов, и эти несколько часов решили судьбу кампании на следующие четыре месяца¹⁷³.

Последующее сражение впоследствии было названо первым штурмом Плевны, и в широком плане оно стало предвестником многочисленных неудач и промахов, которые преследовали русских на начальном этапе войны. Шильдер-Шульднер прокладывал путь наступления, используя карту, на которой предместья Плевны были показаны лежащими от города дальше, чем было на самом деле. Помимо этого, ни Кавказская казачья бригада, ни 9-й Донской казачий полк не сумели вовремя оказать ему содействие в разведке. Вследствие этого вскоре после полудня 7 июля его передовой пехотный полк, страдающий от жары и задыхающийся в пыли, наступая в походном строю, неожиданно попал под артиллерийский огонь, когда вышел на окраину Плевны, где наткнулся на поспешно импровизированные оборонительные линии Осман-паши. Русские немедленно развернулись в боевой строй, а русские батареи начали бесплодную артиллерийскую дуэль с турками. Не позаботившись о том, чтобы провести точную разведку и выяснить силу и расположение вражеских частей, Шильдер-Шульднер приказал своим войскам оставаться на месте, а на рассвете 8 июля перейти в атаку.

Осман-паша разместил свои основные силы в поспешно отрытых полевых укреплениях, растянувшихся на 6–8 км вдоль цепочки высот к северо-северо-западу от Плевны. Вспомогательный отряд он развернул к востоку от города, чтобы отражать нападения по дороге из Рушука. Изрезанная местность и лесистые участки прикрывали подходы с юга и с запада. Несмотря на советы начальника штаба и командующего артиллерией, которые полагали, что русские столкнулись с «особым препятствием», командир дивизии Шильдер-Шульднер решил атаковать. С этой целью он разделил свои силы: 17-му Архангельскому и 18-му Вологодскому полкам надлежало наступать с севера, а 19-му Костромскому полку — с юго-востока. Кавказская казачья бригада должна была напасть на турецкие тылы, а 9-й Донской полк — прикрывать крайний правый фланг¹⁷⁴.

¹⁷³ Котлов. Тактика русской армии... С. 205. (См. также: Описание русско-турецкой войны... Т. II. С. 285–286. — Прим. ред.)

¹⁷⁴ Воронов П. Начало Плевны // Военный сборник. Т. 252. № 4. Апрель 1900. С. 263–265.

Основное сражение началось 8 июля в 5.30, когда 1-я бригада (17-й и 18-й полки) после недолгой артиллерийской подготовки пошла в атаку, наступая пятью батальонами, которые были расставлены ротными колоннами позади стрелковых цепей. Находясь ещё вдали от турецких земляных укреплений, русские попали под плотный ружейный огонь, и атакующие были вынуждены ускорить шаг. Остатки частей крайнего правого фланга на волне инерции прорвались через оборонительные линии Осман-паши, и на недолгое время сражение переместилось на улицы Плевны. Однако тяжёлые потери, отсутствие резервов и численный перевес турок в конце концов вынудили русских отступить. На левом фланге русских 19-й Костромской полк начал атаку в 6.00, также почти без артиллерийской подготовки. Он преодолел три линии траншей, после чего тяжёлые потери, отсутствие резервов и нехватка боеприпасов заставили Шильдера-Шульднера дать приказ к отступлению. Роль Кавказской казачьей бригады свелась к тому, что она подбирала раненых на поле боя. К счастью для русских, турки тоже понесли достаточно чувствительные потери, не позволившие им организовать эффективное преследование¹⁷⁵.

Потери русских были ужасающими. В числе раненых и убитых оказалась треть всех офицеров и половина нижних чинов. Смертельные ранения получили два полковых и один бригадный командир. Русские атаковали с большим воодушевлением, и Осман-паша впоследствии вспоминал, что при первом штурме Плевны русские оказались к победе над ним ближе, чем во время двух последующих, более мощных атак. К сожалению, сами русские не знали, как им воспользоваться этим опытом, и это, как писал один советский автор, привело к тому, что «в ряде последующих боёв и сражений русское командование повторяло те же ошибки, которые были допущены при Первой Плевне»¹⁷⁶.

Невзирая на потери, понесённые Шильдером-Шульднером, русское верховное командование, не сделав должных выводов из его неудачи, отправило целый корпус Криденера (20 тыс. человек, 140 пушек) выбить турок из Плевны. Однако Криденер уже не разделял стремления своих начальников к наступательным операциям, отчасти из-за свойственной ему привычки преувеличивать турецкие силы, а отчасти из-за того, что в его расчётах многое зависело от возможной неудачи. Если вследствие поражения в русских порядках откроется большая брешь, турки могли хлынуть в неё, захватив императора со свитой и отрезав все русские силы к югу от Дуная. Несмотря на свои призывы к осторожности, Криденер вскоре получил приказ атаковать после

¹⁷⁵ Описание русско-турецкой войны... Т. II. С. 306–317.

¹⁷⁶ Беляев Н. И. Русско-турецкая война... С. 146.

присылки подкреплений, которые, по расчётам верховного командования, позволяли его корпусу сравняться с турками по численности пехоты и обеспечить превосходство в кавалерии и артиллерии. Генерал-адъютант Непокойчицкий, начальник штаба великого князя, даже позволил себе сделать легкомысленное замечание о том, что Криденеру кавалерия весьма пригодится, так как «действие её против фланга, даже тыла неприятеля, может заставить противника оставить даже самые сильные позиции»¹⁷⁷.

С самого начала Криденер, казалось, больше внимания уделял тому, чтобы обеспечить путь к отступлению, нежели старался выявить вражеские слабости и воспользоваться ими. Он повторил ошибку Шильдера-Шульднера, не проведя детальную разведку местности и вражеских позиций, хотя один из его подчинённых, генерал-майор М. Д. Скобелев, считал, что ему известно уязвимое место турок: отсутствие сильных укреплений на юге и на западе. Однако Скобелев, как и Криденер, тоже был склонён преувеличивать численность турок. В распоряжении Осман-паши теперь находилось 22 тыс. человек и 58 пушек, и, в отличие от своих противников, он использовал каждый доступный момент, чтобы укрепить свои позиции. Хотя турецкие укрепления на юге были не достроены, а на западе их не существовало, несколько линий траншей и мощные редуты блокировали русским подходы с севера и с востока. В частности, линию русского наступления с востока по рущукской дороге пересекала цепь укреплённых точек, носивших общее название «Гривицкие редуты». С юга защитой от потенциального наступления русских на ручей Гривица служили только вырытые наспех окопы.

После требования главнокомандующего Криденер запланировал на 18 июля штурм с участием 36 батальонов. Диспозиция русских диктовала главную атаку силами 24 батальонов на Гривицкие редуты и вспомогательную атаку с юга силами 12 батальонов под командованием генерал-лейтенанта князя А. И. Шаховского. Цель последней атаки заключалась в том, чтобы привести к молчанию турецкие батареи на высотах к югу от Плевны, а затем продолжить наступление, угрожая правому флангу и тылам Осман-паши. 9-й Донской полк должен был прикрывать правый фланг русских, а Кавказская казачья бригада под началом генерала Скобелева препятствовала прибытию турецких подкреплений из Ловчи, лежащего дальше к югу¹⁷⁸.

Штурм начался 18 июля в 9.00 трёхчасовой артиллерийской бомбардировкой с восточного направления, которая оказалась неэффективной из-за слишком большой дистанции стрельбы и неумения организовать массированный огонь. Подготовка, проведённая с юга Шаховским, принесла не-

¹⁷⁷ Цит. по: *Беляев Н. И.* Русско-турецкая война... С. 162.

¹⁷⁸ Русско-турецкая война 1877–1878 / Под ред. И. И. Ростунова. С. 108–109.

сколько лучшие результаты, потому что турецкие укрепления на том направлении были слабее. Однако турецкие траншеи на высотах Янык-Баир к северу от Плевны оставались за пределами досягаемости батарей Шаховского, и, когда Криденер в 12.30 осведомился об эффективности его артиллерии, Шаховской понял его послание как деликатное понукание к атаке с целью использовать пушки более действенным образом. Когда же Криденер получил краткое сообщение, что Шаховской атакует, он неверно заключил, что его подчинённый воспользовался представившейся возможностью, слишком благоприятной, чтобы её упускать, и слишком мимолётной, чтобы рисковать, тратя время на обмен посланиями между двумя командирами. Криденер после недолгих размышлений приказал всему правому крылу идти в атаку, чтобы развить успех, которого, как он полагал, добился Шаховской.

Первым в атаку, объявленную Криденером, пошёл 121-й Пензенский полк, наступавший ротными колоннами с позиций, которые от врага отделяло 1 800 шагов открытого пространства. Через полчаса полк был остановлен в сотне шагов от своей цели — редута № 7, понеся потери в 1 000 человек. Аналогичным образом шквальный турецкий огонь остановил продвижение 123-го Козловского полка и наступавшего правее 122-го Тамбовского полка перед редутотом № 8. Криденер приписал ужасающие потери правого крыла недостаточной артиллерийской подготовке. Но вместо того, чтобы послать подкрепления Шаховскому, Криденер направил резерв на поддержку своей собственной выдыхающейся атаки на правом крыле. Однако командиры резерва были слабо информированы о планах Криденера, не зная ни целей атаки, ни маршрутов наступления. Получив приказ к атаке, их полки прорвались ротными колоннами через кустарник и посеиы, но также легли перед редутотом № 7. Те солдаты, что не были убиты или серьёзно ранены, пытались найти укрытие за неровностями местности, но они не могли ни наступать, ни отступить¹⁷⁹.

Не менее тяжёлая ситуация сложилась и на левом фланге. В 14.00 Шаховской тоже отдал приказ к атаке. Однако этот сигнал вызвал у его офицеров замешательство, потому что они не были знакомы с диспозицией и планами своего командира. Когда полковник Ракуза из 125-го Курского полка осведомился у своего бригадного командира, генерал-майора Горшкова, о направлении атаки, Горшков ответил: «Двигаться прямо перед собой и побить по дороге всю сволочь, которая встретится на пути». Несмотря на неточность приказов, несколько полков прорвались к цепочке южных редутотов, однако сильные турецкие контратаки в конце концов вынудили их отступить, хотя Шаховской и пытался развить успех своими ограниченными резерва-

¹⁷⁹ Сборник материалов по русско-турецкой войне. Т. XVI. С. 354–355; *Беляев Н. И.* Русско-турецкая война... С. 165–166.

ми. Страдая от их нехватки, Шаховской в 18.15 затребовал поддержку, написав: «Шесть часов боя; все патроны истощены; раненых больше четверти всего состава; уже начинается беспорядок; может легко случиться, что будет ещё хуже. Прошу поддержания»¹⁸⁰. Но к тому времени в резерве у Криденера остался только один батальон, и поэтому он приказал дать отбой. К счастью, турки снова не сумели организовать эффективное преследование.

Так завершилась бойня, которую назвали «вторым штурмом Плевны». Осман-паша потерял около 5 000 человек, а русские потери доходили до 7 000 убитых и раненых. Основное бремя этих потерь легло на пехоту: из строя выбыло до 25% пехотных офицеров и 23% рядовых. Штаб докладывал царю, что неудача стала следствием «решительного превосходства вражеского оружия по сравнению с нашим и умения турок хорошо укрепить позицию»¹⁸¹. Неофициальных комментаторов поражение наталкивало на глубокие философские обобщения; так, медик С. П. Боткин писал с поля боя: «Вопрос: кто же виноват во всех неудачах? Недостаток культуры, по-моему, лежит в основе всего развернувшегося перед нами... надо трудиться, надо учиться, надо иметь больше знаний и тогда не придётся получать уроков ни от османов, ни от сулейманов»¹⁸².

Оборона Шипки

Наблюдатели могли приходить к разным выводам, но бесспорно, что «второй штурм Плевны» весьма пагубно сказался на наступательном духе русской армии. Великий князь немедленно перешёл к стратегической обороне, а царь объявил новую мобилизацию с целью набрать пять армейских, две кавалерийские, три гвардейских и две гренадерские дивизии — всего 110 тыс. человек. Однако на прибытие этих подкреплений требовалось время, а время отныне работало на турок. Порта решила перейти в наступление, выставив на поле боя новые войска, переведя на Балканы часть сил с Кавказа и проводя скоординированные операции по обеим сторонам Балканского хребта. Хотя русские приблизительно догадывались о турецких намерениях, царское верховное командование не предприняло никаких дополнительных мер, чтобы упрочить свои позиции на северном склоне Балкан и Шипкинском перевале. Лишившись наступательного импульса и не имея подкреплений, русские неожиданно обнаружили, что их силы опасно растянуты в тонкую линию к югу

¹⁸⁰ Цит. по: *Беляев Н. И.* Русско-турецкая война... С. 167–168; Сборник материалов по русско-турецкой войне. Т. XXVI. С. 110.

¹⁸¹ Николай Николаевич — Александру II. 22 июля 1877 // Особое прибавление... Вып. III. С. 54.

¹⁸² Цит. по: *Беляев Н. И.* Русско-турецкая война... С. 170.

от Дуная в преддверии согласованного турецкого контрнаступления. Если бы Осман-паша атаковал из Плевны или, тем более, если бы Сулейман-паша перешёл через хребет по одному из второстепенных перевалов и соединился с Мехметом-Али поблизости от Осман-Базара, то у русских не хватило бы резервов на то, чтобы парировать возможные удары с различных направлений. Русское наступление, замедлившись, растягивало всю кампанию на несколько месяцев, необходимых для того, чтобы исправить первоначальные ошибки планирования относительно численности войск, необходимых для выполнения стратегических задач кампании¹⁸³.

Наиболее опасная ситуация сложилась на Шипкинском перевале, где менее чем 5 тысячам защитников вскоре предстояло испытать на себе удар всей турецкой полевой армии. Шипкинский перевал, находящийся на высоте примерно в 1 200 м над уровнем моря, представлял собой наилучший и самый прямой проход через Балканы к Адрианополю и Константинополю. Потеря этого перевала означала бы срыв русских наступательных планов и убедительную победу турок, которые затем смогли бы проводить через горы крупные силы, угрожая русским в любой точке на северном склоне Балкан. Длина самого перевала составляла около 16 км. С севера дорога к перевалу шла вверх по долине ручья, затем резко поднималась вдоль кряжа, над которым господствовали три вершины, и, наконец, спускалась крутыми зигзагами к деревне Шипка у южного входа в дефиле. Ответственность за контроль над перевалом нёс VIII корпус генерала Радецкого, а защитники перевала находились под общим командованием генерал-майора Н. Г. Столетова. Против врага, обладающего многократным численным перевесом, Столетов мог выставить смешанный отряд из 4400 человек, включая пять батальонов болгарской милиции, 36-й Орловский пехотный полк, четыре казачьих эскадрона, два сапёрных отряда и 27 пушек. Противостоял Столетову Сулейман-паша с 27 тыс. человек пехоты и кавалерии и 48 пушками. Помощь Столетову быстрее всего мог оказать генеральный резерв VIII корпуса, расположенный в Тырново, в 67 км от северного входа на перевал¹⁸⁴.

Ключевые русские оборонительные позиции располагались на трёх холмах, которые господствовали над перевалом в его наивысшей точке. На самой высокой вершине — горе Св. Николая — Столетов расположил три русские батареи и семь крупновесных пушек, брошенных там 7 июля турецкими защитниками, отступившими перед отрядом генерала Гурко. На двух возвышениях к северу от этой позиции — на «Центральном» и «Северном» холмах — Столетов разместил четыре батальона русской пехоты и пять батальонов

¹⁸³ Там же. С. 172.

¹⁸⁴ Описание русско-турецкой войны... Т. IV. Ч. 1. С. 132–137; F. V. Greene. *Sketches of Army Life in Russia* (New York, 1880), 41–42.

болгарской милиции. Как он, так и генерал В. Ф. Дерожинский, командир 36-го полка, явно придавали важнейшее значение должной организации оборонительного огня. Они прикрыли каждый подход перекрёстным огнём и оборудовали три вертикальных огневых яруса — два нижних для ручного оружия и верхний для артиллерии, — позволявшие вести сосредоточенный оборонительный огонь и свободный артиллерийский обстрел поверх голов войск. Хотя русские отрыли мелкие траншеи, соединявшие ключевые оборонительные позиции, и выставили мины на некоторых важнейших подходах, в своей обороне они, очевидно, больше полагались на рельеф местности, чем на лопаты. Их укрепления не хватало глубины, а в некоторых случаях прикрытием для войск служили только груды камней. Запасов всех видов, включая продовольствие, воду и боеприпасы, было в обрез¹⁸⁵.

Шестидневное сражение за Шипкинский перевал развернулось 9 августа, когда 20 турецких батальонов с кличем «Аллах!» устремились на «стальную» батарею на левом отроге горы Св. Николая. Взрывы мин и свирепый ответный огонь опустошали их ряды, однако с полудня до 21.00 они 9 раз перестраивались и снова ходили в атаку, пока ночная тьма, наконец, не застала их вцепившимися в позиции в какой-то сотне метров от цели. На следующий день турки ограничились тем, что просочились вокруг флангов русских и болгарских войск и разместили вспомогательную артиллерию на соседних вершинах. К утру 11 августа, ставшего решающим днём сражения, русские по-прежнему удерживали высоты, но оказались практически окружёнными и ничем не прикрытыми от смертоносного перекрёстного огня на дистанции в 1 500–2 000 шагов. В 6.00 Сулейман-паша возобновил атаку, начав штурм с трёх сторон: одна колонна штурмовала гору Св. Николая, а две других — русскую вспомогательную позицию на Центральном холме. лейтенант Ф. В. Грин впоследствии подвёл итог боям этого дня, написав, что обороняющиеся «держались до последнего, пытаясь отбить натиск 25 тыс. турок»¹⁸⁶. К полудню положение русских стало совершенно отчаянным: патроны и артиллерийские снаряды подходили к концу, резервов не было, продовольствие и вода закончились, а войска находились на солнцепёке, под плотным вражеским огнём. Столетов с неохотой отступил, создав резервы из частей, меньше занятых в сражении, а затем контратаковал с целью вернуть утраченные позиции. Примерно в 16.30, когда русские на Северном холме начали отступление, угрожавшее обернуться бегством, к ределящим защитникам перевала пришло подкрепление — части 4-й стрелковой бригады из генерального резерва Радецкого. Время настолько поджимало, что передовой резервный батальон

¹⁸⁵ См. подробнее: *Бескровный Л. Г.* Русское военное искусство XIX в. С. 328–330.

¹⁸⁶ *Greene, Report on the Russian Army.*, 210.

прибыл к месту сражения верхом на казачьих лошадях, поспешно реквизи- рованных для того, чтобы преодолеть последние решающие километры¹⁸⁷.

Ранним утром следующего дня (12 августа) прибыли дополнительные подкрепления — 14-я дивизия генерала Драгомирова. Примерно в середине утра, разворачивая свои войска с целью ослабить натиск на гору Св. Николая, Драгомиров был тяжёло ранен в колено и вынесен с поля боя. Вскоре после этого Сулейман-паша предпринял последнюю попытку взять перевал отчаянной атакой. В этом едва ли не самом кровопролитном штурме (при том, что всё сражение прославилось своей свирепостью) части передового батальона Сулейман-паши дошли до самой линии траншей, но затем смертоносный шквал пуль и русские штыки покончили с ними, стерев с лица земли отряд из 500 человек. Прибытие подкреплений в течение нескольких последующих дней постепенно увеличило численность защитников примерно до 13 тыс. человек, однако бои тянулись ещё почти две недели, прежде чем Сулейман-паша отступил в Казанлык — восстановить поредевшие ряды своей армии. Его потери оцениваются по-разному — от 8 246 до 12 тыс. человек. Русские и болгары потеряли убитыми и ранеными 3 640 человек. Впоследствии Фрэнсис Грин писал, что первые пять дней сражения за Шипку отмечены упорной, цепкой обороной, но добавлял к этому, что «ни с одной из сторон не наблюдалось умелых манёвров»¹⁸⁸. В этом отношении русским повезло, так как если бы Сулейман-паша предпочёл воспользоваться соседними перевалами, чтобы угрожать линиям коммуникаций Столетова и отрезать его от резервов, всё могло бы обернуться совсем по-иному.

Хотя Радецкого критиковали за то, что он держал свои резервы слишком далеко к северу и не мог вовремя прислать их Столетову, VIII корпус отвечал за оборону не одной только Шипки. Главным образом Радецкого беспокоили Сулейман-паша и четырёхугольник крепостей, но именно Осман-паша в конце концов отчасти оправдал диспозицию VIII корпуса. 19 августа, застав русское верховное командование врасплох, Осман-паша сделал вылазку из Плевны, силами 19 батальонов нанёс удар по IV корпусу. Константинополь приказал ему ослабить натиск на Сулейман-пашу, а сам Осман-паша, очевидно, хотел проверить прочность русских позиций. Великий князь ранее высказывал желание, чтобы обстоятельства позволили ему воспользоваться преимуществами русской наступательной тактики в сражении с врагом в открытом поле. Однако в данном случае русским войскам не хватило ни воли, ни инициативы, ни скоординированности. 14 батальонов IV корпуса держали оборону против турок в Пелишат-Сгловне, а 24 остальных батальона рус-

¹⁸⁷ Описание русско-турецкой войны... Т. IV. Ч. 1. С. 160–162.

¹⁸⁸ *Greene, Report on the Russian Army*, 214; ранение Драгомирова описывается в: *Greene, Sketches of Army Life in Russia*, 50.

ского Западного отряда пассивно наблюдали за сражением с фланга. Командующий IV корпусом генерал-лейтенант П. Д. Зотов, который в отсутствие великого князя командовал ещё и Западным отрядом, не сумел воспользоваться возможностью, когда Осман-паша с такой готовностью полез в ловушку. Судя по всему, Зотов опасался поражения, которое бы поставило под удар императорскую ставку в Горни-Студене. Но главным образом Зотов не был уверен в том, что генерал Криденер, командующий IX корпусом, сумел бы выполнить свою часть скоординированной атаки. Вследствие этого, потеряв до 1 300 человек в бесплодных атаках на русские оборонительные позиции, Осман-паша беспрепятственно отступил назад в Плевну¹⁸⁹.

Третий штурм Плевны

Хотя авантюра Осман-паши подтвердила наихудшие опасения самых осторожных представителей русского верховного командования, она явилась не более чем досадным сбоем в планах и приготовлениях к очередному штурму Плевны. Ещё до вылазки Осман-паши провал наступления Сулейман-паши, прибытие русских подкреплений и переход румын к активным действиям против турок вернули русским решимость добиться падения Плевны. На этот раз, однако, русские уделяли намного больше внимания тщательной подготовке к атаке.

Эта подготовка включала в себя вспомогательную атаку на Ловчу с целью отрезать Осман-пашу от третьего, южного направления, откуда к нему могла прийти помощь через второй из главных балканских перевалов — Троянский. Кроме того, Ловча господствовала над важным перекрёстком дорог в каких-то 15 км от Плевны. Само это поселение располагалось в открытой на север трёхсторонней котловине, образованной отрогами Балкан. Примерно 8 тыс. турок с 6 орудиями занимали оборонительные позиции на двух краях — один восточнее, другой западнее Ловчи. Между этими краями лежала долина, в которой располагалось поселение и протекала река Осма. Самая сильная турецкая позиция — редут, прикрытый системой траншей, — размещалась на западном крае, на высотах чуть к северо-западу от Ловчи. Взятие Ловчи было поручено генерал-майору князю А. К. Имеретинскому, под началом которого находились силы приблизительно в 27 тыс. человек в составе 25 батальонов и 14 эскадронов, а также 98 орудий. Сражение, произошедшее 22 августа, поучительно в том смысле, что в нём, как в микрокосме, раскрылись некоторые возможные решения тактических дилемм, порождённых массовым распространением винтовок¹⁹⁰.

¹⁸⁹ Беляев Н. И. Русско-турецкая война... С. 232; Записки П. М. Гудим-Левковича о войне 1877–1878 года // Русская старина. Т. 124. № 12. Декабрь 1905. С. 527–528.

¹⁹⁰ Тактические примеры... / Сост. Г. Зандер. С. 62–63.

21 августа, после того, как находившийся в подчинении у Имеретинского генерал Скобелев провёл тщательную разведку турецких диспозиций, его начальник разработал план атаки. Приказы Имеретинского предполагали последовательный штурм обоих кряжей силами пехоты при поддержке артиллерии в направлении с юго-востока на северо-запад. Цель заключалась в том, чтобы овладеть турецкими позициями в ходе двух скоординированных атак: главный удар наносил слева Скобелев, а вспомогательный удар справа — генерал-майор М. В. Добровольский. Кавалерийские силы, включая Кавказскую казачью бригаду, получили задачу охранять главные подходы и преследовать разбитые вражеские силы¹⁹¹.

На следующее утро атака началась примерно в 6.00 и 8.30 соответственно с мощной бомбардировки, обрушившейся на цель наступления Скобелева, и преждевременной атаки 3-й стрелковой бригады Добровольского. Вследствие недостатка опыта и нехватки времени на проведение детальной разведки Добровольский разместил свою бригаду на открытой местности в 1 500–2 000 шагах от цели атаки. Спешка и неадекватная подготовка огневой позиции привели к тому, что лишь три из его шести 9-фунтовок могли вести эффективный огонь по цели. Когда войска Добровольского, ещё находясь на исходных рубежах, начали нести серьёзные потери от винтовочного обстрела на дальней дистанции, он, не дожидаясь сроков, объявил наступление, чтобы принудить врага к молчанию. К 10.00 его люди захватили первые намеченные цели, но понесли такие огромные потери (600 офицеров и рядовых), что бригада была сочтена вышедшей из строя. Добровольский немедленно остановил атаку и затребовал подкреплений¹⁹².

Тем временем Скобелев на правом направлении действовал успешнее. Он начал атаку с артиллерийской подготовки из 56 пушек, а в полдень повёл свою пехоту на штурм первого кряжа, построив её в уставные боевые порядки. Стрелки развернулись в цепь перед полуротными колоннами, выстроенными в линию с развёрнутыми знамёнами и играющими оркестрами. В первые решающие минуты атаки русские наступали через виноградник, прикрывавший их от взгядов и огня противника. Благодаря сочетанию обстоятельств, включающих наличие прикрытия и артиллерийскую подготовку, но главным образом, возможно, вследствие той катастрофы, которую правее несли войска Добровольского, отвлекая внимание и огонь турок от направления главной атаки, Скобелев захватил первую цель наступления с малыми потерями.

На втором этапе Скобелев столкнулся с более серьёзными проблемами. Хотя он вывел пушки вперёд, чтобы прикрывать следующую фазу атаки, тур-

¹⁹¹ Описание русско-турецкой войны... Т. V. С. 23, 25–27.

¹⁹² Там же. Т. V. С. 33–35.

ки, занимавшие второй кряж, имели достаточную численность и достаточное прикрытие, чтобы выдержать артиллерийский обстрел. К 14.00 Скобелев вывел два батальона 64-го Казанского полка на берега Осмы, и после некоторого замешательства русские по нескольким бродам переправились через реку напротив редута. Чуть позже за ними слева и справа последовали 5-й Калужский и 7-й Ревельский полки. Когда части Казанского полка построились на ровной местности перед редутом, они попали под сильный прямой и косвенный винтовочный огонь. Вместо того чтобы оставаться без прикрытия на открытом пространстве, офицеры и солдаты мелкими группами либо устремились к окружённой деревьями мельнице, находившейся в 500 шагах впереди, либо передвигались перебежками, используя любые имеющиеся прикрытия. Те, кто останавливался, ожидая приказов или оценивая ситуацию, нередко погибал там, где стоял или лежал. Когда солдаты собрались вокруг мельницы, офицеры повели их в дальнейшее наступление — снова перебежками. Таким образом они преодолели оставшиеся 1 200 шагов открытого пространства и взобрались по склону холмов к ложбине, находившейся перед первой линией турецких укреплений. Оказавшиеся на открытой местности солдаты Калужского (слева), Ревельского (справа) и 6-го Либавского (чуть позади) полков последовали неуставному примеру Казанского полка. Тем временем позади и левее них, на окраинах самой Ловчи, Скобелев сумел выстроить в традиционные боевые порядки резервные 11-й Псковский и 8-й Эстляндский полки. В тот момент, когда пехота из Казанского и Калужского полков с криками «Ура!» ворвалась стрелковой цепью в первую линию турецких траншей, Скобелев повёл два тыловых полка в стремительную атаку на высоты с левого направления — снова с играющими оркестрами и знамёнами, реющими на лёгком ветерке. Примерно в то же время части Ревельского полка ударили по редуту справа. Результатом стала скоординированная атака на редут с трёх сторон. Те турки, что не обратились в бегство, были убиты на месте. Русская кавалерия отрезала беглецам путь к отступлению и брала их в плен. Всего турки потеряли 2 200 человек на поле боя, плюс 4 000 человек убитыми и пленными во время преследования. Два дня спустя остатки двух турецких батальонов из первоначальных семи соединились с Осман-пашой в укреплённой Плевне¹⁹³.

Несмотря на ошибки при планировании и исполнении, взятие Ловчи ранимительно не повлияло на веру в эффективные наступательные действия пехоты против подготовленных позиций. Успех опирался на ряд обстоятельств, включая тщательное планирование, удачу, разведку, артиллерийскую подготовку,

¹⁹³ Описание русско-турецкой войны... Т. V. С. 41–44; *Зайончковский А.* Наступательный бой по опыту действий генерала Скобелева в сражениях под Ловчей, Плевной (27 и 30 августа) и Шейново. СПб., 1893. С. 18–23.

инициативу офицеров и солдат и гибкую адаптацию к условиям местности. Стрелковая цепь растянулась на 2 км в длину, а традиционные пехотные колонны вместе со стрелками преодолели под огнём не менее 1 200 шагов, передвигаясь перебежками примерно по 200 шагов за один раз. Кавалерия выполняла задачи прикрытия и снова продемонстрировала все достоинства эффективного преследования. Несмотря на такие провалы, как атака Добровольского, после войны некоторые авторы стали подавать взятие Ловчи как хрестоматийный пример успешной атаки. Из интересных статистических данных, относящихся к этому бою, можно упомянуть, что русская артиллерия, оказывая поддержку атакующей пехоте, израсходовала 4 883 снаряда. Каждый стрелок в среднем истратил 14,5 патронов; общий расход патронов за сражение составил более четверти миллиона¹⁹⁴.

Взятие Ловчи обезопасил южный фланг объединённых русско-румынских сил, пытавшихся взломать оборону Плевны. Ранее румыны упорно отказывались пересекать Дунай, пока с Санкт-Петербургом не будут заключены устраивающие их договорённости о «сохранении их индивидуальности». После достижения соглашения князь Кароль (Карл) прибыл 16 августа в русскую ставку и принял командование Западным отрядом. К 24 августа 32 тыс. румын со 108 орудиями присоединились к русским силам в Плевне, увеличив численность осаждающих до 84 тыс. человек и 424 орудий, против которых у Осман-паши имелось 36 тыс. человек и 72 орудия. Генерал П. Д. Зотов стал у князя начальником штаба, но координация действий штабов союзников всё равно оставалась неудовлетворительной.

План атаки предусматривал нападение на турок с трёх направлений. Справа князю Каролю предстояло бросить 48 румынских и русских батальонов на Гривицкие редуты — сердце турецкой обороны. В центре, то есть с юго-востока, русские должны были атаковать силами 30 батальонов и занять укреплённую точку, которая носила название Омар-бей-Табия. Слева (с юга) Скобелев и Имеретинский наносили удар через «Зелёные горы» с целью захватить Кришнинские редуты. Общей атаке по плану предшествовала четырёхдневная артиллерийская бомбардировка, для которой союзники выделили 20 осадных и 152 полевых орудия¹⁹⁵.

С самого начала союзников преследовали дурные предзнаменования. Как и в прошлые разы, артиллерийский огонь не причинил серьёзного ущерба турецким полевым укреплениям. Ради проведения дополнительной подготовки атака была перенесена с 28 на 30 августа. В результате из русских планов исчезал элемент внезапности, а турки, осведомлённые о неминуемом

¹⁹⁴ См.: *Беляев Н. И.* Русско-турецкая война... С. 236–238. (См. также: *Описание русско-турецкой войны...* Т. V. С. 48. — *Прим. ред.*)

¹⁹⁵ *Бескровный Л. Г.* Русское военное искусство XIX в. С. 332–334.

штурме, прикладывали все силы к тому, чтобы укрепить и без того грозную оборону. Прошедший 29 августа ливень превратил поле боя в вязкое чёрное болото, что весьма затрудняло подвоз артиллерийских снарядов. Сам Зотов, по-видимому, лишился уверенности в успехе атаки. Тактик П. М. Гудим-Левкович, присутствовавший на совещании в штабе, хорошо запомнил замечание Зотова: «Ничего из этой атаки не выйдет: потери будут громадными, а Плевну мы не возьмём»¹⁹⁶. Хотя Зотов предлагал ещё раз отложить атаку, он не сумел убедить своими аргументами князя Кароля и великого князя.

30 августа атакующих встретил густой туман, стелившийся по земле, и мелкий дождик. В результате последние два с половиной часа артиллерийской подготовки оказались безрезультатными. В 15.00 румынский генерал А. Чернат повёл 48 румынских и русских батальонов на штурм Гривицких редутов, служивших ключом ко всей обороне Осман-паши. На этот раз пехота шла в атаку прямо со сборных точек, не пытаясь передвигаться перебежками от одного укрытия к другому. Предсказуемым итогом стали тяжёлые потери. Первая волна из 14 румынских батальонов была отбита, так же как вторая и третья. В 18.00 к румынам присоединилась 5-я пехотная дивизия русских, и после двух часов ожесточённого сражения союзные войска сумели захватить часть Гривицких редутов. Однако передышки они не получили, попав под плотный огонь из соседних траншей и с других ближних редутов, которые разведка не сумела выявить. Дальнейшие атаки оказались бесплодными¹⁹⁷.

Тем временем небольшое, но существенное содействие было оказано им в центре, где генерал Е. К. Крылов с 30 пехотными батальонами в 15.00 атаковал редут Омар-бей-Табия. Части 16-й и 39-й дивизий, шедшие на штурм плечом к плечу, расстреливались в упор. Атака вскоре захлебнулась, и Крылов, не получая подкреплений, был вынужден ограничиться демонстрациями с целью отвлечь внимание врага от двух других направлений¹⁹⁸.

Напротив, на левом крыле русских ожидал неожиданный успех. Имеретинский атаковал тремя эшелонами. Первый из них возглавлял отважный генерал Скобелев, одетый в белый мундир и гарцуя на белом коне. Удачно используя рельеф местности, русские сумели занять исходные рубежи в 900–1 200 шагах от турецких укреплений. Согласно своему обычаю Скобелев бросил первую волну в атаку, а в критический момент, когда она начала выдыхаться, направил на помощь дополнительные резервы. Тем самым он сумел сохранить наступательный импульс, благодаря чему неожиданно захватил Кришинские редуты, едва не прорвавшись на южную окраину Плевны. Однако теперь он оказался в рискованной ситуации: в оборону Осман-паши был

¹⁹⁶ Записки П. М. Гудим-Левковича... С. 537.

¹⁹⁷ Описание русско-турецкой войны... Т. V. С. 179–187.

¹⁹⁸ Там же. С. 195–206.

вбит опасный клин, но люди Скобелева не могли ни передохнуть под огнём, ведущимся с трёх сторон, ни наступать, не получая подкреплений. Просьбы Скобелева о подкреплениях остались тщетными, так как верховное командование всё своё внимание уделяло другим секторам, а донесения, описывающие положение дел в крайнем левом секторе, были неверно поняты или приходили с опозданием. Когда Осман-паша убедился в том, что атаки на его левом крыле и в центре выдохлись, он направил 15 батальонов против Скобелева, который едва сумел прорваться назад к русским оборонительным линиям¹⁹⁹.

Утром 31 августа все попытки русских и румын развить успех на Гривицких редутах окончились полным провалом. Потери русских насчитывали 12 700 человек, потери румын — более 3 000, и союзное верховное командование отдало приказ к отступлению.

Третий штурм Плевны выявил серьёзные огрехи в командовании, управлении войсками и в тактике. Несмотря на принятые меры к элементарной координации действий штабов, ни русские, ни румыны не обладали общим контролем за ходом сражения. Никто не провёл необходимую разведку, никто не обратил внимания на слабые места вражеской обороны на юге и западе. Во время самой битвы среди подчинённых командиров — за исключением Скобелева — наблюдалась тревожная тенденция к фактической потере управления своими войсками в атаке. Как и первые два штурма Плевны, третий ещё раз продемонстрировал ужасающую эффективность винтовочного огня с подготовленных позиций против пехоты, наступающей по открытой местности. Артиллерия по разным причинам снова проявила своё бессилие в новой разновидности осадной войны, какой, по сути, являлись сражения за Плевну. Но, возможно, самым печальным было то, что по причинам, оставшимся неясными, русские не сумели использовать полевой телеграф для координации действий на поле боя, которое растянулось от фланга до фланга полукругом в 16 км.

Софийская дорога

После неудачного третьего штурма Плевны союзное командование решило одержать верх над противником, уморив его голодом. Прославившийся в Севастополе генерал Е. И. Тотлебен взял на себя командование устройством инженерных сооружений, чтобы взять турок в плотное кольцо осады, а союзные силы тем временем старались полностью перекрыть северные, восточ-

¹⁹⁹ Описание русско-турецкой войны... Т. V. С. 224–232.

ные и южные подходы к городу, оставив для Осман-паши открытыми только западное и юго-западное направления — там проходила софийская дорога, по которой он мог получать припасы и подкрепления²⁰⁰. Русская кавалерия вскоре прервала сообщение по этой дороге, но коннице не хватало наступательной мощи, чтобы одолеть хорошо укрепленные гарнизоны — каждый состоял из шести—семи пехотных батальонов с несколькими пушками, представленными в ключевых точках на дороге. Стремясь поскорее взять Плевну, русское верховное командование обвиняло немолодых кавалерийских офицеров в неспособности обеспечить надежную блокаду города, и в середине октября поставило генерал-лейтенанта Гурко, прославленного командира передового отряда, во главе гвардейских полков, поставив им задачу провести решительное наступление на турецкие позиции в Горном Дубняке, Телише и Дольнем Дубняке. С взятием этих пунктов Плевна была бы обложена со всех сторон.

Тотлебен и Гурко пребывали в иллюзии, что силы Осман-паши насчитывают 80 батальонов в Плевне и ещё 120, разбросанных по укрепленным пунктам между Плевной и Софией. Это предположение сказалось на тактических диспозициях и чрезмерных требованиях Гурко к численности войск. Чтобы одолеть гарнизоны в Горном Дубняке и Телише, Гурко мобилизовал 171 орудие и силы, равные 48 батальонам, из которых более половины предназначалось не для атак, а для операций прикрытия и охранения²⁰¹.

При взятии Горного Дубняка те недостатки, что были присущи неравномерному распределению сил, усугубились использованием тактики, уже дискредитировавшей себя предыдущими катастрофами под Плевной. Эта укрепленная точка располагалась в 23 км на юго-запад от Плевны; семь турецких батальонов удерживало здесь большой и маленький редуты на небольших возвышенностях, между которыми проходила софийская дорога, причём эти редуты окружало открытое пространство, простреливавшееся во все стороны на дистанцию от 300 до 1 000 шагов. В 9.00 24 октября Гурко направил на редуты три колонны, намереваясь провести скоординированный штурм их восточных склонов и передовых позиций на их западных и южных флангах. Поскольку колонны не сумели одновременно выйти на исходные рубежи для атаки, генерал Л. Л. Зедделер, командовавший центром, был вынужден повести свои войска в преждевременную атаку после того, как они начали нести сильные потери от сосредоточенного вражеского ружейного огня. Зедделер, который ранее уже предупреждал об убийственной силе огня из каз-

²⁰⁰ Шор Д. И. Инженерное обеспечение осады Плевны в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Военно-инженерное искусство и инженерные войска русской армии / Под ред. В. И. Железных и др. М., 1958. С. 140–145.

²⁰¹ Бескровский Л. Г. Русское военное искусство XIX в. С. 335–336.

нозрядного оружия, вскоре упал, раненный в живот, но его Гвардейский гренадерский полк сумел преодолеть под огнём около 1 000 м и захватить малый редут к югу от софийской дороги, понеся тяжёлые потери²⁰². Остальные две колонны производили хрестоматийные атаки — полуротными колоннами, наступавшими под прикрытием стрелковой цепи. К полудню эти две колонны остановились вследствие тяжёлых потерь. Перемешавшись друг с другом и с гренадерами, они пытались укрыться в канавах и лощинах, находясь на расстоянии от 100 до 800 шагов от цели.

Гурко попытался выйти из позиционного тупика тем же самым методом. Он направил подкрепления в центр и отдал приказ в 14.00 возобновить атаку со всех сторон. Однако в шуме и кутерьме сражения лишь немногие войска на поле боя слышали девять залпов, которыми артиллерия подала сигнал к одновременному наступлению. Не получая поддержки, которая бы отвлекла внимание и огонь от новичков на поле боя, посланные на подмогу пехотинцы из Московского гвардейского полка были вынуждены залечь, не доходя 650 шагов до турецкого редута. Когда на помощь гренадерам выдвинулись гвардейские сапёры, вражеский огонь заставил их зарыться в землю, и вскоре пехотинцы по всему фронту последовали их примеру, используя все, что окажется под рукой, — столовые приборы, ножи, штыки и даже голые руки. Поскольку часть русских солдат подползла или иными способами приблизилась к редуту, оказавшись от него на расстоянии в 100 шагов, вспомогательная артиллерия постепенно умолкала из опасения попасть по своим. Хотя отдельные группы пехотинцев продолжали продвигаться перебежками, к вечеру Гурко был готов дать отбой и с наступлением темноты отступить²⁰³.

Уцелевшие войска Гурко не разделяли намерений своего командира. Даже после провала послеполуденной атаки солдаты из четвёртого батальона — самой сильной части Гренадерского полка — по-прежнему пробирались вперёд. Они наступали группами по два—три человека, стремясь под прикрытием маленькой белой хижины, где останавливались, чтобы перевести дыхание и собраться с мужеством для нового броска. Под прикрытием энергичного и точного огня, который вели соседние бойцы из их собственного и других полков, некоторые гренадеры преодолевали небольшой участок от хижины до мёртвой зоны в канаве, которая проходила по южному фасу редута. Там они оставались в ожидании заката, постепенно возрастая в численности, до тех пор, пока в мёртвой зоне больше не осталось места. Тогда с криками «Ура!» они бросились на вал и в редут. Их крики побудили соседние части к действию, и, пользуясь тем, что внимание турок было на минуту отвлече-

²⁰² Зеделер выжил и после войны служил в Военном министерстве; см.: Военная энциклопедия. Т. X. Статья «Зеделер, бар. Логин Логинович».

²⁰³ Пузыревский А. К. Десять лет назад. СПб., 1887. С. 136–147.

но, к редуту бросились уже все атакующие. Когда русские хлынули на редут, чтобы сразиться с врагами врукопашную, турецкий командир поднял белый флаг, сдавшись вместе с 2 000 своих подчинённых. Убитыми и ранеными турки потеряли 1 500 человек. Русские потери составляли 3 500 убитых и раненых, что примерно равно общей численности оборонявшихся турок. Одни лишь гвардейские гренадеры потеряли 1017 офицеров и рядовых²⁰⁴.

Такая же кровавая драма, только без победоносной развязки, повторилась в соседнем Телише, где Гвардейский егерский полк пошёл в атаку против турецких подкреплений, направлявшихся в Горный Дубняк. Проведя чисто формальную разведку и поставив гвардейские кавалерийские части на незащищённом левом фланге, командир егерей полковник Челищев повёл свои войска в уставную атаку на редут и несколько укреплений, прикрывавших софийскую дорогу. Пока 3-я Гвардейская артиллерийская батарея вела вспомогательный огонь на 1500-метровой дистанции, егеря, выйдя из расселины, в которой они укрывались, развернулись строем на кукурузном поле, примыкавшем с востока к цели атаки. Согласно журналу боевых действий полка, их строй представлял собой «две шеренги рот с застрельщиками в авангарде». Хотя кукурузные стебли заслоняли атакующим обзор, егеря немедленно попали под огонь турок, занимавших стрелковые ячейки на полпути между исходным рубежом русской атаки и редутом, которые разделяло 1200 м пространства. Челищев приказал войскам взять эти промежуточные позиции, и его бойцы с энтузиазмом ринулись в бой, наступая «как на манёврах, в полный рост, с офицерами во главе своих рот»²⁰⁵. Русские легко заняли траншеи, но при этом оказались под плотным огнём, который вёлся с более дальнего редута. Одновременно винтовочная стрельба турок вывела из строя часть артиллерии атакующих. Пока Челищев пытался решить проблему огневой поддержки, командиры передовых рот, действуя по собственной инициативе, возобновили наступление, чтобы подавить стрелков, так немилосердно опустошавших их ряды. Не желая оставаться в стороне, роты второй линии устремились вперёд в общей спонтанной атаке на сильно укреплённые позиции при слабой артиллерийской поддержке. Наступательный порыв и сила воли позволили атакующим преодолеть ровный участок и оказаться в 40 шагах от главного редута, где егеря либо прижимались к земле, либо использовали как прикрытие тела своих мёртвых товарищей. Уцелевшие, будучи не в состоянии ни наступать, ни отступать, провели там четыре часа под жарким солнцем, обмениваясь выстрелами с противником и постепенно редая в числе. В первую очередь гибель подстерегала ротных офицеров, которые безуспеш-

²⁰⁴ Там же. С. 147–153; Богданович Е. В. Гвардия русского Царя на софийской дороге. СПб., 1879. С. 83–92.

²⁰⁵ Сборник материалов по русско-турецкой войне. Т. LVIII. С. 84.

но пытались поднять своих людей на последний штурм. Некий лейтенант Перепелицын был ранен девятью пулями при том, что раны от пяти из них были по отдельности смертельными. Турки сделали вылазку, которая была отбита, и дважды поднимали белый флаг — лишь для того, чтобы возобновить огонь, когда русские вставали, чтобы принять их сдачу. Наконец, в 14.00 Челищев сумел вывести своих людей из боя на прикрытую позицию, где попытался реорганизовать их для нового штурма, но ближе к вечеру отказался от своей попытки, получив известие, что туркам удалось подвести на осаждённые редуты подкрепления. Потери лейб-гвардейских егерей под Телишем составили более 900 человек, из которых около половины умерло²⁰⁶.

Эти потери были ужасающими и отрезвляющими. Командиры ещё могли как-то оправдать потери предыдущих боёв, но в данном случае тяжёло пострадал самый цвет армии — обожаемая монархией гвардия, в которой служили отпрыски многих выдающихся знатных семейств. В число погибших и раненых высокопоставленных офицеров входили Зедделер, Розенбах, Притвиц, Ольдерогге и Гриппенберг — представители прославленных дворянских родов Прибалтики. Как впоследствии отмечал лейтенант Грин, «казнозарядная винтовка не различает чинов, и горестный стон стоял по всему Санкт-Петербургу и Москве»²⁰⁷. Неудивительно, что такое расточительство со стороны Гурко едва не стоило ему должности и немедленно навлекло на его голову упрёки со стороны как императора, так и великого князя²⁰⁸.

Получив взбучку, Гурко вновь отправился брать Телиш и Дольный Дубняк, но проявил при этом больше осторожности. Через три дня после неудачного сражения 24 октября он вернулся на софийскую дорогу и провёл тщательную разведку Телиша, собираясь подавить турецкое сопротивление силами одной лишь артиллерии. К тому моменту пехота Гурко занимала траншеи с трёх сторон от турецких позиций на расстоянии в 1 600–2 000 м от них. В полдень 28 октября десять батарей русской артиллерии открыли огонь на дистанции в 1400–1900 м от цели. Менее чем три часа спустя, когда пушки выпустили 3 тыс. снарядов, турецкий командир сдался. У его войск не было серьёзного укрытия, какое имелось в Горни-Дубнике с его более мощными укреплениями, а огонь русской артиллерии, попеременно стрелявшей фугасными и шрапнельными снарядами, оказался более эффективным, нежели в Плевне или в Ловче. У русских один был убит и пятеро раненых, в то время как потери турок составляли 157 убитых, павших жертвами артиллерийского огня.

²⁰⁶ Богданович Е. В. Гвардия русского Царя... С. 109–118.

²⁰⁷ Greene, *Sketches of Army Life in Russia*, 145; Дневник Высочайшего пребывания Императора Александра II-го за Дунаем в 1877 году. СПб., 1878. С. 227.

²⁰⁸ Дневник Д. А. Милютин / Под ред. П. А. Зайончковского. Т. II. С. 231–232; Беляев Н. И. Русско-турецкая война... С. 267.

Услышав про капитуляцию Телиша, турецкий командир в Дольнем Дубняке бросил свои позиции без единого выстрела и присоединился к силам Осман-паши, запертым в Плевне²⁰⁹.

Плотная блокада Плевны позволила добиться успеха там, где не помог штурм. К концу ноября у турецкого гарнизона совершенно вышли все припасы, и Осман-паша решил прорывать блокаду, пока тяготы и лишения не подорвали боеспособность его войск. Ночью 28 ноября он сосредоточил свои силы к западу от Плевны на левом берегу реки Вид и на рассвете 29 ноября бросил их в отчаянную атаку на три противостоящих линии укреплений. Прежде чем русские успели подвести к месту боя резервы, атакующие прорвали две линии обороны. Однако, русские вскоре нанесли контрудар свежими частями, отбросив турок на исходные позиции, после чего Осман-паша наконец запросил об условиях капитуляции. Впоследствии он сдался со всеми своими войсками — всего около 43 тыс. человек. Как только правый фланг, руководимый великим князем, избавился от этой помехи, русские могли возобновить своё наступление на Балканский хребет и за ним²¹⁰.

Забалканская кампания

Падение Плевны стало для турок тяжёлым ударом, лишив их опытной полевой армии и лучшего командира, однако ситуация оставалась далеко не безнадёжной. Суровая балканская зима едва начала собирать свою дань с русских полевых сил, а ледостав в начале декабря разорвал цепочку русских понтонов через Дунай, на какое-то время изолировав силы царя в Болгарии. Туркам оставалось лишь блокировать балканские перевалы, за зиму реорганизовать свои войска и подготовиться к стратегической обороне на южном склоне Балкан, после чего время, расстояния и сложившийся в Европе баланс сил начали бы работать в их пользу. К несчастью, турки ничего не могли поделать с двумя другими обстоятельствами, наделявшими русских огромным преимуществом: речь идёт о вновь проснувшемся наступательном порыве русской армии и бездарности турецкого командования. По настоянию Милютина великий князь, не упускавший из вида вероятность британского вмешательства, всё более возраставшую с продолжением войны, решил устроить сюрприз Уайтхоллу, а также некоторым отечественным дипломатам, не прекращая боевых действий на зиму. Лейтенант Грин, которого никогда не оставляла проницательность, лаконично заметил, что «на этой войне, как и на всех

²⁰⁹ Газенкамтф М. Мой дневник 1877–78 гг. СПб., 1908. С. 152–154.

²¹⁰ Бескровский Л. Г. Русское военное искусство XIX в. С. 336–337.

прочих, чисто военные соображения были принесены в жертву высшим политическим интересам». Возможно, в тот момент никто не понимал этого лучше, чем великий князь, полный решимости не допустить, чтобы время работало на дипломатов и политиков за счёт солдата²¹¹. Вместо того, чтобы упустить благоприятный момент, верховное командование склонялось к тому, чтобы провести свои армии через опасные горные перевалы прямо в пасть оборонявшимся туркам и балканской зиме. Турки же непреднамеренно подыгрывали русским, с одной стороны, отказываясь верить в возможность зимней кампании, а с другой стороны, разместив свои войска к югу от балканских перевалов так, словно сами напрашивались на поражение. Очевидно, они разделяли убеждение такого авторитета, как Хельмут фон Мольтке, который объявил зимние горы непроходимыми. Начальник прусского генштаба, делая обзор положения турок после падения Плевны, заметил, что любая попытка перевести зимой крупные силы через Троянский перевал — один из основных путей в Софию — «заслуживает быть названной безрассудной, ибо двух батальонов хватит, чтобы остановить атаку целого корпуса»²¹².

Невзирая на мнение Мольтке, русские полагали, что обладают достаточным превосходством на Балканском театре, чтобы перенести военные действия в сердце турецкой империи — к Константинополю. Русские силы на Дунайском театре насчитывали 500 тыс. человек с 1 343 пушками, против которых турецкое командование располагало лишь 183 тыс. бойцов с 441 пушкой. За исключением четырёхугольника крепостей, турки расположились на южном склоне Балкан — Сулейман-паша находился справа, Вессель-паша в центре, и Шакир-паша слева. Русский план заключался в том, чтобы сдерживать Сулейман-пашу и вести наступление на собственном правом фланге и в центре тремя колоннами: Гурко предстояло прорваться через перевал Араб-Конак к Софии, П. П. Карцову — через Троянский перевал, и Радецкому — через Шипку²¹³. Наступление началось 13 декабря, причём Гурко совершил манёвр через несколько второстепенных перевалов, чтобы заставить Шакир-пашу покинуть позиции на перевале Араб-Конак. Турецкий командующий отступил на новую оборонительную позицию, тем самым оставив без прикрытия Софию, которую Гурко занял 23 декабря. Несмотря на скверную погоду, Гурко не ослаблял нажим, преследуя Шакир-пашу по дороге на Филиппополь, тем самым создавая угрозу тылам турецких войск, блокировавших Троянский перевал. Таким образом он открыл проход для Карцова, который пересёк хребет с 5-тысячным отрядом и соединился с Гурко в марше на Филиппополь²¹⁴.

²¹¹ *Greene*, Report on the Russian Army, 324.

²¹² *Карцов П.* Траянов перевал // *Русский вестник*. Т. 194. № 1. Январь 1888. С. 79.

²¹³ Там же. С. 77.

²¹⁴ *Ростунов И. И.* Боевые действия русской армии... С. 22–23.

Успешные действия Гурко способствовали атаке Радецкого на Вессельпашу, чьи силы насчитывали 35 тыс. человек и 108 пушек, расположенных на нескольких оборонительных позициях между Шейново и Шипкой с целью предотвратить прорыв русской армии через Шипкинский перевал. Замысел Радецкого сводился к тому, чтобы провести фронтальную скользящую атаку против турецкой обороны у южного входа на Шипкинский перевал, а затем отрядить подчинённых командиров Скобелева и Н. И. Святополк-Мирского на охватывающие атаки по нескольким второстепенным перевалам, имевшие своей целью главное турецкое укрепление в Шейново. Хотя первая линия обороны турок, очевидно, строилась с расчётом на погоду, план Радецкого был связан с немалым риском. Разделив силы перед лицом врага, Радецкий едва ли не обрекал себя на поражение. Оказавшись на марше, колонны лишались всякой возможности координировать свои действия. Наконец, горные проходы были настолько сложными, что зимняя буря или даже небольшое сопротивление на любом из трёх маршрутов могли расстроить всё расписание, а вместе с ним и операцию в целом.

Две охватывающие колонны выступили в путь 24–25 декабря. Хотя левой колонне под началом Святополк-Мирского (19 тыс. человек и 24 пушки) предстояло преодолеть самый длинный маршрут (35 км) по снегу глубиной в 4 м, она, на свою беду, первой прорвалась за хребет, вынужденная пережить несколько тревожных моментов, прежде чем она смогла бы получить реальную помощь либо от центральной колонны Радецкого (12 тыс. человек и 24 пушки), либо от правой колонны Скобелева (16 500 человек и 14 пушек). Скобелев на своём 20-км маршруте столкнулся с неожиданным сопротивлением, в то время как Радецкий, штурмовавший несколько последовательных линий турецкой обороны, продвигался вперёд с большим трудом. Соответственно, ни тот, ни другой не могли оказать прямую поддержку Святополк-Мирскому 27 декабря — в день, намеченный для совместной атаки на основную турецкую оборонительную позицию в Шипка-Шейново²¹⁵.

Тем не менее Святополк-Мирский, даже оказавшись в меньшинстве, атаковал 27 декабря в соответствии с первоначальной диспозицией, причём его левый фланг повис в воздухе. Примерно в 10.00, когда бойцы закалённой 4-й стрелковой бригады были выдвинуты в авангард в качестве застрельщиков, Святополк-Мирский начал наступление на внешние турецкие позиции с 33-м Елецким, 36-м Орловским и 117-м Ярославским полками, выстроенными в две взаимно поддерживающие друг друга линии. Русские быстро заняли две деревни, но к ночи их атака выдохлась из-за усилившегося турецкого сопротивления, тяжёлых потерь и нехватки боеприпасов. Святополк-Мирский

²¹⁵ Зайончковский А. Наступательный бой... С. 44–48.

оказался в опасном положении: хотя его войска прорвали первую линию вражеской обороны, его левый фланг оставался беззащитным и у него не хватало людей и боеприпасов, чтобы продолжать наступление. К тому же он в любой момент ожидал мощной турецкой контратаки. В ночные часы он сумел установить контакт с гонцами от Радецкого, который советовал ему удерживать позицию, по крайней мере, ещё сутки ²¹⁶.

Следующий день, 28 декабря, принёс с собой непогоду и ожидавшуюся атаку Вессель-паши. В долине к югу от Шипкинского перевала проснувшиеся утром солдаты увидели, что вражеские позиции закрыты плотным туманом, который, однако, не помешал туркам атаковать сперва правый фланг Святополк-Мирского, а затем центр. Когда обе атаки были отбиты, Святополк-Мирский нанёс контрудар на левом фланге и неожиданно добился успеха: его войска заняли деревню Шипка. Тем временем на самом перевале туман сменился бураном с бьющим в лицо снегом и снежной крупой. Несмотря на то что видимость сократилась до десятка метров, Радецкий в 12.00 прилежно бросил свои 55-й Подольский, 56-й Житомирский и 35-й Брянский полки во вспомогательную атаку. Два часа спустя, после захвата двух линий турецких траншей, Радецкий прекратил атаку. Его потери составляли 1 700 человек. Теперь распутать создавшийся узел мог лишь генерал Скобелев.

Успевший стать легендой «белый генерал» задержал свою атаку до тех пор, пока все его части не завершили изнурительный переход через Имитлийский перевал. Хотя вражеское сопротивление на день задержало его выход в долину, он прилежно следовал букве приказа Радецкого «положительно не атаковать до тех пор, пока не соберутся все его силы». Выйдя на открытое пространство, Скобелев не стал тратить времени на налаживание связи со Святополк-Мирским и собрал свои войска для штурма шейновских редутов с запада. Под прикрытием тумана он выстроил свои силы в две линии: в первой находились 63-й Угличский полк и болгарское ополчение, во второй линии — 61-й Владимирский и 64-й Казанский полки. Под звуки оркестров Скобелев бросил свои полки в смелую штыковую атаку через открытое пространство. Несмотря на тяжёлые потери, понесённые в том числе и оркестрами, русские взяли редуты, на несколько минут сойдясь с противником в рукопашной схватке. Кровавая схватка завершилась лишь после того, как шесть турецких батальонов сложили оружие. Святополк-Мирский и Радецкий не успели закончить окружение, а Вессель-паша уже капитулировал со всеми своими 33 тыс. человек. Теперь между русскими и Константинополем оставались лишь силы Сулейман-паши ²¹⁷.

²¹⁶ Русско-турецкая война 1877–1878 / Под ред. И. И. Ростунова. С. 166–167.

²¹⁷ *Зайончковский А.* Наступательный бой... С. 54–59.

Вероятно, Шейново можно поставить в один ряд с триумфальной победой американского генерала Джорджа Томаса в 1864 г. под Нэшвиллом в качестве одного из «идеальных сражений» XIX века. Лейтенант Грин назвал манёвр русских войск «блестящим» и даже утверждал, что захват армии Вессель-паши своей смелостью и великолепием затмевает прежние подвиги авангардного отряда Гурко²¹⁸. Однако успех не обошёлся без некоторых отрицательных моментов — одни из них сказались сразу же, другие впоследствии. Потери русских составляли более 5 тыс. человек, из которых 1 103 умерли. Более вредным в долговременном плане оказалось то обстоятельство, что победа под Шейново, как и под Ловчей, возродила веру в эффективность пехотных атак в уставном стиле, даже против подготовленных вражеских позиций. Русские не смогли перетащить свою артиллерию по заснеженным горным перевалам, и в результате турецкие позиции на Шипке и в Шейново были взяты силами одной лишь пехоты. Это заставило таких наблюдателей, как лейтенант Грин, отметить, что атака Скобелева «делает более чем сомнительным урок, преждевременно извлечённый из этой войны (особенно из осады Плевны), о том, что успешный штурм земляных укреплений, обороняемых современным казнозарядным оружием, невозможен»²¹⁹. Если и другие пришли к такому же выводу, то именно Шейново, а не Плевна, могло послужить образцом для подражания в будущих войнах, и цена такого подражания могла оказаться очень высокой.

В целом, в забалканской кампании русские компенсировали былые неудачи, совершив один из самых выдающихся подвигов в современной военной истории. Они по частям провели три крупные колонны (Гурко, Карцова, Радецкого) через балканские перевалы, покрытые льдом и снегом глубиной до 4 м, а затем использовали фактор внезапности и извлекли выгоду как из своего численного превосходства, так и из неумения турецких полевых сил оказать друг другу взаимную поддержку. В большинстве случаев русские брали сильные оборонительные позиции либо путём охвата, либо благодаря манёвру. Одним словом, русские убедительно преодолели паралич, охвативший их под Плевной²²⁰.

Стремясь воспользоваться преимуществом, русские силы хлынули через Балканы широким потоком. Гурко наступал по долине Марицы, угрожая Филиппополю, а Радецкий несколькими колоннами направился на Адрианополь. В трёхдневном сражении (3–5 января 1878 г.) под Филиппополем Гурко разгромил армию Сулейман-паши, остатки которой, бросив склады и артиллерию (180 орудий), бежали на берега Эгейского моря. 8 января, по-

²¹⁸ *Greene, Report on the Russian Army*, 356.

²¹⁹ Там же.

²²⁰ Русско-турецкая война 1877–1878 / Под ред. И. И. Ростунова. С. 200.

сле того как турецкий гарнизон сдался, не оказав сопротивления, Радецкий под звуки оркестров вошёл с развёрнутыми знамёнами в Адрианополь. После этого враждующие стороны уселись за стол переговоров, а русская армия остановила своё наступление в местечке Сан-Стефано, примерно в 15 км от Константинополя²²¹.

Кавказский театр

Кавказский театр в первую очередь отличался принципом экономии сил. Хотя план генерала Обручева первоначально предусматривал размещение 125 тыс. человек и 456 пушек к югу от Главного Кавказского хребта, к моменту начала военных действий в апреле 1877 г. под общим командованием великого князя Михаила (начальник штаба — генерал-адъютант М. Т. Лорис-Меликов) находились лишь 50 тыс. человек и 202 пушки. Кавказские силы, разделённые на четыре отряда (Кобулетский, Ахалцыхский, Александропольский и Эриванский), имели своей задачей сковывать турецкие силы и по возможности захватить турецкие крепости в Батуме, Ардагане, Карсе, Баязете и Эрзеруме. Русским силам противостояли, прикрывая основные подходы, две турецкие армии — 60-тысячная под началом Мухтар-паши и 40-тысячная около Эрзерума²²².

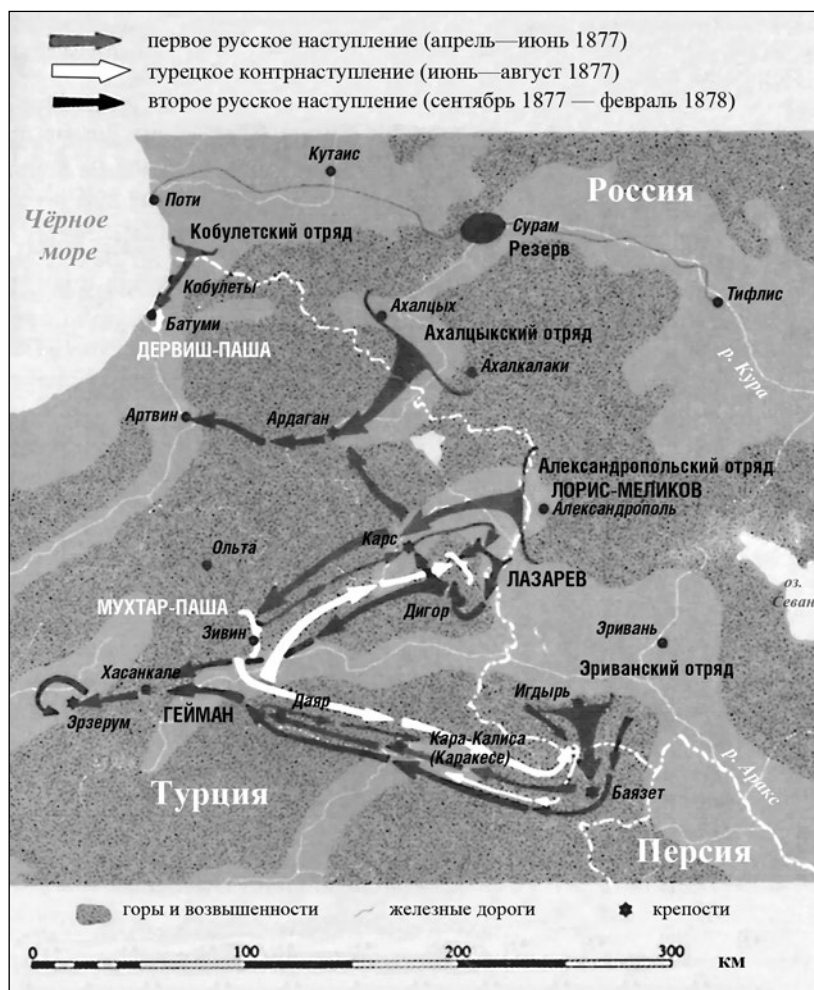
Первоначально русские добились некоторого успеха, но затем их постиг операционный ступор. 18 апреля ереванский отряд без боя занял Баязет. 6 мая ахалцыхский отряд благодаря сильной артиллерийской поддержке с небольшими потерями взял турецкую крепость в Ардагане. После этих успехов Лорис-Меликов попытался сосредоточить свои силы для взятия турецкой крепости Карс. Однако первоначальные операции против этой крепости оказались безрезультатными — в значительной части из-за того, что русским не хватало живой силы, чтобы вести осаду и одновременно отбиваться от 35-тысячной армии прикрытия Мухтар-паши. Тем временем кобулетский отряд, сражаясь с турецкими подкреплениями, доставленными по морю, добился чуть больших успехов в наступлении на Батум. Вскоре все отряды были вынуждены перейти к обороне, и к середине лета потерявший всякую надежду Лорис-Меликов даже отвёл свою главную колонну к русской границе²²³.

Однако верховное командование не могло себе позволить с такой лёгкостью отказаться от действий на Кавказском театре. Чтобы возобновить наступление, царь в июле объявил о мобилизации подкреплений. Из внутрен-

²²¹ Ростунов И. И. Боевые действия русской армии... С. 24.

²²² Ростунов И. И. Русско-турецкая война... С. 202–203.

²²³ См.: Беляев Н. И. Русско-турецкая война... С. 299–301.

Военные действия на Кавказском театре. 1877-1878

них областей России по железной дороге и пешим ходом были в конце концов доставлены 1-я гренадерская дивизия и 40-я пехотная дивизия. Что не менее важно, по совету Милютина, царь отправил на Кавказ генерала Обручева, чтобы тот оказал содействие при планировании нового наступления²²⁴.

Прибытие свежих частей в сентябре увеличило силы отряда, действовавшего против Карса, до 50 тыс. человек, 184 полевых и 20 осадных орудий. С этими силами Обручев предлагал атаковать Мухтар-пашу в поле и разгромить турецкую армию прикрытия с тем, чтобы блокировать Карс. Однако трёхдневное сражение (20–22 сентября) окончилось безрезультатно и привело к 3-тысячным потерям у русских. В тот момент положение русской армии казалось отчаянным. Но затем Мухтар-паша по неизвестным причинам отступил со своими главными силами, перейдя к пассивной обороне на высотах Авлияр, Аладжа-Даг и Визинкёй, и тем самым непреднамеренно предоставил Обручеву возможность возместить понесённые потери.

Несмотря на свой облик и репутацию кабинетного учёного, Обручев был не из тех, кто тратит время на педантичное рассмотрение всех вариантов. Он немедленно составил новый план, имевший целью уничтожение армии Мухтар-паши. Вкратце его идея сводилась к тому, чтобы основные русские силы под началом Лорис-Меликова (32 батальона, 4 эскадрона и 112 пушек) произвели демонстрацию против фронта турок, отвлекая их внимание от второго отряда под командованием генерала И. Д. Лазарева (23 с половиной батальона, свыше 20 сотен эскадронов и 72 орудия), который полностью охватит правый фланг турок и обрушится на тылы Мухтар-паши. Координацию демонстративной атаки и охватывающего манёвра Обручев предполагал осуществить с помощью полевого телеграфа.

Лазарев покинул главный лагерь в ночь с 28 на 29 сентября, протягивая за собой телеграфный провод. Передвигаясь по ночам с большой осторожностью, он сумел 2 октября зайти в тыл к левому крылу турок, после чего отогнал 6-тысячный турецкий отряд и укрепил свои позиции. После разговора по телеграфу ранним утром 3 октября, великий князь Михаил приказал своим главным силам начать днём атаку. Лазарев присоединился к атаке в полдень, после чего совместные действия скользящих и атакующих сил привели к ожидавшимся результатам. В условиях, когда все пути для отступления были отрезаны, а русские наступали с фронта и с фланга, армия Мухтар-паши была наголову разбита, потеряв в общем до 18 тыс. человек, в том числе 6 тыс. убитыми и ранеными и 8 500 — пленными. В общей суматохе битвы сам паша сумел бежать в Карс²²⁵.

²²⁴ Дневник Д. А. Милютин / Под ред. П. А. Зайончковского. Т. II. С. 236–237.

²²⁵ См.: *Беляев Н. И.* Русско-турецкая война... С. 382–386. (См. также: *Русско-турецкая война 1877–1878 гг.* / Под ред. И. И. Ростунова. С. 221–224. — *Прим. ред.*)

Несмотря на мощную крепость, Карс недолго оставался безопасным убежищем, хотя несколько ранее Лорис-Меликов, не имея дополнительных войск и пушек, отказался от идеи взять его — якобы при содействии пруссаков турки ещё до войны модернизировали крепость, благодаря чему Карс представлял собой грозную преграду для завоевания Армении русскими. Крепость состояла из каменной цитадели, построенной на скале, которая возвышалась над краем чуть севернее Карса, и двенадцати отдельных фортов, совместно составлявших сильную оборонительную линию, протянувшуюся более чем на 17 км. В целом паша имел для обороны города 25 тыс. человек и 300 орудий, в том числе 192 стальных²²⁶.

Для штурма этих мощных укреплений великий князь в конце октября поднял к городу 50 тыс. человек в 40 батальонах и 56 эскадронах и 126 полевых орудия. К последним со временем добавились 63 осадных пушки. Когда комендант крепости Хусейн-Халиль-паша отверг условия сдачи, русский военный совет решил взять крепость штурмом в ночь с 5 на 6 ноября. С целью обмануть бдительность гарнизона был разработан сложный план. Несколько ночей подряд русские производили демонстративные атаки. В ночь настоящего штурма великий князь Михаил разделил свои силы на пять атакующих и две демонстрационные колонны. Последние должны были первыми выступить против четырёх фортов. После того, как паша направит на их отражение все свои резервы, пяти настоящим атакующим колоннам следовало напасть на форты и укрепленные точки в сердце оборонительных сооружений.

Благодаря такой хитроумной подготовке русская атака застала турок врасплох. Отвлекающие колонны выполнили свою задачу, атаковав с юго-запада, вследствие чего внимание паши и его резервов было отвлечено от реальных атак, производившихся другими пятью колоннами. Остальное сделали русская решительность и штыки. Колонна генерал-лейтенанта Я. К. Алхазова захватила форты Хафиз и Карадаг. Шедшая следом за ней колонна генерал-майора Шатилова взяла форт Араб-табия. Оставшиеся три колонны ввязались в яростную схватку за форт Канлы — ключ к обороне крепости. Однако в целом атакующие добились такого успеха, что к утру они взяли город и занялись зачисткой цитадели. Потери турок составляли 7 тыс. человек — убитых, раненых и больных, ещё 18 000 взяты в плен. Русские потеряли около 2 300 человек убитыми и ранеными²²⁷.

²²⁶ Greene, Report on the Russian Army, 399–401.

²²⁷ Эти цифры приводит *Беляев Н. И.* Русско-турецкая война... С. 405, другие авторы приводят иные цифры. — *Прим. ред. См.: Виноградов В. И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1978. С. 209–210.

Следом за капитуляцией Карса разыгрался финальный акт кавказской драмы — взятие Эрзерума. Ещё до того, как русские заблокировали Карс, Мухтар-паша покинул город, чтобы организовать оборону Эрзерума. 23 октября, пока великий князь и генерал Лазарев планировали штурм Карса, Мухтар-паша выставил 35 батальонов на эрзерумской дороге, преградив путь наступающему эриванскому отряду генерала В. А. Геймана. В ходе продолжавшегося целый день сражения Гейман сбил Мухтар-пашу с его позиций. Однако Гейман промедлил с преследованием, в результате чего Мухтар-паша снова вырвался из русских сетей, на этот раз укрывшись на зиму в Эрзеруме. Когда Гейман подошёл к Эрзеруму и осадил город, его войска начали нести тяжёлые потери от тифа и холеры. Турки сумели продержаться всю зиму, но были вынуждены сдать Эрзерум в соответствии с Сан-Стефанским договором от 19 февраля 1878 г.²²⁸

Согласно результатам переговоров в Сан-Стефано, которые впоследствии под давлением европейских держав были скорректированы на Берлинском конгрессе в середине 1878 г., турки также признавали независимость Румынии, даровали автономию Болгарии, Черногории и Сербии и разрешали русским снова завести существенные военно-морские силы на Чёрном море. Хотя вмешательство великих держав в Берлине не позволило царю воспользоваться всеми плодами балканских побед, мощь российской армии стала решающим фактором, который привёл к коренным изменениям в расстановке сил в юго-восточной Европе. Однако цена успеха оказалась почти непомерной. Общие русские потери превышали 100 тыс. человек, государственная казна опустела. Когда русские дипломаты весной 1878 г. отправлялись в Берлин, Милютин советовал им соглашаться на любые условия, потому что продолжать борьбу не было никакой возможности²²⁹.

Тыловые службы

Вспышка болезней среди войск Геймана стала напоминанием об одной из печальнейших глав в печальной саге о Крымской войне²³⁰. Одна из задач милютинских реформ состояла в усовершенствовании тыловых служб, включая снабжение и медицинскую помощь. Встаёт вопрос — удалось ли Милютину добиться успехов в борьбе с традиционными бичами русских полевых армий — хронической нехваткой припасов и тяжёлыми потерями от ран и болезней?

²²⁸ Русско-турецкая война 1877–1878 / Под ред. И. И. Ростунова. С. 232–233.

²²⁹ *Бескровный Л. Г.* Русское военное искусство XIX в. С. 351 (сноска 148).

²³⁰ См., например: *Curtiss*, *The Russian Army under Nicholas I, 1825–1855*, 250–251, 360.

Ответ на этот вопрос будет лишь частично утвердительным; очень многое зависело от конкретной местности и статей снабжения. Самые серьёзные перемены к лучшему произошли в сфере снабжения боеприпасами; штабные офицеры, действуя в организационных и уставных рамках, сумели сделать этот тип снабжения приоритетным по сравнению со всеми остальными и наладить в целом адекватные поставки снарядов и патронов в полевые войска и артиллерию. Время от времени случавшиеся нехватки, включая те, что наблюдались во время продолжительных боёв на Шипкинском перевале, по-видимому, представляли собой местные явления, проистекавшие из затруднённого доступа к ближайшим складам и их скудости. К счастью для русских, благодаря сочетанию обстоятельств, включая строгие меры экономии и пониженный расход боеприпасов, забалканская кампания не превратилась для системы поставки боеприпасов в непосильное бремя, превосходящее её скромные возможности²³¹.

Ещё одной сферой, которая в 1877–1878 гг. продемонстрировала существенное улучшение по сравнению с 1854–1855 гг., была медицинская помощь. Хотя в рассказе Всеволода Гаршина «Четыре дня» драматически описываются страдания раненых солдат, брошенных в поле на произвол судьбы, общее впечатление складывается совершенно иное²³². Благодаря притоку опытного медицинского персонала, возможности и удобству эвакуации по железной дороге, прикреплению санитаров к армейским частям и созданию дивизионных полевых госпиталей, у раненых и заболевших солдат появились куда лучшие шансы на выживание, чем двадцатью годами ранее. Для раненых уровень смертности сократился до 10,8 и 14,1% соответственно на Дунайском и Кавказском театрах. В целом, уровень смертности среди больных и раненых военнослужащих сократился приблизительно до одной трети от уровня Крымской войны²³³.

Всё же в отношении гигиены и медицинской службы наблюдались серьёзные недочёты. Ответственный персонал при штабах не всегда был достаточно информирован, а медицинские заведения нередко оказывались неудачно размещены, страдали от нехватки персонала и при распределении ресурсов сажались на скудный паёк. Так, наблюдались случаи, когда раненых перевозили в товарных вагонах, когда бельё в госпиталях менялось раз в месяц, когда имевшегося персонала не хватало при резком наплыве больных и раненых. Тем не менее со времён Крымской войны общая картина заметно изменилась к лучшему, причём прогресс был обязан не только системным усовер-

²³¹ Беляев Н. И. Русско-турецкая война... С. 196, 304, 410–411.

²³² *Vsevolod Garshin*. From the Reminiscences of Private Ivanov, trans. Peter Hanry, Liv Tudge, et al. (London, 1988), 25–35; хотя Гаршин сравнительно неизвестен западным читателям, нарисованные им картины жизни русской армии, особенно «Из воспоминаний рядового Иванова», представляются менее стилизованными, чем у более известного Александра Куприна.

²³³ Беляев Н. И. Русско-турецкая война... С. 196–197, 411–412.

шенствованиям, но и деятельности таких организаций, как русских сестер милосердия и Общество Красного Креста²³⁴.

Из-за нехватки чистой питьевой воды и регулярных проблем с недоброкачественным питанием и плохим состоянием полевой гигиены, солдаты по-прежнему намного чаще становились жертвами болезней, чем вражеских пуль. По данным статистики, русские военнослужащие в войне 1877–1878 гг. серьёзно заболевали в несколько раз чаще, чем выбывали из строя вследствие боевых ранений. Однако, опять же по сравнению с Крымской войной, шансы на выздоровление резко увеличились, в первую очередь благодаря повышенному вниманию к полевой гигиене и более своевременному и качественному медицинскому уходу²³⁵.

Напротив, общая ситуация со снабжением оставалась весьма печальной. Согласно первоначальным замыслам, с началом войны те военные округа, которые прилегал к театрам военных действий, должны были выдвинуть свои штабы и структуры снабжения для обслуживания нужд полевых армий. В реальности денег не хватало, складов и мощностей снабжения оказалось недостаточно, а средства доставки и транспортная сеть выявили свою полную неадекватность. К этим проблемам прибавилась нехватка у снабженческого персонала достаточных полномочий и сработанности с полевыми силами, не позволявшая рудиментарной системе снабжения демонстрировать хотя бы удовлетворительные результаты²³⁶. Соответственно, армейские интендантские службы почти сразу же начали обращаться к гражданским поставщикам, чтобы компенсировать недочёты, свойственные снабженческой структуре. Самым знаменитым из этих поставщиков было товарищество «Грегер, Горвиц и Коган», которое кредитовало правительство, получив в обмен монопольное право поставок на Дунайский театр²³⁷. Поставки, осуществлявшиеся этим товариществом, с самого начала запаздывали, были недостаточными, негодными или вовсе не доходили до места назначения. Чем дальше армия углублялась в Балканы, тем хуже становилась ситуация, и в конце концов неадекватная и коррумпированная структура просто развалилась, из-за чего войска к югу от Балканского хребта испытывали на себе жестокую нехватку продовольствия и фуража²³⁸. Несмотря на увольнения штабных офицеров, перевод складов вслед за войсками и внесение временных изменений в Полевое управление войсками, крайне запутанная ситуация со снабжением оставалась печальным фактом военной жизни до самого конца войны. Не слишком

²³⁴ Там же. С. 304–305, 412–413.

²³⁵ Там же. С. 411.

²³⁶ См.: *Бескровный Л. Г.* Русское военное искусство XIX в. С. 315–317.

²³⁷ *Veugan*, *Militär und Gesellschaft im vorrevolutionären Russland*, 29–30.

²³⁸ Сборник материалов по русско-турецкой войне. Т. XCVI. С. 395–400.

преувеличивая, один современник выразил общее чувство отчаяния, когда отмечал, что «чиновники снабжения своими поступками как во время Крымской, так и последней Турецкой кампании оказали куда больше услуг нашим врагам, чем нашей армии»²³⁹. Тем временем поставщики продолжали извлекать огромные прибыли, однако никакие расследования так и не вскрыли глубинных истоков коррупции, хотя упрямые слухи объясняли неприкосновенность поставщиков взятками, которые получили великий князь Николай Николаевич и его начальник штаба, генерал-адъютант Непокойчицкий²⁴⁰. Как можно догадаться, ясности в этой истории не прибавилось даже после войны, когда Военное министерство приняло меры к недопущению подобных случаев, исправив Полевое управление войсками.

Таким образом, по различным причинам войска в поле то и дело не получали достаточного питания, особенно когда ход сражения или темп наступления уводил их далеко от полковых кухонь. Порой солдаты возмещали нехватку продовольствия, захватывая вражеские склады, а местное славянское население нередко проявляло щедрость, делясь собственными скудными запасами. При всякой возможности армия обращалась к традиционному способу — переходя на «подножный корм», — но такой вариант нельзя было назвать удовлетворительным решением системной проблемы. Те же самые затруднения наблюдались в отношении обуви и обмундирования, особенно зимнего, с тем результатом, что Дунайский корпус оказался буквально полураздет с наступлением неожиданно суровой балканской зимы²⁴¹.

Как и в случае с другими главными проблемными сферами, включая тактику и вооружение, в смысле снабжения милютинская армия представляла собой переходное явление. Система снабжения во многих аспектах демонстрировала прогресс по сравнению с прежним состоянием, но осуществить предстояло ещё многое. Если благодаря реформам 1860–1870-х гг. в поле могла быть выставлена массовая кадровая и резервная армия, то инфраструктура для снабжения армии продовольствием и обмундированием на театре военных действий оставалась ещё явно неадекватной.

Уроки выученные и невыученные

Исторический обзор оперативных и тактических аспектов русско-турецкой войны 1877–1878 гг. приводит нас к ряду заключений — одни из них

²³⁹ Цит. по: Беляев Н. И. Русско-турецкая война... С. 407–410.

²⁴⁰ Там же. С. 302.

²⁴¹ Описание русско-турецкой войны... Т. VIII. Ч. 2. С. 518; Сборник материалов по русско-турецкой войне. Т. XCVI. С. 165–171.

очевидны, другие не столь бросаются в глаза, хотя не менее существенны. Один из главных выводов сводится к тому, что на планы и ведение войны в значительной и даже в решающей степени повлияло отсутствие русской военно-морской поддержки на Чёрном море. Не имея настоящего черноморского флота, русские были вынуждены ограничить свои планы сухопутной кампанией со всеми её преимуществами и недостатками. Если не учитывать давление со стороны общественности, то провал дипломатических усилий и решение объявить войну выявляют свойственное правящим русским кругам решительное непонимание необходимости преследовать политические цели с оглядкой на реальное наличие армейских и военно-морских возможностей. Или, если охарактеризовать ситуацию по-иному, русские допустили разрыв, во-первых, между армейскими и военно-морскими мощностями, и, во-вторых, между чаяниями и реальной политикой. О том, что могло бы случиться, если бы русская армия прорвалась к Босфору и оказалась под прицелом тяжёлых орудий британского королевского флота, остаётся только догадываться, хотя такие фигуры, как Милютин, по-видимому вполне, отдавали себе отчёт в ограниченных военных возможностях России²⁴².

Не считая военного министра, русские в целом продемонстрировали курьёзную непоследовательность в осуществлении эффективного командования и управления войсками на высших уровнях. Несмотря на отдельные проблемы с мобилизацией, русское командование весьма умело развернуло свои силы и своевременно доставило их к театру военных действий. Командующие и штабные офицеры обеспечили себе оперативное преимущество, используя железные дороги и телеграф, но не всегда делали это достаточно последовательно. Например, не было никаких практических причин, препятствовавших русским более разумно пользоваться телеграфом и тем самым ускорить связь, что позволило бы проводить операции на северном склоне Балкан с большей экономией сил. Это, в свою очередь, могло бы спасти верховное командование от таких решений, которые в конечном счёте затянули войну, обеспечив туркам передышку.

В то же время размах операций и масштаб полей сражения вызвали к эффективным способам управления, выходящим за пределы таких традиционных методов связи, как посыльные, звуковая и визуальная коммуникация. Тактическое использование телеграфа в боях за Карс в полной мере продемонстрировало возможности современных технологий на поле боя; применение аналогичного приёма под Плевной позволило бы сэкономить много

²⁴² См. замечания Милютина в: *Дневник Д. А. Милютина*. Т. III. С. 127; разрыв между чаяниями и возможностями обстоятельно освещается в: *Jacob W. Kipp*, «Tsarist Politics and the Naval Ministry, 1876–1881: Balanced Fleet or Cruiser Navy?» *Canadian-American Slavic Studies*, 17, no. 2 (Summer 1983), 166–168.

времени и сохранить много жизней. Если выйти за пределы поля боя, то неспособность наладить средства моментальной связи потребовала мобилизации дополнительной живой силы, при том, что использование телеграфа для экономного проведения операций могло бы сделать её применение не обязательным.

Непоследовательность в своих мнениях и соответствующих действиях проявили и сами командиры. Офицеры, занимавшие важные должности, зачастую колебались между недооценкой и переоценкой вражеских сил и возможностей. Отчасти эти колебания проистекали из неумелой разведки, а отчасти из осторожности, которая, как правило, не оправдывалась действиями турок. По различным причинам русские не сумели наладить эффективную разведку как на оперативном, так и на тактическом уровне. Недостаток лошадей и необходимость вести операции прикрытия приводили к распылению кавалерийских ресурсов и отвлекали конницу от разведки и глубоких рейдов по тылам противника.

На чисто тактическом уровне командование и управление войсками страдали от нередких ошибок суждения и координации. Коммуникация между основными элементами армии под Плевной была налажена совершенно неудовлетворительно, при том, что в распоряжении русских имелись новейшие средства связи. В сражении пехота нередко увязала на поле боя, и единственным способом возобновить атаку было присутствие командующего на манер Скобелева, который бросал в бой подкрепления, когда ощущал утрату наступательного порыва. Кроме того, командиры часто не могли обеспечить контакт между стрелковыми цепями и идущими следом пехотными колоннами. С этим связаны тяжёлые потери как среди старших, так и младших офицеров, которые подставлялись под вражеский огонь, когда шли впереди своих войск для координации атаки или лично производили разведку. Между тем эти и другие проблемы выявились ещё в ходе предвоенных манёвров.

Неумение наладить координацию распространялось и на использование разных видов боевых средств в сочетании друг с другом. Кавалерия не всегда могла обеспечить адекватное прикрытие, и вообще русские командиры на этой войне не обнаружили умения последовательно использовать кавалерию совместно с пехотой — возможно, вследствие изменения роли кавалерии на поле боя в связи с появлением более смертоносного оружия. Ещё более существенно то, что командиры явно не понимали, как применять артиллерию для поддержки пехотных атак. В целом, этот недостаток был связан с другим — с неспособностью оценить значение ружейного огня для поддержки пехотной атаки. Командующие не видели разницы между уничтожением и подавлением. Если артиллерийскому огню не хватало мощности, чтобы разрушить вражеские укрепления, то имелась возможность более эффектив-

но применять его в сочетании с ружейным огнём для подавления вражеского огня во время атаки. Винтовка стала царицей на поле боя отчасти из-за того, что командиры не умели бросить ей серьёзного вызова другими средствами, находившимися в их распоряжении.

В то время как подавлению противника уделялось недостаточно внимания, излишнее значение придавалось скорости атаки и наступательному порыву, необходимому для сохранения этой скорости. Хотя этот акцент на стремительность сам по себе не был ошибкой, он мешал признавать частичные успехи и извлекать из них выгоду. Атаки проводились по принципу «всё или ничего», когда войска зачастую либо вели наступление до полной победы, либо бесславно отходили. Если бы, например, солдаты имели при себе шанцевый инструмент, то, увязнув под вражеским огнём, могли бы тут же окопаться — как произошло под Горни-Дубником, — тем самым хотя бы частично сохранив с трудом завоёванные позиции и создав возможность для возобновления наступления некоторое время спустя. В реальности же практически всегда прикрытием на пути к победе или к отступлению и перестроению могла служить лишь удачно подвернувшаяся деталь рельефа.

В борьбе за жизнь и за победу проникательные командиры и бойцы с готовностью хватались за преимущества, которые давали даже небольшие технические достижения. Солдаты подбирали оружие и шанцевый инструмент, брошенный побеждёнными врагами. Такие умные командующие, как Скобелев, явно поощряли ограниченное использование трофеев, при условии, что оно не приводило к неразрешимым проблемам снабжения. В итоге к тому времени, когда войска Скобелева достигли пригородов Константинополя, многие из них имели шанцевый инструмент и целые полки отказались от своих винтовок Крынка в пользу трофейных «Пибоди-Мартини»²⁴³.

Если опыт, полученный на поле боя, демонстрировал преимущества новой технологии, то этот же опыт оказался недостаточным, чтобы выявить неадекватность тактической доктрины и концепций в условиях возросшей смертоносности современного оружия. В атаке, когда наступающим войскам требовалось преодолеть широкую опасную зону, простреливаемую как настильным, так и навесным ружейным огнём, слишком много значения придавалось темпу и наступательному порыву и слишком мало — огневой мощи. Однако в то же время способность войск продолжать атаку, даже понеся тяжёлые потери, подтверждала принципиальную разумность исповедовавшихся Драгомировым принципов тренировки. Лишь хорошо обученные войска при наличии достаточной мотивации шли бы с такой готовностью на почти верную смерть. Разумеется, в частичном успехе этих принципов содер-

²⁴³ *Greene, Report on the Russian Army, 435–436.*

жалась и опасность того, что методы Драгомирова могли быть перепутаны с его тактической доктриной, поскольку первые неоправданно подкрепляли последнюю.

Наконец, историк не может не прийти к выводу о том, что здоровое видение и практическое руководство на уровне театра военных действий могли как отвлечь внимание от недостатков тактической доктрины, так и позволить проницательному командиру преодолеть эти недостатки. Старая суворовская триада «глазомер, быстрота, натиск» могла удачно послужить командиру, если он интерпретировал её в том смысле, что необходимо занять ключевую позицию на местности, полагаясь на скорость и наступательный манёвр, а затем удерживать её, держа оборону даже при наличии у противника преимущества. Можно заключить, что именно так Осман-паша спутал русским все карты в Плевне, но можно заключить также, что ссылка на эту триаду помогает объяснить, как русские форсировали Дунай, как Гурко проводил операции своего передового отряда и как различные русские командиры использовали принципы внезапности, манёвра и экономии сил для того, чтобы сбить турок с их позиций на южном склоне Балкан. В критические моменты развитию успеха русских войск способствовало и лидерство в старом стиле. Опасность заключалась в том, что обозреватели могли истолковать русские победы, особенно под Ловчей и под Шейново, как свидетельство практической ценности тактических идей Драгомирова, тогда как в реальности эти и другие сражения необходимо рассматривать в полном контексте, чтобы извлечь из них полезные выводы. При отсутствии систематического и безжалостно объективного анализа серьёзные изъяны в общей организационной и тактической системе вполне могут остаться незамеченными и нескорректированными.

3. АРМИЯ П. С. ВАННОВСКОГО И А. Н. КУРОПАТКИНА

Политическая реакция, повлекшая за собой застой и рутину, не могла не отразиться и на военном ведомстве, причём это имело место не только в области назначения командных кадров, но и в характере обучения войск, технической оснащённости армии и других вопросах.

*П. А. Зайончковский*²⁴⁴

Судьба русской армии в 1881–1904 гг., как и во время предыдущей эпохи реформ, оказалась в зависимости от воли отдельных лиц и их взаимоотношений с царём. Из ключевых фигур в армии межвоенного периода особо следует выделить четырёх: двух тактиков, ставших военными преподавателями, и двух начальников штаба, ставших военными администраторами. Один из этой четвёрки, М. И. Драгомиров, приобрёл видное положение ещё в период реформ. Он пользовался ещё большим престижем и известностью после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., занимая в 1878–1889 гг. должность начальника Николаевской академии Генерального штаба, а затем вплоть до своей отставки в 1904 г. командуя Киевским военным округом. Даже после отъезда Драгомирова из Санкт-Петербурга его взгляды по-прежнему оказывали решающее влияние на принципы тактического обучения, применявшиеся в армии Российской империи.

Если Драгомиров пользовался непререкаемым авторитетом в вопросах тактики, то в сфере стратегии такое же бесспорное лидерство принадлежало Г. А. Лее-ру, который сменил Драгомирова на посту начальника академии Генерального

²⁴⁴ *Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия... С. 39.

штаба (1889–1898). Леер, увлечённый исследователь наполеоновских кампаний, впоследствии перешёл от тактики к стратегии, а его идеи со временем получили такой же определяющий характер в русском военном мышлении на уровне театров военных действий, какой имели представления Драгомирова в области тактики на поле боя. Оба эти деятеля решительно отстаивали свои взгляды, и каждый из них по собственным соображениям игнорировал влияние непрерывных изменений в средствах и методах ведения современной войны. В конечном счёте каждый из них несёт негласную ответственность за насаждение интеллектуальных семян будущих русских поражений на полях Маньчжурии.

Но они были не одиноки. Если Драгомиров и Леер проповедовали не самую подходящую веру, то две другие важнейшие армейские фигуры того периода, П. С. Ванновский и А. Н. Куропаткин, вели за собой не самую подходящую паству. Они унаследовали руководство армией, которая в реальности была лишь частично перестроена для ведения войны индустриальной эпохи. Последовательно занимая должность военного министра, Ванновский (1881–1897) и Куропаткин (1897–1904) осуществляли непрерывную программу развития и модернизации, проводившуюся в условиях постоянно изменяющихся угроз и хронического дефицита финансирования. К несчастью, ни один из этих офицеров не обладал предвидением и энергией Д. А. Милютин, и, что ещё более важно, ни один из них не сумел завоевать доверия своих повелителей в той же мере, в какой Милютин пользовался доверием Александра II. Вследствие этого лишь отдельные достижения Милютин могли служить им ненадёжной опорой при строительстве армии, обладавшей многими внешними признаками современного военного колосса. Но, несмотря на все свои успехи, Ванновский и Куропаткин не смогли обеспечить внутреннее профессиональное развитие и организационную целостность армии таким образом, который мог бы компенсировать на будущих полях сражений недостаточное заимствование новейших технологий и ущербные тактические и стратегические концепции²⁴⁵.

Смена лиц и приоритетов

Задним числом обычно видно многое из того, что незаметно современникам, и в ретроспективе уроки русско-турецкой войны представляются нам

²⁴⁵ Такие несхожие друг с другом обозреватели, как П. А. Зайончковский и А. А. Керсновский, оказываются единодушны в том, что называют всю эпоху 1881–1904 гг., особенно правление Александра III, периодом «стагнации» армии. См. их соответствующие работы: Самодеятельность и русская армия... С. 62, 347–350; История русской армии. Ч. 3. Белград. 1935. С. 493. (По изд.: М., 1993. Т. 3. С. 5–6. — *Прим. ред.*)

ни слишком невнятными, ни слишком противоречивыми для того, чтобы их нельзя было систематически изучать с целью содействия дополнительным продуктивным изменениям в царской армии. Однако современные армии — это такие сложные машины, что правильное понимание потребностей является лишь одним из множества условий, необходимых для конструктивных реформ и адаптации новшеств. Во-первых, требуется какой-либо постоянный механизм для систематического исследования прошлого с целью извлечения тех уроков, которые могут пригодиться в будущих боях. Во-вторых, должен существовать другой механизм — для перевода выученных уроков в уставные и организационные изменения. В-третьих, политическое и военное руководство должно обладать достаточным пониманием необходимости в конструктивной эволюции, без которого перемены не получают поддержки. Далее, это руководство должно проявлять волю и решительность для воплощения перемен и неусыпного надзора за ними. Наконец, важным фактором является наличие дисциплинированного и образованного корпуса профессиональных военных — офицеров и сержантов — для контроля за реальным осуществлением перемен на всех уровнях армейской структуры.

В момент окончания русско-турецкой войны эти условия в той или иной степени наличествовали в Российской империи и в её армии, но к 1881 г. ситуация заметно изменилась. Весной 1879 г. Милютин основал Военно-историческую комиссию, на которую возлагалась задача сбора и издания документов по минувшей войне с целью их дальнейшего использования как основы для тщательного изучения конфликта, имея в виду усвоение уроков, полученных на поле боя. Этой комиссии, созданной при Главном штабе и возглавлявшейся офицером Генерального штаба, было приказано, выражаясь словами Милютина, «составить полное систематическое описание всех событий войны, не вдаваясь в несвоевременную критику, но излагающее с полной правдивостью фактическую сторону»²⁴⁶. Помимо Исторической комиссии, по-прежнему существовал Комитет по устройству и образованию войск — механизм, созданный Милютиным в рамках Военного министерства в начале 1860-х гг. для осуществления доктринальных и организационных перемен в армии. Способность двух этих учреждений проводить осмысленные и скоординированные изменения в значительной степени зависела от налаженных между ними продуктивных связей и взаимобою. Подобные взаимоотношения невозможны без решительного, объединяющего руководства; однако всего лишь через три года после Сан-Стефано Военное министерство

²⁴⁶ Цит. по: Описание русско-турецкой войны... Т. IX. Ч. 2. С. V–VI; см. также: Золотарёв В. А. Россия и Турция... С. 7–8; *Carl Van Dyke*, *Culture of Soldiers: The Role of the Nicholas Academy of the General Staff in the Development of Russian Imperial Military Science, 1832–1912*, 113.

осталось без Милютина — человека, наиболее пригодного для осуществления такого руководства.

Отставка Милютина стала прямым последствием взрыва той бомбы, которая 1 марта 1881 г. убила Александра II на набережной Екатерининского канала в Санкт-Петербурге. Новый царь, Александр III, никогда не разделял реформаторских убеждений своего отца и был известен открытыми симпатиями к некоторым наиболее заметным политическим и армейским врагам Милютина, в число которых ранее входили князь А. И. Бярятинский и генерал Р. А. Фадеев. 5 мая 1881 г., менее чем через неделю после того, как Александр III вслед за полной перетряской правительства провозгласил возвращение к принципам самодержавия, Милютин подал прошение об отставке, тем самым закрыв эту главу в истории русской армии²⁴⁷.

Следующая четверть столетия в полной мере продемонстрировала ту степень, в какой российская армия оставалась и заложницей, и любимым детищем самодержавия с пустившим в нём глубокие корни милитаризмом. Смена правителей влекла за собой изменение приоритетов и перспектив. Родившийся в 1845 г. Александр III (1881–1894), человек с очень представительной внешностью, разделял консервативно-националистические убеждения, питая симпатию к панславистам. В отличие от своего отца, он воздерживался от непосредственного вмешательства в военные дела, хотя однажды заявил, что единственные истинные союзники России — это её армия и флот. Он не вникал в армейские мелочи и редко появлялся на военных парадах, однако хранил верность армии; именно с его подачи Ванновский придерживался преимущественно консервативного подхода к военным вопросам. Ещё более существенно то, что царь последовательно продвигал менее чем компетентных членов царской семьи на ключевые командные и инспекционные должности — этой практики придерживался и его наследник, что привело к самым печальным результатам²⁴⁸.

Николай II (1894–1917), наследовавший Александру III, хронически вмешивался в военные дела, но ему не хватало решимости и серьёзного военного образования для того, чтобы это вмешательство приносило больше добра, чем зла. Один из современников однажды сделал царю сомнительный комплимент, назвав его человеком хорошего происхождения с образованием гвардейского полковника²⁴⁹. Хотя Николай умел разрабатывать новые образцы униформы и издавал рескрипты о форменных пуговицах, серьёзные во-

²⁴⁷ Дневник Д. А. Милютина / Под ред. П. А. Зайончковского. Т. IV. С. 67–68.

²⁴⁸ См.: Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия... С. 50–59; Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 35–46.

²⁴⁹ Fuller, Civil-Military Conflict in Imperial Russia, 40; Зайончковский П. А. Российское самодержавие... С. 46–48.

енные реалии нередко оказывались за пределами его понимания²⁵⁰. Николай, как и многие его предшественники, находил успокоение в военном порядке. Однако, подобно многим из них, чувство спокойствия ему внушали не вольные военные манёвры, проводившиеся в реалистичном ключе, а неестественная плац-парадная точность движений. Неудивительно, что к 1900 г. полевые учения, особенно те, что проводились в окрестностях Красного Села, начали напоминать военные парады. К несчастью, в армии Александра III и Николая II постоянно ощущалось пагубное влияние соседней Гатчины — императорской резиденции, где столетием раньше Павел I проводил свои злосчастные военные эксперименты²⁵¹.

Внедрение новых порядков повлекло за собой изменения и в стиле управления, что имело важные последствия как для Военного министерства, так и для армии. Прежде армия как институт имела непосредственный доступ к самодержцу через Милютина, в то время как сам военный министр обладал известной свободой в ведении дел, находящихся под его юрисдикцией. Хотя Александр II порой проявлял нерешительность, Милютин обычно сохранял достаточную инициативу для того, чтобы сдерживать поползновения потенциальной оппозиции. Однако при Александре III и Николае II взаимоотношения между военными кругами и престолом приобрели совершенно иной характер, причём оба императора стравливали друг с другом различные фракции при дворе и в министерствах, чтобы сохранить свою позицию арбитра в последней инстанции. Такое положение создавало дополнительное пространство для манёвров, которым пользовались как случайные советники, так и другие министерства — такие, как Министерство финансов и Министерство внутренних дел, — в стремлении заручиться поддержкой для своих программ, включая железнодорожное строительство и реформу образования, за счёт Военного министерства и российской армии. Кроме того, фавориты и члены императорской семьи получали возможность вмешиваться в процесс военной политики в такой степени, какая была невозможна при Александре II. Вследствие этого, ни Ванновский, ни Куропаткин не обладали в Военном министерстве властью, сопоставимой с полномочиями Милютина²⁵².

²⁵⁰ В 1903 г. Куропаткину пришлось терпеливо объяснять царю, почему военный министр имеет больше полномочий, чем командующий Киевским военным округом! См.: Дневник А. Н. Куропаткина // Красный архив. 1922. Т. 2. С. 49.

²⁵¹ О милитаризме см.: John Keep, «The Origins of Russian Militarism», *Cabiers du Monde Russe et Sovietique*, 26, no. 1 (January-March 1985), особ. P. 7–10; о взаимоотношениях обоих царей с армией см.: Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия... С. 36–50.

²⁵² Такое изменение в стиле руководства обстоятельно описывается в: P. A. Zaionchkovskii, *The Russian Autocracy in Crisis, 1878–1882*, ed. and trans. G. M. Hamburg (Gulf Breeze, Fla., 1979), 204–215; ср.: Jacob W. Kipp and W. Bruce Lincoln, «Autocracy and Reform: Bureaucratic Absolutism and Political Modernization in Nineteenth-Century Russia», *Russian History*, 6, pt. 1 (1979), 13, 18.

Новая политика проявилась сразу же, едва Александр III нашёл замену Милютину. Очередным военным министром стал генерал Пётр Семёнович Ванновский, 49-летний офицер старой школы, выучившийся своей профессии на поле боя и обладавший достаточно консервативными взглядами для того, чтобы найти общий язык с императором. Истоки их рабочих взаимоотношений восходят к русско-турецкой войне, когда Александр как царевич номинально командовал Восточным отрядом, а Ванновский служил у него начальником штаба. Ванновский, отпрыск знатного семейства из Минской губернии и выпускник 1-го Московского кадетского корпуса, участвовал в сражениях Крымской войны, а в 1870-е гг. поднялся до должностей командира дивизии и корпуса²⁵³. Несмотря на опыт командования крупными частями, кругозор Ванновского, по-видимому, никогда не поднимался выше уровня ротного или эскадронного командира²⁵⁴.

В то же время современники описывают его как честного и порядочного, хотя и порой грубого человека ограниченных умственных способностей. Он предпочитал держать окружавших его офицеров в состоянии постоянной неуверенности, гордо заявляя: «Ведь я собака — я всех кусаю...»²⁵⁵. Но одно из его достоинств состояло в том, что он осознавал свои недостатки и сумел убедить императора назначить начальником Главного штаба генерала Н. Н. Обручева, бывшего политического радикала, а затем — ближайшего помощника Милютина. Ванновский оправдывал это назначение тем, что ему самому не разобраться с проблемами военной науки и теории без помощи достаточно образованного и способного подчинённого. В результате Обручев оказался в затруднительной ситуации: в качестве одного из ведущих военных мыслителей той эпохи он получил доступ к информации и к высокопоставленным лицам, не пользуясь их полным доверием и не обладая достаточными полномочиями для осуществления тех мер, которые он считал необходимыми для дальнейшего благополучия и развития армии²⁵⁶.

Будем справедливы к Александру III и его новому военному министру: проблема продолжения военных реформ не зависела исключительно от преобладавших взглядов и политических тенденций. Более существенно то, что для изменений требовались деньги. Финансовые соображения в последние два десятилетия XIX века определяли будущее российской армии, возможно, в куда большей степени, чем в какой-либо другой момент времени

²⁵³ См. биографический очерк Ванновского в: Столетие Военного Министерства. Т. I. С. 573–575.

²⁵⁴ См. замечания генерала М. А. Домановича, приведённые в кн.: *Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия...* С. 60.

²⁵⁵ Цит. по: *Керсновский А. А. История русской армии.* Ч. 3. С. 500. Примеч. 490. (По изд.: М., 1993. Т. 3. С. 14. — *Прим. ред.*)

²⁵⁶ *Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия...* С. 60–64.

после наполеоновских войн. Уже в сентябре 1881 г., едва выйдя в отставку, Милютин отмечал появление в военной печати всевозможных приказов, связанных с сокращением расходов²⁵⁷. Десять лет спустя Ванновский подал императору объёмистую докладную записку, в которой прослеживались все эти годы осторожного руководства сухопутными силами Российской империи. Военный министр предпослал своему обзору комментарий о необходимости жёсткой экономии, отмечая, что в 1881 г. новый император «изволили указать на необходимость при всех мероприятиях по военной части соблюдать строжайшую бережливость и даже, по возможности, уменьшить расходы по военному ведомству»²⁵⁸. Фактически в течение десяти лет Ванновскому приходилось работать в бюджетных рамках и за несколькими исключениями финансировать новые проекты исключительно из наличных денежных поступлений²⁵⁹.

С финансовым вопросом был связан и ширящийся диапазон реальных и потенциальных военных обязательств России. В 1870-е гг., когда Россия столкнулась с австрийским и германским противодействием панславистским чаяниям на Балканах, Александр II первоначально рассматривал возможность одновременной войны с Австро-Венгрией и Германией. Однако, даже после заключения австро-германского Двойственного альянса в 1879 г., немецкий канцлер Отто фон Бисмарк сумел убедить Санкт-Петербург в том, что этот союз носит чисто оборонительный характер. В июне 1881 г. Россия снова подтвердила свою приверженность Лиге трёх императоров, тем самым на какое-то время признав, что Санкт-Петербург, Вена и Берлин по-прежнему объединены определёнными идеологическими интересами. В течение почти всех 1880-х гг. Бисмарку удавалось выстраивать различные комбинации, подерживая с их помощью непрочный мир, при котором ни одно государство, включая Россию, не ощущало потребности в изменении статус-кво.

Соответственно, в первые шесть лет правления Александра III произошли лишь два серьёзных инцидента, потревоживших внешне плавное течение российской внешней политики. Первый из них относится к 1885 г., когда Н. К. Гирс, сменивший Горчакова на посту министра иностранных дел, с беспокойством отмечал возможность войны с Великобританией вследствие того,

²⁵⁷ Дневник Д. А. Милютина. Т. IV. С. 106–107.

²⁵⁸ Цит. по: Очерк деятельности военного министерства за истекшее десятилетие благополучного Царствования Государя Императора Александра Александровича 1881–1891. СПб., 1892. С. II.

²⁵⁹ Fuller, *Civil-Military Conflict in Imperial Russia*, 47–49. Расходы на армию в 1881 г. составляли 255 627 000 рублей — около 30% государственного бюджета. Вплоть до 1893 г. ежегодные расходы не превышали цифру 1881 года, в то время как относительная доля армейских расходов в государственном бюджете фактически уменьшилась, составляя в 1895–1903 гг., за исключением 1900 г., менее 20% ежегодно.

что Россия вышла к афганской границе, тем самым вторгаясь в сферу интересов Британской империи. После русско-турецкой войны Россия продолжала усиливать военный нажим на Туркестан, что привело в 1881 г. к успешному нападению генерала М. Д. Скобелева на туркменский оазис Геок-Тепе. Весной 1885 г., через три года после того, как Мерв покорился русской власти, произошёл серьёзный инцидент в Пенджде, где русские войска разбили афганцев, находившихся под протекторатом Великобритании. Прежде чем дипломатам удалось предотвратить разрыв, и в Лондоне, и в Санкт-Петербурге велись достаточно серьёзные разговоры о войне²⁶⁰.

В следующий раз Санкт-Петербург столкнулся с перспективой войны в 1887 г., когда Россия пригрозила военной интервенцией в Болгарии ради сохранения своего влияния в Софии после отречения князя Александра Баттенберга. После того, как болгарские националисты предложили корону Фердинанду Саксен-Кобургскому, кандидатура которого пользовалась поддержкой Вены, русская националистическая печать была заполнена слухами о войне и всячески поносила Гирса. Хотя русская разведка сообщала об обширных военных приготовлениях в Австрии, все страхи постепенно развеялись, когда стало ясно, что ни один из основных претендентов на влияние в Болгарии в реальности не готов к войне. В итоге гордому русскому императору пришлось проглотить своё разочарование неудачными итогами балканской политики, а более воинственные русские националисты сполна испили из чаши антиавстрийского ожесточения²⁶¹.

Неудивительно, что когда в 1887 г. зашла речь о возобновлении Лиги трёх императоров, Россия отказалась участвовать в каких-либо дипломатических договорённостях совместно с Австро-Венгрией. В том же году Санкт-Петербург и Берлин заключили специальный «Перестраховочный договор», целью которого было предотвращение войны между двумя державами в том случае, если какая-либо из них вступит в конфликт с третьей стороной. Несмотря на неудачу на Балканах, «Перестраховочный договор» на какое-то время давал определённые гарантии безопасности, благодаря чему первое десятилетие правления Александра III завершилось в безмятежной обстановке²⁶².

Ситуация заметно изменилась в 1890-х гг. Та самая рыхлая общность интересов, по видимости объединявшая русских и немецких наследников Лиги трёх императоров, развалилась. Дипломатия не сумела ни загладить последствия событий 1870–1871 гг., ни создать долговечный барьер на пути набирающего силу национализма. Французская Третья республика, оказавшись на континенте в изоляции, жаждала мести и возвращения прежних владений.

²⁶⁰ *Tbaden*, Russia since 1801, 263–264.

²⁶¹ *Fuller*, Strategy and Power in Russia, 1600–1914, chap. 8.

²⁶² *Jelavich*, St. Petersburg and Moscow, 204–213.

Германия отчаянно нуждалась в Австро-Венгрии, которая бы сыграла роль противовеса Франции в Центральной Европе. В то же время Австро-Венгрия, опять при поддержке Германии, постоянно расстраивала русские замыслы на Балканах. Как только Бисмарк сошёл со сцены, случилось доселе немыслимое: в 1890 г. Германия отказалась продлевать «Перестраховочный договор», а в 1894 г. республиканская Франция заключила оборонительный союз с самодержавной Россией. Ситуация дополнительно осложнялась усилением дальневосточной активности России, которая утверждала свои коммерческие и политические интересы на берегах Жёлтого моря, входя в непосредственную конкуренцию и потенциальную конфронтацию с Китаем, Великобританией и Японией²⁶³.

Эти процессы резко изменили требования к военному планированию и боеготовности российской армии. Какие бы нереалистичные прогнозы ни выдавали русские военные планировщики в 1880-е гг., они могли надеяться на возможность сведения любых будущих конфликтов к войне только с Австро-Венгрией и Турцией, которые не были первоклассными военными державами. Однако в середине 1890-х гг. возникновение двух противостоящих блоков вызвало опасения по поводу возможной европейской войны, вследствие чего русское внимание с неизбежностью приковывалось к Германии — стране, чья военная мощь и индустриализованная инфраструктура чрезвычайно обостряли военную угрозу с её стороны и крайне осложняли все вопросы планирования. Логика франко-русского альянса неожиданно сделала более чем вероятным тот сценарий, который прежде мог привидеться лишь в ночных кошмарах — одновременную войну с Австро-Венгрией и Германией²⁶⁴. Одновременно с тем русская армия расширялась — даже в период финансовой экономии — с тем, чтобы соответствовать ощущаемой в Санкт-Петербурге первостепенной угрозе на западных границах империи. Проблема обороны на западном направлении влекла за собой необходимость принять дорогостоящие меры по укреплению границы. Кроме того, русские расширяли своё влияние на Балканах, владения в Средней Азии, сферу влияния на Дальнем Востоке, и в результате требования военной безопасности возрастали едва ли не экспоненциально. К несчастью для России, ни армия, ни казна не могли угнаться за одновременным ростом территории, влияния и интересов, и между государственной политикой и военными возможностями снова образовался опасный провал. Запутанную политическую, финан-

²⁶³ Там же, 213–221.

²⁶⁴ *A. M. Zaionchkovskii*, *Russia's Preparation for the World War: International Relations*; unpublished trans. by Mary Ada Underhill and Lewis K. Underhill, 65 [неопубликованный перевод]; см. также: *Fuller*, *Strategy and Power in Russia, 1600–1914*, chap. 8.

совую и военную ситуацию дополнительно осложнял стремительный темп технологических изменений.

Именно такую принципиально изменившуюся ситуацию унаследовал в последний день 1897 года генерал Алексей Николаевич Куропаткин, когда престарелый Ванновский окончательно передал ему бразды правления Военным министерством. Кроме того, Куропаткину достался царь, отличавшийся редкостным непостоянством и почти легендарной нерешительностью. Характерно, что Николай II долго держал в подвешенном состоянии вопрос о том, кому достанется министерство, намекая, что собирается заменить Ванновского либо Куропаткиным, либо Обручевым, и в конце концов дал отмашку Куропаткину — причём самому Обручеву напрямую ничего не сообщалось²⁶⁵.

На бумаге казалось, что Куропаткин вполне годится для своей должности. Он родился в 1848 г. в знатной семье Псковской губернии, был выпускником 1-го кадетского корпуса, а затем и Павловского военного училища. Наделённый интеллектуальными талантами и личным обаянием, Куропаткин в 1874 г. закончил Николаевскую академию первым по списку. Кроме того, он получал награды за участие в военных кампаниях, служа у Скобелева начальником штаба сперва в Туркестане, а затем во время войны 1877–1878 гг. Куропаткин снова оказался в Средней Азии в 1880–1881 гг., где был награждён орденом за доблесть при взятии Геок-Тепе. Став генералом в 36-летнем возрасте, он представлял собой тип солдата-учёного и предстаёт в своих произведениях серьёзным исследователем военного искусства. Обладая ещё и дипломатическими качествами, Куропаткин не терялся ни перед какой аудиторией и легко находил язык со слушателями²⁶⁶.

Однако однозначно положительные черты Куропаткина и его стремительное возвышение явно затмевали более серьёзные изъяны его личности. Он с трудом терпел мнения, противоречившие его собственным. Его внешняя твёрдость и решительность в мелких вопросах, по крайней мере, отчасти скрывала врождённую нерешительность и нежелание иметь дело с серьёзными проблемами. Граф С. Ю. Витте, министр финансов при Николае II, пересказывал многозначительные слова сестры Скобелева, княгини Белосельской-Белозерской, которая как-то заметила, что её брат любил Куропаткина и считал, что тот «хороший исполнитель и чрезвычайно храбрый офицер», однако прибавлял к этому, что Куропаткин «как военачальник является совершенно не способным во время войны». Проблема Куропаткина была в том, «что он может только исполнять распоряжения, но не имеет способности

²⁶⁵ Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия... С. 65.

²⁶⁶ Там же. С. 67–68; См. биографический очерк Куропаткина в: Столетие Военного Министерства / Под ред. Скалон. Т. I. С. 640–645.

распоряжаться». По словам Скобелева, Куропаткин был «храбр в том смысле, что не боится смерти, но труслив в том смысле, что он никогда не в состоянии будет принять решение и взять на себя ответственность»²⁶⁷. Суровые слова для человека, который привык бояться «только своего Бога и своего царя», и, если бы их не подтвердили последующие события, к ним следовало бы относиться как к пустой сплетне.

Таким образом, между 1881 и 1904 гг. перед армией Российской империи встала задача сохранения эволюционного импульса при Военном министре ограниченного кругозора, который с большой неохотой боролся лишь за сохранение статус-кво, и вторым министре, обладавшем более широкими взглядами, но вообще мало за что желавшем бороться. Одновременно с тем тактическая и стратегическая мысль с подачи Драгомирова и Леера сперва расцвела, а затем окостенела. В то же время ускоренный темп технологических изменений и постоянное расширение возлагаемых на армию задач вели к обострению конкуренции за доступ к сокращающимся ресурсам. Совместно все эти факторы привели к интеллектуальной и организационной стагнации, которая наблюдалась даже в период заметного роста и была чревата военной катастрофой.

Смена институциональных приоритетов

Выверенный подход к переменам, свойственный милютинским порядкам, был очень быстро забыт вследствие изменения политических и финансовых обстоятельств. В 1879 г. Милютин связывал свои надежды с созданием Военно-исторической комиссии, которая, по его замыслам, была призвана провести продуманное исследование военного опыта с целью как обосновать необходимость в переменах, так и определить направление конструктивных нововведений. Однако комиссия вскоре увязла в мелочах и, при отсутствии ресурсов и энергичного руководства, так и не смогла выдать никаких конкретных результатов вплоть до последних лет столетия. Так произошло, в частности, из-за неопытности и институционального дрейфа, а в частности, в результате сознательной воли. Слишком много карьер и репутаций не выжили бы на ярком свете тщательного исторического расследования²⁶⁸. Соответственно, в 1897 г., после того как комиссия проработала почти двадцать лет, Ванновский снова усадил её членов за работу, приказав изъять из проведённого ими анализа любую критику в адрес конкретных

²⁶⁷ Bumme C. Ю. Воспоминания. В 3 т. М., 1960. Т. II. С. 156.

²⁶⁸ См.: Anton I. Denikin, Career of a Tsarist Officer, trans. M. Patoski (Minneapolis, 1975), 56–57.

лиц, и в то же время подчеркнуть героические подвиги войск²⁶⁹. В результате полные итоги работы комиссии оказались похоронены ещё на десять лет, а вместе с ними — и последние надежды на то, что её выводы приведут к какому-либо системным изменениям²⁷⁰.

Решение Ванновского просто отражало в письменной форме ту катастрофу, которая в 1881–1897 гг. постигла официальную военную историю. Поскольку Военно-историческая комиссия оказалась стреножена почти с самого начала своей работы, в России не существовало органа для усвоения военного опыта 1877–1878 гг. и, соответственно, импульс к изменениям в военном деле исходил не от комиссии, а из различных источников, включая будущих реформаторов, преследовавших личные цели, агитацию на страницах армейской печати и разнородные взгляды старших офицеров, занимавших влиятельные позиции²⁷¹. В годы пребывания Ванновского в должности все эти отдельные источники поставляли сырьё для Комитета по устройству и образованию войск, который выдавал непрерывный поток исправленных уставов и штатных расписаний²⁷². К чести комитета, следует сказать, что он оказался в состоянии издавать требуемые документы, но пересмотр уставных требований зачастую являлся лишь реакцией на самые острые и легко разрешимые проблемы, при том, что сведению всех новшеств в гармоничное целое почти не уделялось внимания. Перефразируя немецкого философа Шопенгауэра, можно сказать, что каждый автор официальных документов измерял мир мерой своего собственного кругозора.

Впрочем, это печальное состояние дел парадоксальным образом оказало положительное воздействие на дальнейшее развитие и использование военной истории. Настоящая жажда знаний и истины в сочетании с выборочной официальной инерцией придавала свежий импульс историческим исследованиям, ощущавшийся в самых разных аудиториях. 1880-е и 1890-е гг. отмечены настоящим взрывом оригинальных работ и изданий, над которыми трудились бесчисленные исследователи и организации, начиная с отдельных офицеров и заканчивая департаментами Главного штаба и Николаевской академии. Научные группы создавались в военных округах с целью подстегнуть

²⁶⁹ Золотарёв В. А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг... С. 40.

²⁷⁰ Русская военная мысль, конец XIX — начало XX в. / Под ред. П. А. Жилина. М., 1982. С. 38; Золотарёв В. А. Россия и Турция... С. 78–81.

²⁷¹ Вплоть до того момента, когда Военно-историческая комиссия приступила в 1898 г. к публикации своих трудов, наиболее всеобъемлющим обзором боевого опыта оставалось собрание из восьми статей «Обзор мнений, высказанных в нашей военной литературе по разным военным вопросам за 1877–1879 годы», издававшееся в «Военном сборнике», начиная с Т. 132. № 3. Март 1880. С. 173–210, и заканчивая Т. 136. № 11. Ноябрь 1880. С. 32–53 (автор статей обозначил себя знаком «***». — Прим. ред.).

²⁷² См. их перечень: Русская военная мысль... С. 35–36.

профессиональное офицерское развитие, а страницы военной печати были переполнены историческими сообщениями²⁷³.

Однако всем этим процессам не хватало ключевого ингредиента — последовательной официальной санкции, и в этом отношении очень показательной была позиция Ванновского. М. В. Грулёв вспоминает душную интеллектуальную атмосферу в первые годы пребывания Ванновского на посту военного министра и отмечает, что из библиотеки его части были изъяты и сожжены все «вредные книги»²⁷⁴. В 1898 г., узнав о том, что Куропаткин одобрил создание Общества ревнителей военных знаний, Ванновский заметил: «Я бы ни за что не разрешил этого общества»²⁷⁵.

Кроме того, в сознании множества любителей военной истории, также в немалой степени благодаря Ванновскому, так и не сложилось связной картины новейших испытаний русской армии на поле боя. После 1881 г. война 1877–1878 гг. просто выпала из официальной повестки дня, с тем результатом, что её уроки в основном оказались недоступны для целого поколения офицеров, обучавшихся и преподававших в Николаевской академии. Не в состоянии руководствоваться опытом последней войны в своих исследованиях и лекциях, военные теоретики в поисках примеров и учебного материала обращались либо к наполеоновским войнам, либо — с гораздо меньшей охотой — к войнам за объединение Германии²⁷⁶. С большим опозданием военный министр Куропаткин в 1902 г. просмотрел список войн за период 1871–1902 гг., изучавшихся в Академии, и пришёл к выводу, что тот «не приносит должной пользы», поскольку учебный курс «не помогает ознакомлению слушателей с русской военною историею последнего времени»²⁷⁷.

Неофициальные исследования не могли полностью заполнить этот пробел. Лишь в конце 1880-х и начале 1890-х гг. начали появляться серьёзные монографии о войне 1877–1878 гг., да и те не всегда пользовались поддержкой официальных кругов и не получали достаточное распространение для того, чтобы оказать серьёзное институциональное воздействие. Хотя некоторые из них отличались высоким качеством, по этим монографиям было трудно составить всеобъемлющую картину войны и извлечь пользу из ошибок, сде-

²⁷³ См.: Золотарёв В. А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг.. С. 32–34.

²⁷⁴ Грулёв М. В. Записки генерала-еврея. Париж, 1930. С. 132–136; см. также: Hans-Peter Stein, «Der Offizier des russischen Heeres im Zeitabschnitt zwischen Reform und Revolution (1861–1905)», *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, 13 (1967), 370–71.

²⁷⁵ Цит. по: Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия... С. 175.

²⁷⁶ Составленный в 1887 г. конспект лекций по стратегии (149 страниц), читавшихся в Николаевской академии, включал лишь одну страницу, посвящённую русско-турецкой войне 1877–1878 гг. (!) См.: Конспект стратегии составлен офицерами старшего класса Николаевской Академии Генерального штаба. Спб., 1887. С. 72, 74.

²⁷⁷ Цит. по: Аведеев В. А. Военно-исторические исследования в Академии Генерального штаба русской армии // Военно-исторический журнал. № 12. Декабрь 1987. С. 79.

ланных русской армией в недавнем прошлом. Уже совсем поздно, накануне войны с Японией, от Военно-исторической комиссии потребовали срочно сдать её аналитические разработки в печать — да и то по совершенно нелепой причине. Военный министр Куропаткин приказал, чтобы те тома, в которых он фигурирует как начальник штаба Скобелева, были изданы вне очереди²⁷⁸!

Структурные изменения

Пусть Ванновский поначалу собирался использовать методы Милютина, поток событий быстро лишил его всякой инициативы. Пока Военно-историческая комиссия ещё собирала материалы, различные комитеты приступили к редактированию боевых уставов русской армии. Тем временем военный министр столкнулся с сильнейшим организационным кризисом. Не успел Милютин подать прошение об отставке, как генерал Р. А. Фадеев через хорошо налаженную систему связей при дворе уже начал призывать к полному пересмотру всей организации Военного министерства. Фадеев был реликтом 1860-х и 1870-х гг.; как и князь Барятинский, он так и не смирился с сущностью милютинских реформ. Благодаря влиянию Фадеева при дворе его происки принесли свои плоды 21 июня 1881 г., когда Ванновский, лишь недавно ставший министром, был вынужден объявить о назначении графа П. Е. Коцебу, командующего Одесским военным округом, на должность председателя особой комиссии, созданной для рассмотрения вопроса о реорганизации русского военного управления. В задачу Коцебу входило «подвергнуть пересмотру основные начала нашей существующей у нас системы высшего военного управления — центрального, местного и строевого, сравнив означенные начала с системою, принятой в Германии, а равно с порядком, который существовал у нас в начале нынешнего столетия при императоре Александре I»²⁷⁹.

Особая комиссия Коцебу, состоявшая сплошь из видных военных деятелей — около 30 старших офицеров, включая трёх великих князей, Ванновского, Обручева и едва ли не всех командиров-ветеранов 1877–1878 гг., — в начале октября — начале ноября 1881 г. провела девять заседаний, на которых рассмотрела девять отдельных вопросов, связанных с русской военной администрацией²⁸⁰. Проблемы, стоявшие на повестке дня, можно свести к двум главным задачам, которые оставались головной болью для всех, занимавших-

²⁷⁸ Описание русско-турецкой войны... Т. IV. Ч. 1. С. V.

²⁷⁹ Цит. по: *Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия... С. 93.

²⁸⁰ Столетие Военного Министерства / Под ред. Скалон. Т. I. С. 579–585.

ся организационным устройством русской армии по крайней мере с 1802 г. Первая проблема была связана с вопросом взаимоотношений между функцией военного планирования и ведения боевых действий и функцией управления армией и её снабжения. При милютинском режиме первая функция ставилась в зависимость от последней, а Главный штаб подчинялся Военному министерству, входя в него составной частью. Такое устройство неизбежно влекло за собой различные проблемы, особенно при переходе от мира к войне, но устраивало Милютину, который желал сохранить единоличный контроль над единым военно-административным аппаратом. Альтернативным вариантом являлась прусская модель, по которой начальник генерального штаба подчинялся непосредственно престолу и имел неограниченный контроль над военным планированием и ведением войны. При таком варианте за Военным министерством оставалась только функция снабженца, обеспечивающего выполнение требований и замыслов генерального штаба. То, что Фадееву снова удалось привлечь внимание к этому вопросу через два десятка лет после того, как его поднимал Бяратинский, представляло собой непосредственную угрозу полномочиям Ванновского и организационной целостности милютинского наследия.

Вторая главная задача, стоявшая перед комиссией Коцебу, была связана с воспроизведением структур центральной администрации на уровне военных округов²⁸¹. Сущность милютинской системы состояла в том, что единая центральная организация дублировалась в округах — при этом командующий округом и его штаб осуществляли единый контроль и над боевыми функциями округа, и над его структурами снабжения. Опять же, вставала проблема — как осуществить переход от мирного времени к состоянию войны, не разрушая систему снабжения и в то же время сохраняя максимальную боеспособность. Как и в случае с центральной военной администрацией, удачным вариантом представлялось отделение боевой структуры от снабженческой. И опять же, последователи Бяратинского полагали, что прусская территориальная модель, при которой структуры снабжения занимали подчинённое положение по отношению к командирам корпусов и инспекторам, обладает явными преимуществами по сравнению с русской системой²⁸².

В ходе дискуссий по этим ключевым вопросам, разворачивавшимся в рамках полномочий комиссии Коцебу, сторонники русской и прусской систем выдвигали свои аргументы и ставили их на голосование. В конце концов защитники милютинской системы одержали верх, в немалой степени благодаря присутствию как Ванновского, который усматривал угрозу своему соб-

²⁸¹ Там же. С. 585.

²⁸² Полвека спустя А. А. Свечин подверг эту систему острой критике; см.: *Свечин А. А. Стратегия*. 2-е изд. М., 1927. С. 142.

ственному положению, так и Обручева, старавшегося уберечь здание, возведённое его прежним начальником. Даже царь, в прошлом проявивший себя как сторонник Барятинского и Фадеева, согласился с мнением большинства членов комиссии о необходимости сохранить статус-кво, хотя лишь после того, как потребовал от них ещё раз подтвердить свою позицию. Однако комиссия сумела убедить царя в необходимости скорейшего пересмотра боевых уставов²⁸³.

Главный штаб

Таким образом, ещё до того, как Особая комиссия завершила свою работу, Обручев мог сообщить Милютину, что «Палаццо же будет всё стоять и все будут знать, как его звать», но победа повлекла за собой ряд серьёзных долговременных издержек²⁸⁴. Правда, Ванновский и Обручев сохранили свои позиции, но одновременно с тем они отсрочили крайне необходимый пересмотр функций Генерального штаба в рамках Военного министерства. Обручевский Главный штаб по-прежнему был встроен в бюрократический аппарат Военного министерства, существуя на равной ноге со всеми прочими управлениями. Главный штаб, состоявший из шести отделов и двух подотделов, с 1869 г. отвечал за сбор данных по вооружённым силам, назначения на должности, организацию пополнения войск и решение вопросов структуры, службы, расквартирования, обучения и снабжения армии. В число вспомогательных задач входили планирование перемещения войск, проведение геодезических работ, составление военно-статистических данных и сбор разведывательной информации. В 1870–1880-х гг. функции Главного штаба существенно усложнились вследствие постоянно возрастающих требований к планированию мобилизации, развёртывания и стратегических диспозиций. Фактически Главный штаб был вынужден выполнять задачи Генерального штаба в европейском стиле, не имея соответствующих полномочий, статуса и штатов²⁸⁵.

Обручев в качестве начальника Главного штаба безуспешно старался исправить это положение, представив в 1894 г. всеобъемлющий план реорганизации Главного штаба, нацеленный на его способность «выполнять работы и высшего стратегического порядка, относительно распределения войск

²⁸³ Мнение наиболее влиятельного из боевых командиров см.: Мнение Командира 4-го Армейского корпуса генерал-адъютанта Скобелева об организации местного военного управления и о корпусах [место и дата издания не указаны]. С. 1–97.

²⁸⁴ Цит. по: Дневник Д. А. Милютин. Т. IV. С. 109.

²⁸⁵ Столетие Военного Министерства / Под ред. Скалон. Т. I. С. 647–649; ср.: *Irvine, The Origin of Capital Staffs*, 177–179.

по театрам войны, образования армий, составления планов их сосредоточения и первоначальных действий, подготовки полевого управления в пограничных округах, [и] организации сбора сведений о неприятеле и проч.»²⁸⁶. После того, как Ванновский отказался рассматривать полную реорганизацию Главного штаба в отдельности от прочих управлений, Обручев, выждав три года, подал второй план по реорганизации — и снова безуспешно²⁸⁷.

Сменивший Обручева генерал В. В. Сахаров опять поднял этот вопрос в 1900 г., предложив как полную реорганизацию и расширение Главного штаба, так и новую схему, по которой начальник Главного штаба фактически становился заместителем военного министра с правом личного доклада царю. Ни Куропаткин, ни Военный совет не одобрили идею о повышении статуса Главного штаба, в результате чего реформу отложили до 1903 г., когда суть предложения Сахарова была в конце концов воплощена в жизнь без какого-либо изменения статуса начальника штаба. В итоге Главный штаб был реорганизован и разделён на пять управлений: 1-го генерал-квартирмейстера, 2-го генерал-квартирмейстера, дежурного генерала, военных сообщений и военно-топографического. Управление 1-го генерал-квартирмейстера разделялось на два отдела: первое занималось обучением войск и общими штабными делами, второе осуществляло военную и гражданскую администрацию в азиатских военных округах и на Кавказе. Управление 2-го генерал-квартирмейстера также имело два отдела: первый — военной статистики (в первую очередь он занимался сбором данных по потенциальным театрам военных действий) и разведки, второй — мобилизационный. Управление дежурного генерала получило такую же структуру. В ведении его первого отдела находились размещение строевых частей и инспекционные вопросы (учёт личного состава, награды, повышения и назначения), в ведении второго отдела — административно-экономические вопросы²⁸⁸.

Сахаровская реорганизация представляла собой шаг вперёд, но была проведена слишком поздно, чтобы серьёзно сказаться на подготовке к войне на Дальнем Востоке. Принятые меры действительно упростили осуществление начальником Главного штаба контроля над бесчисленными направлениями работы и службами, за которые он нёс ответственность. Кроме того, они способствовали признанию за начальником штаба статуса главного помощника военного министра. Однако предложенная Сахаровым схема едва ли помогала решению организационных дилемм, связанных с отсутствием пол-

²⁸⁶ Цит. по: *Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия... С. 109.

²⁸⁷ *Jones, Administrative System and Policy-Making Process, Central Military (Before 1917)*, 120.

²⁸⁸ *Кавтавадзе А. Г.* Из истории русского генерального штаба... // Военно-исторический журнал. № 12. 1971. С. 78; см. также: Great Britain War Office, General Staff, *Reorganisation of the Russian Head-Quarters Staff* [Confidential] (London 1904), 3–12.

ностью интегрированного штаба и процесса планирования, которые, по замыслу Обручева 1894 г., обеспечили бы единый институциональный фокус для планирования и ведения военных операций, начиная от мобилизации, дислоцирования и переброски войск по железной дороге и заканчивая сосредоточением, развёртыванием и первоначальным марш-манёвром на театре военных действий. В итоге эти различные функции планирования и контроля оставались разбросанными по всему Главному штабу и Военному министерству, между управлениями и штабами в центральных органах и аналогичными структурами в военных округах. При непрерывном усложнении всего мобилизационного процесса постоянно повышался и риск, связанный с раздробленностью функций планирования и исполнения.

Полевое управление

Затруднения, связанные с переходом от подготовки к ведению войны, отражались как на эволюции высшей штабной организации, так и на практике полевого управления войсками. Опыт 1877–1878 гг. ясно продемонстрировал необходимость в более чётких уставных требованиях, связанных с управлением армией в военное время, особенно с обеспечением более надёжной связи между сражающимся фронтом и снабжающим тылом. Русские войска начали войну с Турцией, опираясь на базы снабжения в Одесском военном округе, затем с большими трудами переместили всю структуру снабжения вперёд — сперва в Бухарест, а затем и в северную Болгарию. Весь этот процесс сопровождался задержками, коррупцией и серьёзным воровством. Едва Особая комиссия графа Коцебу закончила свою работу, как генерал П. Л. Лобко, помощник начальника канцелярии Военного министерства, получил задание переписать Положение о полевом управлении войск.

Лобко завершил работу над проектом Положения к концу 1885 г. В 1886–1889 гг. оно подверглось обширному редактированию и было в конце концов издано в 1890 г. как «Положение о полевом управлении войсками в военное время». По новому Положению армия или несколько армий, действующие на одном театре, подчинялись соответственно командующему армией или главнокомандующему армиями. Главнокомандующий, «представляя персону императора», получал контроль над вооружёнными силами и гражданской администрацией на театре военных действий как в границах империи, так и за её пределами. Кроме того, главнокомандующий имел право заключать с врагом перемирие и обладал полной властью над всеми частями и чинами, включая членов императорской семьи, проходящих военную службу.

Однако более существенным, возможно, было то, что Положение о полевом управлении войск определяло состав штабов, функционирующих на данном театре, и метод создания этих штабов из структуры военных округов мирного времени. В случае войны командующий приграничным военным округом становился командующим армией, а начальники отделов округа получали в своё ведение соответствующие отделы в полевом штабе армии. После того, как военный округ лишался этих штабистов, на их место становились заместители, возглавляя отделы снабжения в сохранившейся структуре округа. Весь округ оставался в подчинении у командующего армией, а структура округа использовалась для снабжения полевой армии провиантом и боеприпасами²⁸⁹.

Административная структура полевой армии включала полевой штаб и пять управлений. Полевой штаб главнокомандующего армией состоял из трёх отделов: управления генерал-квартирмейстера, управления дежурного генерала при главнокомандующем и «железнодорожного» отдела штаба главнокомандующего. Управление генерал-квартирмейстера осуществляло надзор за оперативными вопросами, разведкой и работой топографов. В ведении управления дежурного генерала находились вопросы личного состава и медицинской помощи, а отдел военных сообщений следил за состоянием дорог, связи, а также за местной безопасностью и администрацией. В число важных элементов армейской структуры входили также пять управлений (снабжения, артиллерийское, инженерное, финансов и контрольное). Общая ответственность за координацию работы управлений и полевого штаба лежала на начальнике штаба главнокомандующего. В том случае, если на поле выступала более чем одна армия, штаб и управления единого главнокомандующего получали организационную структуру, аналогичную той, что создавалась в подчинённых ему армиях²⁹⁰.

Таким образом, Положение о полевом управлении войск задавало рациональную схему координации штабных и административных функций в условиях войны. Однако в этом Положении сохранился как минимум один нежелательный момент прежнего устава: за командующим полевой армии сохранялось право создавать импровизированные отряды «сообразно обстоятельствам», которое впоследствии стало настоящим бичом для армии, воевавшей в Маньчжурии²⁹¹. Кроме того, в Положении не учитывались два важных вопроса, которые в немалой степени определяли реальную работоспособность всей системы. Первый был связан с необходимостью своевременно

²⁸⁹ Fuller, *Strategy and Power in Russia, 1600–1914*, chap. 8.

²⁹⁰ Столетие Военного Министерства. Т. I. С. 620–621.

²⁹¹ Керсновский А. А. История русской армии. Ч. 3. С. 501, а также Ч. 2. С. 398. (По изд.: М., 1993. Т. 2. С. 180. Т. 3. С. 15–16. — *Прим. ред.*)

учитывать новые взаимоотношения, возникавшие между военными округами. Эта проблема особенно серьёзно стояла в западных приграничных округах, к которым предъявлялись дополнительные требования в смысле планирования, боеготовности и мобилизации, в то время как округа во внутренних областях империи постепенно брали на себя ношу пополнения обученного личного состава и дальнего тылового снабжения. В связи с этим вопросом находилась и более общая проблема координации. За исключением планирования, осуществлявшегося до начала военных действий, в положении никак не предусматривалась роль центральных органов как координаторов между фронтом и тылом. Собственно, вплоть до самой Первой мировой войны центральные органы с началом военных действий по сложившейся практике атрофировались, а главные штабные офицеры покидали Санкт-Петербург, пополняя персонал полевых штабов высшего уровня.

Оставляя в стороне детали структуры, можно сказать, что функционирование системы зависело от наличия профессионально подготовленных офицеров Генерального штаба, которые обладали совместным знакомством с штабными процедурами и практикой и совместным пониманием природы и требований современной войны. Однако из анализа штатных расписаний всей армии и её центральных органов на 1 января 1904 г. можно заключить, что лишь 45% тех офицеров, которые находились на ответственных штабных должностях в рамках этой системы (588 из 1241), выказывали необходимые способности²⁹². Почему сложилось такое положение и как исполняли свои обязанности те, кто носил желанное звание «офицер Генерального штаба», необходимо знать для того, чтобы объяснить военные неудачи российской армии в 1904–1905 гг.

Офицерский корпус: состав и степень компетентности

В контексте постмилютинских военных порядков русский офицерский корпус столкнулся с двумя серьёзными вызовами: расширением армии и растущей сложностью военной профессии. Армия Ванновского и Куропаткина, с начала 1880-х до начала 1900-х гг. увеличиваясь в размерах, постепенно стала напоминать милютинский идеал силы, истинную основу которой составляли кадры и резервы. В чисто количественном отношении состав армии мирного времени возрос с 30 768 офицеров и 844 396 нижних чинов в 1881 г. до 41 079 офицеров и 1 066 894 нижних чинов в 1904 г.²⁹³ В 1903 г., согласно

²⁹² Кавтарадзе А. Г. Из истории русского генерального штаба... // Военно-исторический журнал. № 12. 1971. С. 79.

²⁹³ Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия... С. 123.

Мобилизационному расписанию № 18, полностью развёрнутые регулярные и резервные силы России (без учёта Приамурского военного округа и Квантунской области) насчитывали чуть более 3 млн человек, почти две трети из которых приходилось на долю резерва²⁹⁴.

Одновременно с этим сложное взаимодействие между организационной эволюцией и изменением технологий, средств и методов войны резко подчеркнуло значение технической компетентности офицерского корпуса. Однако темпы и влияние изменений заставляли решительно усомниться в традиционном пути к профессиональной компетентности: длительное ученичество и приобретение практических навыков непосредственно на службе при постепенном подъёме на более высокие уровни иерархии. Отныне требовалось сбалансированное сочетание опыта и формального образования, не только на низшем уровне, но и на промежуточных этапах восхождения к высшим командным и штабным должностям. Объём военных познаний, необходимых для истинного профессионализма в данной области, увеличивался в таком темпе, который требовал отказаться от традиционного акцента на непосредственное ознакомление каждого офицера с чётко определёнными основами ремесла.

В целом, увеличение армии и изменение параметров технической компетентности ставили на первое место институциональную гибкость офицерского корпуса и его адаптацию посредством обучения. Однако упрямство и консерватизм престола по отношению к ключевым вопросам набора, удержания и подготовки офицеров резко тормозил институциональную адаптацию. Именно тогда, когда развитие армии и постоянные новшества подчёркивали необходимость гибкости, преобладающий акцент на возрастные привилегии и достаточно реакционная политика в сфере образования работали против однородности и гибкости. Соответственно, в офицерском корпусе по-прежнему ощущался опасный разрыв в кругозоре и компетентности. И действительно, на основе недавнего изучения офицерского корпуса историк может с достаточными основаниями выделить в его рамках четыре или пять слоёв, между которыми вполне могло не существовать никаких связей.

Упорная ставка на возраст приводила к тому, что разрастающаяся российская армия получила престарелый генеральский корпус и всё более стареющий и недовольный корпус старших командиров. Люди, получившие генеральский чин в 1870-х гг., нередко покидали свои должности лишь в случае смерти или откровенной дряхлости. П. А. Зайончковский метко характеризует эту ситуацию, когда приводит возраст старших генералов, назначенных в 1903 г. на получение важных должностей в полевой армии в случае войны

²⁹⁴ Там же. С. 126.

на западе. Не считая четырёх членов императорской семьи, которые получали номинальное командование, из восьми старших офицеров, отобранных в кандидаты на должности командующих корпусов и выше, трое находились в возрасте от 55 до 60 лет, трое — от 65 до 70 лет, и двое — от 73 до 76 лет²⁹⁵.

Но ещё более острой, чем возраст, была проблема образования старших офицеров. Несмотря на влияние милютинских реформ, к кандидатам на высшие ступени в армейской иерархии не предъявлялось иных требований в отношении знаний, нежели опыт пребывания на старших командных должностях, в результате чего в 1902 г. лишь около половины армейского генералитета имели полное высшее военное образование. Остальные представляли собой пёструю смесь, причём многие ещё с кадетских дней не могли угнаться за расширяющимися объёмами военных знаний. Или, как выразился А. И. Деникин, во время Первой мировой войны поднявшийся в должности до командующего дивизией, «начальник, начиная с должности командира полка, мог пребывать спокойно с тем научным багажом, который был вынесен им когда-то из военного или юнкерского училища, мог не следить вовсе за прогрессом военной науки, и никому в голову не приходило поинтересоваться его познаниями»²⁹⁶. Возможно, классический пример невежественного старшего командира являл собой генерал Н. П. Леневиц, командующий Приамурским военным округом, который спросил, впервые увидев гаубицу: «Что это за орудие?» Что ещё хуже, Леневиц — генерал, которому предстояло командовать полевой армией в Маньчжурии, — не умел читать военные карты и не разбирался в расписаниях железнодорожных перевозок²⁹⁷.

Те офицеры, которые умели читать карты и составлять расписания, как правило, являлись выпускниками Академии Генерального штаба, причём специальные знания то способствовали их карьере, то препятствовали ей. Несмотря на антиинтеллектуальную атмосферу, сложившуюся в годы Ванновского, конкурс на поступление в Академию Генерального штаба оставался невероятно высоким — ежегодно около 600 офицеров претендовали на 80 мест слушателей базового двухлетнего курса. После реформы академии 1893 г. на первом, или «младшем», курсе офицерам преподавали тактику, топографию, составление топографических карт, основы администрации, военную историю, военную статистику, фортификацию, артиллерийское дело, философию и психологию, русский язык, физическую географию, политическую историю и либо французский, либо немецкий. На втором, или «стар-

²⁹⁵ Там же. С. 152. (К первой группе относились — Куропаткин, Пузыревский, Каульбарс, ко второй — Гриппенберг, Батянов, Ридигер, к третьей — Драгомиров, Мусин-Пушкин. — *Прим. ред.*)

²⁹⁶ Цит. там же. С. 173.

²⁹⁷ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. В 2 т. Нью-Йорк, 1954. Т. I. С. 98. (См.: Зайончковский П. А. Там же. С. 174. — *Прим. ред.*)

шем», курсе офицеров обучали стратегии (включая тактику крупных армий), административной работе, военной статистике и географии, картографии (включая геодезию и астрономию), телеграфному делу, русскому языку и либо французскому, либо немецкому. В зимние месяцы офицеры старшего курса проводили тактические занятия на карте и писали две обязательных работы — одну по стратегической диспозиции армейского корпуса, а вторую по маршам. После 1893 г. те офицеры, которые по основным предметам получали оценку «очень хорошо» (в среднем набрав 10 из 12 баллов), имели право остаться на третий, «дополнительный» курс, а успешно закончив его, включались в список кандидатов на зачисление в Офицерский корпус Генерального штаба. Те офицеры, которые не попадали на третий курс, возвращались в свои части за новым назначением, имея несколько подпорченную репутацию. Тем не менее все выпускники двухлетних курсов получали право носить на правом нагрудном кармане желанный академический значок — серебряный медальон с инициалами академии в окружении выгравированных дубовой и лавровой ветвей²⁹⁸.

Что касается выпускников 3-го курса, то для них даже престижное звание «офицер Генерального штаба» отнюдь не являлось гарантией беспрепятственной карьеры. Непосвященные нередко взирали на эту новую элиту «генштабистов» с презрением, называя их «высочками» или «фазанами»²⁹⁹. Те офицеры Генерального штаба, у которых карьера не слишком задавалась, нередко переходили с одной бюрократической должности на другую, постепенно становясь высокопоставленными чиновниками³⁰⁰. Те «генштабисты», которым везло больше, ненадолго получали командные должности, а затем двигались по карьерной лестнице, которая включала в себя и командные, и высокие штабные посты. К 1903 г. почти 30% командиров пехотных полков и приблизительно половина командиров пехотных дивизий были выпускниками высших военно-учебных заведений, в первую очередь Академии Генерального штаба. Однако офицеров с высшим военным образованием никогда не хватало для того, чтобы занять все ответственные командные и штабные должности, в немалой степени вследствие крайне строгого отбора абитуриентов для учёбы в академии³⁰¹.

В связи с возникновением корпуса офицеров-генштабистов хроническим явлением стал конфликт между старой и новой военными элитами. Традици-

²⁹⁸ *Great Britain, War Office, Intelligence Division, System of Training of Staff Officers in Foreign Armies [Confidential]* (London, 1901), 89–95; см. также: Деревянко И. В. Мозг армии // Военно-исторический журнал. № 11. Ноябрь 1989. С. 79–80.

²⁹⁹ A. A. Ignatyev. A Subaltern in Old Russia, trans. I. Montagu (London, 1944), 99–100.

³⁰⁰ Грудёв М. В. Записки генерала-сврея. С. 146, 167–168.

³⁰¹ Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия... С. 179, 181.

онной вотчиной наследственной русской знати являлись гвардейские полки, доступ в которые получали выпускники Пажеского корпуса, а также некоторых военных академий. Те, кто попадал в гвардию, уже не стремились повышать свой образовательный уровень. Офицер мог служить в гвардии, имея возможность участвовать в социальной жизни столицы, а затем переводиться в строевые части, где право на автоматическое повышение в чине облегчало ему доступ к желанным командным назначениям. Таким образом старая элита входила в прямую конкуренцию с новой элитой генштабистов за немногочисленные старшие командные должности. Старые, унаследованные качества вступали в конфликт с новыми, благоприобретёнными³⁰².

Налицо было и более традиционное соперничество, препятствовавшее сплочённости офицерского корпуса. Уильям Фуллер так выразительно описывает проявления узкоместнических настроений, свойственных отдельным группам: «Гвардейцы были убеждены в том, что они — истинная патрицианская элита, офицеры Генерального штаба считали себя интеллектуальными сливками армии, кавалерия презирала пехоту, а такие технические службы, как инженерный корпус и артиллерия, равным образом бранили и кавалерию, и пехоту»³⁰³.

Наличие старого и нового соперничества и фракционность ещё сильнее затрудняли жизнь строевым офицерам, которые годами ждали повышения в чине, при том, что попасть на высшие должности становилось все труднее. Поскольку всё большая часть недостаточного финансирования уходила на закупку вооружений, размер жалованья застыл на одном месте, усугубляя незавидный финансовый статус строевых офицеров. Продвижение по службе оказывалось проблематичным как никогда, и многие старшие строевые офицеры проводили всю жизнь на скучных гарнизонных должностях, где находили утешение в вине и тихо старели, всё более замыкаясь в себе и оставаясь глухими к изменениям в технологии и структуре, неотъемлемым от медленного разворота армии к модернизации военного дела³⁰⁴. Впрочем, за исключением разве что масштабов, эта картина, вероятно, мало отличалась от того, что наблюдалось в любой армии мирного времени в ту эпоху.

Ступенью ниже полковников и подполковников находились десятки офицеров ротного уровня, чьё социальное положение и образовательный уровень были совсем незавидными. Александр III отменил многие приоритеты предпринятой Милютиним реформы образования, в результате чего юнкерские училища заметно деградировали, а военные академии лишились

³⁰² *Matitiabu [Mayzel]*, *Generals and Revolutionaries* (Osnabruck, 1979), 17–18, 37–39.

³⁰³ *Fuller*, *Civil-Military Conflict in Imperial Russia*, 22.

³⁰⁴ См. классическую работу: *John Bushnell*, «The Tsarist Officer Corps, 1881–1914: Customs, Duties, Inefficiency», особ. 753–758 и 763–766.

гражданских преподавателей и невоенных предметов в расписании³⁰⁵. В итоге военные академии оставались заповедником дворянства, но их выпускники обладали лишь узкими военно-техническими познаниями. В течение какого-то времени качество образования в юнкерских училищах стабильно ухудшалось, вследствие чего их воспитанники — люди как знатного, так и незнатного происхождения — не получали возможностей и стимулов для карьерного роста³⁰⁶. Многие старшие командиры, включая М. И. Драгомирова, просто не считали средних выпускников юнкерских училищ подходящим материалом для командных должностей³⁰⁷.

Несмотря на наличие институциональных механизмов, позволявших преодолеть разрыв между начальными и повышенными требованиями к образованию, они были слишком малочисленными и маломощными. Офицерская стрелковая школа ежегодно выпускала 160 капитанов; целью её одногодичного курса являлась подготовка будущих командиров пехотных батальонов. Попастъ в офицерские кавалерийскую и артиллерийскую школы, выполнявшие аналогичную роль для соответствующих родов войск, было ещё более трудно: первая выпускала 64 офицера после двухгодичного курса, вторая — 60 офицеров после 7-месячного обучения³⁰⁸. Ни численность учащихся, ни продолжительность обучения не соответствовали постоянно повышавшимся требованиям, которые предъявлялись к компетентным офицерам, рассчитывающим на карьеру.

Вследствие изменения принципов образования и комплектования русский офицерский корпус до 1904 года представлял собой чрезвычайно пёструю картину. На самых верхних ступенях структуры командования преобладали пожилые старшие офицеры с самым разным уровнем образования. Ниже, на средних уровнях боролись за положение и влияние представители старой и новой элиты. Если строевой командир или штабной офицер не попадал в ту или иную группу, то, как правило, лишался возможности к продвижению по службе. На нижних уровнях находилось много младших офицеров, не получивших общего образования либо просто некомпетентных. При этом практически все офицеры, не располагавшие собственными денежными средствами, с трудом сводили концы с концами, а престижность их профессии непрерывно снижалась.

Правительство ухитрилось ещё больше усугубить это печальное состояние дел, ошибочно делая акцент на ритуал и статус с целью компенсировать

³⁰⁵ Stein, «Der Offizier des russischen Heeres», 377.

³⁰⁶ Peter Kenez, «A Profile of the Prerevolutionary Officer Corps», *California Slavic Studies*, 7 (1973), 127–28.

³⁰⁷ Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия... С. 176.

³⁰⁸ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. С. 185–186.

ту пагубность, которую усматривали во внешних влияниях. В 1890-е гг. были восстановлены суды чести и институт дуэли. Хотя эти меры, несомненно, были призваны укрепить чувство социальной и корпоративной идентичности, они едва ли могли заменить строгую систему обучения, без которой невозможен подлинный офицерский профессионализм³⁰⁹. Вследствие этого на исходе столетия в офицерском корпусе наблюдался полный разноречивости как сознательности, так и компетентности. Такое положение было чрезвычайно весьма большими опасностями для армии, призванной усвоить новые технологии за относительно короткий промежуток времени.

Новые технологии, новое вооружение

Русская армия воевала в 1877–1878 гг. с турками, будучи вооружена самыми разными винтовками, начиная от примитивных Карле и заканчивая более передовыми Берданами № 2. Несмотря на попытки оснастить сражающиеся войска более совершенным оружием, 200 тыс. устаревших винтовок Карле и Крнка оставались на вооружении ещё три года после войны. Однако и действующие, и кадровые резервные части, включая драгун и казаков, к началу 1880-х гг. были полностью оснащены винтовками Бердана. К 1884 г. перевооружение Берданами закончилось во всей армии³¹⁰.

К несчастью для армии и для казны, темп технологических изменений в следующем десятилетии был так велик, что и эта винтовка быстро устарела. В основе новых систем ручного оружия, которые начали появляться к тому моменту, когда русская армия закончила переход на винтовку Бердана, лежали два конкретных новшества — применение бездымного пороха и изобретение достаточно надёжных механизмов магазинного питания. Бездымный порох позволил конструкторам увеличить дальность и начальную скорость пули, в результате чего новое оружие било более далеко и более точно, размер пуль уменьшился, а их убойная сила повысилась. Поскольку бездымный порох сгорал более эффективно и чисто, его использование решало проблему загрязнения ствола — один из главных недостатков, связанных с чёрным порохом. В свою очередь, преодоление этого изъяна устраняло последнее серьёзное практическое препятствие к разработке надёжных магазинных винтовок. Изобретатели много лет экспериментировали с различными видами системы боя и питания. К концу 1880-х гг., наряду с переходом

³⁰⁹ Fuller, *Civil-Military Conflict in Imperial Russia*, 23–26.

³¹⁰ Янушкевич Н. Н. Состояние вооружённых сил России со времени введения всеобщей воинской повинности. Важнейшие реформы в военном деле в царствование Императора Александра III // История русской армии и флота. Т. XIII. С. 26.

на бездымный порох, большинство конструкторов явно считало наиболее подходящей для военных целей винтовку со скользящим затвором, в которую патроны подаются пружиной в шахматном порядке из обоймы, полностью или частично расположенной в приёмном механизме винтовки. Солдат, оснащённый таким оружием, мог вести смертоносный огонь в высоком темпе на эффективной дистанции в 500 м при максимальной дальностью в километр или больше. В отличие от оружия, в котором использовался чёрный порох, из-за более высокого давления в стволе и повышенной начальной скорости пуля на дистанциях до 500 м летела практически по прямой. В итоге конструкторы могли предложить оружие, отвечавшее армейским требованиям в отношении резко возросшей дальности, точности и темпа огня³¹¹.

Несмотря на то что завершившееся переоснащение армии винтовой Бердана, русские не могли игнорировать того, что происходит в Европе, и в 1889 г. царь приказал начать работу над созданием «малокалиберного трёхлинейного ружья». Он назначил две комиссии — первую для распоряжения ресурсами и их распределения, вторую для проведения собственно испытаний, которым предстояло осуществлять надзор над программой экстренного перевооружения. На основе выводов испытательной комиссии, которую возглавлял генерал-лейтенант Н. И. Чагин, Военное министерство в конце концов приняло к рассмотрению две базовые модели винтовок калибром в 3 линии. Одну из них предложил бельгийский оружейник Леон Наган, другую — русский изобретатель, капитан С. М. Мосин. Благодаря простоте и прочности конструкции, а также дешевизне производства конкурс выиграла система Мосина. То, что он был русским, по-видимому, ничуть ему не повредило. Его система стала известна как 3-линейная винтовка, модель 1891 года. Более полувека она оставалась стандартным оружием пехоты двух армий — сперва российской, а затем и советской. Винтовка Мосина, весившая со штыком 4,5 кг, была на $\frac{2}{3}$ кг легче и на пять дюймов (около 10 см) короче своей предшественницы. Магазин заряжался обоймой в восемь патронов, максимальная дальность составляла 2 700 шагов — около 2 км. Вследствие напряжённого положения с ресурсами и финансами внедрение новой винтовки проходило в две фазы. В ходе первой фазы, завершившейся в 1897 г., 2 млн винтовок были полностью перевооружены пехота регулярной армии и кадровые резервные силы. На втором этапе, завершившемся в 1903 г., 1700 тыс. винтовок Мосина получила кавалерия и оставшаяся часть резерва. Когда царь в 1904 г. начал войну с Японией, он имел армию, полностью оснащённую новейшим ручным оружием, какое только можно было купить при скудных финансах³¹².

³¹¹ Жук А. Б. Винтовки и автоматы. М., 1987. С. 27–32.

³¹² Мавродин В. В., Мавродин Вал. В. Из истории отечественного оружия (Русская винтовка). С. 91–94; Жук А. Б. Винтовки и автоматы. С. 47–49.

Хотя бельгийцы проиграли Мосину конкурс на поставку винтовок, в 1890-е гг. фирма Нагана заключила с Россией контракт иного рода. Начиная с 1870-х гг. стандартным личным оружием в русской армии являлся громоздкий, но надёжный револьвер Смита и Вессона 0,44 калибра. После того, как Военное министерство приняло на вооружение малокалиберную винтовку, логичным шагом был переход на стандартный малокалиберный пистолет. В 1895 г. Военное министерство рекомендовало семизарядный револьвер Нагана калибра 7,62 мм. По соглашению с бельгийским оружейником Россия приобретала право на производство этого револьвера, и в 1898 г. Тульский оружейный завод начал производить его со скоростью 20 тыс. штук в год. Очень надёжный револьвер Нагана выпускался в двух вариантах — двойного и одинарного действия; первый предназначался для офицеров, а последний для рядовых в силу распространённого убеждения, что только офицеры сумеют рационально использовать оружие двойного действия, не допуская чрезмерного расхода патронов³¹³.

Перевооружение артиллерии проходило намного более болезненно. Хотя русские начали проявлять интерес к стальным пушкам ещё в 1860-е гг., технологические проблемы и ограниченность финансовых ресурсов привели к тому, что в 1877–1878 гг. русские воевали с турками, имея на вооружении бронзовые казнозарядные орудия. После того, как первые бои продемонстрировали явное превосходство крупновесных нарезных стальных пушек, Александр II создал специальную комиссию для рассмотрения различных вариантов перевооружения. Комиссия рекомендовала немедленно перейти на стальные орудия Маиевского. Благодаря поспешной мобилизации ресурсов Военное министерство сумело завершить перевооружение регулярной полевой артиллерии орудиями Маиевского к 1881 г. Перевооружение резервов и крепостной артиллерии затянулось ещё на девять лет³¹⁴.

Опыт русско-турецкой войны также подтолкнул к необходимости серьёзной переоценки в орудиях навесного огня. Поскольку полевые орудия стреляли фактически по прямой, они приносили лишь ограниченную пользу при штурме укрепленных позиций. В 1880-е гг. русские начали серьёзные эксперименты с шестидюймовой (152 мм) мортирой, но офицеры полевой артиллерии возражали против её включения в их части вследствие её невысокой подвижности. Эта проблема была преодолена в 1885 г., когда генерал А. П. Энгельгардт изобрёл колёсный лафет с системой буферов, поглощающих отдачу орудия. Мортиры конструкции Энгельгардта весили 1 300 кг, стреляли 25-кг фугасными снарядами на дистанцию до 3 200 м и имели ско-

³¹³ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. С. 319, 321; Жук А. Б. Револьверы и пистолеты. М., 1983. С. 35.

³¹⁴ См.: Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. С. 351, 354–355.

рострельность четыре выстрела в минуту. В 1887–1895 гг. в русских артиллерийских частях появилось 72 таких подвижных шестидюймовых мортир. Хотя это оружие на поле боя не отставало от полевых орудий, его неважная надёжность и невысокая дальнобойность накладывали серьёзные ограничения на его применение в 1904–1905 гг.³¹⁵

Как и в случае с ручным оружием, русская армия едва закончила перевооружение полевой артиллерии, когда темп технологических изменений заставил начать его ещё раз. В середине 1890-х гг. два достижения — бездымный порох и появление работоспособных откатных механизмов — сделали возможным новый технологический рывок: переход к скорострельным полевым орудиям. Ранее отсутствие механизмов поглощения отдачи вело к тому, что полевые орудия приходилось после каждого выстрела возвращать на прежнее место. Задержки, связанные с этим трудоёмким процессом, а также загрязнение ствола из-за применения чёрного пороха влекли за собой низкий темп огня даже у новейших стальных пушек. Учёт последних разработок в конструкции стальных орудий открыл дорогу к очередным достижениям. В их число входила установка орудийных стволов на скользящих механизмах, которые поглощали отдачу посредством различных буферов, а затем быстро и аккуратно возвращали ствол на прежнее место, ускоряя перезарядку. Усовершенствованные системы запираания с использованием либо скользящего клина, либо нарезного поршня ещё больше облегчали перезарядку. Совместно все эти новшества повышали убойную силу орудия: бездымный порох обеспечивал более высокую начальную скорость снаряда при большей дальнобойности и меньшем загрязнении ствола, а усовершенствованные механизмы отдачи и заряжания вели к повышению точности и скорострельности³¹⁶.

Перспектива новых расходов на перевооружение не приводила в восторг ни царя, ни Военное министерство³¹⁷. Однако русские не могли себе позволить отставание. Министерство таким образом оценивало проблему, лаконично обрисовывая ту дилемму, которая встала перед Россией: «Наша артиллерия должна будет, без сомнения, последовать примеру артиллерий западных армий, дабы не уступить им в вооружении и действительности огня;

³¹⁵ Обзор деятельности Военного министерства в царствование Императора Александра III 1881–1894. СПб., 1903. С. 151–153; см. также: *Christopher Bellamy*, *Red God of War* (London, 1986), 24.

³¹⁶ *Bellamy*, *Red God of War*, 22–24.

³¹⁷ Финансовые трудности при перевооружении армии скорострельными пушками представляли собой важный мотив, скрывавшийся за инициативой царя по проведению специальной международной конференции по разоружению в 1899 г. в Гааге. См., *Dan L. Morrill*, «Nicholas II and the Call for the First Hague Conference», *Journal of Modern History*, 46, no. 2 (June 1974), 296–298.

но перевооружение артиллерии представит для нас большие затруднения как по значительности потребных на то средств, так и в особенности вследствие малой производительности наших заводов и невозможности выполнить на них заказ большого количества орудий, лафетов и снарядов в сколько-нибудь короткий срок»³¹⁸.

Неизбежное произошло в 1897 г., когда немцы приняли на вооружение скорострельную полевую пушку, и Главное артиллерийское управление царской России было вынуждено поспешить с разработкой русской версии новейшего скорострельного орудия. В 1899 г. управление провело испытания скорострельной 3-дюймовой (76-мм) пушки, разработанной Н. А. Забудским, и в 1900 г. она была официально принята для широкого использования. Эта пушка имела начальную скорость снаряда около 650 м / с и могла наносить такие же повреждения целям на расстоянии в 2 км, что и прежние стальные пушки на расстоянии в 500 метров. Дальнобойность новой пушки достигала почти 10 км, а стрельбу шрапнельными снарядами она могла вести на дистанции в 5 км — на 2 км больше, чем у прежней системы. Хотя скорострельность составляла от 5 до 20 выстрелов в минуту, некоторых наблюдателей, включая военного министра Куропаткина, волновала неустойчивость лафета — проблема, из-за которой эта пушка уступала французской модели 1897 г., впоследствии получившей широкую известность как «французская 75-мм пушка».

Несмотря на сомнения Куропаткина, пушка в 1900 г. была поспешно принята на вооружение; Путиловский завод получил первоначальный заказ на 1500 орудий, за которым в 1902 г. последовал новый заказ на 900 орудий. Поскольку государственные заводы выпускали конкурирующую модель, ходили слухи о том, что поспешное принятие на вооружение нового орудия было результатом скорее личных интересов, чем военной необходимости. Однако модификация базовой модели в 1902 г. утихомирила большинство критиков, сняв проблему неустойчивости лафета, а после очередной модификации, включая установку щитка для расчёта, 76-мм пушка почти сорок лет оставалась стандартным лёгким полевым орудием в российской и советской армиях³¹⁹.

Почти одновременно с созданием скорострельных полевых орудий дебютировал и пулемёт, сделав поле боя ещё более смертоносным. Начиная с 1860-х гг. изобретатели разрабатывали различные типы оружия, способные делать много выстрелов либо одновременно, либо непрерывно. Появлялись

³¹⁸ Цит. по: *Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия... С. 162–163.

³¹⁹ *Отечественная артиллерия. 600 лет /* Под ред. Г. Е. Передельского. М., 1986. С. 65; *Никольский В. П.* Военное дело в России при вступлении на престол Императора Николая II и пен ред войной 1904–05 гг. // *История русской армии и флота.* Т. XIII. С. 39–40.

различные конструкции, от американской картечницы Гатлинга до французской митральезы, но все армии, включая и российскую, обычно отвергали эти устройства, как тяжёлые, неуклюжие и требующие слишком много боеприпасов. Однако с появлением бездымного пороха конструкторы начали экспериментировать с действительно автоматическим малокалиберным оружием, то есть оружием, способным заряжаться и стрелять самостоятельно, используя либо силу отдачи, либо силу пороховых газов. Новое оружие с питанием либо из магазина, либо от ленты было относительно лёгким и способным вести непрерывный автоматический огонь до тех пор, пока не кончатся патроны, перегреется ствол или стрелок снимет палец с курка.

Русские военные, как и в большинстве других стран, встретили пулёмёт с большим недоверием. В 1870-е гг. в России испытывалась картечница Гатлинга, а в 1891–1892 гг. в Туркестанском и Сибирском военных округах проводились полевые испытания многоствольной системы Норденфельдта. Первоначальные выводы Артиллерийского комитета при Военном министерстве сводились к тому, что «при нынешнем вооружении пехоты и полевой артиллерии пулёмёты вообще и прежних систем в особенности (картечницы. *Л. Г. Бескровный*) имеют для полевой войны весьма малое значение»³²⁰. Более того, поскольку пехота была полностью вооружена магазинными винтовками, а полевая артиллерия получила ещё более лучшее вооружение, комитет предполагал, что пулёмёты не приобретут сколько-нибудь большого значения. Главное артиллерийское управление, напротив, сочло, что пулёмёты могут быть полезны для обороны крепостей, и разместило заказ на 250 орудий типа картечниц³²¹.

Но такое состояние дел продолжалось недолго. В 1896 г. Военное министерство разместило два заказа на экспериментальные виды оружия — один в Лондоне и другой в Берлине, — всего приобретя 398 пулёмётов конструкции Максима. Это оружие подверглось ряду полевых испытаний не только в окрестностях столицы, но также в Туркестанском, Амурском и Оренбургском военных округах. Испытательные стрельбы проводились на дистанциях от 400 до 2 200 шагов, и их результаты выявили необходимость в ряде модификаций. Незвизрая на недостатки, в докладе Военного министерства отмечалось, что пулёмёты могут стать полезным дополнением к вооружению армии, поскольку они «могут значительно увеличить поражение [противника]». В 1899 г. Россия приобрела 58 «Максимов» за 170 056 рублей, то есть каждый пулёмёт обошёлся почти в 3 000 рублей. В 1902 г. Военное министерство заключило контракт с британской фирмой «Виккерс», по которому Россия по-

³²⁰ *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX веке. С. 321.

³²¹ Там же. С. 321. (С. 323. — *Прим. ред.*)

лучала лицензию на выпуск «Максимов», в обмен же царское правительство обязалось выплачивать по 50 фунтов стерлингов за каждый выпущенный пулемёт — в результате цена пулемёта снижалась до 942 рублей. Тульский завод готовился начать производство в 1904 г., а Военное министерство тем временем разместило два срочных заказа за границей для оснащения пулемётами дальневосточной армии и линии крепостей на Висле. По этим заказам Россия дополнительно получала 200 пулемётов системы Мадсона и ещё 250 пулемётов неуказанной системы³²².

В отношении пулемётов, так же, как ранее в отношении винтовки Мосина и трёхдюймовой полевой пушки, русское военное ведомство ещё раз продемонстрировало умение делать превосходный выбор. Виккерс-Максим был надёжным тяжёлым пулемётом, выпускавшимся в двух вариантах: на станке с колёсами и на треноге. Имея кожух вокруг ствола для охлаждения его водой, это оружие весило 48,7 кг, а его скорострельность составляла 500–600 выстрелов в минуту. Пройдя ряд усовершенствований, «Максим» оставался стандартным тяжёлым пулемётом русских армий до Второй мировой войны. По русским оценкам, один пулемёт Максима в обороне мог своим огнём заменить пятьдесят пехотинцев³²³.

Помимо этого, русская армия в последней четверти XIX столетия медленно вступала в эру воздухоплавания. В 1885 г. два офицера успешно долетели на воздушном шаре из Санкт-Петербурга в Новгород, а дальнейшие эксперименты на манёврах в 1886–1889 гг. продемонстрировали явную пользу от создания нескольких опытных воздухоплавательных частей. В 1891 г., после того как столица империи была успешно сфотографирована с аэростата, поднявшегося более чем на километр, Военное министерство одобрило закупку 33 воздушных шаров для их использования при обороне западных крепостей, и ещё 32-х для «свободных полётов». В течение определённого времени их основной целью оставались наблюдение и разведка, поскольку в 1892 г. тактик Н. А. Орлов заявил, что «бомбардирование с аэростатов — это такая затея, которая может показаться просто смешной тому, кто имеет понятие о войне»³²⁴.

Размеры армии и её организационная структура

Организационная структура армии в 1878–1904 гг. изменялось постепенно, вследствие различных влияний, в число которых входили уроки рус-

³²² Там же. С. 323–324.

³²³ Там же. С. 323.

³²⁴ Цит. по: Там же. С. 429.

ско-турецкой войны, появление нового вооружения, возникновение новых угроз, а также представления об изменении тактических реалий. Каждый из этих факторов сказывался не только на размере армии, но и на принципах её боевого развёртывания. После Сан-Стефано действующая армия сократилась до обычных размеров мирного времени, в 1881–1891 гг. имея в своём составе около 31 тыс. офицеров и нижних чинов в пределах 800–850 тыс. человек. Благодаря мобилизации эти цифры за счёт наличных резервов могли увеличиться приблизительно втрое. Численность армии мирного времени немного увеличилась во время афганского кризиса 1885 г., затем сократилась и оставалась на одном уровне до 1891 г., когда полное осознание изменившейся международной ситуации укрепило русские подозрения о возможности будущего одновременного столкновения с Австрией и Германией. Россия, стараясь заключить с французами договор о взаимопомощи в случае войны, особенно против Германии, одновременно поднимала требования к численности армии, и к 1894 г. её размер в мирное время вырос до 35 тыс. офицеров и 940 тыс. нижних чинов. После 1895 г. растущий интерес России к Дальнему Востоку потребовал выделения дополнительных сил, и к 1902 г. действующие войска в Приамурском военном округе и Квантунской области насчитывали почти 81 тыс. человек. К 1904 г. общие размеры русской армии в мирное время выросли до 41 тыс. офицеров и чуть более 1 млн нижних чинов. При полной мобилизации эти цифры возрастали примерно втрое³²⁵.

На эволюции организационной природы армии в мирное время сказался также опыт 1877–1878 гг. в сочетании с появлением новых требований к обучению войск и управлению ими. В 1860-е гг. Милютин рассматривал дивизию как крупнейшую единицу армейской структуры мирного времени в рамках военного округа. Однако к середине 1870-х гг. эта концепция подверглась ограниченному пересмотру. Поскольку отсутствие в мирное время крупномасштабных формирований не соответствовало предполагаемой организации верховного командования в военное время и не позволяло набраться опыта в деле управления крупными частями, русские постепенно возродили корпусную структуру мирного времени, начав в 1874 г. с гвардии. После окончания войны с Турцией русская армия мирного времени к 1881 г. почти целиком вернулась к корпусной структуре, получив 19 корпусов: один гвардейский, один гренадерский, 15 армейских, а также 1-й и 2-й Кавказские. Корпус объединял в себе войсковые части из трёх основных родов войск.

³²⁵ Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия... С. 123–125 (см. также: Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. С. 42–43. — Прим. ред.); Great Britain War Office, Intelligence Division, *Distribution of the Russian Military Forces in Asia* [Confidential] (London, 1903), 23.

В него входили две или три пехотные дивизии с одной артиллерийской бригадой в каждой, одна кавалерийская дивизия и сапёрный батальон³²⁶.

Как и до 1877–1878 гг., резервные части состояли преимущественно из пехоты и артиллерии. После реорганизации в начале 1880-х гг. резервная пехота насчитывала 96 армейских батальонов по 5 рот каждый, 1 гвардейский батальон с 4 ротами и 1 крепостной батальон. Резервная артиллерия включала в себя 6 артиллерийских бригад по 6 батарей каждая. При мобилизации каждый резервный пехотный батальон разворачивал четыре свои роты в батальоны, а на основе последней роты создавался вспомогательный батальон, выполнявший задачи пополнения и обучения. Не считая этих стационарных батальонов, развернувшиеся 384 батальона представляли собой структуру, достаточную для создания 24 резервных пехотных дивизий. Аналогичным образом 6 резервных артиллерийских бригад (36 батарей) во время мобилизации увеличивались четырёхкратно, превращаясь в 144 батареи. 96 из этих батарей сводились в 24 артиллерийские бригады, служившие поддержкой для 24 резервных пехотных дивизий, а прочие оставлялись на месте с целью обучения и пополнения³²⁷.

В случае войны русская армия сохраняла возможность создавать дополнительные резервные силы, главным образом с целью пополнения действующей армии. Например, существовало 7 запасных кавалерийских бригад, задача которых состояла в том, чтобы отправлять пополнение в конкретные части на театре военных действий. Кроме того, была предусмотрена возможность создать 199 запасных пехотных батальонов пополнения, по одному для каждого пехотного полка и стрелковой бригады. При мобилизации кадры для батальонов пополнения набирались из гвардейских частей, стрелковых бригад и резервных батальонов, а рядовые поступали в них из ополчения, игравшего роль сил самообороны³²⁸.

Пехота

Накануне русско-турецкой войны русская пехота едва начала переход к «четырёхсторонней», или «прямоугольной», структуре. Этот переход завершился в 1879 г., а в 1881 г. регулярная армия насчитывала в своём составе

³²⁶ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. С. 44, 49; Great Britain War Office, Intelligence Division, *Twenty Years of Russian Army Reform and the Present Distribution of Russian Land Forces* [Confidential] (London, 1893), 10.

³²⁷ Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия... С. 129–130; ср.: Great Britain War Office, *The Armed Strength of Russia* [Official Copy] (London, 1886), 108.

³²⁸ Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия... С. 131–132.

48 пехотных дивизий, включая 3 гвардейские, 4 гренадерские и 41 армейскую (или «линейную») дивизию. Каждая дивизия делилась на две бригады, состоявшие из двух полков. Всего в армии насчитывалось 192 пехотных полка, каждый из которых состоял из 4 батальонов, делившихся на 4 роты. Помимо того, имелось 10 стрелковых бригад, по 4 стрелковых батальона в каждой. Пехотная часть регулярной армии дополнительно включала в себя 8 отдельных финских стрелковых батальонов (восстановленных в 1882 г.) и 34 отдельных линейных батальона (2 оренбургских, 17 туркестанских, 4 западно-сибирских, 4 восточно-сибирских и 7 кавказских). Всего регулярная армия и резерв к 1882 г. насчитывали 948 батальонов, без учёта всевозможных местных и пеших казачьих формирований³²⁹.

В самих полках перед русско-турецкой войной и во время войны происходили мелкие изменения, в которых сказывалось организационное влияние изменений в тактике и соответствующего стремления к децентрализации. До 1877 г. все пехотные роты делились на два взвода, а те, в свою очередь, состояли из двух полувзводов. В каждом полувзводе имелись два отделения. Чтобы облегчить управление на поле боя, роты накануне русско-турецкой войны были разделены на полуроты, каждая из которых делилась на два взвода, а те — на четыре отделения в каждом. Таким образом, важнейшее организационное новшество, введённое ещё до начала военных действий, учитывало растущее значение пехотной роты как самой низшей единицы, способной на независимые тактические операции. Последующий боевой опыт, с его акцентом на поиск укрытий и рассредоточение войск по большой территории, лишь усилил эту тенденцию. Помимо того, поскольку в 1880-е гг. требование координировать ведение огня и передвижения стало пониматься как обязательное условие для всех пехотных формирований, различие между стрелковой и линейной пехотой постепенно стиралось. Принятие на вооружение винтовки Мосина с её увеличенной дальностью ускорило этот процесс³³⁰.

Менее малозаметным и более тревожным для потенциальных противников являлась тенденция, ярко выраженная в русской армии в 1881–1903 гг., к многократному увеличению пехотных сил в соответствии с растущими требованиями, вызванными территориальным расширением и союзническими обязательствами. Начиная с 1882 г. Военное министерство постепенно увеличило минимальный численный состав полков и стрелковых бригад

³²⁹ Там же. С. 131–132 (сноска 60. См. также: *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX веке. С. 47. — *Прим. ред.*)

³³⁰ *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX веке. С. 48–49; ср.: *Корсун Н. Г., Харкевич П. Х.* Тактика русской армии в русско-японской войне 1904–1905 гг. // Развитие тактики русской армии / Сост. Панков. С. 256.

и батальонов, расположенных в пограничных районах. Кроме того, Военное министерство приказало создать четыре дополнительные регулярные пехотные дивизии, и в результате к 1903 г. их общая численность возросла до 52. Наконец, более чем удвоилось число стрелковых бригад: в 1903 г. всего их насчитывалось 24, включая 8 — в Туркестане и 6 в Восточной Сибири. В дополнение к этим полевым частям существовало 59 батальонов крепостной пехоты, а после 1901 г. ещё и пять пулемётных рот с восемью пулемётами в каждой. В 1903 г. регулярная полевая армия состояла из 29 корпусов, включая один гвардейский, один гренадерский, 21 армейский, два кавказских, два туркестанских и два сибирских³³¹.

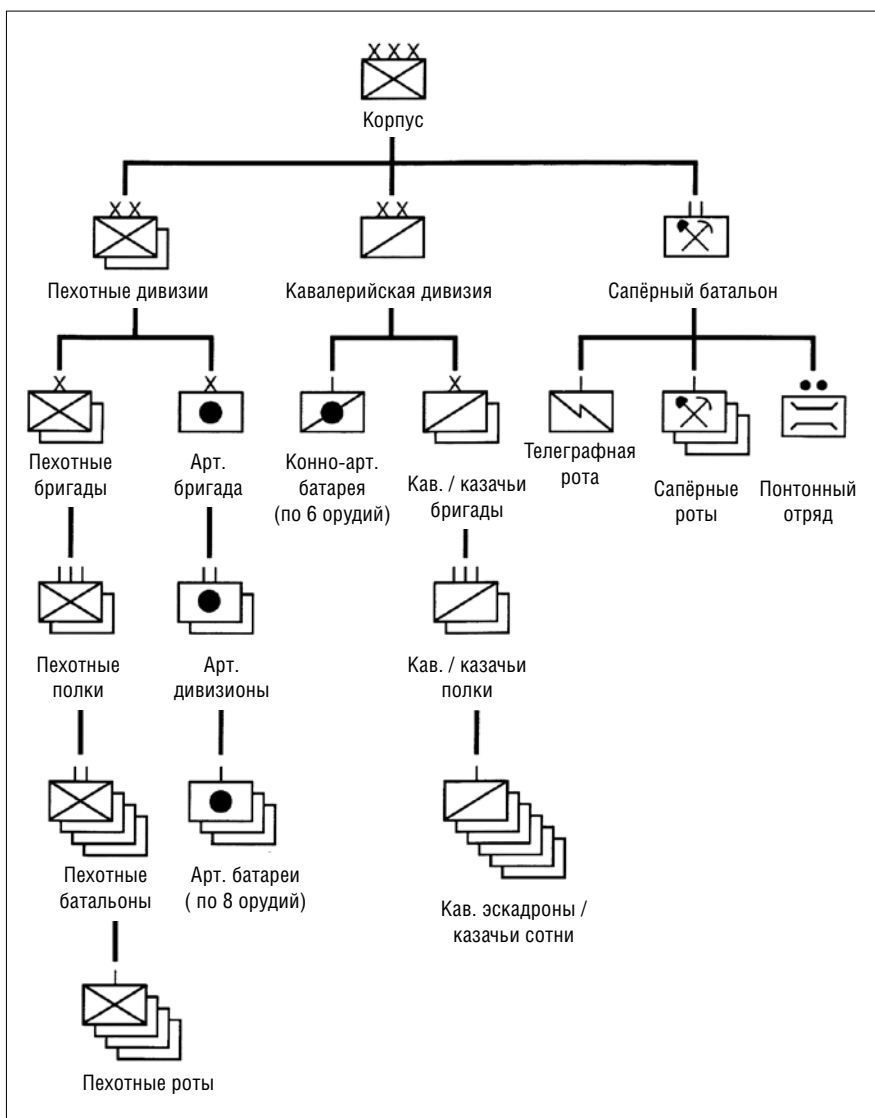
В соответствии с этими изменениями Военное министерство принимало меры к повышению качества и размеров резервных сил, как кадровых, так и предназначенных для пополнения. Новый устав, принятый в 1884 г., предписывал выделить из каждого регулярного полка небольшую учебную часть, которая бы производила надзор за его резервами. В 1888 г. срок личной воинской обязанности увеличился до 18 лет, включая 5 лет на действительной службе и 13 в резерве. Кроме того, в 1888 г. Военное министерство усилило и реструктуризировало пехотные резервные формирования, создав 4 новых резервных полка и преобразовав 28 резервных батальонов, расположенных в западных приграничных округах, в двухбатальонные полки. Большинство резервных батальонов было постепенно сведено в резервные бригады, которых в 1893 г. насчитывалось 12. С 1890 г. кадровые резервные части начали пополняться исключительно за счёт общего резерва обученной живой силы, в то время как регулярные части пополнялись молодыми мужчинами, впервые призванными на действительную службу. Сокрушительный эффект этих нововведений со временем привёл к резкому возрастанию численности пехотного резерва, который в 1903 г. состоял из 26 бригад и ряда более мелких частей. При мобилизации эти бригады обладали способностью развёртываться в 15 пехотных дивизий первого эшелона и 15 дивизий второго эшелона³³².

Благодаря различным мерам по увеличению регулярных и резервных сил численность пехоты в 1881 по 1903 гг. значительно возросла. Согласно статистике, в 1881 г. численность регулярной пехоты составляла чуть более 612 тыс. человек, а в 1899 г. — примерно 754 тыс.³³³ Если учитывать все типы пехотного резерва (включая ополчение), то та же цифра для 1899 г. соста-

³³¹ Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия... С. 132–134, 143; см. также: *F. Chenevix-Trench*, Report on the Russian Army [Confidential], 16th October 1886 (n.p.), 1–2.

³³² Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. С. 49–50; Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия... С. 133, 139.

³³³ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. С. 50.

Русский армейский корпус. 1904

Состав корпуса: 41 тыс. человек, включая 25 тыс. человек пехоты, 4 013 человек кавалерии и 102 лёгких орудия (штаб и обоз не показаны)

вит 1 969 тыс. человек³³⁴. В 1903 г. в русской армии насчитывался 1041 регулярный пехотный батальон, включая 832 — в составе различных полков, 150 — в стрелковых бригадах и 59 — предназначенных для обороны крепостей. Число резервных батальонов составляло 126, включая 122 в резервных бригадах и 4 в отдельных батальонах. Таким образом, общее число регулярных и резервных пехотных батальонов в соответствии с их распределением по частям для мирного времени составляло 1167³³⁵. Поскольку резервные части были способны развёртываться четырёхкратно, реальная численность батальонов в военное время могла превышать эту цифру более чем на 400.

Кавалерия

В 1881 г. русская кавалерия в регулярной армии насчитывала две гвардейские и 18 армейских дивизий. На основе опыта русско-турецкой войны Военное министерство пришло к трём главным выводам в отношении русской кавалерии. Во-первых, относительные размеры конницы уменьшились непропорционально сильно по сравнению с пехотой; во-вторых, численность русской кавалерии перестала соответствовать её численности в соседних странах; и в-третьих, русская кавалерия не имела единой тактической организации. Поскольку изменение природы военных операций уже не оправдывало существования улан и гусаров, в 1882 г. оба типа войск были преобразованы в драгун. В следующие десять лет Военное министерство добавило к регулярной армии шесть кавалерийских полков. Кроме того, по новому штатному расписанию каждый полк с 1883 г. состоял не из четырёх, а из шести эскадронов. В соответствии с новым акцентом на организационное единообразие казацки полки были выведены из состава регулярных кавалерийских формирований и объединены в сводные казацки дивизии³³⁶.

Вопрос численности фигурировал и в усиленном внимании к кавалерийским резервам. До 1877 г. немногие существовавшие кавалерийские резервы были предназначены для пополнения регулярных частей во время войны. Согласно новому «Положению о кадрах кавалерийского запаса 1883 г.»,

³³⁴ Great Britain War Office, Intelligence Division, *Reports on Changes in Various Foreign Armies during the Year 1899, Together with Their Peace and War Strengths* [Confidential] (London, 1900), 45.

³³⁵ Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия... С. 133–134 (сноска 64. — Прим. ред.).

³³⁶ Дружинин К. Исследование стратегической деятельности германской кавалерии в кампании 1870 года, до сражения Марс-ла-Туре включительно // Военные беседы, исполненные в штабе Гвардии и Петербургского военного округа в 1896–1897 гг. С. 18–19; см. также: Great Britain War Office, Intelligence Division, *Twenty Years of Russian Army Reform*, 6; Янушкевич Н. Н. Состояние вооружённых сил России... С. 16.

из числа регулярных полков выделялись кадровые силы для создания основы подлинного кадрового запаса. Два кадровых элемента формировали бригаду кавалерийского запаса, которых всего насчитывалось восемь. Три из этих бригад представляли собой ядро для кадровой резервной кавалерийской дивизии³³⁷.

В 1895 г. благодаря этим мерам наряду с реорганизацией регулярной кавалерии ее количество возросло до 91 полка в составе 22 дивизий. Кроме того, дополнительные кавалерийские силы в составе регулярной армии включали в себя 2 казачьи бригады, 16 казачьих полков, 11 казачьих сотен и 4 казачьих дивизиона, а ещё 8 кавалерийских бригад входило в кадровый резерв. После всех этих преобразований численность русской кавалерии, составлявшая в 1881 г. около 70 тыс. человек, выросла в 1900 г. до 80 621 человека³³⁸. К 1903 г. в регулярной русской армии насчитывалось 25 кавалерийских дивизий, включая две гвардейские, 17 армейских и 6 казачьих³³⁹.

Артиллерия

Переооружение полевой артиллерии стальными орудиями в начале 1880-х гг. сразу же привело к ряду измерений в организации и численности артиллерийских частей. Однако в начале 1890-х гг. усиление других родов войск начало сказываться на размерах и составе полевой артиллерии, привлекая внимание к различным организационным недочётам, особенно к сокращению относительного числа орудий по сравнению с полевыми войсками. Вплоть до появления скорострельной пушки важнейшим организационным новшеством, в основе которого лежали новые технологии, стало создание после 1889 г. мортирных полков, вооружённых 6-дюймовыми мортирами генерала Энгельгардта. Со временем в составе армии появилось 5 мортирных полков, каждый из которых включал в себя три или четыре 4-орудийные батареи. Тем временем реорганизация пехотного резерва в 1888 г. подтолкнула к усилению резервной артиллерии. Постепенное увеличение численности 15 резервных дивизий второй очереди потребовало создания 30 дополнительных батарей кадрового резерва и 2 батарей общего резерва. Более того, формирование в Европейской России 5 стрелковых бригад в 1890 г. сопровождалось созданием 10 лёгких батарей. К 1895 г. полевая и резервная артиллерия насчитывали 428 батарей, имевших возможность получать пополнения

³³⁷ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. С. 53.

³³⁸ Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия... С. 134–136. (См. также: Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. С. 53. — Прим. ред.)

³³⁹ Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия... С. 136.

из 54 «летучих парков», призванных снабжать войска орудиями и снаряжением во время войны³⁴⁰.

В 1895 г., вероятно, вследствие потребности в большей гибкости, облегчающей управление артиллерией и сосредоточение огня, в полевой артиллерии появилась новая организационная единица — дивизион. Артиллерийский дивизион (не следует путать его с русской дивизией — термином для обозначения пехотных и кавалерийских формирований) представлял собой подразделение в рамках артиллерийской бригады, объединявшее две или более батареи, которые получали единую систему командования и управления. Дивизион позволял артиллерийским командирам как вести массированный огонь из небольшого числа орудий, так и поддерживать части меньше дивизии лишь долей общей огневой мощи артиллерийской бригады³⁴¹.

Самое серьёзное изменение в русских артиллерийских частях произошло во второй половине 1890-х гг., когда заметно возросла численность батарей в соответствии с ростом числа и размеров пехотных частей. В течение всех 1880-х гг. в поддержку каждого пехотного батальона, как правило, выделялись 3 орудия. Однако в 1890-е гг. идеалом стала считаться поддержка каждой тысячи пехотинцев 4 орудиями. Начиная с 1895 г. бессистемные усилия по внедрению нового стандарта привели к формированию дополнительных 52 пеших артиллерийских батарей, неравномерно распределённых в рамках регулярной артиллерии. Более систематический подход способствовал созданию к 1898 г. ещё 108 батарей³⁴².

Все эти изменения привели к тому, что в 1903 г. регулярная полевая артиллерия насчитывала 56 бригад, имевших в своём составе от 4 до 9 восьмипушечных батарей. В число других регулярных формирований входили 8 артиллерийских полков, 4 отдельных дивизиона, 5 подвижных крепостных артиллерийских батарей и 10 казачьих артиллерийских батарей. Резервная пешая артиллерия включала в себя ещё 7 бригад и несколько разнородных частей. К 1903 г. общее число пеших батарей возросло до 498. За конной артиллерией числилось ещё 48 батарей — таким образом, всего их было 546, на 40% больше, чем в 1881 г. С 1881 по 1903 общая штатная численность регулярной и резервной артиллерии возросла со 107 601 до 154 925 человек. Хотя на исходе столетия общее число орудий превышало 5 500, в русской армии, в отличие от немецкой и японской, не имелось современной тяжёлой полевой артиллерии³⁴³.

³⁴⁰ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. С. 53–56.

³⁴¹ Great Britain War Office, Intelligence Division, *Handbook of the Russian Army* [For Official Use Only], 3rd ed. (London, 1902), 172–173.

³⁴² Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия... С. 139.

³⁴³ Зайончковский П. А. Там же. С. 140; Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. С. 57; Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. С. 20–21.

Вспомогательные войска и казаки

Накануне русско-турецкой войны инженерные войска включали 15 сапёрных батальонов, 6 понтонных полубатальонов, 3 железнодорожных батальона, 6 телеграфных парков и 4 полевых инженерных парка. Во время войны численность инженерных сил возросла примерно до 38 тыс. офицеров и нижних чинов, большинство из которых служили в пяти сапёрных бригадах. После 1877–1878 гг. инженерные силы вступили в период сокращения численности, которое прекратилось лишь в 1883 г., когда возникла необходимость создать в Сибири дополнительную сапёрную бригаду и две отдельных полевых роты. Помимо этого, в следующем году Военное министерство приняло решение о создании резервной сапёрной силы путём набора кадров для двух резервных сапёрных рот при каждом из всех 17 регулярных сапёрных батальонов.

Развитие этих войск продолжалось в 1886 г., когда Военное министерство сформировало особую железнодорожную бригаду; для этого оно исключило железнодорожные батальоны из состава сапёрных бригад, объединило их под началом единого штаба и добавило к каждому батальону по пятой роте. Эта дополнительная рота должна была служить основой для дополнительного кадрового батальона в случае мобилизации. В то же время был создан ещё 1 батальон для обслуживания Закаспийской железной дороги. Организационная структура инженерных войск в течение 1880-х гг. пополнилась также другими частями, включая 2 минно-речные роты, 9 крепостных сапёрных рот, 6 крепостных телеграфных парков и 1 воздухоплавательный парк с четырьмя отделениями³⁴⁴.

Увеличение численности пехоты в течение 1890-х гг. вызвало соответствующие изменения не только в артиллерии, но и в инженерных войсках. При их расширении руководствовались тем принципом, чтобы каждый армейский корпус поддерживался сапёрным батальоном: по каждой сапёрной роте этого батальона на каждую пехотную дивизию. С увеличением числа инженерных батальонов они стали более однородными по своему составу, обычно имея 3 сапёрных роты, 1 роту полевых телеграфистов и несколько понтонных подразделений. В результате всех этих мер число сапёрных батальонов возросло с 29 с четвертью в 1881 г. до 46 с четвертью в 1894 г. В 1903 г. общее число инженерных батальонов составляло 54, включая 7 железнодорожных батальонов и 47 сапёрных батальонов³⁴⁵.

Поскольку в русской армии никогда не хватало регулярной кавалерии для выполнения бесчисленных заданий, ставившихся перед подвижными войсками,

³⁴⁴ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. С. 57–60.

³⁴⁵ Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия... С. 142–143.

в общей структуре армии важную роль продолжали играть казаки. Хотя реформы Милютина не успели до русско-турецкой войны серьёзно сказаться на казаках, из их числа были успешно мобилизованы 3 672 офицера и 140 882 нижних чинов, служивших на Балканском и Кавказском театрах. Эти цифры составляли приблизительно 70% всех кавалерийских сил Российской империи. Однако мобилизация и военный опыт выявили серьёзные недостатки, которые повлекли за собой ряд послевоенных мер, нацеленных на усовершенствование обучения, оснащения и благосостояния казаков и системы поочерёдной службы в их рядах. Кроме того, Военное министерство прикладывало усилия к повышению эффективности мобилизационного процесса среди казаков. Хотя каждое казачье войско по-прежнему испытывало ряд внутренних проблем, начиная от нехватки обрабатываемых земель и заканчивая недостатком лошадей и современного вооружения, Военное министерство сумело сохранять казаков как колоссальный резерв обученной живой силы, знакомой с особенностями конной службы. По сведениям на 1900 г., в регулярной армии несли службу 67 тыс. казаков. В случае войны их численность могла быть увеличена до 190 тыс. человек с небольшим. Согласно официальным данным на 1903 г., полная мобилизация казаков позволяла выставить на поле боя 149 полков, 42 отдельные сотни, 22 пеших батальона и 59 конно-артиллерийских бригад³⁴⁶.

Мобилизационные расписания и планирование

Создание истинной кадрово-резервной системы, с одной стороны, позволяло в случае войны выставить на поле боя больше частей, а с другой стороны, серьёзно усложняло процесс планирования. Каждая кадровая резервная бригада мирного времени, состоявшая из четырёх батальонов, при мобилизации подлежала развёртыванию в одну или две пехотные дивизии. С началом военных действий 21 резервная бригада превращалась в 35 пехотных дивизий (с 46-й по 81-ю). Аналогичным образом каждая резервная батарея развёртывалась в четыре батареи, чем объясняется, почему батареи мирного времени имели в своём составе 32 орудия. Численность кавалерийских частей удваивалась путём призыва казачьих полков из запаса на действительную службу. Как отмечал в 1886 г. полковник Ф. Шаневи-Тренч, бывший британский военный атташе в Санкт-Петербурге, «русская армия благодаря своей огромной численности всегда будет очень грозным врагом»³⁴⁷.

³⁴⁶ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. С. 64–66; см. также: Robert H. McNeal, *Tsar and Cossack, 1855–1914* (London, 1987), 66–74; Комплектование и устройство вооружённой силы / Сост. А. Редигер. 4-е изд., в 2 т. СПб., 1913. Т. I. С. 88.

³⁴⁷ *Cbenevix-Trench, Report on the Russian Army*, 7.

Однако сами числа мало что означали без массовости и концентрации, и на военных планировщиков ложилась ответственность по составлению подробных мобилизационных расписаний, предусматривающих дислоцирование, перевозку и сосредоточение этих частей при действующей армии в нужное время и в нужном месте. Как отмечалось в британском справочнике по русской армии, «в России, вследствие того, что основная часть армии расквартирована в западной части империи, а основная часть резервистов находится в центре страны, мобилизация армии, в отличие от других великих континентальных держав, в гораздо меньшей степени находится в руках командующих действующими частями, и в гораздо большей — в руках штабного персонала»³⁴⁸. При таком положении целью мобилизационных расписаний становилось приведение живой силы, вооружения и путей сообщения в соответствие с задачами, встающими на обширных территориях, за максимально короткое время.

Начиная с конца 1860-х гг. Главный штаб Военного министерства регулярно составлял мобилизационные расписания с учётом возможной войны либо с Германией, либо с Австро-Венгрией, либо с обеими державами. В качестве дополнительных и потенциально враждебных переменных фигурировали Турция и Румыния. С началом XX века Главному штабу также приходилось считаться с возможностью войны на Дальнем Востоке.

На западе русские мобилизационные планы определялись тремя факторами: нехваткой удовлетворительной железнодорожной инфраструктуры, позволяющей быстро проводить мобилизацию и сосредоточение войск, вероятным австро-германским численным превосходством и необходимостью обеспечить присутствие крупных сил на правом берегу Вислы при наличии надёжных переправ на левый берег. В черновых планах, восходящих к 1870-м гг., предусматривалось сосредоточение войск в центральном секторе западной границы и строго оборонительный характер операций. Лишь после 1883 г. появился смелый русский план, предполагавший наступление, и то лишь против Австро-Венгрии, «истинного политического врага России». Если бы обстоятельства потребовали наступательных действий дальше на юге, с нападением России на Турцию, то планами на день М+11 (т. е. через одиннадцать дней после дня начала мобилизации) предусматривался десант в устье Босфора силами Черноморского флота и Одесского военного округа, призванный перекрыть врагу доступ в Чёрное море³⁴⁹. В 1880-е гг. в Велико-

³⁴⁸ Great Britain War Office, *The Armed Strength of the Russian Empire* [Confidential], 2 vols. (London, 1894), vol. II, 226.

³⁴⁹ Уточнённый вариант этого плана см.: Военно-морская стратегическая игра 1902 г. на тему «Занятие русскими силами верхнего Босфора». СПб., 1902. С. 199–205; обзор русского военного планирования за данный период см.: Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. С. 31–46; Fuller, *Strategy and Power in Russia, 1600–1914*, chap. 8.

британии и Индии были распространены страхи перед возможным русским ударом на юг, через Афганистан и на Индийский субконтинент, но трезвый анализ показывал, что у Санкт-Петербурга отсутствуют возможности по переправке серьёзных боевых сил на такие обширные расстояния³⁵⁰.

В то же время, с возрастанием вероятности войны с Германией и Австро-Венгрией, всё большее значение приобретали мобилизационные проблемы в центральных областях. В течение всего периода 1881–1904 гг. ключевым затруднением, с которым столкнулись планировщики, являлась недоразвитая железнодорожная сеть Российской империи. Как указывал Э. Уиллис Брукс, Милютину практически так и не удалось ускорить железнодорожное строительство для обслуживания мобилизационных потребностей. Приоритет отдавался постройке тех линий, которые были полезны для общей экономической инфраструктуры, а экономические и военные требования зачастую не совпадали, особенно в областях вдоль западной границы, которые, по крайней мере поначалу, страдали от недостаточного железнодорожного строительства по сравнению с внутренними российскими территориями или, что было более тревожно, с восточными приграничными областями в потенциально враждебных России странах³⁵¹. Непосредственные преемники Милютина добились лишь чуть больших успехов в отстаивании стратегических приоритетов развития русской железнодорожной сети³⁵². В 1890-е гг. предпринимаемое графом Витте строительство Транссибирской магистрали высасывало ещё больше ресурсов из Европейской России, хотя оно отвечало и экономическим, и военным интересам дальневосточной экспансии³⁵³.

В итоге отставание России по железным дорогам от возможных западных противников в конце 1890-х гг. только увеличилось. В конце 1899 г. в Европейской России насчитывалось 41 515 вёрст железных дорог, и ещё 7 409 вёрст — в российской Средней Азии и на Дальнем Востоке³⁵⁴. В Германии же к тому времени протяжённость железных дорог составляла 43 067 вёрст, а в Австро-Венгрии — 30 221 версту. Поскольку эти цифры не отражают плотности железных дорог и их расположения, они позволяют произвести лишь очень гру-

³⁵⁰ В этом отношении особ. см.: Great Britain War Office, Intelligence Division, *Russia's Power to Concentrate Troops in Central Asia* [Secret] (London, 1888), 14–15; Great Britain War Office, Intelligence Branch, *Analysis of General Kuropatkin's Scheme for the Invasion of India* [Secret] (London, 1886), 1–3.

³⁵¹ E. Willis Brooks, «The Military and Industrialization in Reform Russia: The Railroad Connection»; unpublished paper, 7–9; этот вывод подтверждается и в Fuller, *Civil-Military Conflict in Imperial Russia*, 62–65.

³⁵² Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. С. 430–431.

³⁵³ Превосходное описание Транссибирской железной дороги до её завершения см.: Great Britain War Office, Intelligence Division, *Notes on the Siberian Railway between Cheliabinsk and Lake Baikal* [Confidential] (London, 1897), 1–12.

³⁵⁴ Одна верста равна 1,09 км.

бые сопоставления. Более красноречивой является информация, связанная с суровыми военными реалиями, и здесь общая картина окажется уже совсем безрадостной. На всем колоссальном протяжении западной военной границы русские военные планировщики выделяли четыре потенциальных театра военных действий: северо-западный, западный, юго-западный и южный. На северо-западном театре имелись 3 двухколейные дороги, связывавшие балтийские губернии с центром; на западном театре насчитывалось 10 дорог, из них только 3 — двухколейные. На юго-западном театре — 3 дороги, включая 2 — однокотельные. На южном театре имелось 5 дорог, в том числе лишь 2 — двухколейные. Что ещё хуже, система рокадных дорог, связывавших все эти магистрали, по словам советского военного историка, была «крайне недостаточной»³⁵⁵.

Сравнительное отставание России по железнодорожной сети, которое влекло за собой серьёзные стратегические невыгоды, чем дальше, тем всё сильнее беспокоило Военное министерство. В 1900 г. Куропаткин докладывал, что «нам крайне необходимо увеличить провозоспособность железных дорог, имеющих стратегическое значение, а равно необходимо дальнейшее развитие рельсовой сети, направляющейся к западной границе»³⁵⁶. Далее он так описывал те осложнения, которые влечёт за собой сложившаяся ситуация: «Для сосредоточения нашей армии к западу у нас имеется всего 7 главных железнодорожных линий (11 колей), которые дают возможность пропускать до 167 поездов в сутки, и то с 10-го дня мобилизации. В Германии же к нашей границе подходит 17 сквозных линий (23 колей), а в Австро-Венгрии — 8 линий (10 колей). Эти линии позволяют уже с 3-го дня мобилизации ежедневно доставлять к границе по 812 поездов»³⁵⁷.

Именно такие расчёты, а также географические особенности западной границы диктовали осторожный подход к планированию войны на западе. Особую проблему представляло собой удержание польского выступа. Если сосредоточить там слишком много сил, они напрашивались на то, чтобы взять их в клещи охватывающими ударами с севера и с юга. Если оставить слишком мало сил, то русские не могли гарантировать ни безопасности русской Польши, ни удержания переправ на левый берег Вислы, что являлось необходимой предпосылкой для будущих наступательных операций как против Австрии, так и против Германии. По этим причинам представлялось, что самым благоразумным подходом к планированию войны на западе было бы размещение там достаточных полевых сил, имеющих численность военного времени и эшелонированных достаточно глубоко для прикрытия системы

³⁵⁵ *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX в. С. 114–115.

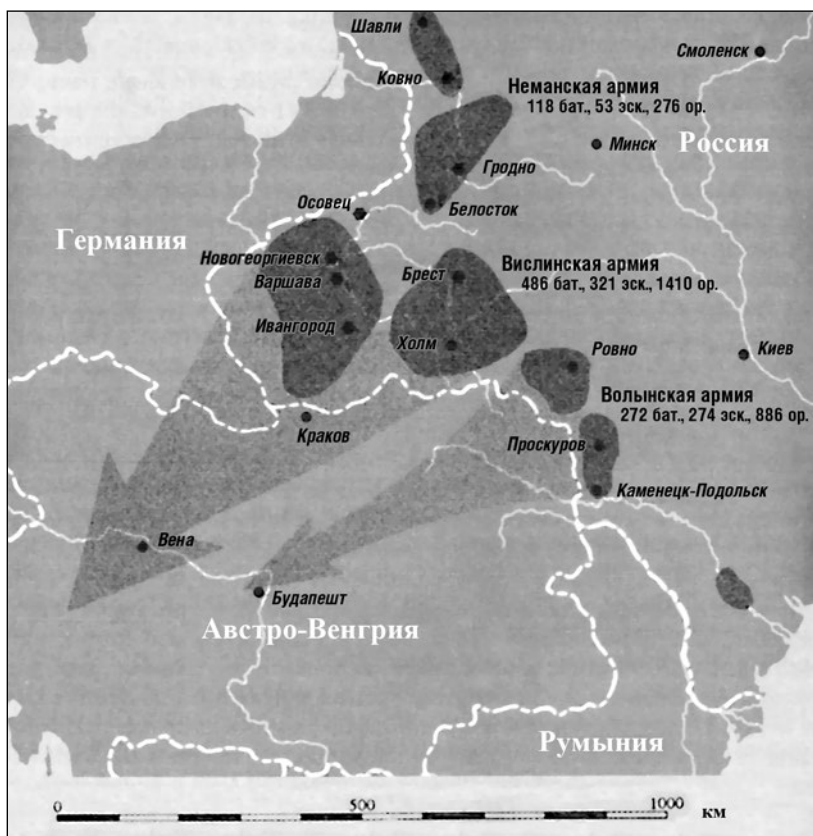
³⁵⁶ Цит. по: *Бескровный Л. Г.* Там же. С. 115.

³⁵⁷ Цит. по: *Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия... С. 127.

западных крепостей; тем самым обеспечивалось удержание польского выступления на то время, пока будет медленно разворачиваться мобилизация. В этих условиях русские, особенно после 1887 г., предпочитали держать значительную долю своих сил мирного времени в Киевском, Виленском и Варшавском военных округах. Как указывал Уильям Фуллер, численность войск, дислоцированных в этих округах, возросла с 227 тыс. в 1883 г. до 610 тыс. десятилетием спустя, причём последняя цифра составляет около 45% численности русской армии в мирное время. До тех пор, пока русская армия не закончит сосредоточение для защиты польского выступления, первоначальные стратегические операции должны были носить оборонительный характер. Русские планы предполагали переход в наступление только в том случае, если Германия будет занята на западе, и то лишь против Австро-Венгрии. Но безотносительно к оборонительному или оборонительно-наступательному характеру планов, все они предусматривали скорейшее проведение массового рейда русской кавалерии силами более 120 эскадронов с целью срыва австрийской и германской мобилизации³⁵⁸.

В рамках этого контекста всё большее значение приобретал вопрос стационарных приграничных укреплений. Хотя Крымская и франко-прусская войны вновь пробудили интерес к крепостям, вплоть до конца 1880-х гг. инженеры и теоретики не могли прийти к единому мнению относительно их формы и пригодности в будущей войне. После войны 1877–1878 гг. ряд соображений, включая изменение международной ситуации, появление новых видов вооружения и повышенная уязвимость крепостной периферии, вынудили планировщиков переоценить значение различных крепостных комплексов, особенно тех, что находились на северо-западной и западной границах империи. Сменявшие друг друга комиссии изучили эту проблему, рекомендуя провести ряд постепенных усовершенствований в прибрежной обороне и системах крепостей на Балтике, контролирующих ключевые подходы к Финляндии, Санкт-Петербургу и северо-западной России. Предпринятая в 1884–1887 гг. инспекция русских крепостей на границе с Германией и Австро-Венгрией выявила неадекватность этих систем для современной войны. Что ещё хуже, проводившиеся в 1886–1887 гг. испытания новейших крупнокалиберных фугасных снарядов для определения последствий их применения вынудили Военное министерство решительно пересмотреть требования, которые оно предъявляло к крепостям. Те оказались настолько беззащитными перед новыми технологиями, что военный министр Ванновский докладывал царю: «Нарушенное равновесие между атакой и обороной

³⁵⁸ Fuller, *Strategy and Power in Russia, 1600–1914*, chap. 8; о зарубежной реакции и оценке русских намерений см.: Great Britain War Office, Intelligence Division, *Twenty Years of Russian Army Reform and the Present Distribution of the Russian Land Forces*, 6–9, 11–13.

Русский план войны. 1887. Наступательный вариант

в пользу первой заставило повсюду перейти к расширению и перестроению крепостей». В 1891 г. Ванновский писал царю, что «форты уже теряют своё значение преимущественной артиллерийской позиции и должны будут главным образом служить опорными пунктами для обеспечения отдельных оборонительных позиций»³⁵⁹.

Русские инженеры ответили на вызов, разработав проекты значительно расширенных крепостных комплексов из земли и бетона, которые бы охватывали весь укреплённый район. Вместо того, чтобы полагаться на неподвижные укрепления и хорошо защищённые огневые позиции, русские старались прийти к гармоничному сочетанию «живой силы и мёртвой массы», то есть к глубокой гибкой обороне, выстраивающейся вокруг укрытых мобильных орудий и требующей наличия разветвлённой сети коммуникаций, хорошо укреплённых подходов и эффективных сил прикрытия. В течение 1890-х гг. такой подход определял модернизацию крепостей на западной границе, в первую очередь в Польше, где русские военные инженеры либо перестраивали, либо вновь создавали элементы двух отдельных оборонительных систем. Первая представляла собой сеть приграничных укреплений, расположенных вдоль линии от Вепрежа на средней Висле до Нарева. Под второй имеется в виду центральный укреплённый район, в основе которого лежали три колоссальных крепостных комплекса (Варшава, Новогеоргиевск и Ивангород); с флангов его защищали крепости в Ковно и Осовце (которые также прикрывали подходы к Санкт-Петербургу), а глубокая оборона опиралась на дополнительные крепости в Зегрже, Брест-Литовске и Дубно (прикрывавшие также центральные и южные подходы к внутренним областям России). Общие расходы казны составляли около 53,5 млн рублей, и это не считая затрат на приобретение современной крепостной артиллерии взамен устаревших орудий 1870-х гг.³⁶⁰

С 1882 по 1887 г., пока проблема крепостей оставалась нерешённой, а мобилизационные расчёты по-прежнему работали не в пользу России, Главный штаб упорно цеплялся за свои ранние оборонительные замыслы — по крайней мере в отношении Германии — даже в свете растущего давления со стороны Франции, которая добивалась того, чтобы русские мобилизационные планы принимали всё большую антигерманскую направленность. С 1892 г. французы добивались интеграции в военном планировании, в то время как Обручев в качестве начальника Главного штаба успешно отстаивал свою точку зрения о том, что Россия должна сохранить максимальную свободу действий, имея выбор, против кого сосредотачивать войска в польском вы-

³⁵⁹ Цит. по: *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX веке. С. 445, 446.

³⁶⁰ Обзор деятельности военного министерства... С. 187.

ступе — против Австрии или против Германии. Позиция Обручева опиралась на два соображения. Первое сводилось к тому, что истинным политическим врагом России по-прежнему остаётся Австрия; поэтому русские в рамках соглашения с Францией должны иметь возможность сперва ударить по Австрии, держа оборону на германском направлении. Второе представляло собой растущее понимание того, что изменение военных реалий изменяет и саму суть политического значения мобилизации. С учётом повышенного внимания к скорости и массовости, способствующих быстрому военному решению конфликта, «в наше время не следует относиться к мобилизации как к роковому шагу; напротив, она представляет собой решающий акт войны»³⁶¹. По этой причине Обручев с крайней подозрительностью относился к идее мобилизационного планирования в сотрудничестве с французским Генеральным штабом, который прилагал все усилия к оттачиванию своего антигерманского топора.

Лишь в начале XX в. русские стали проявлять заметную склонность к отказу от обручевского подхода, консервативного по своей природе. Около 1900 г. генерал М. И. Драгомиров, командующий Киевским военным округом, высказал предложение, чтобы Санкт-Петербург в случае войны более тесно координировал свои операции с французами с целью нанесения главного удара по Германии³⁶². В тот момент эта идея опережала своё время, хотя в 1901 г. В. В. Сахаров, сменивший Обручева на посту начальника Главного штаба, позволил французам включить в совместную военную конвенцию предложение оказать финансовое содействие при сооружении стратегических железнодорожных линий. Это был первый шаг по скользкой дорожке более тесного военного сотрудничества с Францией в пользу её военных интересов и к ущербу для долговременных целей российской внешней политики³⁶³.

На этом фоне в период между 1883 г. и кануном войны на Дальнем Востоке русские планировщики составили ряд мобилизационных расписаний, последним из которых перед началом дальневосточной войны стало расписание № 18, вступавшее в силу 1 января 1903 г. Это расписание в случае войны с Германией и Австрией предусматривало сосредоточение против них 1 472 пехотных батальонов, 1 035 кавалерийских эскадронов и сотен, 4 558 орудий, 32 пулемётов, 175 инженерных рот, 64 роты пограничной стражи и 47,5 батарей крепостной артиллерии. Если бы Турция оставалась нейтральной, русские могли дополнительно привлечь 64 пехотных батальона, 44 кавалерийских эскадрона и сотен, 220 орудий и 4 инженерных роты.

³⁶¹ *Zaionchkovskii*, Russia's Preparation for the World War: International Relations, 85.

³⁶² *Зайончковский А. М.* Подготовка России к империалистической войне. С. 46–48.

³⁶³ *Zaionchkovskii*, Russia's Preparation for the World War: International Relations, 113, 115.

Если бы Германия нанёсла свой первый удар по Франции, русские могли рассчитывать на численное превосходство, составлявшее приблизительно 1,4 : 1 в пехоте, 2 : 1 в кавалерии и 1,1 : 1 в артиллерии³⁶⁴.

Однако, как отмечал советский военный историк П. А. Зайончковский, «основной вопрос, обеспечивавший успех военных действий, особенно в первые месяцы войны, заключался не в определении соотношения сил вообще, а в сосредоточении их на театре войны»³⁶⁵. Именно в этом отношении Россия и столкнулась с самыми серьёзными трудностями. Уже в 1870 г. немцы продемонстрировали свою способность в мобилизационных целях ежедневно пропускать 10 пар поездов по однопутной дороге и 20 пар — по двухпутной³⁶⁶! В 1902 г. Куропаткин докладывал, что немцы и австрийцы могут перевести свою железнодорожную систему на полный мобилизационный режим уже на 3-й день мобилизации, а Россия — лишь на 9-й или 10-й день. Германия могла начать наступательные операции в день М+12, а Австрия — в день М+16, в то время как Россия к тому моменту ещё не завершила бы процесса сосредоточения своих полевых войск, а мобилизационная перевозка резервных и казачьих второго эшелона войск даже ещё бы не начиналась. Куропаткин заключал отсюда, что «эта отсталость в деле развития железнодорожных средств неизбежно подчиняет первоначальную форму стратегического развёртывания наших сил идее обороны»³⁶⁷.

Главный штаб, находясь под дамокловым мечом отсталости, в рамках общего плана пытался перераспределить ресурсы с целью компенсации неразвитой инфраструктуры и недостаточной скорости перевозок. Русские пытались уравновесить отставание в скорости массовостью. Расписание № 18 выжимало из резервов всё что можно, требуя от них выставить 31 пехотную дивизию, 10 армейских корпусов (XXII–XXX и Финляндский) и 1 кавалерийский корпус, состоящий из 3 казачьих дивизий. При объединении этих сил с регулярными формированиями Главный штаб мог бросить против австрийцев и немцев 7 полевых армий, а в случае одновременной войны с Турцией — 8-ю армию (Кавказскую). Из семи вышеупомянутых армий формировались два фронта — германский и австро-венгерский, каждый из которых получал

³⁶⁴ Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия... С. 147–148.

³⁶⁵ Там же. С. 148.

³⁶⁶ Русская военная мысль... / Под ред. Жилина. С. 32.

³⁶⁷ Цит. по: Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия... С. 148. Отчасти отставание России в сроках перевода железных дорог на полный мобилизационный режим было обусловлено нехваткой локомотивов и подвижного состава, которые тоже требовали сосредоточения для проведения мобилизации. См.: Сидоров А. Л. Железнодорожный транспорт России в первой мировой войне и обострение экономического кризиса в стране // Исторические записки. № 26. 1948. С. 12–13.

своего главнокомандующего, подчинявшегося верховному главнокомандующему³⁶⁸.

В военном планировании мобилизационное расписание составляло лишь часть общей оперативной картины. Как только войска оказывались сосредоточены согласно расписанию, полевым штабам на уровне фронтов, армий и корпусов следовало заниматься реальным дислоцированием войск и первоначальным марш-манёвром навстречу противнику. П. А. Зайончковский, описывая основную и вспомогательную деятельность штабов на исходе века, однозначно утверждает: «Плана же военных действий не было»³⁶⁹. Он цитирует Ф. К. Гершельмана, который весной 1901 г. был назначен начальником штаба Варшавского военного округа, и его свидетельство является важным источником по данному вопросу. Гершельман перед отбытием в провинцию провёл 10 дней в Санкт-Петербурге, как и любой хороший штабной офицер, почти не выходя из Главного штаба, где пытался ознакомиться с планами на случай войны с Германией и Австрией, касавшихся Варшавского округа и открывших ему «святая святых». Он «перечитал немало всяких записок, представлений и соображений», но ими дело и ограничивалось. Из всего этого — «каких-то обрывков» — так и не удалось составить общую картину и Гершельман уехал в Варшаву. В своих воспоминаниях он сетовал на то, что «не нашёл ничего законченного, не нашёл разработки дела до конца»³⁷⁰.

В отношении конкретного штаба низшего уровня Гершельман писал, вспоминая о приезде военного министра в Варшаву весной 1902 г.: «В делах по обороне западной границы не было ничего определённого, ничего законченного. Мы разбрасывались в массе нередко противоречивых предположений, хватались за всё, ни на чём не останавливались и порождая в себе только полную неуверенность к своим решениям, которые менялись постоянно [...]. При этом условии мы совершенно были не готовы к войне на Западном фронте, и вместо того, чтобы подвигаться в этом вперёд, мы удалялись от желанного конца»³⁷¹.

Военный министр Куропаткин подтверждает впечатления Гершельмана, особо ссылаясь на Киевский военный округ. 4 марта 1903 г. Куропаткин впервые встретился с командующими и начальниками штабов трёх армий (III, IV и V), которые бы оказались подчинены ему как главнокомандующему

³⁶⁸ Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия... С. 149.

³⁶⁹ Там же. С. 153.

³⁷⁰ Там же. С. 153. Возможно, причины незавершённости этой работы можно найти у Е. А. Никольского, который работал в Главном штабе вскоре после начала столетия. Он вспоминает сокращённый рабочий день и «жизнь без спешки, без напряжения». См.: Никольский Е. А. Служба в Главном штабе и в Главном управлении Генерального штаба (1903–1908 гг.). Рукопись, Hoover Institution Archives. С. 8–9.

³⁷¹ Цит. по: Зайончковский П. А. Там же. С. 154.

Юго-Западным фронтом в случае войны с Австрией. Он записал в дневнике, что «ещё раз на заседании подтвердилась наша неготовность к наступлению». Далее Куропаткин отмечает: «Ни по одной из армий соображений о наступлении не составлено. Но и по обороне лучше других армий обставлена только четвёртая армия, но в ней позиции наши у Ровно, Луцка и Дубно скорее только обозначены, чем укреплены. Надо усиленно будет поработать. В III армии в оборонительном отношении ничего не сделано, а между тем на эту армию могут обрушиться очень большие силы австрийцев и вынудить III армию к отступлению к Бресту»³⁷².

В. А. Сухомлинов, служивший у Драгомирова начальником штаба в Киеве, впоследствии возражал против этого приговора, но не мог по пунктам опровергнуть эти «фантастические разговоры», утверждая, что «под рукой у него нет заметок того времени»³⁷³. Несомненно, Куропаткин преувеличивал ситуацию, но в свете последующих событий можно считать, что его слова оказались недалеко от истины.

Несколько лучше была ситуация на Дальнем Востоке, где вследствие его удалённости от центра действовал собственный режим мобилизации и планирования. Сибирский и Приамурский военные округа и особый укрепленный район Квантунский области вели планирование, руководствуясь Мобилизационным расписанием № 8. Совокупные размеры вооружённых сил в начале XX века составляли в этом регионе 77 батальонов и 7 рот пехоты, 33 эскадрона кавалерии и 156 орудий. Дополнительные местные силы включали 20–28 тыс. человек пограничной стражи, организованных в 4 бригады, которые охраняли Восточно-Китайскую железную дорогу. Согласно Расписанию № 8, в военное время эти силы увеличивались до 127 пехотных батальонов, 81 эскадрона кавалерии и 212 орудий. Разница покрывалась за счёт мобилизации кадровых и некадровых частей резерва из Европейской России, которым предстояла длительная перевозка по однопутной Транссибирской железнодорожной магистрали (с разрывом на озере Байкал) на Дальний Восток³⁷⁴. В 1904 г. пропускная способность этой системы составляла 8–10 пар поездов в сутки³⁷⁵. В случае войны с Японией неразвитая дальневосточная железнодорожная сеть была бы нагружена до крайних пределов.

³⁷² Дневник Н. А. Куропаткина. С. 35.

³⁷³ Сухомлинов В. А. Воспоминания. С. 99, 101.

³⁷⁴ Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия... С. 152; ср. Great Britain War Office, Intelligence Division, *Distribution of the Russian Military Forces in Asia*, 5, 23.

³⁷⁵ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. С. 415; ср.: Русская военная мысль... С. 31–32, где приводится цифра в три пары — оценка, близкая той, которая давалась британской разведкой. В отношении последней см.: Great Britain War Office, Intelligence Division, *Notes on the Siberian Railway between Cheliabinsk and Lake Baikal*, 5.

Разрыв между мобилизационными расписаниями и военным планированием ясно выявляет большинство достижений и неудач эпохи Ванновского-Куропаткина. Военное министерство, работая в политических рамках царизма, имело возможность рекрутировать значительные людские и финансовые ресурсы и содержать массовую армию индустриальной эпохи. Кроме того, русские сумели создать механизмы планирования и управления, необходимые для мобилизации этих масс и руководства ими. Однако при отсутствии достаточной железнодорожной инфраструктуры способность Главного штаба своевременно сосредоточить эту армию для проведения решительных операций оставалась проблематичной.

В конечном счёте всё сводилось к вопросу связей — в данном случае связей между целями и средствами. В условиях требований военного времени налицо была высокая вероятность того, что недостаточная пропускная способность железных дорог окажется лишь одним из множества серьёзных несоответствий в связях между снабжающим тылом и сражающимся фронтом. Другим недостатком являлось несовершенство интеллектуальных связей, обусловленное изменениями в военном и учебном опыте. Кроме того, неизбежно проявился бы разрыв между теорией и практикой, сложившийся за два с половиной мирных десятилетия. Армия, отправившаяся в 1904 г. на войну с Японией, при всех её достоинствах и недостатках в существенной степени являлась детищем Ванновского и Куропаткина, работавших в более общем контексте царской России.

4. НАСЛЕДИЕ Г. А. ЛЕЕРА И М. И. ДРАГОМИРОВА

У Леера был свой придворный штат фактов, заимствованных преимущественно из войн Наполеона и строго приодетых в форму его, лееровских принципов.

*А. А. Свечин*³⁷⁶

Я считаю пулемёты нелепостью в полевой армии нормального состава.

*М. И. Драгомиров*³⁷⁷

Эволюция российской военной мысли и военной доктрины происходила в 1878–1904 гг. под влиянием ряда важных факторов, в число которых входили не только серьёзная интеллектуальная и институциональная инерция, но ещё и опыт русско-турецкой войны, впечатления от других конфликтов, технологические и организационные новшества и их последствия, а также осознание потребности в изменениях, обусловленное требованиями организационной эволюции. Все эти влияния по отдельности или в различных сочетаниях преломлялись в представлениях и опыте различных наблюдателей, исследователей и функционеров, которые порой занимали позиции, позволявшие им претворять свои взгляды и идеи в институциональные и доктринальные реалии. Невзирая на темп и влияние технологических изменений, в военной мысли и тактике сохранялась поразительная преемственность.

³⁷⁶ Стратегия в трудах военных классиков / Под ред. А. Свечина. В 2 т. М., 1926. Т. II. С. 273.

³⁷⁷ Цит. по: *Мартынов Е. И.* Из печального опыта Русско-Японской войны. 2-е изд. СПб., 1906. С. 86.

Как и в предыдущий период, эволюция носила постепенный, а не революционный или скачкообразный характер.

Дилеммы военной теории и её применения

Воспоминания о 1877–1878 гг., наложившись на впечатления от войны 1870–1871 гг., подталкивали как обозревателей, так и практиков военного дела к пересмотру традиционных военных истин. Новые технологии и методы позволяли командирам собирать массы людей, лошадей и вооружения, после чего отправлять их с невиданной прежде скоростью на потенциальные театры военных действий. Проблемы времени и пространства становились ещё более актуальными вследствие уверенности теоретиков в том, что исход будущей войны будет определяться главным образом тем, какая сторона окажется победителем в гонке развёртывания и сосредоточения армии на военном театре. Железные дороги и телеграф коренным образом изменили традиционные принципы сбора, развёртывания и сосредоточения войск, вследствие чего военные были вынуждены воспринимать как условные, а не абсолютные, давние убеждения, связанные со значением таких фундаментальных понятий, как внутренние линии и массовость. С учётом убойной силы современного оружия и проблемы растянутых фронтов, решение, как писал Гюнтер Ротенберг, лежало во «фланговом охвате противника в ходе единой, непрерывной стратегическо-оперативной последовательности действий, включающей мобилизацию, сосредоточение, движение и сражение»³⁷⁸. Знаменитый принцип Хельмута фон Мольтке «идти по отдельности, сражаться вместе» (*«getrennt marschieren, zusammen schlagen»*), возможно, наиболее удачно подытоживал теоретические и практические вызовы, с которыми сталкивались военные мыслители 1880-х и 1890-х гг.: эта идея звучала одновременно и по-наполеоновски, и по-современному. При сохранении традиционного акцента на массовость и сосредоточение отныне предполагалось, что новые технологии и методы неизбежно влекут за собой изменение условий войны и необходимость в новых средствах её ведения³⁷⁹.

Нигде изменения не проявлялись столь очевидно, как на самом поле боя, причём сражения под Плевной и Горни-Дубником так убедительно продемонстрировали возросшую убойную силу современного оружия, что этот

³⁷⁸ Gunther E. Rothenberg, «Moltke, Schlieffen, and the Doctrine of Strategic Envelopment», *Makers of Modern Strategy*, Paret (ed.), 296.

³⁷⁹ Павленко Н. Из истории развития теории стратегии // Военно-исторический журнал. № 10. Октябрь 1964. С. 111–113; см. также: Эволюция военного искусства: Этапы, тенденции, принципы / Под ред. Ф. Ф. Гайворонского. М., 1987. С. 94–96.

опыт было невозможно игнорировать. Многие русские обозреватели признавали возросшее значение тактической обороны, но как и в период после Крымской войны, никто не выказывал готовности отказаться от своей веры в необходимость наступательных действий для определения исхода боя. Требовалось такое сочетание решимости и нового вооружения, которое бы помогло восстановить доверие к тактическому наступлению, снизив потери до неопределённого, но приемлемого уровня. Понятно, что в этих условиях одной из ключевых тенденций в развитии тактической мысли и доктрины стало стремление найти более совершенные варианты известных принципов.

В теоретической перспективе вызов сводился к тому, каким образом оценивать влияние массовых армий и новых технологий и методов на сложное взаимодействие наступления и обороны как в пределах театра военных действий, так и в более узких рамках поля боя. Опять же, Мольтке полагал, что ответил на этот вопрос, когда подчёркивал значение стратегического наступления на театре военных действий, которое сменяется обороной, тем самым вынуждая противника растрачивать живую силу и энергию в серии катастрофических тактических атак на хорошо укреплённые оборонительные позиции. Если обстоятельства требовали наступательного решения, атакующий использовал имеющиеся в его распоряжении новые технологии и методы для проведения фронтальной скользящей атаки, а затем охватывал сравнительно слабые фланги врага, добиваясь классической победы посредством уничтожения через окружение. События 1870–1871 и 1877–1878 гг. давали два ярких примера, подтверждающих такой метод: Седан и Шейново³⁸⁰.

Для русских исследователей войн ключевая задача состояла в построении эффективного интеллектуального контекста, в пределах которого и следовало рассматривать события в Шейново и под Седаном во всей их многогранности. Вследствие неверно понятых научных гипотез теоретики всё чаще относились к войне как к логичному и неизбежному результату социальной борьбы за существование в дарвиновском духе. В своих профессиональных размышлениях о войне и стратегии они сильнее склонялись к знакомым и понятным теориям Жомини, нежели к более запутанному учению Клаузевица³⁸¹. Возможно, Клаузевиц просто требовал от них слишком многого. Его трактат «*Vom Kriege*» не издавался на русском языке в полном виде до тех пор, пока К. М. Войде не опубликовал его в 1899 и 1900 гг. в нескольких но-

³⁸⁰ О Шейново см. главу 2 данного издания; о Седане: см. классическое описание франко-прусской войны по-английски: *Michael Howard* (ed.), *The Franco-Prussian War: The German Invasion of France, 1870–1871* (London, 1961), 203–223; о наследии Мольтке см.: *McElwee*, *The Art of War: Waterloo to Mons*, 107–109, 162, 184–187.

³⁸¹ Стратегия в трудах военных классиков. Т. II. С. 102–104.

мерах «Военного сборника»³⁸². Те же офицеры, которые читали по-немецки, находили, что Клаузевиц труден для понимания и допускает слишком много истолкований. Что ещё хуже, его классическое определение войны как «продолжения политики другими средствами» требовало от солдат знакомства с расплывчатыми штатскими реалиями.

Напротив, идеи Жомини оставались ясными, простыми, однозначными и вполне доступными для офицерского понимания. Жомини писал на французском, который по-прежнему являлся вторым языком для образованных русских; он входил в число почётных основателей Николаевской академии Генерального штаба, и, наконец, в его пользу говорила многолетняя верная служба русским царям³⁸³. В отличие от Клаузевица, утверждавшего, что стратегия — это сложное искусство, Жомини заявлял, что стратегия — простое дело, сводящееся к умению управлять воинскими массами на театре военных действий и отличающееся от тактики, не допускающей раз и навсегда установленных правил. Чтобы сохранить чистоту военной мысли, Жомини выделял политические соображения в отдельную дисциплину — военную политику, тем самым проводя аккуратную — и опасную — грань между политикой и стратегией. Кроме того, Жомини ловко обходил некоторые наиболее сложные вопросы военного искусства, относя их к непостижимой сфере гениальности и расчётливости великих полководцев. Так, если Клаузевиц пытался подвести теорию под двусмысленности военного дела, то Жомини избегал их, чтобы сохранить простоту и ясность учения, или, как впоследствии выразился А. А. Свечин, «стройность достигнута за счёт жизнеспособности»³⁸⁴. В более непосредственном смысле существенным было то, что Клаузевиц, пророк сложности, к тому же непреклонно веривший в оборону с присущей ей мощью, так и не обзавёлся приверженцами ни в Санкт-Петербурге, ни в военных округах. Жомини же пользовался непререкаемым авторитетом, проповедуя стратегию «сокрушения», кульминацией которой являлось решающее сражение, причём плоды победы доставались тому командующему, который мог сосредоточить максимальные силы в нужное время и в нужном месте³⁸⁵.

В русском военном мышлении того времени важную роль играл также соблазнительный призыв научного позитивизма с его акцентом на метод, систему и классификацию. Не случайно стратеги той эпохи взяли на воору-

³⁸² Первый выпуск перевода К. Войде называется «Война» (Военный сборник. Т. 245. № 1. Январь 1899. С. 5–37); последний появился 24 номерами позже (Т. 256. № 12. Декабрь 1900. С. 387–404). См.: *Борисов В.* Значение Клаузевица в современной военной науке // Военный сборник. Т. 244. № 12. Декабрь 1898. С. 241–247.

³⁸³ См., например: *Глиноецкий Н. П.* Исторический очерк Николаевской Академии генерального штаба. СПб., 1882. С. 2–3.

³⁸⁴ Стратегия в трудах военных классиков. Т. II. С. 103.

³⁸⁵ Там же. С. 101.

жение внешние атрибуты штатской науки, стараясь отыскать для своих стратегических и военно-научных теорий respectable место под интеллектуальным солнцем. Не случайно также, что ясность и стройность теорий Жомини, по крайней мере на первый взгляд, придавала им большую научность и правдоподобие по сравнению с идеями Клаузевица. Эти и аналогичные соображения наделяли законностью попытки Г. А. Леера и других мыслителей продемонстрировать существование законов и принципов, которые можно было систематически исследовать в качестве теоретической основы того, что некоторые комментаторы восторженно называли военной наукой³⁸⁶.

Стратегия

Наиболее выдающимся представителем этого направления в России был Генрих Антонович Леер (1829–1904). Родившийся в Нижнем Новгороде и получивший образование в Санкт-Петербурге, Леер начал свою военную карьеру в 1848 г. полевым инженером, затем служил в резервном сапёрном батальоне на Кавказе, а в 1852–1854 гг. обучался в Николаевской военной академии. Несмотря на живой интерес к военной истории, Леер равнодушно тянул лямку военной службы, а семейные проблемы препятствовали его научной работе. Вследствие этого он закончил академию без отличия, и после недолгой службы адъютантом в балтийских губерниях стал заниматься рутинной работой в Генеральном штабе, где царила атмосфера дореформенного застоя. Однако, вскоре Леер проявил себя как талантливый преподаватель и писатель, внедрявший новые методы обучения в качестве адъюнкт-профессора тактики в Николаевской академии (после 1858), а в 1860-х гг. часто печатавшийся на страницах «Военного сборника». К 1866 г. он написал элементарный учебник тактики для военных академий, но, несмотря на это, всё сильнее втягивался в изучение стратегии. В 1865 г. Леер получил постоянную должность профессора кафедры стратегии и военной истории в Николаевской академии, а к середине 1870-х гг. заслужил репутацию как видного военного историка, так и наиболее выдающегося преподавателя военного искусства в академии (после Драгомирова)³⁸⁷.

³⁸⁶ Русская военно-теоретическая мысль... С. 21–22.

³⁸⁷ Военная энциклопедия. Т. XIV. С. 555–560. Статья «Леер Генрих Антонович»; см. также: Сон ветская военная энциклопедия. В 8-ми т. Т. 4. Статья «Леер Генрих Антонович»; *Peter Von Wabde*, «A Pioneer of Russian Strategic Thought: G. A. Leer, 1829–1904», *Military Affairs*, 35, no. 4 (December 1971), 1–2. (Во время обучения Г. А. Леера в академии её официальное название было: Императорская военная академия (до 1855 г.), вполн. Николаевская академия Генерального штаба. — *Прим. ред.*)

Хотя произведения Леера однозначно квалифицируют его как представителя зарождающейся академической школы русской военной истории, возможно, он остался в памяти в первую очередь как автор прорывной работы о развитии стратегии. В конце 1870-х гг. он, по сути, порвал со сферой тактики, отныне посвящая большинство своих теоретических трудов стратегии; в этой области Леер главенствовал сперва как ординарный профессор стратегии, а затем, в 1889–1898 гг., как начальник Николаевской академии Генерального штаба. Его учебник «Стратегия» пережил шесть переизданий с 1867 по 1898 г., когда и ученики, и ренегаты наконец-то бросили вызов учителю. Тем не менее ни один другой автор — за исключением, возможно, Драгомирова — не оказал в 1878–1904 гг. столь же глубокого влияния на русскую военную мысль. К лучшему или к худшему, но учение Леера представляло собой серьёзную часть интеллектуального наследия, которое целое поколение русских штабных офицеров принесло с собой на дальневосточные поля сражений в 1904–1905 гг.³⁸⁸

Интеллектуальный багаж самого Леера состоял из преклонения перед Наполеоном и установки на внешне взаимоисключающих друг друга философском идеализме и позитивизме. Из исследования наполеоновских кампаний Леер вынес веру в военную историю и в гений великого полководца как истинные выражения военного искусства. У Уильяма Ллойда и Антуана-Анри Жомини Леер позаимствовал высокую оценку рационального элемента в наполеоновской стратегии. У позитивистов своей собственной эпохи Леер почерпнул понятие о классификации и обобщениях, которому подчинил свои собственные развивающиеся представления о стратегии как о полноправной науке. Вследствие этих влияний, преломившихся в призме уникальных военных взглядов и склонностей самого Леера, Наполеон стал для него не только отправной точкой, но и тем пробным камнем, с которым сравнивались все последующие военные достижения³⁸⁹.

Изучение сложных военных явлений начиналось для Леера с идеи и истории. Для него «всегда и везде мысль — впереди дела». При выборочном и критическом изучении военная история позволяет проницательному исследователю «дойти до сознания той идеи, которая вылилась в факты». Каждая военная операция или последовательность операций при своём воплощении опираются на ключевую идею, из которой следуют план, направления развития, последовательность действий, иерархия приоритетов и сосредоточение ресурсов — все факторы, в конечном счёте определяющие победу или поражение командира, ищущего решения на поле боя. От исторического

³⁸⁸ Мещеряков Г. П. Русская военная мысль... С. 234–236.

³⁸⁹ Бескровный Л. Г. Очерки по источниковедению военной истории России. С. 379; Савушкин Р. К вопросу о возникновении и развитии операции // Военно-исторический журнал. № 5. Май 1979. С. 79–80; Von Wahlde, A Pioneer of Russian Strategic Thought, 3–4.

анализа Леер логически переходит к пониманию двух сил, которым подчиняется любая операция: это цель, которую порождает идея, и направление, фигурально представленное оперативной линией, изображающей реальное развёртывание идеи и плана³⁹⁰.

Для Леера стратегия в наиболее строгом смысле слова являлась учением об операциях в рамках театра военных действий. Изучение военной истории позволило Лееру классифицировать стратегические операции, разделяя их на три типа: главные, подготовительные и дополнительные. Первую часть («выпуск») своего учебника стратегии Леер посвятил анализу главных, или основных операций, включая выбор операционной линии, исполнение маршей и манёвров, проведение отвлекающих операций и сосредоточение сил для боя; кульминацией же всех этих действий служило генеральное сражение, определяющее исход операции. Во второй части «Стратегии» Леер рассматривает подготовительные операции — этим термином он описывает организацию армий и баз, развёртывание сил на театре военных действий и его инженерную подготовку. Наконец, он даёт обзор дополнительных операций, в число которых входят накопление припасов, устройство коммуникационных линий и организация безопасности, включая планирование маршрутов возможного отступления и подготовку крепостей и укреплённых рубежей³⁹¹.

Такие интеллектуальные рамки для понимания операций стали одним из наиболее долговечных вкладов Леера в развитие русской военной мысли. Последующие исследователи военного искусства поначалу использовали базовое определение Леера, не вполне отдавая себе отчёт в том, что Леер придаёт слишком большое значение преемственности наполеоновского опыта, не желая переоценивать старые реалии в свете последних технологических и организационных инноваций. Неудивительно, что в 1891 г. молодой, но уже известный стратег Н. П. Михневич сформулировал для русской «Энциклопедии военных и морских наук» такое определение термина «операции», которое практически никто не пытался подвергнуть пересмотру в течение нескольких следующих десятилетий. Михневич писал, что «каждая война состоит из одной или нескольких кампаний, каждая кампания — из одной или нескольких операций, представляющих собою известный, законченный период, от *стратегического развёртывания* (здесь и далее выделено курсивом автором. — Б. М.) армии на исходной линии операции до окончательного решения последней путём *победоносного боя* на поле сражения...»³⁹². Идея

³⁹⁰ Стратегия в трудах военных классиков. Т. II. С. 272, 276. (См. также: *Бескровный. Очерки по источниковедению военной истории России*. С. 379. — *Прим. ред.*)

³⁹¹ Записки стратегии / Сост. [Г. А.] Леер. 3-е изд. СПб., 1877. С. 2–6.

³⁹² Цит. по: *Савушкин Р. К* вопросу о возникновении и развитии операции. С. 80.

состояла в том, что хотя стратегия как целое донельзя усложнилась по сравнению с былыми временами, её главная задача на театре военных действий сводится к тому, чтобы подвести командира к генеральному сражению, которое определит исход либо путём окружения врага, либо посредством энергичного преследования его сил, разбитых в решающей битве.

Не столь удачными были попытки Леера увязать стратегию в пределах театра военных действий (которую он называл «тактикой на театре военных действий») с его более общим пониманием стратегии как всеобъемлющей военной науки. Он полагал, что «стратегия в широком смысле есть синтез всего военного дела, его обобщение, его философия»³⁹³. Хотя физические проявления реальности могут изменяться, Леер сохранял верность убеждению в том, что глубинные идеи остаются неизменными и что выборочное чтение военной истории позволяет выявить вечные и постоянные принципы, существующие независимо от времени и места. Он выделял четыре таких принципа: взаимная поддержка, сосредоточение превосходящих сил в нужное время в нужном месте, экономия сил и внезапность. Но Леер не смог дать чёткий ответ о том, как эти «вечно неизменные и независимые от оружия, времени и места принципы» могут применяться в конкретных ситуациях³⁹⁴.

Таким образом, подход Леера ставил перед его учениками два серьёзных интеллектуальных препятствия: навязчивую и исключительную поглощённость наполеоновским прецедентом и нетривиальную проблему перевода идеи и неизменного принципа в действие. Вместо того, чтобы задаваться вопросом, где и как Мольтке и его последователи отходили от французской парадигмы, Леер старался продемонстрировать, что они во всём ей следовали. Он утверждал, что кампании 1870–1871 гг. ещё раз подтвердили значение наполеоновской стратегии, но кампанию 1866 г. замалчивал, поскольку она не слишком укладывалась в рамки предзаданной схемы. Свечин, помимо обвинения Леера в том, что у того был собственный «придворный штат фактов», впоследствии утверждал, что в глазах Леера «факты также бывают паиньки и бунтари...». Если последние требовали мыслительного прорыва, то лееровская «доктринёрская мысль от них отворачивается и игнорирует их»³⁹⁵.

Может быть, ещё хуже было то, что произведения Леера в 1890-е гг. приобретали всё более метафизический характер, одновременно всё дальше уходя от практической сферы. Пусть введённое Леером понятие оперативного направления представляло собой шаг вперёд по сравнению с прежним, более механистическим понятием оперативной «линии», но оставалась проблема

³⁹³ Записки стратегии / Сост. [Г. А.] Леер. С. 1.

³⁹⁴ Бескровный Л. Г. Очерки по источниковедению военной истории России. С. 378; ср.: Von Wabde, A Pioneer of Russian Strategic Thought, 4–5.

³⁹⁵ Стратегия в трудах военных классиков. Т. II. С. 273.

приложения идеалистических принципов Леера к изучению военного искусства офицерским корпусом, который был невысокого мнения о философии. Сам Леер, очевидно, полагал, что стратегия как наука не слишком годится для её преподавания в академической атмосфере. В своём «Методе военных наук» (1894) Леер утверждал, что принципы действуют вне зависимости от условий и обстоятельств, но при поисках решения конкретных проблем следует опираться на более осязаемые отправные точки. Последние Леер называл «правилами» и «нормами», подчёркивая их условный характер и предупреждая, что они уместны только в данных ситуациях³⁹⁶. Проблема заключалась в том, что Леер так никогда всерьёз и не занялся миром конкретных правил и норм, в результате чего его теория стратегии учила русских офицеров, *какие* задачи они должны решать, но не учила, *каким образом*. Итог был трагичен: те офицеры, которые принимали взгляды Леера всерьёз, покидали штабную академию лишь с частичным пониманием стратегии, а практическую сторону своего образования были вынуждены завершать под огнём на полях Маньчжурии³⁹⁷.

Тем не менее, наследие Леера оказалось вполне основательным. Он не только заложил основы современной теории операций, но и подхлестнул интерес к дальнейшему развитию стратегической теории и военной истории. Его труды переводились и читались в военных кругах других европейских стран, а его взгляды были достаточно влиятельны и противоречивы для того, чтобы у него появились и последователи, и враги. Возможно, самым верным учеником Леера был Е. И. Мартынов, капитан Генерального штаба, издавший в 1894 г. свой труд «Стратегия в эпоху Наполеона и в наше время». Хотя Мартынов не отличался лееровской приверженностью к прецеденту и признавал, что каждая эпоха способна породить свои собственные уникальные военные институты и практики, он призывал не придавать слишком много значения технологическим достижениям как движущей силе, обеспечивающей эволюцию военного искусства. Неуклюжесть массовых армий, наряду с усложнением и чрезвычайно расширившимися масштабами военных операций, делают современный военный инструмент более грубым по сравнению с наполеоновской эпохой. Армия Наполеона была рапирой, а современная армия — это дубинка. Таким образом, Мартынов вынужденно признавал концепцию эволюции, даже если она означала деградацию. Кроме того, Мартынов осознавал необходимость в командирах, которые бы разбирались и в теоретической, и в практической стороне войны. Наряду с повышением профессионализма Мартынов усматривал потребность в едином понимании метода и намерения, которое бы позволило командирам

³⁹⁶ Русская военно-теоретическая мысль... С. 273–274.

³⁹⁷ Герца А. В. После войны. О нашей армии. СПб., 1907. С. 6–7.

и их подчинённым выполнять общие задачи, используя массовые армии, разбросанные по колоссальным оперативным театрам. Тем не менее Мартынов представлял себе будущую войну преимущественно в наполеоновском духе, когда операции в рамках театра развёртываются поэтапно, в конце концов приводя к «грандиозному генеральному сражению, в котором, на общем фронте в 50–60 вёрст, столкнётся и будет несколько дней сражаться миллионная людская масса...». Главное командование будет руководить ими на поле боя «так же, как на театре войны, т. е. посредством одних только директив»³⁹⁸.

Мартынов, вероятно, являлся и анонимным автором серии статей «Мысли о технике войн будущего», которые в 1893 г. печатались в «Военном сборнике». Эти статьи имеют существенное значение по двум причинам: во-первых, это та степень, в которой они своеобразно отражают признание «будущей войны» как законной аналитической категории, и во-вторых, та степень, в которой на них по-прежнему сказывается неискоренимое влияние Наполеона. Хотя различные русские авторы и прежде рассматривали некоторые аспекты технологических и организационных изменений, автор данных статей стремился свести отдельные фрагменты в последовательную серию прогнозов о природе будущей войны в рамках целого театра военных действий. Он видел, что новые технологии и колоссальные полевые армии ставят перед командующими ряд вызовов, начиная от возросших требований к разведке и заканчивая новыми методами обучения и резко увеличившейся потребностью в припасах. Автор понимал требование Мольте о том, чтобы ходить врознь и сражаться вместе, но интерпретировал его в том смысле, что командир, стремящийся к успеху, должен достигнуть «возможный выигрыш средств, сил и времени». Ответ на эту задачу заключался в поиске постепенных решений тех проблем, которые видоизменяли (но не сразу и не радикально) общепринятую парадигму стратегии как ведения войны на уровне театра. Таким образом, в глазах этого анонимного автора, стратегия определяла военные действия на военном театре, вследствие чего не возникало особой необходимости в том, чтобы искать за пределами театра новые связи или оригинальные ответы на настоятельные военные требования³⁹⁹.

Новые течения

Ещё когда наполеоновская парадигма достигала вершин влияния, Леер и последователи Жомини попали под перекрёстный огонь — со стороны не только приверженцев в обличье историков, но и со стороны исследовате-

³⁹⁸ Мартынов Е. И. Стратегия в эпоху Наполеона и в наше время. СПб., 1894. С. 272.

³⁹⁹ Мысли о технике войн будущего // Военный сборник. Т. 211. № 5. Май 1893. С. 38 (цитата), 39; Т. 212. № 8. Август 1893. С. 222–223 и др.

лей-любителей. Уже в 1870 г. взгляды Леера на научно обоснованную стратегию получили резкий отпор в русской научной печати. К 1890-м гг. его труды регулярно подвергались пристальной критике, причём по иронии судьбы многие из его наиболее влиятельных противников либо черпали поддержку из тех самых процветавших военно-исторических исследований, о которых сам Леер всегда высказывался с большим одобрением, либо возводили к ним свои интеллектуальные корни.

Не все были согласны со стремлением Леера проводить чёткое размежевание в смысле подходов, определений или географии, и один из самых серьёзных вызовов бросали ему те мыслители, которые активно противостояли условностям, пересекая междисциплинарные рубежи в поисках взаимосвязей между политикой и войной. В 1892 г. И. С. Блюх, варшавский банкир и военный историк-любитель, приступил к новаторскому исследованию взаимоотношений между социально-экономической инфраструктурой государства и его способностью к ведению войн. В отличие от приверженцев «сокрушения», которые рассматривали войны 1870–1871 гг. и, в меньшей степени, 1877–1878 гг. как образцы будущей молниеносной войны, Блюх представлял себе будущие войны как дорогостоящие и затяжные схватки, которые в конце концов приведут к полному истощению сражающихся сторон. Так в зародышевой форме возникло сложное представление о связях между сражающимся фронтом и штатским тылом, которое, постепенно развиваясь, превратилось в основу для стратегии истощения (или «измора»; по-немецки — *Ermattungsstrategie*) в качестве альтернативы для стратегии уничтожения. Работа Блюха при содействии А. К. Пузыревского, военного историка и начальника штаба Варшавского военного округа, к 1898 г. разрослась до пятитомного компендиума, изданного на русском в Санкт-Петербурге⁴⁰⁰.

Блюх со своими идеями нашёл в столице империи лишь немногих заинтересованных слушателей. Один из них, А. П. Агапеев, открыто критиковал тех военных авторов, которые по-прежнему рассматривали военные вопросы «как нечто замкнутое, обособленное, не имеющее непосредственной связи с общегосударственными учреждениями и независимое от духа времени и политической жизни всего общества». Подполковник А. А. Гулевич, ещё один сторонник Блюха и преподаватель Академии Генерального штаба, шёл ещё дальше, утверждая, что «конечный исход решительной войны зависит не только от совершенства орудия борьбы и искусства его употребления... но и... от жизнедеятельности государственного строя вообще, от его способности выдерживать продолжительную борьбу и в течение её содержать достаточно сильную и могущественную вооружённую силу». Гулевич полагал,

⁴⁰⁰ Русская военная мысль... С. 99–100.

что вследствие появления массовых кадровых и резервных армий исход будущих войн будет решаться не мощными ударами на поле боя, а непрерывной и длительной вооружённой борьбой. Поэтому решающим элементом в современной войне является мощь социоэкономической инфраструктуры государства, то есть той основы, которая определяет способность государства участвовать в продолжительном вооружённом конфликте⁴⁰¹. Далее Гулевич делал вывод, впоследствии также нашедший сторонников, о том, что явная экономическая отсталость России в реальности является её силой, поскольку неурядицы продолжительной войны окажут намного меньший эффект на аграрное общество, чем на более развитое индустриальное. Впрочем, Гулевич предупреждал, что недоразвитая оружейная промышленность России и слабая железнодорожная сеть повлекут за собой серьёзные затруднения в случае участия страны в какой-либо будущей европейской войне⁴⁰².

Возникновение военной истории

Прямой и косвенный вклад А. К. Пузыревского как историка в интеллектуальные искания 1890-х гг. позволяет судить о той степени, в какой институционально поддерживавшаяся военная история обязана своим происхождением и большинству первоначальных успехов увлечениям того периода. Несмотря на отсутствие последовательной официальной санкции, и эрудиты, и приверженцы узких интересов сходились на том, что лишь история во всём её богатстве даёт проникательному исследователю достаточно материала для того, чтобы в необходимой полноте выявить скрытые тенденции и ритмы, присущие любой сфере познания, и тем самым заложить основы военной науки. Неудивительно, что в развитии русской военной историографии в течение 1890-х гг. и в первые годы XX века преобладали взаимоисключающие мнения по поводу верного соотношения между неизменными законами и изменяющимися обстоятельствами. Дискуссии о природе и смысле военной истории не только привели к возникновению «академической» и «русской» школ военной мысли и истории, но и подтолкнули к всевозможным оригинальным исследованиям, результаты которых остаются весьма познавательными даже в конце XX века⁴⁰³.

⁴⁰¹ Русская военная мысль... С. 101–102; Гулевич А. А. Война и народное хозяйство // Военный сборник. Т. 239. № 1. Январь 1898. С. 60–61.

⁴⁰² Гулевич А. А. Война и народное хозяйство // Военный сборник. Т. 241. № 6. Июнь 1898. С. 300–301, 308–309.

⁴⁰³ О зарождении двух этих школ см.: Золотарёв В. А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. С. 21–29; Бескровный Л. Г. Очерки военной историографии России. С. 185–188, 203–269.

Исторические исследования представляли собой важный отправной пункт для критики взглядов Леера, в частности, вследствие самой природы этой новой дисциплины. В ту эпоху, когда исследователи пытались познать неизменные секреты военного искусства, они, естественно, обращались к истории военного дела как к сумме военного опыта и знания, поскольку и то, и другое могло пригодиться при создании подлинной военной науки. Сменивший Леера в качестве начальника Николаевской академии Генерального штаба генерал Н. Н. Сухотин таким образом резюмировал настроения, преобладавшие в военно-исторических исследованиях: «Раскрытие общих черт в деятельности великих полководцев и в военном искусстве в разные эпохи составляет главную цель военно-исторической науки, которая при таком результате и является плодотворным драгоценным фундаментом для прочих отделов военной науки»⁴⁰⁴.

Для военных историков — и тогда, и сейчас — проблема была в том, насколько широкие обобщения можно делать, опираясь на отдельные исторические факты. Самые осторожные наблюдатели крайне аккуратно оценивали ту степень, в которой историческое открытие может быть использовано во имя трансцендентальных заключений. А. К. Пузыревский, нападая на выборочное использование Леером исторических фактов, писал в 1896 г.: «В истории военного искусства нет эпохи, которая не имела бы научного значения; времена наибольшего упадка военного искусства так же поучительны, как и времена широкого развития всех элементов, только изучая те и другие, можно уяснить причины, способствовавшие развитию военного искусства...»⁴⁰⁵.

В руках Пузыревского и группы талантливых военных историков, включая Д. Ф. Масловского, Н. Ф. Дубровина, А. З. Мышлаевского и А. Н. Петрова, военная история превратилась в важный инструмент критики, использовавшийся для обличения Леера и его сторонников с их приверженностью к «академическому» подходу, который порождал только сухие формулы и бессмысленные обобщения. Хотя аргументация формулировалась в научных терминах, одной из главных проблем, поставленных на кон, была русская национальная гордость. Установка на Наполеона и его интерпретаторов, само собой, вела к забвению русской военной традиции, и в серии смелых исследований, относящихся к 1890-м и началу 1900-х гг., зарождающаяся «русская школа» предприняла решительную попытку восстановить историческую справедливость. Её представители стремились не только доказать, что русское военное искусство не отстает от западного, но и продемонстрировать, что в некоторых отношениях оно даже превосходит западные достижения⁴⁰⁶.

⁴⁰⁴ Цит. по: Русская военная мысль... С. 148.

⁴⁰⁵ Цит.: Там же. С. 149.

⁴⁰⁶ *Von Wahlde, Military Thought in Imperial Russia, 100–112.*

Петров вообще утверждал, что образцом для русских должен оставаться Суворов, а не Мольтке⁴⁰⁷.

Их работа в одних отношениях была более продуктивной, чем в других. Она помещала русское военное развитие в контекст русской истории, а также вновь пробудила интерес к достижениям Петра I, П. А. Румянцева, А. В. Суворова и прочих великих русских полководцев. С подачи русской национальной школы Суворов снова стал считаться равней Наполеону. Дубровин и прочие издавали документальные исследования и монографии с подробным изучением кампаний и свершений конкретно Суворова. Это течение возродило исследования того типа, которые с подачи Милютина начались полувеком ранее и кульминацией которых стало эпохальное издание «Суворов в исследованиях профессоров Николаевской академии», осуществлённое Академией Генерального штаба. С того времени в любых военных текстах, вне зависимости от убеждений их авторов, максимы Суворова соседствовали с изречениями Наполеона⁴⁰⁸.

Но ещё одну иронию судьбы можно увидеть в том, что исследования русской школы вели к тому же самому военному тупику, за который справедливо критиковали представителей академической школы. Ни та, ни другая школа так и не произвели ничего, пригодного для систематического применения. Национальная школа подчёркивала партикуляризм, даже пропагандируя значение русского военного искусства. При этом оставался вопрос — каким образом понимание русского военного искусства может быть применено на поле боя? Русская военная история создавала полезный контекст, но даже хороший исторический текст едва ли мог стать серьёзным непосредственным подспорьем для офицера, которому предстоит сражение. Да и саму историю не всегда удавалось вполне увязать со стратегией, подтверждением чему было существование в Николаевской академии отдельных кафедр стратегии и военного искусства. Тем не менее посредством ограниченных исследований тактики история в конце концов внесла ценный вклад в развитие тактической теории. На едва оперившуюся военно-историческую дисциплину просто взвалили большой груз, чем была в состоянии вынести её молодая спина.

Деятельность Н. П. Михневича в молодости

Одним из самых ярких пятен в обширной картине интеллектуального разнообразия, порой смахивающего на хаос, было явление в самом конце XIX в. Н. П. Михневича, всерьёз занявшегося синтезом русской военной мыс-

⁴⁰⁷ *Vob Wahlde*, A Pioneer of Russian Strategic Thought, 5.

⁴⁰⁸ *Von Wahlde*, Military Thought in Imperial Russia, 112–113.

ли. К концу 1890-х гг. Михневич уже зарекомендовал себя как военный аналитик и историк, опубликовав за предыдущее десятилетие несколько статей о кавалерии и партизанских операциях, а затем в 1892 г. возглавил кафедру истории русского военного искусства в Академии Генштаба. После этого из-под его пера одна за другой вышли две эпохальные монографии: «Значение германо-французской войны 1870–1871 гг.» (русское издание — 1892 г.), и «Влияние новейших технических изобретений на тактику войск» (русское издание — 1893 г.). Как и в написанной Михневичем энциклопедической статье «Операции», в этих работах отразилось неослабевающее влияние Леера, заметное во вступительном заявлении о том, что войны — явление вечное и что законы и принципы военного искусства в своей основе являются «наполеоновскими». Но во всём этом заметны проблески чего-то нового, того, что уже начинало проявляться у многих учеников Леера, включая Мартынова. Речь идёт о понимании, как впоследствии выразился Агеев, того, что «явления, с которыми война имеет дело и с которыми она должна считаться, подвергаются постоянным изменениям» и что «почти каждая эпоха имеет своё отличное от других военное искусство»⁴⁰⁹.

В первой книге, дав обзор самым распространённым концепциям мобилизации, сосредоточения, стратегического развёртывания, тыла и стратегического направления, Михневич исследует зависимость войны от социально-экономических факторов. Как он полагает, современные войны «следует начинать с серьёзными историческими целями, чтобы обеспечить высокое нравственное настроение народа и войск». С этой перспективы он рассматривает как войны за объединение Германии, так и вторжение Наполеона в Россию. По мнению Михневича, победа в войне зависит от обеспечения «социальных преимуществ», включая превосходство в численности, вооружении, экономики, интеллекте и боевом духе. Михневич делает вывод о том, что «применение пара, электричества, значительное усовершенствование огнестрельного оружия, новая система комплектования, новая организация армий и т. п. важные факторы на войне должны были повлиять на решение многих вопросов в области стратегии и тактики»⁴¹⁰. Последнюю тему он раскрывает во второй книге, утверждая, что новые технологии изменяют тактику, увеличивая продолжительность битвы и расширяя её масштабы, в то же время повышая значение огнестрельного оружия, сотрудничества различных родов войск, эффективного использования рельефа и применения инженерных средств⁴¹¹.

⁴⁰⁹ Агеев А. Военно-теоретические взгляды Н. П. Михневича // Военно-исторический журнал. № 1. Январь 1975. С. 91.

⁴¹⁰ Цит. там же. С. 91–92.

⁴¹¹ Михневич Н. П. Влияние новейших технических изобретений на тактику войск. СПб., 1893. С. 119–122, 144–146.

Хотя Михневич ставил серьёзные вопросы, он не стал вместе с грязной водой теории выплёскивать лееровского научного ребёнка. Так, выступая в 1899 г. перед офицерами санкт-петербургского гарнизона и флота, Михневич указывал на потребность в хорошо обоснованной военной науке, в то же время призывая к своевременному пересмотру её направленности, сущности и содержания, в первую очередь включая взаимоотношения между военной наукой и другими науками. Он относил военную науку к общественным наукам и подчёркивал, что её цель — изучение «законов победы», принципов военного искусства и способов их применения в конкретных реальных условиях. В противоположность установке Леера на философский идеализм Михневич особо выделял материальные основы военной науки, указывая, что законы и принципы представляют собой «широкие эмпирические обобщения, выведенные из множества фактов», и сохраняют условное значение, но в то же время не был вполне готов полностью отказаться от акцента Леера на неизменные принципы. Всё же, в отличие от Леера, который рассматривал стратегию как сущность военной науки, Михневич понимал последнюю как философию военного дела и проводил тесные взаимосвязи между ней и теорией военного искусства. Он подчёркивал необходимость рассматривать военную науку как науку прикладную, которая помогает нацелить военную мысль на принятие верных решений⁴¹².

Вместо того, чтобы отрицать значение отдельных направлений, Михневич попытался обобщить их в новом труде о стратегии, в котором рассматривались главные элементы войны и компоненты военного искусства. Михневич позаимствовал из научного позитивизма представление о войне как о социальном явлении, а затем попытался выявить связи между экономическими структурами и ресурсами и ведением современной войны. Как и его предшественник Мартынов, Михневич в своей работе признаёт значение эволюции, но отдаёт должное новшествам, а не умаляет их. Стратегические операции он характеризует в соответствии с тремя типами: фронтальная атака, прорыв и оборона. Своё понимание стратегии он использует для наведения связей между фронтом и тылом, пытаясь показать, каким образом природа социальной и экономической инфраструктуры России влияет на способность страны к ведению войн. Михневич, как и Гулевич, считает аграрный характер России плюсом в будущей войне, поскольку страна будет менее подвержена серьёзным лишениям в случае продолжительного конфликта. Такое представление открывало возможность для проведения длительных оборонительных операций как прелюдии к продуманной мобилизации в по-

⁴¹² Агеев А. Там же. С. 92; Русская военная мысль... С. 90–92.

пытке перехватить инициативу и предпринять решающие наступательные операции⁴¹³.

Хотя Михневич пошёл дальше Леера, его работа вышла слишком поздно, чтобы оказать заметное влияние на действия русских в русско-японской войне. «Стратегия» Михневича в конечном счёте выдержала три издания, с исправлениями и дополнениями, в которых учитывались изменения, произошедшие после 1899 г. Идеи Михневича приобрели большее влияние после 1904 г., когда он недолгое время занимал должность начальника Николаевской академии (до 1907 г.), затем командовал дивизией и корпусом (1907–1911), и в конце концов стал начальником Главного штаба (1911–1917), всё это время продолжая читать лекции по стратегии. Книга Михневича оставалась основным учебником по стратегии не только для армии Российской империи в последние годы её существования, но и для Красной армии вплоть до 1926 г., когда появилась одноимённая работа, написанная А. А. Свечиным⁴¹⁴.

Теория тактики

На этом фоне интеллектуальных поисков развивались тактическая мысль и доктрина. В дополнение к ряду вышеизложенных философских вопросов серьёзное влияние на тактическую мысль и практику оказали два отдельных, но взаимосвязанных течения. Первое представляло собой размышления о влиянии технологических новшеств на будущие сражения. Как в России, так и в Западной Европе в течение 1880-х и 1890-х гг. новое оружие, использующее бездымный порох, подвергалось серьёзным полевым испытаниям, и обозреватели спешили делать выводы на будущее, отталкиваясь от всевозможных источников, начиная от комментариев и экстраполяций и заканчивая эмпирическими данными, полученными в ходе самих испытаний. Характерным примером первой тенденции служит анонимный автор «Военного сборника», который в 1891 г. отмечал, что «поражаемое пространство увеличится при этом на дальних дистанциях более чем два раза» и что «одно из вероятнейших изменений в характере будущих сражений следует отнести к более продолжительной и более тщательной подготовке боя дальним ружейным огнём». Далее он утверждает, что «всё чаще будут иметь случаи, когда пуля на близких дистанциях сьиграет

⁴¹³ Русская военно-теоретическая мысль... С. 35–37; *Pintner*, *Russian Military Thought: The Western Model and the Shadow of Suvorov*, 372–373.

⁴¹⁴ Советская военная энциклопедия. В 8-ми т. Т. 5. М., 1978. Статья «Михневич Николай Петрович».

роль штыка»⁴¹⁵. В 1892 г. К. И. Дружинин предсказывал, что использование оружия с бездымным порохом приведёт к тому, что будущие сражения будут состоять из отдельных атак, проводящихся частью вооружённых сил таким образом, который будет предвещать изменение характера самой битвы⁴¹⁶.

Попытки определить характер самих будущих битв, а также их подготовки и проведения, стали заметной темой в произведениях русских военных авторов 1890-х гг. В этом отношении серьёзным подспорьем для теоретиков стал взрыв интереса к военной истории, которым сопровождалось возникновение академической и русской школ военной историографии. А. М. Зайончковский сделал серьёзную заявку на выдающуюся карьеру, опубликовав в 1893 г. свой труд «Наступательный бой» — новаторский сравнительный анализ тактических наземных сражений. Он кропотливо восстановил ход третьего штурма Плевны, сражений под Ловчей и под Шейново в попытке выявить общие черты, которые могли бы объяснить успехи или неудачи русской армии в тактическом бою. Его работа и труд А. К. Пузыревского («Десять лет назад») изображали тактику прошлой эпохи в более ярком свете тщательного исторического анализа и стали опорой для тех, кто в духе позитивизма пытался найти в сражениях логику и те законы, по которым они происходили.

К концу столетия авторы, занимавшиеся теорией тактики, начали приходить к выводу, что военная история, или как минимум та часть военной истории, которая узко понималась как боевой опыт, обладает утилитарной ценностью. Все большее значение уделялось различным видам чужого тактического опыта, включая опыт Бурской войны, а также боевой истории самой России. В 1901 г. генерал-майор Н. А. Орлов написал, что «Ознакомление с истинным характером боя может быть достигнуто в мирное время только путём внимательного изучения военно исторических примеров»⁴¹⁷. Хотя логика сражений с трудом поддавалась выявлению, акцент на исторически обоснованный анализ сражений оказался вполне продуктивным, так как он научил тактиков делить сражения на отдельные этапы (два или три, в зависимости от расстояния и обстоятельств), включая сближение, наступление и (при её наличии) атаку⁴¹⁸. Эти и другие результаты постепенно проникли в тактическую литературу и уставы того периода.

⁴¹⁵ Г. Попытка к выяснению вероятнейшего значения малодымного пороха в полевом бою // Военный сборник. Т. 198. (В англ. издании ошибочно было указано «188». — *Прим. ред.*) № 4. Апрель 1891. С. 215, 223, 225.

⁴¹⁶ Мещеряков Г. П. Русская военная мысль... С. 268.

⁴¹⁷ Цит. там же. С. 269.

⁴¹⁸ См. «выученные уроки» соответственно в: Зайончковский А. Наступательный бой... С. 60, 66–67, 75, 81, 87; Пузыревский А. К. Десять лет назад. С. 225–228.

Вторым и очень крупным фрагментом той мозаики, которую представляло собой развитие тактики, были тяжёлые кирпичи прецедента. Два самые популярные руководства по тактике того периода принадлежали перу М. И. Драгомирова и полковника (впоследствии генерала) К. Н. Дуропа. Последний был преподавателем тактики в Николаевской академии, и его «Учебник тактики» выдержал в 1881–1901 гг. десять переизданий, став официальным учебным пособием в военных академиях и юнкерских училищах⁴¹⁹. И эта книга, и не менее популярный «Курс элементарной тактики» П. К. Гудим-Левковича откровенно основывались на классической работе Драгомирова. Труд самого Драгомирова оставался стандартом межвоенного периода, и, хотя автор пересмотрел его в 1881 г., учтя многие уроки турецкой войны, важнейшие тактические предположения Драгомирова в сущности оставались неизменными⁴²⁰.

Мало кто из обозревателей понимал, какую опасность несёт окостенение, связанное с наделением трудов Драгомирова и его учеников статусом военной классики, и уж совсем немногие видели, что новые ответы на тактические проблемы лежат рядом, дожидаясь, когда найдутся оригинальные мыслители, готовые взять их на вооружение. Одним из таких мыслителей был генерал И. П. Маслов, довольно рано начавший выступать против устоявшихся мнений, но долго остававшийся неслышанным. В 1888 г., высказываясь почти в той же самой струе, что и барон Л. Л. Зедделер до войны 1877–1878 гг., Маслов сетовал на то, что «для пользы дела надо окончательно отказаться от взгляда на цепь как на аксесуар или щупальцы сомкнутого строя, — понятия, усвоенного тактиками со времени Наполеоновской эпохи; пора смотреть на неё как на главную боевую силу, а на сомкнутые части — как на запас этой силы». В отличие от Драгомирова, который требовал искать тактические решения посредством физической массовости и импульса, Маслов считал необходимым делать ставку на войска в разомкнутом строю, вносящие опустошения в ряды врага в первую очередь огнём: «При настоящем могуществе хорошо направляемого беглого ружейного огня, последний стал обладать несравненно более разрушительной силой, чем натиск сомкнутой пехоты или кавалерии»⁴²¹. По мнению Маслова, задача резервов заключалась либо в усилении разомкнутого строя, либо в развитии успеха на главном направлении атаки⁴²².

⁴¹⁹ Тактика. Подробный конспект для военных и юнкерских училищ / Сост. К. Н. Дуроп. В 2-х ч. СПб., 1886.

⁴²⁰ Мещеряков Г. П. Русская военная мысль... С. 264, 269; краткий обзор позднейших тактических идей Драгомирова см.: Драгомиров М. Конспект лекций по тактике // Военный сборник. № 9. Сентябрь 1912. С. 1–28.

⁴²¹ Маслов И. Исследование о средствах к уменьшению потерь в войсках от пехотного огня // Военный сборник. Т. 183. № 10. Октябрь 1888. С. 325.

⁴²² Мещеряков Г. П. Русская военная мысль... С. 270.

Как ни интересны были умозаключения Маслова, его метод, пожалуй, имел большее значение, по крайней мере в долговременном плане. В 1887 г., опираясь на итоги обширных полевых испытаний, Маслов провёл и опубликовал сравнительный анализ воздействия стрелкового огня с использованием чёрного и бездымного пороха на цели в зависимости от дистанции. Испытания показали, что малокалиберное оружие, использующее бездымный порох, продемонстрировало своё решающее превосходство в точности стрельбы, прямолинейности траектории и скорострельности⁴²³. Годом спустя, отталкиваясь от этих результатов и указывая на необходимость рассматривать их вместе с выводами, основанными на боевом опыте, Маслов кропотливо обосновал превосходство тактики разомкнутого строя в бою против войск, оснащённых оружием с бездымным порохом. Вместо того, чтобы опираться в своих построениях на интуицию, эмпирические экстраполяции или ограниченный личный опыт, Маслов сознательно пытался применять аналитические методы, основанные на теории вероятности, корпусе эмпирических данных и серьёзном боевом опыте, что заметно по его основательным военно-историческим исследованиям⁴²⁴. Так в зачаточной форме проявилась первая серьёзная междисциплинарная попытка заглянуть в туманное будущее при содействии более точных математических, эмпирических и исторических методов. К несчастью для русской пехоты, подход Маслова не оказал сколько-нибудь значимого непосредственного воздействия.

Тактические пехотные уставы

Официальная доктрина, несмотря на мощное прямое и косвенное влияние Драгомирова, в некоторых отношениях иногда даже обгоняла коллективную мудрость традиционных учебников. В целом доктрина пыталась учитывать повысившуюся плотность огня, увеличивая ширину фронта и глубину построения частей, призывая к более эффективному использованию укрытий и стараясь как можно меньше подставлять атакующую пехоту вражескому стрелковому и артиллерийскому огню. Короче говоря, несмотря

⁴²³ Маслов И. О свойствах пехотного огня и о средствах к развитию его силы // Военный сборник. Т. 174. № 3. Март 1887. С. 87, 117–118.

⁴²⁴ Хотя Маслов широко использовал эмпирические данные, он недвусмысленно заявлял: «Если при помощи двух этих могущественных источников исследования [опыт и математический анализ. — Б. М.], мы убеждаемся в справедливости вывода, сделанного нами из истории военного искусства, то такой вывод приобретает ценность почти абсолютной истины и мы получаем возможность познать самую причину явления». См. его первую статью: Исследование о средствах к уменьшению потерь в войсках от пехотного огня // Военный сборник. Т. 183. № 9. Сентябрь 1888. С. 61; в своей следующей статье Маслов активно опирался на исторический анализ Пузыревского.

на картину стагнации, изображаемую многими комментаторами, особенно западными, в действительности русская армия активно старалась усвоить самые осязаемые уроки, полученные в ходе русско-турецкой войны. Однако ограниченность творческих способностей, присущая крупной организации, бремя традиций и инерции, а также реальные или мнимые проблемы управления и координации препятствовали каким-либо кардинальным изменениям в теоретической и прикладной тактике. В период с 1881 по 1904 гг. русские трижды видоизменяли свою тактическую доктрину. В ретроспективе мы не сделаем особого преувеличения, если скажем, что несовершенный процесс размышлений, наблюдений, исканий и предположений стал для русской армии даже более плодотворным, чем для армий других европейских государств. Проблема была в том, что даже эти новшества не поспевали за параллельным процессом глубоких изменений в технологии и организации. Что ещё хуже, любые попытки русских приспособиться к новым реалиям меркли на фоне их поразительной приверженности культу штыка и рукопашной схватки.

Первые новшества принёс 1881 год. Уже в начале 1879 г. Комитет по устройству и образованию войск принял решение о том, что новый тактический устав должен решать две главные задачи: какие формирования, передвижения и тип огня способны нанести наибольший ущерб врагу и какие шаги следует предпринять, чтобы снизить потери от вражеского огня, особенно в случае атаки укреплённых позиций⁴²⁵. Хотя война подтвердила действенность пехотной атаки, опыт Плевны и Горни-Дубника был слишком очевиден, чтобы его игнорировать: атаки требовали куда более серьёзной подготовки и более аккуратного управления и координации, чем ранее считали теоретики. Для снижения потерь в атакующих частях явно требовалось иное соотношение между сомкнутым и разомкнутым строем. В то же время налицо было достаточно свидетельств, подтверждающих значение штыка при непосредственном соприкосновении с врагом. Но атакующему следовало действовать более осмотрительно, или, как впоследствии писал Михневич, цитируя Б. фон-Шеллендорфа: «Как прежде, так и теперь пуля и штык будут действовать совместно, хотя в настоящее время пуля оказывается далеко не “дурой”, а штык “молодцом” лишь при известных условиях»⁴²⁶. В новом уставе 1881 г., среди прочего следовало осветить, каковы же эти обстоятельства.

В уставе отразилось убеждение комитета в том, что от любых плотных построений следует отказаться и что основной атакующий строй следует сделать более глубоким, увеличив как промежутки между шеренгами, так

⁴²⁵ Great Britain War Office, *The Armed Strength of Russia* (1882 ed.), 257.

⁴²⁶ Михневич Н. Влияние новейших технических изобретений на тактику войск. С. 65.

и число шеренг. Поэтому в уставе рекомендовалось, чтобы пехота для атаки развёртывалась в стрелковую цепь, «строить (войска) в цепь с ротными и батальонными резервами»⁴²⁷. Более того, в уставе требовалось, чтобы стрелковая цепь и её подкрепления были организованы как единое тактическое формирование в противоположность прежнему подходу, при котором в стрелковую цепь выстраивалась только стрелковая рота.

Вследствие повысившейся убойной силы нарезного оружия бойцам как в цепи, так и в линейном строю не следовало подставляться под огонь в качестве крупной мишени; при всякой возможности они должны были пользоваться укрытиями, либо окапываясь, либо используя особенности местности. Хотя установка на разомкнутый строй решала проблему стрельбы в сомкнутом строю, отныне бойцов приходилось учить точной стрельбе на большей дистанции (максимум 800–900 шагов). В новом уставе также признавалась необходимость индивидуального прицельного огня с неподвижных позиций, но подтверждалось первоочередное значение залпового огня во всех случаях, когда он мог принести практическую пользу. Устав требовал во избежание потери огневой дисциплины «везде, где окажется возможным и уместным, стрельбу залпами следует употреблять предпочтительно»⁴²⁸.

В уставе 1881 г. пехотная атака разделялась на две фазы — сближение и собственно атаку. Приближение включало в себя передвижение частей и их развёртывание на расстоянии более чем в 800 шагов от врага — очевидно, что Комитет по устройству и образованию войск считал это расстояние дистанцией, на которой возможен точный стрелковый огонь. Оказавшись на такой дистанции от противника, батальонным и ротным командирам следовало изучить местность и ситуацию, а затем выстроить части в боевые порядки. Для роты такой боевой порядок представлял собой стрелковую цепь плюс резерв — последний сохранял сомкнутый (но не плотный) строй. Батальон обычно выстраивался в две шеренги, по две роты в каждой. Каждая рота в первой шеренге высылала вперёд стрелков и создавала собственный ротный резерв, а две роты во второй шеренге составляли батальонный резерв. В обычных условиях полноценная рота могла иметь ширину фронта в 250 шагов, а батальон (с фронтом в две роты) — около 500 шагов⁴²⁹.

После развёртывания в стрелковую цепь и резерв войска вступали в первую зону атаки, которая включала в себя местность на расстоянии от 200 до 800 шагов до врага. В пределах этой зоны пехотная стрелковая цепь дви-

⁴²⁷ *Бескровный Л. Г.* Очерки по источниковедению военной истории России. С. 355.

⁴²⁸ *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX веке. С. 150–151.

⁴²⁹ Соответствующая ширина фронта получалась при среднем интервале между соседними бойцами в 1,16 шага! См.: Great Britain War Office, *The Armed Strength of Russia* (1882 ed.), 258 (note).

гальсы вперёд разомкнутым строем, укрываясь где и как только возможно и приближаясь к цели перебежками, предпочтительно по 100–150 шагов за один раз. Наступая, стрелки оказывали сами себе поддержку, ведя прицельный стрелковый огонь по цели. С началом атаки резерву следовало сформировать линейный строй примерно в 500 шагах позади стрелков, имея в виду, что расстояние между резервом и стрелками будет постепенно сокращаться, поскольку с приближением к вражеским позициям стрелки будут залегать всё чаще. Тем временем ротному резерву предстояло возмещать потери в рядах стрелков и либо непосредственно поддерживать наступление огнём, либо предпринять фланговую атаку⁴³⁰.

Оказавшись примерно в 200 шагах от врага, наступающая пехота попала во вторую зону атаки — участок штурма; одновременно с этим резерв подходил ближе, также ведя огонь по врагу. Если вражеский огонь заметно ослабевал, в штыковую атаку могли устремиться одни только стрелки, а за ними следовал резерв. Если же, напротив, ослабления вражеского огня не наблюдалось, стрелковой цепи предписывалось продолжать огонь, пока не подойдёт резерв. Затем резерв переходил в наступление быстрым шагом с сохранением строя, и когда он догонял стрелков, звучал приказ «В атаку!». На этот раз все бойцы поднимались на ноги и шли вперёд в стремительную штыковую атаку. Предпочтительным вариантом штыковой атаки был непрерывный и быстрый рывок навстречу врагу. «Малейшее колебание, нерешительность, а тем более какая бы то ни было остановка может повлечь за собой громадные потери и иметь гибельные последствия», — предупреждал устав⁴³¹. За успешной атакой следовало по крайней мере огневое преследование. Хотя в уставе довольно много места посвящалось фронтальной атаке, в нём также подчёркивалось значение фланговых атак и охватывающих манёвров.

Не только атакующие, но и обороняющиеся могли извлечь ограниченную пользу из новой установки на ведение огня. Устав 1881 г. советовал войскам, обороняющим позицию, «извлечь из огнестрельного действия наибольшую пользу, потрясти огнём наступающие войска и затем встретить удар ударом»⁴³². По возможности обороняющимся следовало занимать траншеи, вырытые таким образом, чтобы создать двойную линию огня — то есть земля из траншеи отбрасывалась назад, где из неё получалась низкая насыпь, за которой размещалась вторая шеренга, в то время как первая занимала

⁴³⁰ Там же. С. 260.

⁴³¹ Цит. по: *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX веке. С. 151. (Бескровный здесь и далее цитирует «Инструкцию для действия роты и батальонов в бою 1881 г.», включённую в устав в качестве особого раздела. — *Прим. ред.*)

⁴³² Там же.

траншею. Интересно, что пехота даже на открытой местности отныне считалась достаточно сильной для того, чтобы выдержать кавалерийские атаки, не строясь в каре для ведения круговой обороны. После того, как атака была отбита, обороняющиеся немедленно готовились либо к отражению следующей атаки, либо к переходу в наступление⁴³³.

В ретроспективе видно, что устав 1881 г. включал по крайней мере два важных новшества по сравнению с прежними тактическими предписаниями. Первым являлась новая установка на ведение огня, которая фактически придавала стрелковому огню дополнительный статус в рамках ударного воздействия. Она также выражалась в том, что данный устав более осторожно подходил к атаке укрепленных позиций. Второе новшество заключалось в установке на совместные действия пехоты. Пешие бойцы лишились функционального разделения на стрелков и линейную пехоту. Отныне все пехотинцы должны были хотя бы отчасти использовать тактику и приёмы, прежде считавшиеся прерогативой стрелков⁴³⁴.

В том, что касается негативных сторон, в устав 1881 г. вошли худшие элементы той прееменности, против которой в конце 1880-х гг. выступал генерал Маслов. Даже после того, как тщательные полевые испытания начала 1880-х гг. убедительно продемонстрировали ошеломляющую убойную силу прицельного стрелкового огня в сражении, авторы доктрины так и не сумели взять быка за рога и осуществить действительно радикальные изменения. Отказ от сомкнутого строя снижал возможности по управлению войсками, а нежелание признавать иной строй, кроме разомкнутого, по видимости, лишь усугубляло не только это затруднение, но и проблему согласования взаимно противоречащих требований массовости и рассредоточения⁴³⁵.

Несколько дополнительных положений, изданных в 1880-е и 1890-е гг., обращались к более старым вопросам, которые начинали получать своевременное внимание благодаря урокам русско-турецкой войны. Первое из них предусматривало сапёрное обучение пехотных частей с целью более тщательно подготовить их к новым требованиям боя, включая строительство полевых укреплений. Отныне каждый солдат нёс в бой шанцевый инструмент, а обучение его использованию с наибольшей выгодой и в атаке, и в обороне, предполагалось проводить целыми воинскими частями. Кроме того, серьёзное внимание уделялось ночным атакам. Успешные действия под Карсом ознакомили русских с преимуществами хорошо подготовленной ночной атаки, позволяющей пехоте действовать в условиях, когда дневная атака обре-

⁴³³ Great Britain War Office, *The Armed Strength of Russia* (1882 ed.), 262.

⁴³⁴ Cp. John A. English, *A Perspective on Infantry* (New York, 1981), 4–8.

⁴³⁵ Маслов. Исследование о средствах к уменьшению потерь... С. 60.

на на провал из-за необходимости преодолевать открытые пространства⁴³⁶. Оставался открытым вопрос — насколько удачно русские воспользуются этими знаниями.

Переход на оружие с использованием бездымного пороха вынудил в 1895 г. создать специальную комиссию во главе с генералом Н. Н. Сухотиным для пересмотра пехотного устава 1881 г. Однако, за исключением мелких поправок, сухотинский проект устава — даже после переиздания в 1897 г. — повторял многие из основных положений устава 1881 г. Те различия, которые попали в печать, были явно основаны на представлении об увеличившейся дальности и убойной силе винтовок, использующих бездымный порох, и полевой артиллерии. Так, хотя пехотная атака по-прежнему производилась в два этапа (наступление и собственно атака), в проекте пехотного устава 1895 г. предписывалось выстраивание в тактические боевые порядки на большем удалении от врага. При действиях на открытой местности против врага, оснащённого артиллерией, части начинали перестроение из походных в тактические порядки на дистанциях вплоть до 5 000 метров. На расстоянии в 2 000 шагов — крайней дистанции дальней винтовочной стрельбы — передовые пехотные роты размыкали строй и продолжали наступление. На расстоянии в 1 000–1 400 шагов от врага батальонные и ротные командиры окончательно определяли диспозицию и доводили атаку до завершения⁴³⁷.

На этом этапе пехотная атака проводилась согласно образцу, установленному в 1881 г., за тем исключением, что в уставе 1895 г. ещё большее значение придавалось огневой поддержке с использованием винтовок. Ротам и батальонам по возможности следовало формировать специальные группы огневой поддержки, назначение которых заключалось в создании огневой основы для содействия наступлению стрелков и резервов. Эти группы, именуемые «огневыми батареями», должны были вести непрерывный огонь, подавляя врага, до тех пор, пока в зоне этого огня не окажутся свои наступающие части. В этот момент резервы смыкались с подвижной огневой цепью стрелков и устремлялись на штурм вражеских позиций, примкнув штыки⁴³⁸.

⁴³⁶ Обзор мнений, высказанных в нашей военной литературе по разным военным вопросам за 1877–1879 годы // Военный сборник. Т. 133. № 4. Апрель 1880. С. 420–421; Юнаков Н. Ночной бой: Тактическое исследование // Военные беседы, исполненные в штабе Гвардии и Петербургского военного округа в 1887–1888 гг. Т. V. 1888. С. 67–68.

⁴³⁷ Great Britain War Office, Intelligence Division, *Handbook of the Military Forces of Russia* [For Official Use Only] (London, 1898 ed.), 146–147; ср.: Адамовский. Влияние малокалиберного оружия и бездымного пороха на действия артиллерии в бою // Военные беседы, исполненные в штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа в 1892–1893 гг. Т. XIII. 1893. С. 127–128.

⁴³⁸ Н. В. Д.-в. Наши боевые инструкции и наставления // Военный сборник. Т. 241. № 5. Май 1898. С. 98.

Однако к концу столетия уже не все офицеры были согласны с разумностью явно поверхностных попыток комиссии Сухотина пересмотреть уставы, а назначение Куропаткина на должность военного министра воспринималось как подтверждение взглядов тех, кто усматривал необходимость в принципиальном изменении пехотного устава. Вследствие этого Куропаткин назначил новую комиссию под председательством престарелого генерала Драгомирова. Именно уставом, разработанным этой комиссией, руководствовалось командование русских сухопутных войск на Дальнем Востоке в ходе русско-японской войны. Устав Драгомирова был издан в 1900 г., исправлен в 1902 г. и вошёл составной частью в устав полевой службы, вышедший в 1904 г. накануне войны с Японией⁴³⁹.

В уставе полевой службы 1904 г. предполагалось, что новая скорострельная артиллерия с наибольшей эффективностью будет поражать цели на открытом пространстве, особенно пехоту, наступающую без прикрытия в походном строю. Поэтому в уставе требовалось, чтобы пехота, оказавшаяся в радиусе действия артиллерии противника (на расстоянии в 2,5–3 км), перестраивалась в боевой порядок. Перестроение следовало прикрывать и поддерживать своей артиллерией, которая открывала контрогонь, подавляя вражеские батареи. Когда командир дивизии отдавал приказ к атаке, командирам пехотных полков следовало развернуть их в боевые порядки и наметить цели для подчинённых батальонных командиров. Задача последних состояла в захвате намеченных целей с наименьшими возможными потерями во время преодоления зоны эффективного артиллерийского огня (от 3 до 2 км от цели) и зоны стрелкового огня (от 2 800 до 300 м от цели)⁴⁴⁰.

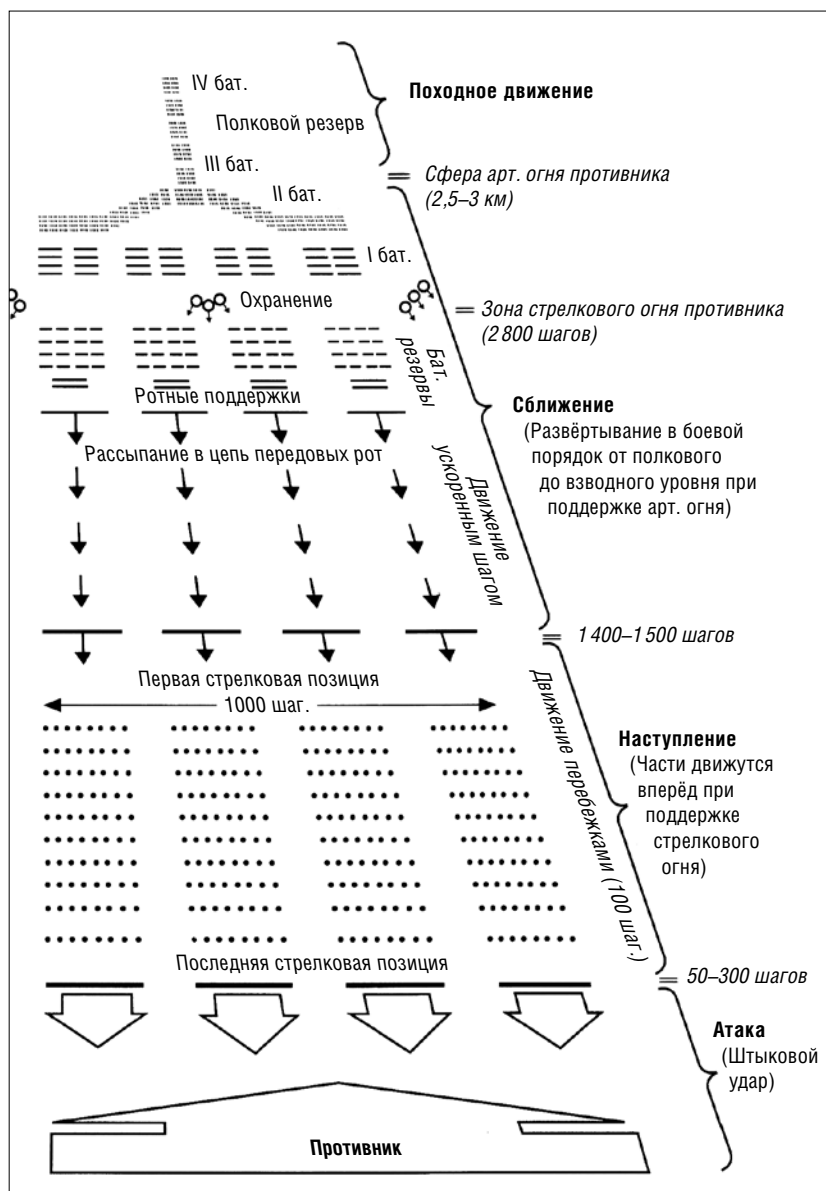
Согласно полемому уставу, наступательное сражение делилось на две фазы в зависимости от расстояния до цели. Как и прежде, первая фаза называлась наступлением, вторая — атакой. В ходе первой фазы пехота должна была оказаться в непосредственной близости от врага, готовясь ко второй фазе — штыковой атаке. Во время наступления полк выстраивался так, что один батальон задавал направление атаки, а остальные батальоны координировали его действия с первым. Пехота в зоне дальнего стрелкового огня (2 500–2 000 м от врага) шла вперёд сомкнутым строем; её фланги и фронт прикрывали стрелки, задачей которых была защита основного строя на расстоянии в 300–500 шагов от него⁴⁴¹.

Когда атакующая пехота оказывалась менее чем в 2 000 м от врага, передовые роты принимали боевое построение и продолжали наступление быстрым шагом. Боевое построение батальона предусматривало, что только

⁴³⁹ Бескровный Л. Г. Очерки по источниковедению военной истории России. С. 358.

⁴⁴⁰ Корсун Н. Г., Харкевич П. Х. Тактика русской армии... С. 236.

⁴⁴¹ Great Britain War Office, Intelligence Division, *Handbook of the Russian Army*, 3rd ed., 162.

Пехотный полк в наступлении. 1904

Источник: Развитие тактики русской армии. М. 1957

передовые роты развёртывались в разомкнутый строй боевых частей; те части, которые составляли общий резерв, сохраняли сомкнутый строй. Задача общего резерва заключалась в восполнении потерь боевых частей и обеспечении массовости при штыковой атаке⁴⁴². Первые боевые части занимали позиции лишь на расстоянии в 1 400 шагов от врага. Дальнейшее передвижение производилось в разомкнутых стрелковых цепях, перебежками, с последовательным занятием позиций. В уставе 1900 г. предписывалось движение вперёд взводами, а затем, в непосредственной близости от врага — отделениями. В зависимости от ситуации и обстоятельств, примерно половина отделений или взводов оставалась на данной позиции, поддерживая рывок оставшихся сил к следующей позиции ближе к врагу. Как только передовые боевые части занимали позицию, они прикрывали огнём передвижение следующих частей. Длительность перебежек составляла максимум 100 шагов, в зависимости от обстоятельств и условий местности. В случае плотного вражеского огня наступление следующих боевых частей могло осуществляться отделениями, а при необходимости — даже поодиночке⁴⁴³.

Последняя боевая позиция находилась не более чем в 300 шагах от цели, а если позволяли обстоятельства, даже ближе, но в любом случае на таком расстоянии, которое войска могли преодолеть одним рывком. Как только последняя позиция была занята, атакующим следовало поднять темп огня до крайнего предела с целью оказать максимальный подавляющий эффект. Одновременно общий резерв смыкался с боевыми частями, чтобы усилить атаку своей массой. Когда, по мнению пехотных командиров, огонь противника ослабевал в достаточной степени, чтобы дальнейшее наступление оказалось успешным, они поднимали всё боевое построение в штыковую атаку. Во время атаки и боевые части, и резерв должны были тесно сплотиться вокруг своих командиров, чтобы массированность атаки обеспечила прорыв вражеской позиции⁴⁴⁴.

Ведущие советские исследователи критиковали этот устав за безнадёжное отставание от технологических достижений, однако ему нельзя не дать положительную оценку при сравнении как с прежними уставами, так и с современной ему европейской тактической доктриной. Действительно, Драгомиров и его комиссия недооценивали влияние бездымного пороха на военное дело, но такая близорукость была присуща практически всем. Тем не менее русский пехотный тактический устав 1900 г. действительно представлял собой реальный шаг вперёд по сравнению с уставом 1881 г. и был, возможно,

⁴⁴² Воинские уставы для пехоты. Варшава, 1902. С. 147, 151.

⁴⁴³ *Корсун Н. Г., Харкевич П. Х.* Тактика русской армии... С. 236–237.

⁴⁴⁴ Там же. С. 237.

самым передовым уставом того времени⁴⁴⁵. И хотя Драгомирова неоднократно упрекали за приверженность к устаревшему культу штыка, русская армия была не одинока: ни одна другая европейская армия не мыслила успешного штурма вражеских позиций без помощи штыковой атаки. Что касается русских, то если прогресс можно измерять расстояниями, то за срок в тридцать с лишним лет дистанция штыковой атаки сократилась с 1000 до 300 шагов. Это, наряду с требованиями использовать особенности местности и разделением наступательного боя на конкретные этапы, вносило свой вклад пусть в постепенное, но в прогрессивное развитие тактических предписаний и практики того периода.

Однозначно положительным также было уделявшееся в драгомировском уставе отнюдь не голословное внимание к обороне. Обороняющимся войскам предписывалось занимать не только траншеи, но и давно изжившие себя люнеты и редуты. Перед оборонительной позицией бойцам следовало соорудить передовую линию и оборудовать любые препятствия, какие только уместны в данной ситуации. Большое значение придавалось тому, чтобы затруднить врагу определение истинного положения оборонительной позиции: для этого её полагалось либо умело замаскировать, либо выстраивать так, чтобы она сливалась с окружающей местностью. Как и в случае наступления, войска разделялись на боевые части и резерв⁴⁴⁶.

В целом для пехотной тактической доктрины в 1900 г. были характерны те же проблемы, которые в своё время так беспокоили генерала Маслова. Даже в разомкнутом строю образца 1900 г. предписанные интервалы между атакующими — полтора шага — были слишком малы, чтобы ощутимо снизить потери от массированного артиллерийского и стрелкового огня. В уставах и учебниках мало внимания уделялось встречному сражению, вызванному столкновением двух войск на марше. Сам бой мог начинаться с передачи большинства сил в резерв и прощупывания обороны противника боевыми частями для выявления её слабых мест. Если огонь противника был чересчур плотным, то к тому моменту когда боевые части занимали последнюю стрелковую позицию, до трёх четвертей общей численности боевого построения могло быть израсходовано на усиление боевых элементов, и лишь одна четверть оставалась в качестве общего резерва для обеспечения массированности заключительной штыковой атаки. При этом на начальной стадии атаки, когда боевые части обычно имели меньшую численность, нежели общий резерв, острый атаки оставалось без огня большинства винтовок всего боевого построения. Что ещё хуже, как только всё боевое построение втягивалось

⁴⁴⁵ Там же. С. 239.

⁴⁴⁶ Воинские уставы для пехоты. С. 152.

непосредственно в сражение, не имелось надёжного способа сделать так, чтобы командиры мелких частей в пылу боя не потеряли контроль за своими бойцами⁴⁴⁷.

Не все оставались глухи к проблемам, встающим в связи с использованием новых технологий в современном бою. В то время как полевые уставы воплощали в себе триумф постепенного продвижения в духе Драгомирова, один анонимный русский офицер писал в 1903 г., что проект устава полевой службы «не в полной мере отвечает современным требованиям боя». Он полагал, что проект устава не только «недостаточно подчёркивает решающее значение огня», но и «не обращает должного внимания на чрезвычайную трудность фронтальных атак». Далее — «Как следствие сего» проект устава «уделяет мало места обходам и охватам, тогда как к ним придётся прибегать очень часто»⁴⁴⁸. Но какими бы пронизательными ни были эти замечания, едва ли они могли рассчитывать на сочувственное внимание в обстоятельствах, когда сам царь признавался, что испытывает страх перед военным авторитетом Драгомирова.

Артиллерийская тактика

Другим недостатком полевого устава 1904 г. было отсутствие должного внимания к вопросу сотрудничества различных родов войск во время боя. В уставе лишь мимоходом отмечалось значение общевойсковых операций, но почти не предлагалось конкретных шагов по обеспечению более эффективного взаимодействия пехоты, артиллерии и кавалерии. Соответственно, многие из тех проблем, которые преследовали русскую армию в 1870-е гг., снова проявились в первые годы XX века. А главные причины оставались теми же: стремительный темп технологических изменений просто обгонял способность артиллеристов и кавалеристов к сотрудничеству с пехотой путём пересмотра доктрины и методов обучения в ответ на новые, нередко поразительные тактические реалии.

За исключением вновь прозвучавшего в 1880-е гг. требования повысить уровень офицерской подготовки, тактическая мысль в отношении артиллерии, по видимости, впала в ступор, из которого вышла лишь в 1890-е гг., когда последствия перемен стало уже невозможно игнорировать. Одним из немно-

⁴⁴⁷ Корсун Н. Г., Харкевич П. Х. Тактика русской армии... С. 239–240.

⁴⁴⁸ Н. К. По поводу проекта устава полевой службы и наставления для действия в бою отрядов из всех родов оружия // Военный сборник. № 6. Июнь 1903. С. 79 (указанные замечания относились к части устава — *Проект наставления для действия в бою отрядов.* — Прим. ред.).

гих исключений из этой тенденции был А. Баумгартен, уже 1887 г. написавший серию статей для «Военного сборника», в которых утверждал, что «в будущих войнах сражения должны завязываться артиллерией». Более того, он полагал, что «успехом вступительной артиллерийской борьбы определяется дальнейший ход боя». Баумгартен считал, что вплоть до достижения решающих результатов в артиллерийском сражении командиры даже не должны начинать пехотную атаку⁴⁴⁹. Но эти взгляды не снискали особой популярности ни у пехотинцев, ни у артиллеристов.

Одна из проблем состояла в том, что артиллеристов следовало убедить, что оружие, использующее бездымный порох, бросает им ещё больший вызов, чем пехотинцам. В условиях радикально изменяющейся технологии артиллеристам предстояло разработать методы использования оружия, обладающего большей дальностью, точностью боя и убойной силой, при том, что сами они становились более уязвимыми для того же самого оружия. В сущности, новая технология вынуждала их искать новые решения для старых проблем выбора и перемены огневой позиции, управления огнём, наблюдения и массирования огня. Каким бы образом ни решались эти проблемы, по словам Баумгартена, одно было ясно наверняка: «Можно сказать, что при новом порохе занятие артиллерией открытых позиций равносильно самоубийству»⁴⁵⁰.

Ключевыми проблемами при непрерывной эволюции артиллерийской тактики оставались вопросы защиты, управления огнём и его массирования. Очевидным путём защиты артиллерии было располагать её так, чтобы от вражеского наблюдения и огня её укрывала местность. Следовало изобрести новые прицелы и разработать новые методы для наведения орудий либо по компасу и карте, либо с помощью искусственных точек прицела (либо сочетанием двух этих методов). Кроме того, размещение артиллерии на закрытых позициях требовало разработки приёмов ведения огня с таких позиций с использованием удалённых корректировщиков, систем связи и сложных процедур управления огнём. В 1882 г. К. Г. Гук, преподаватель Михайловского артиллерийского училища, написал книгу о процедурах ведения огня с закрытых позиций, а в 1884 г. офицеры артиллерийской школы начали эксперименты с приёмами такого огня⁴⁵¹. Однако эти ранние инициативы далеко не сразу нашли применение на поле боя.

⁴⁴⁹ Баумгартен А. Современное положение вопроса об артиллерийских массах // Военный сборник. Т. 177. № 10. Октябрь 1887. С. 177.

⁴⁵⁰ Баумгартен А. Артиллерия в полевом бою // Военный сборник. Т. 194. (В англ. издании ошибочно было указано «184». — Прим. ред.) № 8. Август 1890. С. 344.

⁴⁵¹ Проблемы, связанные с ведением непрямого огня, описаны в: Bellamy, Red God of War, 28–30.

Аналогичным образом провозвестники нового артиллерийского регламента сталкивались с препятствиями при популяризации концепции массированного огня, достигаемого посредством централизованного управления. Теоретики признавали значение массированного огня, и уже на полевых манёврах 1887 г. три батареи 40-й артиллерийской бригады вели массированный огонь по имитациям вражеских целей. Однако, на пути у массовости, достигаемой путём централизации управления огнём, в течение какого-то времени стояли два соображения. Одним из них было убеждение в том, что новая тактика рассредоточения на поле боя требует большего рассредоточения и децентрализации и пехоты, и артиллерии. Вторым была практика вывода орудий из состава батарей и поспешного перемещения по полю боя ради оказания непосредственной огневой поддержки пехоте. Ни тот, ни другой принцип не смогли бы ужиться с идеей централизованного управления огнём⁴⁵².

Но невзирая на эти затруднения, благодаря произведениям Пука, Баумгартена и других авторов русские артиллеристы, по-видимому, прочно усвоили представление об изменении своей роли в бою. К середине 1890-х гг. они понимали, что именно артиллерия, как правило, начинает сражение; также они понимали, что роль артиллерии существенно возросла по сравнению с 1870-ми гг., когда она считалась лишь подспорьем для пехотных атак. Благодаря увеличению дальности и убойной силы нового оружия отныне от артиллерии требовалось не только поддерживать атаку, но и прикрывать развёртывание боевых частей и их приближение к цели. Для этого артиллерии следовало выполнить две задачи: подавить или заставить замолчать вражескую артиллерию, а после того, как пехота начала наступление, подавлять стрелковый огонь обороняющихся. Наблюдатели и практики, судя по всему, пришли к единому мнению относительно этих принципиальных требований, даже испытывая затруднения при разработке новых способов их выполнения⁴⁵³.

Достижение превосходства в огне было возможно лишь посредством массированности огня, и русские склонялись не к поиску новых методов, а к тому, чтобы найти организационное решение этой непростой проблемы. Больше — значит крупнее. Так, в 1890-е гг. русские артиллеристы создали артиллерийский дивизион, тактическую единицу из двух или более батарей в рамках артиллерийской бригады. Задача дивизиона заключалась в физическом массировании огня под руководством одного командира, который нёс ответственность за сосредоточение огня двух или больше батарей, бьющих по одной и той же цели⁴⁵⁴.

⁴⁵² Мещеряков. Русская военная мысль... С. 277–279.

⁴⁵³ Great Britain War Office, Intelligence Division, *Handbook of the Russian Troops in Asia* (London, 1890), 44–46.

⁴⁵⁴ Great Britain War Office, Intelligence Division, *Handbook of the Military Forces of Russia*, 2^d ed., 165–166, 168–169.

На этом фоне потенциальным светлым моментом для атакующих было принятие на вооружение в середине 1880-х гг. шестидюймовой мортиры. На основе не только сражений под Плевной, но и различных экспериментов и полевых испытаний русские определили тип оружия, его калибр и величину взрывчатого заряда, необходимые для разрушения полевых укреплений. Однако идея мортиры с большим трудом завоёвывала приверженцев. Как писал один автор, будучи генерал-майором, «но результат этот достался не дёшево: пришлось пожертвовать одним из важнейших свойств полевой артиллерии — *однообразием* материальной части, однообразным составом и организацией батарей»⁴⁵⁵. Когда же мортиры на передвижных лафетах появились в частях, мнения вновь разделились — на этот раз относительно того, следует ли включать их в структуру полевой артиллерии, и в результате орудия навесного огня оказались пасынками в глазах многих представителей артиллерийского истеблишмента.

Последним многообещающим новшеством было изобретение удовлетворительного неоптического прицела — угломера, дававшего возможность вести огонь с закрытых позиций из обычных орудий. Угломер, появившийся в 1902 г. и усовершенствованный в 1905 г., позволял артиллерийским офицерам вести быстрый и точный огонь из новых скорострельных трёхдюймовых полевых пушек с закрытых позиций. Хотя артиллеристы с неохотой применяли новую технологию на практике и во время полевых учений, она была в их распоряжении на тот случай, если обстоятельства потребуют изменения привычек⁴⁵⁶.

Кавалерийская тактика

Но как ни различались взгляды на использование артиллерии, теоретики и авторы доктрины были ещё менее едины в своих представлениях о современном применении кавалерии. Хотя такие примеры, как действия передового отряда Гурко, показывали, что кавалерия может эффективно использовать свою мобильность, выступая в качестве стратегической разведывательной и ударной силы, консервативное мнение упрямо отстаивало традиционную роль кавалерии как тактического ударного оружия. При отсутствии сколько-нибудь долговечной единой доктрины развитие кавалерии происходило в двух почти противоположных направлениях.

⁴⁵⁵ Генерал-майор *Потоцкий*. Последние нововведения и предложения в полевой артиллерии // Военные беседы, исполненные в штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа за 1892–1893 гг. Т. XIV. 1893. С. 67–68. (Выделение курсивом автора цит. — *Прим. ред.*)

⁴⁵⁶ *Bellamy*, Red God of War, 30.

В течение какого-то времени тон задавал созданный Гурко прецедент. В соответствии с мнениями, сложившимися до 1877–1878 гг., когда уже начало подчёркиваться стратегическое значение кавалерии, кавалерийская организация упростилась, а число частей увеличилось, в то время как кавалеристов обучали и конному, и пешему бою. Пророком новых порядков оставался Н. Н. Сухотин, серьёзно изучавший действия кавалерии в американской гражданской войне; в 1877 г. он служил в штабе у Гурко, а к концу века сменил Лее-ра на посту начальника Николаевской академии⁴⁵⁷. Сухотин и другие теоретики, включая Михневича, понимали, что с увеличением размеров современных армий и их зависимости от разведки, баз снабжения и железных дорог, перед конным войском встают новые возможности для рейдов и других диверсионных операций. Армии и корпуса в процессе сосредоточения, развёртывания и марш-манёвра навстречу противнику нуждались в глазах (разведка) и защите (создание заслонов и обеспечение безопасности). С учётом усложнения современной войсковой организации арьергарды неожиданно стали ещё более заманчивой целью для кавалерийских рейдов⁴⁵⁸. Стремительные атаки на ключевые железнодорожные узлы могли расстроить продуманные планы мобилизации и развёртывания. Уже 1870 гг. Н. Н. Обручев питал очевидную уверенность в том, что в случае войны либо с Германией, либо с Австрией Россия может выиграть время для мобилизации, в самом начале конфликта нарушив вражеские железнодорожные перевозки⁴⁵⁹.

В 1880-е гг. представления Сухотина и Обручева о кавалерии как о пешотной ударной силе, посаженной на коней, временно одержали верх, в результате чего русская кавалерийская тактика и принципы развёртывания подверглись серьёзным изменениям. Гусары и уланы превратились в драгун, от пик отказались в пользу винтовок и штыков. Боевой дух резко упал, когда кавалерийские части были переведены на запад, а офицеры и нижние чины поменяли кивера и живописные мундиры на невзрачную драгунскую форму⁴⁶⁰. В кавалерийском уставе для спешенного строя 1884 г. содержалась целая глава, посвящённая «индивидуальному обучению действиям в разомкнутом

⁴⁵⁷ Сухотин Н. Американская конница // Военный сборник. Т. 175. № 5. Май 1887. С. 97–99; ср.: *Luvaas, The Military Legacy of the Civil War*, 112–113; *McElwee, The Art of War: Waterloo to Mons*, 153–159.

⁴⁵⁸ Михневич Н. П. Партизанские действия кавалерии в 1812 и 1813 годах // Военные беседы исполненные в штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа в 1887–1888 гг. Т. IV. 1888. С. 265–266. (См. также: Сухотин Н. По поводу деятельности русской кавалерии // Военный сборник. Т. 124. № 12. Декабрь 1878. С. 219–270. — Прим. ред.)

⁴⁵⁹ См.: Драгун. Заметки о коннице // Военный сборник. Т. 129. № 2. Февраль 1888. С. 281–294. (В англ. издании ошибочно указано «Т. 179». — Прим. ред.); Сухомлинов. Воспоминания. С. 13, 53, 62.

⁴⁶⁰ Керсновский А. А. История русской армии. Ч. 3. С. 504–505. (По изд.: М., 1993. Т. 3. С. 18, 20. — Прим. ред.)

строю»⁴⁶¹. Одновременно в Варшавском военном округе был сформирован кавалерийский корпус для выполнения стратегических задач в случае европейской войны⁴⁶².

Вследствие институциональной инерции вопрос о том, в какой степени русская кавалерия реально усвоила эти радикальные изменения, остаётся открытым. Хотя драгун учили бою в спешенных порядках, кавалерийские уставы по-прежнему основное внимание уделяли конным сражениям, особенно против вражеских кавалерийских частей. В том случае, если русская кавалерия столкнётся либо с пехотой, либо с артиллерией, следовало приложить все усилия к проведению конной атаки либо с фланга, либо с тыла. Новым технологиям делалась лишь небольшая уступка — в уставе начала 1880-х гг. рекомендовалось не повторять неудачные атаки против пехоты более трёх раз «вследствие возрастающей уверенности пехоты и многочисленных препятствий в виде павших людей и лошадей»⁴⁶³. В 1890 г. британские авторы, изучавшие русский кавалерийский устав, пришли к выводу, что «спешенная тактика допускалась лишь в виде исключения»⁴⁶⁴.

Против создания кавалерии драгунского типа выступало более глубинное, консервативное течение мысли. Приверженцы старых обычаев так и не смирились с заявлениями о том, что классическая кавалерия в стиле пруссака Зейдлица и француза Нея мертва. В течение всех 1880-х и 1890-х гг. апологеты прежних порядков отмечали, что ни французам, ни немцам не удавалось удовлетворительно использовать кавалерию на полях сражений в 1870 г. по причине отсутствия нормальных кавалерийских лошадей. Противодействие взглядам Сухотина и Обручева окрепло в 1890-е гг. с назначением великого князя Николая Николаевича-младшего генеральным инспектором кавалерии⁴⁶⁵. Как отмечал один комментатор по прочтении русского кавалерийского устава 1896 г., великий князь «с того момента активно участвовал в руководстве этим родом войск в подлинно кавалерийском духе», вследствие чего «кавалерийские операции как таковые снова вышли на первое место, в то время как действия в спешенных порядках лишились того преувеличенного значения, которое им придавалось прежде»⁴⁶⁶.

⁴⁶¹ Воинский устав пешего строя кавалерии. СПб., 1884. С. 55–65.

⁴⁶² Дружинин К. Исследование стратегической деятельности германской кавалерии в кампанию 1870 года, до сражения Марс-ла-Туре включительно // Военные беседы исполненные в штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа в 1896–97 гг. Т. XIX. 1897. С. 19.

⁴⁶³ Great Britain War Office, *The Armed Strength of Russia* (1882 ed.), 264.

⁴⁶⁴ Great Britain War Office, Intelligence Division, *Handbook of the Russian Troops in Asia*, 44.

⁴⁶⁵ Bruce W. Menning, «The Deep Strike in Russian and Soviet Military History», *Journal of Soviet Military Studies*, vol. 1. no. 1 (April 1988), 20.

⁴⁶⁶ *Extracts from the New Drill Regulations of the Russian Cavalry*, trans. L. C. Scherer (Washington, D. C.), 1898, 3–4.

В более поверхностном плане это назначение великого князя привело к тому, что ежегодные смотры, проводившиеся в Красном Селе, приобрели форму грандиозных передвижений крупных конных масс, совершаемых не по команде, поданной голосом, а только по взмаху сабли. Один из участников этих смотров отмечал, что они производят внушительное впечатление, «но в боевом смысле не имеют какого-либо решающего значения». Великий князь был известен как педант; основной предмет забот для него составляли «внешний вид и порядок в формировании», а полевые упражнения лишь второстепенный⁴⁶⁷.

Под эгидой Николая Николаевича кавалерийские уставы были переписаны; отныне акцент в них делался на мастерстве верховой езды и владении холодным оружием в ущерб спешенным действиям с использованием огнестрельного оружия. Кавалерийский атакующий строй состоял из двух или четырёх шеренг сомкнутого либо разомкнутого типа. Атака на вражескую кавалерию производилась крайне энергично, в сомкнутом строю, в то время как при действиях против пехоты первая шеренга обычно атаквала в разомкнутом строю, а вторая и третья шеренги — в сомкнутом строю. При возможности первая шеренга начинала атаку на расстоянии в 400–800 шагов от врага, а её предпочтительной целью являлся вражеский тыл или фланг. При отсутствии прикрытия кавалерия развёртывалась на расстоянии в 2 300 м от пехоты, пересекала ничейное пространство «полевым галопом», а на расстоянии в 100–150 шагов от врага переходила в атаку⁴⁶⁸. В уставе уделялось явно недостаточное внимание поправкам, которые требовалось внести в кавалерийскую тактику в связи с тем, что пехота в рассеянном виде перестала быть скученной мишенью для классической кавалерийской атаки. В своей работе о тактике, написанной в 1890-х гг., К. Н. Дуроп признавал, что пехота в бою более не использует плотные линейные построения, и поэтому рекомендовал, чтобы «...боевой порядок кавалерии, готовящейся атаковать пехоту, должен принять прерывчатую форму»⁴⁶⁹.

В условиях хронически консервативного отношения к кавалерии от внимания теоретиков и авторов кавалерийской доктрины фактически ускользнули два важных вопроса: конная разведка и необходимость в изменении фокуса организационных усилий в соответствии с эволюцией крупных полевых формирований. При том, что отныне части занимали большую ширину фронта и передвигались по более обширным пространствам, конкретные требования рекогносцировки превышали возможности традиционных кавалерийских подразделений.

⁴⁶⁷ Нурод Ф. М. Прожитое. Машинопись без даты // Hoover Institution Archives, P. 61–63.

⁴⁶⁸ *Extracts from the New Drill Regulations of the Russian Cavalry*, 54–55; Great Britain War Office, Intelligence Division, *Handbook of the Military Forces of Russia*, 2^d ed., 158–159.

⁴⁶⁹ Мещеряков Г. П. Русская военная мысль... С. 277.

лерийских частей. В 1891 г. Военное министерство попыталось решить эту задачу, создав разведывательные отряды из четырёх человек в каждом полку и батальоне. Хотя теоретики сходились на том, что для разведки требуются бойцы, обладающие особыми талантами, мало кто уделял внимание проблемам связи и использования этих отрядов как в рамках материнских частей, так и применительно к традиционной кавалерии вообще⁴⁷⁰.

Хотя создание конных разъездов давало частичный ответ на повышенные требования, предъявлявшиеся к разведке, на значительно увеличившихся полях сражения и резко расширившихся оперативных театрах приходилось выполнять всё больше миссий кавалерийского типа. Уже в 1893 г. один анонимный автор указывал, что для решения всех задач разведки полковые разъезды следует увеличить до 8 офицеров и 200 рядовых⁴⁷¹. При таком состоянии дел даже в России с традиционно обильной кавалерией никакого сочетания регулярных войск, резервов и казаков не хватало для обеспечения всех тактических и стратегических потребностей. Несмотря на преобладание консервативных взглядов, доктрина требовала наличия и армейской, и войсковой кавалерии, причём первая предназначалась для стратегических, а последняя — для тактических целей. Однако, стандартного распределения одиночных 24-эскадронных кавалерийских дивизий по всем армейским корпусам было недостаточно для удовлетворительного выполнения ни той, ни другой задачи. Соответственно, несмотря на огромные расходы на кавалерию, армия Российской империи не могла адекватно ответить на расширенные требования, предъявляемые к коннице⁴⁷².

Общевойсковые операции

В то время как кавалерия продолжала испытывать серьёзные проблемы, приспосабливаясь к новому тактическому порядку, обусловленному изменением технологии, растущее значение артиллерии вынуждало многих обозревателей уделять внимание вопросу общевойсковых действий, имеющих целью повышение боевой эффективности. Уже в 1880-е гг. генерал Н. И. Коханов предлагал даже в мирное время подчинять артиллерийские батареи командирам пехотных и кавалерийских дивизий. Его предложение вызвало бурную дискуссию на страницах «Военного сборника» и ежедневного издания русской армии «Русский инвалид»: разгневанные артиллерийские офицеры с негодованием отвергали перспективу в мирное время подчиняться

⁴⁷⁰ Янушкевич Н. Н. Состояние вооружённых сил России... С. 26. Об общей проблеме разведки см.: *Thomas G. Fergusson, British Military Intelligence, 1870–1914* (Frederick, Maryland, 1984), 156.

⁴⁷¹ Мысли о технике войн будущего // *Военный сборник*. Т. 211. № 6. Июнь 1893. С. 271.

⁴⁷² *Певнев А. Войсковая конница и её боевое использование*. М., 1926. С. 5–6.

офицерам других родов войск. Другие авторы утверждали, что пехотные и кавалерийские командиры научатся применению артиллерии на войне, если в мирное время посвятят себя изучению свойств, возможностей и использования артиллерии⁴⁷³.

Несмотря на враждебность, которую испытывали друг к другу различные рода войск, русские в 1890-е гг. уделяли повышенное внимание общевойсковым действиям. Один из авторов, В. Н. Свяцкий, утверждал, что «...успех на войне главным образом достигается совместной работой всех трёх родов оружия». И у нас есть доказательства того, что офицеры отнюдь не только на словах отдавали должное концепции общевойсковых операций. Ежегодные манёвры предоставляли возможность для сплочения различных родов войск. Помимо этого, по крайней мере, некоторые офицеры пытались разработать приёмы, способствующие укреплению сотрудничества. Например, некий капитан Мухин на основе данных, полученных при экспериментах с артиллерией, разработал метод, позволяющий артиллерии и пехоте проводить совместные учения в условиях реального артиллерийского огня⁴⁷⁴.

Проблема сотрудничества и координации различных родов войск влекла за собой смежный вопрос управления сражением. В литературе того периода наибольшее внимание управлению войсками в бою уделялось в работе генерала Дуропа. Среди русских он был одним из первых, кто описал, каким образом офицеры могут поощрять проявление инициативы в рамках достижения общей цели. Дуроп указывал, что с этой целью командиры должны развивать в своих подчинённых умение правильно понимать как общий контекст, так и конкретную ситуацию, чтобы точно и своевременно дать подчинённым полное представление о ситуации, а также обеспечивать непрерывную связь между командирами, подчинёнными, и командирами соседних частей⁴⁷⁵.

Учения и манёвры

В период 1881–1904 гг. учения и манёвры отражали в себе самые разнообразные подходы и интересы, представляя собой важный ключ к пониманию того, что можно было ожидать от армии Российской империи в грядущих боях. В наихудшем варианте на учениях и манёврах сильнее всего сказывалось чрезмерное внимание престола к внешним проявлениям мили-

⁴⁷³ См., например: *Сулькевич М. А.* Тактическая подготовка полевой артиллерии // Военный сборник. Т. 244. № 11. Ноябрь 1898. С. 154–157.

⁴⁷⁴ *Мещеряков Г. П.* Русская военная мысль... С. 280–281; *Гареев М. А.* Общевойсковые учения. С. 57–58.

⁴⁷⁵ *Дуроп К.* Тактика. Ч. 2. С. 17–20.

таристского фетишизма. В лучшем случае они предоставляли командирам и войскам редкую возможность отработать в полевых условиях те приёмы и навыки, которые могли существенно повлиять на исход будущих сражений. Эпоха Александра III и Николая II демонстрирует множество примеров и того, и другого.

Одним из последних мероприятий, осуществлённых Д. А. Милютиным в должности военного министра, была разработка систематической ежегодной программы обучения войск, которая осуществлялась под надзором старших командиров. Согласно плану Милютина, обнародованному в 1881 г., учебный год делился на два периода — зимний и летний, причём и тот, и другой разбивались на более мелкие этапы. Летний цикл состоял также из двух крупных сегментов: первый посвящался обучению на различных уровнях от ротного до полкового, а второй — совместному обучению трёх родов войск⁴⁷⁶. Благодаря особому вниманию к последнему Военное министерство в 1894 г. могло доложить, что число войск, участвующих в совместных учениях, достигло более 90% общего состава трёх родов войск⁴⁷⁷.

Ежегодной кульминацией обучения служили либо малые, либо большие манёвры, в зависимости от масштаба участвующих в них сил. Манёвры резко отличались от учений: последние имели ограниченный размах, размер участвующих в них частей и характер поставленных задач. Командиры строго контролировали ход учений, выдавая учебные задания и предписывая методы их решения. Учения обычно проводились с участием мнимого противника, хотя иногда противостоящие друг другу силы были реальными. Напротив, в манёврах были задействованы крупные силы, они всегда носили двусторонний характер и проводились в обстоятельствах, позволяющих максимальную свободу действий. Чем дальше в прошлом оставался боевой опыт, тем манёвры приобретали всё большее значение, не только как средство для проверки готовности и уровня подготовки войск, но и как возможность оценить в полевых условиях влияние новых технологий, методов обучения и организации⁴⁷⁸.

Благодаря акценту на обучение, характерному для эпохи Александра III, учения и манёвры проводились всё чаще, по крайней мере до середины 1890-х гг. В 1885 г. Военное министерство учредило подвижные сборы для ознакомления войск с различными местностями. К 1894 г. в этих сборах участвовало две трети русской армии. В 1886 г. в армии были введены тактические учения пехоты с боевой стрельбой, а в середине 1890-х гг. иностранные военные атташе докладывали, что русские регулярно практикуются в на-

⁴⁷⁶ Очерк деятельности военного министерства... С. 81–83.

⁴⁷⁷ Янушкевич Н. Н. Состояние вооружённых сил России... С. 25.

⁴⁷⁸ Гиреев М. А. Общевойсковые учения. С. 57.

ступательных действиях в условиях, когда артиллерия ведёт огонь поверх голов. Наконец, с увеличением численности армии Военное министерство признало необходимость в проведении манёвров крупными частями, в том числе с участием резервных войск. Начиная с 1886 г. армия проводила крупные ежегодные манёвры, в которых были задействованы силы нескольких военных округов. Помимо ежегодных манёвров под Красным Селом, другие крупные манёвры проводились в военных округах поочерёдно, поскольку их непомерная стоимость (0,5 млн рублей) препятствовала проведению крупных ежегодных манёвров в каждом из военных округов⁴⁷⁹.

Общая картина, складывающаяся при обзоре крупных учений и манёвров, отличалась заметной неоднородностью — в частности, вследствие того, что приоритеты обучения менялись от округа к округу, невзирая на существование единообразных положений. Войска Варшавского военного округа, во главе которого стоял И. В. Гурко, регулярно проводили учения в холодную погоду, причиной чему был опыт зимней войны, полученный Гурко в кампаниях 1877–1878 гг. Некоторые командующие округов изматывали свои войска до полного изнурения, в то время как другие предпочитали беречь силу войск «для реальных сражений». Войска Драгомирова в Киевском военном округе уделяли меньше внимания прицельному стрелковому огню, чем отработке стремительной штыковой атаки. Нередкое присутствие императора в Красном Селе создавало такую атмосферу, при которой внешнему облику войск зачастую придавалось большее значение, чем реализму условий обучения⁴⁸⁰.

Вследствие этого и современники, и историки по-разному оценивали значение и результативность манёвров. Британские военные атташе отличались последовательной критикой в адрес учений и манёвров, проводившихся под Санкт-Петербургом, к которым имели относительно свободный доступ; им не разрешалось знакомиться лишь с картами учений и схемой коммуникаций. Тем не менее они были проницательными наблюдателями в том, что касалось оборудования, вооружения и их применения. Они отмечали быстрое перевооружение русских войск винтовкой Мосина⁴⁸¹, а также скорость и физическую выносливость войск, в которой имели возможность убедиться, следуя за маршевыми колоннами. С другой стороны, они крити-

⁴⁷⁹ Очерк деятельности военного министерства... С. 87–88; Никольский В. П. Военное дело в России при вступлении на престол Императора Николая II и перед войной 1904–05 гг. С. 40.

⁴⁸⁰ Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия... С. 40, 254–256, 265–268.

⁴⁸¹ Great Britain War Office, Intelligence Division, *Foreign Manoeuvres, 1893. Extracts from the Reports of Various Officers on the Manoeuvres in Austria, France, Germany, Italy, Russia and Servia* [Confidential] (London, 1894), 53–54; Great Britain War Office, Intelligence Division, *Foreign Manoeuvres, 1894. Extracts from the Reports of Various Officers on the Manoeuvres in Austro-Hungary, Belgium, Bulgaria, France, Germany, Italy, Roumania, Russia, Servia and Switzerland* [Confidential] (London, 1895), 152–153.

ковали командиров, у которых не получалось умело маневрировать своими войсками и находить наиболее выгодные артиллерийские позиции. Кроме того, они отмечали склонность русских недооценивать эффект стрелкового и артиллерийского огня⁴⁸². По их словам, артиллерийские офицеры предпочитали физически массировать свои орудия вместо того, чтобы массировать их огонь путём более совершенного управления им⁴⁸³. Они также полагали, что войскам поддержки и резервам свойственна тенденция «слишком поспешно смыкаться со стрелками, что ведёт к тяжёлым потерям»⁴⁸⁴. Британцы единодушно признавали стойкость русского солдата на поле боя при том, что ему не хватает личной инициативы, которая так ценилась в Западной Европе⁴⁸⁵.

Неудивительно, что многие из этих наблюдений отмечались различными историками и комментаторами, зачастую получая самую разную оценку. Например, П. А. Зайончковский подвергает манёвры в Красном Селе разгромной критике за характерную для них негибкость и чрезмерное внимание к внешнему облику войск. В то же время он обильно цитирует Куропаткина, критически отзывавшегося о своём собственном опыте манёвров⁴⁸⁶. М. А. Гареев, в 1980-е гг. возглавлявший Военно-научное управление советского Генштаба, в свою очередь, ставил в вину Зайончковскому не только выборочное цитирование Куропаткина, но и невнимание к положительной стороне опыта манёвров, полученного в царский период. Гареев признаёт, что, несмотря на множество серьёзных недостатков, «методика проведения учений и манёвров в этот период по сравнению с предыдущим получила значительное развитие»⁴⁸⁷.

Вне зависимости от вопроса о неоднозначной оценке учений, следует указать, что в опыте манёвров слышится по меньшей мере одна зловещая нота. В 1902 г. русская армия проводила крупные манёвры под Курском, ход и результаты которых имели важное значение для грядущей войны с Японией. В этих манёврах участвовали две «армии» — «Московская», в состав которой входили войска из Московского и Виленского округов под командованием великого князя Сергея Александровича, и «Южная армия», включавшая

⁴⁸² Great Britain War Office, Intelligence Division, *Foreign Manoeuvres, 1900. Extracts from the Reports of Various Officers on the Manoeuvres in Austro-Hungary, Belgium, France, Germany, Holland, Italy, Russia and Switzerland* [Confidential] (London, 1901), 91–92.

⁴⁸³ Great Britain War Office, Intelligence Division, *Foreign Manoeuvres, 1895. Extracts from the Reports of Various Officers on the Manoeuvres in Austria, Belgium, France, Germany, Italy, Roumania, Russia and Servia* [Confidential] (London, 1896), 10–12.

⁴⁸⁴ Great Britain War Office, Intelligence Division, *Handbook of the Russian Troops in Asia*, 42.

⁴⁸⁵ Great Britain War Office, Intelligence Division, *Foreign Manoeuvres, 1899. Extracts from the Reports of Various Officers on the Manoeuvres in Austro-Hungary, Denmark, Germany, Holland, Italy, Russia, and Switzerland* [Confidential] (London, 1900), 48.

⁴⁸⁶ Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия... С. 283–290.

⁴⁸⁷ Гареев М. А. Общевоинские учения. С. 62.

войска из Киевского и Одесского округов под началом военного министра Куропаткина (всего 165 батальонов, 85 эскадронов и 414 орудий)⁴⁸⁸. Куропаткин обладал общим численным превосходством; получив подкрепления, он мог выставить приблизительно 54 тыс. человек против 44 тыс. у великого князя. Перед Южной армией была поставлена задача наступать на север и взять Курск, а затем приготовиться к наступлению на Москву. Задача Московской армии заключалась в том, чтобы замедлить наступление Южной армии, после чего дать ей отпор.

Хотя Куропаткин нападал, с 27 по 29 августа он предпочитал занимать оборонительные позиции по реке Реут в ожидании необходимых подкреплений, чтобы возобновить наступление. Тем временем Московская армия выставила вперёд кавалерию и поддерживавшую её пехоту, чтобы сдерживать наступление Южной армии и подготовиться к охвату армии Куропаткина с левого фланга и с тыла. 30 августа великий князь предпринял скользящую атаку и демонстрацию против фронта войск Куропаткина на Реуте, одновременно отправив кавалерию и один армейский корпус произвести глубокий охват левого фланга Южной армии. Несмотря на то что силы Куропаткина медленно поддавались под лобовыми ударами Московской армии, задуманный великим князем охват был сорван размещёнными в глубине резервами Куропаткина и подходящими к нему подкреплениями. 31 августа фронт снова установился по Реуту. После однодневной паузы обе армии переместились к северу, заняв противоположные берега реки Сейм. 2 сентября великий князь медленно отступал перед превосходящими силами Куропаткина, и наконец, 3 сентября, в последний день манёвров, Южная армия прорвалась к орловско-курской железнодорожной линии⁴⁸⁹.

Курские манёвры были поучительны и в смысле выявленных тенденций, и в отношении упущенных возможностей. За исключением общего руководства, ни одна из сторон при изменении ситуации не дождалась уточнения или видоизменения задачи. Ни одной из сторон не выставлялись общие оценки по завершении того или иного этапа манёвров. Поскольку ни одна из армий так и не добилась абсолютного превосходства в силах, их успех оставался функцией ограниченных действий и постепенного изменения в соотношении сил в течение заданного времени⁴⁹⁰. Однако в первую очередь именно действия Куропаткина не сулили для русской армии ничего хорошего. Получив задание вести наступление, он отдал инициативу противнику, предпочитая ожидать подкреплений, а затем, вместо решительного

⁴⁸⁸ *Никольский В. П.* Военное дело в России при вступлении на престол Императора Николая II и перед войной 1904–05 гг. С. 40.

⁴⁸⁹ *Гареев М. А.* Общевоинские учения. С. 59–60.

⁴⁹⁰ Там же. С. 60.

перехода в атаку, медленно двигался вперёд, отказавшись от массированного использования кавалерии и держа крупные силы в резерве как гарантию на случай постоянно угрожающего охвата. Именно эти тенденции Куропаткин продемонстрирует два года спустя, командуя царскими армиями в Маньчжурии. К сожалению, японцы на Дальнем Востоке оказались куда менее снисходительным противником, чем русский великий князь под Курском. Когда М. И. Драгомиров, командующий Киевским военным округом, в начале 1904 г. узнал, что Куропаткин назначен главнокомандующим на Дальнем Востоке, престарелый знаток тактики отметил, что «это ему не Курские манёвры, где всякое шулерство сходит с рук»⁴⁹¹.

⁴⁹¹ Цит. по: *Сухолинов В. А.* Воспоминания. С. 101.

5. РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА, 1904–1905

Капитуляция Порт-Артура есть
пролог капитуляции царизма.

*В. И. Ленин*⁴⁹²

Война на Дальнем Востоке застала Россию врасплох. Из-за совокупности различных причин, включая презрение к азиатам, новизну военных задач на Дальнем Востоке, коррупцию в высокопоставленных кругах и проблему коммуникаций, российская армия и флот были совершенно не готовы воевать с японцами. Хотя русские начали колонизацию Сибири ещё в XVI веке, окно на Тихий океан было прорублено сравнительно недавно. Россия лишь в 1860 г. основала Владивосток, а в 1898 г. взяла на двадцать пять лет в аренду Порт-Артур и соседний Дайрен (по-русски — Дальний). Русским требовалось дополнительное время, чтобы укрепить свой аванпост на Дальнем Востоке, однако дело осложнялось неразворотливостью дипломатии, соперничеством великих держав и интересами коррумпированных политических и коммерческих слоёв, проникшими во внутренние круги императорского двора. В десятилетие, предшествовавшее войне, русские сперва старались не замечать рост японского могущества, а затем лишь с большой неохотой вступили с ним в соперничество. Так, даже после того, как японо-китайская война 1894–1895 гг. продемонстрировала поразительную доблесть японской армии, русские очень медленно отказывались от своих, по сути, расистских представлений о бездарности восточных народов. Частным образом царь называл японцев «бесхвостыми макаками». А официальный Санкт-Петербург

⁴⁹² Цит. по: *Сорокин А. И.* Оборона Порт-Артура. М., 1954. С. 3.

явно находил успокоение в мнении русского военного атташе в Японии, подполковника В. П. Ванновского, который в 1900 г. писал, что японцы в течение десятилетий, а может быть, целый век не имели армии с той «нравственной основой», на которой строятся современные европейские вооружённые силы. Вследствие этого японцы могут выстоять лишь против самых слабых европейских держав. Военный министр Куропаткин сопроводил этот анализ своим комментарием: «трезвый взгляд»⁴⁹³. В декабре 1903 г., когда полковник В. К. Самойлов, находившийся в составе русской дипломатической миссии в Токио, докладывал, что японская армия полностью готова к военным действиям, Куропаткин ответил на его сообщение: «Полковник Самойлов ошибается»⁴⁹⁴. Два месяца спустя японцы устроили свой «первый Пирл-Харбор», неожиданно атаковав русскую Тихоокеанскую эскадру, стоявшую на якоре в Порт-Артуре. Через год с небольшим русские признали победы японцев, подписав Портсмутский мир, по поводу которого один автор заметил: «кули превратились в завоевателей».

Планы и силы сторон

В чем же заключались причины русских неудач? Начать следует с того, что русские планы войны на Дальнем Востоке были неполными и часто изменялись. Офицеры Главного штаба начали процесс планирования лишь в 1895 г., когда японцы неожиданно заявили о себе как о военной державе. Впоследствии первоначальные наброски планов подверглись поправкам в 1901 и 1903 гг., отражая реалии изменяющейся военно-политической ситуации на Дальнем Востоке. С одобрения Куропаткина и адмирала Е. И. Алексеева, наместника на Дальнем Востоке, по варианту военного плана от 1903 г. в случае японского нападения предполагалось одновременно оборонять Порт-Артур и Владивосток и выставить заслоны за рекой Ялу, прикрывая сосредоточение сил в окрестностях Мукдена. Русские собирались постепенно наращивать свои силы для достижения численного превосходства, которое требовалось для успешного наступления. Завершить войну планировалось вторжением на собственно японские острова. Однако, помимо первоначального развёртывания сухопутных сил с целью ответить на японское сухопутное наступление, ни одна операция не была проработана детально⁴⁹⁵.

⁴⁹³ Русско-японская война 1904–1905 гг. В 9 т., 16 кн. СПб., 1910. Т. I. С. 430–431.

⁴⁹⁴ *Никольский В. П.* Служба в Главном штабе и в Главном управлении Генерального штаба (1903–1908 гг.). С. 10; см. также: *Деревянко И. В.* Русская агентурная разведка в 1902–1905 гг. // Военно-исторический журнал. № 5. Май 1989. С. 76.

⁴⁹⁵ История русско-японской войны 1904–1905 гг. С. 93–95.

Русским военным планам, помимо неполноты, были присущи по крайней мере ещё три недостатка. Во-первых, они предполагали русское господство на море при том, что в реальности японцы обладали явным количественным и качественным военно-морским превосходством на Дальнем Востоке. Во-вторых, несмотря на то, что общее командование сухопутными и морскими силами на Дальнем Востоке осуществлял адмирал Алексеев, планирование оборонительных действий не предусматривало почти никакой координации действий между армией и флотом. Наконец, самым фатальным стало то, что русские планы строились на возможности вовремя мобилизовать достаточные силы для наступления на Дальнем Востоке.

Именно необходимость сосредоточения сил в наибольшей степени выявляла всю непрочность русского военного положения на Дальнем Востоке. В случае войны с Японией русским пришлось бы обходиться местными ресурсами до тех пор, пока из Европейской России не будут с большим трудом доставлены подкрепления — либо по однопутной Транссибирской железной дороге, либо по морю вокруг мыса Доброй Надежды. Местные же ресурсы сводились к силам, имеющимся в Приамурском и Сибирском военных округах и в Квантунской области. К 1904 г. они насчитывали 98 тыс. человек в 68 пехотных батальонах, 35 кавалерийских эскадронах (в основном казачьих), 13 инженерных ротах, 5 крепостных инженерных ротах и 4 с половиной батальонах крепостной артиллерии. Эти войска имели на вооружении 120 полевых орудий, небольшое число горных пушек и 8 пулемётов Максима⁴⁹⁶. Ещё 24 тыс. человек числились в местной охранной страже, главная задача которой заключалась в защите уязвимой транспортной сети. Любые дополнительные силы и вооружение пришлось бы доставлять из Киевского, Московского и Казанского военных округов. Вследствие постоянной угрозы европейского конфликта военные планы предусматривали сперва мобилизацию некадрового резерва, а затем отдельных кадровых резервных частей. Их можно было отправлять на Дальний Восток со скоростью 20 тыс. человек в месяц. Перевозка припасов из Санкт-Петербурга в Мукден занимала 50 дней⁴⁹⁷.

Военные планы неявным образом содержали в себе ряд тревожных допущений. Одним из них была слепая уверенность в оценках, согласно которым размер мобилизованной японской армии составлял 200 тыс. человек, хотя в реальности общая численность превышала эту величину более чем в три раза; другим — отказ от инициативы, особенно нежелательный в том случае, если флот не сумеет контролировать водные подходы к Маньчжурии и Ко-

⁴⁹⁶ Число пулемётов медленно возрастало вследствие их перераспределения внутри страны и спешного размещения заказов за границей.

⁴⁹⁷ См.: *Белицкий С. М.* Стратегические резервы. М.—Л., 1930. С. 42–43; Русско-японская война... Т. I. С. 356–359.

рее, тем самым позволяя японцам высаживать сильные десанты и совершать манёвры против целей, расположенных вдали от берега. Необоснованным было также предположение, что дальневосточную армию удастся успешно снабжать по узкой ниточке 8000-км магистрали. Помимо этого, за исключением гарнизонов и регулярных войск, расположенных на Дальнем Востоке, русское верховное командование сознательно предпочитало не задействовать свои лучшие войска на театре, которому придавалось второстепенное значение. Это решение влекло за собой самые серьёзные последствия: резервистам не хватало умения обращаться с новыми винтовками и скорострельными орудиями, чтобы уверенно удерживать позиции перед лицом крайне решительного врага. Наконец, военные планы были рассчитаны на наличие полностью оборудованных оборонительных позиций, включая порт-артурские, в то время как крепости не имели полного комплекта вооружения, а укрепления оставались недостроенными⁴⁹⁸.

Возможно, русские преодолели бы все эти трудности при наличии талантливых лидеров, но таковых на Дальнем Востоке почти не имелось. За исключением адмирала С. О. Макарова, морского героя 1877–1878 гг., который погиб вскоре после прибытия в Порт-Артур, русские флотоводцы, начиная от адмирала Алексеева и ниже чином, являли собой картину некомпетентности и медлительности. В армии на второстепенных должностях, кажется, встречались более талантливые люди, но усилия лучших офицеров то и дело пропадали впустую из-за бездействия старших чинов. Сам Куропаткин, оставив Военное министерство, принял командование над полевой армией, но ему было далеко до идеального войскового командира. Бесспорно, наделённый личной храбростью, обаянием и интеллектом, он не обладал достаточной решительностью и уверенностью в себе, чтобы управлять крупными силами на поле боя. Как говорят, Скобелев напоминал Куропаткину, который какое-то время служил у него начальником штаба: «Помни, что ты хорош на вторые роли. Упаси тебя бог когда-нибудь взять на себя роль главного начальника, тебе не хватает решительности и твёрдости воли...»⁴⁹⁹.

Проблема вождей усугублялась тем, что на Дальний Восток так и не было назначено единого главнокомандующего. Хотя Куропаткин командовал полевой армией, номинально главой всех сил на Дальнем Востоке оставался Алексеев. Эти двое плохо ладили друг с другом, к чему прибавлялось ещё и вмешательство Санкт-Петербурга. Хотя царь сам не поехал на Дальний Восток,

⁴⁹⁸ История русско-японской войны 1904–1905 гг. / Под ред. И. И. Ростунова. С. 95–97.

⁴⁹⁹ Цит. по: История русско-японской войны 1904–1905 гг. / Под ред. И. И. Ростунова. С. 71; М. И. Драгомиров выражал эту мысль по-иному, когда задавался вопросом: «Как он только не понимает, — что ему ведь нужен Скобелев...» См.: *Сухомлинов В. А.* Воспоминания. С. 101.

чтобы лично взять на себя командование, возможность придворного вмешательства всегда учитывалась при принятии решений⁵⁰⁰.

В отличие от русских, японцы демонстрировали полную решительность, готовность и уверенность. Поскольку российское вмешательство в 1895 г. лишило их плодов победы над Китаем, японцы жаждали отмщения. Когда в 1903 г. русские проявили ещё меньше склонности идти на компромисс по вопросам, служившим предметом соперничества и беспокойства, японцы решили защитить свои интересы, развязав войну. Начиная с 1895 г. они выполняли программу модернизации флота, которая постепенно изменила соотношение сил на море в их пользу. Они наводнили российский Дальний Восток шпионами, благодаря чему были относительно хорошо осведомлены о русских диспозициях на случай войны. В Европе и Европейской России их явные и скрытые шпионы проникли в российские посольства и, возможно, даже в отдел планирования при Главном штабе Российской империи⁵⁰¹.

Собирая информацию и усиливая флот, японцы одновременно увеличивали и модернизировали свои сухопутные силы. В 1897 г. они взяли на вооружение винтовку Арисаки, в 1899 г. приобрели 4,6-дюймовые гаубицы Круппа, которыми пополнили свою полевую артиллерию, а в 1898 г. приняли амбициозную программу обучения и развития сил. Вследствие этого в 1904 г. японские сухопутные силы в мирное время насчитывали почти 400 тыс. человек во главе с закалёнными офицерами, получившими боевой опыт в китайско-японской войне 1894–1895 гг.⁵⁰²

Японские военные планы строились с учётом русских слабостей и при максимальном использовании элементов внезапности, инициативы, тщательной подготовки и гибкости. Хотя в 1904 г. В. К. Плеве, российский министр внутренних дел, говорил о том, как полезна для России будет «маленькая победоносная война», японцы были подготовлены к её ведению гораздо лучше русских. Их планы предусматривали нейтрализацию русской Тихоокеанской эскадры и последующую высадку двух полевых армий, одной из которых предстояло взять Порт-Артур, а второй — захватить Ляоян, узел русских коммуникаций в Маньчжурии. В любом случае их девизом была стремительность, так как японцы понимали, что им следует добиться победы прежде, чем русские успеют скопить в Маньчжурии численно превосходящие сухопутные силы. Кроме того, финансовые и дипломатические соображения тре-

⁵⁰⁰ См., например: *Kuropatkin A. N., The Russian Army and the Japanese War*, trans. A. B. Lindsay, 2 vols. (New York, 1909), II, 207–209.

⁵⁰¹ *Левитский Н. А. Русско-японская война 1904–1905 гг.* М., 1938. С. 24–25; India Division of the Chief of Staff, *Lessons of the Russo-Japanese War* [For Official Use Only] (Simla, 1906), 6–7.

⁵⁰² *Ibid.* 18–32; см. также: *Носков А.* Комплектование армии во время войны // *Военная мысль.* № 9. Сентябрь 1938. С. 137.

бовали, чтобы война была короткой, а победа в ней — решающей. Возможно, ни разу в XX веке региональная держава не начинала войну настолько хладнокровно и просчитанно⁵⁰³.

Нападение на Порт-Артур и наступление к Ялу

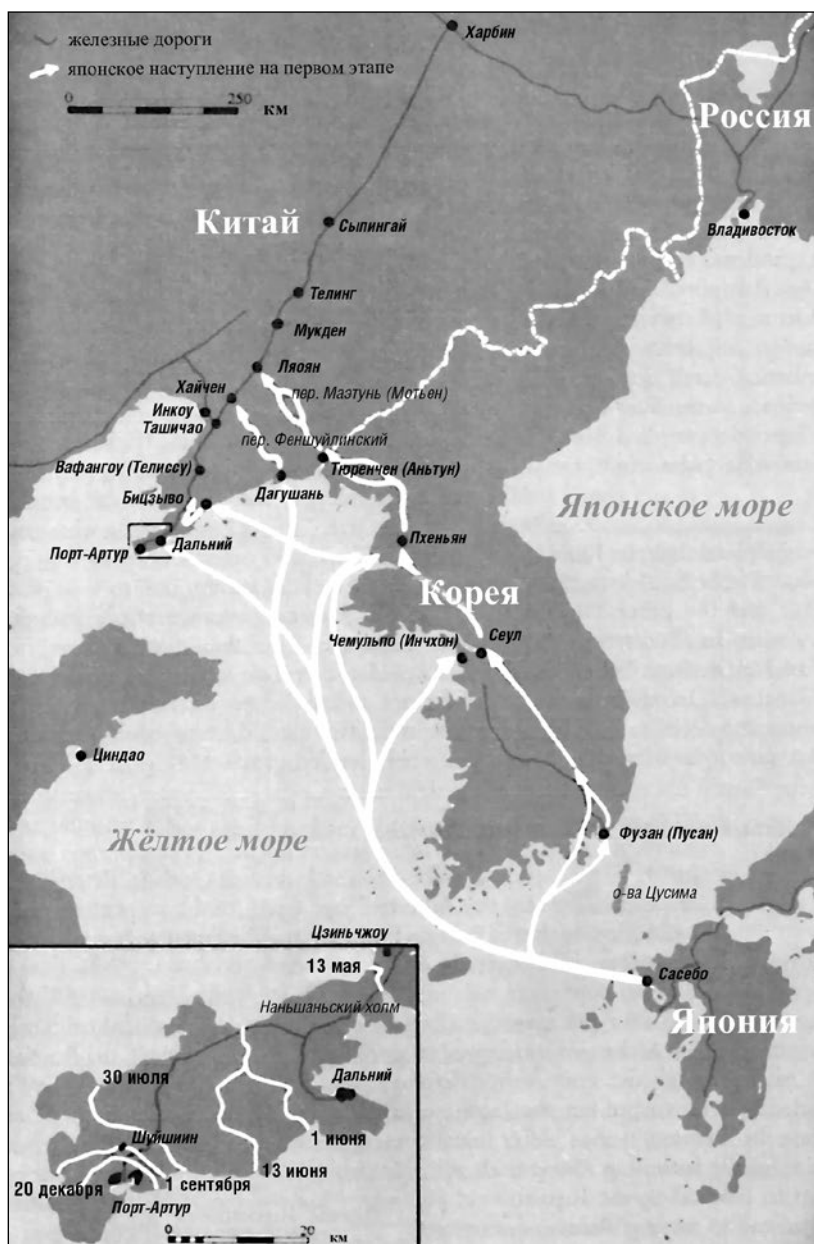
24 января 1904 г. Япония разорвала дипломатические отношения с Санкт-Петербургом, а на следующую ночь адмирал Того предпринял внезапную торпедную атаку на русский флот, стоявший на рейде Порт-Артура. Японцы не ошибались, считая, что не добьются победы без господства на море. Невзирая на то, что атака застигла русских врасплох и неподготовленными, флот и укрепления Порт-Артура оказали более стойкое сопротивление, чем первоначально ожидали японцы. Вскоре в Порт-Артур прибыл адмирал Макаров, вселяя в русских моряков решимость и дисциплину, и хотя укрепления Порт-Артура были далеки от завершения, они оказались достаточно прочными, чтобы не позволить японцам наступать так же стремительно, как произошло в 1894 г. во время войны с китайцами. После первых сражений между флотами и трагической гибели броненосца «Петропавловск» с Макаровым на борту японцы заблокировали русский флот в Порт-Артуре и предприняли сухопутное наступление с целью нейтрализации этой базы и создания угрозы русским силам, концентрировавшимся в Маньчжурии.

Заперев русский флот в Порт-Артуре, японцы поспешно высадили сухопутные силы в Чемульпо (Инчхоне), который служил портом для корейской столицы Сеула, и начали наступление в сторону Маньчжурии. После того, как было покончено со стоявшими в гавани русским крейсером и вспомогательной канонерской лодкой, передовые части 1-й армии генерала Куроки сошли на берег и вступили в Сеул. Чтобы ускорить продвижение на север, 29 марта в Пхеньяне высадились японская Гвардейская дивизия. План Куроки заключался в том, чтобы вслед за авангардом идти к Ялу, через которую он надеялся переправиться где-нибудь поблизости от Аньтуна (в русских источниках — Тюренчен), как японцы поступили в 1894 г. во время войны с Китаем⁵⁰⁴.

Тем временем 15 марта в Маньчжурию прибыл Куропаткин, начав сосредоточение сил, которое по его расчётам должно было завершиться лишь в сентябре с получением численного превосходства, необходимого для разгрома японцев на суше и обеспечения безопасности Порт-Артура. Район со-

⁵⁰³ См.: *Шаццлло К. Ф.* Россия перед первой мировой войной. С. 6–15.

⁵⁰⁴ *Ian Hamilton, A Staff Officer's Scrap Book* (London, 1905), 88.

Дальневосточный театр. 1904–1905

средоточения Куропаткин перенёс из Харбина в Ляоян. Его войска были разделены на три отряда — восточный, западный и южный.

Восточный отряд под командованием генерала М. И. Засулича получил задачу как можно дольше «затруднить переход противнику» через реку Ялу. Куропаткин приказывал ему «всеми силами стремиться избегать решительного боя»⁵⁰⁵. При этом Алексеев телеграфировал Засуличу держаться любой ценой. Засулич, брат известной революционерки Веры Засулич, по-видимому, был психологически не готов к чему-либо, кроме жёсткой обороны. По большей части он оставался в неведении относительно передвижений и диспозиций Куροки и очень скованно реагировал на любые японские действия. В результате на долю Засулича выпало первое русское поражение в сухопутной кампании.

Отсутствие информации о противнике, в частности, было вызвано неудачным использованием русской кавалерии в разведке. Русская кавалерия на Дальнем Востоке состояла главным образом из казаков, но те были набраны из дальневосточных казачьих войск и не обладали той дисциплиной и подготовкой, которая была свойственна казакам из Европейской России. Генерал П. И. Мищенко командовал казачьим отрядом в Корее, получившим нечётко сформулированную задачу препятствовать японскому наступлению на север. Передовые части Куροки не были особенно сильными, и при наличии умения и упорства русская кавалерия могла бы замедлить их продвижение на несколько недель. Мищенко же после нескольких небольших стычек отступил на север, и Куροки беспрепятственно подошёл к Ялу⁵⁰⁶.

Поскольку в верхнем течении Ялу была слишком стремительной, а в нижнем — слишком широкой, что затрудняло переправу, Куроки решил форсировать реку где-нибудь возле Аньтуна. Засулич вычислил место переправы и соответственно расположил свои силы на Ялу напротив Янцзина. Он разместил аванпосты на южном берегу реки, узкий заслон на трёх островах посреди реки, а главные силы — на холмистом кряже по обе стороны от небольшого ручья, впадающего в Ялу. Аванпост на Тигровом холме, господствовавшем над местностью, представлял собой превосходный наблюдательный пункт, откуда открывался обзор всей речной долины на много километров вверх и вниз по течению.

Осуществляя переправу, Куроки полагался на сочетание тщательного планирования, обмана, внезапности, огневой мощи и манёвра. Засулич подыграл ему, не сумев ни скрыть свои диспозиции, ни разведать диспозиции Куроки. Сперва Куроки сбил аванпосты Засулича и вышел непосредственно на южный

⁵⁰⁵ Русско-японская война... Т. II. С. 197; *Свечин А. А.* Русско-японская война 1904–1905 гг. Оранисбаум, 1910. С. 54, 56.

⁵⁰⁶ *Свечин А. А.* Русско-японская война... С. 56.

берег Ялу. Затем он предпринял тщательные меры маскировки, приказав построить ширмы и пересадить деревья, чтобы скрыть подготовку к переправе от русских наблюдателей на Тигровом холме. Другие очевидцы, включая британского офицера Иэна Гамильтона, были поражены при виде того, как целые рощи за одну ночь исчезают на одном месте и возникают на другом. Пока русские размышляли над причинами такой японской скрытности, Куроки начал сооружение передвижных мостов и подогнал поближе своё секретное оружие — несколько батарей 4,6-дюймовых гаубиц, разместив их на местах, где они могли открыть огонь по русским батареям лёгкой артиллерии. Наконец, он запланировал переправить две дивизии — Гвардейскую и 12-ю — через Ялу выше по течению, откуда они должны были наступать по сильно изрезанной местности на левый фланг русских, которым командовал генерал-майор Н. А. Кашталинский. Тот предвидел именно такой ход, но, когда он попросил у Засулича разрешение изменить свою диспозицию, Засулич отказал ему, ссылаясь на приказ Алексеева не отступать. За исключением дурных предчувствий Кашталинского, среди русских царило благодушие⁵⁰⁷.

17 апреля Куроки начал атаку, отправив Гвардейскую и 12-ю дивизии вверх по течению и отбив у русских три острова на Ялу. Когда 18 апреля рассеялся утренний туман, русские, к своему смущению, увидели на своём берегу реки три японские дивизии, изготовившиеся к бою. Едва русские начали обстреливать их прямой наводкой из лёгких пушек, тяжёлые гаубицы Куроки немедленно подавили русские батареи, обрушив на них свой огонь. Японские дивизии перешли во фронтальную скользящую атаку, после чего из ниоткуда внезапно появились Гвардейская и 12-я дивизии, навалившись на левое крыло русских. В течение какого-то времени русская залповая стрельба из винтовок проделывала зияющие прорехи в рядах наступающих японцев, но затем русские на левом крыле стали поддаваться, раскрывая центр. Когда русские офицеры попытались собрать свои войска в долине в тылу основных позиций, японцы прорвались на окружающие высоты, откуда могли безнаказанно расстреливать скопившихся внизу русских.

Всего русские потеряли 5 000 человек, японцы — 2 000. Впервые в современной истории азиаты побили европейцев в открытом сражении. Японцы превосходили своих бывших учителей тактики во всём — в огневой мощи, манёвре, старательности и хитрости. Они быстрее русских уяснили себе ограниченные возможности артиллерии при стрельбе прямой наводкой и воспользовались этими ограничениями, одержав верх путём использования навесного огня. Быстрее русских они также оценили гибкость индивидуального огня по сравнению с залповым и значение скорости, манёвра и обм

⁵⁰⁷ Свечин А. А. Там же. С. 67; *Hamilton*, A Staff Officer's Scrap Book, 61, 87, 105–107.

на при достижении тактического решения. Засулич лишился командования, а остатки его армии замедлили отступление, только спустившись с горных перевалов на равнины Маньчжурии⁵⁰⁸.

Сражение под Наньшанем⁵⁰⁹

Добившись успеха на правом крыле в Корее, японское верховное командование обратило своё внимание к левому крылу, чтобы закрепить этот успех и покончить с Порт-Артуром. Едва Куроки форсировал Ялу, как японская 2-я армия, терпеливо ожидавшая в море вестей о победе, высадилась на берег менее чем в 60 км от Дальнего. Кроме того, японцы провели приготовления к высадке в Дагушане дополнительной, 4-й армии под командованием генерала Нодзу, с целью прикрыть левое крыло Куроки, который наступал через горы, угрожая русским коммуникациям в Ляояне. Тем временем, закрепившись на прибрежных позициях, генерал Оку, командовавший 2-й армией, приказал своим войскам выступить на запад, между 2 и 7 мая перерезать железнодорожную линию из Порт-Артура в Ляоян, а затем повернуть на юго-запад и преодолеть первый рубеж русской обороны на Квантунском полуострове⁵¹⁰.

Хотя русские не сумели помешать высадке 2-й армии, ситуация на Квантунском полуострове была далека от безнадёжной. Правда, адмирал Того полностью заблокировал русский флот в Порт-Артуре, но два его броненосца неожиданно подорвались на русских минах, из-за чего число крупных японских кораблей сократилось с семи до пяти. И несмотря на разногласия между русской армией и флотом по поводу того, каким образом следует защищать Порт-Артур, в городе имелось достаточное количество продовольствия и боеприпасов.

В частности, русские удерживали потенциально сильную позицию в Наньшане, в самом узком месте Квантунского полуострова. Там, примерно в 20 км к северу от Дальнего, холмистый кряж, рассечённый оврагами, занимал всю полоску суши шириной в 5 км. Линия высот, протянувшаяся от моря до моря, представляла собой сильную естественную позицию, главным недостатком которой было мелководье на обоих флангах, даже во время прилива позволявшее по пояс в воде обойти главную позицию вброд на расстоянии в 1,5 км от суши.

⁵⁰⁸ История русско-японской войны 1904–1905 гг. С. 150–153; см. также: *Freiherr von Tettau*, *Achtzehn Monate mit Russlands Heeren in der Mandschurei*. 2 vols. (Berlin, 1907), I, 90–97; хорошее изложение по-английски содержится в: *A. H. Burne*. *The Liao-yang Campaign* (London, 1936), 36–41.

⁵⁰⁹ В русской традиции — сражение под Цзиньчжоу. — *Прим. ред.*

⁵¹⁰ *Oliver Ellsworth Wood*, *The Yalu to Port Arthur* (Kansas City, Mo., 1905), 29–32.

Вторая слабость — нехватка войск и артиллерийских снарядов — возникла искусственно. Несмотря на то что поблизости располагалась 4-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия (18 тыс. человек, 131 орудие, 10 пулемётов), генерал А. М. Стессель, отвечавший за оборону Порт-Артура, отправил на оборону трёхмильного фронта только один усиленный полк. Эта задача была поручена необычайно компетентному офицеру, полковнику Н. А. Третьякову, и его 5-му Восточно-Сибирскому стрелковому полку. Он начал укреплять позиции на следующий же день после первой атаки на Порт-Артур, несмотря на то, что земля была ещё промёрзшей. При помощи 5 000 китайских кули его бойцы вырыли глубокие траншеи, установили проволочные заграждения и несколько минных полей, а ключевые точки укрепили защитными покрытиями. Поскольку силы Третьякова насчитывали лишь 3 500 человек, 65 орудий и 10 пулемётов, полковник до предела растянул тонкую линию обороны, оставив в резерве только одну роту и попросив генерала А. В. Фока, своего непосредственного начальника в Дальнем, прислать подкрепления из соседней 4-й дивизии. К счастью для Третьякова и его сибиряков, плохая погода и необходимость совершить тяжёлый сухопутный переход к Наньшаню на некоторое время задержали атаку японцев⁵¹¹.

На рассвете 12 мая генерал Оку внезапно атаковал аванпосты Третьякова в селении Цзиньчжоу. Благодаря упорному сопротивлению нескольких русских разведывательных рот, аванпосты держались до раннего утра следующего дня, после чего их падение позволило Оку развернуть свои три дивизии (1-ю, 3-ю и 4-ю) непосредственно перед оборонительными позициями Третьякова. 5-му Восточно-Сибирскому стрелковому полку, усиленному 50 лёгкими орудиями, противостояли 35 тыс. японцев с 216 пушками и 48 пулемётами, получавшие огневую поддержку от трёх канонерских лодок в заливе Цзиньчжоу. Оку расставил свои дивизии полукругом и на рассвете 13 мая предпринял ряд пробных атак. Русские отвечали на них точным стрелковым и артиллерийским огнём, и подходы к Наньшаньскому холму были усеяны трупами в форме цвета хаки. Однако, поскольку полковник Третьяков имел в своём распоряжении лишь по 150 снарядов на орудие, к 8.00 утра у его артиллерии стали заканчиваться боеприпасы. К 11.00 огонь вели лишь два орудия, остальные пали жертвами нехватки снарядов либо точного японского контрбатарейного огня. Тем не менее ситуацию для русских нельзя было называть отчаянной. Люди Третьякова держались по всей линии обороны, и даже без поддержки артиллерийского огня винтовки Мосина и «Максимы» вносили страшные опустошения в ряды атакующих. К 15.30 Оку несколько не приблизился к преодолению наньшаньских позиций по сравнению с 8.00. Его люди

⁵¹¹ Русско-японская война... Т. VIII. Ч. 1. С. 250–252, 257.

прятались в поспешно отрытых ячейках перед главной русской оборонительной позицией, и каждый раз, как они пытались наступать на проволочные заграждения, их отбрасывал прочь яростный стрелковый и пулемётный огонь. Хуже того, у войск Оку начали подходить к концу боеприпасы⁵¹².

Тогда Оку решил превратить свою 4-ю дивизию в «живые пули», смелым охватывающим манёвром отправив её через прибой в обход левого крыла Третьякова. Японский командир поразительно расчётливо выбрал точный момент. Его противник только что задействовал последние скудные резервы, а генерал Фок не только отказался присылать дополнительные батальоны, но и отдал приказ об общем наступлении, не сообщив об этом Третьякову. Не имея никакой надежды на помощь, но полагая, что ситуация находится под контролем, бойцы из 5-го Восточно-Сибирского полка храбро сражались до 18.00, когда 4-я дивизия Оку неожиданно вышла на сушу, в результате чего центр и левый фланг русских оказались под фланкирующим огнём. Но даже тогда Третьяков отказался признавать поражение, приказав своим людям отступить на вторую оборонительную позицию. И лишь когда офицеры и бойцы полка в ранние ночные часы готовили новые позиции, им стало известно, что генерал Фок их бросил. В последующем смятении и разгроме одни роты сражались до последнего, другие побежали. В течение всего сражения днём 13 мая Третьяков потерял только 450 человек, во время отступления погибло ещё 650. Когда несколько дней спустя остатки полка пришли в Порт-Артур, их сочли за трусов. Лишь после личного вмешательства царя 60 наиболее тяжёло раненных получили награды. При этом Фока тоже наградили за героизм⁵¹³.

В противоположность русским, японцы несли то тяжёлые, то лёгкие потери. Во время дневного сражения Оку потерял 739 человек убитыми и 5 459 ранеными. В одном-единственном бою его люди израсходовали больше боеприпасов, чем вся японская армия во время китайско-японской войны десятью годами ранее⁵¹⁴.

Невзирая на потери, Оку не упускал инициативы. Не встретив сопротивления, он 14 мая занял Дальний, пока Стессель и Фок беспорядочно отводили свои силы, чтобы прикрыть дальние подступы к Порт-Артуру. Во время последующего затишья японское верховное командование отправило 2-ю армию Оку (за исключением 1-й дивизии) на север, навстречу запоздалому русскому наступлению вдоль железной дороги из Ляояна. Что касается 1-й дивизии Оку, сильно укрепившейся в уцелевшем Дальнем,

⁵¹² Там же. С. 255–256.

⁵¹³ *Tretyakov N. A., My Experiences at Nan Shan and Port Arthur*, trans. A. C. Alford (London, 1911), 56–61.

⁵¹⁴ История русско-японской войны 1904–1905 гг. С. 170–171.

она стала ядром 3-й армии генерала Ноги, которой поставили задачу осаждать Порт-Артур.

Осада Порт-Артура

Развитие японских операций против Порт-Артура определялось тремя соображениями — двумя оперативными и одним психологическим. В оперативном смысле необходимость сосредоточения сил в Маньчжурии для ускоренного наступления на войска Куропаткина требовала побыстрее взять эту крепость, прежде чем русские перебросят дополнительные резервы и ресурсы по Транссибирской магистрали. Во-вторых, если бы русские попытались усилить свою Тихоокеанскую эскадру, отправив на Дальний Восток Балтийский флот, то наилучшим способом расстроить русские замыслы на море было бы заранее лишить Балтийский флот оперативной базы.

Как только японцы закупорили русскую Тихоокеанскую эскадру в Порт-Артуре, в игру вступил ещё и психологический фактор. Японские полевые армии шли от одной победы к другой, и теперь общественность и правительство с нетерпением ожидали вестей о падении Порт-Артура. Что касается непосредственно поля боя, то память о прошлых победах, включая лёгкое взятие Порт-Артура генералом Ноги в 1894 г., заметно сказалась на рассудительности японцев, особенно их командующего. Пока не стало слишком поздно, он не удосужился ознакомиться с усовершенствованиями, которые русские внесли в оборону Порт-Артура. Ему с самого начала не хватало осадной артиллерии, необходимой для взятия современной крепости, которую оборонял решительный гарнизон, оснащённый магазинными винтовками и пулемётами. В результате японцы ухитрились повторить опыт четвертьвековой давности, полученный русскими под Плевной⁵¹⁵.

Благодушие Ноги ничуть не было поколеблено вялыми действиями русских на дальних подступах к Порт-Артуру. После падения Наньшаня в середине мая Оку повернул на север с большей частью своей 2-й армии, оставив в Дальнем одну дивизию, на базе которой ветеран Ноги собрал свою 3-ю армию, получив в качестве подкреплений только что высаженные войска. Русские же тем временем решили, что им следует заняться укреплением внутренней обороны крепости, вместо того, чтобы активно оборонять её внешние подступы. В течение шести недель последующего затишья Ноги привёл свою оперативную базу в порядок, а затем предпринял наступление на внешние оборонительные рубежи крепости. В сражении за перевалы, произошедшем

⁵¹⁵ *Левецкий Н. А.* Русско-японская война... С. 36.

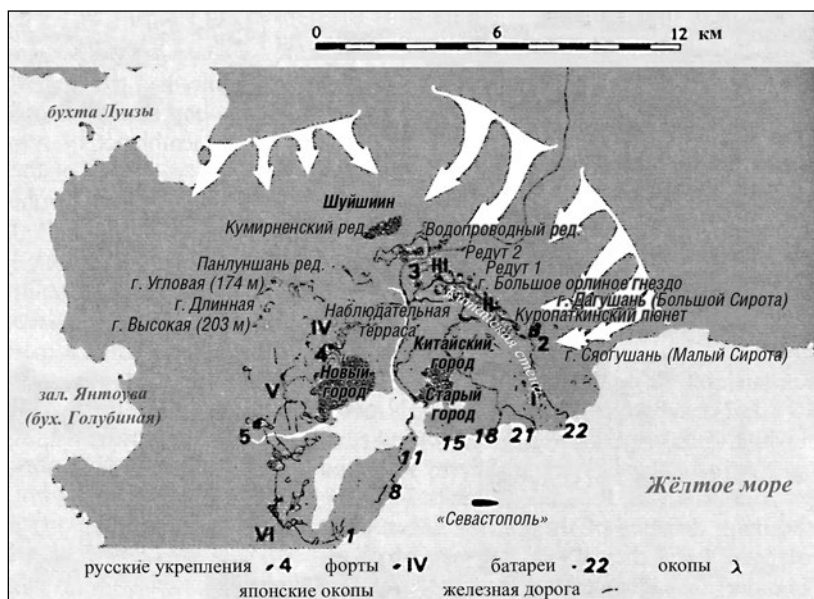
13–15 июля, он без труда сбил русских с их первого оборонительного рубежа в Зелёных горах. Почти сразу же Ноги нанёс новый удар по второй линии обороны, проходившей по Волчьим горам. Русские оставили свои слабо укреплённые позиции 17 июля после трёхчасового сражения. На последней неделе июля армия Ноги стояла у самых дверей генерала Стесселя; японцам пока что не принадлежало лишь несколько важных высот, примыкавших к оборонительным сооружениям самой крепости.

Генерал Стессель, командовавший русскими силами в Порт-Артуре, имел в своём распоряжении почти 42 тыс. человек в составе девяти пехотных полков (4-я и 7-я стрелковые дивизии), трёх резервных батальонов и множества отдельных рот и мелких отрядов. На 30 июля у защитников крепости имелось 646 орудий и 62 пулемёта для обороны 29-км периметра. Многие орудия имели устаревшую конструкцию, но 67 были скорострельными; оборону крепости дополняли также корабельные орудия. В целом Порт-Артур с суши защищали 514 пушек и 47 пулемётов. Ещё 9 пушек и 10 пулемётов находились в резерве, а оставшиеся были предназначены для обороны со стороны моря. Войска Стесселя испытывали заметный недостаток в различных припасах, хотя прорывателям блокады несколько раз удавалось проскользнуть через японский кордон, доставив в город продовольствие⁵¹⁶.

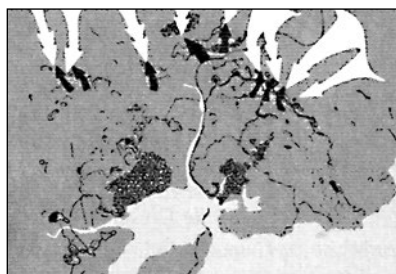
Вследствие того, что русские совсем недавно обосновались в Порт-Артуре, и царившего в их рядах благодушия городские укрепления не были завершены. Однако они всё равно отличались внушительностью, и, когда грозная реальность войны предстала перед русскими со всей отчётливостью, они принялись лихорадочно укреплять свои позиции. Один из защитников Порт-Артура впоследствии писал: «То, что не было сделано за семь лет, Кондратенко, насколько это было возможно, создал в несколько месяцев»⁵¹⁷. Крепость имела три главных рубежа обороны. Внешний рубеж состоял из цепочки укреплённых высот и позиций, включая Дагушань (Большой Сирота) и Сяогушань (Малый Сирота) к востоку от крепости, а также высоту 174 м (г. Угловая) и высоту 203 к западу. Средний рубеж, впоследствии ставший самым важным, опирался на несколько бетонных фортов, соединённых обширной системой траншей и вспомогательных позиций, которые протянулись по дуге вдоль Китайской стены примерно в 4 000 м от центра старого Порт-Артура. Внутренняя оборона, состоявшая из цепочки старых укреплений, окружавших старый город, не имела серьёзного тактического значения. Многие позиции, входившие в состав этих

⁵¹⁶ Русско-японская война... Т. VIII. Ч. 1. С. 192, 196–197; см. также: *Фролов В.* Героическая оборона Порт-Артура // Военно-исторический журнал. № 9. Сентябрь 1984. С. 69.

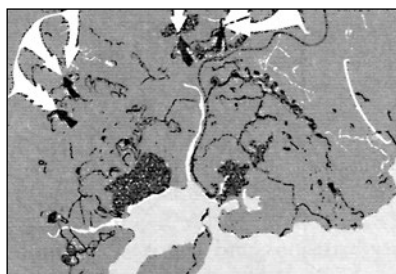
⁵¹⁷ Цит. по: *Сорокин А. И.* Оборона Порт-Артура. С. 77; генерал П. И. Кондратенко отвечал за оборону сухопутных укреплений Порт-Артура.

Порт-Артур. 1904

6-11 августа 1904

6-9 сентября 1904

17-20 октября 1904

13-23 ноября 1904

рубежей, не были достроены; кроме того, защитникам города не хватало колючей проволоки, которую за неимением лучшего приходилось заменять телеграфными проводами⁵¹⁸.

Генерал Ноги расположил свою армию полукругом вокруг русских позиций, от бухты Луизы на западе до цепочки высот на русском правом фланге. У Ноги имелось более 80 тыс. человек в 63 батальонах, 3 эскадронах и 17 инженерных ротах, а также 474 пушки. Японский генерал и его штаб полагали, что подступы к правому крылу русских обещают наибольшие шансы на успех, и в преддверии общего штурма крепости Ноги приказал захватить горы Большой Сирота и Малый Сирота. Атака на два эти холма началась в воскресенье 25 июля; ей предшествовала трёхчасовая артиллерийская бомбардировка, начавшаяся в 4.30. Сильный ливень, необходимость форсировать разлившийся ручей Тахэ и изрезанная местность замедлили продвижение японской 11-й пехотной дивизии, которая перешла в наступление в 7.30. Тем не менее один полк сумел переправиться через ручей, а затем облепил крутые северо-западный и северо-восточный склоны горы. Один из участников атаки вспоминал, что «крутая гора нависала над нами, целуя небеса, — даже обезьяны с трудом бы на неё взобрались»⁵¹⁹. Русская артиллерия с соседних холмов и с укреплённых позиций безжалостно била по японцам, а защитники даже скатывали им на голову огромные валуны. Дождь и сумерки временно приостановили штурм, когда атакующие находились ещё в самом низу холма. Когда на следующий день в 15.30 дождь прекратился, японцы возобновили штурм бомбардировкой из тяжёлых орудий, которая заставила многих обороняющихся покинуть наспех вырытые траншеи. К этому времени японцы добились превосходства в артиллерии, а Ноги бросил в атаку 12 пехотных батальонов против трёх русских. Но прежде чем атакующие сумели достичь вершины Большого Сиrotы в 20.00 26 июля, им пришлось воспользоваться подавляющим численным превосходством, чтобы в рукопашной схватке выбить последних защитников с их позиций. На следующее утро в 4.30 был взят и Малый Сирота. Потеряв 1 280 человек при русских потерях в 450 бойцов, японцы завладели позицией, с которой просматривалась вся местность на запад вплоть до бухты Луизы. Хотя внутреннее кольцо гор и холмов по-прежнему закрывало Порт-Артур и его га-

⁵¹⁸ *Nojine [Ножин] Е. К.*, *The Truth about Port Arthur*, trans. A. B. Lindsay (London, 1908), x-xi; подробное описание см.: Военная энциклопедия. Т. XVIII. Статья «Порт-Артур». (С. 621–642. — *Прим. ред.*); об инженерных аспектах осады Порт-Артура см.: *Захаров В. А.* Состояние и развитие русских военно-инженерных войск с начала XX в. до Великой Октябрьской социалистической революции // Военно-инженерное искусство и инженерные войска русской армии. / Под ред. Железных и др. М., 1958. С. 152–156.

⁵¹⁹ *Tadayoshi Sakura*, *Human Bullets*, trans. M. Honda and A. Bacon (Tokyo, 1907), 84; Русско-японская война... Т. VIII. Ч. 1. С. 522–523.

вань от взглядов японцев, теперь Ноги мог подойти вплотную к восточным укреплениям города⁵²⁰.

Когда царь узнал о потере двух этих холмов, он приказал флоту предпринять попытку прорыва во Владивосток, чтобы соединиться там с другой частью Тихоокеанской эскадры. Адмирал В. К. Витгефт, сменивший Макарова, 28 июля вывел флот в море и был убит 12-дюймовым снарядом, после чего японский флот преградил русским кораблям путь к спасению и заставил их вернуться в Порт-Артур. Отныне японцы пользовались абсолютным господством на море вплоть до прибытия русского Балтийского флота.

Пока тот не прибыл, Ноги рассчитывал взять верх над защитниками Порт-Артура. После того, как русские 3 августа отклонили формальный ультиматум о сдаче крепости, Ноги 6 августа предпринял первый общий штурм, намереваясь прорваться сквозь внешнее кольцо обороны Стесселя и атаковать Наблюдательную террасу в центре северо-восточного полукруга фортов, а затем использовать захваченную позицию в качестве трамплина для атаки внутренней обороны Порт-Артура. Соответственно японцы сосредоточили основные атакующие силы на узком секторе фронта, пролегающем между фортами № 2 и № 3 в северо-восточном полукруге русских укреплений. Однако, чтобы скрыть свою истинную цель, Ноги запланировал ряд отвлекающих атак вдоль почти всего центрального сектора обороны, начиная от Угловой на западе до Батареи Б на востоке. Все эти атаки происходили между 6 и 11 августа, входя составной частью в первый общий штурм Порт-Артура⁵²¹.

Со стороны русских теми секторами, на которые пришлось атаки, командовал генерал-майор В. Н. Горбатовский. На восточном фронте, пролегающем от батареи 22 до форта № 2 и укрепления № 3, оборону держали 16 рот из состава 15-го, 16-го и 25-го полков, отряд добровольцев и три роты моряков. На северном фронте между Водопроводным редутом и фортом № 5 оборонялись 25 рот из состава 15-го, 16-го и 26-го полков, 3 отряда добровольцев, рота железнодорожного батальона и 4-я артиллерийская бригада. В резерве у Горбатовского имелось 8 рот. Западный фронт удерживали 14 рот из 13-го и 27-го пехотных полков. На высотах, прикрывавших часть западного и северного фронтов, закрепилось 26 пехотных рот, 5 отрядов добровольцев, 5 батарей и 4 роты моряков. Все они находились под командованием полковника Третьякова, прославившегося в Наньшане. Ненавистный ему генерал Фок командовал крепостными резервами (16 рот и 2 батареи), а коман-

⁵²⁰ История русско-японской войны 1904–1905 гг. С. 180–183; Русско-японская война... Т. VIII. Ч. 1. С. 534.

⁵²¹ Русско-японская война... Т. VIII. Ч. 2. С. 130–132.

диром всех сил, задействованных в обороне крепости с суши, был генерал П. И. Кондратенко⁵²².

Штурм начался перед рассветом 6 августа с грандиозной канонады, обрушившейся на западный фронт, которая послужила прелюдией к атаке Угловой силами пехоты. Русские несли серьёзные потери, но генерал Кондратенко лично поспешил на угрожаемый участок, чтобы подбодрить защитников, и японцы вскоре были прижаты к земле на подступах к позиции. Японская артиллерия подвергла мощному обстрелу Водопроводный редут и укрепление № 3. Бомбардировка продолжалась до 15.00 — очевидно, к тому моменту нападающие решили, что укрепления разрушены. Японские пехотинцы пошли волнами в атаку, но неизменно наткнулись на убийственный заслон стрелкового и пулемётного огня. Когда спустилась ночь, один японский батальон застрял в мёртвой зоне перед Водопроводным редутом, не имея возможности ни продвигаться вперёд, ни отступать. Русские позиции, расположенные правее, серьёзно пострадали от артиллерийского огня, но генерал Ноги, очевидно, считая этот участок самым крепким сектором русской обороны, не делал попыток его штурмовать.

Утром 7 августа Угловая снова стала мишенью для артобстрела и пехотных атак. К полудню оборона начала поддаваться, и одна рота в беспорядке отошла в тыл. Когда Кондратенко прибыл туда, чтобы оказать защитникам поддержку, он увидел, что поделать ничего нельзя: «Оставление нами Угловой горы вызвано полным уничтожением блиндажей и страшными потерями от шрапнельного огня, так как войскам приходилось обороняться, стоя совершенно открыто»⁵²³. Защитники потеряли почти всех своих офицеров и 500 солдат.

Ситуация на Водопроводном редуте была лишь немногим лучше, а на редуте Панлуншань — хуже. Командир Водопроводного редута организовал контратаку, выдавив японцев из мёртвой зоны перед редутотом. На редуте Панлуншань японский батальон в конце концов взял верх над защитниками, которые под угрозой трибунала немедленно предприняли контратаку. Одна из рот ненадолго овладела своими прежними позициями, но в ходе контратаки защитники потеряли всех своих офицеров, 26 унтер-офицеров и половину рядового состава⁵²⁴.

Восточный фронт пострадал только от артиллерийского огня. В этот момент командир крепостной артиллерии генерал В. Ф. Белый с целью сберечь снаряды и скрыть местоположение своих орудий приказал своим войскам ограничить огонь, ведя его в первую очередь для отражения атак вражеской

⁵²² *Сорокин А. И.* Оборона Порт-Артура. С. 103.

⁵²³ Русско-японская война... Т. VIII. Ч. 2. С. 154.

⁵²⁴ Там же. С. 142–143.

пехоты. На второй день штурма японцы взяли Угловую и редут Панлуншань, которые не играли ключевой роли в русской обороне крепости. Утром 8 августа, на третий день штурма, Ноги сосредоточил все усилия на Водопроводном и Кумирненском редутах. Они выдержали плотный артиллерийский обстрел и, несмотря на то, что были наполовину разрушены, устояли против новой атаки, предпринятой силами тысячи японских пехотинцев⁵²⁵.

В ранние утренние часы 9 августа наступил самый критический момент первого штурма. Японцы сумели незаметно подобраться вплотную к Куропаткинскому люнету и неожиданно атаковать его. Русским удалось отразить их натиск лишь при дневном свете. Ещё более серьёзное положение сложилось между редутами № 1 и 2, где атакующие бросили на русских один за другим три батальона в попытке пробить брешь в обороне. Чтобы отбить их, Горбатовскому пришлось задействовать все свои резервные роты, кроме последней. Тем временем флот направил несколько тысяч моряков в помощь обороняющимся, в первую очередь на западном фронте. Это позволило сухопутным командирам переместить пехоту на восточный фронт — к 9 августа русским стало ясно, что именно он является главной целью атак Ноги.

В течение всего дня 9 августа Горбатовский отправлял подкрепления на оборону различных укрепленных точек вдоль всего восточного фронта. В конце концов у него кончились даже моряки, и он сообщил командиру крепости, что резервов больше нет: «Редут № 1 четыре раза переходил из рук в руки. В данный момент на одной половине редута № 1 наши, а другую половину занимают японцы». Некоторое время спустя Горбатовский докладывал командиру, что враг вот-вот прорвёт оборонительный рубеж вдоль Китайской стены, поскольку у русских не осталось резервов. Ему было неизвестно, что почти в то же самое время Ноги решил, что дальнейшие атаки бесполезны, и отдал приказ прекратить штурм — по крайней мере временно⁵²⁶.

К несчастью для русских, не все японские командиры получили приказ Ноги. Генерал Фок отказывался посылать подкрепления на угрожаемые позиции, и Горбатовскому с Кондратенко оставалось только беспомощно смотреть, как остатки японских штурмовых отрядов дюйм за дюймом приближаются к ключевым оборонительным сооружениям у Китайской стены. Тем временем моряки, более тысячи которых участвовало в обороне, вернулись на свои корабли, потеряв убитыми 3 офицеров и 146 матросов, и ранеными 225 матросов.

День 10 августа прошёл сравнительно спокойно; броненосец «Севастополь» выпустил 67 снарядов по японцам, скопившимся в долине Дагушань.

⁵²⁵ Русско-японская война... Т. VIII. Ч. 2. С. 144–145.

⁵²⁶ Цит. по: *Сорокин А. И.* Оборона Порт-Артура. С. 109.

Однако это спокойствие было обманчивым, так как Ноги готовился предпринять ночную атаку на гору Большое Орлиное Гнездо, находившуюся чуть позади русских линий между фортом № 2 и редутом № 1. Между 23.00 10 августа и 3.00 11 августа Ноги бросал на русские линии семь батальонов в тщетной попытке вбить клин в русскую оборону. Русские прожекторы обшаривали весь сектор, треск пулемётного и винтовочного огня смешивался с взрывами артиллерийских снарядов, превращавших местность в ад в изображении сумасшедшего художника, как выразился один очевидец. К рассвету 11 августа русская линия по-прежнему держалась, и Ноги был вынужден дать отбой⁵²⁷.

Тысячи трупов несколько месяцев лежали непогребёнными, наполняя воздух вонью разлагающейся плоти. Генерал Ноги потерял около 16 тыс. человек (при русских потерях в 3 тысячи) — такова была цена за открытие, что восточный фронт обороны можно прорвать лишь традиционными осадными методами. Тем временем в нескольких сотнях километров к северо-востоку маршал Ояма решил, что войска Ноги не помогут ему сковать полевую армию Куропаткина. Тем не менее Ояма предпринял охватывающий манёвр против Куропаткина в Ляояне, но русские в последний момент успели выбраться из ловушки. Если бы в распоряжении Оямы имелось 80 тыс. человек Ноги, все могло бы сложиться совсем иначе⁵²⁸.

Второй штурм Порт-Артура

После провала первого штурма обе стороны приняли меры к улучшению своего положения. Японские сапёры приступили к рытью траншей в сторону русских линий поблизости от Водопроводного редута. В Дальний начали прибывать огромные 11-дюймовые осадные пушки, а инженерные части стали расчищать место для их установки ближе к русским линиям. Русские, со своей стороны, укрепляли свои позиции, создавая дополнительные провололочные заграждения и пытаясь восстановить укрепления, наиболее пострадавшие во время предыдущего штурма. С кораблей была снята часть орудий, благодаря чему численность крепостной артиллерии повысилась до 649 стволов, несмотря на потерю 49 стволов во время августовских боёв. Гарнизон также потерял 13 пулемётов, но у него их оставалось ещё 53. Артиллерийские офицеры разработали сложные планы огневой поддержки, согласно которым

⁵²⁷ Сорокин А. И. Оборона Порт-Артура. С. 111–113.

⁵²⁸ О Ляоянском сражении см.: Фралов Б. Русско-японская война 1904–1905 гг. (Некоторые вопросы военного искусства) // Военно-исторический журнал. № 2. Февраль 1974, С. 86.

крепость делилась на оборонительные секторы — каждый из них прикрывался огнём конкретных орудий⁵²⁹.

В противоположность первому японскому плану штурма, второй предусматривал прорыв русской обороны между Водопроводным и Кумирненским редутами на севере и между высотой 203 и Длинной горой на западе. Главную атаку предстояло провести силами 9-й и 1-й дивизий с приданной им резервной бригадой. Японцы обладали трёхкратным численным превосходством над русскими, а на отдельных направлениях японцы могли сосредоточить достаточно сил, чтобы добиться десятикратного перевеса.

Штурм начался на рассвете 6 сентября с 6-часовой артиллерийской подготовки, которая сперва велась по восточным укреплениям с целью обмануть русских, а затем по северным укреплениям, в первую очередь по двум редутам, намеченным в качестве главных целей атаки. Свой огонь на двух этих редутах сосредоточили около 40 осадных пушек и 48 горных гаубиц. На один только Водопроводный редут упала тысяча снарядов, превратив его в руины. Во время артиллерийской подготовки японцы выдвинули атакующую пехоту вместе с полевыми орудиями и пулемётами вперёд, на исходные рубежи.

Едва артподготовка стихла, атакующие попали под перекрёстный огонь русских, который загнал японскую пехоту обратно в траншеи. Час спустя японцы атаковали снова, на этот раз подведя полевые пушки поближе, чтобы выбить русские пулемёты. Хотя на редуте осталось только 30 защитников, они получили две роты подкреплений, вместе с которыми отогнали японцев назад в мёртвую зону перед линиями обороны. Однако передышка была недолгой и вскоре защитникам пришлось отступить перед лицом подавляющего вражеского превосходства. Когда редут был уже почти взят, его командир приказал отходить, забрав с собой единственное уцелевшее орудие. В результате отступления остался без прикрытия соседний Кумирненский редут, взятый утром 7 сентября. Японцы потеряли ещё 1 500 человек, но теперь оба редута находились у них в руках⁵³⁰.

Одновременно с атакой на редуты японская 1-я дивизия и приданная ей резервная бригада начали штурм Длинной горы и высоты 203. Как ни странно, прежде ни одна из сторон не уделяла особого внимания этим возвышениям, хотя с самого высокого из них, с высоты 203, открывался полный обзор Порт-Артура и его гавани. И лишь после неудачи первого штурма Ноги в августе русские с опозданием осознали значение двух этих высот и принялись

⁵²⁹ *Сорокин А. И.* Оборона Порт-Артура. С. 117; Русско-японская война... Т. VIII. Ч. 2. С. 284, 297–298.

⁵³⁰ Русско-японская война... Т. VIII. Ч. 2. С. 328–329.

лихорадочно укреплять их. К 6 сентября оба холма были защищены двумя линиями траншей и многочисленными скрытыми и укрепленными позициями.

Участь двух этих высот оказалась совершенно разной. После продолжавшейся весь день артиллерийской подготовки, в ходе которой большинство снарядов ложилось мимо цели, четыре японских батальона предприняли вечернюю атаку на Длинную гору. Всю ночь защитники (пять пехотных рот и отряд добровольцев) и нападавшие вели бой в неверном свете прожекторов и магневых ракет. Отдельные группы японцев оказались в 70–80 м от русских, и русские артиллеристы прекратили огонь из опасения попасть по своим. К вечеру русские, которых оставалось по 10–20 человек на роту, начали оставлять свои позиции. Артиллеристы, оставшиеся, чтобы прикрыть их отход, были убиты у своих орудий.

Взятие Длинной горы позволило японцам подвергнуть обстрелу северный склон высоты 203, но защитники этой горы проявили ещё больше стойкости, чем их соседи. Хотя силы русских состояли всего из трёх стрелковых рот и роты моряков, они занимали сильную позицию и имели в своём распоряжении семь полевых орудий и четыре пулемёта. В ночь с 6 на 7 сентября высота 203 выдержала две серьёзные атаки. Сражение продолжалось днём 7 сентября. К вечеру командир высоты доложил Кондратенко, что защитники с трудом держатся, и пригласил генерала осмотреть позицию. Лично ознакомившись с ситуацией, Кондратенко направил на высоту 203 три роты, снятые с менее угрожаемых участков.

Подкрепления прибыли вовремя, поскольку в ночь с 7 на 8 сентября Ноги бросил в борьбу за гору ещё 2 тыс. пехотинцев. Они заняли первую линию траншей, а к рассвету 8 сентября, получив подкрепления, прорвали вторую. Когда уже казалось, что вся оборона вот-вот рухнет, русские штыковой контратакой отбросили японцев. К тому моменту большинство японских офицеров было мертво, а бойцы потеряли связь со своими частями. Однако, когда они в беспорядке отступили, на русские позиции снова обрушился град снарядов. Из-за непрерывного обстрела никто три дня не спал, и в некоторых ротах 5-го полка осталось не более чем по 20 человек⁵³¹.

Японцы продолжали просачиваться в обход русских позиций, нередко сходясь с русскими вплотную, поскольку траншеи защитников от передовых японских позиций отделяло немногим более нескольких метров пространства. Русские сражались как дьяволы, используя все преимущества местности и обрушивая на голову нападавшим дождь ручных гранат. Эти орудия разрушения русские делали из пустых гильз от 37- и 47-мм снарядов, наполняя их перексидом и снабжая бикфордовыми шнурами. Эта работа производи-

⁵³¹ Там же. С. 337–339.

лась на нескольких бездействующих порт-артурских фабриках. В самый разгар штурма защитники расходовали по 1 500 гранат за день⁵³².

Последний акт ужасающего спектакля, в который превратился второй штурм, состоялся вечером 9 сентября, когда русские наблюдатели заметили крупный отряд вражеской пехоты, собирающийся на подступах к высоте 203 для новой атаки. Кондратенко поспешно приказал установить батарею полевых орудий к северо-западу от укрепления № 5, среди гаоляна, откуда она открыла шрапнельный огонь по сосредоточению войск, впоследствии опознанных как три японских батальона. В течение пяти с половиной минут батарея выпустила 51 снаряд, устроив японцам настоящую бойню. Английский очевидец свидетельствовал, что ни один японский солдат не спасся от смертоносного огненного шквала. Этим редким примером хрестоматийного применения полевой артиллерии и закончился второй штурм⁵³³.

Провал японских попыток взять высоту 203 подвёл черту под четырёхдневным сражением, во время которого Ноги ценой 7 500 человек взял Водопроводный и Кумирненский редуты и Длинную гору. Хотя главный объект его атаки устоял, русские тоже потеряли 1 500 человек, которых им было нечем заменить. Кроме того, Длинная гора частично открывала японцам вид на гавань и представляла собой более удобный исходный рубеж для новых атак на высоту 203⁵³⁴.

Третий и четвёртый штурмы

После второго штурма операции под Порт-Артуром начали приобретать черты классической осады. Над землёй японские войска тянули свои траншеи в сторону русских позиций, а под землёй сапёры приступили к энергичному рытью минных галерей. В свою очередь, русские подводили контрмины, и время от времени одна из сторон пыталась взорвать вражеские подземные ходы. Порой противники врывались в чужие галереи и сходились врукопашную, используя динамитные гранаты, шанцевый инструмент, ножи и пистолеты. «Целый месяц, — писал корреспондент Эллис Эшмид-Бартлетт, — в зловонной атмосфере тесных бетонных подземелий, постоянно остерегаясь мин, среди взрывов динамитных ручных гранат, рискуя встретить смерть от пули или штыка, японские сапёры, невидимые для мира, пытались изгнать

⁵³² Фролов В. Героическая оборона Порт-Артура. С. 73.

⁵³³ B. W. Norregaard, *The Great Siege: The Investment and Fall of Port Arthur* (London, 1906), 165–166; Сорокин А. И. Оборона Порт-Артура. С. 123.

⁵³⁴ Русско-японская война... Т. VIII. Ч. 2. С. 349–350.

своих не менее упорных противников из этих подземных лабиринтов»⁵³⁵. Усилия японских минёров были обращены на форты № 2 и 3 и укрепление № 3 — вероятные цели очередного штурма Ноги.

Свою лепту в ярость наземной войны вносила осадная артиллерия. Теперь у японцев было 474 пушки, в том числе восемнадцать 11-дюймовых гаубиц Круппа, доставленных из Японии через Дальний специально для разрушения оборонительных сооружений Порт-Артура. Эти гаубицы обладали дальностью в 10 тыс. метров и вели стрельбу 550-фунтовыми снарядами. Всего японцы выпустили по Порт-Артуру 1,5 млн снарядов, в том числе 35 тыс. 11-дюймовых, которые у русских получили прозвище «паровозы» за звук, издаваемый ими в полёте. Имея тяжёлую осадную артиллерию, японцы получили возможность буквально искрошить русские укрепления и над землёй, и под землёй. Японцы управляли огнём артиллерии с помощью единой телефонной сети, но им требовались более удобные наблюдательные пункты и лучшая скоординированность с атаками пехоты⁵³⁶.

Для третьего штурма Ноги выбрал узкий сектор на северо-восточном фронте между батареей Б на правом крыле русских и укреплением № 3 на левом. В этом секторе находились форты № 2 и 3. Штурм начался 13 октября с непрерывной четырёхдневной артиллерийской подготовки. Под её прикрытием сапёры выдвинулись вперёд, чтобы засыпать рвы перед фортом № 3. Первую атаку предстояло провести 9-й, 11-й и частям 1-й дивизии, построившись в пять колонн полкового размера, за которыми следовали две колонны второй атаки. Японские пушки сильно повредили русские укрепления, но защитники ухитрились очищать рвы от мешков с песком не менее быстро, чем японцы их подтаскивали.

В полдень 17 октября русские вышли из руин, оставшихся от их укрепления, чтобы встретить японскую атаку 26 ротами, многие из которых имели неполную численность. «Максимы» и винтовки Мосина снова сделали свою смертоносную работу — рвы опять были полны трупов, а брустверы и гласисы завалены убитыми и ранеными. Нападающие на несколько минут сумели водрузить японский флаг над бруствером форта № 2, но русские отбросили их яростной штыковой атакой. Были отброшены и несколько групп японцев, ворвавшихся на батарею Б. На правом крыле русских штурмовая колонна достигла рва перед фортом № 3, но атака захлебнулась, когда её участники обнаружили, что их лестницы слишком коротки и не достают до парапета. В 15.30 японская артиллерия прекратила огонь, атака прервалась, а Ноги отказался бросать в бой резервы. Остатки пяти штурмовых колонн отступили

⁵³⁵ Ellis Ashmead-Bartlett, *Port Arthur: The Siege and Capitulation*, 2^d ed. (Edinburgh, 1906), 233.

⁵³⁶ Ibid., 163–66.

на исходные рубежи. Японский император так и не получил капитуляцию Порт-Артура на свой день рождения (3 ноября по новому стилю)⁵³⁷.

В течение следующего месяца японцы продолжали минные работы, а их тяжёлая осадная артиллерия загоняла русских в подземные убежища. Обоих противников подгоняло отчаяние. У русских подходили к концу запасы продовольствия, крупнокалиберных снарядов и прочего. Среди командования Порт-Артура продолжались раздоры, но в открытую о капитуляции ещё не говорили. Русские терпеливо совершенствовали свои укрепления и не пали духом даже после того, как в середине октября до них дошли вести о неудаче Куропаткина на Шахэ. Напротив, у японского командования нарастало беспокойство и нетерпение, поскольку осада отвлекала слишком много людей и материалов, крайне необходимых в других местах. Кроме того, в конце ноября в Токио стало известно, что русский Балтийский флот, отплывший на Дальний Восток 2 октября, вышел в Индийский океан⁵³⁸.

Четвёртый штурм, который оказался прелюдией к капитуляции, был назначен на 13 ноября. За исключением сокращённой артиллерийской подготовки и надежды на то, что установленные в минах заряды пробьют брешу в обороне, планы Ноги практически повторяли рисунок третьего штурма. Целью атаки снова являлся восточный участок обороны от батареи Б на правом крыле русских до укрепления № 3 на левом крыле. Именно провал этих планов и поиск альтернативных решений в конечном счёте приблизили нападающих к победе.

В 8.00 13 ноября японцы начали трёхчасовую артиллерийскую подготовку против восточного фронта обороны Порт-Артура. В 11.00 пехота из 11-й, 9-й и 1-й дивизий начала сосредоточение в траншеях перед редутами № 1, фортом № 3 и укреплением № 3. В полдень японцы бросились в атаку вслед за взрывом мощного заряда, заложенного под бруствером форта № 2. Чуть позже несколько других зарядов взорвалось под укреплениями вдоль Китайской стены. Атака развивалась по типичному сценарию. Японская пехота ползла вперёд по траншеям, многие из которых заканчивались в 50 метрах от русских укреплений, а затем делала отчаянный рывок к русским брустверам и казематам, фактически ставя успех атаки в зависимость от своей численности и разрушительности различных видов артиллерийской и инженерной подготовки. Хотя русские были измотаны и сражались в формированиях неполной численности, они встретили японцев пулемётным и винтовочным огнём, гранатами и стрельбой прямой наводкой из пушек, приданных этому сектору обороны. К 15.00 японская атака захлебнулась по всему фронту⁵³⁹.

⁵³⁷ Norregaard, *The Great Siege*, 192.

⁵³⁸ *Asbmead-Bartlett*, *Port Arthur*, 268–269.

⁵³⁹ *Сорокин А. И.* Оборона Порт-Артура. С. 140–141.

Настало время для отчаянных мер. В тот же вечер генерал Накамура сформировал специальный отряд из 2600 добровольцев, которые должны были просочиться сквозь русские позиции по долине небольшого ручья, а затем ударить по укреплению № 3 с фланга. Японцам не повезло: русские часовые заметили их, когда те приближались к форту № 3, и нападающие тут же попали под шрапнельный и картечный огонь. Генерал Кондратенко немедленно провёл контратаку силами трёх рот моряков, которые сошлись вплотную с остатками вражеской колонны и добились её штыками. Так завершился первый этап четвёртого штурма Порт-Артура. Японцы насчитали убитыми и ранеными 4500 человек, русские же потеряли ещё 1500 бойцов⁵⁴⁰.

Ноги не стал отменять штурм. Вместо этого он обратил своё внимание на высоту 203 и западный фронт, где доблестный полковник Третьяков прочно держал оборону силами 2200 человек из трёх Восточно-Сибирских стрелковых полков. На рассвете 14 ноября Ноги открыл огонь по высоте 203 из своих 11-дюймовых пушек. К 17.00 они разрушили 22 блиндажа и большую часть укреплений на юго-западном склоне горы. После того, как атака, предпринятая 1-й дивизией в конце дня, захлебнулась, японцы на следующее утро возобновили обстрел из тяжёлых орудий. Новая атака 1-й дивизии в полдень 15 ноября тоже оказалась безрезультатной. На следующее утро Ноги был вынужден отправить в бой 7-ю дивизию, поскольку 1-я дивизия понесла громадные потери.

Бой продолжался с 17 по 21 ноября. Атаки следовали одна за другой; оборонительные позиции на высоте 203 утонули в огненном шторме артобстрела. Русский корреспондент Ножин описывал события такими красноречивыми словами: «То, что происходило на этом проклятом месте, не было сражением людей друг с другом; это было сражение человеческой плоти с железом и сталью, с пылающей нефтью, лиддитом, пироксилином и мелинитом, и со зловонием разлагающихся трупов»⁵⁴¹. Последний японский штурм начался 22 ноября в 8.15, когда Ноги бросил против защитников высоты бригаду, а русские уже не могли направить им подкреплений без риска опасно обнажить свои позиции в других местах. Последний редут был взят вскоре после полудня, и в 17.00 атакующие наконец смогли водрузить флаг с восходящим солнцем на вершине высоты 203⁵⁴².

Вплоть до Вердена в 1916 г. никогда ещё столько людей не расставались с жизнью за обладание одной-единственной укрепленной позицией. Русские потеряли более 400 человек убитыми и ещё 5000 ранеными. У японцев число убитых и раненых превышало 10 тыс. человек. Эшмид-Бартлетт пи-

⁵⁴⁰ История русско-японской войны 1904–1905 гг. С. 237–238.

⁵⁴¹ *Nojine*, *The Truth About Port Arthur*, 256.

⁵⁴² *Ibid.*, 257–58.

сал, что «вероятно, никогда ещё такая гора трупов не лежала на крохотном клочке земли с того дня, когда французы штурмовали главный редут в Бородино... Целых тел здесь практически не встречалось; склон холма был усеян оторванными конечностями, черепами, кусками мяса и обезображенными торсами, которые когда-то были живыми существами, вперемешку с осколками снарядов, разбитыми винтовками, перекрученными штыками, гранатами и кучами камня, выброшенного взрывами на поверхность»⁵⁴³.

Падение высоты 203 решило участь Порт-Артура. Японская осадная артиллерия могла отсюда прямой наводкой выбивать корабли русской Тихоокеанской эскадры один за другим, тем самым позволив флоту адмирала Того провести крайне необходимый ремонт в преддверии сражения с Балтийским флотом при Цусиме. Минная война и местные атаки продолжались ещё целый месяц, во время которого гарнизон города начал страдать от нехватки продовольствия. 20 декабря 1904 г. генерал Стессель поднял белый флаг. Два дня спустя он капитулировал, выдав японцам 546 орудий, 82 тыс. снарядов и 2,25 млн патронов, 878 офицеров и 23 481 солдата. 3-я японская армия теперь могла встать под знамёна Оямы, ведущего борьбу с Куропаткиным⁵⁴⁴.

Манёвренная война в Маньчжурии

Для генерала Куропаткина и русской Маньчжурской армии Порт-Артур одновременно служил и подмогой, и помехой. С одной стороны, уже весной 1904 г. Куропаткин был прав в своих предположениях, что крепости не грозит немедленное падение, вследствие чего она могла сыграть важную роль, отвлекая японские войска и ресурсы, пока сами русские, выиграв время, не соберут в Маньчжурии сильную полевую армию. С другой стороны, осада Порт-Артура оказывала неумолимое психологическое давление на Санкт-Петербург и русское верховное командование. Ни царь, ни его ближайшие военные советники не могли отмахнуться от настойчивых призывов осаждённого гарнизона, и на Куропаткина постоянно оказывалось сильное давление с тем, чтобы он ускорил подготовку к наступлению на выручку крепости. Главным среди сторонников скорейшей спасательной операции был адмирал Е. И. Алексеев, который в последний момент бежал из Порт-Артура и обосновался в Мукдене, издавая и рассылая оттуда бесконечные приказы, противоречившие приказам Куропаткина и окончательно сбивавшие всех с толку. Принимая во внимание трудности мобилизации и перевозки по крайне рас-

⁵⁴³ *Asbmead-Bartlett*, Port Arthur, 330.

⁵⁴⁴ История русско-японской войны 1904–1905 гг. С. 248.

тянутым линиям снабжения, Куропаткин решил, что не предпримет никаких наступательных действий по крайней мере до сентября⁵⁴⁵.

В значительной степени русская военная удача на Дальнем Востоке летом 1904 г. зависела от решительности Куропаткина и того, каким образом он воспользуется имевшимся у него временем. Перед лицом требований, исходивших из Санкт-Петербурга и от Алексеева, он в конце концов пошёл на компромисс. Под нажимом защитников Порт-Артура он не счёл возможным разменивать пространство на время. В условиях давления со стороны японцев его передовые части не сумели выиграть время, проводя адекватные сдерживающие операции.

Никто лучше японского верховного командования не понимал, как отчаянно Куропаткин нуждается во времени. Хотя Порт-Артур стал для японцев серьёзной проблемой, они решительно и целеустремлённо готовились дать Куропаткину колоссальную битву на окружение в духе сражения при Седане во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. Если бы Куропаткин отправился на юг выручать Порт-Артур, то японцам не пришлось бы идти так далеко на север, чтобы выполнить свою задачу. Японское верховное командование было уверено в том, что это сражение состоится в окрестностях Ляояна.

Сразу же после сражения при Наньшане японцы предприняли первые шаги, необходимые для осуществления их планов. В течение мая и июня морем было доставлено достаточно войск для усиления одной полевой армии и создания ещё двух. Генерал Ноги принял под своё командование 3-ю новосозданную армию под Порт-Артуром, а генерал Оку со своей 2-й армией направился на север, вдоль железной дороги из Порт-Артура на Мукден. 10-я дивизия, высадившаяся в Дагушане 19 мая, была объединена с 5-й дивизией в 4-ю армию под командованием генерала Нодзу. К северо-западу от Ялу 1-я армия генерала Куроки заняла Фынхуанчэн. Идея состояла в том, чтобы 1-я, 2-я и 4-я армии провели одновременное наступление на Ляоян; там одна часть общих сил должна была произвести скользящую атаку, а другая часть — осуществить охват русской армии с флангов и тыла⁵⁴⁶.

Эта угроза диспозициям русской маньчжурской армии стала для Куропаткина серьёзным источником беспокойства. Хотя к концу апреля из Приамурского и Забайкальского военного округов начали поступать подкрепления, Куропаткин ожидал прибытия IV Сибирского корпуса и X и XVII армейских корпусов. Его войска были растянуты по обширным пространствам вдоль железнодорожной линии, идущей на юг от Харбина. В начале мая русская маньчжурская армия была разделена на три части — Южный и Восточный

⁵⁴⁵ *Kuropatkin*, The Russian Army and the Japanese War. II, 213–214.

⁵⁴⁶ *Burne*, The Liao-yang Campaign, 51–56.

отряды и общий резерв. Южный отряд, состоявший главным образом из I Сибирского армейского корпуса, располагался в низовьях Ляохэ. Восточный отряд, состоявший в основном из III Сибирского армейского корпуса (18,5 пехотных батальонов, 14,5 казачьих кавалерийских эскадронов и 32 орудия) прикрывал горные перевалы, к которым приближалась японская 1-я армия Куроки. Резерв состоял из 28,5 пехотных батальонов, 2 казачьих эскадронов и 84 орудий.

От Куропаткина, имевшего в своём распоряжении эти разбросанные и недостаточные силы, требовали обрубить вытянувшиеся в его сторону японские щупальца, следствием чего стали поражения под Телиссу и на перевале Мотьен. 27 мая, под нажимом со стороны Алексеева и из Санкт-Петербурга, Куропаткин согласился выдвинуть войска на юг, для того, чтобы дать защитникам Порт-Артура какую-то надежду на помощь, а также помешать наступлению Оку вдоль железной дороги на Ляоян. Русский командующий знал не только о прибытии к японцам подкреплений, но и о возможности охвата своих позиций. Тем не менее по его приказу I Сибирский корпус генерала Г. К. Штакельберга выступил навстречу Оку. Штакельберг предпочёл продвигаться на юг, последовательно занимая ряд оборонительных позиций, — странная тактика для кавалериста — с целью задержать японцев у Телиссу. Вследствие плохой информированности и неадекватной разведки, Штакельберг не знал, что его 32 батальонам с 48 орудиями противостоит вся японская 2-я армия генерала Оку с 48 батальонами и 216 орудиями⁵⁴⁷.

Телиссу находилось в 5 км к югу от железнодорожного узла в Вафангоу, примерно в 135 км к северу от Порт-Артура и в 225 км от Ляояна. Штакельберг занял оборонительную позицию шириной примерно в 12 км вдоль цепи холмов, поперёк железной дороги. Наиболее сильный участок обороны располагался к востоку от железной дороги, где находились 12 пехотных батальонов генерала А. А. Гернгросса и артиллерия поддержки. Генерал Ф. Ф. Гласко командовал сильным резервом из восьми батальонов, размещённым севернее, в окрестностях Сисана. Открытый правый фланг Штакельберга прикрывал кавалерийский заслон. Левый фланг опирался на местность, затруднявшую фланкирующий манёвр. Артиллерия была расположена на открытых позициях по приказу офицеров, не понимавших значения огня с закрытых позиций. Сам Штакельберг расставил свои батареи на высоких голых вершинах.

Сражение началось в 8.30 1 июня, когда передовые части армии Оку попали под огонь русской артиллерии. Японцы наступали тремя колоннами вдоль насыпи железной дороги, и русские не заметили четвёртую колонну в нескольких километрах к западу. Это была японская 4-я дивизия, которую

⁵⁴⁷ См. также: *Левитский Н. А.* Русско-японская война... С. 42–43.

Оку предполагал использовать для глубокого охватывающего манёвра примерно в 10 км от линии контакта с целью зайти в тыл Штакельбергу. Одновременно Оку предпринял фронтальную атаку силами двух оставшихся дивизий, 3-й и 5-й⁵⁴⁸.

Сражение с самого начала стало принимать для русских неблагоприятный оборот, хотя они отчасти сумели оправиться, прежде чем у них в тылу появилась 4-я дивизия. После полудня японцы начали свою атаку с мощного артобстрела, который застиг русских либо на открытой местности, либо в ненадёжных укрытиях и привёл к многочисленным потерям. Как и в сражении на Ялу, русские батареи, непродуманно расположенные на открытых позициях, тяжёло пострадали от точного японского огня с закрытых позиций. Японская 3-я дивизия решительно набросилась на левое крыло Штакельберга и едва не прорвала тонкую русскую оборону, однако генерал Гернгросс спас положение, лично поведя в контратаку свой 2-й пехотный полк. После четырёхчасовой упорной схватки, происходившей к востоку от железной дороги, спустилась ночь, прервав бой. Воодушевлённый итогами дневного сражения, Штакельберг намеревался ранним утром следующего дня атаковать своим левым крылом, смять правый фланг Оку, а затем ударить японцам в центр. Этот план требовал тесного взаимодействия между Гернгроссом и Гласко, но ни тот, ни другой не сумели отыскать друг друга в ночь с 1 на 2 июня. В результате к рассвету 2 июня каждый из генералов примерно представлял, что должен атаковать, но не имел никаких указаний о времени атаки, её цели и взаимодействии с другими частями. Гернгросс, снова попав под опустошительный артиллерийский огонь, в 8.00 решил атаковать своими двумя полками. Через полчаса он запросил поддержку у одного из своих бригадных командиров и в 10.00 бросил в атаку третий полк. К 11.30 он понёс тяжёлые потери, но его натиск угрожал прорвать оборонительный рубеж 3-й дивизии Оку. Если бы в этот критический момент появился Гласко с резервами, поле боя могло бы остаться за Штакельбергом.

Однако Гласко нигде не было видно, а в 11.30 до штаба корпуса дошли вести о том, что к северу от Вафангоу замечены крупные формирования японцев. Почти час Штакельберг отказывался поверить в то, что в тылу у него появилась ещё одна японская дивизия. В конце концов, когда просочились известия о том, что его резервы подверглись нападению, а тыловые артиллерийские позиции захвачены, Штакельберг приказал отступать. Гласко реабилитировался, держа оборону на правом крыле Гернгросса, тем самым позволив многим русским частям избежать уничтожения. К счастью для Штакельберга, удар японской 4-й дивизии оказался слишком глубоким, и Оку вре-

⁵⁴⁸ Русско-японская война... Т. II. Ч. 2. С. 39–42.

менно утратил возможность координировать действия молота и наковальни. Кроме этого, разразившаяся около 15.00 буря с ливнем обеспечила отступающим русским эффективное прикрытие. В иных условиях русские могли бы потерять более 3 500 человек при японских потерях в 1 163 человека⁵⁴⁹.

В то время как 2-я армия Оку наступала на Штакельберга, 1-я армия Куроки застряла под Фынхуанчэном, став жертвой проблем со снабжением. Пока инженеры Куроки не построили рельсовый путь, по которому осуществлялась челночная переброска припасов из Аньтуна, 1-я армия не могла переходить через горы, угрожая русскому флангу в Ляояне. После того, как рельсовый путь заработал, Куроки в середине июня углубился в горы, следуя вдоль старой Мандаринской дороги, — Гвардейская дивизия шла на левом фланге, 2-я дивизия в середине, и 12-я дивизия справа. Дорога, извиваясь между зелёными террасированными холмами, вывела армию Куроки к перевалу Мотьен, который один современный автор назвал «маньчжурскими Фермопилами». У Куропаткина же, приложившего все силы к тому, чтобы задержать Оку на юго-восточном направлении, не нашлось Леонида, который бы преградил Куроки путь через горы. Поэтому Куроки с неожиданной лёгкостью миновал перевал, не встретив почти никакого сопротивления там, где даже небольшие отряды могли бы задержать его продвижение на много дней и недель⁵⁵⁰.

Куропаткин слишком поздно осознал значение утерянных перевалов, а затем усугубил свою ошибку, поддавшись нажиму Санкт-Петербурга, требовавшего взять их обратно. Эта задача была поручена графу Фёдору Келлеру, близкому другу Куропаткина, который сменил Засулича в роли командующего Восточным отрядом. 4 июля, имея шесть пехотных полков, включая 9-ю армейскую дивизию из Европейской России, артиллерийскую батарею и небольшой кавалерийский отряд, Келлер неожиданно атаковал японскую 2-ю дивизию, удерживавшую перевал Мотьен. Под прикрытием утреннего тумана русские смяли японские аванпосты, а затем поднялись на хребет и попытались окопаться. Прежде чем они успели упрочить своё положение, туман рассеялся, раскрыв их позицию японским артиллерийским наблюдателям. Не имея при себе пушек для того, чтобы подавить смертоносные вражеские орудия, русские понесли тяжёлые потери. Келлер, потеряв около 1 000 человек, отвёл свои силы к западу от Ланьхэ⁵⁵¹.

С целью улучшить координацию своих операций, японское верховное командование назначило генерала Ояму главнокомандующим всеми японскими силами в Маньчжурии. Вскоре после своего прибытия в штаб Оку 9 июля

⁵⁴⁹ Там же. С. 50–56.

⁵⁵⁰ *Hamilton*, A Staff Officer's Scrap Book, 210–11, 221–22.

⁵⁵¹ *Ibid.*, 257–58, 268–70.

Ояма помог организовать наступление 2-й армии на позиции I и IV Сибирских корпусов в Ташичао, примерно в 80 км к северу от Телиссу. Идея состояла в нанесении превентивного удара, который бы не позволил русским помешать наступлению 4-й армии Нодзу через перевал Феншуй. Сражение кипело весь день 11 июля, однако ночью Куропаткин вышел из боя, беспокоясь за безопасность своего растянутого левого фланга. В результате русские отступили к Хайчену, примерно в 32 км к северу от Ташичао. Нодзу беспрепятственно миновал перевал Феншуй⁵⁵².

Ляоян

К концу июля Куропаткин потерпел уже ряд неудач, но ни одна из них не была фатальной. Вопреки своим убеждениям он попытался держать открытой дверь в Порт-Артур, но эта дверь захлопнулась в сражении при Телиссу. Более тревожным было то, что его силы оставались разбросанными, а силы врага непрерывно сосредотачивались. Сперва Куропаткин надеялся провести сосредоточение своих войск в Хайчене, но теперь это удавалось сделать лишь дальше к северу — в Ляояне. Все попытки задержать наступление японцев провалились вследствие неадекватности и неполноты приказов либо некомпетентности командиров. У Куропаткина не имелось удовлетворительной информации о действиях врага, и было мало надежды на то, что имеющиеся на театре военных действий активы — кавалерийские отряды, разведчики и шпионы — смогут восполнить этот серьёзный недостаток.

Прежде всего Куропаткину требовалось время на то, чтобы нарастить мощь маньчжурской армии, но ни японцы, ни Санкт-Петербург не давали ему отсрочек. Куропаткин под нажимом сверху решил дать бой в Ляояне. Хотя Транссибирская магистраль обладала довольно скромными возможностями по доставке войск и припасов, Куропаткину удалось получить пять сибирских армейских корпусов и два армейских корпуса из Европейской России — в целом 14 дивизий. Всего у Куропаткина теперь было 158 тыс. человек в 155 пехотных батальонах и 141 кавалерийском эскадроне и 483 орудия. Против него Ояма выставил восемь дивизий своих трёх полевых армий и ряд более мелких отдельных частей из резерва. Его 125 тыс. человек распределялись по 115 пехотным батальонам и 33 кавалерийским эскадронам со 170 орудиями. Таким образом, общая численность сил, которым вскоре предстояло вступить в бой, составляла чуть более 300 тыс. человек — до этого более

⁵⁵² История русско-японской войны 1904–1905 гг. / Под ред. И. И. Ростунова. С. 262–265.

крупные силы собирались на поле боя лишь раз в истории, 1 сентября 1870 г. под Седаном⁵⁵³.

При подготовке к сражению Куропаткин руководствовался двумя соображениями. Во-первых, его стратегия была чисто оборонительной, поскольку цель состояла в том, чтобы выиграть время для накопления резервов и ресурсов, необходимых для полномасштабного наступления и изгнания японцев из Маньчжурии. Во-вторых, ему не давала покоя навязчивая идея о численном превосходстве японцев. Штабные офицеры Куропаткина хронически преувеличивали численность войск, имевшихся в распоряжении Оямы, приписывая к впечатляющим полевым силам противника ещё более 25 тыс. человек мнимого войска. Соответственно, Куропаткина не оставлял страх перед призрачными охватывающими силами, который в критические моменты операции вселял в него то отчаяние, то нерешительность⁵⁵⁴.

Развёртывание русских сил и выбор оборонительных позиций, в принципе, были проведены здраво. Пока Ояма ожидал результатов штурма Порт-Артура, предпринятого Ноги 7 августа, Куропаткин отступал вдоль железнодорожной линии к Ляояну, оборудовав одну за другой три оборонительные позиции. Первая, «арьергардная», позиция представляла собой линию протяжённостью в 70 км между укреплёнными оборонительными пунктами в 30 км к югу и юго-востоку от Ляояна. Примерно в 20 км от этой позиции в тылу у неё пролегла вторая оборонительная позиция, называвшаяся «авангардной». Её протяжённость составляла 22 км. Местность вдоль первой линии была холмистой — этот фактор ограничивал обзор и эффективность оборонительного огня. Местность вдоль второй линии представляла собой слабо всхолмлённую равнину, обеспечивая отличный обзор и оборонительный огонь на дистанции в 500 метров. Третья позиция Куропаткина находилась в 4–6 км за второй линией. Она имела протяжённость в 15 км и сама состояла из трёх отдельных линий, обеспечивавших глубину обороны в 4 км. Кроме того, она включала в себя восемь фортов, расположенных на расстоянии в 2–3 км друг от друга и защищённых сложной системой траншей⁵⁵⁵.

Устройство этих диспозиций свидетельствовало и о готовности Куропаткина отдать врагу инициативу, и о возрастающей заинтересованности его армии в полевых укреплениях. Два других новшества получали признание медленнее. Одним из них было проникающее в ряды артиллеристов предположение вести огонь с закрытых позиций. После неудач на Ялу и при Телиссе командиры батарей всё чаще стали требовать, чтобы их орудия использова-

⁵⁵³ Burne, *The Liao-yang Campaign*, 93–94; общий обзор см.: Военная энциклопедия. Т. XV. 1914. Статья «Ляоян». (С. 80–87. — *Прим. ред.*)

⁵⁵⁴ *Kuropatkin, The Russian Army and the Japanese War*, II, 226–227.

⁵⁵⁵ Русско-японская война... Т. III. Ч. 3. С. 5–9.

лись именно таким образом. Во время стычек при Ташичао в середине июля орудия размещались в специально отрытых ячейках или на обратном склоне холмов. Офицеры наблюдали за огнём с соседних возвышенностей и передавали наводчикам поправки посредством либо бегунов, либо по цепочке людей⁵⁵⁶. Вторым новшеством, с запозданием освоенным в русском стане, была тенденция задействовать кавалеристов в роли мобильной пехоты, использующих лошадей для быстроты перемещения и принимающих бой в пешем строю⁵⁵⁷.

10 августа русские заняли передовую оборонительную позицию силами Восточного отряда под командованием генерала А. А. Бильдерлинга, который развернулся на левом фланге русских напротив 1-й армии Куроки. Южный отряд, включая корпус Штакельберга, под командованием генерала Н. П. Зарубаева развернулся в центре и на правом крыле напротив приближающихся японских 2-й и 4-й армий. Два этих отряда были разделены промежутком в 23 км, но общий оперативный контроль над ними осуществлял Куропаткин. Он оставил один корпус в общем резерве, и ещё один — в армейском резерве в Мукдене.

12 августа Ояма атаковал русские передовые позиции, нанося основной удар в секторе 1-й армии. Затем Куроки предпринял вспомогательную атаку в центральном секторе, нацеленную на III Сибирский корпус, чтобы отвлечь внимание от своего главного удара по X корпусу генерала К. К. Случевского на левом фланге русских. После прорыва позиций X корпуса Куроки планировал перерезать коммуникации Куропаткина, а затем напасть на Южный отряд с фланга и с тыла. Однако III корпус держался стойко, вспомогательная атака Куроки захлебнулась, а X корпус Случевского весь день упорно цеплялся за свои позиции. Русские дрогнули лишь с наступлением ночи. Вместо того, чтобы предпринять контратаку своими обильными резервами, Куропаткин в полночь приказал всей армии отступать на вторую оборонительную позицию. Сильный дождь, продолжавшийся следующие два дня, облегчил Куропаткину отступление⁵⁵⁸.

Вторая фаза ляоянской операции началась 15 августа, когда Маньчжурская армия заняла вторую оборонительную позицию. I и III Сибирские корпуса и X армейский корпус удерживали главную линию обороны, II и IV Сибирские и XVII армейский корпус находились в резерве. Это были несообразно

⁵⁵⁶ Превосходный обзор см.: C. D. Bellamy, «The Russian Artillery and the Origins of Indirect Fire», *Army Quarterly and Defence Journal*, 112, no. 3 (July 1982), 331–33; см. также: Great Britain War Office, General Staff, *Notes upon Russian Artillery Tactics in the War of 1904–1905*, [For Official Use Only], (London, 1907), 42–47.

⁵⁵⁷ История русско-японской войны 1904–1905 гг. С. 273.

⁵⁵⁸ Русско-японская война... Т. III. Ч. 3. С. 343–345.

большие силы для того, чтобы держать их в резерве, а командиры отдельных корпусов сократили боевой состав сил, удерживавших фронт, ещё сильнее, повсеместно отправив от 46 до 66% своих войск в местный резерв! Очевидно, страх Куропаткина перед охватом оказался заразительным⁵⁵⁹.

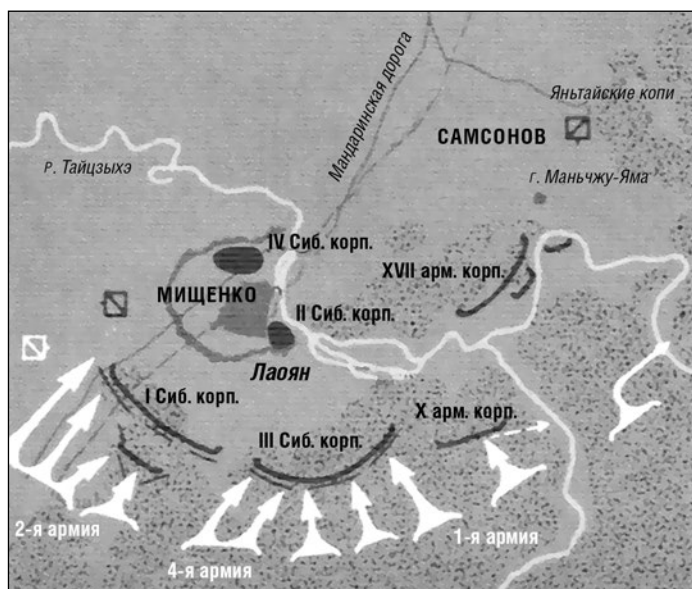
Учитывая планы Оямы, основания для беспокойства все-таки имелись. Выдвигая свои войска вперёд, чтобы атаковать русских на их новых позициях, он произвёл манёвр по такой схеме, которая могла повлечь за собой двойной охват. Его атака должна была начаться мощным ударом по I Сибирскому корпусу Штакельберга на правом крыле Куропаткина. Пока Оку развивал бы достигнутый успех своей 2-й армией, 1-й армии Куроки предписывалось форсировать реку Тайцзы, угрожая железнодорожной линии, идущей из Ляояна на север.

Сражение началось на рассвете 17 августа отвлекающей атакой на III Сибирский корпус, которая скрывала главный удар Оямы по правому крылу русских. После упорных боев в центре, в ходе которых численность некоторых русских батальонов сократилась вдвое, 6-я японская дивизия в 10.00 атаковала правый фланг русских, врезавшись в позиции I Сибирского корпуса. 6-я дивизия без труда заняла несколько деревень, но затем её наступление было пресечено контратакой русского 12-го Барнаульского полка. На крайнем правом фланге I корпуса японцы не могли подойти ближе, чем на 1,5–2 км, благодаря действиям пулемётного отряда, который оказал правофланговому батальону такую эффективную поддержку, что атакующие никак не могли прорваться сквозь смертоносный занавес огня и зайти во фланг русским. Свою роль в отражении наступления Оямы на сибиряков сыграла и артиллерия. 1-я и 2-я батареи 9-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады выпустили более чем по 1 300 снарядов каждая, а 3-я батарея произвела 1 776 выстрелов. По большей части они вели огонь с закрытых позиций. К концу дня русские по-прежнему держались по всему фронту⁵⁶⁰.

Основные события сражения произошли в ночь с 17 на 18 августа и утром 18-го. На крайнем правом фланге японцев Куроки, очевидно реагируя на ошибочные сообщения о том, что Куропаткин снова отступает, отдал приказ своей 12-й дивизии и частям 2-й дивизии форсировать Тайцзы и начать охватывающий манёвр против левого фланга Куропаткина. Получив около 6.00 известия об этой переправе, Куропаткин, действуя в предположении, что у Куроки имеется не три и три четверти, а целых шесть дивизий, приказал осуществлять Директиву № 3 — план, предусматривавший отступление

⁵⁵⁹ Казаков М. Использование резервов в русско-японской войне 1904–1905 гг. // Военно-исторический журнал. № 4. Апрель 1971. С. 46, 48.

⁵⁶⁰ История русско-японской войны 1904–1905 гг. С. 276; *Kuropatkin, The Russian Army and the Japanese War*, II, 230.

Ляоян. 17 августа 1904

Ляоян. Вечер 20 августа 1904

на главную оборонительную позицию в случае перехода японцами через Тайцзы. В реальности ход Куроки открыл широкую брешь в японских рядах, и Куропаткин тем утром мог бы одержать победу, ударив в эту брешь своим слабо задействованным X армейским корпусом. Вместо этого русские в ночь с 18 на 19 августа отступили на главную позицию⁵⁶¹.

Замыслы Куропаткина не носили чисто оборонительного характера. Отступая, он надеялся сократить свой фронт, а затем перевести силы со своего правого на угрожаемый левый фланг и нанести мощный удар по войскам Куроки, большая часть которых повернула налево, оставив за спиной разлившуюся Тайцзы. В то время как кавалерия А. В. Самсонова создала заслон на крайнем левом фланге поблизости от Яньтайских копей, а XVII корпус держался несколько правее, генералу Н. А. Орлову следовало провести части V корпуса (12 батальонов) мимо Яньтайских копей и навалиться на фланг Куроки. Одновременно с этим I и X корпуса должны были всеми силами ударить по слабому фронту Куроки. Согласно плану Куропаткина — и в лучших лееровских традициях — охватывающий был бы разбит и сам попал под охват⁵⁶².

К несчастью для русских, Куроки не собирался лезть в ловушку, а Куропаткин недооценивал трудности при осуществлении этого плана, успех которого зависел от обладания Маньчжу-ямой — небольшим возвышением, господствующим над местностью между Яньтайскими копиями и рекой Тайцзы. Куропаткин и его командиры со штабами, энергично перетасовывая войска для контратаки, не знали о том, что Куроки в ночь с 19 на 20 августа занял это возвышение. Опорная точка русской атаки оказалась в руках японцев⁵⁶³.

Захватив высоту, японцы вынудили Куропаткина приступить к исполнению плана уже 20 августа. Сам Куропаткин выехал на позиции, чтобы наблюдать за ходом сражения, и при этом утратил за ним контроль. Его войска, выдвигаясь на исходные рубежи, потеряли ориентацию, попав в бескрайние поля, засеянные гаоляном, высокие стебли которого закрывали обзор. Связные и гонцы сбивались с дороги, младшие командиры получали искажённые или запоздавшие приказы. В отличие от японцев, широко пользовавшихся телефоном, русские полагались главным образом на связных. В путанице, наступившей после начала русского наступления, X корпус не сумел быстро прийти на помощь XVII корпусу и овладеть Маньчжу-ямой. V корпус безнадёжно заблудился на полях гаоляна, а часть людей Орлова вообще по ошибке обстреляла части I корпуса, после чего пришла в полное расстройство.

⁵⁶¹ Burne, *The Liao-yang Campaign*, 104–105.

⁵⁶² *Kuropatkin, The Russian Army and the Japanese War*, II, 230–231.

⁵⁶³ *Freiberr von Tettau, Achtzehn Monate*, I, 331–344.

Самсонов внёс свой вклад в общее замешательство, неожиданно отступив и оставив Яньтайские копи без прикрытия⁵⁶⁴.

Несмотря на все эти сбои, на одиннадцатом часу сражения Куропаткину оставалось совсем чуть-чуть до победы, но в последний момент она от него ускользнула. 20 августа в 20.30 в штаб пришло известие о том, что XVII корпус сумел вернуть Маньчжу-яму. На южном фронте II и IV корпуса, по видимости, держались стойко. Ни III, ни X корпус серьёзного участия в сражении не принимали. Поэтому в 2.30 21 августа Куропаткин составил приказ для генерала Бильдерлинга утром начинать наступление: «21 августа командующий армией предполагает атаковать противника нашим левым флангом». Продиктовав приказ, командующий на несколько часов прилёт отдохнуть. Но полчаса спустя начали поступать известия о том, что мощный натиск на генерала Н. П. Зарубаева, удерживавшего позиции на юге, вынудил его израсходовать все резервы и почти все боеприпасы. Затем появились и донесения о состоянии войск Штакельберга после непрерывного пятидневного сражения. Поскольку силы людей Штакельберга были на исходе, он начал медленное отступление на север со своих нынешних позиций. Наконец, к 5.30 в штабе стало известно и о постигшей Орлова катастрофе. Куропаткин, пробудившись от недолгого сна, выслушал донесения и отдал приказ об общем отступлении. Хотя Куропаткин впоследствии пытался подать все свои шаги в самом выгодном свете, Ояма мог записать на свой счёт победу. Несмотря на то, что продвижение его армии было остановлено, именно Куропаткин в конце концов отступил⁵⁶⁵.

Поскольку японцы были обессилены и остались без боеприпасов, включая снаряды к артиллерии, трёхдневное отступление русских к Мукдену прошло без всяких помех. В сражении, продолжавшемся почти девять дней, японцы потеряли 23 тыс. человек, а русские — 16 тыс. Однако хуже всего для Куропаткина было то, что постоянное отступление начало сказываться на боевом духе его людей⁵⁶⁶.

Шахэ

Поскольку напряжённое сражение под Ляояном истощило силы японцев, Ояма не мог ни преследовать Куропаткина, ни расстроить приготовления к новому русскому наступлению. В начале сентября в Мукден прибыли I армейский и VI Сибирский корпуса, восполнив потери, понесённые под Ляояном и раз-

⁵⁶⁴ Ibid., 234.

⁵⁶⁵ Русско-японская война... Т. III. Ч. 3. С. 245–247.

⁵⁶⁶ История русско-японской войны 1904–1905 гг. С. 282–283.

вевая страхи Куропаткина о японском численном превосходстве. Теперь у русских в Маньчжурии имелось девять полноценных корпусов (I–VI Сибирские и I, X и XVII армейские) — всего 257,5 пехотных батальонов (195 тыс. человек), 143 кавалерийских эскадрона, 678 орудий и 32 пулемёта. Несмотря на некоторые проблемы со снабжением — например, в войсках не хватало одежды для приближающейся зимы и карт, пригодных для ведения кампании к северу от Ляояна, — Куропаткин приступил к планированию осеннего наступления. Благодаря ляоянской операции он получил более точное представление о японцах и их слабых местах. Куропаткин справедливо полагал, что осада Порт-Артура обострила испытываемую японцами проблему с пополнением и что линии снабжения Оямы опасно растянулись. Ясная осенняя погода способствовала наступлению, а как долго тупиковая ситуация под Порт-Артуром будет обеспечивать благоприятное соотношение сил, никто не мог сказать. Санкт-Петербург также оказывал на Куропаткина серьёзный нажим, требуя наступать. Наконец, Куропаткин и сам признавал, что «наступление казалось более многообещающим, нежели ожидание вражеского нападения, поскольку мукденские позиции не давали особых шансов на возможность их удержания»⁵⁶⁷.

22 сентября Куропаткин начал наступление к югу от Мукдена на фронте 65-км ширины. Против 170 батальонов Оямы русские выставили 261 батальон в составе двух крупных отрядов — Восточного под командованием Штакельберга и Западного под командованием Бильдерлинга. Благодаря тому, что жатва уже прошла, русским больше не приходилось сражаться с гао-ляном, хотя плохо обутым войскам было тяжёло передвигаться по стерне на голых полях. Этим наступлением на юг Куропаткин намеревался сковать главные силы Оямы на равнине по обе стороны от железной дороги Мукден-Ляоян, пока Штакельберг на левом крыле (на востоке) произведёт охватывающий манёвр по холмистой местности. Целью этого плана было ударить по японцам в их самом слабом месте, а затем повернуть от востока к центру в попытке перерезать железнодорожную линию в Ляояне и охватить главные силы Оямы с фланга и с тыла.

Несмотря на очевидный оптимизм, присутствующий в планах и приказах Куропаткина, русские с самого начала сами создали себе серьёзную помеху. Хотя Куропаткин разделил свои силы на Восточный и Западный отряды с целью придать управлению армией большую гибкость посредством децентрализации, он оставил за собой право вето в отношении диспозиций на уровне корпуса и выше. Для частей, действующих в неизученной холмистой местности на востоке, вопрос инициативы командования мог стать очень важным. Если бы командиры отряда или корпуса лишились свободы использовать

⁵⁶⁷ *Kuropatkin, The Russian Army and the Japanese War, II, 241–242.*

свои силы так, как считали уместным, то им требовались средства моментальной связи с Куропаткиным, которых не имелось в распоряжении русских. И без того осложняя это досадное состояние дел, Куропаткин, как и под Ляояном, отдавал невнятные и неполные приказы⁵⁶⁸.

Вдобавок к этим неприятностям концепция Куропаткина страдала серьёзным изъяном — хотя тот мог бы и не стать фатальным, если бы девизом русской армии стала решительность. Куропаткин наметил для фланкирующего манёвра такую местность, которая едва ли позволяла достаточную скорость передвижения. И действительно, артиллерия и пехота Восточного отряда почти с самого начала столкнулась с большими трудностями при передвижении по бездорожью. Куропаткин же, усугубляя эту проблему, не сумел воспользоваться своим численным преимуществом в кавалерии и не превратил её в крупную мобильную ударную силу, которая могла бы оказать бесценное содействие — как на восточном, так и на западном крыле — при проведении фланкирующего манёвра. Наконец, к несчастью для русских, Куропаткин опять, как и в течение почти всей маньчжурской кампании, действовал слишком медленно, не успевая предвосхищать японские контрудары. Слово «решительность», по-видимому, не занимало сколько-нибудь заметного места в его оперативном словаре.

Операция при Шахэ фактически разделяется на две чёткие фазы — русское наступление и японское контрнаступление. В течение первой фазы, продолжавшейся с 22 по 27 сентября, Восточный отряд генерала Штакельберга ударил по 1-й армии генерала Куроки на крайнем правом фланге Оямы. После того, как русские провели ряд нерешительных сражений и упустили немало возможностей, Ояма, организовав контрудар в центре и на западе, начал вторую фазу, которая продолжалась с 27 сентября по 4 октября и завершилась кровавым противостоянием на берегах реки Шахэ⁵⁶⁹.

В соответствии с планами Куропаткина Штакельберг (78 батальонов, 50 эскадронов и 198 орудий) медленно наступал по холмистой местности на левом крыле русских; его фланг находился под охраной П. К. Ренненкампа, вышедшего 23 сентября к реке Тайцзы. Хотя крайний фланг 1-й армии Куроки удерживался только шестью батальонами под командованием генерала Умедзавы, русские потратили весь день 24 сентября на рекогносцировку, позволив японцам отступить и организовать оборону своей базы в Бэньсиху. К полудню 26 сентября японцы начали получать подкрепления из 12-й дивизии генерала Иноуэ. Тем не менее Штакельберг обладал подавляющим превосходством — 86 батальонов и эскадронов против 19 — и ему с подчинёнными

⁵⁶⁸ Левицкий Н. А. Русско-японская война... С. 54–55.

⁵⁶⁹ Советская военная энциклопедия. Т. VIII. Статья «Шахэ».

ми оставалось только прорваться сквозь тонкий заслон Куроки, чтобы начать охват правого крыла Оямы.

Тем не менее по различным причинам Штакельберг не сумел воспользоваться своим подавляющим превосходством, а его неудача, в свою очередь, решила судьбу наступления Куропаткина. Отчасти причины неудачи заключались в чрезмерной осторожности: сам Куропаткин 26 сентября приказал Штакельбергу при подготовке к атаке произвести тщательную разведку японских позиций. Японцы тем временем воспользовались этой задержкой, чтобы прислать подкрепления в угрожаемый сектор, а в холмистой местности всего несколько лишних батальонов могут определить успех или провал операции, даже перед лицом подавляющего вражеского превосходства. Как только русские 28 сентября атаковали японские позиции, недостаточная координация, причиной которой была пересечённая местность и неуклюже организованное управление войсками — лишила пехотные и кавалерийские части взаимной поддержки и адекватного артиллерийского огня. Несмотря на численность русских войск, эта и другие проблемы привели к поражению Штакельберга и его подчинённых. Самая памятная из нескольких неудач, наблюдавшихся на левом крыле русских, относится к 28 сентября, когда III Сибирский корпус провёл шесть атак, пытаясь взять линию траншей Иноуэ на высотах, господствующих над Тайцзы, и все шесть раз был отбит, потеряв 5000 человек. На следующий день, невзирая на новые героические атаки, Штакельберг так и не смог продвинуться вперёд, а те небольшие достижения, которые принесло русское наступление в восточном секторе, оказались бесполезными в свете событий, разворачивавшихся в центре и на западном крыле русских⁵⁷⁰.

На западе отряд генерала Бильдерлинга (77 батальонов, 56 эскадронов и 222 орудия) 22 сентября начал наступление на юг, двигаясь вдоль железнодорожной линии Мукден-Ляоян. 23 сентября, пройдя с десяток километров, Бильдерлинг вышел к Шахэ и окопался. На его долю выпала лишь вспомогательная атака, и Западный отряд с самого начала не сумел создать должный нажим на японские силы, развёрнутые на относительно открытой местности к северу от Ляояна. Фактически, Бильдерлинг вёл наступление, неторопливо переходя с одной оборонительной позиции на другую в ожидании вестей об успехах Штакельберга.

И хотя маршал Ояма понял, что основной удар русские наносят на востоке, он в своих диспозициях отнюдь не упускал из виду Западный отряд. Как только он почувствовал, что Куроки на востоке прочно держит оборону, он в своей манере решил вырвать у Куропаткина инициативу, ударив в центре и на западе, будучи убеждён в том, что «никогда нельзя позволять загнать себя в оборону, даже

⁵⁷⁰ Русско-японская война... Т. IV. Ч. 1. С. 445–448.

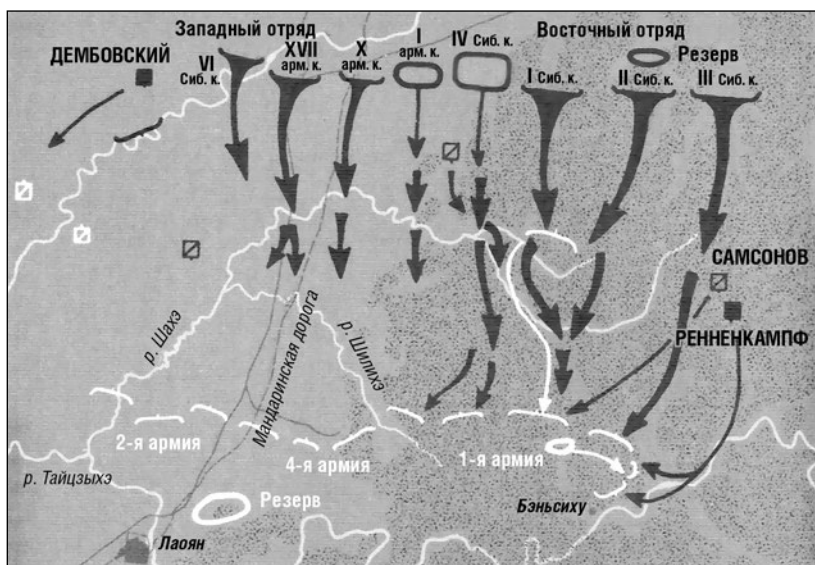
перед лицом превосходящих сил»⁵⁷¹. Поэтому 27 сентября он бросил 4-ю армию Нодзу вдоль Мандаринской дороги и железнодорожной линии, а на западе нанёс удар силами 2-й армии Оку по открытому правому флангу Бильдерлинга. Хотя у японцев было мало ресурсов и не хватало времени для глубокого или сложного манёвра, Ояма намеревался охватить русские позиции с запада. Соответственно, сражение между противостоящими силами превратилось в ряд встречных боёв за небольшие возвышенности и деревни, обнесённые стенами. Победа маячила перед обеими сторонами, принимая облик то неожиданного разрыва во вражеских линиях, то заманчиво открытого фланга.

В боях, разразившихся 29 и 30 сентября в окрестностях долины Шилихэ, русские страдали от нечёткой координации, случайных ошибок командования и неумения выработать разумные оборонительные диспозиции. I армии и IV Сибирскому корпусу, небрежно растянутым в центре позиций Куропаткина в качестве резерва, неожиданно пришлось занимать поспешно оборудованные оборонительные рубежи, чтобы отразить нападение частей 1-й и 4-й японских армий. Вследствие изрезанности местности и внезапности японских атак части двух русских корпусов вступали в бой по отдельности и потерпели ряд мелких тактических поражений. Штыковые контратаки не могли компенсировать местное японское превосходство в артиллерийском и стрелковом огне. Тем временем X Сибирский корпус в центральном секторе Западного отряда также не устоял перед натиском, и его передовые части отступили на главные позиции вдоль Шахэ. XVII корпус на крайнем правом фланге был вынужден отойти, но затем, израсходовав все свои резервы, вернулся на прежние позиции, хотя у него не осталось сил на отражение охвата с запада. Примерно вплоть до полудня 30 сентября VI Сибирский корпус не был обнаружен врагом и стоял в бездействии приблизительно в 8 км в тылу у испытывавшего сильнейший натиск XVII корпуса, чуть западнее от него⁵⁷².

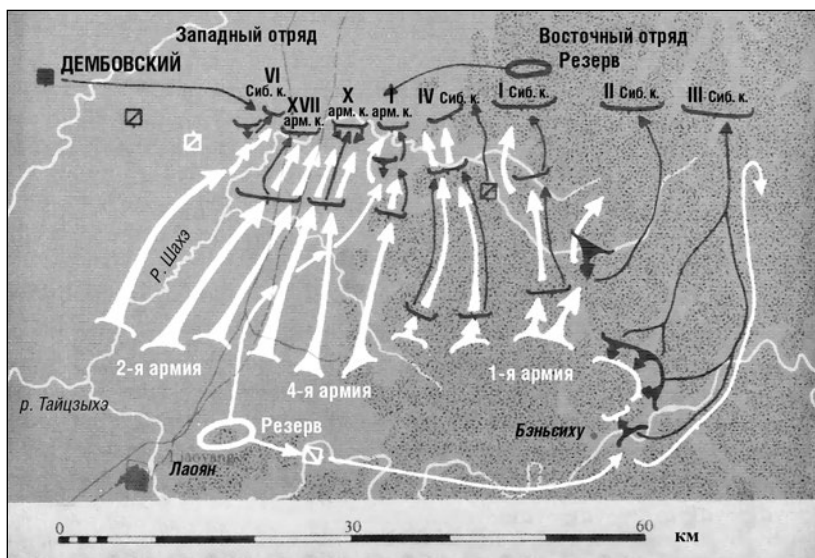
Командир VI корпуса, генерал Л. Н. Соболев, оправдывал бездействие тем, что его бойцы, не нюхавшие пороха резервисты, принесли бы больше пользы Западному отряду, оставаясь на неподвижной оборонительной позиции, которая в конечном счёте оказалась спасительным якорем для правого крыла Бильдерлинга. Когда XVII корпус начал откатываться под мощным японским натиском, Соболев всё-таки отправил вперёд 219-й Юхновский полк, который решительно направился навстречу врагу, развернулся в боевые порядки и, выстроившись как на парад, атаковал японцев точно так, как предписывалось в учебниках по тактике, — в ротных полуколоннах. Поражённый 8-й японский полк немедленно обрушил на русских артиллерийский, стрелковый и пуле-

⁵⁷¹ *The Battle on the Scha Ho*, trans. Karl von Donat (London, 1906), 40.

⁵⁷² *Свечин А. А. Русско-японская война...* С. 251–253.

Шахэ. Русское наступление. 22-27 сентября 1904

Шахэ. Японское контрнаступление. 27 сентября — 4 октября 1904

мётный огонь, за несколько минут стороны потеряли 2 000 человек. Русские резервисты сражались весьма храбро; просто они не были подготовлены к испытанию современным сухопутным боем. Их атака представляла собой возврат к тактике, дискредитированной почти тридцатью годами ранее под Плевной⁵⁷³.

Несмотря на этот и другие местные успехи, к 1 октября Ояма пришёл к выводу, что уничтожить русскую армию ему не удастся. Одно лишь существование VI Сибирского корпуса, вне зависимости от его способности к наступательным действиям, означало, что японский охват мог иметь лишь тактическое значение. И хотя русская оборона кое-где казалась пришедшей в беспорядок, позиции Куропаткина не давали особых шансов на их обход или прорыв с последующим развитием успеха. Тем временем лучшие японские части совершенно выдохлись, ведя непрерывные атаки по всему фронту. Потери множились, а снаряды к орудиям подходили к концу. Наступило время для паузы, и Ояма соответственно отдал приказ остановить преследование русских на берегах Шахэ⁵⁷⁴.

Пока Ояма старался притушить пламя сражения, Куропаткин запоздало принялся раздвигать его. В то время как Восточный отряд Штакельберга готовился к отступлению, Куропаткин приказал ему одновременно провести ограниченную контратаку, чтобы прикрыть выход из боя и передать свои резервы на запад. 1 октября II Сибирский корпус с ограниченным успехом предпринял местную атаку на японские 12-ю дивизию и Гвардейский полк. 2 октября, после обмена путанными депешами, Штакельберг, в конце концов, согласился передать 22 батальона и 4 батареи на укрепление центра и правого фланга Куропаткина.

Получив эти подкрепления, русский командующий возобновил сражение в секторе X корпуса, где, как он полагал, 4-я армия Нодзу угрожала разорвать русские оборонительные позиции чуть восточнее железной дороги. Над подходами к Шахэ господствовали две высоты — холм Одинокоего дерева и другое возвышение, которое впоследствии стали звать Путиловской сопкой. Куропаткин, войска которого на левом крыле были остановлены, а на правом начали поддаваться, отчаянно пытался переломить ситуацию в центре, чтобы удержать в своих руках главный путь возможного отступления. 2 и 3 октября Куропаткин силами двух бригад и отдельного полка сумел овладеть холмом Одинокоего дерева и Путиловской сопкой. К рассвету 4 октября, после двухдневных тяжёлых боев, во время которых русские потеряли 3 000 человек, центр позиций на Шахэ оставался в их руках⁵⁷⁵.

⁵⁷³ Свечин А. А. Эволюция военного искусства с древнейших времён до наших дней. В 2 т. М.–Л., 1927–1928. Т. II. С. 504.

⁵⁷⁴ *The Battle on the Soba Ho*, 82–83.

⁵⁷⁵ Русско-японская война... Т. IV. Ч. 1. С. 344–345.

К этому моменту обе стороны совершенно выдохлись, и операция на Шахэ подошла к необычному завершению: армии стояли друг напротив друга южнее Мукдена, зарывшись в траншеи, разделённые полосой ничейной земли протяжённостью в 45 км с лишним. Сражения на Шахе обошлись русским в 41 351 человека, из которых около 11 тыс. умерли. Японские потери составляли более 20 тыс. человек, в том числе почти 4 тыс. погибших. Бои различной степени интенсивности продолжались девять дней на фронте шириной в 60 км. Впервые в истории современных войн русские предприняли крупную перегруппировку сил непосредственно в ходе операции, осуществив манёвр, который прежде считался не имеющим ни малейших шансов на успех⁵⁷⁶.

Инкоу и Сандепу

Русские кавалеристы и военные теоретики уже давно мечтали о крупномасштабном рейде, который принесёт стратегические плоды и вырвет инициативу у врага. В конце декабря, пока и японцы, и русские оправлялись от боев на Шахэ и переваривали последствия падения Порт-Артура, Куропаткин разработал смелый план, решив использовать свою конницу для глубокого удара в тыл Ояме. Идея состояла в том, чтобы «разыграть козырную карту», как выразился один штабной офицер, то есть, осуществив широкий обход левого крыла японцев, нанести удар по центру, имея целью разрушить железную дорогу и телеграфную линию, а также уничтожить склады в портовом городе Инкоу, лежащем далеко на юге.

23 декабря 1904 г. Куропаткин отдал приказ генералу Мищенко собрать силы примерно в 7500 кавалеристов, в том числе из казачьих частей, и сборную сотню дивизиона разведчиков, снабдив их достаточными припасами и взрывчаткой для проведения задуманной операции. Имея в своём распоряжении лишь несколько дней, Мищенко поспешно сколотил сводный отряд и 27 ноября углубился в заснеженные равнины к западу от Мукдена, начав широкий обход ключевых полевых позиций Оямы с левого фланга⁵⁷⁷.

Задача управления частями, наспех собранными для специальной операции, усугублялась двумя дополнительными проблемами: Мищенко не сумел ни обойти вражеские позиции, ни заставить японцев врасплох. Хотя он требовал от своих офицеров держаться подальше от скопления японцев, несколько его колонн вскоре напоролось на гарнизоны в мелких деревнях, и русские смогли двигаться дальше лишь ценой потери как людей, так и элемента вне-

⁵⁷⁶ История русско-японской войны 1904–1905 гг. С. 293.

⁵⁷⁷ Черемисов В. А. Русско-японская война 1904–1905 года. Киев, 1907. С. 208–210.

запности. Тяжело нагруженные телеги и вьючные животные вносили свою долю в замедление наступления. Тем не менее, к полудню 30 декабря кавалерия Мищенко вышла к Такауххэну, где укрылась до темноты, чтобы провести ночную атаку на станцию Инкоу и несколько соседних целей.

И остановка, и распоряжения Мищенко едва не погубили весь рейд. Пока русская кавалерия ждала наступления ночи, на станцию Инкоу прибыл поезд с японским пехотным батальоном. Невзирая на такой оборот событий, Мищенко отрядил для нападения на станцию — главную цель рейда — лишь четверть своих сил. Остальные силы он назначил в охрану и для проведения ряда диверсий и нападений на второстепенные цели. В результате ему не удалось удовлетворительно выполнить ни одну из своих задач. Основная атака на станцию захлебнулась, когда русские лёгкие пушки подожгли несколько складов, и при свете пожаров японцы, оборонявшие станцию, увидели русских бойцов, атакующих в пешем строю. После нескольких бесплодных атак люди Мищенко, обстреляв станцию из орудий и предав огню несколько отдельных построек, отошли⁵⁷⁸.

Отряды, выполнявшие диверсионные задания, также не добились особых успехов. Не имея мощных зарядов взрывчатки, кавалеристы могли причинить железнодорожным линиям и мостам лишь поверхностные повреждения. После того, как бойцы, проводившие эти вспомогательные операции, присоединились к главным силам, весь отряд, переправляясь через Хунхэ к западу от Ньючжуаня, едва избежал преследования и западни. Всего конный отряд Мищенко потерял 40 офицеров и 361 человек рядовых, уничтожив два поезда, взяв 19 пленных и ненадолго прервав сообщение между Ляояном и Инкоу. Японцы смогли восстановить сообщение через 6 часов после ухода сил Мищенко. Впоследствии, комментируя это, Свечин признавал: «Результат, достигнутый отрядом, совершенно не оправдал наших надежд». Объясняя причины неудачи, он чётко называет три момента: организационные изъяны, недостаточная скорость передвижения и неумение своевременно сосредоточить силы для выполнения основной задачи⁵⁷⁹.

В то время как конница Мищенко пробиралась по промёрзшим маньчжурским равнинам, Куропаткин собрал своих командиров, чтобы обсудить возможность наступления, пока армия Ноги не выступила на север из Порт-Артура на соединение с Оямой. Благодаря реорганизации командования, последовавшей за операцией на Шахэ, наместник Алексеев отбыл в Санкт-Петербург, и Куропаткин получил под своё единоличное управление все русские

⁵⁷⁸ Свечин А. А. Русско-японская война... С. 323–324.

⁵⁷⁹ Там же. С. 325; более благоприятную оценку см.: Ухач-Огорович Н. А. Оценка набега на Инкоу // Военный сборник. № 5. Май 1908. С. 61–70. См. также: Комплектование и устройство вооружённой силы / Сост. Редигер. Т. II. С. 144; Bellamy, «Antecedents of the Modern Soviet Operational Manoeuvre Group (OMG)», 54–57; Menning, *The Deep Strike in Russian and Soviet Military History*, 21.

сухопутные операции на Дальнем Востоке. Кроме того, прибытие свежих войск из Европейской России и неудовлетворённость прежними сколоченными на скорую руку формированиями способствовало созданию трёх отдельных русских полевых армий в Маньчжурии. Отныне Куропаткин командовал группой армий, также впервые в русской военной истории. Он предложил командирам своих армий — Н. П. Линевичу, О. К. Гриппенбергу и А. В. Каульбарсу (соответственно командовавшими 1-й, 2-й и 3-й Маньчжурскими армиями) — провести охватывающую операцию частями 2-й армии (правое крыло русских), которым предстояло пересечь открытую равнину и взять Сандепу, укреплённое поселение, которое Куропаткин расценивал как ключевой пункт позиций Оямы чуть восточнее Хунхэ, примерно в 20 км к западу от железной дороги и в 38 км на юго-запад от Мукдена. Если первая фаза атаки окажется успешной, наступление предполагалось развернуть по всему фронту, направив в бой 3-ю (центр) и 1-ю (левое крыло русских) армии. 3 января Куропаткин отдал приказ к атаке, целью которой было оттеснить Ояму за Тайцзы, одновременно уничтожив как можно больше его сил⁵⁸⁰.

Последующие бои получили название сражения под Сандепу, по имени поселения, вокруг которого разворачивались основные события. С самого начала наступления, которое продолжалось четыре дня, начиная с 11 января, проявилась его нерешительность, неподготовленность и отсутствие чёткого руководства. Гриппенберг — глухой, престарелый, нервный человек — не был убеждён в разумности наступления силами плохо оснащённых войск при температуре, опускавшейся ниже минус 20 градусов по Цельсию. Он слишком поспешно двинул вперёд свои наступающие части, отказавшись от элемента внезапности и не скоординировав свою атаку с действиями Каульбарса в центре. Хотя русским артиллеристам не хватало фугасных снарядов достаточной мощности, способных разрушать полевые укрепления из промёрзшей земли и камня, полевая артиллерия делала всё возможное для поддержки пехотной атаки, хотя била не по той цели. Вместо Сандепу, которое русские с трудом находили на своих картах, большая часть артиллерийского огня обрушилась на соседний утай. 14-я дивизия, выделенная для удара по Сандепу, в последний момент была отправлена в тщетную погоню за несуществующим противником. I Сибирский корпус ценой громадных потерь, в конце концов, выбил два японских батальона из Хэйгоутая. На следующий день измотанная 14-я дивизия вернулась на поле боя, но по ошибке атаковала не Сандепу, а Баотайцзы. 15 января, открыто разругавшись с Гриппенбергом и с ужасом читая списки растущих потерь, Куропаткин отменил операцию⁵⁸¹.

⁵⁸⁰ *Kuropatkin, The Russian Army and the Japanese War*, II, 255–256; Русско-японская война... Т. IV. Ч. 2. С. 129–132.

⁵⁸¹ *Kuropatkin, The Russian Army and the Japanese War*, II, 266–267; *Freiberr von Tettau, Achtzehn Monate*, II, 248–258.

Куропаткин выставил против Сандепу примерно десятую часть своих сил. Однако все более заметное использование новых технологий, особенно пулемётов, привело к тому, что потери оказались непропорционально велики по сравнению с поставленными задачами. Кроме того, погода оказалась почти такой же убийственной, как и оружие. Всего русские потеряли 12 тыс. человек убитыми и ранеными, включая более 7 тыс. человек из одного только I Сибирского корпуса; японские потери составили около 9 тыс. человек. Гриппенберг заявил, что болен, и в гневе отбыл в Санкт-Петербург, сделав остановку в Харбине, где открыто обвинял Куропаткина в измене. Между тем русская армия не предприняла почти ничего, чтобы лишить Ояму перспектив победы по образцу Седана⁵⁸².

Мукден

Ояма начал планировать эту победу на последней неделе января, пока войска Ноги ещё двигались на север от Порт-Артура. Русские диспозиции действительно благоприятствовали японской атаке. Начиная с прошлой осени в Маньчжурию по Транссибирской железной дороге продолжали прибывать подкрепления, и к февралю русские силы были растянуты к югу от Мукдена перпендикулярно железной дороге по фронту протяжённостью более сотни километров. На русском правом фланге (на западе) стояла 2-я Маньчжурская армия (генерал Каульбарс), в центре — 3-я Маньчжурская армия (генерал Бильдерлинг), на левом крыле (восток) — 1-я Маньчжурская армия (генерал Линевиц). Всего эти силы насчитывали более 250 тыс. бойцов, но в целом оборонительным позициям Куропаткина недоставало глубины. Правда, русские построили ряд сильных оборонительных рубежей к югу от Мукдена, в особенности вблизи от холма Одинокого Древа и Путиловской сопки, но общий резерв Куропаткина состоял только из XVI армейского корпуса, 72-й дивизии и одной отдельной бригады. Кроме того, Куропаткин «подыграл» японцам, растеряв до 50 тыс. человек в ряде разрозненных и, как правило, бесплодных оборонительных операций⁵⁸³.

Прежде чем Куропаткин успел сосредоточить эти разбросанные на большом пространстве силы для мощного наступления, Ояма намеревался ударить первым, по-прежнему надеясь устроить русским дальневосточный Седан. С этой целью он планировал преподнести русским два сюрприза — один организационного плана, другой — оперативного. После того, как силы Ноги

⁵⁸² Свечин А. А. Эволюция военного искусства... Т. II. С. 510–511; История русско-японской войны 1904–1905 гг. С. 302.

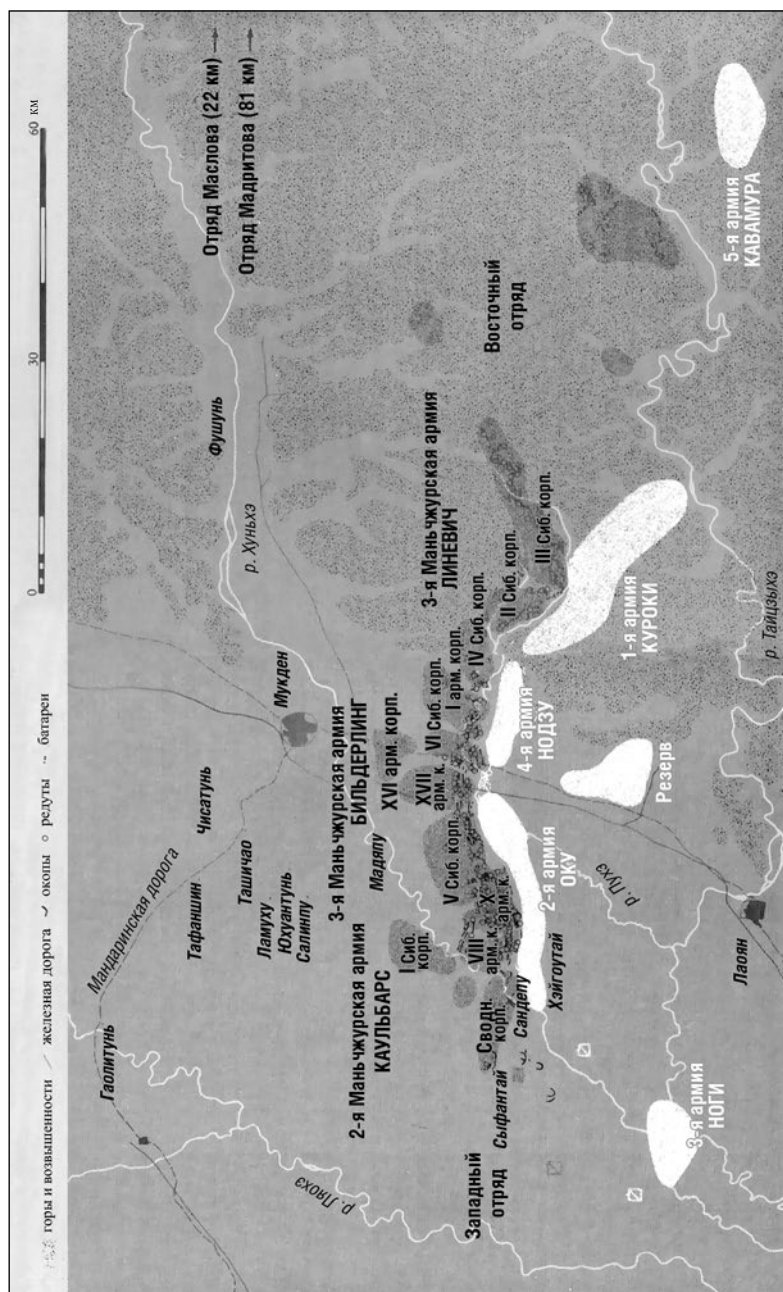
⁵⁸³ История русско-японской войны 1904–1905 гг. С. 304–306.

присоединились к боевым построениям Оямы, Куропаткин вполне обоснованно ожидал сражения с четырьмя отдельными полевыми армиями. Ему было неизвестно, что Ояма создал пятую армию под началом генерала Кавамуры, в состав которой входила ветеранская 11-я дивизия, прославившаяся под Порт-Артуром. Задача Кавамуры состояла в том, чтобы собрать свои части в горах восточнее Мукдена и через Фушунь нанести удар по 1-й армии Линевица, тем самым создав угрозу охвата всей русской оборонительной линии с гористого левого фланга.

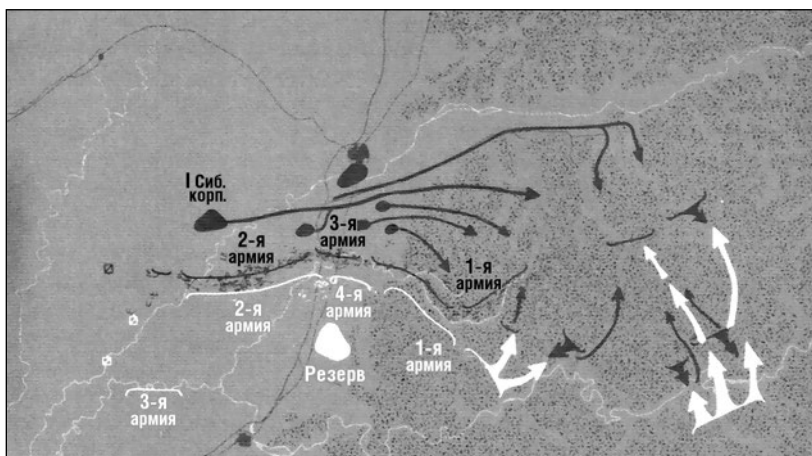
Однако это была лишь часть общего оперативного замысла. Вместо того чтобы полагаться на успех единственного охвата, Ояма планировал вслед за атакой Кавамуры энергично ударить по русскому центру и одновременно произвести широкий фланкирующий манёвр армией Ноги с запада. Таким образом, пока центр русских позиций будет подвергаться непрерывному натиску, фланги Оямы стиснут русскую армию в смертоносных объёмах двойного охвата. Поскольку численность русских и японских сил была примерно одинакова, Ояме следовало полагаться на обман и быстроту операций, чтобы склонить чашу успеха на свою сторону. Поэтому он предполагал сперва атаковать на востоке силами 5-й армии Кавамуры, чтобы оттянуть туда резервы со слабо задействованного русского правого крыла (Каульбарс) и привлечь внимание Куропаткина к левому флангу русских. Как только начальная фаза операции приведёт к достижению этих целей, энергичный удар по центру парализует армию Бильдерлинга и приведёт её в замешательство. Когда эти фрагменты головоломки встанут на своё место, 3-я армия Ноги предпримет широкий обход по равнинам вокруг правого фланга Каульбарса, стремясь выйти к железнодорожной линии севернее Мукдена. Хотя у Оямы не было кавалерии для проведения энергичного преследования, он полагался на быстроту фланкирующего манёвра Ноги, который в сочетании с возобновившимся наступлением Кавамуры с востока должен был замкнуть кольцо, тем самым приведя к полному окружению — с сопутствующими ему расстройством войск и отчаянием — необходимому для капитуляции всей армейской группы Куропаткина. При осуществлении этого смелого замысла Ояма мог рассчитывать на 270 тыс. бойцов с 1000 орудий и 254 пулемётами. Против него у Куропаткина насчитывалось 276 тыс. человек с 1200 орудий и лишь 54 пулемётами⁵⁸⁴.

К чести Оямы, японский маршал предвидел частное русское наступление, но не такое масштабное, которое было бы способно совершенно расстроить его собственные планы. Куропаткин в самом деле принял меры к возобновлению русского наступления, которое 12 февраля должен был начать на правом крыле Каульбарс, нанёс удар по той же схеме, что и под Сандепу,

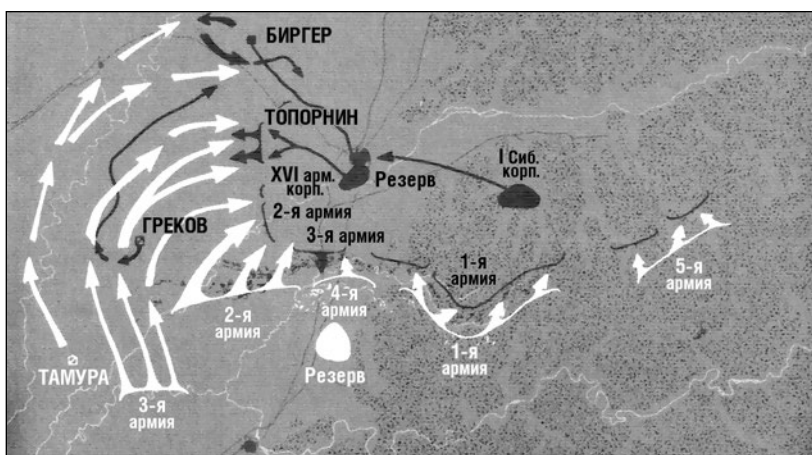
⁵⁸⁴ Там же. С. 306–308; подробный обзор см.: Военная энциклопедия. Т. XVI. 1914. Статья «Мукден».

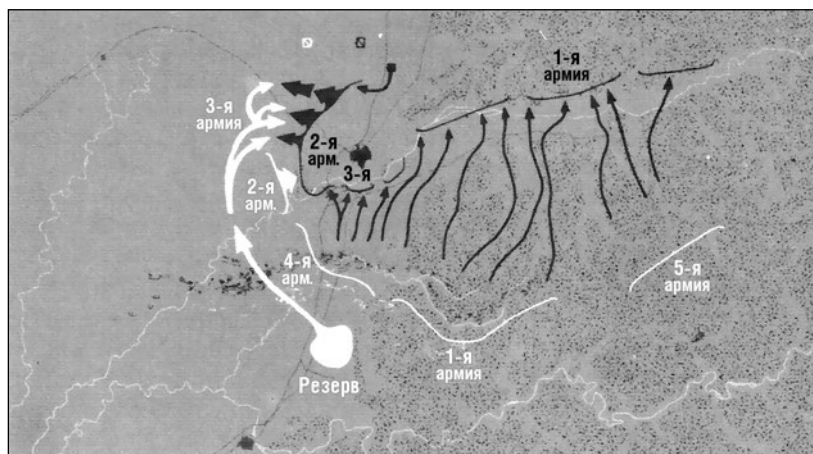
Мукден. Первоначальное развёртывание

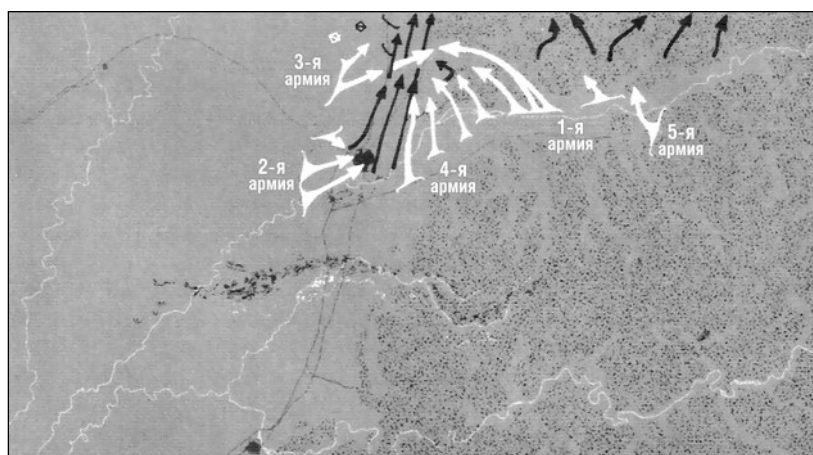
Мукденская операция. 5-12 февраля 1905

Мукденская операция. 13-18 февраля 1905

Мукденская операция. 13–18 февраля 1905

Мукденская операция. 23 (полдень) — 26 февраля 1905

однако эта атака оказалась мертворождённой. Она умерла вследствие реакции на тревожные события, разворачивавшиеся на крайнем левом крыле, где с 5 по 12 февраля отряды под командованием П. К. Ренненкампа и Г. А. Данилова откатывались под мощным натиском 5-й армии Кавамуры. Вместо того, чтобы продолжать наступление и развивать операцию на своём правом крыле, на относительно открытой местности, Куропаткин отменил наступление и начал прилежно переводить сперва свои резервы, а затем целые части с правого на крайний левый фланг, тем самым подыгрывая Ояме. Плохое состояние сухопутных коммуникаций, а также проблемы, создаваемые поспешным пересмотром диспозиций и распределением обязанностей, не позволили бы быстро вернуть части обратно, как только процесс наберёт импульс. Именно это, по расчётам японцев, и должно было обеспечить успех их замыслов. Ояма фактически собирался доказать, что победа или поражение в бою зависят не только от полководческих умов, но и от способностей современных штабных организаций и нижестоящих командиров, обременённых необходимостью реагировать на сложное развитие ситуаций и поспешно принимать соответствующие меры⁵⁸⁵.

Начиная с 12 февраля, когда Куропаткин принялся перемещать части на восток, и до вечера 22 февраля под Мукденом разворачивались три отдельных сражения. На востоке Кавамура продолжал наступление, но после прибытия подкреплений Куропаткина и отхода прикрывающих частей на подготовленные позиции продвижение японцев резко замедлилось. В центре Куроки и Нодзу нанесли удар по самому сердцу русской обороны, также не достигнув существенных результатов. Фланкирующий манёвр Ноги на западе выглядел наиболее многообещающим, но прежде японскому генералу предстояло нейтрализовать ряд запоздалых русских попыток спасти положение.

13 февраля, сразу же после того, как Куропаткин направил I Сибирский корпус и дополнительные резервы на укрепление левого крыла, Ноги начал широкий охват на западе. При содействии 2-й армии Оку, которая произвела атаку с целью сковать фронт Каульбарса, Ноги выступил, ведя за собой колонну дивизий. Его левый фланг прикрывал, двигаясь вдоль реки Ляохэ, конный заслон генерала Тамуры. Два дня спустя, 15 февраля, кавалерия М. И. Грекова на крайнем правом русском фланге вступила в бой с передовыми частями японской 1-й дивизии, а затем отошла под натиском японцев, оголив фланг Каульбарса. Хотя к полудню 15 февраля войска Ноги уже подошли к деревне Сыфантай, расположенной справа от 2-й Маньчжурской армии, параллельно её фронту, на Каульбарса оказывали нажим с тем, чтобы он оказал помощь кавалерии Грекова. Позициям 2-й армии не хватало глубины, и резервы при-

⁵⁸⁵ Свечин А. А. Русско-японская война... С. 341–344.

ходилось набирать из частей, занимавших оборонительные рубежи. Оставаясь на тех же самых позициях, Каульбарс не имел возможности принять решительные меры к срыву охватывающего манёвра Ноги⁵⁸⁶.

Куропаткин к 15 февраля также достаточно встревожился для того, чтобы как-то реагировать на угрозу, возникшую на его правом фланге, но не в такой степени, чтобы отвлекать силы с левого фланга. Он поспешно отправил изъятую из XVI армейского корпуса усиленную бригаду генерала А. К. Биргера почти на 40 км на северо-запад, к Гаолитуню, с целью ликвидировать незначительную, по его мнению, угрозу русским коммуникациям к северу от Мукдена. Одновременно Куропаткин сумел сосредоточить на левом крыле 178 батальонов, создав двукратное местное превосходство над атакующими армиями Кавамуры и Куроки. Чтобы отвлечь внимание Каульбарса, 2-я армия Оку и 4-я армия Нодзу 16 февраля начали яростную канонаду, за которой последовала массированная атака на русскую 2-ю армию.

Эта атака и пришедшие 16 февраля новые донесения от конницы Грекова в конце концов открыли Куропаткину глаза на то, что его силы скованы в центре, а с запада грозит полномасштабный охват. При наличии фронта, растянутого на сотню километров, и всего лишь с одной 25-й пехотной дивизией в резерве, Куропаткин оказался перед моментом истины: ни его диспозиции, ни наличные активы не позволяли легко отразить эту угрозу, неотвратимо надвигающуюся с запада. В отчаянии он снова принялся импровизировать, яростно бросая навстречу Ноги один заслон за другим и надеясь на то, что Каульбарс сумеет оторваться от 2-й армии и ударить во фланг Ноги⁵⁸⁷.

Таким образом, 16 февраля Куропаткин предпринял ряд мер — причём все они были нерешительными — в попытках расстроить манёвр Ноги. Во-первых, он свёл воедино две имевшиеся в его распоряжении части — XVI корпус под командованием генерала Д. А. Топорнина и дивизию генерал-майора Н. А. Васильева — и отправил их на северо-запад, на укрепление бригады генерала Биргера. Затем он приказал генералу Каульбарсу лично возглавить выделенный из состава 2-й Маньчжурской армии особый ударный отряд из 32 батальонов, передав остаток армии под начало генералу М. В. Лауницу, которому было поручено отражать яростный натиск 2-й армии Оку. После этого, пока Каульбарс выступит с целью нанести удар во фланг Ноги, Лауниц должен был выполнить хитрую задачу — находясь под атакой, сократить свой фронт, одновременно отойдя на правый фланг и сохраняя контакт с соседней 3-й Маньчжурской армией. Наконец, с крайнего левого фланга Куропаткин отозвал I Сибирский корпус,

⁵⁸⁶ История русско-японской войны 1904–1905 гг. С. 309–310.

⁵⁸⁷ Свечин А. А. Русско-японская война... С. 350–352.

ещё не вступивший в сражение. Тем временем маршал Ояма призвал все свои армии возобновить наступление на следующий день, 17 февраля.

Под натиском продолжающихся атак Каульбарс с большим трудом пытался развернуть свои части на запад, выведя их из состава 2-й армии, и нанести удар по силам Ноги, совершающим охват. В первой половине дня 18 февраля, проведя ряд местных контратак и кое-как протиснувшись по дорогам, забитым отступающими обозами, Лауниц смог доложить, что его войска заняли новые оборонительные рубежи. Однако, вследствие недостаточной координации между соседними частями 2-й и 3-й Маньчжурской армии, 19 февраля между ними образовалась брешь, закрытая с помощью ресурсов и жизни, которые нашли бы лучшее применение в другом месте. Тем временем 17 февраля XVI сводный корпус генерала Топорнина вышел к Салинпу, где вступил в бой с японской кавалерией. На следующий день корпус Топорнина провёл встречное сражение с частями двух японских дивизий, 1-й и 7-й. В течение всего дня 18 февраля сохранялось шаткое равновесие, пока Ноги подводил части из двух дополнительных дивизий, а русские также могли сосредоточить подкрепления. Неверная оценка ситуации, вызванная плохой работой разведки, заставила Куропаткина растрачивать свои ресурсы не там, где нужно. Когда Каульбарс лично прибыл на место боя, он тоже не разобрался в ситуации и, встревоженный тем, что его позиции не прикрывают западные подходы к Мукдену, приказал Топорнину отступить на рубежи, которые без его ведома уже были заняты другой частью. Поскольку большая часть штаба Каульбарса осталась при Лаунице, он лишился возможности руководить ходом сражения⁵⁸⁸.

В 10 км севернее бригада Биргера целый день успешно вела бой с кавалерией Тамуры вдоль старой Мандаринской дороги в Тафаншине, но затем не сумела воспользоваться своим преимуществом как из-за неясности обстановки, так и из-за того, что Каульбарс не установил связь со своим крайним правым флангом. Биргер, сочтя себя отрезанным, особенно после отхода Топорнина, с наступлением темноты остановил наступление. Когда он тоже попытался отойти, его бригада, передвигаясь в темноте по незнакомой местности, распалась. Отход Топорнина и Биргера лишил Куропаткина возможности ударить по рыхлому флангу войск Ноги, совершающих охват. Теперь перед русскими стояла менее приятная перспектива встретить их лобовым ударом.

19 февраля и русские, и японцы потратили на корректировку своих диспозиций. Несмотря на прибытие подкреплений, Каульбарс не смог начать атаку ни по одному из берегов Хуньхэ, поперёк которой теперь располагались его позиции. Японцы воспользовались затишьем для того, чтобы усилить армию Оку, а также, что было чревато более серьёзными последствиями, углу-

⁵⁸⁸ Свечин А. А. Русско-японская война... С. 354–355.

бить охватывающий манёвр Ноги, сместив передовые части его армии вдоль русского фронта на 15 км к северу. Пассивность Каульбарса обеспечила успех этого трудного предприятия, но на тот случай, если бы Каульбарс подал признаки того, что готов очнуться ото сна, у Оку был готов план энергичной атаки на левом крыле 2-й армии 20 и 21 февраля.

После ограниченных наступательных действий 20 февраля Куропаткин приказал Каульбарсу предпринять 21 февраля полномасштабную контратаку на позиции Ноги. Соответственно, Каульбарс сформировал три атакующие колонны (ими командовали, с севера на юг, А. А. Гернгросс, Д. А. Топорнин, К. В. Церпицкий) примерно из 12 отдельных отрядов к северу от Хунхэ. Задача этих колонн заключалась в проведении скоординированных атак с целью стабилизации русских позиций вдоль рубежа от Ламуху до Мадяпу. Идея состояла в том, чтобы Гернгросс со своими 33 батальонами на севере нанёс удар в западном направлении, а затем повернул на юг и сокрушил колонны Ноги, действующие против Топорнина в центре и Церпицкого на юге. Проблема была в том, что этот план сработал бы двумя днями раньше, когда колонны Ноги фактически располагались параллельно позициям Топорнина в центре. Однако, к 21 февраля колонны Ноги оказались уже на одном уровне с Гернгроссом, вследствие чего Гернгроссу пришлось бы атаковать Ноги в лоб, а не во фланг. Не зная об этом, Гернгросс направил свой первый удар против японских позиций в деревне Чансынтунь и вокруг неё. После первых успехов его наступление замедлилось, а затем остановилось, отчасти вследствие отсутствия поддержки, а отчасти из-за сильного сопротивления, оказанного японскими 1-й и 9-й пехотными дивизиями в районе Ташичао. Пока Гернгросс упорно сражался, чтобы избежать охвата своих собственных сил, Каульбарс не торопился прийти к нему на помощь. Это вынудило начальника куропаткинского штаба, генерала Сахарова, доложить: «необходимо... просить командующего 2-й армией, чтобы он дрался действительно армией, а не очередными бойцами на глазах прочих войск, стоящих, как говорят, свидетелями...»⁵⁸⁹. У Каульбарса просто были слишком плохо поставлены разведка и управление собственными частями, чтобы согласованно использовать их там, где их сила принесла бы наибольшую пользу. В результате к концу 21 февраля Каульбарс отменил наступление. Впоследствии, Свечин отмечал: «Итак, мы отказывались от наступления не вследствие больших сил противника, или морального ослабления наших войск, или больших потерь, а лишь по неумению организовать таковое в широких рамках»⁵⁹⁰.

Более обнадеживающим было положение в центре и на левом крыле русских позиций, где 1-я и 3-я Маньчжурские армии стойко выдерживали все

⁵⁸⁹ Свечин А. А. Русско-японская война... С. 363.

⁵⁹⁰ Там же. С. 364.

японские атаки. Фактически, если бы Куропаткин или Линевич решили перехватить инициативу, они могли бы предпринять общее наступление на левом фланге, чтобы облегчить натиск на правый фланг. Однако Куропаткин предпочитал дать непосредственный ответ на охватывающий манёвр Ноги, а это означало, что русские подкрепления требовались на правом фланге. 22 февраля Куропаткин предупредил командиров своих армий о возможности отхода к Хуньхэ с целью сокращения фронта и высвобождения резервов.

Вечером 22 февраля Куропаткин сформировал ещё один отряд из 24 батальонов, 5 эскадронов и 52 пушек под началом генерала М. В. Лауница, задача которого состояла в том, чтобы растянуть правый фланг оборонительных позиций 2-й армии, идущих на север от Мукдена вдоль железнодорожной линии. Тем временем Каульбарс в тот же день растратил ещё часть своих драгоценных сил, бросив 35 батальонов против нескольких японских бригад в окрестностях деревни Юхуантунь. Хотя успешная атака позволила бы вбить клин между 2-й и 3-й японскими армиями, такое отвлечение ресурсов не позволило дать энергичный ответ на действия Ноги, чьё наступление временно замедлилось. Когда отряд Лауница вошёл в соприкосновение с заслоном Ноги далеко к северу, вдоль мукденской железнодорожной линии произошло несколько сражений⁵⁹¹.

Последующее продвижение японцев в условиях ограниченности русских ресурсов на правом крыле в конце концов вынудило Куропаткина пойти на шаг, становившийся неизбежным, — сократить свой фронт. Вечером 22 февраля он приказал 1-й и 3-й Маньчжурским армиям под покровом темноты отойти за Хуньхэ, тем самым сократив фронт и создав резервы, необходимые в угрожаемом северо-западном секторе. Однако к вечеру 23 февраля, когда Куропаткин оттянул на запад все высвободившиеся части, а 1-я и 3-я армии закрепились на новых позициях, японцы предприняли ряд пробных атак с целью оказывать постоянный натиск на русских и найти слабые места в новой оборонительной линии. 24 февраля японская 1-я армия прорвала фронт 1-й Маньчжурской армии восточнее Мукдена в том месте, где 7 км участок фронта держали только девять рот IV Сибирского корпуса. Развивая этот местный успех, японцы сумели пробить 12-км брешь в русской обороне, разорвав связь между Линевичем и Куропаткиным⁵⁹².

Не зная об этом обстоятельстве, Куропаткин в ночь на 25 февраля решил отказаться от обороны Мукдена и создать новый рубеж обороны к юга от Телина. Чтобы не допустить отхода русских, 1-я и 3-я японские армии на следующее утро прорвались у Пухэ, перерезав путь к отступлению некоторым частям и обозам. Особенно трудным оказался отход 2-й и 3-й Маньчжурских

⁵⁹¹ Русско-японская война... Т. V. Ч. 2. С. 237–239.

⁵⁹² Там же. С. 246.

армий из-за того, что дороги на север были забиты спасающимися обозами, а также вследствие прорыва японцев через позиции 1-й Маньчжурской армии, вынудившего изменить маршрут отступления, чтобы не столкнуться с зашедшими в тыл японскими колоннами. Особенно большие потери русские понесли во время нескольких арьергардных сражений, которые одновременно вели 2-я и 3-я армии, и ряда других боев, необходимых для того, чтобы держать открытым узкий коридор к северу от Мукдена между железнодорожной линией и Мандаринской дорогой⁵⁹³.

Русским был нанесён очередной тяжёлый — но не смертельный — удар. Большая часть войск Куропаткина сумела вырваться из японской мясорубки, хотя и понесла серьёзные потери. Тем не менее к 26 февраля передовые части Куропаткина достигли Телина, а 28 февраля 1-я и 2-я армии заняли оборонительные позиции на Чайхэ, оставив в резерве части 3-й армии. Куропаткин потерял 90 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными, причём только убитых и раненых насчитывалось около 59 тыс. Японцы потеряли чуть более 70 тыс. человек убитыми и ранеными. Логическим итогом сражения стало окончательное отстранение Куропаткина от командования 3 марта 1905 г., хотя он в конце концов добился, чтобы его оставили на подчинённой должности. В марте русские совершили десятидневный марш-бросок на север, отступив на сильные оборонительные позиции в Сыпингае, где продолжили реорганизацию остатков когда-то могучей армии Куропаткина в ожидании прибытия на Дальний Восток Балтийского флота адмирала З. П. Рожественского⁵⁹⁴. Лишь к лету нарастающая угроза революции в стране и произошедшее 14 мая катастрофическое поражение Рожественского в Цусимском проливе вынудили царя согласиться на посредничество американцев. 15 сентября 1905 г. (н. с.) был заключён Портсмутский мир, которым окончилась война.

Тыловые службы

Во время русско-японской войны в тыловых службах по нескольким причинам наблюдалась совершенно иная картина по сравнению с ситуацией, сложившейся на русско-турецкой войне. Однако, невзирая на различные обстоятельства, результат был точно таким же: как и в 1877–1878 гг., русские полковые армии в 1904–1905 гг. испытывали нехватку во всех важнейших видах поставок. В число основных причин входили отдалённость Дальнего Восто-

⁵⁹³ История русско-японской войны 1904–1905 гг. С. 318–319.

⁵⁹⁴ См.: Русско-японская война... Т. VI. С. 153–154.

ка, его слабо развитая транспортная инфраструктура и неподготовленность к войне.

По мнению военного историка Л. Г. Бескровного, основную вину следует возложить на Транссибирскую магистраль с её недостаточной пропускной способностью. Хотя последняя номинально допускала прохождение семи военных эшелонов (железнодорожных составов, выделенных для конкретных военных частей) в день, реальная пропускная способность магистрали в начале февраля 1904 г. составляла пять пар поездов в день. Из-за нехватки локомотивов и подвижного состава та же цифра для Восточно-Китайской железной дороги, которая соединяла Транссибирскую магистраль с узлом дорог в Харбине, равнялась четырём парам поездов в день⁵⁹⁵. В течение 1904 г. сочетание ряда факторов, включая завершение строительства сухопутного обхода вокруг озера Байкал и модернизацию боковых веток, дорожного полотна и станций, повысило пропускную способность Транссибирской магистрали до 20 пар поездов в день. Всего за время войны на Дальний Восток по железной дороге было доставлено около 2 698 войсковых и 2 529 грузовых эшелонов. Как указывал А. А. Свечин, этот фактор приобрёл бы решающее значение только в том случае, если бы все эти перевозки были осуществлены в первые пять месяцев войны⁵⁹⁶.

Дальние расстояния и низкая пропускная способность магистралей вынуждали полагаться в первую очередь на местные ресурсы, накопленные заранее. Соответственно интендантская служба организовала на Дальнем Востоке 37 складов снабжения, включая 24 в Приамурском военном округе, восемь в Маньчжурии и пять в Порт-Артуре. Таким образом, большинство складов было расположено в ближайшем военном округе, а не вдоль магистрали Хайчен-Ляоян-Мукден, где фактически сосредотачивались силы Куропаткина. И ровно в тот момент, когда железная дорога оказалась забита направляющимися в бой частями, запасы, накопленные в Приамурском округе, также пришлось перемещать вперёд. Ситуация усугублялась тем, что сама интендантская служба была неудачно расположена и плохо подготовлена к тому, чтобы начать закупки продовольствия, в изобилии имевшегося на густонаселённых равнинах к югу от Мукдена. Из положительных моментов можно отметить то, что запасов муки, зерна и сухих пайков, имевшихся к началу военных действий на складах Порт-Артура, хватило более чем на 200 дней⁵⁹⁷.

Несмотря на различные проблемы, армия, по словам Свечина — непосредственного очевидца событий на Дальнем Востоке, — «хорошо кормилась». Он

⁵⁹⁵ Ушаков К. Подготовка военных сообщений России к мировой войне. М.–Л., 1928. С. 19; см. также: Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. С. 150; История русско-японской войны 1904–1905 гг. С. 78–79.

⁵⁹⁶ Свечин А. А. Эволюция военного искусства... Т. II. С. 461–462.

⁵⁹⁷ История русско-японской войны 1904–1905 гг. С. 80.

объясняет этот факт хорошей организацией снабжения, которая опиралась на наличие безопасного железнодорожного терминала, откуда с помощью парового и гужевого транспорта осуществлялось непосредственное снабжение войск по местным линиям. Куропаткин был так озабочен вопросом тылового снабжения, что проложил более 850 км узкоколейных путей, тем самым не только одновременно увеличив оперативную гибкость своих войск, но и повысив вероятность их распада в случае охвата⁵⁹⁸.

Успех работы медицинских служб был более однозначным. Без учёта потерь, понесённых в Порт-Артуре или на более удалённых частях Дальневосточного театра, русская армия потеряла в сражениях 40 тыс. человек убитыми, ещё 140 тыс. ранеными и 13 тыс. умершими от болезней. Последняя цифра представляет собой заметную долю от общего числа в 108 200 заболевших в поле за 18 месяцев войны. Более 50% раненых бойцов смогли вернуться в свои части — такая величина, согласно оценке Свечина, свидетельствует, что «лечебные заведения уже справлялись со своей задачей»⁵⁹⁹.

Иная картина складывалась в отношении вооружения и боеприпасов. На Дальнем Востоке находились только два артиллерийских склада — в Чите и Хабаровске. На них имелось лишь 16 скорострельных пушек, 16 горных гаубиц, 4 полевые мортиры и чуть более 50 тыс. единиц ручного оружия. Это означало, что войска, прибывающие из Европейской России и Западной Сибири, должны везти с собой тяжёлое вооружение. Хуже того, с продолжением войны части, оставшиеся в Европейской России, сами лишились вооружения, отправленного в войска, сражающиеся на Дальнем Востоке. Также в недостаточном количестве были запасены артиллерийские снаряды, особенно в Порт-Артуре, где требования статичной обороны приводили к особенно высокому уровню их расхода. Хотя на складах в Приамурском округе имелось более 50 млн патронов к ручному оружию, по армейским нормам требовалось примерно на 28 млн патронов больше. Одежды для зимних операций было запасено в достаточном количестве, однако обувь и обмундирование оказались низкого качества, и солдаты, вынужденные прибегать к различным импровизациям, зачастую имели вид оборванцев. Результаты применения оружия с использованием бездымного пороха вынуждали и офицеров, и солдат по собственной инициативе перекрашивать свои белые летние гимнастёрки и фуражки в тошнотворный желто-зеленый цвет, чтобы сделать их менее заметной мишенью по образцу только что внедрённой в японской армии летней формы цвета хаки⁶⁰⁰.

⁵⁹⁸ Свечин А. А. Эволюция военного искусства... Т. II. С. 476–477.

⁵⁹⁹ Там же. С. 476, 477 (цитата).

⁶⁰⁰ Там же. См. также: *Ignatyev*. A Subaltern in Old Russia, 173, 189.

За исключением медицинской помощи, ситуация с тыловыми службами на Дальнем Востоке, казалась, воспроизводила то, с чем столкнулась русская армия во время русско-турецкой войны. Хотя снабжение продовольствием представлялось более-менее адекватным, обеспечение войск оружием и обмундированием явно не отвечало потребностям. После 1904–1905 гг. в уставы полевого управления войсками были внесены изменения с целью устранить наиболее вопиющие организационные недостатки, в то время как сохранявшаяся перспектива ведения военных действий на отдалённых театрах со всей остротой ставила на повестку дня вопрос о создании запасов в мирное время и их расположении. Вместе с тем офицеры, служившие на Дальнем Востоке, докладывали о необходимости в улучшении координации между теми учреждениями, которые надзирали за производством предметов армейского снабжения, и теми, которые занимались их распределением и починкой⁶⁰¹. Однако наиболее серьёзной оставалась все же проблема инфраструктуры. При отсутствии гибкой сети железных и безрельсовых дорог и при невозможности в кратчайшие сроки увеличить производство вооружения и обмундирования, перспектива краткосрочной и напряжённой войны требовала уделить намного больше внимания тщательной проработке предвоенных планов. Отчасти благодаря маньчжурскому опыту системная неуклюжесть в смысле снабжения и обеспечения боеспособности войск естественным образом подкрепляла преобладающие представления о том, что любой грядущий военный конфликт по необходимости должен быть скоротечным.

Уроки выученные и невыученные

Несмотря на изменения, произошедшие за три десятка лет, русско-японская война любопытна в том отношении, что она воспроизвела некоторые из важнейших уроков русско-турецкой войны. В 1904–1905, как и в 1877–1878 гг., общий ход сухопутной кампании определялся неспособностью российского флота сохранить господство на море. И опять же, хотя на этот раз по иным причинам, подготовка к войне выявила серьёзный — едва ли не фатальный — разрыв между политикой и военными возможностями. Впрочем, в этом случае русские недооценивали своего противника ещё серьёзнее, чем в годы Александра II и Милютина.

На уровне театра военных действий события 1904–1905 гг. потребовали от командиров большего мастерства в смысле управления войсками. Уси-

⁶⁰¹ См., например: *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX в. С. 151; *Незнамов А. А.* Из опыта русско-японской войны (Заметки офицера Генерального штаба). 2-е изд. СПб., 1906. С. 23.

ленное использование телеграфа и запоздалое появление телефона просто не могли полностью компенсировать те проблемы, которые были вызваны масштабами военного театра, отдалённостью от столицы империи, личным соперничеством, неудачным назначением командиров и возможностью вмешательства высочайших особ. Хотя царь предпочёл остаться в Санкт-Петербурге и вмешивался оттуда лишь изредка, можно предположить, что его присутствие при войсках могло бы решить проблемы, вызванные конфликтами между командующими и перекрытием их полномочий.

В том, что касается тактики и ведения операций, проблемы личных взаимоотношений усугублялись громоздкой структурой командования, провалами в координации и неумением использовать новые технологии. В результате русским так и не удалось полностью раскрыть свои сильные стороны, включая обладание внутренними коммуникациями в Маньчжурии, и скомпенсировать ими такие минусы, как почти легендарная нерешительность Куропаткина. Более того, Куропаткину не хватало или полномочий, или решимости, чтобы избавиться от престарелых и некомпетентных офицеров на старших командных должностях. Свой вклад в проблемы командования и координации вносило чрезмерное преклонение перед старшими по чину в сочетании с неподготовленностью штабных офицеров и излишне негибкими штабными процедурами. Куропаткин слишком поздно понял, что не может осуществлять командование с линии фронта, и слишком поздно осознал, что поспешные импровизации только подчёркивают ключевые просчёты в назначениях на командные должности и распределении задач. А. А. Свечин, один из виднейших исследователей этой войны, не без оснований делает вывод о том, что русское поражение в значительной степени было обусловлено различными провалами в том, что он позднее назовёт «оперативным искусством»⁶⁰².

Поскольку ведение операций тесно связано с другими сторонами войны — и, безусловно, зависит от них, — утверждение Свечина не должно скрывать от исследователя другие фундаментальные изъяны, свойственные русскому подходу к войне на Дальнем Востоке. В районе, удалённом от центра страны и неспособном обеспечить армию всем необходимым, снабжения привязывали Куропаткина к Южно-Маньчжурской железной дороге и делали его оперативные планы стереотипными и предсказуемыми. Серьёзное влияние на маньчжурские операции оказывал Порт-Артур, в то время как принцип экономии сил требовал рассматривать его в качестве отвлекающей операции, сковывающей значительные японские силы. Ни Главный штаб, ни руководство страны в Санкт-Петербурге не предложили разумных стратегических рамок, которые бы определяли развёртывание операций

⁶⁰² Свечин А. Эволюция военного искусства... Т. II. С. 409–410.

на уровне театра военных действий. Таким образом, как и в 1877–1878 гг., девизом стало слово «импровизация», но импровизация не могла стать компенсацией за поражения на море, за неполные и нереалистичные планы, за проблемы снабжения и за неумелое командование.

Война также вскрыла различные недостатки в тактике и военной организации, не имевшие, впрочем, самодовлеющего характера. Хотя делавшийся Драгомировым акцент на наступлении, выстроенном вокруг пехотной атаки, оставался стержнем русского военного искусства, войска на поле боя вскоре приспособились к реалиям сухопутного сражения в эпоху бездымного пороха. Когда позволяли погода и местность, они быстро научились атаковать в разомкнутых стрелковых цепях и находить защиту от полевых укреплений в закрытых ячейках⁶⁰³. За исключением начальных этапов конфликта, когда японцы казались лучше подготовленными к тому, чтобы пользоваться преимуществами укрытий, русская пехота, по-видимому, не сильнее японской страдала от распространённых заблуждений в отношении сочетания огня и атаки. После начальных этапов войны и японскую, и русскую пехоту то и дело безрассудно бросали в наступление по открытой местности в условиях массированного стрелкового и пулемётного огня, не обеспечив адекватной артиллерийской поддержкой. Каждая сторона обладала опытом успешного использования штыка и пули, и этот опыт требовал тщательного анализа и оценки с целью понять, что он означает для будущего. Японцы явно превосходили русских в некоторых областях, включая скорость планирования, использование коммуникаций и осуществление тактических замыслов. Кроме того, японцы не замедлили обучиться у немцев применению артиллерийской огневой поддержки с закрытых позиций⁶⁰⁴.

В то же время в русской организации и тактике проявился ряд серьёзных изъянов, которые, по-видимому, были обусловлены особенностями царского режима. Несмотря на нововведения в организации конных войск после 1877–1878 гг. и появление конных разъездов, Куропаткин оказался не на высоте в сфере тактической разведки. Невзирая на то значение, которое в межвоенный период придавалось независимым кавалерийским операциям, русская кавалерия на Дальнем Востоке действовала по большей части неудачно. Более того, недооценка японцев и усиленное внимание к европейским делам привели к тому, что большая часть ноши дальневосточного конфликта легла на плечи резервных формирований. Однако эти части слишком часто

⁶⁰³ Даже упрямый генерал Стессель не остался глух к современным тактическим новшествам; см. его «Главнейшие практические выводы из боевого опыта на Квантунском Полуострове относительно действий войск против Японцев. 20 августа 1904». С. 1–15 // P. A. Bazarov Papers, Hoover Institution Archives.

⁶⁰⁴ Превосходный обзор с британской точки зрения см.: Great Britain War Office, General Staff, *Some Tactical Notes on the Russo-Japanese War* [Confidential], (London, 1906), 14–27.

были плохо оснащёнными, плохо обученными и имели слишком плохое руководство для того, чтобы успешно воевать против опытного, решительного и дисциплинированного противника. Дополнительной проблемой для русских частей, как резервных, так и регулярных, была слабая координация на тактическом уровне. Провалы координации вели не только к тому, что соседние части не оказывали друг другу поддержки, но и к неэффективному взаимодействию трёх родов войск. Эти изъяны усугублялись появлением новых технологий и резко расширившимися масштабами сражений и поля боя.

Нескоординированность по ряду причин нередко усугублялась неумелым руководством. Несмотря на теоретический и доктринальный акцент, делавшийся на наступлении, русское верховное командование прибыло на Дальний Восток с оборонительным менталитетом, и даже после вынужденного наращивания наступательных операций врождённые привычки умирали медленно. Кроме того, если одно из главных предположений Свечина верно — а судя по большинству свидетельств, так оно и есть, — то русское верховное командование на Дальнем Востоке обладало наполеоновским пониманием операций, неуместным в эпоху стремительных технологических изменений и новых методов ведения сражений и операций⁶⁰⁵. Склонность готовиться к правильному решающему сражению, подкреплённая опытом 1877–1878 гг. и уроками, извлечёнными в России из других недавних войн, приносила только вред в условиях быстро разворачивающейся и нередко запутанной последовательности отдельных сражений, на которую весьма охотно шли японцы. Эта отрицательная черта русского командования, в свою очередь, усугублялась недостатком хладнокровия и гибкости, изъянами планирования и тактической разведки.

Невзирая на все свои слабые стороны, русские пришли к Портсмутскому миру, имея в Маньчжурии армейскую группировку, которую японцы не смогли уничтожить. Если бы не нарастание революционной волны дома, русская армия вполне могла бы возобновить наступление. Моральная опустошённость русских войск компенсировалась истощением у японцев физических сил и финансовых ресурсов. В результате война завершилась не взрывом сражения на уничтожение, а всхлипом крайнего изнурения. Таким образом, даже в первые годы XX столетия современные армии оставались заложниками внутреннего фронта.

⁶⁰⁵ Свечин А. А. Эволюция военного искусства... Т. II. С. 576.

6. ТЕОРИЯ И СТРУКТУРА, 1905–1914: МЛАДОТУРКИ И СТАРЫЕ РЕАЛИИ

Цель моя — по мере сил помочь установлению необходимого в наше время одинакового всеми начальниками понимания войны и современного боя и однообразных методов и приёмов решения боевых задач (единство доктрины)

*А. А. Незнамов*⁶⁰⁶

...Исходным пунктом всех моих мероприятий была цель добиться создания русской армии, равносильной германской.

*В. А. Сухомлинов*⁶⁰⁷

В период с 1905 по 1914 гг. русская военная мысль и деятельность подпитывались из многих источников, включая уроки, полученные на Дальнем Востоке, достижения умозрительной теории, зарубежное влияние и внутренние побуждения эволюционного и революционного характера. Сложившийся после 1905 г. климат поражения и произошедшая в стране революция естественным образом вели к переоценкам и поиску новых горизонтов. В русской военной печати бушевали дискуссии, офицеры старались не только логически объяснить поражение, но и предотвратить его повторение. В рамках военного истеблишмента и за его пределами множились клики сторонников

⁶⁰⁶ Цит. по: Незнамов А. Современная война. Действия полевой армии. 2-е изд. СПб., 1912. С. VIII.

⁶⁰⁷ Сухомлинов В. А. Воспоминания. С. 268.

всевозможных идей и программ⁶⁰⁸. Возможно, со времён Крымской войны вопрос военной реформы не приобретал в России такой злободневности. Сливаясь и разделяясь, различные течения то следовали меж знакомых берегов, то прорывали себе новые русла; многие из этих же течений — и новые, и старые — со временем внесли свой вклад в интеллектуальное и институциональное развитие режима, пришедшего к власти после 1917 г. и ставшего наследником современной русской военной традиции.

История и теория

Военная история оставалась важным источником, влаги из которого в полной мере испили многие теоретики. Так произошло, с одной стороны, потому, что офицеры с готовностью пользовались историей как инструментом для понимания того, что случилось на войне с Японией, а с другой стороны, потому, что военная история по-прежнему занимала заметное место в Николаевской академии Генерального штаба. Кроме того, история в более широком смысле всё ещё обещала сыграть роль призмы, позволявшей наблюдателям использовать преломлённый в ней опыт для осмысления общих философских и научных проблем, сопровождавших развитие русской армии. Всё так же насущным оставался вопрос о том, каким образом связать военную историю, понимаемую в узком смысле как недавний боевой опыт, с военной теорией. Всё более широкая и серьёзная аудитория задумывалась и над другой проблемой: как уверенно отмечал в 1906 г. А. А. Незнамов, выпускник Академии 1900 г. и ветеран 1904–1905 гг., «теперь учиться легче — военно-историческая наука разработала всё и облекла в доступную и понятную всем форму; недоставало лишь желаний и серьёзного отношения к ней»⁶⁰⁹.

Как бы ни относились к истории профессиональные военные, одним из важнейших приоритетов в работе Военного министерства стало издание всеобъемлющего описания войны с Японией. В отличие от злосчастной официальной истории русско-турецкой войны 1877–1878 гг., этот проект с самого начала осуществлялся с расчётом на его пользу и непреходящее значение. В сентябре 1906 г. генерал Василий Иосифович Гурко, сын героя 1877 г., энергично приступил к работе во главе специальной военно-исторической комиссии, учреждённой в рамках только что созданного Главного управле-

⁶⁰⁸ Керсновский А. А. История русской армии. Ч. 3. С. 8–11; Stone, The Eastern Front 1914–1917, 21–24, 27–31.

⁶⁰⁹ Незнамов А. Из опыта русско-японской войны. С. 129–130.

ния Генерального штаба⁶¹⁰. Гурко заверил царя в том, что история войны будет написана «за три года». В конце концов комиссия собрала более 10 тысяч томов архивных материалов по действиям русских вооружённых сил на Дальнем Востоке, включая мемуары, а также наблюдения и отчёты зарубежных военных атташе. Хотя нехватка средств и колоссальный объём материалов тормозили работу, уже в 1910 г. началось издание 9-томной официальной истории войны (в 16 книгах). Это издание, завершённое в 1913 г., исчерпывающе подробно освещало большинство аспектов войны и было впоследствии переведено на французский, немецкий, итальянский и японский языки⁶¹¹.

Благодаря энергичному руководству новая история появилась более своевременно, чем тома по русско-турецкой войне, но по крайней мере в одном отношении Гурко не сумел преодолеть недостаток, свойственный его предшественникам: изложение самых критических моментов не сопровождалось каким-либо критическим анализом, который бы помог читателям реалистично и трезво оценить «уроки», преподанные опытом войны. На кону по-прежнему стояло слишком много карьер высоких и низких чинов, чтобы подвергать действия командиров, всё ещё находящихся на действительной службе, пристальному анализу в свете исторического знания, полученного задним числом, или поднимать слишком много противоречивых вопросов, которые задевали высокопоставленных функционеров, причастных к императорскому окружению.

Всё это вело к тому, что более откровенная критика могла попасть лишь на страницы неофициальных изданий, менее зависимых от преобладающих настроений в политических и военных кругах. Например, Александр Андреевич Свечин, молодой подполковник Генерального штаба, в 1910 г. издал (очевидно, на основе материалов, полученных от Военно-исторической комиссии) обзор сухопутных операций на Дальнем Востоке⁶¹². Эта книга стала важной вехой в карьере блестящего военного теоретика, которому было суждено служить и при царском, и при советском режимах. Проведённый Свечиным анализ маньчжурских операций замечателен как своим всеобъемлющим характером, так и спокойным беспристрастием. Внимательный исследователь военной истории при соответствующей склонности может найти в работе Свечина достаточно материалов для вынесения приговора конкретным лицам, но в то же время читатель получал книгу, которая во многих отноше-

⁶¹⁰ Авдеев В. А. Военно-исторические исследования в русской армии // Военно-исторический журнал. № 3. Март 1986. С. 82–83.

⁶¹¹ Никольский В. П. Служба в Главном штабе и в Главном управлении Генерального штаба (1903–1908 гг.). С. 32–33; см. также: Русская военная мысль... С. 40–41, 180.

⁶¹² Свечин А. Русско-японская война 1904–1905 гг. По документальным данным труда Военно-исторической комиссии и другим источникам. Ораниенбаум, 1910.

ниях до сих пор остаётся самым проникательным описанием достижений и неудач российской армии во время войны с японцами.

Профессиональная перспектива

Другие, нередко более откровенные описания публиковались в частных издательствах, в неофициальных разделах военной печати и в различных изданиях штабов военных округов. В то время как Свечин сохранял осмотрительность в своей критике, раскрывая истину лишь малыми дозами, другие офицеры не отличались такой сдержанностью. Среди первых ринувшихся в бой был Куропаткин, в 1906 г. поспешивший издать свою собственную апологию — четырёхтомное описание войны («Отчёт генерал-адъютанта Куропаткина»), в котором пытался возложить вину за поражение на всех, кроме самого себя. За исключением этих самооправданий, его мемуары (сокращённые до двух томов и переведённые на английский под названием «The Russian Army and the Japanese War»), как и более уравновешенные «Задачи русской армии» (1910), указывают на множество недостатков, которые действительно снимают с Куропаткина ряд обвинений за маньчжурские неудачи. И эти недостатки требовали исправления, с тем чтобы армия могла более удачно зарекомендовать себя в любой последующей войне⁶¹³.

Менее самооправдательными и более заслуживающими доверия были нередко язвительные комментарии младших штабных офицеров, наблюдавших за военными действиями с позиций, которым было присуще мучительное сочетание широкой перспективы и скудных полномочий⁶¹⁴. Особенно выделялись две книги, «После войны. О нашей армии» (1907) А. В. Геруа и «Из опыта русско-японской войны» (1906) А. А. Незнамова, который в 1907–1912 гг. преподавал в Николаевской академии. Наряду с аналогичными трудами Е. И. Мартынова, С. Мылова и других, в книгах Геруа и Незнамова отразилось негодование профессиональных военных, видевших, как все их труды по подготовке армии и жизни солдат оказались загублены в кровавой дальневосточной мясорубке. Молодые профессионалы-генштабисты пощадили один только престол в своих обличениях военной некомпетентности и неготовности к войне. В сочетании со свидетельствами, выявленными в ходе исторических исследований, заявления нового поколения профессиональных военных одновременно и объясняли причины поражения, и вызвали к проведению новых реформ.

⁶¹³ Pintner, *Russian Military Thought: The Western Model and the Shadow of Suvorov*, 372; Von Wablsde, *Military Thought in Imperial Russia*, 196–199.

⁶¹⁴ Азеев А. Офицеры русского генерального штаба об опыте русско-японской войны 1904–1905 гг. // Военно-исторический журнал. № 8. Август 1975. С. 99–104.

Системный взгляд на войну глазами опытных исследователей и практиков военного искусства позволял выявить кое-какие положительные и множество отрицательных аспектов. Несмотря на некоторые изъяны в учебном процессе и эксцессы, вызванные революцией 1905 г., эти авторы не жалели слов на восхваления в адрес русского солдата. «Солдат наш упрёка не заслужил», писал Незнамов, потому что «он с неподражаемой энергией переносил все тяготы похода в свыше чем сорокаградусной жаре по непролазной грязи: он систематически недосыпал, по 10–12 дней не выходил из огня и не терял способности драться». Даже когда его командиры убиты, такой солдат добровольно подчиняется другим командирам, и «...он ни разу не терял присутствия духа, на лице его ни разу не было видно уныния и, невзирая на неудачу, он не переставал считать себя сильнее “японца”...» Другие офицеры повторяли заявления Незнамова, особенно отмечая бойцовские качества восточно-сибирских частей. Что больше всего беспокоило солдата и деморализовало его как ничто иное, так это приказы отступить после того, как он доблестно отражал вражеские атаки⁶¹⁵.

Испытание боями также прошли важнейшие виды вооружения. Винтовка Мосина образца 1891 года «по своим конструктивным и баллистическим качествам показала себя на войне вполне удовлетворительной». Аналогично и «артиллерийские орудия (скорострельные) — великолепны», точностью стрельбы, скорострельностью и дальностью превышая показатели аналогичных японских орудий. Однако опыт выявил необходимость внесения модификаций в запал снаряда и повышения мощности взрывчатого заряда. Незнамов и другие авторы призывали создать более мощные фугасные снаряды для борьбы с полевыми укреплениями и шрапнельные снаряды, более эффективно поражающие живую силу на открытой местности⁶¹⁶.

Другие виды вооружения и снаряжения зарекомендовали себя не так хорошо. Мортиры Энгельгардта оказались практически бесполезными из-за своей ненадёжности и недостаточной дальности. А. А. Игнатьев стал под Сандепу свидетелем того, как-mortиры использовались для обстрела японской пехоты, ведущей снайперский огонь из-за каменных стен. После одного-двух выстрелов у лафета-mortиры сломались колёса: резиновые амортизаторы отдачи замёрзли на морозе, из-за чего вся сила отдачи передавалась колёсам⁶¹⁷. Замерзали и диафрагмы полевых телефонов, из-за чего те выходили из строя.

⁶¹⁵ Этот мотив присутствует в большинстве русских и зарубежных замечаний о русско-японской войне; см.: Незнамов А. А. Из опыта русско-японской войны. С. 26; Ignatyev, A Subaltern in Old Russia, 265; Черемисов В. Русско-японская война 1904–1905 года. С. 290; Сказания иностранцев о Русской Армии в войну 1904–1905 гг. СПб., 1912. С. 227–238.

⁶¹⁶ Незнамов А. А. Из опыта русско-японской войны. С. 2–3.

⁶¹⁷ Ignatyev, A Subaltern in Old Russia, 247.

Раздавались требования создать новое, более совершенное оборудование. Воздушные шары продемонстрировали свою полезность, но они требовали адекватного обслуживания и снабжения, без чего порой оказывались привязаны к каким-то балкам, не в состоянии подняться в воздух без водорода, как однажды наблюдал Незнамов во время операции на Шахэ. Проекторы также обещали в будущем принести пользу, но для их успешного применения следовало заранее продумать, где именно и в чьём ведении они должны находиться. Незнамов отмечал, что «японские проекторы работали почти во все тёмные ночи и очень мешали как работам на позиции, так поискам охотничьих команд»⁶¹⁸.

В список изъянов включалось также большинство заметных недостатков и проблем снабжения. Если мортиры проявили себя с худшей стороны, то ещё большей проблемой оказалась нехватка полевых и горных выючных гаубиц. В то же время полевое применение «автоматизированной смерти» конструкции сэра Хайрема Максима произвело глубокое впечатление на многих русских офицеров, включая Незнамова, который писал, что «пулемёты приобрели большое значение, и отсутствие их у нас (при наличии у противника) было чрезвычайно чувствительным»⁶¹⁹. Кроме того, русской армии требовалось более совершенное полевое оснащение и амуниция, включая обувь, шанцевый инструмент и полевой транспорт⁶²⁰.

Ещё большее значение в борьбе за обладание инициативой в будущей войне приобретали проблемы подготовки, восприятия, времени, пространства и управления. Те офицеры, вышедшие из стен Николаевской академии до 1904 г., которые старались проникнуть в суть происходивших на их глазах событий, приходили к выводу, что полученное ими в академии штабное образование неадекватно сразу в нескольких отношениях. В практическом плане чрезвычайно длительные упражнения по картографии и рисованию приносили лишь ограниченную пользу. Практически бесполезными были и занятия по астрономии — разве что, как отмечал Игнатьев, офицер ночью окажется в чистом поле и ему понадобится точно определить положение объекта, не отмеченного ни на одной карте⁶²¹. При этом прикладной тактике уделялось совершенно недостаточное время. Военную историю — сам по себе важный предмет — следовало тесно увязывать с вопросами ведения современной войны. Выпускники академии нуждались в умении быстро да-

⁶¹⁸ Незнамов А. А. Из опыта русско-японской войны. С. 24–25.

⁶¹⁹ Там же. С. 36.

⁶²⁰ Базаров П. А. Мнения иностранных военных агентов по вопросам, касающимся настоящей кампании. 2 декабря 1904 // Pavel A. Bazarov Papers, Hoover Institution Archives, folders 1–3, pp. 3–4.

⁶²¹ Игнатьев, A Subaltern in Old Russia, 119–120.

вать оценку ситуации, выносить точные суждения и воплощать тактические идеи своих командиров в понятных и пригодных к исполнению полевых приказах⁶²². Иными словами, командиров и их штабных офицеров следовало обучить навыку ухватывать суть ситуации, соответствующим образом реагировать на неё, а затем обращать её на пользу русской армии, отталкиваясь от единых концепций, процедур и словаря.

Новые отправные точки

Для того, чтобы эти и родственные им навыки обрели смысл, им требовались интеллектуальные рамки, способствующие чёткому пониманию современной войны. Свойственное генералу Лееру представление о стратегии как о науке, обладающей собственными неизменными законами, которые проявляются при пристальном изучении военной истории, особенно наполеоновских кампаний, — даже подновлённое в 1890-х гг., оставалось слишком жёстким, абстрактным и недостаточно наглядным для того, чтобы передать ощущение сложности современных битв, операций и кампаний. Современные массовые армии упорно сопротивлялись поражению в единственном решающем сражении, которое в прошлом столетии нередко определяло судьбу всей кампании и даже всей войны. Сама природа битвы изменилась, из смертоносного спектакля, к счастью продолжающегося лишь несколько дней, превратившись в длительную борьбу, которая может затянуться на несколько недель. Железные дороги и телеграф — а с недавнего времени также телефон и радио — по-прежнему переворачивали с ног на голову традиционные представления о пространстве, времени и его расчёте. Эти же новшества вновь поставили на повестку дня требование о переоценке фундаментальных концепций охвата и операций на внутренних и внешних линиях. Иными словами, Жомини уступал место Клаузевицу и Мольтке-старшему (с изменениями, обязанными опыту и наблюдению). Однако Мольтке следовало понимать не столько в его связи с Наполеоном, сколько в том смысле, в каком он и его ученики революционизировали современную войну в новом индустриальном веке. Что более важно, русские офицеры нуждались во времени и популении для того, чтобы систематически читать и предаваться глубоким размышлениям.

Что касается сферы тактики, принципы генерала Драгомирова требовали систематического пересмотра в свете появления нового оружия и соответствующей потребности в его более гибком применении и новом акценте

⁶²² Агеев А. Офицеры русского генерального штаба... // Военно-исторический журнал. № 8. Август 1975. С. 102–103.

на сочетании действий различных родов войск, особенно пехоты и артиллерии. Смертоносность оружия, использующего бездымный порох, призывала к фундаментальной переоценке взаимоотношений между огнём и ударным воздействием и в наступательном, и в оборонительном сражении⁶²³. Большое рассеяние войск представлялось неизбежным, но проблема состояла в том, как добиться массовости и сохранить управление над живой силой и огневой мощью, разбросанной по большим площадям. Маньчжурские сражения обеспечили новым опытом и новыми данными тех исследователей, которые могли обновить уроки, усматривавшиеся А. М. Зайончковским и другими авторами в войне 1877–1878 гг.

Предварительные выводы сулили тактикам мало приятного. Русско-японская война, по всей видимости, свидетельствовала, что современная головная боль тактиков — встречное сражение — будет и в дальнейшем оставаться стандартной чертой военных операций. Чтобы избежать регулярных сражений с их колоссальным уровнем потерь, разумный командир отныне старался как избежать штурма укреплений, так и удержать инициативу, атакуя противника на марше, пока обе стороны только стремятся к контакту. Общепринятый принцип требовал также, чтобы командиры старались нанести удар противнику в тыл или во фланг, чтобы избежать кровопролитного столкновения в условиях фронтального огня. Только наступление обещало как решение, так и удержание инициативы, столь необходимое в военном деле. По иронии судьбы, возрождение акцента на наступательном сражении не находилось в абсолютном несоответствии с изменением военной технологии; скорее, оно развивалось как способ снизить смертоносность новой технологии⁶²⁴.

Вне зависимости от того, насколько здравым оказался акцент на наступлении, развитие конфликта во времени и в пространстве следовало привести в соответствии с каким-либо общим замыслом. Новые способы и методы развёртывания массовых армий на театре вели к сражениям и к битвам, которые, по видимости, беспорядочно происходили на обширных территориях в течение дней и даже недель до тех пор, пока физическое, моральное и материальное истощение не приводило к временной паузе. Но как извлечь смысл из этого хаоса, как объединить разрозненные фрагменты в связанное

⁶²³ Драгомиров вернулся в Конотоп и умер в октябре 1905 г., но, очевидно, успел переработать свой учебник по тактике с учётом изменения условий на поле боя. См.: Русская военная мысль... С. 184–185.

⁶²⁴ См. ретроспективный анализ: *Ростунов И. И.* Уроки русско-японской войны 1904–1905 гг. // Военно-исторический журнал. № 2. Февраль 1984. Особ. см. С. 77–79; ср. анонимный обзор глазами современника: *Е. У.* Уроки японской войны // Военный сборник. № 8. Август 1908. Особ. см. С. 97–98, где суровой критике подвергаются работы двух «генштабистов» — М. В. Грулёва и Е. И. Мартынова.

целое? В книге «После войны» полковник Александр Геруа, анализируя учения русских военных мыслителей и произведения германского стратега Блюме, призывал к созданию новой концепции, которая закрыла бы интеллектуальную брешь между элементарной тактикой Драгомирова и бессмертными (но при том эфемерными) принципами стратегии Леера. Геруа уже в 1907 г. называл свой вариант такой концепции «прикладной стратегией». Функция этой прикладной стратегии, имевшей подчёркнуто современное значение, сводилась к тому, чтобы «дать ряд твёрдых правил для передвижения армий при современных путях сообщений, для охраны этих путей, для оборудования базы, для маневрирования большой армии к полю сражения и на поле сражения, для организации разведок и проч.»⁶²⁵. Несколько позже, возможно, под влиянием немецкого термина «operativ», Геруа предлагал разместить между стратегией и тактикой некую дисциплину, которую называл «оператикой»⁶²⁶. Её задача заключалась в создании интеллектуальной перспективы, позволяющей командирам и их штабам рассматривать как единое целое и планировать всю совокупность разбросанных в пространстве и времени сражений и манёвров, которые составляют современную военную операцию. Предложенный Геруа термин так и не прижился. Однако в 1920-е гг. Свечин и другие советские военные авторы заменили его менее изящным понятием «оперативное искусство»⁶²⁷.

Возможно, Геруа не удалось ввести в оборот новую терминологию из-за того, что традиционные концепции стратегии сохраняли достаточную гибкость, позволявшую вернуть их на землю с лееровских небес. Пусть теоретики не сходились во мнениях по поводу определения стратегии, но все были согласны в том, что наследие Леера неприменимо на практике. Новое поколение офицеров развивало ту критику, с которой Леер и его сторонники столкнулись уже в 1890-е гг., и в результате прежние термины и понятия подвергались тщательному переосмыслению в свете новых насущных потребностей. Соответственно, за антиинтеллектуальным отношением В. А. Сухомлинова, будущего военного министра (1909–1915) и других критиков теории, скрывалось нечто большее, помимо врождённого консерватизма старой гвардии, хотя, разумеется, стан реакционеров отнюдь не пустовал. Вне зависи-

⁶²⁵ Цит. по: Геруа А. В. После войны: О нашей армии. С. 17–18; см. также: Van Dyke, Culture of Soldiers, 187–89.

⁶²⁶ Керсновский А. А. Философия войны. Белград, 1939. С. 31; питая чисто русскую склонность давать точные военные определения, Керсновский отмечал: «Стратегия есть ведение войны. Оператика — ведение сражения. Тактика — ведение боя». (См. также А. А. Керсновский. Философия войны. М., Издательство Московской патриархии, 2010. С. 62. — Прим. ред.) Ср.: John Keegan, Six Armies in Normandy (New York, 1982), 243.

⁶²⁷ Иногда утверждается, что Свечин, которому часто приписывают авторство термина «оперативное искусство», позаимствовал эту концепцию у А. В. Геруа; см.: Свечин А. А. Стратегия. С. 14–15.

мости от своих убеждений, офицеры нередко оказывались в плену у ложной дихотомии, зачисляя себя и своих современников либо в «теоретики», либо в «практики». Сам Леер однажды сетовал на то, что в глазах его противников «теоретик» — все равно что «негодяй», да и сам великий Суворов как-то раз сказал, что люди идей — «бедные академики»⁶²⁸. Несмотря на все опасности, присущие растущей неприязни к теориям, не предлагавшим непосредственного решения, она была вполне объяснима. В течение какого-то времени немногие понимали, какие проблемы влечёт за собой упор на практику в ущерб теории, о чем Свечин, перефразируя французского комментатора, много лет спустя предупреждал в ином контексте: «Теория, стремящаяся всегда идти рука об руку с опытом, рано или поздно отомстит за себя, если её слишком игнорировать»⁶²⁹. Таким образом, после 1905 г. идеалистический подход Леера по различным причинам был принесён в жертву новому направлению, ставившему на первое место практику на уровне поля боя и театра военных действий.

Теория и практика в Академии Генштаба

Многие уязвимые места теоретической стратегии были присущи и военной истории. В 1905–1908 г. несколько комиссий трудились над обновлением расписания Академии Генерального штаба, причём последняя комиссия под руководством генерала Сухомлинова, в то время — командующего Киевским военным округом, — рекомендовала отменить кафедру истории русского военного искусства. Отчасти функции этой кафедры предлагалось возложить на более традиционную кафедру истории военного искусства, а отчасти — на новую кафедру истории русской армии. За этим решением стояла идея о том, что преподавание военного искусства в академии должно вестись с оглядкой на общее военное наследие России и Европы и их взаимоотношения в военной области. Иными словами, за исключением, возможно, маргинальных соображений, насущные проблемы перестройки, происходившей в современном военном деле, явно перевешивали заботу о сохранении уникальности русских военных институтов. Не то что бы то и другое взаимно исключало друг друга — смысл был в том, чтобы русская военная история продемонстрировала свою значимость для военных проблем, свойственных современной Европе⁶³⁰.

⁶²⁸ Стратегия в трудах военных классиков. Т. II. С. 274.

⁶²⁹ Там же. С. 275.

⁶³⁰ *Von Wahlde, Military Thought in Imperial Russia, 186–188.*

То, каким образом академия реагировала на эту и родственные ей дилеммы, в немалой степени определяло, каким будет ответ армии на вызовы, ожидающие Россию в будущей войне. В реальности комиссия Сухомлинова являлась лишь одной из сил, задействованных в широком наступлении. П. А. Гейсман, оставшийся влиятельным представителем факультета, писал: «Неудачи последней нашей войны, вызвали в печати и в читающем обществе громы и нападки и на военную науку, и на высшую военную школу, академию, и на целую группу её профессоров»⁶³¹. В ответ Академия Генерального штаба создала свою собственную исследовательскую комиссию и формально распространила среди своих выпускников опросник с целью определить, в каких сферах, по их мнению, необходимы улучшения. Из 300 адресатов ответили 60, причём большинство в целом оценило работу академии положительно. В том, что касается критики, некоторые выпускники отмечали, что академия утратила свою ведущую роль в военной науке — в значительной степени из-за того, что устарел академический курс по таким дисциплинам, как стратегия, тактика, фортификация и артиллерия. Следовало приблизить теорию к практике и что-то сделать для того, чтобы вдохнуть новую жизнь в основные предметы⁶³². Соответственно, в 1906–1909 гг. сами профессора составили проект нового устава академии и предприняли меры к тому, чтобы её расписание больше отвечало требованиям современной войны. На аналогичные шаги решились пойти в различных специализированных академиях и в тех учебных заведениях, которые осуществляли первое знакомство русских офицеров с соответствующими родами сухопутных войск.

Вопрос был в том, насколько глубокими должны быть эти изменения, и на него давался ответ — не очень глубокими. На вызовы, вставшие после 1905 г., Академия Генерального штаба могла ответить лишь нерешительными реформами, которые сочетались с инерцией. Начальник академии Н. П. Михневич совместно с могущественным Сенатом академии расстроил инициативы Сухомлинова, поставив во главе возрождённой кафедры русского военного искусства А. К. Байова, уважаемого военного историка. Одновременно несколько ветеранов Дальнего Востока, включая доблестного подполковника Незнамова, были призваны внести в преподавание тактики и стратегии перспективу недавнего боевого опыта. В то же время большинство факультетов и их методов преподавания избежало сколько-нибудь серьёзных изменений. Результатом стало сосуществование старого и нового, отчасти к взаимной выгоде, а отчасти к взаимному вреду. Курсы были обновлены,

⁶³¹ Русская военная мысль... С. 48.

⁶³² Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. С. 38–39; см. также: Азеев А. Офицеры русского генерального штаба... С. 103 (Военно-исторический журнал. № 8. 1975. — Прим. ред.); Van Dyke, Russia's Military Professionals, 139–141.

их программа пересмотрена. Однако принципы преподавания и многие экзаменационные процедуры остались прежними, как и утомительные упражнения по картографии. Влияние Клаузевица отразилось в новом расписании лишь косвенным образом. Не проводилось никаких военных игр, только упражнения со стереотипными «школьными решениями». Б. М. Шапошников, в 1907–1910 гг. офицер-студент, а впоследствии начальник советского Генштаба, вспоминал, что одним из главных новшеств стало учреждение обязательного одногодичного курса верховой езды. Под Ляояном, когда подполковник Н. И. Глобачев, начальник штаба 54-й пехотной дивизии, был назначен на место своего раненого командира, под ним понесла лошадь, оставив уже сильно потрёпанную и пришедшую в расстройство 54-ю дивизию без способного руководства. Отсюда делался вывод, что компетентное руководство войсками требует опыта в верховой езде, и в академии не прошли мимо этого факта при пересмотре расписания⁶³³.

Несмотря на постоянно грозившую тяжесть традиций и неизменную опасность подмены существенных перемен поверхностными, атмосфера в академии в какой-то мере благоприятствовала и переоценке старых истин, и поиску новых. Исследования и студенческие проекты нередко основывались на сопоставлениях различных эпох, а такие преподаватели, как Незнамов, оказывали заметное влияние в сфере полевых упражнений и тактических задач. Кроме того, многие студенты академии сами были ветеранами русско-японской войны. Незнамов в качестве ординарного профессора стратегии привнёс в преподавательскую деятельность сочетание опыта, полученного на поле боя, и теоретических выкладок. Он был блестящим тактиком, а маньчжурский опыт и чтение германских военных теоретиков подвигли его на то, чтобы увязывать тактические и оперативные концепции с более широкими вопросами стратегии. Собственно, незнамовский курс стратегии, вероятно, в целом выполнил задачу закрытия той брешки, на которую Геруа указывал в 1907 г., хотя Незнамов и не пользовался его терминологией. Впоследствии Шапошников вспоминал, что лекции Незнамова представляли собой «нечто вроде учения об оперативном искусстве, не то большую тактику в определении Наполеона, не то стратегию театра военных действий по Лее-ру»⁶³⁴. Студенты сперва были захвачены ими, но затем пришли в негодование, узнав, что многие из своих идей Незнамов позаимствовал у немецкого военного теоретика генерала Сигизмунда Вильгельма фон Шлихтинга, чьи произведения впервые были переведены на русский в 1908 г.

⁶³³ Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1974. С. 127.

⁶³⁴ Шапошников Б. М. Там же. С. 143; о влиянии фон Шлихтинга см.: Современная стратегия (сделанный Г. Л. перевод «Основ современной тактики и стратегии» генерала фон Шлихтинга) // Военный сборник. № 6. Июнь 1908. С. 241–262.

Реакция на влияние Шлихтинга позволяет судить, в какой степени различные сегменты военного мышления оставались узниками разделения на «своих и чужих» и представлений о внутреннем развитии и иностранном военном усилии. Возникновение в конце XIX века конкурирующих националистической и академической школ в русской историографии ещё сильнее обострило ксенофобию тех офицеров, которые считали своим долгом защищать русское военное наследие от пагубных иностранных влияний. Так, хотя Незнамов всячески старался как можно чаще цитировать в своих работах русских военных авторитетов, его заклеили как «западника» — так же, как и многих реформаторски настроенных генштабистов, которые вместе со своими сторонниками вскоре получили кличку «младотурки». Против этих западников ополчились неопиты «русской националистической» школы, которые выступали за развитие «национальной военной доктрины». Одна сторона превозносила достоинства военной модернизации, чем бы та ни вдохновлялась; другая провозглашала необходимость предпринять поиски в недавнем и более отдалённом прошлом с целью сохранения гармонии с истинно национальными направлениями военного развития. Вопрос, разумеется, заключался в степени. В то время как Незнамов считал военную историю незаменимой составляющей теоретического развития, националистическая школа усматривала в понимании истории ключ к теоретическим успехам. Фактически старая вражда между русскими национальной и академической школами разгоралась вновь, но уже в других условиях и с другими участниками. Границы между двумя лагерями нередко были размыты, но соответствующие дискуссии, определения и дискуссии помогли создать рамки для последующего развития русской военной теории⁶³⁵.

Зрелые годы Н. П. Михневича

Николай Петрович Михневич, мыслитель-стратег, унаследовавший в академии мантию Леера, фактически принадлежал к обоим лагерям, но, исходя из списка его публикаций и углублённого интереса к историческим исследованиям, Михневича обычно отождествляют с националистической школой. Будучи последователем философа-позитивиста Огюста Конта, Михневич твёрдо верил в эволюцию созданных людьми институтов и знания от более простых к более сложным формам. Это убеждение одновременно и делало его противником неизменных лееровских законов военной науки, и вело его

⁶³⁵ Von Wahlde, *Military Thought in Imperial Russia, 182–183*.

в стан тех историков, которые являлись приверженцами подхода, ставившего во главу угла изучение изменений в рамках контекста с течением времени.

Ни любовь Михневича к истории, ни его неприязнь к замкнутым системам, по видимости, никак не препятствовали его карьере: в 1904 г., покинув кафедру русского военного искусства, он стал начальником академии; после этого он в 1907 г. расстался с Санкт-Петербургом, вступив в должность сперва командира дивизии, а затем и командира корпуса, а вернувшись в 1911 г. в столицу, стал начальником Главного штаба и занимал эту должность до 1917 г. В течение всего этого времени он продолжал свои теоретические изыскания, выпустив в 1911 г. третье издание своего эпохального труда «Стратегия». Невзирая на свои симпатии, Михневич, несомненно, надеялся силой своего авторитета примирить враждебные партии, благодаря чему преподавание военного искусства и издание соответствующих работ будут происходить в более гармоничной атмосфере. Этого ему не удалось добиться, и последующая крайне неоднозначная интерпретация и реинтерпретация исторических и современных военных реалий и их значения для военного дела в какой-то мере объясняют настоящий взрыв оригинальных суждений в русской военной мысли и доктрине, наблюдавшийся незадолго до 1914 г.⁶³⁶

Если абстрагироваться от личных и групповых склонностей, то общей отправной точкой для тех, кто всерьёз размышлял над военными вопросами, были рассуждения о природе и характере будущей войны. Станет ли очередной европейский конфликт «молниеносной войной» в духе 1870–1871 гг.? Или же он будет развиваться на манер затяжной борьбы в стиле французских революционных и наполеоновских войн? Ответы на эти вопросы зависели от выводов и опыта, почерпнутых из различных источников и событий. В свою очередь, от этих ответов зависела постановка проблем и расстановка акцентов в широком диапазоне соображений, связанных с военным делом. К тому моменту практически все признавали влияние технологии — хотя, возможно, в различной степени. Аналогично, мало кто сомневался в высокой вероятности грядущей коалиционной войны, в которой будут участвовать многомиллионные армии. Однако на этом сходство прогнозов заканчивалось. Если война будет короткой и яростной, внимание в первую очередь следовало уделить непосредственной подготовке, поспешному развёртыванию, энергичному наступлению и надёжным тактическим и оперативным связям в начальный период конфликта. Если же война обещает быть продолжительной, то акцент следовало делать на стратегическую глубину, полное задействование мобилизационного потенциала, выверенный ответ на оперативные вызовы и сохранение внутреннего единства и твёрдости намерений.

⁶³⁶ Ibid., 204–206.

«Стратегия» Михневича затрагивала почти все эти вопросы, отличаясь глубиной и цельностью проникновения в природу военной науки, стратегии и тактики в эпоху массовых армий. В соответствии со своими позитивистскими взглядами и в противоположность склонности Леера искать множество законов, Михневич признавал только два закона: закон эволюции и закон борьбы. И военные институты, и знание военного дела развиваются от простых к более сложным формам. С точки зрения Михневича такая вещь, как военная наука, существовала, но только в той степени, в какой она представляла собой «совокупность всяких сведений, подвергнутых некоторой умственной проверке или отчёту и приведённых в известный систематический порядок». В рамках динамической схемы Михневича поиск законов сменялся поиском принципов с упором на необходимость добиваться единства теории и практики. Как писал Михневич, главная цель теории военного искусства состоит в том, чтобы «установить прочно основные его принципы, изучить важнейшие элементы обстановки и указать, как под влиянием обстановки, применяются принципы на войне»⁶³⁷.

Михневич соглашался с приверженцами русской национальной школы в том, что война по-прежнему выстраивается вокруг индивидуума, но его понимание имело более сложный характер, не сводясь к простому акценту на роль индивидуумов. В прошлом человеческий элемент проявлялся в войне через стратегию и тактику. Отныне же всё большее усложнение развивающегося человеческого общества ведёт к тому, что в центре внимания оказываются многогранные аспекты человечества в целом. Или, выражаясь по-иному, человеческий элемент остаётся, но проявляется через более сложные институты в новой, массовой форме. Мы не найдём у Михневича романтической тоски по ушедшим временам, а лишь суровое признание возникающего нового порядка. Таким образом, для Михневича законы войны воплощаются в тех социальных характеристиках (численном, физическом, экономическом, интеллектуальном и нравственном превосходстве), которые в сумме определяют исход вооружённого конфликта. В более узком военном смысле принципы войны диктуют использование масс для выполнения главной цели и достижения превосходства морали над факторами материального плана, случайности и внезапности⁶³⁸.

В своей аргументации, имеющей сходство с тезисами германского теоретика фон дер Гольца, Михневич утверждал, что ныне в случае войны на карту ставится так много, что нации могут воевать лишь на основе всех своих ресурсов, как физических, так и нравственных. В условиях, когда всё брошено на чашу весов, современная война имеет весьма высокую вероятность превратиться в про-

⁶³⁷ Стратегия / Сост. Н. П. Михневич. 3-е изд. СПб., 1911. С. 1, 43; см. также: Агеев А. Военно-теоретические взгляды Н. П. Михневича. С. 92–93.

⁶³⁸ Стратегия. С. 47.

должительную борьбу, требующую тотального использования всех ресурсов государства, — эту идею уже выдвигали Гүлевич и Блюх. Такое представление о сознательном и просчитанном столкновении однозначно указывало на необходимость нового типа подготовки к войне и мобилизации. Кроме того, оно призывало к более тесному увязыванию внутренней и внешней политики — в этой позиции скрывалась по крайней мере косвенная критика деятельности царского правительства во время русско-японской войны⁶³⁹.

Кроме того, Михневич полагал, что в современной войне Россия будет обладать рядом явных преимуществ. Одно из них — крепкая монархия, которую он считал наилучшей формой правительства для ведения современной войны. Другое — воинский дух населения, способный обеспечить постоянное моральное превосходство. В то же время благодаря сравнительной отсталости России её общество выдержало бы такие неурядицы военного времени, которые бы быстро поставили под угрозу более развитые общества Западной Европы. Иными словами, идеи Михневича напоминали убеждённую славянофилов XIX в. в том, что отсталость России, если посмотреть на дело с другой точки зрения, в реальности является для неё благом. По мнению Михневича, выносливость российского населения и присущая ему духовная сила позволяли России обойтись без «молниеносной войны». При необходимости Россия могла обратиться к скифской стратегии, полагаясь на свои обширные размеры и ресурсы в длительном противостоянии с врагом. «Таким образом, время является лучшим союзником наших вооружённых сил, — писал Михневич, — а поэтому выгоднее всего нам применять “стратегию утомления и изнурения”, а не искать решительных столкновений с противником на самой границе, когда превосходство сил могут быть на его стороне»⁶⁴⁰.

И всё же это было не оправдание для сознательного перехода к оборонительной войне. Михневич, будучи теоретиком непоколебимых убеждений и, возможно, ещё более непоколебимых представлений, тем не менее в достаточной мере оставался историком для того, чтобы знать, что политическая цена за размен земель и жизней на время может оказаться непомерной. Он призывал монархию увеличить военные расходы и удвоить численность армии, «чтобы не отставать от других». В противном случае «в будущей, большой европейской войне, при отсутствии союзников, России придётся начать её с обороны, как это было при Карле XII и Наполеоне, что, конечно, нежелательно и невыгодно»⁶⁴¹.

⁶³⁹ Там же. С. 98–106.

⁶⁴⁰ Там же. С. 96, 144–145 (подраздел: Б. Средства для ведения войны, цит. на с. 120. — *Прим. ред.*); см. также: *Павленко*. Из истории развития теории стратегии. С. 114–115.

⁶⁴¹ Цит. по: *Русская военно-теоретическая мысль...* С. 459 (из кн. *Михневич*. Основы стратегии. — *Прим. ред.*)

Будучи полным традиционалистом в плане культуры, Михневич понимал, какое глубокое влияние на военное дело оказывают технологические изменения. Собственно, его эволюционная модель военной реальности, начиная с 1890-х гг., в значительной степени обязана своим динамизмом признанию того, что технология изменяет саму природу сражений и операций. Например, Михневич видел, что новое оружие, в котором используется бездымный порох, предъявляет новые требования к исчислению дистанций, интервалов и глубины построения на поле боя. Эти требования, в свою очередь, призывали к новым тактическим и организационным структурам. В то же время другие технологии, включая паровую тягу и телеграф как средство коммуникации, влекли за собой новые принципы при планировании и проведении мобилизации, развёртывания и операций⁶⁴².

Тот акцент, который Михневич делал на планировании, не только привлекал внимание к настоящей необходимости в рациональном экономическом развитии, но и подчёркивал чисто военные аспекты первоначального периода войны. Михневич полагал, что стратегическое развёртывание не следует производить в непосредственной близости от врага, чтобы сосредотачивающиеся силы не попали под удар прежде, чем армия окажется вполне способной к проведению операций. Вполне вероятно, что Михневич также прибегал к немецкому опыту и широко пользовался учением Леера, чтобы разработать терминологию, пригодную для описания военных событий. Как и в 1890-е гг., он по-прежнему утверждал, что «каждая большая война составляется из нескольких военных операций. Одни из них — главные операции, имеют решительное влияние на ход всей войны, другие — второстепенные (вспомогательные) операции...»⁶⁴³ Однако, теперь подразумевалось, что в основе этой концепции лежит более современное понимание операций, позволяющее наводить разнообразные концептуальные связи через весь спектр военного дела, которых, по мнению Геруа, так не хватало в интеллектуальной среде до 1905 года.

Возрождение национальной школы

Акцент, делавшийся Михневичем на военном планировании как на воплощении человеческого элемента в военном деле, нашёл сочувственную аудиторию среди военных историков, принадлежавших к русской школе. Историк А. К. Байов со своей позиции ординарного профессора русского военного

⁶⁴² Там же. С. 446–451.

⁶⁴³ Цит. там же. С. 497. (Из кн. *Михневич Н. П. Основы стратегии. — Прим. ред.*)

искусства подчёркивал, что военное искусство представляет собой порождение военной мысли, взаимодействующей с течением времени с другими родами человеческой деятельности во всех её проявлениях. Специфический упор на контекст — время, место и человека — приводит к тому, что развивающееся военное искусство носит ярко выраженный национальный характер. Теория может быть общей для всех людей, однако она переводится в практику лишь в рамках конкретного национального контекста. Противопоставляя человека (дух, интеллект, искусство, национальность) материалу (вещество, средства, числа, технология), Байов подчёркивал роль индивидуума, утверждая, что «человек всегда был и остаётся главным орудием войны». Для Байова «бесспорным национальным качеством нашей армии является единство между армейскими массами и их вождями...»⁶⁴⁴

Акцент на единство теории и практики подводил к самой сути значения военной истории. Байов пользовался вниманием и доверием различных влиятельных аудиторий, включая офицеров Николаевской академии и членов военно-исторических обществ. Признавая необходимость в отдельных заимствованиях с Запада, он решительно выступал против следования «чужим взглядам с доктринёрским упрямством». Он предупреждал, что «мы одержимы иностранными взглядами, неизменным следствием чего является отсутствие связей между теорией и практикой». Если бы русские офицеры лучше выполняли свою домашнюю работу по истории, то проблемы противопоставления удара огню, штыка пуле и другие ложные дихотомии просто бы никогда не возникли. Если бы русские не знали своё прошлое, оно не смогло бы выполнить задачу объединения теории с практикой. Однако этим решительным и, вероятно, истинным утверждениям не хватало существа и непосредственного практического отношения к злободневным проблемам. Для тех, кто пытался найти быстрые ответы на насущные тактические и оперативные вопросы, идеи Байова оставались слишком отвлечёнными⁶⁴⁵.

Незнамов и военное планирование

Более конкретный характер имели представления Александра Александровича Незнамова, который отчасти разделял интерес Байова к истории, и в большей степени — поглощенность Михневича военным планированием. Незнамов был одним из самых видных представителей «младотурков», чьи взгляды нередко интерпретируются как диаметрально противоположные на-

⁶⁴⁴ Цит. в обратном переводе с английского по: *Von Wablike, Military Thought in Imperial Russia*, 192.

⁶⁴⁵ *Ibid.*, 193–194.

ционалистическим, хотя различия зачастую носили лишь количественный характер и были связаны с подходом, а не с сутью или программой. Незнамов хорошо представлял себе значение истории, но использовал её лишь в качестве отправной точки, ибо события 1904–1905 гг. убедили его в том, что в России просто не понимают природу современной войны⁶⁴⁶. В глазах Незнамова самой настоятельной задачей, вставшей перед российской армией, было не обобщение прошлого опыта, а анализ вероятных средств и методов ведения будущей войны. «Даже прошлое не даёт нам полного представления о настоящем, особенно в наш стремительный век», — писал он. Поэтому «военную мысль прошлого нельзя игнорировать, однако в неё следует непрерывно вносить изменения, вызванные текущими техническими достижениями, и по возможности также заглядывать вперёд»⁶⁴⁷.

Незнамов, как бы в ответ на призывы Геруа, развивал идеи Михневича, создавая современную теорию военных операций, в которой планирование и подготовка увязывались с реальным ведением операций и сражений. Как и у Михневича, ключевое место в его представлениях занимал военный план. Подобно Михневичу, Незнамов полагал, что исход современной войны не может определяться результатом единственного решающего сражения. Скорее, современная война состоит из целого ряда сражений и операций, связанных друг с другом общей концепцией военного плана. Этот план направляет выполнение отдельных, но взаимосвязанных задач; благодаря этому в ходе реального течения операций происходит достижение широких стратегических целей⁶⁴⁸. Незнамов разработал свою концепцию благодаря не только внимательному и оригинальному изучению русского опыта на Дальнем Востоке, но и чтению современных ему европейских, особенно немецких, военных теоретиков. По вопросу о готовности он цитировал фон Фалькенгаузена, относительно встречного сражения и современного боя перефразировал фон Шлихтинга, и был убеждён в значимости идеи фон дер Гольца о вооружённой нации⁶⁴⁹.

Военное планирование в изложении Незнамова представляло собой цельную концепцию, призывавшую к полному вовлечению нации в современную войну. В этой концепции неявно присутствовала принципиальная приверженность определению Клаузевица о войне как о продолжении политики другими средствами, со всеми сопутствующими требованиями единства во-

⁶⁴⁶ Незнамов. Современная война. С. VII; см. также: *Pintner*, *Russian Military Thought: The Western Model and the Shadow of Suvorov*, 368.

⁶⁴⁷ Цит. в обратном переводе с английского по: *Von Wablsde*, *Military Thought in Imperial Russia*, 223.

⁶⁴⁸ Незнамов А. А. Военная энциклопедия. Т. XVIII. 1915. Статья «План войны».

⁶⁴⁹ Незнамов А. А. Современная война. С. 132, 145, 162 и пр.; см. также: Русская военно-теоретическая мысль... С. 640, 642, 672.

енно-гражданской воли. Необходимость в истинном единоначалии означает, что прежде чем втягиваться в современную войну, нация, помимо чисто военных факторов, должна учесть ряд иных соображений, включая экономические, политические, нравственные и культурные. Незнамов стремился не только внедрить метод в военное планирование, но и подчеркнуть значение подготовки всего государства к грядущим конфликтам, которые, возможно, не будут походить на войны прошлого. В том, что касается реальной подготовки к войне, взгляды Незнамова расходились со взглядами тех, кто особо выделял роль великих русских полководцев. Фактор руководства, несомненно, сохраняет своё значение, но само военное планирование представляет собой уже не сферу деятельности верховной власти, а скорее функцию более-менее постоянного набора объективных факторов: географии, климата, коммуникации, стратегических целей и ключевых политических и экономических центров.

Идея, лежащая за военным планированием, заключается в переводе приготовлений в военную реальность, которая позволит одному государству навязать свою волю противнику посредством наступательных операций. В этом состоит сущность стратегии. Стратегическое развёртывание армии является чистейшим выражением национального военного планирования и готовности добиваться решения. Незнамов заявлял, что «хронической русской слабостью» в прошлом были неудачные диспозиции. В противоположность Михневичу, который подчёркивал преимущества, присущие глубоким построениям и возможность разминивать пространство на время, Незнамов утверждал, что в основе диспозиций должно лежать требование ускоренного сосредоточения превосходящих сил против главного противника при одновременном дистанцировании от второстепенных угроз. Безопасность сосредоточения является абсолютной необходимостью, но дистанции следует высчитывать не по исторически сложившимся эмпирическим правилам, а в соответствии со знанием реальных темпов развёртывания, сосредоточения и наступления. Незнамов неоднократно подчёркивал, что, определяя порядок действий, в первую очередь «мы должны знать, чего хотим»⁶⁵⁰.

Хотели этого русские или нет, но Незнамов и уроки прошлого, и современные теоретические построения трактовал как подтверждение необходимости в манёвренной войне. Наряду со своими современниками А. Г. Ельчаниновым и В. А. Черемисовым, Незнамов, размышляя над природой современных и будущих сражений, пришёл к таким представлениям, которые требовали уделять усиленное внимание использованию масс посредством комби-

⁶⁵⁰ Von Wahlde, *Military Thought in Imperial Russia*, 225–226.

нированной тактики огня и манёвра. Прежнее сочетание стрелковой цепи и сомкнутого строя во время наступления следует заменить новыми организационными формами, пригодными для атаки. Кроме того, необходимо разработать новые приёмы сосредоточения всех видов огня, так как, по мнению Незнамова, «в современном бою главный фактор — огонь»⁶⁵¹. Появление различных летательных средств является многообещающим в смысле новых форм разведки и атаки, но в то же время создаёт проблему противовоздушной обороны и требует различных мер активной и пассивной безопасности против военно-воздушных сил. Несмотря на значение массовости, смертоносность современного оружия открывает просторы и увеличивает глубину всех организационных уровней на поле боя⁶⁵².

Сражения, как считал Незнамов, станут неотъемлемым компонентом будущих операций, проводящихся не только одной армией, но и группами из двух-трёх армий, что, в свою очередь, создаст необходимость в дополнительных организационных и интеллектуальных связях. В условиях современного боя успех будет сопутствовать тем командирам любого уровня, которые продемонстрируют уверенность и взаимное доверие к диспозициям и решениям других командиров, так же, как и к своим собственным. Подобная уверенность зиждется на общем понимании природы современной войны и на приверженности общему плану. «Сражения одни только решают на войне; всё остальное служит лишь подготовкою к ним», — утверждал Незнамов. Отсюда «поэтому понятие, что каждая войсковая часть, каждая колонна должны проявить в бою всю присущую им силу, всё их умение..., чтобы части шли в бой в их нормальном организационном виде»⁶⁵³. Неразбериха в маньчжурской армии Куропаткина произвела на Незнамова глубокое впечатление.

Маньчжурский опыт также повлиял на то, как Незнамов рассматривал внешне не связанные друг с другом аспекты сражения на театре военных действий. Он понимал вооружённую конфронтацию и как физическую борьбу, и как борьбу за информацию и время. Скорость позволяет командиру одерживать верх в этой борьбе, тем самым обеспечивая удержание инициативы и постоянно вынуждая противника реагировать тем или иным образом. В то же время Незнамов указывал: «...Как вся война распадается на целый ряд операций, так каждая операция распадается на целый ряд частных *ближайших задач*, в которых предшествующая обуславливает собою последующую, все они вместе объединяются единой целью операции, совершенно так же,

⁶⁵¹ Незнамов А. А. Требования, которые предъявляет современный бой к подготовке (обучению) начальников и масс. СПб., 1909. С. 4.

⁶⁵² Незнамов. Современная война. С. 228–236.

⁶⁵³ Незнамов А. А. Военная энциклопедия. Т. XVII. 1915. Статья «Операция (военная)». С. 132.

как все операции связаны между собою...»⁶⁵⁴. Как современную войну нельзя вести прежними методами, так и современную армию невозможно разгромить в единственном сражении. Будущие войны вполне могут приобрести затяжной характер. Маньчжурия продемонстрировала, что война превратилась в ряд «раздельных скачков наступающего вперёд, обороняющегося назад». Так в зачаточном виде появилась теория последовательных операций⁶⁵⁵.

Одним из наиболее долговечных вкладов Незнамова в военную теорию было признание операции как ключевого явления современной войны. В противоположность достаточно абстрактным категориям операций у Лее-ра (главная, подготовительная и вспомогательная), Незнамов предлагал более приземлённую классификацию операций, разделяя их на наступательные, оборонительные, встречные и выжидательные, причём две последние представляли собой соответственно варианты двух первых. Кроме того, Незнамов выделял подготовку и ведение операций, указывая, что эти аспекты усложняются, развиваясь от идей отдельных командиров к «чисто научным» требованиям, которые предполагают не только искусство армейских командиров, но и точную работу их штабов⁶⁵⁶.

Из этих и родственных им идей вытекали концепции, согласно которым современная война разворачивается на широком стратегическом фронте, на котором главными оперативными задачами становятся охваты и прорывы. В то время как охваты (мелкие и глубокие) и операции на окружение давно занимали центральное место в германской военной мысли и учении, многое говорило о том, что и прорыв приобретает всё больше сторонников как в России, так и в Германии. Цель прорыва состоит в том, чтобы вбить клин во вражеский стратегический фронт, а затем развивать успех в глубину и вовне, тем самым угрожая важнейшим коммуникациям врага и организационной связности его армии. Отдельные успехи во время прорыва влекут за собой более крупные успехи на оперативном театре. Общий успех обеспечивается превосходством сил и средств, особенно в сфере артиллерийской поддержки. Подчёркивалось, что прорыв приведёт к успеху лишь в условиях единства действий всех родов войск⁶⁵⁷.

⁶⁵⁴ Цит. по: *Савушкин Р.* К вопросу о возникновении и развитии операции. С. 80. Л. Г. Бескровный отмечал, что это понимание аналогично тому, что принято в современном советском оперативном искусстве: «Незнамов дал обоснование понятию оперативного искусства, которое довольно близко к нашему определению». См.: *Русская военно-теоретическая мысль...* С. 37.

⁶⁵⁵ *Незнамов А. А.* Операция (военная). С. 132–133; *Незнамов А. А.* Современная война. С. 10–13 (цитата с. 12. — *Прим. ред.*); см. также: *Агеев А.* Военно-теоретическое наследие А. А. Незнамова // *Военно-исторический журнал.* № 11. Ноябрь 1983. С. 86.

⁶⁵⁶ *Агеев А.* Военно-теоретическое наследие А. А. Незнамова. С. 86.

⁶⁵⁷ *Незнамов А. А.* Современная война. С. 21–23.

Как же Незнамов предполагал претворять в жизнь свои представления о будущих военных операциях? Возражая националистам, он утверждал, что традиционные русские добродетели — храбрость, жертвенность, спокойствие и самообеспечиваемость — по-прежнему необходимы, но их одних уже недостаточно. Отныне, более чем когда-либо, армии требуются знания, подготовка и правильное использование национальных активов; кроме того, всё это необходимо применять в соответствии с общепонятными принципами и методами. Предвоенное обучение и тренировка — вот ключи для высвобождения нравственного потенциала русского солдата и повышения компетентности его командиров⁶⁵⁸.

Единая военная доктрина

Благодаря этим заявлениям Незнамов в 1911–1912 гг. оказался в самом центре бурных дебатов, развернувшихся по поводу концепции «единой военной доктрины». Неясности современного сражения и акцент, отныне делавшийся на войне на «манёвр—массовость—огонь», вели к тому, что при подготовке и ведении современных сражений и операций жизненную необходимость приобрело единство перспективы. Но оно могло быть обеспечено лишь общей приверженностью единым доктринальным представлениям, сложившейся ещё до начала военных действий. Благодаря неминусемому появлению нового полевого устава и с подачи Незнамова и других, на страницах ежедневной армейской газеты «Русский инвалид» вскоре началась оживлённая дискуссия о необходимости в такой доктрине⁶⁵⁹. Одновременно с тем, как идеи Незнамова о единой доктрине завоёвывали приверженцев и порождали врагов, развернувшиеся споры дополнительно подливали масла в огонь противостояния националистов и западников.

Для понимания сущности дискуссии её следует рассматривать с нескольких точек зрения. Одна из проблем сводилась к тому, что сознательное использование термина «доктрина» само по себе было новшеством в русском военном мышлении. По мнению таких историков, как А. М. Зайончковский, которые далеко углубились в русское военное прошлое, перевод каких-либо общепризнанных идей в практику неизменно вёл к «догмам» и к шаблонному исполнению. Для Зайончковского, только что написавшего историю Крымской войны, внедрение единой доктрины означало вполне естественное укрепление некоторых из худших организационных тенденций, на-

⁶⁵⁸ Незнамов. Требования... С. 6.

⁶⁵⁹ См., например: Незнамов А. А. Боевая подготовка армии // Русский инвалид. № 38. 18 февраля 1912. С. 4–5; общий обзор см.: Van Dyke, Culture of Soldiers, 213–216.

блюдавшихся им в русской армии прежних времён⁶⁶⁰. Другие авторы, включая Н. Чертыркина и А. Адариди, полагали, что от «доктрины» пахнет чем-то чужестранным, отличающим жёсткий японский и германский подход от истинно гибкого русского военного искусства⁶⁶¹. Таким образом, в основе дискуссии лежали различные представления: одна сторона видела обещающего, другая — опасности. С одной стороны, сторонники единой доктрины усматривали необходимость в единстве концепции, языка, подготовки и действия. И это означало нечто большее, чем общность командного языка. Незнамов указывал, что каждый дивизионный командир в Маньчжурии сражался, имея под своим началом 64 отличных роты, но всё целое едва ли когда-либо производило достаточно энергии, чтобы превзойти сумму своих частей⁶⁶². Он мог бы добавить, что то же самое было верно — даже в ещё большей степени — на более высоких уровнях. В будущей войне доктрина должна была стать тем ключом, который раскроет полный потенциал русских вооружённых сил. С другой стороны, противники доктрины относились к ней как к интеллектуальной смиренной рубашке, которая убивает инициативу, ограничивает независимость командиров и душит в армии творческое начало⁶⁶³.

Проблему дополнительно замутняли посторонние вопросы отношений между «своими» и «чужими» и искреннее непонимание той роли, которую играли институты, история и идеи в развитии доктрины. Поскольку Незнамов как профессор стратегии в Николаевской академии принимал самое активное участие в составлении нового полевого устава, некоторые обозреватели видели в его деятельности зловещую тенденцию к интеллектуальной централизации. Вообще говоря, были и такие обозреватели и комментаторы, которые искренне верили в то, что доктринальные исследования и преподавание составляют законную сферу деятельности и Генерального штаба, и его академии. И напротив, такое положение дел представлялось сущим проклятием для тех, кто полагал, что гений русского военного искусства зарождается на уровне роты и полка, где совместная воля офицера и солдата обеспечивает то самое желанное единство теории и военной практики⁶⁶⁴. Всё, что по их мнению, требовалось — внести в суворовское «Искусство побеж-

⁶⁶⁰ Русская военная мысль... С. 144–145.

⁶⁶¹ Адариди А. Любителям доктрины // Русский инвалид. № 14. 17 января 1912. С. 3; Чертыркин Н. Доктрина в уставе полевой службы // Русский инвалид. № 41. 22 февраля 1912. С. 2–3.

⁶⁶² Незнамов А. А. Боевая подготовка армии. С. 4–5.

⁶⁶³ Жилин П. Дискуссии о единой военной доктрине // Военно-исторический журнал. № 5. Май 1961. С. 62–64.

⁶⁶⁴ Зайончковский А. М. Единство военной доктрины (Опасности и увлечения) // Русский инвалид. № 280. 31 декабря 1911. С. 2–3; ср.: Доманевский В. Н. Самодеятельность начальников // Русский инвалид. № 48. 1 марта 1912. С. 5.

дать» поправки, связанные с появлением новых технологий. Другие авторы, особенно Зайончковский, верно отмечали, что Незнамов не сумел увидеть разницу между немецкими представлениями о доктрине и реальными действиями японских войск в Маньчжурии. Чтобы осознавать пределы применимости, историк должен тщательно отобрать факты, а затем дать теоретическую интерпретацию своих находок. Наконец, были и те, кто считал, что доктрина просто обещает больше, чем действительно может дать в условиях реального сражения.

Эти споры бушевали до конца лета 1912 г., когда император своим личным вмешательством положил конец диспутам. Генерал Н. Н. Янушкевич, начальник Николаевской академии, был вызван в Царское Село, где Николай II разрубил гордиев узел определений, заявив: «Военная доктрина состоит в том, чтобы исполнять всё то, что я прикажу». Чтобы все поняли эти слова верно, император велел Янушкевичу передать Незнамову, «чтобы он больше с этим вопросом не выступал в печати». О решении царя следовало также сообщить в «Русский инвалид»⁶⁶⁵. Вопрос о единой военной доктрине вновь появился на страницах русской военной печати лишь после смерти царя в 1918 г.

Удар по Незнамову являлся лишь одним фрагментом продолжавшегося общего наступления на «младотурков». Их связи с дядей царя, великим князем Николаем Николаевичем, и растущее политическое влияние сделали их, по словам военного министра Сухомлинова, «вторым правительством»⁶⁶⁶. В 1909–1912 гг. они подверглись репрессиям в виде новых назначений, причём наиболее выдающиеся из «младотурков», включая В. И. Гурко, А. С. Лукомского и Н. Н. Головина, неожиданно были переведены на ответственные должности за пределами столицы империи. Слишком поздно они снова вышли на первые роли — уже после того, как начало войны подтвердило многие из их взглядов⁶⁶⁷.

На фоне кадровых перетрясок и интеллектуального брожения звучал лишь один голос трезвых вычислений, принадлежавший подполковнику Свечину. Он понимал необходимость акцента на наступление в самом начале войны, но не забывал и о необходимости заглядывать вперёд в случае, если первоначальные операции не приведут к развязке. В 1913 г. Свечин, оценивая значение потенциальных коалиционных операций на западе и на востоке, пришёл к выводу, что стратегический центр тяжести медленно смещается на восток вследствие демографического фактора, расстояний и повысившейся готовности России к войне. В том случае, если французская и царская армии в грядущем конфликте не сумеют обеспечить быструю развязку, обеим

⁶⁶⁵ Цит. по: Русская военная мысль... С. 146.

⁶⁶⁶ *Denikin*, *Career of a Tsarist Officer*, 182.

⁶⁶⁷ *Jones*, *Imperial Russia's Armed Forces at War*, 20.

странам пошёл бы на пользу поиск баланса между наступлением и обороной. Свечин, проведя свои расчёты, заключал, что союзники могут планировать скорую победу, но должны быть готовы к длительной борьбе⁶⁶⁸. К этой теме Свечин вернулся в 1920-е гг., что закончилось для него серьёзными неприятностями. А в преддверии 1914 года его голос затерялся в игре, сопровождавшем чрезмерную преданность союзническим обязательствам перед Францией и чрезмерную уверенность в решающих итогах самых первых операций.

Новые направления, старые и новые препятствия

И во время русско-японской войны, и после неё то же самое ощущение шока и самокопания, которое поразило теоретическое сообщество, одновременно потрясло основы правительства и верховной военной администрации. Постепенно, сначала с нарастанием колебаний, а затем с их затуханием, Санкт-Петербург начал отвечать на реальные и мнимые уроки дальневосточного поражения. Работа монархии осложнялась тем, что ей приходилось также бороться с ширившейся волной революционного брожения и приспосабливаться к ограниченной конституционной реформе. После 1908 г. кризис на Балканах и повышенная верность союзническим обязательствам прибавили злободневности хору голосов, призывающих обратить усиленное внимание на военную подготовку. Пока изменения в армии и в обществе следовали своим извилистым курсом, возникали новые структуры и процедуры, вступая в конфликт с прежними реалиями монархии и военного дела. Как и в сфере теории и доктрины, смесь традиционного и нового и задавала контекст для реформ, и устанавливала его пределы, и определяла его развитие.

Русская армия как вооружённая сила вернулась с Дальнего Востока измотанной, более приспособленной для подавления революционных выступлений, чем для ведения современной войны. Гражданские власти гнали недовольную армию на борьбу со внутренним врагом, но её саму сотрясали мятежи⁶⁶⁹. Когда волна бунтов улеглась, перспективы воссоздания армии померкли перед грандиозностью этой задачи. Русско-японская война обошлась царскому правительству более чем в 2,5 млрд рублей непосредственно и ещё в 4–5 млрд в виде косвенных экономических убытков. Военные действия опустошили склады боеприпасов почти во всех военных округах. Насущной проблемой являлась нехватка многих видов вооружения, от пулемё-

⁶⁶⁸ Свечин А. А. Большая военная программа // Русская мысль. Кн. VIII. Август 1913. С. 19–29.

⁶⁶⁹ См.: John Bushnell, «The Revolution of 1905–1906 in the Army: The Incidence and Impact of Mutiny», *Russian History*, 12, no. 1 (Spring 1985), 72, где отмечается, что в 1905 г. в армии произошло более 234 мятежей, а в 1906 г. не менее 211.

тов до тяжёлой артиллерии. Рода войск нуждались в структурных изменениях на основе свежего боевого опыта. Другие службы, такие как транспортная, требовали полной реорганизации сверху донизу. Военному министерству пришлось приступить к задаче выявления потребностей и исправления сложившейся в ходе войны и пережившей её дислокации войск, которая представляла угрозу будущим мобилизационным планам и расписаниям. В некоторых армейских корпусах не имелось инженерных войск, в то время как в других пехота осталась без поддержки соответствующих артиллерийских частей. Пока ещё уроки поражения оставались у всех на слуху, русской армии следовало осмотреть себя с головы до ног, а затем, пока оставалось время, переучиться, переоснатиться и переорганизоваться, готовясь к возможной грядущей войне⁶⁷⁰.

Император уже весной 1905 г. признал необходимость в большей интеграции руководства армией, начиная с самого верха; следствием этого стали две серьёзные организационные перемены, которые, впрочем, так и не привели к полному воплощению задуманного. Первая из них включала создание в мае 1905 г. Совета государственной обороны под председательством великого князя Николая Николаевича. Совет, состоявший из шести постоянных и пяти временных членов, имел своей целью осуществлять единое руководство российскими сухопутными и военно-морскими силами и определять общую военную политику империи. Обручев уже в 1890-е гг. предлагал нечто подобное, но в сложившейся после 1905 г. реальности с её сменой приоритетов и приверженностей, на которые накладывались хитросплетения придворной и государственной политики, мечта Обручева о едином руководстве оставалась невыполнимой, даже в резко изменившихся обстоятельствах⁶⁷¹.

Второй важной — причём конкурирующей — организационной инициативой являлось создание в июне 1905 г. Главного управления Генерального штаба (ГУГШ), не подчинявшегося ни прежнему Главному штабу, ни Военному министерству. Хотя многие обозреватели выступали против учреждения Генерального штаба в прусском стиле, начальник которого был бы подотчётён непосредственно императору, отчаянные настроения, сложившиеся в 1905 г. в армейских кругах, явно зывали к крутым мерам. ГУГШ при своём первом начальнике, генерале Ф. Ф. Палицыне, целиком взяло в свои руки руководство военным планированием в империи и мобилизацией⁶⁷². ГУГШ

⁶⁷⁰ Шаццлло К. Ф. Россия перед первой мировой войной. С. 14.

⁶⁷¹ Walter Thomas Wilfong, «Rebuilding the Russian Army, 1904–1914: The Question of a Comprehensive Plan for National Defense», Ph.D. diss., Indiana University, 1977, 42–43; см. также: Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. С. 64–66.

⁶⁷² Кавтарадзе А. Г. Из истории русского генерального штаба // Военно-исторический журнал. № 7. Июль 1972. С. 87–88.

было разделёно на три управления, самым важным из которых было управление генерал-квартирмейстера. Это управление включало в себя четыре отделения («части»): 1-го обер-квартирмейстера (военное планирование, крепости, передвижения, организационно-мобилизационные вопросы и разведка), 2-го и 3-го обер-квартирмейстера (сбор оперативно-статистических данных по потенциальным европейскому и азиатскому театрам военных действий), 4-го обер-квартирмейстера (занималось военно-историческими и административными вопросами, в том числе по службе Генерального штаба). В структуру ГУГШ входили также два других управления: военных сообщений и военной топографии. После учреждения ГУГШ за Главным штабом сохранились полномочия в вопросах, связанных с кадровыми назначениями и пенсиями, а после 1909–1910 гг. — в делах военно-гражданского управления и полицейских функций в отдельных губерниях⁶⁷³.

Как и Совет государственной обороны, ГУГШ не выдержало столкновения со старыми и новыми политическими и финансовыми реалиями и в 1909 г. было подчинёно Военному министерству. Генерал Ю. Н. Данилов, занимавший в 1909–1914 гг. должность генерал-квартирмейстера, вспоминал, что аномальное положение ГУГШ за пределами Военного министерства вело к его отчуждению от вопросов, касавшихся состояния войск. Более серьёзным, по его мнению, было соперничество военного министра и начальника ГУГШ за внимание при дворе и в правительстве. Что ещё хуже, ГУГШ, в отличие от Военного министерства, не имело возможности проводить финансирование в соответствие со своими программами⁶⁷⁴.

Значительная доля затруднений в период после 1905 г. была связана с изменением политического окружения и его влияния на политические шаги царского правительства. Хотя Основной закон от 23 апреля 1906 г. предусматривал создание чего-то вроде правительства кабинетного типа и передавал часть власти самодержца Государственной Думе (как назывался новый российский парламент), царь сохранял значительную дискреционную власть в вопросах бюджета и общей государственной политики, особенно во внешней политике и в военных делах. В том случае, если та или иная программа не получали поддержки царя, различные элементы в Совете министров и министерствах могли обратиться к комитетам и депутатам Думы. Даже если Дума не желала поддерживать министерские инициативы, вынесение вопроса на публичное обсуждение привлекало к нему внимание и обеспечивало давление со стороны печати. Хотя царь по большей части оставался независим от общественного мнения, он по-прежнему сталкивал друг с другом различ-

⁶⁷³ Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. С. 48–49.

⁶⁷⁴ Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне. Берлин, 1924. С. 33.

ные фракции и отдельных лиц из своего окружения и правительства, порой демонстрируя нехарактерную для него решительность и упорство при проталкивании своих излюбленных программ — таких, как восстановление флота. Тем временем более ловкие министры, включая министра финансов В. Н. Коковцова, использовали эту усложнившуюся ситуацию в правительстве для манипулирования результатами в соответствии со своими собственными политическими и министерскими приоритетами⁶⁷⁵.

Логическим результатом такого положения, как отмечал Уильям Фуллер, был полный разгул групп влияния. Министерства и политические фигуры преследовали свои частные цели, почти не задумываясь над общей координацией и интеграцией государственной политики. Военное министерство и Министерство иностранных дел скрывали информацию не только друг от друга, но и от Совета государственной обороны и от премьер-министра. Царь цеплялся за свою роль арбитра в последней инстанции, сохраняя за собой последнее слово в тех вопросах, которые считал жизненно важными, в то время как Дума и правительство нередко действовали наперекор друг другу. Одновременно правительство всё в большей степени утрачивало доверие думских членов и группировок, включая влиятельного А. И. Гучкова и его партию октябристов, которые нередко склонялись к тому, чтобы поддержать увеличение расходов на оборону⁶⁷⁶.

Главным препятствием для всех партий, вне зависимости от их убеждений, являлось отсутствие общего видения, необходимого для мобилизации требуемых политических, нравственных и финансовых ресурсов. В течение какого-то времени великий князь Николай Николаевич и концентрировавшаяся вокруг него рыхлая группировка единомышленников-«младотурков» казалась вполне пригодной для руководства программой реформ и их воплощения среди изобилия конкурирующих лиц, мнений и учреждений на высших и низших уровнях. Однако, вскоре стало ясно, что сторонникам великого князя не хватает сплочённости и политического влияния, чтобы преодолеть мешанину инертности, конфликтов и конкурирующих приоритетов, которые определяли послевоенное военно-политическое развитие царизма. Так, невзирая на потребности армии, в 1906–1907 гг. ключевое место при императорском дворе занимало восстановление флота⁶⁷⁷. Более того, в те же годы армия, проходившая через мучительный процесс демобилизации, в значи-

⁶⁷⁵ Особ. см.: Шацилло К. Ф. Русский империализм и развитие флота. М., 1968. С. 164–172; D. C. B. Lieven, *Russia and the Origins of the First World War* (London, 1983), 50–61.

⁶⁷⁶ William C. Fuller (Jr.) «The Russian Empire» in Ernest R. May (ed.), *Knowing One's Enemies: Intelligence Assessment before the Two World Wars* (Princeton, N. J., 1984), 98–102; см. также: Jones, *Imperial Russia's Armed Forces at War, 1914–1917*, 14–17.

⁶⁷⁷ Шацилло К. Ф. Русский империализм и развитие флота. С. 60–61.

тельной степени вопреки своей воле была втянута в умиротворение города и села⁶⁷⁸. В этих обстоятельствах армия вскоре оказалась неспособной даже обучаться, не то что реформироваться. Или, как разгневанный военный министр А. Ф. Редигер говорил премьер-министру П. А. Столыпину, «армия не учится, а служит вам». В одном только 1906 году к умиротворению было привлечено 15 298 рот, 3 666 эскадронов и множество более мелких частей⁶⁷⁹.

Ещё более пагубным для долговременного военного развития было осознание того, что государственная казна практически опустела. В период непосредственно после войны государство ни путём повышенного налогообложения, ни с помощью зарубежных займов не могло собрать достаточные средства для всех, кроме самых неотложных потребностей восстановления армии и флота. Вследствие безоглядных займов в 1907–1909 гг. внешний долг России увеличился до 3 млрд золотых рублей, а ежегодное обслуживание долга — до 150 млн рублей. После 1910 г., благодаря улучшившимся урожаям и небольшому росту развития промышленности, ежегодные поступления возросли до 1 млрд рублей, из которых примерно четверть шла на армейские и военно-морские расходы. Благодаря прибыли от окрепшей экономики и новым займам расходы на оборону возросли с 573,8 млн рублей в 1910 г. до 716,21 млн рублей в 1913 г.⁶⁸⁰

На этом фоне финансового дефицита царь вмешивался в процесс планирования, проталкивая так называемую «малую программу» воссоздания флота, которая предусматривала ограниченное восстановление Балтийского флота с целью обеспечения требований береговой обороны. В апреле 1907 г. Совет государственной обороны отказался одобрить даже этот скромный план, утверждая, что оборона империи требует начинать восстановление российских вооружённых сил с армии, а не с флота. Когда великий князь сообщил престолу об этом решении Совета, царь в обход Совета одобрил сокращённый вариант (126,7 млн рублей) и без того скромной «малой программы», включавший строительство четырёх линкоров, трёх подводных лодок и плавучего дока для Балтики и 14 миноносцев и трёх подводных лодок для Чёрного моря⁶⁸¹.

Меж тем, как свидетельствуют протоколы заседаний Совета государственной обороны, представители армии были в той же мере, что и флот, готовы отстаивать свои программы. Уже в начале августа 1906 г., когда волна рево-

⁶⁷⁸ Наиболее всеобъемлющий обзор см.: *Bushnell*, *Mutiny amid Repression*; см. также: *Fuller*, *Civil-Military Conflict in Imperial Russia*, 133–141, 144–168.

⁶⁷⁹ *Шаццлло К. Ф.* Россия перед первой мировой войной. С. 15.

⁶⁸⁰ *Шаццлло К. Ф.* Подготовка царизмом вооружённых сил к первой мировой войне // Военно-исторический журнал. № 9. Сентябрь 1974. С. 91–92.

⁶⁸¹ *Шаццлло К. Ф.* Русский империализм и развитие флота. С. 57–63; см. также: *Бескровный Л. Г.* Армия и флот в начале XX в. С. 193–194.

люционных волнений в достаточной мере спала для того, чтобы позволить гражданским властям строить планы на будущее, премьер-министр Столыпин дал указание Военному министерству подготовить предварительные предложения по реорганизации армии. 9 декабря 1906 г. военный министр Редигер представил в Совет государственной обороны ряд предложений по сокращению состава армии и повышению её боеготовности. На следующий день он изложил планы обширных усовершенствований, которые требовали разовых затрат в размере более двух миллиардов рублей и десятилетнего финансирования в объёме 425 млн рублей ежегодно. Понимая, что такая программа практически неосуществима, Редигер затем предложил более реалистичную сумму разовых затрат в 425 млн рублей и ежегодное увеличение бюджета Военного министерства на 75 млн рублей. Очевидно, ни Николай Николаевич, ни его свита «младотурков» не были согласны с тем, как Редигер расставил приоритеты. В глазах этих нетерпеливых реформаторов Редигер казался вылепленным из такого же теста, что и Ванновский с Куропаткиным, нежели Милютин с Обручевым. Тем не менее великий князь не мог совершить финансовых чудес: в начале 1907 г. он принёс нерадостную весть о том, что даже на самые насущные нужды армии выделено совсем немного денег. Взамен он рекомендовал сократить размер армии, чтобы снизить расходы, и использовать сэкономленные средства на усовершенствование сокращённых сил. Раздосадованный Редигер ответил, что такая политика приведёт к печальным последствиям в стратегическом и политическом плане⁶⁸².

При пустой казне значительная часть 1907 и 1908 гг. были заняты бесконечными — но порой плодотворными — перетягиваниями каната в Совете государственной обороны: ГУГШ, остатки Главного штаба и Военное министерство либо выдвигали, либо поддерживали различные варианты своих выпестованных программ по реорганизации и модернизации армии. Специальная комиссия во главе с генералом М. А. Газенкампом защищала один из вариантов — предложение генерала Палицына и генерала М. В. Алексева, обер-квартирмейстера ГУГШ, предусматривавшее фундаментальную перестройку армии. Замыслы ГУГШ включали в себя упрощение пехотной организации, немедленный переход к полкам трёхбатальонного состава и принятие схемы, по которой резервные кадры будут обучаться вместе с регулярными частями до тех пор, пока мобилизация не вынудит создать отдельные резервные части. Со временем Палицын и Алексеев надеялись реорганизовать и другие рода войск; одновременно они рассчитывали на некоторое сокращение реальной численности армии при одновременном повышении уровня её боеготовности. Менее дорогостоящим было предложение, выдвинутое Глав-

⁶⁸² Ростунов И. И. Русский фронт... С. 42–43.

ным штабом, в котором на первое место ставилась работа в пределах существующих организационных рамок по поиску решений насущных проблем путём небольших модификаций существующей структуры. В марте 1908 г. Совет государственной обороны в присутствии премьер-министра и министров финансов и иностранных дел в целом одобрил предложение Главного штаба. Однако споры снова разгорелись осенью 1908 г., когда мобилизационный комитет ГУГШ под руководством генерала А. З. Мышлаевского выдвинул программу, в основных чертах повторявшую инициативу Палицына-Алексеева⁶⁸³.

В этот момент вмешался Николай II с целью уменьшить накал страстей, а также, возможно, ограничить влияние «младотурков» и великого князя. 26 июля 1908 г. царь вывел своего дядю из состава Совета государственной обороны, чтобы «дать ему возможность» уделить все своё внимание командованию Петербургским военным округом и гвардией⁶⁸⁴. В ноябре 1908 г. царь освободил Палицына от должности начальника ГУГШ, заменив его В. А. Сухомлиновым, генерал-губернатором и командующим Киевским военным округом, а также лишил начальника ГУГШ права непосредственного доклада царю. ГУГШ было низведено до статуса управления в составе Военного министерства. Наконец, в начале 1909 г. царь распустил и Совет государственной обороны, одновременно назначив Сухомлинова военным министром вместо Редигера. Восхождение Сухомлинова к вершинам власти означало, что реконсолидация военной власти завершилась, хотя некоторые пережитки системы 1905–1908 гг. просуществовали до Первой мировой войны⁶⁸⁵.

Именно ГУГШ образца 1909–1914 гг. оказалось тем органом, под началом которого реформированная русская армия вступила в Первую мировую войну. Интеграция ГУГШ в Военное министерство устранила аномальность, связанную с положением начальника ГУГШ, и сократила количество функций, дублирующихся в обоих учреждениях. Организационная структура обновлённого ГУГШ со временем стала больше соответствовать требованиям централизации военного планирования и координации. Оно состояло из пяти отделов: генерал-квартирмейстера, по устройству и службы войск, мобилизационного, военных сообщений и военно-топографического. Первый (или генерал-квартирмейстерский) отдел отныне получил под свою безраздельную ответственность военное планирование, военную разведку и контроль над всеми офицерами «Генерального штаба». Третий (или мобилизационный) отдел решал и координировал все вопросы, связанные с мо-

⁶⁸³ Там же. С. 38–39.

⁶⁸⁴ Там же. С. 34.

⁶⁸⁵ Кастарадзе А. Г. Из истории русского генерального штаба (1909 — июль 1914 г.) // Военно-исторический журнал. № 12. 1971. С. 80.

билизацией. И хотя эти и другие изменения представляли собой шаг вперёд по сравнению с прежними структурами, одной из проблем, с которой такая система не могла справиться, оставалась политика: в период 1908–1914 гг. должность начальника ГУГШ занимали пять разных генералов, вследствие чего организационная преемственность оказалась подорванной⁶⁸⁶.

Изменение распределения и состава сил

При всех своих преимуществах и недостатках сухолиновскому военному порядку предстояло нести всю полноту ответственности за воссоздание армии, поскольку все прочие усилия в этой области окончились крахом. Владимир Александрович Сухомлинов, кавалерийский офицер и вдумчивый исследователь драгомировской системы, был человеком интеллигентным, но совсем не интеллектуалом. Смерть первой жены и повторный брак с расточительной вдовой гражданского инженера тяжёло ударили по его финансовому положению. Стремление сохранить власть превратило его в политическую креатуру, но Сухомлинов осознавал необходимость в изменениях, одновременно ощущая неприязнь царя к фундаментальным реформам. Он, несомненно, сохранял преданность вопросу наращивания оборонительной и наступательной российской военной мощи⁶⁸⁷. Эти соображения, а также политический стиль Сухомлинова, который не был неподкупной личностью, как и присущее ему ощущение личной уязвимости, и диктовали метод и политику военного министра. Чтобы защититься от политических противников, он создавал шпионские сети; чтобы сохранить власть, он манипулировал механизмом повышений и назначений; чтобы предотвратить распыление власти, он низвёл ГУГШ до статуса управления в Военном министерстве и настаивал на постоянной ротации начальников штаба; стремясь к переменам, он поддерживал реформы под видом ограниченных инициатив по восстановлению боеспособности армии⁶⁸⁸.

Весной 1909 г., после того, как очередной балканский кризис предыдущего года снова напомнил об отчаянной потребности в укреплении армии, Сухомлинов по собственной инициативе докладывал царю в годовом отчёте: «Ввиду того, что Совет обороны не выработал окончательных указаний

⁶⁸⁶ Там же. С. 80–81; см. также: Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне. С. 33–34.

⁶⁸⁷ V. I. Gurko, *Features and Figures of the Past: Government and Opinion in the Reign of Nicholas II*, trans. Laura Matveev, Hoover Library on War, Revolution, and Peace, Publication no. 14 (Stanford, 1939), 551–553; Сухомлинов В. А. Воспоминания. С. 265–266.

⁶⁸⁸ См. пронизательный анализ: Fuller, *Civil-Military Conflict in Imperial Russia*, 237–244; ср.: Wilfong, *Rebuilding the Russian Army*, 114–116 и Шацлло К. Ф. Россия перед первой мировой войной. С. 47–48.

относительно желательной реорганизации армии вновь было приступлено к разработке общего вопроса о преобразовании армии». Пусть Сухомлинов и не любил своих предшественников, но он не гнушался извлекать прибыль из их наследия. Поэтому он поспешно извлек на свет позабытый план Палицына-Алексеева и положил его в основу собственного доклада царю, который, в свою очередь, стал основой для реформ 1910 года, затронувших состав армии, её организацию и учебный процесс. Таким образом, отвергнутые предложения оказались фундаментом для программы реформ, подготовивших армию Российской империи к Первой мировой войне⁶⁸⁹.

На самом глубинном уровне программа Сухомлинова была нацелена на достижение большего соответствия между бойцами и их частями. Хотя основой для всеобщей воинской повинности оставался закон о призыве от 1 января 1874 г., демографические процессы в сочетании с изменившейся дислокацией сил и новыми требованиями к подготовке войск влекли за собой необходимость модификаций в призывной системе. По закону Милютина уезды империи изначально делились на три категории: русские, украинские и инородческие (неславянские). Украинцев и белорусов в отношении призыва причисляли к «русским». В рамках территориальной системы каждому пехотному полку и артиллерийской части ставилась в соответствие конкретная территория, с которой производилось их пополнение, в то время как кавалерийские и инженерные части набирались из населения империи в целом. В отношении этнического состава соблюдалось следующее правило: из нерусских меньшинств могло состоять не более четверти любой воинской части. Однако начиная с 1880-х гг. территориальная система постепенно подвергалась серьёзным искажениям вследствие того, что всё больше регулярных частей размещалось всё дальше на западе, в приграничных военных округах. К 1910 г. физическое расположение передовых частей армии мирного времени в целом уже не соответствовало территориальным округам, приданным этим частям для их пополнения. Соответственно, более 87% новобранцев были вынуждены уезжать за пределы своих военных округов для прохождения первых этапов действительной службы. Например, Варшавский военный округ получал более 99% ежегодного пополнения новобранцами из других округов, в то время соответствующая цифра для Петербургского военного округа составляла около 58%. Эти и другие несоответствия между призывной базой и размещением частей в совокупности влекли за собой существенные расходы на перевозку призывников и неоправданно усложняли мобилизационное и учебное расписания. Резервистов, призванных довести

⁶⁸⁹ *Шаццло К. Ф.* Россия перед первой мировой войной. С. 49–52. (См. цитату: *Шаццло К. Ф.* От Портсмутского мира к первой мировой войне. Генералы и политики. М., 2000. С. 130. — *Прим. ред.*)

численность регулярных частей до штатов военного времени, приходилось перевозить на большие расстояния только для того, чтобы периодически устраивать им переподготовку⁶⁹⁰.

Реальная мобилизация ещё сильнее усугубила бы асимметрию, связанную с перекосами во взаимосвязях между дислокацией частей и их призывной базой. В трёх западных военных округах (Виленский, Варшавский и Киевский) размещалось 16 корпусов, а в остальной части Европейской России — только 15. Следовательно, три военных округа, несущих бремя обороны западной границы, согласно штатному расписанию мирного времени составляли 42,5 % всех вооружённых сил империи, а на куда более многочисленные внутренние округа приходилась гораздо меньшая доля войск. Такая дислокация мирного времени чрезвычайно затрудняла планирование как пополнения действующих частей в случае войны, так и мобилизации резервных частей. Только для того, чтобы 220 тыс. резервистов в случае войны попали в свои части, их следовало старательно переправлять из округа в округ. Например, согласно планам, в Варшавский округ из других округов следовало доставить 82 тыс. резервистов, а в Виленский округ — 40 тысяч⁶⁹¹.

В то же время уроки недавнего дальневосточного конфликта подкрепляли убеждение в том, что редконаселенные области Сибири крайне нуждались в пополнении из Европейской России в случае новой войны с Японией. Преимущественная дислокация частей на западной границе лишь усугубляла положение. Сухомлинов в двух словах сформулировал суть проблемы, указывая: «...Мы не можем сосредоточивать более своё исключительное внимание на западе: мы должны быть готовы к серьёзной борьбе также на наших широко раскинутых восточных границах, чему совершенно не отвечает скудность наших войск на западе»⁶⁹².

Основываясь на предложениях Палицына-Алексеева, Сухомлинов отвечал на дилеммы, связанные с оценкой угроз на западе и востоке и с неравномерностью дислокации мирного времени, реорганизацией регулярных и резервных частей армии и их более равномерным распределением по населённым областям империи. Сухомлинов изъял 128 батальонов из Варшавского и Виленского военных округов и разместил большинство из них (79) в Московском и Казанском военных округах. К 1913 г. распределение армейских корпусов по основным военным округам было следующим: Варшавский — пять; Виленский — четыре; Киевский — пять; Одесский — два;

⁶⁹⁰ Ростунов И. И. Русский фронт... С. 46–47; ср.: Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия... С. 119–120 и Лобко П. Л. Записки военной администрации. 6-е изд. В 3 ч. СПб., 1906. Ч. 1. С. 57.

⁶⁹¹ Ростунов И. И. Русский фронт... С. 47.

⁶⁹² Цит. по: Ростунов И. И. Русский фронт... С. 47.

Санкт-Петербургский — четыре; Московский — пять; и Казанский — два⁶⁹³. Одновременно Военное министерство реорганизовало и упростило систему набора и обучения призывников, благодаря чему в практическом смысле армия превратилась в нечто, хотя бы отчасти напоминающее территориальную систему. Дивизии, дислоцированные во внутренних областях, теперь получали от 45 до 55% призывников со своих первичных и вторичных территориальных баз. Благодаря этому большее число призывников и резервов могло проходить действительную службу ближе к дому. В том, что касается состава воинских частей, в армии продолжал соблюдаться тот принцип, чтобы этнические меньшинства составляли не более одной четверти каждой части⁶⁹⁴.

Новые принципы дислоцирования представляли собой лишь первый шаг в решении задач, связанных с нехваткой денег и живой силы. Одной из самых злободневных проблем в период после 1905 г. был дефицит обученного персонала для регулярных и резервных частей. Поспешная демобилизация и ограниченное финансирование поначалу препятствовали содержанию армии по полным штатам мирного времени. Более пагубным в долгосрочном плане было освобождение различных категорий лиц от обязательной службы, которое привело к сокращению числа призывников. Уже в 1908 г. около 45% мужчин, подлежащих призыву, были освобождены от него или получили отсрочки. Хотя ежегодное пополнение призывниками насчитывало приблизительно 450 тыс. человек, в регулярной армии на 1 апреля 1909 г. имелась нехватка в 41 076 солдат, или 3,3% её численности. Требовались меры по снижению числа освобождённых от призыва и более равномерного распределения военного бремени, но Дума лишь в 1912 г. приняла законы, призванные расширить базу воинского призыва⁶⁹⁵.

Тем временем Военное министерство прибегло к другому средству для снижения бремени действительной службы и расширения и обновления резерва обученной живой силы. Поскольку война 1904–1905 гг. выявила нехватку обученных резервистов, в 1906 г. продолжительность действительной службы была сокращена до трёх лет для пехоты и артиллерии и до четырёх лет для других родов войск. Эта мера, вкпе с более равномерным

⁶⁹³ Комплектование и устройство вооружённой силы / Сост. Редигер. Т. II. С. 96, 161, 163–164; см. также: *Зайончковский А. М.* Подготовка России к империалистической войне. С. 107. Эти цифры подтверждаются в несекретном варианте немецкой книги о русской угрозе: *Die Russische Armee* (Berlin, 1912), 27.

⁶⁹⁴ Great Britain War Office, General Staff, *Handbook of the Russian Army* [For Official Use Only], 6th ed., (London, 1914), 11–12.

⁶⁹⁵ *C. D. Bellamy*, «Sukhomlinov's Army Reforms 1908–1915», M. A. Essay, King's College, University of London, 1978, 25–26.

Русская армия до реформ 1910 г.

Русская армия после реформ 1910 г.

уровнем призыва, привела к увеличению численности обученных резервистов почти на 25%⁶⁹⁶. В то же время — также благодаря опыту, преподанному 1904–1905 годами, — повышенное внимание стало уделяться запасу. Он был разделён на два разряда. В первый разряд зачислялись более молодые и недавно обученные военнообязанные (в возрасте от 24 до 31 года), которые отныне предназначались для пополнения действующих воинских частей в случае войны. Второй разряд состоял из более пожилых военнообязанных (возрастом от 32 до 39 лет), назначавшихся исключительно в резервные формирования и тыловые вспомогательные организации. Маньчжурский опыт продемонстрировал, что пожилые бойцы менее успешно переносили тяготы полевой службы, и осознание этого обстоятельства привело к внесению соответствующих изменений в положения о резервистах. Кроме того, такая традиционная категория, как государственное ополчение, в которое зачислялись все физически годные к службе мужчины в возрасте от 21 до 43 лет, не попавшие в прочие категории, получила более развитую структуру, а в общих мобилизационных расписаниях ей назначался более широкий диапазон задач по поддержке действующих и резервных частей⁶⁹⁷.

Эти и сопутствующие изменения происходили в широких рамках реформирования организационной структуры армии. В январе 1908 г. генерал Палицын представил императору доклад, в котором приводился обзор русской военной организации начиная с Крымской войны и заканчивая русско-японской войной. Основной вывод Палицына сводился к тому, что размер армии в мирное время продолжал увеличиваться, несмотря на создание той самой резервной системы, которая была нацелена на увеличение численности армии в военное время при снижении её численности и соответствующих расходов в мирное время. На 1 апреля 1909 г. состав русских сухопутных сил, включая жандармский корпус и пограничную охрану, которые набирались на той же основе, что и армия, насчитывал 1 348 769 офицеров и нижних чинов. Интересно отметить, что эта цифра представляла 1,8% от мужского населения империи (включая Финляндию), оценивавшегося тогда в 78,9 млн человек. Расходы по содержанию сухопутных сил на 1909 год оценивались в 470 623 239 рублей, или 19% всего предполагавшегося государственного бюджета, что соответствует расходам примерно в 3 рубля на человека, если учитывать всё население страны. Каждый солдат на действительной службе обходился правительству примерно в 350 рублей в год⁶⁹⁸.

⁶⁹⁶ Ростунов И. И. Русский фронт... С. 48–49.

⁶⁹⁷ Ростунов И. И. Русский фронт... С. 50–51; Шацillo К. Ф. Россия перед первой мировой войной. С. 43–44.

⁶⁹⁸ Ростунов И. И. Русский фронт... С. 52.

Расходы возрастали не только из-за перекосов в дислоцировании и пополнении сил, но и вследствие самой природы взаимоотношений между резервом и регулярными частями. В реальности, как отмечал Палицын, предполагаемые полевые силы военного времени очень слабо зависели от пополнения из кадрового резерва, 196 пехотных батальонов которого составляли бы лишь 15% русской пехоты в случае войны. Кроме того, все резервные силы, и сведённые в части, и не находившиеся в составе частей, выказывали низкую степень боеготовности и подготовки. Эти недостатки были характерны также и для крепостных войск, которые обычно ставились на одну доску с резервами. Одним словом, Россия получала слишком мало пользы от кадровых и некадровых резервных сил, чтобы оправдать уделявшееся им внимание и уровень расходов⁶⁹⁹.

Изменения в организации и структуре

С целью исправить эти недостатки Сухомлинов, по-прежнему заимствуя идеи у Палицына и Алексеева, предложил на их основе крупную перестройку системы, которая не приводила ни к усилению бремени службы, ни к повышению расходов. Император одобрил рекомендации военного министра, которые были воплощены в жизнь во второй половине 1910 г. В свете низкого уровня подготовки кадровых резервных формирований Сухомлинов просто-напросто упразднил 26 резервных бригад наряду с крепостными частями. Они были заменены «скрытыми кадрами» офицеров и нижних чинов, которые в мирное время обучались вместе с регулярными полевыми частями, но в военное время были призваны составить кадровый костяк мобилизованных резервных частей. В случае мобилизации из этих кадров формировалось ядро для 560 батальонов, на базе которых, в свою очередь, разворачивались 35 резервных дивизий (имевшие номера с 53-й по 84-й, а также 12-я, 13-я и 14-я Сибирские дивизии). В 1914 г. эти новые части кадрового резерва составляли около одной трети мобилизованной русской полевой армии. В течение войны из состава полевых сил выделялся гарнизон для крепостей. Новая система снижала расходы на оборону в мирное время почти на 19 млн рублей ежегодно. Она также улучшила положение с обучением резервных кадров и значительно затрудняла потенциальному противнику задачу выявления «скрытых кадров»⁷⁰⁰. Военное министерство использовало средства, сэкономленные благодаря переходу на такую систему, для превращения всех

⁶⁹⁹ Комплектование и устройство вооружённой силы. Т. II. С. 163–164.

⁷⁰⁰ Wilfong, *Rebuilding the Russian Army, 152–53*; Шаццлло К. Ф. Россия перед первой мировой войной. С. 43–45.

существовавших стрелковых бригад в восьмибатальонные, а также для создания семи новых полевых дивизий и стрелковой бригады, тем самым увеличив численность армии мирного времени на 13% и доводя её состав до 1 252 батальонов в 74 дивизиях и 17 стрелковых бригадах⁷⁰¹.

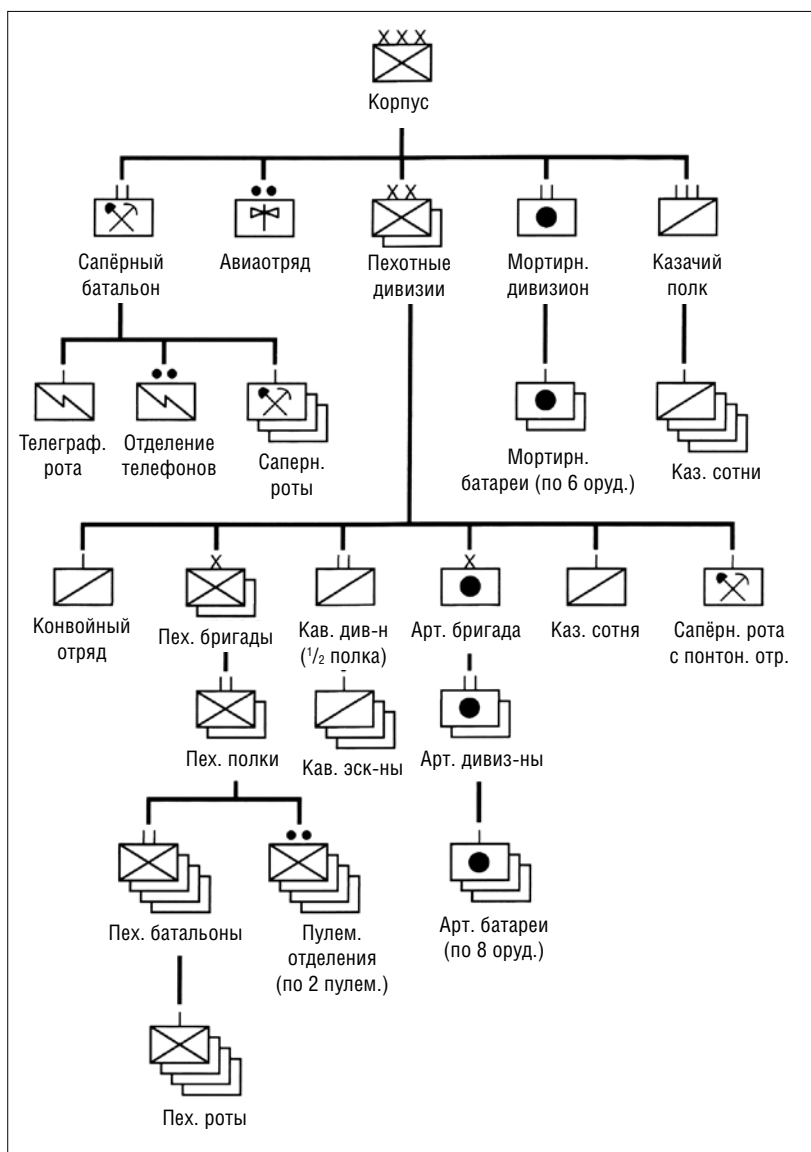
Благодаря реформам Сухомлинова численность армии Российской империи мирного времени накануне войны достигала 1 423 000 офицеров и нижних чинов. Они распределялись по 37 армейским корпусам, включая 27 в Европейской России, три на Кавказе, два в Туркестане и 5 в Сибири. Корпус представлял собой крупнейшее постоянное общearмейское формирование, включавшее две дивизии, каждая из которых состояла из двух пехотных бригад двухполкового состава. Каждый корпус полевой армии насчитывал в своём составе также казачий полк, полевой артиллерийский мортирный дивизион (12 122-мм пушек), сапёрный батальон, авиаотряд (шесть аэропланов), телеграфную и прожекторную роты. Каждая дивизия, в дополнение к нормальному пехотному составу, имела в своём организационном расписании артиллерийскую бригаду (48 76-мм пушек), казачью сотню, кавалерийский дивизион (половину кавалерийского полка), сапёрную роту с 10% мостового парка и конвойный отряд⁷⁰².

Семьдесят с лишним пехотных дивизий, входивших в состав армии, разделялись на 236 пехотных полков (12 гвардейских, 16 гренадерских и 208 линейных), которые имели сквозную нумерацию в рамках вооружённых сил. Это означало, например, что 16-я пехотная дивизия (которой когда-то командовал М. Д. Скобелев) из VI армейского корпуса состояла из 61-го (Владимирского), 62-го (Суздальского), 63-го (Угличского) и 64-го (Казанского) полков. Согласно обычаю, каждый полк носил имя города, губернии или реки в Российской империи, а иногда также назывался в честь своего почётного командира. В 1910–1914 гг. типичный линейный пехотный полк состоял из четырёх батальонов по четыре роты в каждом. Базовой тактической единицей являлась пехотная рота, в военное время включавшая 4 офицеров, 20 унтер-офицеров и 202 нижних чина. Каждая рота, в свою очередь, делилась на четыре взвода по четыре отделения в каждом. Помимо пехоты, в состав каждого полка обычно входили 100 конных и 64 пеших разведчика, пулемётная команда из 8 пулемётов в 4 взводах, отряд из 13 конных вестовых для передачи сообщений, нестроевая рота obsługi и отряд телефонистов, способный обслуживать 9 аппаратов, соединённых 12 км проводов⁷⁰³.

⁷⁰¹ Постунов И. И. Русский фронт... С. 55; немного отличающиеся цифры приводятся в: Great Britain War Office, General Staff, *Handbook of the Russian Army*, 6th ed., 21.

⁷⁰² Great Britain War Office, General Staff, *Handbook of the Russian Army*, 6th ed., 31; *Die Russische Armee*, 32.

⁷⁰³ Great Britain War Office, General Staff, *Handbook of the Russian Army*, 6th ed., 31.

Русский армейский корпус. 1912

Состав: 48 тыс. человек, включая 28 тыс. человек пехоты, 2 500 человек кавалерии, 96 легких орудия, 12 мортир и 64 пулемета (штаб и обоз не показаны).
 Дополнительные кавалерийские дивизии, в мирное время приписанные корпусам, в военное время переходили в распоряжение вышестоящей полевой армии

Организационное расписание армии демонстрировало побочную выгоду сухолиновской реформы: упрощение системы. Упразднение таких традиционных категорий, как резервные и крепостные силы, настолько упростило организацию пехотных частей, что на смену различным типам пехотных полков отныне пришли только два типа: четырёхбатальонный линейный пехотный полк и двухбатальонный стрелковый полк. В свою очередь, это упрощение сократило число различных типов рот и войск в рамках более крупных частей. В то время как дополнительные «скрытые кадры» офицеров и унтер-офицеров увеличили численность полевых частей мирного времени, их наличие способствовало более равномерному распределению преподавательской и учебной нагрузки. По крайней мере, с первого взгляда сухолиновская реорганизация обещала много, а расходы на её проведение представлялись небольшими.

Но так происходило из-за того, что затраты на реформу оценивались в рублях, а не в её ущербе для мобилизации, боеготовности и боеспособности войск. Уже дальневосточный опыт дал знать, что четырёхсторонним, или «четверочным», частям не хватало гибкости — зачастую они были слишком неуклюжими, чтобы управлять ими и разделять их для выполнения боевых задач и пребывания в резерве, не нарушая целостности части; несмотря на это, после 1910 г. в русской армии на дивизионном и более низких уровнях сохранялись многие аспекты организации, использовавшейся до 1905 г., с её четырёхчастным членением. Логика командования, пополнения и снабжения требовала упрощения и перехода на трёхстороннюю, или «троечную», организацию. Однако прежние шаблоны оказались живучими — возможно, из-за того, что Сухолинов и его приверженцы считали более простым делом увеличивать численность войск, нежели решать финансовые, политические и кадровые задачи, связанные с фундаментальной перестройкой армии ради повышения её тактической эффективности. Соответственно, сохранение прежних структур возлагало тяжёлое — может быть, даже непомерное — бремя командования и управления на командиров и штабы батальонов и полков⁷⁰⁴.

Проблемы массовости и сосредоточения

Другая серьёзная скрытая издержка была связана с вопросом дислокации войск. Изменение в 1910 г. одной схемы дислоцирования на другую привело всего лишь к замене одних проблем другими. Поскольку части полевой ар-

⁷⁰⁴ Корсун Н. Г., Харкевич П. Х. Тактика русской армии в первую мировую войну 1914–1918 гг. // Развитие тактики русской армии. С. 281–282; см. также: Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. С. 18; Данилов Н. А. Лекции по военной администрации. Л., 1926. С. 101.

мии и резервные силы, предназначенные для их пополнения, отныне более равномерно распределялись по Европейской России, мобилизация в случае европейской войны требовала дополнительного времени и нового расписания перевозок. Расчёт времени и расстояний в случае войны с Германией и неизбежное отставание в мобилизации влекли за собой необходимость разместить районы первоначального сосредоточения в глубине российской территории, чтобы гарантировать абсолютную безопасность сосредоточения и первоначального развёртывания. Сосредоточение на удалении от границы также предъявляло дополнительные требования к аккуратности мобилизационного планирования и подготовки начальных операций, включая планирование разведки и марш-манёвра от мест развёртывания войск до первых встречных сражений. Придерживались ли планировщики принципов Михневича или Незнамова, их работа неожиданно стала более трудной, чем когда-либо в русской военной истории⁷⁰⁵.

Большая глубина сосредоточения усугубляла проблемы безопасности (заслоны и разведка) и глубоких ударов — этих традиционных функций кавалерии. Во время сосредоточения конница формировала подвижной заслон, прикрывая выгрузку, сбор и развёртывание в поле массовых пехотных сил. Как только пехота начинала движение вперёд, кавалерийские патрули превращались в глаза командиров, отыскивая в наступающих формированиях противника разрывы и открытые фланги. Кроме того, глаза и уши кавалерии помогали избегать внезапных нападений и ловушек. Одновременно более крупные кавалерийские формирования должны были наносить удар по тылам врага в попытке расстроить и замедлить процессы мобилизации и развёртывания вражеских сил. Все эти задачи требовали наличия многочисленных крупных и мелких кавалерийских частей, сведённых в высококомобильные формирования — либо полевые, либо выставлявшиеся в поле в случае войны.

Сам будучи кавалеристом, Сухомлинов доблестно старался выковать мобильное оружие, в котором нуждалась Россия в начале XX в. для поддержки наступательных операций. Общая численность действующих кавалерийских сил, сократившаяся в 1905 г. до 74 300 человек, к 1908 г. постепенно выросла до 83 517 человек. Под эгидой Сухомлинова в 1909–1910 гг. к 67 существующим полкам (10 гвардейских, 21 драгунский, 17 уланских, 18 гусарских и 1 казачий) добавилось 26 драгунских полков, после чего действующие кавалерийские силы стали насчитывать 112 регулярных и казачьих полков, сведённых в 22 дивизии и две отдельные бригады. Эта цифра в 1911–1913 гг.

⁷⁰⁵ Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне. С. 39–41; Bellamy, Sukhomlinov's Army Reforms 1908–1915, 28–30.

возросла до 24 дивизий и 8 бригад, включая 98 полков в западных военных округах⁷⁰⁶.

Но и эти значительные цифры не отвечали всему многообразию представлений о задачах кавалерии и предъявлявшихся к ней требований. Причиной этому было то, что даже Сухомлинов в своих планах творческой реорганизации опасался возлагать чрезмерную нагрузку на скудные финансы и активы. События 1904–1905 гг. продемонстрировали необходимость проводить разведку более значительными силами, чем конные разъезды, а для глубоких рейдов создавать нечто более гибкое и ориентированное на конкретные задачи, нежели сводные отряды. Однако, несмотря на огромное поголовье лошадей, в России просто не хватало обученных кавалеристов, сразу же после объявления мобилизации готовых к выполнению разнообразных задач на уровнях полевых армий и корпусов. Невзирая на разговоры о крупномасштабном рейде для срыва прусских и австрийских мобилизационных расписаний, у русских не имелось более крупных постоянных кавалерийских сил, чем дивизия (3 500 сабель и 12 пушек)⁷⁰⁷. Что ещё хуже, в случае, если бы манёвр навстречу противнику начался до завершения мобилизации, казачьи полки, предназначенные для миссий по поддержке корпусов, просто не успели бы выгрузиться, вследствие чего свой первый марш-манёвр корпусам приходилось бы проводить практически вслепую. Именно это и произошло в августе 1914 г. с XIII корпусом во время злосчастного наступления Самсонова в Восточной Пруссии⁷⁰⁸.

Русская полевая артиллерия, как и кавалерия, в чём-то выиграла, а в чём-то проиграла от изменений в армейской организации, происходивших в 1910–1914 гг. Вскоре после окончания военных действий на Дальнем Востоке Главное артиллерийское управление (ГАУ) на основе военного опыта пришло к выводу, что создание 6-пушечных полевых батарей облегчит управление огнём и повысит манёвренность артиллерии. Однако, поскольку реорганизация влекла за собой серьёзные издержки, Министерство финансов сумело заблокировать претворение в жизнь решения ГАУ. Реформаторы лишь в 1910 г. обратили своё внимание на полевую артиллерию, да и то в связи не с размером батарей, а с более общим вопросом армейской структуры. В соответствии с требованиями, встававшими при увеличении пехотных сил, каждая полевая и резервная пехотная дивизия получила по артиллерийской бригаде, состоявшей из шести 8-пушечных батарей. Каждой стрелковой бригаде был придан артиллерийский дивизион из трёх 8-пушечных батарей.

⁷⁰⁶ Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. С. 20; Great Britain War Office, General Staff, *Handbook of the Russian Army*, 6th ed., 53.

⁷⁰⁷ Great Britain War Office, General Staff, *Handbook of the Russian Army*, 6th ed., 31.

⁷⁰⁸ Певнев А. Войсковая конница и её боевое использование. С. 8.

В совокупности эти изменения повлекли за собой создание 9 новых артиллерийских бригад и 9 новых артиллерийских дивизионов⁷⁰⁹. Эти изменения означали, что в 1910–1914 гг. организация полевой артиллерии по-прежнему отталкивалась от преобладавших взглядов о том, что упор следует делать на огневой поддержке, осуществляемой лёгкими и высокоманевренными полевыми орудиями. Если в русских справочниках о германских полевых силах верно отражались распространённые в Петербурге мнения, то русские артиллеристы полагали, что германским тяжёлым орудиям не хватает подвижности и мобильности в поле. Повышенное внимание немцев к крупным калибрам традиционно воспринималось в России как попытка компенсировать недостаточную манёвренность огневой поддержки⁷¹⁰.

Технология и «Большая программа»

Из этого не следует, что русские игнорировали опыт, вызывавший к использованию дополнительных типов артиллерии, включая тяжёлую; однако прецедент 1904–1905 гг. в некоторых отношениях либо неверно воспринимался, либо недооценивался. На отсутствие пригодной горной артиллерии внимание было обращено ещё в 1907 г., а два года спустя ГАУ заказало на Путиловском заводе 214 трёхдюймовых горных пушек модели 1909 г. Они создавались по образцу пушки Шнейдера-Крезе и были куда более пригодны для перевозки вычным и гужевым транспортом, чем старые модели. Напротив, вопрос тяжёлой артиллерии не обещал лёгкого решения. Военное министерство в 1907 г. выделило скудные средства на приобретение тяжёлых орудий, но не торопилось с решением до 1910 г., когда заказало 122 152-мм пушки производства Шнейдера. Впоследствии русские дополнительно заказали 4,8-дюймовые гаубицы у Круппа⁷¹¹. Приобретение этих орудий, наряду с организационными изменениями, позволило реформаторам создать 24 и 60 новых батарей тяжёлой артиллерии мирного и военного времени соответственно, в целом насчитывавших 620 орудий⁷¹².

С пулемётами дела у русских обстояли несколько лучше, чем с тяжёлой артиллерией. Пулемётные команды по 8 пулемётов в каждой были приданы

⁷⁰⁹ Барсуков Е. Русская артиллерия в мировую войну. В 2 т. М., 1938. С. 18–19; Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. С. 21.

⁷¹⁰ Главное управление Генерального штаба. Вооружённые силы Германии [Секретно]. В 2 т. СПб., 1912–1914. Т. II. С. 15–16.

⁷¹¹ Great Britain War Office, General Staff, *Report on Changes in Foreign Armies during 1910* [Confidential], n. p., n.d.; см. также: Great Britain War Office, General Staff, *Handbook of the Russian Army*, 6th ed., 68–69.

⁷¹² Барсуков Е. Русская артиллерия в мировую войну. С. 19–21.

пехотным полкам и кавалерийским дивизиям. Как правило, каждый батальон поддерживался двухпулеметным отделением, хотя командир пулемётного отделения сохранял существенную «свободу действий в рамках своей задачи»⁷¹³. Такое насыщение оружием, не слишком значительное по последующим стандартам, было весьма серьёзным по меркам армии, в которой адаптивным способностям никогда не уделялось широкого внимания. Однако, как и в случае с тяжёлой артиллерией, в России не хватало производственных мощностей, чтобы удовлетворить спрос в пулемётах. Поэтому, хотя большая часть «Максимов» модели 1910 г. была произведена в России, для восполнения нехватки в пулемётах армии пришлось обратиться к зарубежным поставщикам, включая американский «Кольт» и французский «Гочкис». К началу Первой мировой войны в арсеналах российской армии насчитывалось 4 157 пулемётов⁷¹⁴. Большинство из них представляло собой стандартную модель «Виккерс-Максим», в 1910 г. модернизированную и получившую щиток и облегчённый станок. Хотя русские изобретатели создали несколько экспериментальных автоматических и полуавтоматических винтовок, в российской армии 1914 г. не имелось лёгкого и портативного автоматического огнестрельного оружия⁷¹⁵.

Вопрос с поставками оружия всегда осложнялся наличием такого подводного рифа, как оборона западных крепостей. Чтобы сохранить хотя бы ограниченную эффективность, эти семь престарелых сестёр снова требовали реконструкции, переоснащения, а в некоторых случаях и переноса в другое место. Сторонники модернизации ссылались на прецедент Порт-Артура, в то время как их противники указывали, что неподвижные крепости устарели в современную эпоху манёвренной войны. Так или иначе, поборники военной реформы не забывали о хронических проблемах с финансированием, понимая, что модернизация крепостей оставит их без средств, крайне необходимых для расширения и реорганизации полевой армии и её переоснащения современным оружием. Сухомлинов встал на сторону тех, кто предлагал снести крепости, но в конце концов ему пришлось пойти на компромисс. Он сумел упразднить старую категорию крепостных войск и реорганизовать их в резервы, но не мог вечно закрывать глаза на постоянные призывы к модернизации крепостей, исходившие со многих сторон, включая Думу, военные округа и артиллерийское лобби. Поэтому в 1911–1914 гг. несколько миллионов рублей было истрачено на приобретение вооружения для крепо-

⁷¹³ Great Britain War Office, General Staff, *Handbook of the Russian Army*, 6th ed., 131–132.

⁷¹⁴ Боевое снабжение русской армии в войну 1914–1918 гг. / Сост. А. А. Маниковский. В 3 ч. М., 1920–1923. Ч. 1. С. 89.

⁷¹⁵ Васильев А. В. Стрелковое оружие русской армии в первой мировой войне // Военно-исторический журнал. № 7. Июль 1987. С. 82–83; Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. С. 80–81.

стей, которые были кое-как учтены в военных планах, образуя заслон, за которым русские силы предположительно могли произвести сосредоточение и выбрать главные направления для наступления⁷¹⁶.

Развитие технологии бросало новые вызовы и на земле, и в воздухе. Уже на манёврах 1906 г. в Красном Селе армия опробовала различные типы автомобильного транспорта, имея в виду его применение на войне. Хотя специальная комиссия пришла к выводу, что броневые автомобили могут использоваться для решения различных задач, включая разведку, действия против кавалерии и в развитие успеха, Военное министерство не спешило выделять средства на закупку машин и эксперименты с ними. Лишь в 1910–1914 гг. армия наконец получила 259 автомобилей и 418 грузовиков в качестве своей доли от 21 тыс. машин, приобретённых Министерством торговли и промышленности в основном за границей. Военное министерство распределило этот транспорт по пяти автомобильным ротам, одной учебной роте и шести отдельным командам. Фактически с этим автомобильным парком российская армия вступила в Первую мировую войну⁷¹⁷.

Благодаря небольшой группе дальновидных людей, а также, возможно, чуть более давней традиции, положение с воздушным флотом в русской армии обстояло лучше. Хотя наблюдательные аэростаты в Маньчжурии неудачно использовались и не получали достаточной технической поддержки, их бесспорная польза побудила армию в 1907 г. заказать ещё 52 аэростата разных типов, из которых было создано 12 новых воздухоплавательных рот для наблюдательных целей. К 1910 г. успешные эксперименты с дирижаблями оправдали приобретение девяти этих воздушных кораблей дальнего и восьми — ближнего радиуса действия⁷¹⁸.

Но именно в тот момент, когда воздухоплавательные аппараты, казалось бы, завоевали безоговорочное признание, в конкуренцию за скудные ресурсы вступили аппараты тяжёлее воздуха. Вслед за перелётом Луи Блерио через Ла-Манш в 1909 г., русское Военное министерство выделило средства для закупки аэропланов за границей и основало в Гатчине авиационное отделение санкт-петербургской школы аэронавтов. Пользуясь покровительством и содействием великого князя Александра Михайловича, сторонники аэропланов постепенно сумели склонить общественное и частное мнение на сторону авиации, устраивая воздушные гонки, рекламируя своих успехи

⁷¹⁶ Коленковский А. Манёвренный период первой мировой империалистической войны 1914 г. М., 1940. С. 48–49; см. также: Stone, *The Eastern Front 1914–1917*, 31–32; Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне. С. 41–43.

⁷¹⁷ Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. С. 129–131.

⁷¹⁸ Там же. С. 135–136; David R. Jones, «The Beginnings of Russian Air Power, 1907–1922», in Robin Higham and Jacob W. Kipp (eds.), *Soviet Aviation and Air Power: A Historical View* (Boulder, Colo., 1977), 16.

и добиваясь от правительства выделения средств. В 1911 г. аэропланы уже успешно участвовали в военных манёврах, а в 1912 г. русская военная авиация перешла под контроль специального авиационного отдела ГУГШ. Благодаря ширившемуся признанию аппаратов тяжёлее воздуха в качестве боевых средств, русская армия в августе 1914 г. насчитывала в своём арсенале 244 аэроплана, которых хватало для создания учебных рот и авиационных отрядов в большинстве армейских корпусов и крепостей, расположенных в западных военных округах. После того, как Первая Балканская война 1912–1913 гг. продемонстрировала растущее значение авиации, Военное министерство столкнулось с дополнительными требованиями по закупке и производству аэропланов⁷¹⁹.

Очевидно, удовлетворением этих и других насущных потребностей предполагалось заняться на следующем этапе организационных реформ и закупок. Этот этап начался осенью 1912 г., когда начало Первой Балканской войны снова привлекло внимание к по-прежнему ощущавшейся недостаточной готовности России к войне. Главное управление Генерального штаба почти год в строгой тайне разрабатывало продуманный план укрепления обороны империи в течение 1914–1917 гг. 22 октября 1913 г. царь одобрил итоговый проект «Большой программы по усилению армии». После ряда дискуссий в стенах Думы 24 июня 1914 г. «Большая программа» стала законом, и на дополнительные военные расходы было выделено более 433 млн рублей⁷²⁰.

Цель, которую поставили перед собой авторы «Большой программы», заключалась в преодолении тех недостатков, которым не уделялось внимание в ходе реформ 1910 г., и в ответе на требования, связанные с изменением международного положения. В свете растущей немецкой и австрийской угрозы закон 1914 г. предусматривал увеличить численность армии в мирное время на 11 592 офицера и 468 200 нижних чинов.

Кроме того, в «Большой программе» предусматривались меры по укреплению ключевых компонентов армии. Благодаря выборочному усилению большее число пехотных батальонов, особенно тех, что дислоцировались в приграничных военных округах, могли содержаться по штатам, близким к численности военного времени. Во всех кадровых частях армии минимальный уровень укомплектованности для пехотных рот удалось поднять с 48 до 60 человек; наконец, в законе содержалось положение по выборочному созданию новых частей, суммарная численность которых равнялась приблизительно трём новым армейским корпусам⁷²¹.

⁷¹⁹ Jones, *The Beginnings of Russian Air Power, 1907–1922*, 17–18.

⁷²⁰ Жилин А. П. Большая программа по усилению русской армии // Военно-исторический журнал. № 7. Июль 1979. С. 92, 93, 96.

⁷²¹ Шаццлло К. Ф. Россия перед первой мировой войной. С. 97–98.

Дополнительно в «Большой программе» уделялось внимание тем потребностям кавалерии и артиллерии, которые так близко к сердцу принимал военный министр Сухомлинов. Поскольку русская кавалерия имела недостаточную численность для выполнения и тактических, и стратегических задач, новый закон предполагал создание 26 новых кавалерийских полков, т. е. 39-процентное увеличение численности кавалерии по сравнению с 1913 годом. Размер войсковых кавалерийских дивизий увеличивался с 4 до 6 полков, в то время как армейские кавалерийские дивизии сосредотачивались в приграничных регионах для выполнения первоочередных стратегических задач. «Большая программа» предусматривала также коренную реорганизацию русской полевой артиллерии, причём основные усилия были направлены на сокращение количества орудий в батареях с 8 до 6 и 4. Каждый армейский корпус дополнительно получал батарею 122- или 152-мм гаубиц и батарею 107-мм пушек. Благодаря этим дополнениям и модификациям численность артиллерии в составе корпуса возрастала до 108 лёгких орудий и 36 тяжёлых, чего хватало для достижения приблизительного паритета в огневой мощи с германскими формированиями на уровне корпуса⁷²².

Хотя львиная доля внимания в «Большой программе» уделялась потребностям полевых формирований, Главное управление Генерального штаба одновременно старалось принять отдельные меры по усовершенствованию снабжения, укреплению учебного процесса и усилению технических средств. Так, по закону 1914 г. предполагалось дальнейшее развитие системы обучения офицеров на начальном уровне, увеличение численности сапёрных формирований, частей полевых инженеров и железнодорожных войск, и расширение мощностей по технической поддержке свежесозданных авиационных отрядов. Число авиационных рот было увеличено с пяти до семи, а каждый корпус и крепость получали собственный авиаотряд. Кроме того, закон 1914 г. требовал формирования 28 дополнительных авиаотрядов, пяти рот и двух лётных школ⁷²³.

«Большая программа» представляет интерес не только тем, что в неё попало, но и тем, что было упущено её создателями. Хотя авторам программы удалось дать ответ на самые неотложные потребности армии, ключевые моменты снабжения и инфраструктуры остались без внимания. Реформаторы старались укрепить снабжение на уровне корпусов, однако почти ничего не было сделано для строительства стратегических железнодорожных линий, и ещё меньше — для накопления боеприпасов и амуниции⁷²⁴. Прио-

⁷²² Жилин А. П. Большая программа... С. 93–95.

⁷²³ Там же. С. 95.

⁷²⁴ Меликов В. А. Проблема стратегического развёртывания по опыту мировой и гражданской войн. М., 1935. С. 257–258; Ушаков К. Подготовка военных сообщений России к мировой войне. С. 15.

ритеты по-прежнему расставлялись в соответствии с финансовыми возможностями и с ожиданием скоротечной войны. В этом отношении, невзирая на предупреждения Михневича, Незнамова и Свечина, русские мало отличались от своих западноевропейских партнёров и противников.

Управление и контроль

В период 1910–1914 гг. также наблюдались существенные усовершенствования в сфере управления и контроля за вооружёнными силами в случае войны. Опыт 1904–1905 гг. ясно свидетельствовал о необходимости внести исправления в полевой устав 1890 г. Комиссия под руководством генерала Н. С. Ермолова пришла к выводу о том, что дальневосточная война выявила неспособность высших эшелонов командования справиться с задачей подготовки и ведения войны на театре, столь удалённом от центра страны. Сам полевой устав также требовал пересмотра, а подготовка штабных офицеров не соответствовала возлагавшимся на них задачам. В 1911 гг. проект нового устава был представлен на одобрение в штабы корпусов и дивизий, а также командирам полков. Он был одобрен в 1912 г. и издан накануне войны, 3 июня 1914 г.⁷²⁵

В то время как в Уставе много внимания уделялось природе современной войны и боя, в более практическом плане он был посвящён полевой армейской организации. В Уставе предусматривалось создание новых форм полевой организации и между прочим отмечалось, что «войска, предназначенные к совокупному действию, формируются в армии, отдельные корпуса и отряды — из разных родов войск». Согласно новому Положению о полевом управлении войск, изданному накануне войны, 3 июня 1914 г., «несколько армий, предназначенных для достижения одной стратегической цели и действующих на определённом фронте, могут быть объединены в ещё более высоком войсковом соединении, образуя армии данного фронта». Армия, не входящая в состав фронта, именовалась как Отдельная армия и получала свой собственный независимый руководящий аппарат⁷²⁶.

В число серьёзных недостатков нового устава входили отсутствие в нём чего-то большего, помимо предписания взаимоотношений между новыми формированиями, и весьма поверхностное освещение вопроса о верховном командовании. Отныне в структуру фронтов и полевых армий входили колоссальные материальные и людские ресурсы. Для того, чтобы команди-

⁷²⁵ Jones, Imperial Russia's Armed Forces at War, 1914–1917, 101–103.

⁷²⁶ Цит. по: *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX в. С. 59.

ры новых формирований высшего уровня не только освоили эти ресурсы, но и ознакомились с новыми средствами управления и коммуникаций, требовалось время и практика. Природа современного боя и эволюция таких концепций, как современная общевойсковая операция, вызвали к гибкости и опыту во всех аспектах штабной деятельности. Штабам следовало научиться собирать, обрабатывать и понимать сложную и нередко путанную информацию, приходящую из различных источников в ходе полевых операций, а также принимать решения на основе этой информации и доводить их сущность до войск на поле боя⁷²⁷.

Кроме того, в полевых силах требовалось единоначалие, особенно на самой вершине стратегическо-оперативной структуры. В Положении 1914 г. предусматривалась должность верховного главнокомандующего — он «есть высший начальник всех сухопутных и морских вооружённых сил, предназначенных для военных действий». Он наделялся чрезвычайными полномочиями, и ему подчинялись представители всех без исключения служб и организаций на территории театра военных действий. Верховный главнокомандующий отчитывался только перед царём. В условиях Российской империи эти правила означали, что верховным главнокомандующим мог быть только либо сам царь, либо кто-то из членов императорской семьи. В Положении 1914 г. содержался также раздел о Ставке верховного главнокомандующего и штабе, предназначенном для руководства сухопутными и военно-морскими операциями. В состав штаба входили управления: генерал-квартирмейстера (оперативный контроль), дежурного генерала (для связи с военным министром и войсковыми структурами), начальников военных сообщений и военно-морских сил и управление коменданта штаба. Что важно отметить, Положение не передавало в ведение Ставки управление службами материального снабжения и технической поддержки, функции которых по отдельности осуществлял каждый из фронтов, непосредственно связанный с Военным министерством. Такое обстоятельство повлекло за собой тревожное отсутствие в 1914 г. единства оперативных структур и служб снабжения на наивысшем уровне полевого командования⁷²⁸.

Что же касается единства при проведении операций, то оно в значительной степени зависело от компетентности и профессиональной подготовки командных и штабных кадров на высшем уровне. В данном отношении опыт, полученный русскими военными до 1914 г., был достаточно двусмысленным. Поскольку русско-японская война поставила на повестку дня вопрос о пригодности командования, в 1906 г. Военное министерство создало Выс-

⁷²⁷ Там же. С. 60–61.

⁷²⁸ *Шварц Н.* Устройство военного управления. 2-е изд. М.—Л., 1927. С. 171–173; см. также: Jones, Imperial Russia's Armed Forces at War, 1914–1917, 103–104.

шую аттестационную комиссию — организацию, до 1909 г. подчинявшуюся царю (а впоследствии — военному министру) и призванную оценивать пригодность старших офицеров к высшим командным должностям. В течение 1906–1908 гг. комиссия отправила в отставку около 4 307 офицеров, включая 337 генералов, 711 полковников и 1 206 подполковников. Хотя комиссия, несомненно, освободила армию от самых некомпетентных и престарелых офицеров, она оказывала мало влияния на подготовку старших командиров, большинство из которых по-прежнему закончило высшее военное образование ещё до 1905 г. Кроме того, после того как комиссия оказалась под юрисдикцией Сухомлинова, никто не мог гарантировать, что она не будет использована в политических целях⁷²⁹.

В то же время, как и до 1905 г., самой верной гарантией против нежелательных политических назначений оставался принцип занятия квалифицированными офицерами Генерального штаба значительных штабных должностей на всех уровнях — от Военного министерства до бригады и ниже. Из списка штатов Генерального штаба на 18 июля 1914 г. видно, что чуть более 80 процентов (692 из 733) должностей по всей армейской штабной системе, отведённых для офицеров Генерального штаба, были заняты квалифицированными офицерами. И хотя это являлось очень серьёзным шагом вперёд по сравнению с ситуацией до 1904 года, поводы для беспокойства всё же имелись: больше всего таких офицеров имелось в окружных штабах, но их становилось заметно меньше на корпусном и дивизионном уровнях, где система назначений предусматривала соответственно лишь три и две должности для офицеров Генштаба⁷³⁰. Вследствие этого большей части подвижной армии приходилось полагаться на офицеров, не имевших подготовки на уровне Генштаба, способствующей налаживанию интеллектуальных и процедурных связей.

Соответственно, несмотря на усовершенствование связей различных типов, их общая эффективность оставалась сомнительной. В конечном счёте, слишком большая ноша командной и штабной работы по-прежнему лежала на плечах офицеров, не получивших тщательной и последовательной подготовки. Военный историк А. М. Зайончковский, в 1920-е гг. обратившийся к теме Первой мировой войны, писал: «В общем русская армия выступила на войну с хорошими полками, с посредственными дивизиями и корпусами и с плохими армиями и фронтами, понимая эту оценку в широком смысле подготовки, но не личных качеств». Далее Зайончковский отмечает, что невозможно не согласиться со сделанным в 1913 г. в германском Генеральном штабе выводом о том, что российской армии не хватает оперативной эф-

⁷²⁹ Ростунов И. И. Русский фронт... С. 39–40.

⁷³⁰ Кавтарадзе А. Г. Войсковое управление генерального штаба русской армии // Военно-исторический журнал. № 6. Июнь 1978. С. 78–79, 81.

фективности: «Быстрого использования благоприятного оперативного положения, благодаря тугоумству штабов и плохой связи, ожидать от русского командования так же трудно, как быстрого и точного выполнения войсками предписанного приказом манёвра». Вследствие этого, «германское командование при столкновении с русскими будет иметь возможность осуществлять такие манёвры, которых оно не позволило бы себе с другим, равным себе противником»⁷³¹.

Зайончковский в значительной степени возлагает вину за такое состояние дел на российский Генеральный штаб, который, по его мнению, не сумел насадить в российской армии и её офицерском корпусе единое понимание военных явлений и единый подход к решению военных задач. Хотя Зайончковский не доходит до заявлений об отсутствии единой военной доктрины, своими упоминаниями о чужеродных французском и немецком влияниях он намекает на то, к концу 1920-х гг. его собственная позиция слегка изменилась, хотя он по-прежнему уверенно придавал существенное значение националистическому направлению в российском военно-интеллектуальном развитии. Если оставить в стороне вопрос о стойкости его убеждений, Зайончковский приходит к выводу, что отсутствие интеллектуального единства в верхних эшелонах военной иерархии неизбежно влекло за собой недостаточную скоординированность и проблемы с осуществлением замыслов на низших уровнях⁷³².

То же самое отсутствие единства было очевидно и в военно-гражданском руководстве. Накануне войны, получив запрос о готовности России к конфликту, военный министр Сухомлинов безоговорочно провозгласил страну готовой к войне. Десять лет спустя генерал-квартирмейстер Данилов риторически ответил на тот же самый вопрос выразительным «Нет!». Слишком много организаций оставались недостроенными, слишком много программ было не реализовано, слишком много расходов ещё предстояло, и слишком много концепций требовало проверки перед своим воплощением. Восемь лет серьёзных размышлений, лишь часть которых проникла в уставы и планы, и три года незавершённых реформ — слишком малая подготовка для армии страны, собиравшейся вступить в Первую мировую войну⁷³³.

⁷³¹ Цит. по: Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918. 2-е изд. М., 1931. С. 23.

⁷³² Там же. С. 22; ср.: Коленковский А. Манёвренный период первой мировой империалистической войны... С. 41.

⁷³³ Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне. С. 52.

7. ДИЛЕММЫ ЗАМЫСЛА И ВОПЛОЩЕНИЯ, 1905–1914

Мы должны знать, чего хотим.

А. А. Незнамов

По частным поводам может иметь успех дельный аргумент, дельная бумажка, — но в общем виде? Чтобы все сразу перетрясти и всех пронять? Да ни за что. Это — омут. Дегтярный. Даже круги не пойдут.

(А. А. Свечин — полковнику Воротынцеву).

А. Солженицын, «Август 1914»⁷³⁴

Насколько хорошо теория и армейская структура взаимодействуют на практике, в значительной степени обусловлено наличием крепкого планирования и доктринальных связей между концепциями и организацией. И Михневич, и Незнамов выступали за единый военный план, который бы представлял собой выражение того, чего Россия намеревается достичь в какой-либо будущей войне. При наличии такого плана его выполнение зависело бы от способности командиров и штабов обеспечить участие своих частей в едином цельном замысле. Условиями успеха служили общее понимание современной войны плюс процедуры и механизмы для её ведения и снабжения

⁷³⁴ Цит. по: *Von Wabde*, *Military Thought in Imperial Russia*, 225–226; *А. И. Солженицын*. Красное колесо. Повествование в отмеренных сроках. Узел I. Август Четырнадцатого. Кн. 2 // Собрание сочинений в 30-ти т. Т. 8. М., 2006. С. 463. — *Прим. ред.*

войск. В том, как русские в мирный промежуток 1905–1914 гг. готовились к будущей войне, можно увидеть ряд достижений, множество провалов и немало упущенных возможностей.

Русские мобилизационные расписания и военное планирование, 1906–1914

Русское военное планирование после 1905 г. определялось четырьмя основными факторами: способностью армии к восстановлению своей силы, внутреннему перераспределению частей, требованиями военного союза с французами и сменой стратегических приоритетов самого Петербурга. В первые четыре года после русско-японской войны финансовые соображения, внутренние волнения и потребности реорганизации препятствовали резкой смене общего акцента на оборону, по необходимости принятого на вооружение после 1904–1905 гг. Однако к 1910 г. ситуация изменилась вполне достаточно для того, чтобы в среде планировщиков наметился заметный уклон к переоценке традиционного баланса между обороной и наступлением, намечавшегося на грядущую войну. Кроме того, и французы начали предъявлять Санкт-Петербургу всё более серьёзные требования. В результате русские к 1912 г. были вынуждены отказаться от прежнего осторожного подхода к военному планированию, что имело самые катастрофические последствия.

Вплоть до 1909 г. русские были едва ли способны на что-то большее, нежели размышления о возможных новых подходах к вопросу о боеготовности и военных планах. Поскольку казна была пуста, а армия обессилена, Россия в случае войны на западе могла полагаться лишь на стратегическую оборону и под прикрытием заслона из войск, развёрнутых позади устаревших крепостей и укреплений в приграничных военных округах, вести энергичную мобилизацию резервов. Фактически до того момента, когда армия и государство оправились от шока военного поражения и революции, русское военное планирование целиком определялось временными мерами, принятыми в 1904–1905 гг.⁷³⁵

Однако такое состояние дел не препятствовало стратегическим переоценкам. Уже в 1906 г. генерал-майор М. В. Алексеев (обер-квартирмейстер ГУГШ) и полковник Сергей Добровольский подали начальнику ГУГШ Ф. Ф. Палицыну доклад, в котором подвергали пересмотру русские стратегические приоритеты в свете изменившихся обстоятельств на Дальнем Востоке. Оба

⁷³⁵ Wilfong, *Rebuilding the Russian Army*, 139–141.

офицера указывали на то, что отныне России следует учитывать возможность потенциально враждебных комбинаций и на западе (Тройственный союз), и на Дальнем Востоке (Япония и Великобритания). Однако Тройственный союз представлял собой более серьёзную опасность. Завершив стратегический обзор западных приграничных регионов, Алексеев и Добровольский делали вывод о том, что в случае войны русские войска уже не смогут выполнить стратегическое сосредоточение в приграничных регионах, и вследствие этого районы сосредоточения следует перенести в глубь российской территории. Силы, расположенные в Польском выступе, необходимо укрепить для того, чтобы они создавали фланговую угрозу германским войскам в случае их наступления на Санкт-Петербург; тем временем Россия должна завершить мобилизацию, развернуть свои силы и перейти от обороны в наступление. «Таким образом, — писали авторы, — строго оборонительная для первого периода войны идея нашего плана войны» позволит в безопасных условиях сосредоточить силы, а затем облегчит их «для перехода в наступление и быстрое столкновение с врагом по окончании сосредоточения»⁷³⁶.

В свете состояния армии и насущных потребностей страны план Алексеева-Добровольского был весьма разумным. Единственный потенциально противоречивый момент заключался в неожиданном возврате к стратегическим приоритетам покойного генерала М. И. Драгомирова: Алексеев и Добровольский утверждали, что основные усилия России следует направить на победу над Германией, поскольку эта страна является «душой и связующим звеном» враждебной коалиции на западной границе. В том случае, если основной целью Германии станет Франция, что должно выясниться на второй неделе мобилизации, то русская армия может предпринять первые наступательные операции против Германии, не дожидаясь полной мобилизации и завершения стратегического развёртывания⁷³⁷. Таким образом, русские военные планировщики ещё до 1910 г. предполагали, что при благоприятных обстоятельствах можно пойти на риск наступательных операций раньше, чем позволяли бы стандартные требования осторожного планирования.

На этом фоне император 3 февраля 1909 г. поставил свою подпись под ретанимированным вариантом Мобилизационного расписания № 18, которое называло в числе вероятных противников Германию, Австро-Венгрию и Румынию, признавая, что каждая из этих стран может мобилизовать и сосредоточить свои армии быстрее России. Поэтому вражеская коалиция имела возможность первой напасть на Россию даже в том случае, если свой главный удар Германия нанесёт по Франции. Разумеется, несмотря на численное

⁷³⁶ Цит. по: Ростунов И. И. Русский фронт... С. 89.

⁷³⁷ Там же. С. 90.

превосходство русских, немцы могли начать боевые действия с отвлекающего удара, рассчитанного как на овладение ограниченной инициативой, так и на срыв русских планов по сосредоточению и развёртыванию. С учётом этих предположений первоначальная задача русской армии сводилась к выявлению вражеских группировок и их целей, прикрытию процесса мобилизации и сосредоточению в намеченных районах. После завершения подготовки русским следовало перейти в наступление в соответствии с директивами верховного командования. Для операций на западе выделялись пять армий и отдельный Одесский корпус⁷³⁸.

Спустя год с лишним, 26 июня 1910 г., император одобрил первый вариант Мобилизационного расписания № 19. Хотя это расписание имело много общего с предыдущим, обновлённый план отличался от Расписания № 18 в трёх важных отношениях: он призывал к «активной обороне», снова ставил во главу угла массовость и глубину построений и более явным образом был направлен против Германии. В соответствии с прежним предложением генерала Алексеева (которое поддержал военный министр Сухомлинов) о том, что основное внимание русские должны уделять западному направлению, Расписание № 19 требовало выставить дополнительные силы против Тройственного союза за счёт прочих стратегических приоритетов, связанных с иными направлениями⁷³⁹. Так, по новому плану предполагалось задействовать семь армий (вместо прежних пяти), переведя дополнительные силы на запад из Омского, Иркутского и Приамурского военных округов в Сибири, а также из Туркестанского и Кавказского военных округов. Ответственность за оборону Черноморского побережья была возложена на Кавказский военный округ, а Черноморский и Балтийский флоты подчинялись верховному командованию. Во всём этом явно проявлялось влияние Алексеева и Добровольского: «Если принять во внимание, что на западной границе будет решаться судьба и будущность России, то выяснится очевидная необходимость рассчитывать на эти силы, несмотря ни на какие осложнения, кои могут иметь место на наших азиатских окраинах»⁷⁴⁰. Путём оголения восточных военных округов Расписание № 19 передавало в распоряжение западного командования три лишних армейских корпуса, насчитывавшие 7 пехотных дивизий, 1,5 кавалерийские дивизии и 386 орудий. В плане по развёртыванию этих и других сил отражались текущие представления о наиболее существенной угрозе. А генерал Ю. Н. Данилов, генерал-квартирмейстер и главный

⁷³⁸ Там же. С. 91.

⁷³⁹ См. замечания Алексеева от 17 декабря 1908 г. в: *Зайончковский А. М.* Подготовка России к империалистической войне. С. 348–354.

⁷⁴⁰ Цит. по: *Ростунов И. И.* Русский фронт... С. 91–92.

создатель этого плана, имел мало сомнений на этот счёт: против Германии он собирался выставить 53 дивизии, а против Австро-Венгрии — только 19⁷⁴¹.

Таким образом, в Мобилизационном расписании № 19 традиционная осторожность сочеталась с новыми целями и средствами. Или, как выразился советский военный историк И. И. Ростунов по поводу плана Данилова: «Однако в целом стратегические соображения 1910 г. отразили в себе ту чрезмерную осторожность, которая была характерна для военного руководства того времени»⁷⁴². Соответственно, в Расписании № 19 особое внимание уделялось глубине развёртывания и достижению численного превосходства над врагом при любом обороте событий и любых ожидавшихся враждебных комбинациях. Новшества же выражались в двух свежих подходах, делавших массовость и глубину возможными — и даже необходимыми. Они включали проведённую Сухомлиновым реорганизацию армии на более чёткой территориальной основе и готовность пожертвовать большей частью Польши, включая Варшаву, передовые крепости и оборонительный рубеж на Нареве. Русские армии предполагалось сосредоточить дальше на востоке, по рубежу, протянувшемуся от Вильно через Белосток на Брест. Данилов оправдывал необходимость направить основные усилия против Германии и сосредоточение на большем удалении от границ слабостью русской военной машины, высокой вероятностью германского нападения и неуверенностью в том, что Франция окажет достаточную поддержку⁷⁴³.

Первоначальный вариант Расписания № 19 был подвергнут пересмотру уже через два года, в том числе вследствие смены представлений об угрозах, повышенного внимания к союзническим обязательствам и частичного пересмотра стратегических приоритетов. Все эти влияния ощущались в контексте традиционной и бюрократической политики. Хотя русские военные планировщики уже в 1902 г. смирились с мыслью о том, что в случае войны врагу придётся временно уступить до двух третей Польши, план Данилова 1910 г. вызвал бурные дискуссии в высших правительственных и военных кругах⁷⁴⁴. Когда в приграничных военных округах осознали все последствия, которые влечёт за собой исполнение Расписания № 19, ряд влиятельных офицеров, включая генерала Алексева и генерала Н. А. Клюева (первый в то время был начальником штаба Киевского военного округа, а последний занимал аналогичную должность в Варшаве), стали на разных основаниях выступать хотя бы за частичное восстановление традиционной антиавстрийской ори-

⁷⁴¹ *Jack Snyder, The Ideology of the Offensive* (Ithaca, N. Y., 1984), 166.

⁷⁴² *Ростунов И. И. Русский фронт...* С. 92.

⁷⁴³ *Snyder, The Ideology of the Offensive*, 166.

⁷⁴⁴ *Ростунов И. И. Русский фронт...* С. 76; *Свечин А. Эволюция оперативного развёртывания // Война и революция. № 5. Май 1926. С. 15.*

ентации их округов. Их аргументация подкреплялась новыми данными разведки, которые свидетельствовали и о росте австрийской мощи, и о том, что Германия в возможной будущей коалиционной войне однозначно намеревается сперва ударить на запад, а уж затем заняться Россией. С этими выводами увязывались и другие соображения, включая повышение боеготовности российской армии и упорное нежелание отказываться от тех наступательных преимуществ, которые Россия могла извлечь из обладания передовыми позициями в Польском выступе⁷⁴⁵.

Дальнейшее сопротивление первоначальному Расписанию № 19 ярко проявилось в феврале 1912 г. в Москве на совещании начальников штабов военных округов, когда приверженцы более чёткого и решительного плана сосредоточения и развёртывания временно взяли верх над более осторожными Даниловым и ГУГШ. Вкратце, начальники окружных штабов предложили сосредоточить две сильные армии (2-ю и 4-ю) в Польском выступе, поставив перед ними задачу нанести удар через Вислу, который создаст угрозу флангам и тылу вражеских войск, скапливающихся в Восточной Пруссии и Галиции. В сущности, сторонники передового сосредоточения предложили одновременно разбить вражеские формирования, создающие наибольшую угрозу сосредоточению сил, и немедленно перейти в решительное наступление⁷⁴⁶. Однако в том случае, если Германия неожиданно ударит на восток, русские войска оказались бы в намного более уязвимом положении.

По этой причине и вследствие вмешательства центра взгляды начальников окружных штабов лишь отчасти отразились в следующем варианте русских мобилизационных расписаний и планов развёртывания. Благодаря усилиям военного министра Сухомлинова, который решительно поддержал сопротивление Данилова «коллегиальному планированию», позиция окружных штабов не была вполне учтена в пересмотренном Расписании № 19 (май 1912). Силы 4-й армии уменьшились на три дивизии, а район сосредоточения 2-й армии был перемещён с нижнего на средний Нарев. Соответственно, ГУГШ сократило число батальонов, предназначенных для развёртывания в Польском выступе, на 144 штуки, и разрешило фронтовым штабам по их желанию отступать на рубежи развёртывания, установленные в 1910 г. Военный историк А. М. Зайончковский по этому поводу сухо отметил, что ГУГШ «упорно тянуло развёртывание назад на восток, и при том же личном составе оно, вероятно, и вернулось бы к развёртыванию 1910 г., если бы не помешала начавшаяся война»⁷⁴⁷.

⁷⁴⁵ Меликов В. А. Проблема стратегического развёртывания... С. 245.

⁷⁴⁶ Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. С. 320.

⁷⁴⁷ Там же.

В этих условиях русский подход к мобилизации и военному планированию едва ли мог носить единый характер, к которому так решительно призывали Михневич и Незнамов. Неудивительно, что Мобилизационное расписание, одобренное царём в мае 1912 г., представляло собой компромисс, как недавно выразился Джек Снайдер, между тремя взаимоисключающими задачами: оперативной логикой и историческими целями России в юго-восточной Европе, соображениями безопасности развёртывания и союзническими обязательствами⁷⁴⁸.

Начиная с 1910 г., союзнические обязательства неизменно играли все более важную роль в русском военном планировании. После произведённого Сухомлиновым передислоцирования воинских частей французы требовали от русских принять необходимые меры для того, чтобы убедить Германию в неизбежности русского наступления через 15–30 дней после начала мобилизации. Взамен французы уже в 1910 г. обещали «начало наступления на 11-й день» всеми силами. На штабных совещаниях, проходивших в августе 1911 г. в Красном Селе, генерал Огюст Дюбай, начальник французского штаба, утверждал, что французы начнут наступление в день М+12, имея британскую армию на левом фланге. Когда он спросил, что русские могут предпринять в ответ, генерал Жилинский, новый начальник ГУГШ, только и смог сказать, что русская армия завершит нынешний этап перевооружения лишь в 1913–1916 гг. Тем не менее, Жилинский обещал, что Россия в основном закончит сосредоточение сил ко дню М+15, вынудив немцев оставить пять или шесть корпусов в Восточной Пруссии и тем самым облегчив положение Франции⁷⁴⁹. К тому моменту, когда Жилинский и новый начальник французского генштаба генерал Жозеф Жоффр встретились в Париже в августе 1912 г., у русских уже появилась возможность предложить нечто более конкретное.

К несчастью, это конкретное было основано на компромиссе. Мобилизационное расписание ГУГШ от мая 1912 г. представляло собой уточнённую версию Расписания № 19 в двух вариантах: один назывался «А» и был рассчитан на нанесение главного удара по Австро-Венгрии, другой нёс обозначение «Г» и предусматривал главный удар по Германии. Вариант «А», даже выходящий усилиями ГУГШ, представлял собой серьёзную победу окружающих штабов, вдохновлявшихся идеями Алексеева, над центром, где преобладал подход Данилова. Общий замысел плана «А» сводился к «переходу в наступление против вооружённых сил Германии и Австро-Венгрии с целью перенесения войны в их пределы». В задачу армий, выставленных против Германии,

⁷⁴⁸ Snyder, *The Ideology of the Offensive*, 182; ср.: Stone, *The Eastern Front 1914–1917*, 35.

⁷⁴⁹ Меликов В. А. Проблема стратегического развёртывания... С. 223–224; (см. также Зайончковский А. М. *Мировая война 1914–1918*. Изд. 2-е. М. 1931. С. 37. — *Прим. ред.*)

входило «поражение германских войск, оставленных в Восточной Пруссии, и овладение последней с целью создания выгодного исходного положения для дальнейших действий». В соответствии с планом «А» 45 пехотных дивизий, объединённых в три (позднее четыре) армии — 4-ю, 5-ю и 3-ю, к которым прибавилась 8-я, — образуют Юго-Западный фронт для наступательных операций против Австро-Венгрии. При этом для развёртывания на Северо-Западном фронте против Германии оставалось 29 пехотных дивизий в составе двух армий (1-й и 2-й). Две дополнительные отдельные армии, 6-я и 7-я, должны были прикрывать подходы соответственно к Санкт-Петербургу и к Бендерам⁷⁵⁰.

В противоположность плану «А», планом «Г» предписывался «переход в наступление против германских войск, угрожающих нам со стороны Восточной Пруссии, парализуя действия противника на остальных фронтах». Задача русских сил, развёрнутых против Германии, оставалась такой же, как и по плану «А». Армии, противостоящие Австрии, должны были не допустить прорыв врага в тыл русским силам, действующим против Германии. В число сил, выставленных против Германии, входили три армии — 4-я, 1-я и 2-я, всего 43 дивизии. Против Австро-Венгрии при этом оставалась 31 дивизия в составе двух армий — 5-й и 3-й. Как и в варианте «А», 6-я и 7-я армии прикрывали северный и южный фланги⁷⁵¹.

Советский историк Ростунов отмечал, что эти планы, в противоположность более ранним планам, нередко назывались «наступательными», причём такую оценку он откровенно характеризует как «преувеличенную». Почти все прежние планы предусматривали переход в наступление. Различие сводилось не столько к конечным намерениям, сколько к расчёту времени, средствам и методу. При отсутствии усовершенствованной сети железных дорог и коммуникаций, русским планировщикам по-прежнему приходилось учитывать относительное отставание в мобилизации и сосредоточении. Если пересмотренные стратегические приоритеты и цели призывали к более раннему началу наступательных операций, то соответствующие формирования следовало сосредоточить на более передовых позициях, а их марш-манёвр навстречу противнику начинать, не дожидаясь, когда атакующие армии или составляющие их дивизии окажутся полностью развёрнуты⁷⁵².

Планы развёртывания основывались на наиболее вероятном развитии событий, которое, по расчётам русских, должно было свергнуть немцев в войну на два фронта, причём основная часть германских сил будет предназначена для удара по Франции. В том случае, если, по оценкам русского верховно-

⁷⁵⁰ Ростунов И. И. Русский фронт... С. 92–93.

⁷⁵¹ Там же. С. 94.

⁷⁵² Там же. С. 95.

го командования, германское сосредоточение не превысит некий заданный уровень, развёртывание русских сил следовало производить в соответствии с планом «А». Хотя к 25 сентября 1913 г. у русской армии появился новый план — Расписание № 20, в полную силу он вступал лишь осенью 1914 г. Поэтому русская мобилизация в июле 1914 г. реально осуществлялась по видоизменённому варианту Расписания № 19 (А), включавшему некоторые элементы Расписания № 20⁷⁵³.

Видоизменённый план «А» предусматривал сосредоточение против австрийцев на будущем Юго-Западном фронте (командующий — генерал Иванов) двух мощных армейских группировок: одна, включавшая в себя 4-ю и 5-ю армии (семь корпусов), предназначалась для удара на юг из Польского выступа, а вторая, состоявшая из 3-й и 8-й армий (девять корпусов), имела задачу наступать на запад из Украины. Целью Юго-Западного фронта являлось окружение и уничтожение австро-венгерских сил, сосредоточенных в Галиции, после чего следовало захватить карпатские перевалы, тем самым создав условия для дальнейших операций на венгерских равнинах. Сосредоточение 4-й армии (генерал Зальца) предполагалось производить в окрестностях Люблина, 5-й (генерал Плеве) — в районе Холм-Ковель, 3-й (генерал Рузский) — по рубежу Луцк—Дубно—Ляховцы, а 8-й армии (генерал Брусилов) — на рубеже Николаев—Черный Остров—Дунаевцы. В целом, на Юго-Западном фронте предстояло развернуть 16 корпусов со вспомогательными войсками на линии, представлявшей собой полукруг длиной в 400 км⁷⁵⁴.

На будущем Северо-Западном фронте (генерал Жилинский) против германцев по плану «А» предполагалось сосредоточить две армии — 1-ю (генерал Ренненкамф) в составе четырёх корпусов и 2-ю (генерал Самсонов), насчитывавшую пять корпусов. 1-я армия сосредотачивалась к западу от среднего течения Немана, а 2-я — на рубеже Гродно—Ломжа—Белосток. Общая задача двух армий заключалась в уничтожении германских сил, сосредоточенных в Восточной Пруссии, с последующим выходом на Нижнюю Вислу. 1-й армии Ренненкамфа предстояло пройти севернее Мазурских озёр, а 2-й армии Самсонова — южнее. Всего на Северо-Западном фронте были задействованы девять корпусов, развёртывавшиеся вдоль ломаной линии, в длину превышающей 250 км⁷⁵⁵.

Двумя важнейшими аспектами Расписания № 19 (А), с которыми никак не удавалось совладать русским планировщикам, были время и массовость. В разговорах представителей французского и русского Генеральных штабов,

⁷⁵³ Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. С. 320.

⁷⁵⁴ Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне. С. 93–94.

⁷⁵⁵ Там же. С. 94–95.

Начальное стратегическое развертывание и наступательный план. 1914

которые происходили в августе 1912 г., генерал Жилинский, в то время возглавлявший ГУГШ, уверял французов, что русские перейдут в наступление против Германии «после дня М+15» с силами, превышающими 800 тыс. человек. Хотя историк А. М. Зайончковский отмечает, что фраза «после дня М+15» могла означать всё что угодно, вплоть до М+30, подразумевалось, что русские, собрав достаточные силы, постараются как можно раньше предпринять наступление на немцев, чтобы выполнить свои союзнические обязательства, не ограничиваясь символическими мерами. В Статье III Франко-Русского военного соглашения, заключённого в сентябре 1913 г., недвусмысленно констатировалось, что Россия начнёт наступательные операции против Германии силами в 800 тыс. человек на пятнадцатый день мобилизации⁷⁵⁶. Таким образом, русские буквально образом интерпретировали заверения Жилинского, в результате чего менее год спустя самому Жилинскому по иронии судьбы пришлось переходить со своим Северо-Западным фронтом в наступление, не дожидаясь, когда завершится сосредоточение сил, причём дополнительную сложность привносила сделанная в последнюю минуту импровизация: Ставка ослабила 1-ю и 2-ю армии, выделив из их состава дополнительную 9-ю армию и поставив перед ней задачу наступать на немцев из окрестностей Варшавы⁷⁵⁷. Ещё более опасная ситуация сложилась на Юго-Западном фронте, где дальность дистанций и запутанное расписание перевозок войск создавали ещё более серьёзное отставание по времени и расстоянию.

Невозможность вовремя завершить сосредоточение влекла за собой существенные оперативные осложнения. Она разрушала организационную целостность, оставляла наступающие части без важнейших средств ведения войны и сводила соотношение сил, имевшее решающее значение для успеха, к численному превосходству на отдельных направлениях наступления. Если Северо-Западный фронт переходил в наступление в день М+15, то в распоряжении у генерала Жилинского оказывались 304 батальона, 196 эскадронов и 1 144 орудия (в т. ч. 12 тяжёлых) против 196 батальонов, 89 эскадронов и 1 044 орудий (включая 39 тяжёлых) у немцев. Хотя Жилинский на первый взгляд имел подавляющее численное превосходство, в реальности дело обстояло совсем по-иному. В силу географических условий, 1-й и 2-й армии предстояло идти по отдельности по разные стороны от Мазурских озёр и объединить силы лишь в глубине Восточной Пруссии. Если сделать поправку на неравномерное развёртывание, вычесть из состава русских сил дивизии второго эшелона и различные отряды, выполняющие задачи охраны тыла, то в 1-й армии Ренненкампа оставалось 6,5 дивизий, а во 2-й армии Сам-

⁷⁵⁶ L. C. F. Turner, «The Russian Mobilization of 1914», in Paul M. Kennedy (ed.), *The War Plans of the Great Powers, 1880–1914* (London, 1979), 257.

⁷⁵⁷ Белицкий С. М. Стратегические резервы. С. 65–66.

сонова — 9,5 дивизий⁷⁵⁸. Против них германский генерал Макс фон Притвиц первоначально мог выставить около 13 дивизий, опиравшихся на развитую сеть железнодорожных линий. Принимая во внимание особенности местности и наличие широкого разрыва между осями русского наступления, не стоит удивляться, что генерал Жоффри однажды окрестил Восточную Пруссию «ловушкой»⁷⁵⁹.

В ещё более широком плане Расписание № 19 (А) не обеспечивало русским силам достаточной массовости для того, чтобы сразу же нанести смертельный удар по основному противнику — Австро-Венгрии. Генерал-квартирмейстер Данилов задним числом отмечал, что в первый период войны против Тройственного союза Россия в целом была способна задействовать на западном направлении 1 224 батальона, 664 эскадрона и более 5 000 орудий. По его вычислениям, Германия и Австро-Венгрия могли выставить против России лишь 850–950 батальонов. Данилов делал вывод: «Таким образом, мы рассчитывали, в этом случае иметь над нашими противниками в начале войны довольно значительный перевес в силах (свыше чем 20%)»⁷⁶⁰. Он не говорит о том, как была получена цифра необходимого перевеса в 20%, но, судя по прецеденту 1904–1905 гг., такое превосходство, вероятно, было недостаточным, чтобы гарантировать победу над противником, обученным и оснащённым приблизительно на таком же уровне.

Что ещё хуже, штабные планировщики выделяли на борьбу с Австрией лишь 60% от общих сил русской армии. Дэвид Р. Джонс недавно отмечал, что численность войск, выставленных Россией и Австрией на Юго-Западном фронте в августе 1914 г., была приблизительно равна (со стороны русских — 34,5 пехотных дивизий, 12,5 кавалерийских дивизий и 2 099 орудий; со стороны австрийцев — 37 пехотных дивизий, 11 кавалерийских дивизий и 1 854 орудия)⁷⁶¹. Как ни поразительны эти цифры сами по себе, одних лишь данных о количестве войск недостаточно, чтобы выявилась ещё одна важная аномалия: тем русским армиям, перед которыми были поставлены самые серьёзные наступательные задачи (3-я и 8-я), одновременно предстоял самый длительный марш-манёвр от мест стратегического развёртывания до контакта с противником. В совокупности эти обстоятельства означали, что строгое выполнение Расписания № 19 (А) неизбежно обрекало русских на растрату наступательного порыва: слишком много войск было выделено для операций в Восточной Пруссии при отсутствии достаточной массово-

⁷⁵⁸ Там же. С. 67–68.

⁷⁵⁹ Stone, *The Eastern Front 1914–1917*, 54–55; Зайончковский А. М. *Мировая война 1914–1918*. С. 63–64, 75–76.

⁷⁶⁰ Данилов Ю. Н. *Россия в мировой войне*. С. 97.

⁷⁶¹ Jones, *Imperial Russia's Armed Forces at War, 1914–1917*, 96.

сти, которая бы обеспечила разгром Австро-Венгрии в первые же недели будущей войны⁷⁶².

Последующее поражение в августе 1914 г. породило бесконечные дискуссии о мотивах, стоявших за чрезмерно оптимистичными планами русских по скорейшему переходу в наступление. Историки предлагают множество объяснений, начиная от бескорыстной преданности интересам союза и профессиональной некомпетентности планировщиков и заканчивая наступательным складом мышления, который современные обществоведы называют «идеологией». При отсутствии догадок, которые бы основывались на неизвестных ранее источниках, представляется разумным предположить, что действия русских можно объяснить по меньшей мере четырьмя факторами: чрезмерной самоуверенностью, плохой разведкой, нажимом со стороны союзников и стратегическими просчётами.

Начнём с самоуверенности. Благодаря реформам Сухомлинова армия к 1912 г. находилась в безусловно лучшем состоянии для проведения наступательных операций, чем, возможно, в какой-либо момент всей постмилютинской эпохи. Даже без учёта исходящей от Сухомлинова эйфории, у русских имелись известные основания для использования только что реорганизованной армии в наступлении с расчётом на быструю победу. В противном случае приходилось готовиться к длительному конфликту и полагаться на национальную выносливость и обширные ресурсы империи — сценарий, в свете опыта недавней русско-японской войны едва ли создававший почву для оптимизма.

Второе объяснение связано с вернувшейся к русским готовности пойти на риск вследствие важных (но ошибочных) выводов разведки. Хотя усилия русских в области шпионажа были фрагментарными и слабо финансировались, их самый важный агент, полковник Альфред Редль, служил в 1905–1913 гг. начальником штаба VIII корпуса австрийской армии в Праге⁷⁶³. Перед тем, как совершить в 1913 г. самоубийство, Редль сумел продать своим хозяевам в Петербурге общий план австрийской мобилизации в случае войны с Россией, обладание которым внушило русским штабным планировщикам чрезмерную уверенность, особенно в отношении потенциальных операций на Юго-Западном фронте. ГУГШ основывало свои оценки австрийских диспозиций на сведениях, добытых Редлем. На самом же деле австрийцы осознавали наличие утечки и приняли контрмеры, изменив свои диспозиции, о чём русские так и не узнали. Таким образом, русским предстояло играть в свои военные игры и вести первое наступление в Галиции на основе уста-

⁷⁶² *Зайончковский А. М.* Лекции по стратегии, читанные на военно-академических курсах высшего комсостава в Военной академии РККА в 1922–1923 гг. В 2 ч. М., 1923. Ч. 1. С. 131.

⁷⁶³ *Fuller, The Russian Empire*, 115.

ревших и ошибочных разведанных⁷⁶⁴. В реальности австрийцы разворачивались дальше на запад, чем ожидали русские, и в результате первые боевые действия приняли форму охватов вместо предполагавшихся фронтальных ударов⁷⁶⁵.

В отношении немцев разведка не сработала иным образом. Русские уже в 1910 г. пришли к убеждению, что Германия выставит основную часть своих сил на западе, против Франции, оставив в Восточной Пруссии только минимальные силы, возможно, для проведения отвлекающей атаки, а скорее всего, с целью замедлить русское наступление. В 1912 г. русские считали вероятным, что Германия оставит в Восточной Пруссии лишь 3 действующих корпуса и 10 резервных дивизий. И хотя русская разведка получила информацию о том, что немцы в своих штабных играх предполагали разбить силы русских по отдельности по обе стороны от Мазурских озёр, русские планировщики явно не учитывали тех преимуществ, которые густая железнодорожная сеть придавала даже незначительным германским силам в Восточной Пруссии. В результате русские решительно склонялись к тому, чтобы пренебречь предупреждениями разведки, стремительным ударом снести германский заслон, а затем реорганизовать силы для последующих наступательных операций к западу от Вислы. Оценки разведки не совпали с настроениями, преобладавшими в оперативной среде, и поэтому не были учтены⁷⁶⁶.

Соответственно, в резком контрасте с той осторожностью, которую русские проявляли до 1910 года, после 1912 г. они были готовы пойти на больший риск, поскольку их армия демонстрировала улучшившуюся боеготовность, сами они могли позволить себе роскошь верить или не верить разведке, а выпавшие на их долю шансы — по крайней мере, в отношении немцев — были значительно выше, чем предполагалось в прежних, наиболее пессимистичных сценариях. Интересно, что ГУТШ, по-видимому, ни недооценивало, ни переоценивало численность своих потенциальных противников, а скорее предпочитало не замечать тех вариантов и обстоятельств, которые могли либо помешать русскому наступлению, либо поставить полевых командиров перед лицом неожиданных комбинаций⁷⁶⁷.

Третьим объяснением русских действий является бремя военного союза. Хотя в государственных делах альтруизм обычно является недостаточным мотивом, есть серьёзные основания полагать, что в интересах самих русских было серьёзно относиться к своим союзническим обязательствам. Если бы Франция сделалась лёгкой добычей немцев, то у русских было мало

⁷⁶⁴ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 1983. С. 47, прим. 1.

⁷⁶⁵ Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918. С. 66.

⁷⁶⁶ Snyder, *The Ideology of the Offensive*, 176, 189–190.

⁷⁶⁷ Свечин А. А. Эволюция оперативного развёртывания. С. 7–8, 21–22.

шансов выстоять против объединённых полчищ Германии и Австро-Венгрии. Из этого следовало всеобщее убеждение в том, что Россия и Франция либо вместе победят, либо вместе погибнут и что Россия должна приложить все свои силы к выполнению союзнических обязательств, даже если для этого пришлось бы начать наступательные операции в день M+15, хотя бы и разрозненными силами⁷⁶⁸.

На этом фоне в игру вступает и четвёртое объяснение: речь идёт о просчётах, которые привели к неспособности решить сложные стратегические дилеммы массовости, сосредоточения и движения. В своих предвоенных трудах Незнамов и Михневич, опираясь на многие общие предположения, отстаивали две различные стратегии, призванные привести армию к победе, но придававшие различное значение соотношению наступательных и оборонительных действий. С одной стороны, если русские планировщики предполагали вести быструю войну на сокрушение, то им следовало уделять меньше внимания обороне при достижении важных стратегических задач (уничтожение основных вражеских сил или захват ключевых целей) во время безупречного развития продуманного плана, включающего в себя мобилизацию, развёртывание и первоначальные наступательные операции. С другой стороны, если русские планировщики готовились к ведению продолжительной войны на измор, то им требовался более осторожный, выверенный подход к тем же отдельным задачам, включая временный и сознательный переход к обороне, просчитанное планирование развёртывания, имеющего целью достижение массовости и сосредоточения сил, и динамичный переход к наступлению в качестве прелюдии к серии последовательных стратегических операций. Что касается ситуации, сложившейся накануне Первой мировой войны, то Расписание № 19 (А) предусматривало мобилизацию и развёртывание русской армии с целью войны на сокрушение, но оставляло нерешёнными такие аномалии времени, пространства и массовости, которые неизбежно вели к войне на измор. Таким образом, если признать русских планировщиков и военных администраторов виновными за серьёзные просчёты, то причина их вины заключалась в неспособности понять природу сложных и меняющихся с течением времени взаимоотношений между наступлением и обороной в первоначальный период грядущей войны⁷⁶⁹.

С этими просчётами был связан и вопрос неподвижных оборонительных сооружений, прикрывавших передовые позиции в Польском выступе. При вложении даже скромных инвестиций и наличии единого процесса планирования модернизированный оборонительный барьер позволил бы

⁷⁶⁸ Особ. см.: Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне. С. 91–92.

⁷⁶⁹ Свечин А. А. Эволюция оперативного развёртывания. С. 24.

русским выиграть чуть больше времени на завершение стратегического развёртывания и сосредоточения сил для наступательных операций. Однако эмоционально заряженная атмосфера 1910–1913 гг. почти не давала возможности произвести трезвое рассмотрение этой и других альтернатив, включая просчитанную переоценку требований статичной и подвижной обороны. В конечном счёте русское планирование и подготовка к будущей войне определялись сочетанием скудных ресурсов и компромиссов. Хотя имеются свидетельства о том, что выполнение Большой программы позволило бы исправить ряд наиболее очевидных аномалий, её окончательное осуществление планировалось лишь на 1917 год⁷⁷⁰.

Трудно избежать вывода о том, что неспособность перевести теорию в убедительные практические шаги в значительной степени являлась следствием институционального дрейфа. Николай II за пределами своих традиционных и узко понимаемых представлений о государстве и монархии не был способен внушить военному руководству ощущение общей цели, которое бы стало основой для «единой военной доктрины» (даже как сам царь понимал этот термин). А как ясно демонстрирует Расписание № 19 (А), компромисс и коллегиальность представляют собой плохую замену чёткому и целеустремлённому руководству, осуществляемому вождём.

Командование и коммуникации

В какой-то степени основаниями для оптимизма русских планировщиков, несомненно, служили признаки повысившейся компетентности полевого командования армии. Хотя на Западе распространено мнение о том, что русское командование той эпохи отличалось медлительностью и некомпетентностью, в реальности русские добились значительных успехов по сравнению с ситуацией на Дальнем Востоке накануне русско-японской войны. Или, как генерал Данилов отзывался о верховном командовании образца 1914 г., «при предназначениях на высшие командные должности военного времени и установлении порядка формирования штабов фронтов и армий были приняты все меры, чтобы обеспечить надлежащий подбор лиц». Генерал Я. Г. Жилинский (1853 г. р.), командующий Северо-Западным фронтом, три года был начальником ГУГШ, а до этого командовал Варшавским военным округом. Начальником штаба при нём был генерал В. А. Орановский, служивший генерал-квартирмейстером у Линевича в Маньчжурии, а затем начальником штаба Варшавского военного округа. В мирное время Орановский занимался при-

⁷⁷⁰ См. превосходный критический обзор: Незнамов А. А. Основы современной стратегии. М., 1919. С. 129–130.

стальным изучением потенциального германского фронта. Генерал Н. И. Иванов (1851 г. р.), командующий Юго-Западным фронтом, с 1908 г. возглавлял Киевский военный округ и участвовал в боевых действиях во время как русско-турецкой, так и русско-японской войн. Начальником штаба при нём служил исключительно способный М. В. Алексеев (1857 г. р.)⁷⁷¹.

Подчинявшиеся им командующие армий также отнюдь не отличались ни некомпетентностью, ни неопытностью. Генерал П. К. Ренненкампф (1854 г. р.) командовал кавалерийскими частями в Маньчжурии, а с 1911 г. являлся командующим Виленским военным округом, где начинала развёртывание его 1-я армия. Командир 2-й армии генерал А. В. Самсонов (1859 г. р.) на русско-японской войне командовал бригадой, а до Первой мировой войны служил начальником штаба Варшавского военного округа. Хотя некоторые наблюдатели объясняют последующую неспособность Ренненкампфа и Самсонова скоординировать действия своих армий личными конфликтами, восходящими к 1904 г., это мнение не подкрепляется практически никакими свидетельствами. Генерал Н. В. Рузский (1854 г. р.), которому предстояло возглавить 3-ю армию на Юго-Западном фронте, служил начальником штаба 1-й Маньчжурской армии в 1904–1905 гг., а затем занимал различные штабные должности в Санкт-Петербурге, в том числе был председателем комиссии по пересмотру русских полевых уставов. Генералы П. А. Плеве (командующий Московским военным округом) и А. Е. Зальца (командующий Кавказским военным округом) также явно не страдали от недостатка опыта. Генерал А. А. Брусилов (1853 г. р.), будущий командир 8-й армии, был кавалеристом с опытом командования дивизией и корпусом. В 1912–1913 гг. он служил в Варшавском военном округе в качестве помощника командующего войсками⁷⁷².

В контексте предполагавшихся назначений и различных вариантов армейской карьеры можно указать на несколько источников потенциальных проблем. Одним из них служил тот факт, что почти все вероятные командиры двух русских фронтов родились в 1850-е гг. Из этого следовало, что они, как правило, прошли крещение огнём в 1877–1878 гг. и завершили своё военное образование до 1900 г., т. е. до того момента, когда ветры перемен начали проникать и на высшие уровни военного командования с его традиционным мышлением. Вторая проблема неявно присутствовала в системе назначений, при которой слишком мало офицеров Генерального штаба исполняли роль военно-интеллектуального клея, связующего различные уровни штабной иерархии. Третьей проблемой стало отсутствие верховного главнокомандующего, которого император так и не назначил до начала фактической мо-

⁷⁷¹ Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне. С. 99–100.

⁷⁷² См. обсуждение: Jones, Imperial Russia's Armed Forces at War, 122–124, 129–133.

билизации. По закону и новому полевому уставу военного времени главнокомандующим являлся сам император — при условии, что он пожелает лично руководить вооружёнными силами. Однако в данном случае Николай предпочёл сохранять за собой свободу действий, не назначая главнокомандующего вплоть до 19 июля 1914 г., когда под нажимом со стороны политических кругов он был вынужден поставить во главе армии своего дядю, великого князя Николая Николаевича⁷⁷³.

За гибкость пришлось расплачиваться отсутствием сплочённости на высшем уровне полевого командования. Не зря военный министр Куропаткин в 1903 г. настаивал на созыве совещания своих потенциальных подчинённых командиров, чтобы познакомиться с ними лично и выявить характер штабных офицеров. Хотя в 1914 г. немногие наблюдатели ставили под вопрос способность великого князя внушить к себе доверие, он почти не участвовал в процессе военного планирования и до начала военных действий практически не имел возможности узнать поближе тех командиров и членов штабов, с которыми ему предстояло работать в первые жаркие месяцы войны. До начала войны вообще предполагалось, что великий князь будет командовать 6-й армией, прикрывающей подходы к столице империи.

Однако состав верховного командования был достаточно продуман для того, чтобы, по крайней мере, Ставка (как называлась штаб-квартира Верховного главнокомандующего) получила начальника штаба в лице генерала Н. Н. Янушкевича и генерал-квартирмейстера в лице генерала Ю. Н. Данилова. К сожалению, послужной список у них был совершенно разный. Янушкевич лишь недавно был назначен начальником ГУГШ и имел скорее академический, чем практический опыт работы в сфере военной администрации. Напротив, Данилов обладал колоссальным опытом планирования, ещё с 1908 г. занимая должность генерал-квартирмейстера ГУГШ. За исключением двух этих офицеров, ситуация оставалась неясной; назначение кандидатур на оставшиеся штабные должности при Ставке зависело от преобладавших организационных и политических настроений⁷⁷⁴.

К неясностям со штабными назначениями прибавлялись проблемы связи, носившие как практический, так и личный характер. Норман Стоун в своей недавней работе отмечал раскол, разделявший приверженцев великого князя и сторонников Сухомлинова. Стоун утверждает, что этот раскол проявлялся в командных и штабных назначениях вплоть до армейского уровня, и в результате в каждом штабе имелись представители обоих лагерей, для которых было проблематично налаживать связь друг с другом. Если дело действи-

⁷⁷³ Ibid., 103–104.

⁷⁷⁴ Stone, *The Eastern Front 1914–1917*, 51–52.

тельно обстояло так, то наличие враждующих группировок лишь усугубляло и без того почти катастрофическую картину со средствами связи: даже в мирное время русская армия почти не имела опыта пользования беспроводной связью, а в телеграфном оборудовании ощущался недостаток. Во 2-й армии Самсонова насчитывалось лишь 25 телефонов, несколько передатчиков Морзе и один-единственный медленный и ненадёжный телетайп Хьюза. В условиях наступательных операций ситуация со связью вряд ли могла улучшиться — только ухудшиться⁷⁷⁵.

Репетиции

Возможно, нигде разрыв между потенциалом мирного времени и реалиями военного времени не обнаруживался так явно, как в военных играх царской армии. В теории военные игры представляли собой ценный инструмент для связи мобилизационного планирования с оперативными концепциями. Они напоминали современные командно-штабные игры без войск: командиры и координирующие штабы собирались для проведения обширных упражнений на картах, цель которых состояла в том, чтобы по возможности проверить осуществимость планов и первоначальных операций в будущей войне. В свете постоянно изменявшегося статуса ГУТШ в 1906–1914 гг. вряд ли следовало ожидать, что русские военные игры будут проводиться сколько-нибудь тщательно и целенаправленно.

Б. В. Геруа, брат А. В. Геруа, вспоминал, что играм иногда предшествовали «полевые» поездки, во время которых офицеры Генерального штаба объезжали места потенциальных операций для того, чтобы ознакомиться с местностью и особенностями вероятных театров военных действий. Проходя службу в Киевском военном округе, Геруа участвовал в двух таких поездках — одной на Волынь и другой в Подольск. В своих мемуарах он описывает приятные впечатления от живописных мест, стереотипность проблем и полную бесполезность этих поездок. Напротив, по воспоминаниям А. Г. Винеке-на, при аналогичных французских учениях, проходивших под бдительным оком генерала Фердинанда Фоша, из их участников формировался костяк штабов, которым предстояло заниматься реальными операциями. День каждого офицера расписывался поминутно, а руководящие офицеры ставили участникам игр такие задачи, которые требовали точного расчёта времени и расстояния и «колоссальной подготовительной работы»⁷⁷⁶.

⁷⁷⁵ Ibid., 51, 58.

⁷⁷⁶ Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни. В 2 т. Париж, 1969–70. Т. I. С. 223–224.

Очевидно, Ф. Ф. Палицын надеялся учредить в военных округах игры по прусскому образцу, но влияние начальника ГУГШ не отличалось ни последовательностью, ни долговечностью. Ещё в 1907 г. Палицын объявил проведение крупных военных игр в Киевском военном округе, чтобы показать местным офицерам, «как это делается». Каждый окружной офицер генштабист был вынужден выучивать наизусть подробные сведения об австро-венгерской армии и её боевых порядках. После этого генерал-квартирмейстер округа — «великий инквизитор» — проверял знания офицеров с помощью телефонной будки в штабном центре связи, похожей на кабинку для исповедальни, задавая штабистам различные вопросы по секретным материалам. Когда прибыл Палицын, комната для проведения игры находилась в полной готовности — на столах были разложены карты, а офицеры разбились на группы, изображая несколько различных штабов. Однако как Палицын, так и Сухомлинов, новый командующий Киевским округом, были кавалеристами и придерживались твёрдых мнений об использовании кавалерии для разъездов, создания заслонов и разведки. Пока штабы прилежно производили сбор и дислокацию основных сил, два начальника потратили три дня упражнений, ностальгически проигрывая бесконечные кавалерийские сражения на первом этапе боевых действий. Когда время, отведённое на игры, подошло к концу, три четверти поставленных задач, включая передвижения и сражение основных сил, так и остались невыполненными. Геруа, подводя итог игры, сухо заметил: «Гора родила мышь». После отъезда Палицына киевский штаб вернулся к обычному распорядку⁷⁷⁷.

В качестве военного министра Сухомлинов поначалу добился немногим больше, чем Палицын. Весной 1911 г. Сухомлинов с позволения императора получил целое крыло Зимнего дворца для проведения игр, в которых участвовали командиры и штабы армий, выделенных для возможных действий против Германии и Австро-Венгрии. Одна из задач игр заключалась в проверке концепций будущей войны ввиду того, что «обстоятельные данные, имевшиеся у нас в Главном управлении Генерального штаба, давали возможность создать обстановку и образ вероятных действий наших противников с большой правдоподобностью относительно возможных, действительных военных операций иностранных армий»⁷⁷⁸. Другая цель сводилась к тому, чтобы выяснить, как командиры будут реагировать на реальные ситуации, с последующим намерением назначить тех, кто плохо себя проявит, на другие должности. Когда великий князь Николай Николаевич почувал, к чему могут привести эти учения, он был против «этой затеи», в которой «военный ми-

⁷⁷⁷ Там же. С. 225–227.

⁷⁷⁸ Сухомлинов В. А. Воспоминания. С. 236.

нистр хочет делать экзамен командующим войсками», и сумел убедить царя в последнюю минуту отменить игры. Таким образом, великий князь не только поставил под вопрос репутацию военного министра, но и поколебал веру царя в Сухомлинова. Разразился небольшой скандал, но Сухомлинов сумел спасти лицо, придумав формулировку, которая позволяла ему сохранить свой портфель: учения были заменены «совещанием», проводившимся с санкции императора⁷⁷⁹.

Учения 1914 г. стали более удачной вариацией на тему игр 1907 и 1911 гг. Хотя Геруа называет итоги учений, проводившихся 20–24 апреля 1914 г., «безрезультатными», они оказались многозначительными не только в отношении запланированного и достигнутого, но и в отношении того, что было упущено. С целью избежать «интриги» (т. е. вмешательства великого князя) Сухомлинов организовал проведение игр 1914 г. в Киеве. Они были основаны на предположении о том, что главными противниками в предстоящей войне будут Австро-Венгрия и Германия, и соответственно ход упражнений определялся Мобилизационным расписанием от 25 сентября 1913 г. Кроме того, предполагалось, что свой главный удар Германия нанесёт по Франции, оставив небольшие силы в Восточной Пруссии. Хотя русские не собирались категорически отвергать вероятность того, что основные силы Германии будут выставлены против России, в любом случае «главной целью действий являлся разгром Австро-Венгерской армии». Как бы ни сложилась ситуация, операциям против Австрии придавался основной характер, а операциям против Германии — вспомогательный, хотя русские признавали необходимость поддержать Францию, «дабы облегчить успех на западе»⁷⁸⁰.

Сравнивая наличествующие силы и время, русские делали вывод о том, что они сохраняют абсолютное превосходство в силах, хотя в том случае, если Германия сперва мобилизует своё войско против России, превосходство последней придётся обеспечивать, доставив дополнительные силы из внутренних областей, включая азиатскую Россию. Германия завершала свою мобилизацию на день М+13, а Австрия — на день М+16. К тому моменту Россия могла собрать лишь половину своих сил, а завершение мобилизации предполагалось только в день М+26, и то если не считать дальневосточных контингентов. Их учёт растягивал время, необходимое для мобилизации, с 26 до 41 дня. Даже без учёта сил из азиатской России царский Генеральный штаб понимал, что российская мобилизация отстает по меньшей мере на 13 дней от германской и на 10 дней от австро-венгерской⁷⁸¹.

⁷⁷⁹ Там же. С. 236–238; Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне. С. 101.

⁷⁸⁰ Суворов А. Н. Военная игра старших войсковых начальников в апреле 1914 года // Военно-исторический сборник. Вып. 1. 1919. С. 9–11.

⁷⁸¹ Там же. С. 12.

Игры 1914 г. предусматривали размещение сил на западной границе, в основном совпадающее с тем, каким оно оказалось в реальности. Мобилизация и сбор войск позволяли выставить 8 полевых армий; 1-я и 2-я входили в состав Северо-Западного фронта, которому предстояло вести действия против Восточной Пруссии, из 4-й, 5-й, 3-й и 8-й армий создавался Юго-Западный фронт, действовавший против Австро-Венгрии. 7-ю армию следовало сосредоточить в районе Бендер для возможных действий против Румынии, а 6-я армия прикрывала Санкт-Петербург и подходы к столице с моря.

Кроме того, в играх 1914 г. были задействованы многие ключевые деятели последующей кампании. Генерал Янушкевич играл роль начальника штаба, а генерал Данилов — генерал-квартирмейстера. Программа игр была разработана ГУГШ, подписана генералом Жилинским и одобрена военным министром генералом Сухомлиновым. Жилинский играл за командующего Северо-Западным фронтом, а командирами 1-й и 2-й армий у него оказались генерал-адъютант Ренненкампф и генерал Рауш фон Траубенберг соответственно. Юго-Западным фронтом командовал генерал-адъютант Иванов, а командирами армий у него были генерал Зальца (4-я), генерал Плеве (5-я), генерал Чурин (3-я) и генерал Рузский (8-я армия)⁷⁸².

Но наблюдались и серьёзные лакуны. В игре не принимали участия ни 6-я, ни 7-я армии. Что более существенно, не прорабатывались транспортные расписания и никак не были представлены тыловые службы, «дабы не усложнить игры»⁷⁸³.

Игра основывалась на предпосылке, что Франции и России придётся воевать с Тройственным союзом. Предполагалось, что Германия нанесёт основной удар по Франции, развернув в Восточной Пруссии только 10 регулярных и 11 резервных дивизий. Несмотря на неравенство сил на востоке, немцы по условиям игры производили отвлекающий удар в среднем течении Немана на фронте Гродно-Олита с целью сорвать мобилизацию и сосредоточение войск на российской территории, а также отвлечь внимание русского командования и русских сил от главного австрийского наступления в Галиции. Там, сосредоточив свои основные силы (40 пехотных дивизий и 10 кавалерийских дивизий), австрийцы должны были предпринять семью корпусами (21 дивизия) наступление против сил Киевского военного округа на фронте Седлец-Брест-Кобрин. «Первый ход» игры начинался в день М+10, на следующий день после того, как немцы могли начать наступление на севере: в этот критический момент русскому верховному командованию

⁷⁸² Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне. С. 101; Суворов А. Н. Военная игра... С. 14–15.

⁷⁸³ Цит. по: Суворов А. Н. Военная игра... С. 14–15; ср.: Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 47, прим. 1.

следовало решать, куда направить свои основные силы — против немцев или против австрийцев⁷⁸⁴.

Северо-Западный фронт захватил инициативу, предприняв в день М+12 атаку силами своих двух армий, прежде чем они завершили своё сосредоточение и прежде чем 2-я армия могла нанести эффективный удар по немецкому правому флангу. В отношении австрийцев командование Юго-Западного фронта посчитало, что его армии не смогут перейти в наступление ранее дня М+20 (8-я, 3-я и 5-я) и М+21 (4-я армия). Первые серьёзные сражения на севере произошли в день М+12 между германскими силами и 1-й армией, в то время как 2-я армия отставала на 2 дня, разворачивая свой главный корпус для нападения на германский тыл и правый фланг. Соответственно, «во втором ходе» командование Северо-Западного фронта замедлило наступление 1-й армии, чтобы 2-я армия могла скоординировать свою атаку с наступлением Ренненкампа на германский левый фланг⁷⁸⁵.

Перед началом третьего хода Северо-Западный фронт получил сведения о том, что британские экспедиционные силы высадились на материке с целью оказать поддержку французам, тем самым склонив баланс сил на западе в пользу союзников. Немцы ответили как на эту новость, так и на наступление 1-й и 2-й русских армий, начав отвод своих сил в Восточной Пруссии за реку Ангерапп. Постепенно отступая, они отправили три корпуса на запад для укрепления своих сил, наступающих во Франции. Весть об этом дошла до русских вечером гипотетического дня М+21. Северо-Западный фронт, реагируя на неё, предпринял энергичное наступление на оба германских фланга к северу и западу от Мазурских озёр. Одновременно с тем верховное командование без малейших колебаний отправило один русский корпус с Северо-Западного фронта на Юго-Западный фронт, где развернулись жаркие бои и быстро приближалось время нанести австрийцам решающий удар⁷⁸⁶.

Юго-Западный фронт использовал свою очередь хода в день М+19 для того, чтобы на день раньше начать наступление 4-й армии на юг с целью ослабить возрастающий австрийский нажим на 3-ю и 8-ю армии. В день М+21 наконец началось запланированное наступление 8-й армии, имеющее целью ослабить давление на 3-ю армию, чьё положение после этого стало «вполне удовлетворительным». Одновременно с тем 5-я армия приготовилась к совместным действиям с 4-й армией, которые выражались в ударе во фланг главным наступающим силам австрийцев. В этот момент, когда приближался третий ход Юго-Западного фронта, игру из-за нехватки времени пришлось прекратить, и последствия охватывающего манёвра против левого крыла ав-

⁷⁸⁴ Суворов А. Н. Воснная игра... С. 15–16.

⁷⁸⁵ Меликов В. А. Проблема стратегического развёртывания... С. 275–276.

⁷⁸⁶ Там же. С. 277.

стрийцев остались неизвестными. Однако было очевидно, что четыре дополнительных корпуса, которые должны были прибыть на фронт в день М+25, обеспечивают русским превосходство над австрийцами в шесть с половиной дивизий — эта ситуация оценивалась как достаточно благоприятная для того, чтобы гарантировать успех русского наступления⁷⁸⁷.

Какие уроки почерпнули русские из этой игры? На официальном уровне — немногие, если расценивать доклад Сухомлинова от 22 мая 1914 г. как официальное заявление Военного министерства. Содержание этого доклада в основном сводится к пересказу хода игры при почти полном отсутствии критических замечаний. Представление о «выученных уроках» можно получить из иных источников — таких, как разрозненные комментарии и донесения участников игр. Как уже после войны отмечал А. Н. Суворов, «красной нитью», проходившей почти через все эти отзывы, был призыв не спешить с наступлением, завершить сосредоточение, наладить снабжение и только тогда идти вперёд. Генерал Иванов, впоследствии командовавший Юго-Западным фронтом, указывал, что австрийцы могут провести мобилизацию быстрее русских, и для того, чтобы одержать над ними решительную победу, русские сперва должны привести свои силы в порядок, и лишь затем переходить в наступление, «ибо необходимо избегать частных неудач, влияющих на настроение войск и страны». Генерал В. И. Драгомиров, в ходе игры исполнявший роль командующего 3-й армии, в тон Иванову утверждал, что необходимой предпосылкой для проведения сколько-нибудь глубоких серьёзных операций в Галиции является накопление значительных боеприпасов. В связи с этим Суворов сухо отмечал, что «вопросы тыла были, по-видимому, забыты»⁷⁸⁸.

Кроме того, генерал Драгомиров высказывал серьёзные сомнения в достаточности объёмов боеприпасов и темпов их замены. Хотя русско-японская война, по видимости, подтверждала доводы тех, кто полагал, что 300–400 снарядов на полевое орудие будет достаточно, Драгомиров считал, что «количество также едва достаточное для тех же боев (первых серьёзных), после чего армейские склады иссякнут». Того же мнения он придерживался и относительно восполнения живой силы, задаваясь вопросом, почему общепринятая доля погибших в бою принята равной «норме средней убыли в 3%, тогда как ожидается убыль до 15–20%?». Естественно, он приходил к выводу, что принятый уровень восполнения в 5% чересчур мал. Этот вопрос, наряду со злободневными проблемами тыловых служб, приводил к серьёзным сомнениям о способности страны выдержать не только продолжительную

⁷⁸⁷ Суворов А. Н. Военная игра... С. 18–19.

⁷⁸⁸ Там же. С. 20–21.

войну, но даже недолгую войну с глубокими передвижениями и манёврами, имеющими целью достижение решающего результата⁷⁸⁹.

Навязчивая идея поспешного наступления также поднимала серьёзный вопрос о способности русского командования обеспечить достаточную массовость для нанесения решительного удара. Ренненкампф, судя по всему, находил полученный его 1-й армией приказ начинать наступление до завершения сосредоточения «вряд ли правильно». Поспешное наступление обрекало его армию на переход через Неман и сражение с тремя германскими корпусами в то время, как его собственные III и IV корпуса имели в своём составе лишь три с четвертью дивизии! Та же проблема незавершённого сосредоточения приводила к тому, что 2-й армии пришлось бы наступать до того, как в её распоряжении окажутся все положенные по штату кавалерийские части армейского уровня, которым предстояло выполнять роль глаз армии при её движении по вражеской территории⁷⁹⁰.

Важнейший вопрос, который, по-видимому, так и не поставил никто из комментаторов, был связан с оперативным направлением. Несмотря на идею Алексеева, получившую всеобщее признание с 1908 г., об отдельных фронтах, преследующих общие цели, проблемам координирования действий фронтов и армий никто так и не придавал серьёзного внимания. В частности, источником неподдельной тревоги должен был стать физический разрыв между 1-й и 2-й армиями, вызванный географическими условиями и различной скоростью сосредоточения и наступления. Если не последствия, то затруднения, присущие такой ситуации, со всей ясностью проявились в апрельской игре 1914 г. Менее очевидной — из-за отсутствия реальных манёвров армейского уровня — была способность армейских командиров контролировать и координировать действия командиров своих корпусов. За исключением обеспокоенности теоретиков, нет никаких признаков того, что вопросам оперативного уровня, поднимавшимся семью годами ранее полковником А. В. Геруа, уделялось внимание не только на бумаге. В войсковых упражнениях участвовали части размером до корпуса. В упражнениях на картах учитывались фронты и армии, никакой же связи между тем и другим не имелось. Вследствие этого офицеры (за исключением тех, кто воевал на Дальнем Востоке) не имели ни реального, ни косвенного опыта командования формированиями на уровне корпуса и армии. Неудивительно, что, когда генерал Самсонов в августе 1914 г. столкнулся с серьёзными проблемами, он последовал своему инстинкту командира, бросив командный пункт и поспешив на звук орудий.

⁷⁸⁹ Там же. С. 22.

⁷⁹⁰ Там же. С. 21.

Снабжение

Современные обозреватели рассматривают неспособность русской армии справиться с проблемами снабжения как ещё один симптом смертельной болезни, порождённой продажностью и некомпетентностью и неизбежно ведущей к катастрофе, тупику и скандалу. В реальности дело обстояло сложнее. По сути, русские выучили уроки 1904–1905 гг. и вынесли из них здравые, как им казалось, схемы снабжения и структурные вычисления на случай недолгой современной манёвренной войны. Во многих отношениях им сослужило дурную пользу именно элементарное понимание боевого опыта.

Несмотря на опасения и прогнозы таких теоретиков, как Михневич, за материальной подготовкой Российской империи к будущему европейскому конфликту стояла установка на скоротечную войну. Пророки быстрой войны утверждали, что Россия сможет воевать, опираясь на запасы, заранее накопленные в мирное время. И действительно, начальник Главного артиллерийского управления, давая показания во время проводившихся в мае 1915 г. слушаний по поводу нехватки боеприпасов, утверждал, что «предыдущие войны, давали наглядное доказательство тому, что армия обходилась тем запасом боевых припасов, который существовал в мирное время. Все заказанное с объявлением войны обыкновенно поспевало только после её окончания и служило для пополнения израсходованных запасов...»⁷⁹¹.

Когда европейская война разразилась, ориентация на прецедент создала две серьёзных проблемы материального и структурного характера. Опираясь на опыт 1904–1905 гг., русские специалисты в области артиллерии вычислили, что 1 000 снарядов на орудие хватит для любой европейской войны. Эта цифра в реальности превышала уровень расхода снарядов в Маньчжурии более чем на 300 снарядов на орудие, и большинство планировщиков считали, что таким образом будет создан значительный резерв на случай чрезмерного использования. На аналогичных предпосылках основывался и расчёт необходимого количества полевых орудий, пулемётов и ручного оружия⁷⁹². Напротив, значительная нехватка, вызванная бюджетными ограничениями, наблюдалась в области боеприпасов к ручному оружию: недостаток средств вынудил Мобилизационный комитет ГУГШ сократить свои запросы примерно на 500 млн патронов. В результате русская армия вступала в Первую мировую войну, имея лишь 2,5 млрд патронов к ручному оружию⁷⁹³. Хотя частичное сохранение польских крепостей вносило дополнительные искажения в картину и привело к ряду сознательных ограничений в области снабжения, русских

⁷⁹¹ Цит. по: Ростунов И. И. Русский фронт... С. 103.

⁷⁹² Боевое снабжение русской армии... Ч. 3. С. 5–12.

⁷⁹³ Там же. С. 105–107.

не слишком беспокоил возможный дефицит боеприпасов. Так, Дэвид Р. Джонс недавно отмечал: «Если и наблюдалась нехватка наличных запасов по сравнению с объёмами, считавшимися необходимыми в 1914 г., так только минимальная»⁷⁹⁴. Проблема была в том, что реальные сражения выявили безнадёжную ошибочность этих предвоенных расчётов.

Менее очевидным, но, возможно, более пагубным в краткосрочном плане был структурный аспект снабжения. Дальневосточный опыт вынудил русских разработать изощрённую структуру снабжения, которая обслуживала фронтовые части по иерархической цепочке, включавшей дивизионной, корпусной, армейский и фронтовой уровни. В лучших куропаткинских традициях армейские корпуса предполагалось соединять сетью дорог и полевых узкоколеек с крупным железнодорожным терминалом на фронтовом уровне⁷⁹⁵. За такой организацией стояла идея о том, что в ходе первоначального развёртывания и первых операций эти сети будут удовлетворять потребности частей в живой силе, продовольствии, боеприпасах и амуниции. Такая чётко расписанная структура отличалась двумя серьёзными недостатками: негибкостью и ограниченными объёмами снабжения. Она не позволяла быстро переключать снабжение с одного направления на другое в соответствии со стремлением командования развивать оперативный и тактический успех. Поэтому части, наступающие в областях со слабо развитой транспортной сетью, быстро оказались бы без поддержки со стороны служб снабжения, после чего наступление следовало останавливать и дожидаться, когда вся сеть снабжения будет перенесена вслед за армией и налажена заново.

Второе затруднение было связано с ограничениями, присущими тыловым службам. Каждый эшелон снабжения опирался на свои непосредственные тыловые службы, но эта система работала только в географических рамках фронта (трансформированного военного округа), за пределами которого не имелось полностью интегрированной структуры, позволявшей использовать ресурсы империи как целого. В результате при израсходовании каждым военным округом своих запасов возникал дефицит ресурсов, преодолеть который можно было лишь на основе национальной экономики, для мобилизации которой, в свою очередь, также требовалось время. До налаживания связей между различными фронтами и Ставкой линия снабжения переставала работать. В случае России это произошло очень быстро, чем объясняются причины русского мобилизационного кризиса 1915 г.⁷⁹⁶

⁷⁹⁴ Jones, *Imperial Russia's Armed Forces at War*, 40–41; см. также 35–39, 42–44.

⁷⁹⁵ См., например: Great Britain War Office, General Staff, *Handbook of the Russian Army*, 6th ed., 36; *Die Russische Armee*, 62–63.

⁷⁹⁶ Jones, *Imperial Russia's Armed Forces at War*, 114–118; общий обзор см.: Барский Б. Е. Организация и управление тылом. М.–Л., 1926. Гл. 5.

Таким образом, вина за неадекватное снабжение лежала не столько на тех, кто прогнозировал скоротечную войну, сколько на тех, кто не сумел создать достаточно гибкую систему по обслуживанию манёвренной войны, которая легла непомерной нагрузкой на уже имевшуюся инфраструктуру. Проблема была в том, что маньчжурский опыт следовало понимать в его полном контексте — не как железный прецедент, а всего лишь как представление о том, что может произойти на будущей войне. В этом отношении эволюция норм и показателей, основанных на боевом опыте, давала русским военным планировщикам недостаточно данных для того, чтобы прогнозировать потребности снабжения в совершенно ином тактическом и оперативном окружении⁷⁹⁷.

Полевые уставы и тактика

Несмотря на идейные поиски в период после 1905 г. — а может быть, из-за них — Военное министерство Российской империи так и не сумело составить новый полевой устав (ПУ) вплоть до 27 апреля 1912 г. Когда специальная комиссия генерала Н. В. Рузского наконец издала этот устав, он стал кульминацией сложного процесса, включавшего обширные дискуссии как в открытой военной печати, так и за закрытыми дверями. В противоположность уставу 1904 г., ПУ-1912 более ясно и ближе к делу излагал суть и был не так сильно перегружен подробностями. Он включал в себя пять разделов («отделов»): руководство (I. Управление войсками), разведка (II. Разведывание), устройство лагеря (III. Отдых и его охранение), полевые передвижения (IV. Походное движение и его охранение) и ведение общевойскового сражения (V. Действия в бою частей (отрядов) из всех родов войск). В соответствии с преобладавшими идеями о единстве мысли и действия авторы нового устава утверждали, что успех на войне зависит как от чёткой постановки задач, так и от организации общих усилий по их достижению. В свою очередь, успех боевых действий зависит от взаимной поддержки всех родов войск. Как и в прежнем уставе, в уставе 1912 г. сохранялось принципиальное убеждение в том, что наступление является основным средством добиться решительного результата на войне. Сохраняя верность принципу личной инициативы, устав обеспечивал лишь общее руководство, оставляя командирам большую свободу действий при выборе средств. Кроме того, возможно, под нажимом со стороны

⁷⁹⁷ См., например, следующие новаторские исследования: *Волоцкий Н.* Теория вероятностей и боевое снабжение артиллерии // *Военный сборник*. № 2. Февраль 1904. С. 139–152; № 3. Март 1904. С. 135–144; Он же. Теория вероятностей и боевое снабжение патронами // *Военный сборник*. № 11. Ноябрь 1904. С. 81–100.

защитников культурной самобытности, авторы доктрины старательно избегали иностранной военной терминологии, заменяя русскими словами даже давние заимствования, постепенно вошедшие в русский язык⁷⁹⁸.

В первых трёх разделах ПУ-1912 исправлялись многие недостатки, очевидные в варианте 1904 г. Например, обширный раздел устава 1912 г. был посвящён разведке, причём внимание уделялось как основным понятиям, так и более сложным вопросам, включая поддержание постоянной связи между дозорными пехотными частями и конными разведчиками. В разделе об устройстве лагеря вопросы полевого расквартирования войск освещались не только в перспективе передвижения и предстоящего сражения, но и с точки зрения борьбы с новыми угрозами — такими, как очевидная возможность воздушной разведки. В уставе 1912 г. также призывалось уделять внимание охраняемым мероприятиям на всю глубину и ширину построения при наличии надёжной связи между различными сторожевыми постами и подразделениями. Возможно, вследствие возросшей вероятности полевых сражений, в разделе о походе движении подчёркивалось значение быстроты развёртывания из походного в боевой строй. Вообще в ПУ-1912 достаточно подробно описывались построения, пригодные для марша к полю сражения⁷⁹⁹.

Самое заметное место в новом уставе занимал раздел «Действия в бою частей (отрядов) из всех родов войск». В соответствии с традицией ПУ-1912 признавал лишь два типа боя — наступательный и оборонительный, хотя значительное внимание в уставе уделялось такой разновидности наступательного боя, как встречный бой, который едва удостоился мимолётного упоминания в уставе 1904 г. Основной упор, естественно, делался на наступательном бое: «Самым действительным средством для поражения неприятеля служит нападение на него». Единственный способ разбить врага — нанести ему мощный удар в жизненно важной точке. Для этого атакующему или защитнику следовало быть сильнее врага на направлении решительного удара и во время его нанесения. Предпочтительным методом проведения атаки называлось сочетание ударов с фронта и с одного или обоих флангов⁸⁰⁰.

Как в наступлении, так и в обороне ПУ-1912 требовал от командиров принимать во внимание свойства современного огня и соответственно разрабатывать схемы марш-манёвров, учитывая имеющиеся средства огневой поддержки, в том числе пулемёты, гаубицы и тяжёлую полевую артиллерию.

⁷⁹⁸ Бескровный Л. Г. Очерки по источниковедению военной истории России. С. 360, 362.

⁷⁹⁹ Там же. С. 361.

⁸⁰⁰ Устав полевой службы. Высочайше утверждён 27 Апреля 1912 г. М., 1916. С. 93 (цит. ст. 424. — *Прим. ред.*); а также с. 104–105 (подраздел «V. Маневрирование войск в бою». — *Прим. ред.*); см. также комментарии: *Строков А. А.* Вооружённые силы и военное искусство в первой мировой войне. М., 1974. С. 156–157.

Новшеством по сравнению с 1904 г. был акцент на первостепенное значение огневой мощи: огонь не только расчищал путь для штыковой атаки, но отныне создавал и саму возможность сближения с врагом для её проведения. Стандартная пехотная атака теперь включала в себя как движение в сторону врага, так и огонь со стрелковых позиций. В ПУ-1912 утверждалось, что «чем скрытнее и быстрее будет переход от одной позиции к другой, тем меньше она [пехота. — Б. М.] понесёт потерь и добьётся лучших результатов своим огнём, благодаря внезапности открытия его с новых позиций». Наступая в составе различных элементов на разных этапах, пехотинцы должны передвигаться так, чтобы «цели для противника были не велики», а для этого от них требовалось «появляться ему [противнику. — Б. М.] лишь на короткое время». При необходимости вблизи от врага пехотинцам следовало передвигаться ползком⁸⁰¹.

Наступательный бой теперь разделялся на четыре этапа: сближение, наступление, атаку («решительный удар») и преследование. Во время сближения войска выстраивались в предбоевое построение, имевшее форму колонны с дозорными отрядами по флангам и с разведывательными группами впереди⁸⁰². Разумно признавая разрушительную мощь артиллерии, ПУ-1912 требовал, чтобы на расстоянии в 3–5 км от врага войска перестраивались в более мелкие колонны одновременно с тем, как командиры разработают общие планы атаки, наметят цели и отдадут приказы. На дистанциях эффективного винтовочного и пулемётного огня (1–1,5 км) низшие командиры под прикрытием авангарда выстраивали свои части в боевой порядок. Предписываемая ширина фронта во время наступления составляла примерно полкилометра для батальона, километр для полка, два километра для бригады, три для дивизии и до пяти-шести для корпуса. Устав рекомендовал, чтобы ещё на этапе сближения артиллерия была выдвинута как можно дальше вперёд для подавления вражеского оборонительного огня. На этой стадии главная задача артиллерии состояла в достижении превосходства над вражеской артиллерией⁸⁰³.

Фаза наступления начиналась тогда, когда пехота занимала первый огневой рубеж, с которого ей предстояло идти вперёд при поддержке своего собственного винтовочного и вспомогательного артиллерийского огня. Самой

⁸⁰¹ Устав полевой службы 1912 г. С. 108–109 (подраздел «VI. Наступательный бой», цит. ст. 494. — *Прим. ред.*); Корсун Н. Г., Харкевич П. Х. Тактика русской армии в первую мировую войну 1914–1918 гг. С. 272.

⁸⁰² Устав полевой службы 1912 г. С. 106–110 (подраздел «VI. Наступательный бой», цит. ст. 496. — *Прим. ред.*); дополнительные подробности см.: Christopher Bellamy, «Seventy Years On: Similarities between the Modern Soviet Army and Its Tsarist Predecessor», *RUSI*, 124, no. 3 (September 1979), 29–30 и David R. Jones, «Advanced Guard (Avangard)», *The Military-Naval Encyclopedia of Russia and the Soviet Union*, IV, 123–130.

⁸⁰³ Устав полевой службы 1912 г. С. 109. Корсун Н. Г., Харкевич П. Х. Тактика русской армии в первую мировую войну 1914–1918 гг. С. 270.

предпочтительной формой наступления было передвижение в стрелковых цепях при интервале между отдельными бойцами от 2 до 10 шагов. Используя сочетание огня и движения, мелкие части и отдельные бойцы наступали перебежками, прикрывая друг друга и обеспечивая общее наступление. Насколько возможно, артиллерии следовало поддерживать пехоту, в течение всего наступления подавляя вражеский огонь. Когда пехотинцы достигали внешних пределов сплошной обороны противника (примерно 150 м от врага), они занимали последний огневой рубеж и ожидали подкреплений из ротных и батальонных резервов, при этом не прекращая вести винтовочный огонь по вражеской обороне.

Атака начиналась в тот момент, когда оборона выглядела в максимально возможной степени подавленной винтовочным, пулемётным и артиллерийским огнём со стороны наступающих. Когда пехота поднималась в атаку, артиллерия либо переносила, либо прекращала огонь, чтобы избежать попаданий по своим — если только отдельные батареи и орудия не были выдвинуты достаточно далеко вперёд, чтобы поддерживать атаку прямым огнём. Устав требовал, чтобы атака производилась настолько решительно и энергично, насколько возможно. Для этого атакующим следовало стремительным ударом с последнего огневого рубежа ворваться на вражеские позиции и схватиться с врагом врукопашную. Тем временем кавалерии предписывалось по возможности атаковать противника с тыла и флангов. После успешной атаки нападающие предпринимали преследование, уничтожая противника штыком и огнём до тех пор, пока необходимость сплочения рядов не вынуждала их прервать наступление. После этого основная роль в преследовании переходила к кавалерии⁸⁰⁴.

И хотя основной акцент делался на наступлении, устав 1912 г. также приписывал большое значение обороне, которая могла стать преобладающей формой сражения в том случае, если «цель не может быть достигнута наступлением». Отталкиваясь от опыта 1904–1905 гг., авторы устава требовали, чтобы оборона носила «активный характер» и что логически она должна считаться прелюдией к наступательным действиям: «Обороняясь, надо стремиться всеми способами и средствами разстроить неприятеля огнём и подорвав его нравственные силы, перейти в наступление и разбить его». В ПУ-1912 обороняющимся предписывалось строить окопы и оборудовать укрепленные позиции («опорные пункты»), состоящие из отдельных укреплений, прикрытых препятствиями и перекрёстным огнём⁸⁰⁵.

⁸⁰⁴ Устав полевой службы 1912 г. С. 110; Русская военная мысль... С. 121–122.

⁸⁰⁵ Устав полевой службы 1912 г. М. 1916. С. 113–116 (подраздел «VIII. Оборонительный бой», цит. ст. 514. — *Прим. ред.*); Корсун Н. Г., Харкевич П. Х. Тактика русской армии в первую мировую войну 1914–1918 гг. С. 270–271.

Хотя ПУ-1912 представлял собой шаг вперёд в русской военной доктрине, ему был присущ и ряд недостатков. Так, в нем не предлагалось окапываться в поле при штурме укрепленных позиций. Возможно, из-за проблем, связанных с управлением огнём, устав не требовал от артиллерии подавлять противника непосредственно во время атаки. По иронии судьбы, это означало, что русские, которые прежде недооценивали роль стрелкового огня в своей наступательной доктрине, теперь переоценивали его способность подавлять вражескую оборону во время самой критической фазы наступления без существенной поддержки артиллерии. Кроме того, по-видимому, вследствие того что авторы доктрины считали некоторые условия сражений в Маньчжурии уникальными, в ПУ-1912 ничего не говорилось о том, что в будущих сражениях защитники могут быть вынуждены либо атаковать, либо создавать обширные и взаимосвязанные системы непрерывных траншей и полевых укреплений.

Несмотря на эти и другие недостатки, ПУ-1912 являлся заметным достижением в попытке увязать недавний боевой опыт с текущей практикой, процессами, процедурами и структурой армии. В уставе отражалось значительно улучшившееся — хотя по-прежнему несовершенное — понимание той роли, которую огнестрельное оружие играло в современном бою. В своих требованиях, предъявлявшихся к фазе сближения с противником, новая доктрина представляла собой важную отправную точку для дальнейшего развития теории и практики встречного сражения. Вероятно, именно появление ПУ-1912 способствовало установке на решительность и манёвр, которая, согласно военному историку А. М. Зайончковскому, преобладала в мелких предвоенных формированиях⁸⁰⁶. Так, несмотря на то что устав оставлял нерешёнными многие вопросы командования и управления войсками на поле боя, коллектив авторов под началом генерала Рузского верно оценивал значение личной инициативы как ключевого компонента, необходимого для решения современных вызовов, связанных со временем, расстоянием и децентрализованным выполнением задач⁸⁰⁷.

Пехотная тактика

В качестве дополнения к ПУ-1912 Военное министерство издало отдельное «Наставление для действий пехоты в бою», утверждённое 27 февраля 1914 г. В нём признавалось: «Главная роль в бою принадлежит пехоте; прочие роды

⁸⁰⁶ Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918. С. 22.

⁸⁰⁷ Строчков А. А. Вооружённые силы и военное искусство в первой мировой войне. С. 163.

войск должны всеми мерами содействовать ей в достижении боевых целей и самоотверженно выручать её в трудную минуту». Новое Наставление, развивая понятия, изложенные в ПУ-1912, таким образом описывало взаимоотношения между огнём, манёвром и ударным воздействием: «Сила пехоты в бою заключается в ружейном и пулемётном огне с решительным движением вперёд и в штыковом ударе»⁸⁰⁸. В число важнейших переменных, учитываемых при пехотной атаке, входили условия местности и вражеское сопротивление — в соответствии с ними командир избирал такое построение, которое не только сводило к минимуму потери от огня и наилучшим образом отвечало рельефу местности, но и было бы управляемым, гибким и обеспечивало достаточную плотность огня. На дистанции ружейного огня этим требованиям наиболее соответствовали разомкнутые стрелковые построения. За ними наступали в более плотном строю развёрнутые резервы; в соответствии с обстоятельствами от них также требовалась достаточная гибкость, чтобы перестраиваться в различные разомкнутые стрелковые построения с целью снижения потерь и обеспечения наступления⁸⁰⁹.

Основными проблемами оставались управление и обеспечение массовости. Даже взвод, развёрнутый в стрелковую цепь, имел ширину фронта в сотню шагов и больше, что налагало дополнительную ответственность на командиров взводов и отделений и лишний раз подчёркивало необходимость проявления инициативы и самостоятельности со стороны нижних чинов. На уровнях взвода и роты важнейшими средствами связи являлись голосовые команды, флажки и сигналы жестами. И хотя разомкнутые построения снижали уязвимость и создавали новые возможности по огневой поддержке атаки, одновременно они существенно снижали возможность достижения либо физической, либо огневой массовости, необходимой для проведения решительной штыковой атаки. Так в иных обстоятельствах вновь проявилась классическая дилемма, преследовавшая пехоту с момента перехода на усовершенствованное оружие в середине XIX века: как обеспечить своевременное сосредоточение в ситуации, когда необходимость выживания требовала рассредоточиться.

Пытаясь решить эту дилемму, некоторые русские тактики-новаторы выдвигали новые идеи. Менее решительные призывали уделять больше внимания плотности стрелкового огня со стороны нападающих в надежде на то, что пехота в одиночку сумеет подавить вражескую оборону и тем самым обеспечить успех наступления. Другие связывали свои надежды с новаторским использованием существующего оружия. Например, М. Д. Бонч-Бруе-

⁸⁰⁸ Наставление для действий пехоты в бою. СПб., 1914. С. 5 (раздел «Общие указания», цит. ст. 1, 2. — *Прим. ред.*).

⁸⁰⁹ Там же. С. 11–13 (раздел «Общие указания». — *Прим. ред.*).

вич и А. А. Бунявский усматривали необходимость в усилении огневой мощи и рекомендовали командирам в некоторых обстоятельствах перемещать тяжёлые пулемёты вперёд, используя стрельбу очередями для подавления обороны⁸¹⁰. Однако, поскольку в штатном расписании пехоты на полк выделялось всего восемь пулемётов, возможность их использования для поддержки наступающих частей на ротном и взводном уровнях оставалась в лучшем случае проблематичной. Более того, один лишь вес и размер тяжёлых пулемётов — даже после их модификации в 1910 г. — делал сомнительной их способность сопровождать пехотинцев на всех этапах наступления. Другой ответ заключался в передовом развёртывании полевой артиллерии и своевременном задействовании её огневой мощи в наступлении, особенно во время атаки, но с этой задачей могли справиться лишь более опытные артиллеристы, умеющие координировать свои действия с пехотой⁸¹¹.

Между тем давний пехотный опыт диктовал такое использование традиционных ресурсов, которое обещало по крайней мере частичные преимущества. Командиры избирали для своей наступающей пехоты боевые построения, соответствующие задаче, разделяя их на две функциональные части. Каждая должна была осуществлять манёвр, доводя его выполнение до максимально возможного предела, но задача первой части в первую очередь сводилась к огневой поддержке наступления, а вторая была призвана восполнять потери, понесённые первой частью, а затем, соединившись с её остатками, перейти в решающую штыковую атаку. Как и до 1905 г., первая часть называлась боевой, а вторая считалась резервом⁸¹². Таким образом, функциональное понимание резерва оставалось ограниченным; вместо того, чтобы играть роль силы, пригодной для исполнения задач по усмотрению командира, миссия резерва обычно сводилась к обеспечению массовости при непосредственной атаке.

Такое разделёние функций в рамках боевого построения было характерно для всех уровней организации пехотных войск в наступлении, начиная от роты и заканчивая дивизией. В соответствии с Наставлением, боевое построение роты состояло из взводов, развёрнутых в стрелковую цепь, и ротного резерва, на батальонном уровне — из ротной стрелковой цепи и батальонного резерва, и так далее, вплоть до бригады и дивизии, командир которой обладал большей свободой действий, чем его подчинённые, и имел больше активов при назначении и расчёте состава сил, входивших в общее боевое построение⁸¹³.

⁸¹⁰ Бонч-Бруевич М. Бой. Киев. 1909. С. 76–79.

⁸¹¹ Great Britain War Office, General Staff, *Handbook of the Russian Army*, 6th ed., 137.

⁸¹² Наставление для действий пехоты в бою. С. 5–6, 40–43 (раздел «V. Действия роты», подраздел «Наступление роты». — *Прим. ред.*).

⁸¹³ Строчков А. А. Вооружённые силы и военное искусство в первой мировой войне. С. 160–161.

В свете опыта 1904–1905 гг. интересно отметить, что пехотное Наставление 1914 г. почти не уделяло внимания вопросам разведки и манёвра. Хотя в наставлении затрагивалась тема развёртывания конных и пеших разведчиков, в нём не имелось специального раздела об использовании полковой разведки, что являлось курьёзным недосмотром, если учесть значение такой разведки в Маньчжурии. Впрочем, в Наставлении содержался раздел, посвящённый манёвру, который определялся как «поставить пехотную часть в наивыгоднейшее положение для достижения указанной цели». Манёвр, исполнявшийся в точно выбранный момент и в соответствии с погодными условиями, включал в себя правильное использование движения, скорости и рельефа местности, причём не следовало забывать и о «скрытности» маневрирования. Наставление требовало от командира добиваться верного сочетания фронтального и охватывающего движений, которое бы помогало добиться перевеса над противником⁸¹⁴.

В соответствии с прецедентом, установленным в ПУ-1912, огневой мощи придавалось большее значение, чем в предыдущих Наставлениях. «Поражение неприятеля достигается сочетанием ружейного и пулемётного», — подчёркивалось в Наставлении 1914 г. В противоположность более ранним предписаниям, индивидуальный огонь объявлялся более желательным, чем залповый, и обстоятельства, при которых предпочтение следовало отдавать последнему, были весьма немногочисленными. Далее следовало подробное описание того, в каких условиях винтовочный огонь будет наиболее эффективным. В свою очередь, «пулемётный огонь производит подавляющее нравственное впечатление на неприятеля, вследствие наносимых им в короткое время больших потерь». Использование пулемётов считалось наиболее эффективным на дистанциях в километр и менее, при стрельбе с флангов или при наличии элемента внезапности. Применять их следовало, имея в виду возможность быстрой перемены позиции и уделяя внимание тому, чтобы огонь пулемётов не мешал присутствию своих войск. Пулемёты могли как находиться в подчинении у командира полка, так и придаваться батальонам, а в некоторых случаях батальонные командиры могли использовать их для поддержки отдельных рот⁸¹⁵. Расход боеприпасов при ведении ружейного и пулемётного огня создавал проблемы учёта, ответственности и восполнения их, которым в наставлении было посвящено несколько страниц с описанием процедур и способов экономии патронов и их пополнения в районе боевых действий⁸¹⁶.

⁸¹⁴ Наставление для действий пехоты в бою. С. 22–24 (подраздел «Маневрирование пехоты в бою», цит. ст. 45, 47. — *Прим. ред.*).

⁸¹⁵ Там же. С. 24–29 (раздел «III. Огонь пехоты», цит. ст. 52, 53, 62. — *Прим. ред.*).

⁸¹⁶ Там же. С. 33–35 (подраздел «Питание патронами в бою», — *Прим. ред.*); основным механизмом снабжения являлось использование двух- и четырёхколесных повозок («двуколок»), связывающих артиллерийские парки с частями на передовой.

Большой раздел Наставления посвящался штыковой атаке, причём в первую очередь давалось определение атаки (решающей фазы наступления) как «движение для нанесения удара в штыки». Отмечалось, что атаку следует начинать в тот момент, когда в соответствии с «целью действий», обстановкой и достигнутыми результатами настанет время нанести штыковой удар или когда станет ясно, что нападающие имеют явный моральный перевес, который может выражаться в замешательстве обороняющихся, расстройстве их линий и ослаблении огня. Наставление требовало, чтобы атака была «быстра, решительна и стихийна как ураган». Наступающая пехота должна использовать не только штык, но и винтовочный и пулемётный огонь, а также забрасывать врага гранатами⁸¹⁷. Последнее предписание, вероятно, являлось следствием скорее благих пожеланий, нежели реальности, так как пехота вплоть до Первой мировой войны не снабжалась ручными гранатами на регулярной основе. Кроме того, Наставление призывало к полному уничтожению вражеских формирований, чтобы они не могли оправиться и возобновить сражение. В противоположность предписаниям для предшествующей фазы наступления, Наставление не предусматривало сопровождение атаки артиллерийским огнём.

В пехотном Наставлении также рассматривались такие темы, как отход в непосредственной близости от врага, отражение кавалерийской атаки, ночные сражения с использованием прожекторов. Отход мог производиться либо в случае неудачной атаки, либо в ситуации, когда сохранение тесного контакта с врагом считалось излишним. Отход осуществлялся поэтапно, в идеале при наличии чёткого представления о ситуации на стороне врага, а также о задачах, поставленных своим частям, и их диспозициях. В случае конной атаки пехотинцы должны были сохранять твёрдую веру «в силу своего огня и штыка» и осознавать, что «пока он остаётся лицом к всаднику и не растерялся, кавалерист ему не опасен». Смысл состоял в том, чтобы избежать резких перестроений, так как «расстроенная пехота — лёгкая добыча для конницы», надо оставаться на позиции и вести максимально плотный огонь по атакующей кавалерии. В идеале пехотным формированиям, отражающим кавалерийский натиск, следовало оказывать содействие фланговым пулемётным огнём соседних частей⁸¹⁸.

В некоторых случаях наилучшим способом проведения пехотной атаки, обеспечивающим снижение потерь от вражеского огня, могла оказаться ночная атака. Однако «План ночных действий должен быть прост и исполнение его тщательно подготовлено». Развёртывание при этом должно происхо-

⁸¹⁷ Там же. С. 36–37 (раздел «IV. Штыковая атака», цит. ст. 82, 86. — *Прим. ред.*).

⁸¹⁸ Там же. С. 64–66 (раздел «IX. Встреча атаки конницы», цит. ст. 180, 183. — *Прим. ред.*).

дить в непосредственной близости от врага и в условиях «полной тишины». Ведение огня во время ночной атаки не допускалось, «при приближении к неприятелю, дело должно быть кончено штыковым ударом». Русской пехоте лишь в обороне разрешалось отражать ночную атаку как штыками, так и стрелковым огнём. Прожекторы доказали свою пользу и в атаке, и в обороне, однако Наставление подчёркивало, что искусственное освещение нередко создаёт обманчивое представление о расстояниях, а цели при нём видны «рельефно» и «изменённо». Проводя атаку в условиях кратковременного или временного освещения, командиры должны использовать неглубокие построения, в то же время добиваясь непрерывного движения до тех пор, пока атакующие бойцы не покажутся силуэтами непосредственно в лучах прожектора. В условиях общего освещения наступление и атаку следует проводить в целом так же, как при дневном свете. При обороне прожекторные команды («станции») находятся под началом местного командира, который учитывает их в своём оборонительном плане и осуществляет с ними связь по телефону⁸¹⁹.

Кавалерийская тактика

Хотя в полевом уставе 1912 г. использование кавалерии объявлялось неотъемлемой частью общесармеекого сражения, эволюция поля боя сделала роль кавалеристов куда более проблематичной, чем когда-либо, особенно на уровне ниже дивизионного и корпусного, где конные разведчики отобрали у кавалерии многие из её традиционных функций разведки и охраны. Согласно общепринятой точке зрения, основной задачей кавалерии оставалось сотрудничество с другими родами войск при достижении общей цели. На практике это означало, что кавалерия шла в авангарде и на флангах войск на марше, создавая заслон и прикрывая передвижения крупных формирований, а также подготавливая лежащую впереди местность к пехотной битве. Кроме того, кавалерия вступала в бой с вражеской кавалерией, препятствуя выполнению ею разведывательных и охранных задач. Рейд Мищенко и менее масштабные неудачные попытки нанести глубокий удар по вражеским тылам явно охладили пыл русских, но не вполне отбили у них охоту предпринимать массовые конные вторжения на вражескую территорию в духе великих кавалерийских рейдов гражданской войны в США.

Из этих предпосылок и из эволюционных изменений, ставивших во главу угла утилитарность и простоту, проистекали порой противоречивые

⁸¹⁹ Там же. С. 67–74 (раздел «Х. Наставление огнём», цит. ст. 190, 196; подраздел «Применение прожекторов», цит. ст. 206, 214. — *Прим. ред.*).

уставные требования, предъявлявшиеся к организации кавалерийских частей и к их действиям на поле боя. Очевидно, что по крайней мере отчасти благодаря прецеденту, созданному Мищенко, русские временно отказались от идеи о независимых кавалерийских операциях, производящихся формированиями крупнее полка или дивизии. Или, как отмечали англичане, «ранее преобладавшая идея о независимых действиях отошла на задний план, и использование кавалерии большими массами носит исключительный характер». В тех редких случаях, когда кавалерийским силам предстояли глубокие рейды, устав констатировал, что условиями успеха являются тайна, быстрота перемещения и способности командира. Рейды следовало предпринимать лишь в промежутках между основными операциями или в тех случаях, когда вражеская кавалерия настолько ослаблена, что русскую кавалерию можно использовать, не подвергая угрозе выполнение других задач⁸²⁰.

В соответствии с акцентом, после 1905 г. делавшимся на утилитарность, авторы кавалерийского Наставления 1912 г. отказывались от использовавшихся ранее всевозможных и сложных парадных построений и эволюций. Боевое построение эскадрона теперь состояло из двух или трёх взводов, развёрнутых в шеренгу, с одним или несколькими взводами в резерве. Атака кавалерии на кавалерию начиналась небыстрой рысью в растянутом строю; на дистанции в 400 м от противника всадники переходили в галоп и, сближившись до 100 м, обрушивались на врага. Атакуя пехоту, первый эшелон кавалерии выстраивался в одну шеренгу, а задний эшелон — в две шеренги при сохранении разомкнутого строя. В основу атакующего построения был положен принцип простоты, в то время как до 1914 г. регулярная русская кавалерия атаковала традиционной казачьей «лавой». В случае эскадрона лава состояла из широко растянутых двух или трёх взводов, нередко в форме полумесяца, с резервом, следующим в 100–200 м позади⁸²¹.

В пересмотренном уставе 1912 г. предусматривался и бой в пешем строю; при этом две трети кавалерийских сил сражались как пехота, а оставшаяся треть выполняла роль коноводов. В британском справочнике по русской армии 1914 г. отмечалось, что «в то время как конный бой считается основным видом кавалерийского сражения, отныне большое значение придаётся спешенному сражению в тех случаях, когда природа поставленной задачи либо условия местности делают конный бой недостаточным или неподходящим». Карабины регулярной конницы оснащались штыками, и во время боя в пешем строю кавалеристы примыкали штыки, поскольку конечная цель атаки у них,

⁸²⁰ Great Britain War Office, General Staff, *Handbook of the Russian Army*, 6th ed., 137.

⁸²¹ О лаве см.: Краснов П. Лава // Военный сборник. № 3. Март 1911. С. 42–49; Christopher Belamy, «Heirs of Genghis Khan: The Influence of the Tartar-Mongols on the Imperial Russian and Soviet Armies», *RUSI*, 128, no. 1 (March 1983), 57–59.

как и у пехоты, состояла в том, чтобы «сблизиться с противником вплотную и завязать бой на штыках». Казаки, у которых не было штыков, в спешенном бою закидывали винтовки за плечи и шли вперёд с шашками наголо. Понятно, что ввиду проблем, связанных с двумя вариантами использования этого рода войск, боевое построение спешенных кавалерийских формирований диктовалось упрощённой версией пехотного устава⁸²².

Последнее новшество, особенно странное при акценте на спешенный бой и огневую мощь, относится примерно к 1912 г., когда русские начали систематически оснащать свою кавалерию пиками. Вероятно, за таким решением стоял своего рода атавистический импульс, вызванный памятью о днях былой славы, когда «*armée blanche*» навела страх на пехотинцев, оснащённых ружьями, которые имели низкий темп стрельбы и малую дальность. Только опыт Первой мировой войны и гражданской войны помог русским осознать возможности и недостатки мобильного рода войск при его использовании в современной войне.

Артиллерийская тактика

Чуть меньше головной боли в период 1905–1914 гг. вызывали проблемы уставного использования артиллерии. Наряду с ПУ-1912 в России было издано и новое артиллерийское Наставление. В первую очередь оно отличалось упором на необходимость проведения тщательной разведки до и во время боя, тем значением, которое придавалось наблюдению и связи, и чётко определёнными границами полномочий и обязанностей различных командиров. В целях проведения разведки командир каждой восьмиорудийной батареи получал под своё начало 11 конных и 18 пеших разведчиков, наблюдателей и сигнальщиков. В случае большой вероятности боя командир артиллерийского дивизиона посылал вперёд артиллерийские патрули, которые состояли из офицеров и разведчиков батарей, входивших в состав дивизиона; их задача заключалась в сопровождении передовых пехотных и кавалерийских частей и поиске подходящих наблюдательных позиций в преддверии неминуемого сражения. В качестве средств связи широко использовались полевые телефоны, однако в артиллерийском Наставлении подчёркивалась необходимость иметь альтернативные средства связи⁸²³.

Хотя решение сохранить восьмиорудийные батареи было связано с более широкими проблемами организации и с менталитетом, отдававшим пред-

⁸²² Great Britain War Office, General Staff, *Handbook of the Russian Army*, 6th ed., 134–135.

⁸²³ Ibid., 136.

почтение физическому сосредоточению орудий вместо массирования огня, русские по-прежнему делали упор на манёвре и гибкости. Оказывая поддержку наступлению, командиры дивизионов и батарей могли выдвигать вперёд вслед за войсками полубатареи, отделения и даже отдельные орудия. На этапе наступления задача артиллерии сводилась к подавлению вражеской артиллерии и пулемётов, прикрытию подходов, уничтожению препятствий огнём и отражению вражеских контратак.

Артиллерийский командир, выполняя свою задачу, мог разместить свои орудия на позициях трёх типов: открытых, закрытых и полужакрытых. На позиции последнего типа орудие оставалось скрытым до тех пор, пока не открывало огня. Предпочтение отдавалось закрытым позициям, потому что они обеспечивали максимальную свободу действий. Устав предписывал вести огонь короткими и быстрыми залпами поверх голов наступающей пехоты. Кроме тех случаев, когда наблюдательные позиции располагались рядом с позициями командиров подвижных сил, связь между артиллерией и получающей от неё поддержку пехотой и кавалерией осуществлялась сигнальными флажками или другими пригодными средствами⁸²⁴.

Лимитирующие факторы

Обозреватели последующих эпох, особенно советские военные историки, отмечали, что русская военная доктрина накануне Первой мировой войны представляла собой серьёзный шаг вперёд по сравнению как с прежней русской, так и с современной ей европейской доктриной. Но, как всегда, вставал вопрос — насколько успешно русские смогут применить эту доктрину на практике перед лицом тех вызовов, которые ставит современный бой? Те представители российского Генерального штаба, в обязанности которых входило отслеживать соответствующее развитие германской доктрины, явно полагали, что германская армия отстает от русской в том, что касается соотнесения между пониманием современного боя и тем, как оно отражено в эффективной тактической доктрине. Однако в то же время русские специалисты по германской угрозе считали, что в случае войны немцы быстро преодолеют разрыв между доктриной и реальностью благодаря общему высокому уровню дисциплины, воинского духа и образования⁸²⁵. Будет ли то же самое верно в отношении русских, оставалось по меньшей мере сомнительным: Б. М. Шапошников отмечал, что из его выпуска Николаевской

⁸²⁴ Ibid., 137.

⁸²⁵ Главное управление Генерального штаба. Вооружённые силы Германии. Т. II. С. 51; ср.: Fuller, *The Russian Empire*, 118.

академии лишь 48 офицеров пошли служить в Генеральный штаб, где им предстояло выполнять роль интерпретаторов доктрины и координировать тактическое планирование с подготовкой армии, в мирное время насчитывавшей 1 300 тыс. бойцов. Строго говоря, эти офицеры были не единственными, но Шапошников не без причины сетовал на то, что они представляли лишь «каплей в море»⁸²⁶.

Имелись и другие несоответствия. В их число входила та роль, которую играли представления военных о психологии, поскольку наследие Драгомирова в этой области продолжало фигурировать в русских расчётах. Даже после 1905 г. русские тактики рассматривали сражение как своего рода финальное состязание, результат которого определяется взаимодействием материальных и моральных факторов, причём последние получают перевес в форме триумфа воли. Вести сражение в обороне означает признать превосходство противника и отдать ему инициативу. В этом отношении русские, возможно, слишком хорошо выучили уроки, преподанные им японской инициативой на Дальнем Востоке⁸²⁷.

Проблема состояла в том, как удержать инициативу в условиях новых технологий, которые привели к появлению зияющих провалов в области управления войсками и связи на поле боя. Никакого волшебного решения на горизонте не просматривалось. Так, одна из последних надежд командира на сохранение контроля за ходом боя лежала в акценте на наступление, позволяющем удержать инициативу в героической попытке наносить решительные удары при сохранении достаточной массовости с целью вывести врага из равновесия и постоянно реагировать на развитие ситуации. По сути, оптимальная формула успеха для энергичного командующего заключалась в захвате инициативы, выразившем его готовность сохранить контроль над войсками⁸²⁸.

Другие тактические расчёты особо выделяли манёвр, позволяющий избежать затратных фронтальных атак на подготовленные позиции. К чести русских авторов доктрины, как её отныне называли западники, они никогда не забывали о значении встречного сражения, фланговых атак и глубокого охвата как способа посредством манёвра избежать (или отсрочить) длительную перебежку под винтовочным, пулемётным и артиллерийским огнём к далёкой линии траншей. Однако исполнение манёвра зависело от хорошей осведомлённости о вражеских силах и знания местности, а также от способ-

⁸²⁶ Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. С. 167.

⁸²⁷ См., например: Орлов Н. А. Военная энциклопедия. Т. XVII. Статья «Нравственный элемент в военном деле».

⁸²⁸ Этому моменту уделяется очень большое внимание, например, у Незнамова: Незнамов А. А. Военная энциклопедия. Т. XVII. Статья «Операция (военная)».

ности передать это знание наряду с наступательными планами на большие расстояния и с большей надёжностью, чем было возможно до 1914 года⁸²⁹.

Проблемы управления и связи только усугублялись при переходе от ротного и батальонного на полковой, дивизионный, корпусной, армейский и фронтовой уровни вплоть до Ставки Верховного главнокомандующего. Трудности сражения на тактическом уровне многократно возрастали на все более высоких уровнях, на стратегическом уровне оборачиваясь почти полной невыполнимостью. В этом отношении русская военная теория и устав создавали структурные рамки для решений, но, опять же, вопрос упирался в недостаточно развитую технологию, не позволявшую зачаточным концепциям принести ощутимую пользу на оперативном, как сейчас говорят, уровне командования и управления. К чему ведёт отсутствие таких связей, было в полной мере продемонстрировано русской военной игрой в апреле 1914 г.

Более пагубным и не столь заметным было наличие реальных дефектов в армейской структуре. Несмотря на внушительность коллективной огневой мощи пехотных частей, пехота в одиночку не могла взять оборонительную позицию, даже оборудованную наспех, без подавляющего и разрушающего воздействия артиллерии, с которой она координировала свои действия. 48 лёгких полевых орудий на дивизионном уровне было безнадежно мало для поддержки наступательного манёвра силами 64 пехотных рот. 12 гаубиц на корпусном уровне, выделенных для поддержки 128 пехотных рот, представляли собой ещё более жалкую величину даже без учёта проблем распределения и пополнения боеприпасов⁸³⁰.

Манёвры и учения

Как и в два предыдущих предвоенных периода, различные учения и манёвры, проводившиеся в 1907–1914 гг., весьма важны в смысле представления о том, на что была способна армия Российской империи на войне. Кроме того, они могли служить показателем того, насколько хорошо русские усвоили и готовы применять основные уроки, которые им преподавал дальневосточный опыт. Наконец, учения и манёвры демонстрируют наличие или отсутствие важных связей между теорией, доктриной, армейской структурой, планированием и практикой.

Замечания о русских учениях и манёврах после войны 1904–1905 гг. следует начать с двух наблюдений. Во-первых, вследствие демобилизации

⁸²⁹ См., например, разбор и критические замечания в: Русская военная мысль... С. 123–127.

⁸³⁰ См.: Брусилов А. А. Воспоминания. С. 56–60.

и революционных событий 1905 и последующих лет армия вплоть до 1910 г. была не в состоянии проводить каких-либо учений, по своим масштабам схожих с курскими манёврами 1902 года. Во-вторых, различные учения следует рассматривать не только в контексте манёвров, проводившихся поблизости от столицы и Красного Села, но и с учётом того, что происходило в других военных округах. Наследие просчитанной милютинской децентрализации имело своим следствием то, что командующие округами по-прежнему обладали достаточной степенью свободы при обучении своих войск, и разница в стиле обучения проявлялась в различии подходов и степени их жёсткости, и соответственно, в различных уровнях боеготовности⁸³¹.

Манёвры, в реальности происходившие в 1907–1910 гг., носили ограниченный масштаб, и к участию в них привлекалось немного войск. Те, что устраивались в окрестностях летних учебных лагерей и гарнизонов, были «более или менее небрежными» и «своей природой больше походили на муштру, чем на манёвры», по словам одного британского наблюдателя⁸³². Львиную долю своего внимания иностранные атташе обычно уделяли ежегодным августовским манёврам под Санкт-Петербургом. Эти манёвры начались в 1907 г. как скромные учения дивизионного уровня, в 1908 и 1909 гг. проводились уже на уровне корпуса, а в 1910 г. снова сократились в масштабах до бригады и дивизии⁸³³.

Хотя задачи, ставившиеся на манёврах, от года к году менялись, британские наблюдатели в своих отчётах основное внимание зачастую уделяли общим чертам. В их донесениях неизменно подчёркивалось могучее телосложение и выносливость русских пехотинцев. Правда, наблюдатели в первую очередь видели гвардейцев, в которые специально отбирали особенно крупных и сильных бойцов, но читатель должен был сделать благоприятные выводы относительно тренировки войск и проявляемой о них заботы⁸³⁴. Кроме того, в комментариях обращалось внимание на ту степень, в которой и командиры, и войска проявляют должную осторожность, укрываясь от прямого огня на различных фазах наступления и финальной атаки. Некоторые наблюдатели, впрочем, явно полагали, что русские во время наступления проявляют слишком большую чувствительность к винтовочному огню, что сильно сказывается на темпе наступления: войска, выстраиваясь в стрелковые цепи, довольно медленно продвигаются перебежками как поодиночке, так и не-

⁸³¹ Гапеев М. Общевойсковые учения. С. 69.

⁸³² Great Britain War Office, General Staff, *Report on Foreign Manoeuvres* [For Official Use Only] (n. p., 1907), 141.

⁸³³ Great Britain War Office, General Staff, *Report on Foreign Manoeuvres* [For Official Use Only] (n. p., 1910), 198.

⁸³⁴ Ibid., 200.

большими группами⁸³⁵. Вне зависимости от достоинств, приписываемых этой тактике, русские выказывали явную склонность к соблюдению предписанных построений во время наступления. Несмотря на преобладание индивидуального огня, русские время от времени прибегали и к залповому огню⁸³⁶.

Применение манёвра и его поддержки огнём вызывало менее позитивные отклики. Вследствие стремления русских к массированию артиллерийского огня путём механического сосредоточения орудий вместо более умелого управления ими, манёвры демонстрировали ярко выраженную тенденцию к оставлению батарей и орудий в тылу и централизованному управлению ими, что проявлялось и во время движения навстречу противнику, и в ходе собственно наступления. Эта тенденция, наряду с незрелыми средствами связи и сигнализации, приводила к тому, что артиллерия медленно реагировала на изменяющиеся обстоятельства. В условиях реальных полевых стрельб русская артиллерия на манёврах после 1905 г. вела огонь преимущественно со скрытых позиций, используя косвенное наведение на цель. К 1909 г. русские вновь осмелели настолько, что стали выдвигать часть орудий достаточно далеко вперёд для поддержки атаки прямым огнём. Однако большинство орудий по-прежнему вело непрямой огонь со скрытых позиций. Пулемёты выдвигались как можно дальше вперёд, оказывая поддержку наступающей пехоте, но их применение на манёврах затруднялось неумением имитировать воздействие пулемётного огня. Очевидно, стрелять из пулемётов холостыми патронами не умели, и русские нашли выход, используя большие трещотки, шум которых подражал пулемётным очередям. Стоит ли говорить, что таким образом едва ли удавалось воспроизвести тактическое воздействие реального оружия⁸³⁷.

В отчётах о манёврах отмечались также различные аномалии и упущения. Так, в 1907 г. манёвр батальона против укрепленной позиции включал в себя построение войск одновременно для фронтальной атаки и для охватывающей фланговой атаки. Силы, задействованные в манёвре, разделяло около 2000 м расстояния, и ни связь, ни атака не были должным образом скоординированы⁸³⁸. В 1908 г. наблюдатели отмечали, что русские уделяют много внимания контратакам и что целью тактического манёвра обычно является фланговая атака (мелкий охват) вместо обходного движения (глубокий охват)⁸³⁹.

⁸³⁵ Great Britain War Office, General Staff, *Report on Foreign Manoeuvres* (1907), 142–144.

⁸³⁶ Great Britain War Office, General Staff, *Report on Foreign Manoeuvres* [For Official Use Only] (n. p., 1909), 190.

⁸³⁷ Ibid.

⁸³⁸ Great Britain War Office, General Staff, *Report on Foreign Manoeuvres* (1907), 143.

⁸³⁹ Great Britain War Office, General Staff, *Report on Foreign Manoeuvres* [For Official Use Only] (n. p., 1908), 153.

В то время как пехота и артиллерия нередко испытывали затруднения в координации своих передвижений и действий, русская кавалерия обнаруживала ещё более тревожные тенденции. Поначалу, в соответствии с дальневосточным опытом, кавалерия много внимания уделяла спешным действиям и огневой тактике. Однако, к 1910 г. кавалерия вернулась к более атавистическим привычкам. К тому времени наблюдатели стали отмечать «явное предпочтение, оказываемое конной тактике по сравнению со спешенной». Судя по общему впечатлению, производимому русской кавалерией, «её вожди не пользовались теми преимуществами, которые даёт местность, и не пытались приспособить свою тактику к требованиям момента». На вооружение были снова взяты пики, а кавалерийские командиры осмелели настолько, что атаковали вражескую кавалерию, поддерживаемую пехотой. Когда одна такая атака была сочтена неудачной, руководивший ею генерал Безобразов «заявил, что на войне у него бы всё получилось»⁸⁴⁰.

Отчёты наблюдателей о русских учениях 1912 и 1913 гг. заметно отличались своим географическим охватом и содержанием от докладов прежних лет. Теперь британские атташе имели возможность присутствовать на манёврах в нескольких военных округах, тем самым получив более широкую перспективу. Кроме того, на манёврах и под Санкт-Петербургом, и в различных округах участвовали более крупные формирования и ощутимое число резервистов. В распоряжении наблюдателей имелось больше информации о количестве боеприпасов, выделенных для полевой артиллерии и пулемётов. Кавалеристы, даже единообразно экипированные пиками, снова нередко сражались в спешенном строю⁸⁴¹.

В русских манёврах 1912 г. в Санкт-Петербургском округе участвовали 112 батальонов, 54 эскадрона, 370 пушек, восемь аэропланов, один дирижабль и два аэростата. Впервые с 1904–1905 гг. британские атташе отмечали присутствие на манёврах резервистов в количестве от 60 до 80 человек на роту. Это новшество явно представляло собой непосредственный итог сухомлиновских реформ 1910 года, и, по мнению британцев, «присутствие резервистов в частях не влияло на их боеспособность». Кроме того, англичане считали, что русский метод определения эффективности прямого и непрямого огня был неудобным и непрактичным при решении поставленных боевых задач, вследствие чего «судьи вмешиваются очень редко, а боевые потери вообще никак не учитываются»⁸⁴².

⁸⁴⁰ Great Britain War Office, General Staff, *Report on Foreign Manoeuvres*, (1910), 204.

⁸⁴¹ Great Britain War Office, General Staff, *Report on Foreign Manoeuvres in 1912* [Confidential] (n. p., 1912), 98, 106.

⁸⁴² Ibid., 98, 100.

В отношении Санкт-Петербургских манёвров 1912 года наблюдатели отмечали, что при подготовке к встречному сражению командиры оставляли значительную часть своих сил в общем резерве даже в тех случаях, когда ситуация более-менее ясна. Как только противостоящие силы вступили в контакт, менее крупные силы «синих» поспешно заняли оборону, а силы «красных» провели хрестоматийную атаку. Одна из шести батарей «красных» была выдвинута вперёд для поддержки пехотной атаки прямым огнём на дистанции в 400 м, но наблюдатели подвергли критике командира батареи, бездумно подставившего своих людей под вражеский винтовочный огонь. Три других батареи поддерживали пехоту с открытых позиций примерно в 1 700 м левее и в тылу, хотя их можно было разместить на более близких закрытых позициях. Как и на предыдущих манёврах, наступление и атака пехоты развёртывались слишком медленно, причём атакующие уделяли недостаточное внимание ведению стрелкового огня для подавления обороны. Ноша отдельных бойцов весила более 70 фунтов (более 30 кг), включая сотню патронов⁸⁴³.

Наблюдение за различными манёврами приводило к однозначным выводам. Несмотря на приверженность царя к церемониям и парадам, характерное для времён до 1904 г. пристрастие к формальным муштровкам и смотрам, как и худшие аспекты «парадомании», от которых прежде страдала армия, по большей части ушли в прошлое. В то же время офицеры явно стремились исправить самые вопиющие тактические недостатки армии, проявившиеся в Маньчжурии. В должной мере учитывались последствия применения скорострельной артиллерии и огня из ручного оружия. Однако манёвры также демонстрировали необходимость уделить более серьёзное внимание выполнению различных задач. Например, бойцов по-прежнему не обучали во время наступления использовать шанцевый инструмент. Следовало иметь в виду объём огня, который можно было обрушить на оборону, ради более полного использования уничтожающего и подавляющего воздействия винтовочного, пулемётного и артиллерийского огня, особенно во время атаки. Хотя русские в целом признавали значение пулемётов, их численность и масштабы использования сильно неотягивали до того уровня, какой следовало бы рекомендовать, исходя из маньчжурского опыта⁸⁴⁴.

Донесения британских наблюдателей о манёврах 1913 г. были намного более отрывочными, чем в предыдущие годы. Однако отсутствие сведений о сущности манёвров восполнялось комментариями о численности участвовавших в них войск и новых технологиях. Помимо манёвров с участием

⁸⁴³ Ibid., 101.

⁸⁴⁴ Ibid., 105–106.

108 батальонов, 71 эскадрона и 326 пушек в Красном Селе, руководство Киевского военного округа провело манёвры, по своим масштабам примерно вдвое меньшие, чем те, что состоялись в окрестностях имперской столицы. В отношении киевских манёвров отмечалось, что, «таким образом, силы, противостоявшие друг другу, имели численность примерно по 27–28 тыс. человек, что составляет гораздо большую долю от численности военного времени, чем обычно наблюдается на манёврах»⁸⁴⁵.

Кроме того, в 1913 г. британские атташе начали отмечать различные изменения в вооружении и оснащении войск. Они сообщали о реорганизации артиллерии на уровне корпусов, включая появление 4,8-дюймовых гаубиц в тяжёлых артиллерийских дивизионах. Также атташе докладывали о появлении выючных пушек Шнейдера в частях горной артиллерии. Хотя различные виды аэростатов и аэропланов наблюдались на манёврах ещё с 1910 г., в 1913 г. русские задействовали французские «Ньюпоры» и «Фарманы» на манёврах и под Киевом, и под Санкт-Петербургом. Кроме того, русские использовали 9 автомобилей на штабной службе в Красном Селе, однако французские офицеры отмечали «безразличное отношение солдат-шофёров, и вследствие состояния дорог и дурного вождения машины, вероятно, проживут недолго»⁸⁴⁶.

Применение современных средств связи оставалось случайным и непоследовательным. Хотя в 1912 г. ходили слухи, что русские заказали 110 мобильных радиостанций, они не попадались на глаза наблюдателям ни в 1912, ни в 1913 гг. Отдельные части порой приобретали экспериментальные радиостанции и телефоны частным образом. В тех немногих случаях, когда использовалось радио, не предпринималось никаких мер к тому, чтобы передатчики не работали на одной и той же частоте, создавая друг другу помехи. Вследствие этих и других проблем «связь осуществлялась главным образом по телефонам, либо посредством конных вестовых и мотоциклистов»⁸⁴⁷. Телефоны использовались повсеместно, но столь же повсеместными были и их главные недостатки: ограниченный радиус действия (полки и дивизии имели в своём распоряжении всего по 10–15 миль проводов), уязвимость телефонных проводов и трудности с налаживанием связи на марше⁸⁴⁸. Когда техника оказывалась бессильна, русские использовали конных и пеших вестовых, что не обещало заметного улучшения со связью по сравнению с 1904–1905 гг.

Проблемы со связью лишь подчёркивали характерную тему, красной нитью проходящую через все комментарии, порождённые опытом манёвров и уче-

⁸⁴⁵ Great Britain War Office, General Staff, *Report on Foreign Manoeuvres in 1913* [Confidential] (n. p., 1913), 78.

⁸⁴⁶ Ibid., 80–82.

⁸⁴⁷ Ibid., 82.

⁸⁴⁸ Ibid.; Great Britain War Office, General Staff, *Report on Foreign Manoeuvres in 1912*, 110–111.

ний: возрастающую в современных обстоятельствах трудность создания работоспособной сети командования и контроля. Хотя младшие офицеры и унтер-офицеры демонстрировали возросшее мастерство при управлении частями, развёрнутыми в широкий строй при нападении и обороне, резко увеличившиеся масштабы поля боя, продиктованные новыми достижениями в технологии, предъявляли всё больше требований к командирам батальонов и полков, которые отныне не видели и не слышали подчинённые им части. Те же проблемы присутствовали и на более высоких уровнях командования, причём немногочисленные телефоны и примитивные радиостанции не могли закрыть постоянно расширявшуюся брешь в области связи и контроля. Такое состояние дел лишь усугубляло координацию различных вспомогательных служб, находившихся в ведении боевого командира. В то же время, с учётом значения, придававшегося наступательным действиям, части на марше нуждались в более хорошей разведке, нежели могли обеспечить конные разъезды, при том, что кавалерия — переживавшая собственный кризис идентичности — выглядела и недостаточно оснащённой, и не склонной к тому, чтобы осуществлять непрерывное ведение разведки в соответствии с требованиями командиров, ориентировавшихся на встречное сражение. Что касается артиллерии, то от неё едва ли следовало ожидать непрерывной огневой поддержки в условиях быстро изменяющихся обстоятельств и при наличии лишь ограниченной телефонной связи и дополнительной системы голосовых и флажковых сигналов.

В своём исследовании о восточном фронте Первой мировой войны Норман Стоун отмечает, что историки и другие комментаторы усматривают основную причину неудач русской армии в общей экономической слабости России. Однако при этом Стоун указывает, что экономическая отсталость нередко бывает слабо связана с реальной боеспособностью войск, вследствие чего историк должен искать иное объяснение поражениям армии на поле боя⁸⁴⁹.

Помимо этого, опыт периода, предшествовавшего Первой мировой войне, заставляет историка обратить пристальное внимание на значение различных связей — интеллектуальных и структурных, физических и военно-политических. Отсутствие этих связей, зачастую проявлявшееся уже во время игр и манёвров, помогает объяснить, почему предвоенная подготовка не вполне соответствовала требованиям войны. Так, хотя русское военное искусство на тактическом уровне впитало многие уроки, преподанные кровавым опытом 1904–1905 гг., провалы в планировании и исполнении на высших уровнях вели к тому, что 64 роты каждой дивизии нередко тратили свою тактическую энергию впустую. Тактика, должным образом привязанная к проведе-

⁸⁴⁹ Norman Stone, «Organising an Economy for War: The Russian Shell Shortage, 1914–1917», in Geoffrey Best and Andrew Wheatcroft (eds.), *War, Economy and the Military Mind* (London, 1976), 109.

нию современных операций, позволила бы русской армии в 1914 г. воплотить на практике идеи, выдвигавшиеся теоретиками и авторами военной доктрины. Когда же армии не удавалось увязать тактику с операциями, несоответствия в логических связях давали о себе знать ещё более сильно, приводя к тому, что Бернард Пэйрес называл «войной людей против металла»⁸⁵⁰. По иронии судьбы, хотя мыслители на тактическом уровне научились выходить за рамки драгомировского наследия, нехватка вооружения снова стала той силой, которая заставила русских полагаться на штыки взамен пуль.

Но самой большой проблемой, на фоне которой меркло всё прочее, являлось фундаментальное непонимание соотношений между наступлением и обороной в современной войне. По различным причинам — не до конца изученным — русские в целом не производили оборонительных расчётов, подчёркивая значение наступательных военных действий. Строго говоря, важную роль, вероятно, играло историческое сознание. В 1912 г. русские с большой помпой отпраздновали столетие неудачного наполеоновского вторжения. Одним из уроков 1812 г. было соображение о том, что оборонительная стратегия представляет собой не только признание собственной слабости, но и готовность смириться с ведением войны на своей территории, и никто явно не горел желанием повторять этот опыт. В принципе, как отмечал И. И. Ростунов, русские военные планы со времён Обручева и Милютин и до эпохи Алексеева и Данилова всегда предусматривали возможность обороны. В зависимости от обстоятельств русские могли временно занять оборону, а затем перейти в наступление. Серьёзными переменными в этих расчётах являлись время и средства. Важными аспектами, учитывавшимися при планировании, были изменившиеся представления о сильных и слабых сторонах Франции и Германии. Если не брать в расчёт возросшей уверенности в силу русской армии, то чего не хватало планировщикам, — как отмечали Свечин и другие комментаторы — так это представления о том, каким образом осмысленно увязать друг с другом оборонительный и наступательный аспекты в рамках меняющихся взаимоотношений между возможностями и приоритетами военного союза. В этом отношении громкое заявление Незнамова о том, что «мы должны знать, чего хотим», приобретало дополнительное значение. Какими бы обширными ни казались наличные ресурсы, следовало твёрдо определиться в отношении приоритетов, поскольку всего сразу сделать было нельзя. Принятое в России летом 1914 г. решение о быстром и одновременном наступлении и на австрийцев, и на немцев означало, что сочетание благих намерений и сиюминутных требований одержало верх над здравым военным смыслом.

⁸⁵⁰ Цит. по: Ibid., 108.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение полувека, разделяющего реформы Д. А. Милютина и В. А. Сухоминова, армия Российской империи и её военное искусство претерпели ряд существенных преобразований. Армейская организация, теория и полевые уставы давали ответ — пусть недостаточный — на многие военные вызовы, присущие эпохе индустриальной революции. Армия, старавшаяся приспособиться к меняющимся военным реалиям, была вынуждена учитывать также и новые обстоятельства — сперва пореформенной России, затем России консервативной и России революционной. После 1861 г. русской армии пришлось участвовать в двух крупномасштабных войнах, причём боевой опыт других крупных европейских держав в этот период ограничивался колониальными войнами. В противоположность первым полутора столетиям существования российской армии, в течение которых изменения происходили эпизодически и постепенно, промежуток между 1861 и 1914 гг. отличался стремительным ускорением темпа преобразований и их природы⁸⁵¹.

Как ни парадоксально, но в качестве прелюдии к оценке этих фундаментальных изменений историк не может избежать вывода о том, что опыт, полученный русскими в период от Александра II до Николая II, подчёркивает значение ряда неизменных военных истин. В их число входит необходимость разумного руководства, практичного и тщательного обучения, высокого боевого духа и чётко определённых взаимоотношений между командующими. В более широком плане ещё одной истиной, регулярно проявлявшейся в русском опыте 1861–1914 гг., было требование предвидеть, опре-

⁸⁵¹ См., например, сопоставления в: *Keep, Soldiers of the Tsar*, chaps. 14 and 15.

делять и координировать потребности предполагаемых театров военных действий в целях осуществления совместных военно-морских и сухопутных операций. С расширением масштаба и размаха современной, индустриальной войны и с приращением пределов российской империи массовые сухопутные силы все сильнее требовали морской поддержки, хотя бы для того, чтобы раздвинуть и обезопасить рамки сухопутных театров военных действий. В военно-политической сфере давала о себе знать другая истина, касавшаяся как сухопутных, так и морских операций, — необходимость приведения целей государственной политики в соответствие с общими военными возможностями.

У русских получалось дать более удачный ответ на изменение военных обстоятельств, когда дело касалось менее масштабных вопросов организации, подготовки и оснащения. В соответствии со своим пониманием изменений и потребностей, русские умели набирать, обучать и вооружать сухопутные войска, входившие в число самых сильных в мире. Русские военные успешно воплотили в жизнь программу всеобщей воинской повинности, без которой не удалось бы обеспечить живой силой растущую армию, с течением времени всё больше напоминавшую кадровые и резервные силы европейских держав. Хотя обозреватели имели законное право поднять вопрос о качестве подготовки войск и конкретном содержании учебного расписания, различные программы более-менее сумели заполнить разрыв между гражданской и военной жизнью, включая в себя — по крайней мере, на первых порах — обучение грамоте, когда в том имелась потребность. Несмотря на хронические проблемы, тренировок совместно с идеологической обработкой хватало для того, чтобы подготовить мотивированных бойцов, которые после первоначальных потрясений быстро привыкали к войне и могли достойно проявить себя в сражении. Благодаря политике закупок, до крайних пределов напрягавшей государственный бюджет, вооружение русских солдат улучшалось вплоть до начала XX века, когда они оказались единообразно оснащены новейшими магазинными винтовками, в которых использовались патроны с бездымным порохом. К хору технологических новинок с некоторым опозданием присоединил треск своих очередей пулемёт. Аналогичные достижения в артиллерии привели к созданию скорострельного полевого орудия — приняв его на вооружение, русские отставали только в развитии крупнокалиберных гаубиц и соответствующих приёмов и технологий, необходимых для того, чтобы полностью использовать возросшую огневую мощь⁸⁵².

⁸⁵² Cp.: *Shelford Bidwell and Dominick Graham, Fire-Power: British Army Weapons and Theories of War 1904–1945* (London, 1982), 10–12.

Кроме того, русские разработали такую структуру армии, которая, по их мнению, отвечала потребностям современной и будущей войны. В век главенства пехоты этот род войск оставался ядром сухопутных сил. К чести русских следует сказать, что они не забывали ни о кавалерии, ни об артиллерии, хотя теоретики и тактики затруднялись дать точные указания о способе применения этих родов войск во взаимодействии как друг с другом, так и с пехотой. За исключением тяжёлой артиллерии, которой после 1905 г. уделялось ограниченное внимание, организация артиллерийских войск имела явные преимущества по сравнению с другими европейскими державами в отношении как вооружения, так и эффективности. В 1914 г. русские отставали от немцев только по количеству тяжёлой артиллерии, приданной формированиям на уровне корпуса.

Теми сферами, в которых выявлялась слабость экономической инфраструктуры, являлись модернизация и мобилизация. В течение всего рассматриваемого периода Военное министерство работало в условиях недостаточного финансирования, и лишь аккуратное использование ресурсов позволило армии Российской империи перейти на оружие, использующее бездымный порох. Общеизвестные международные инициативы по ограничению распространения новых артиллерийских технологий, выдвигавшиеся в 1890-е гг. Николаем II, имели своей причиной бюджетные соображения. Та же самая скудость бюджетных средств, выделявшихся на железнодорожное строительство, уже в 1860-х гг. положила начало «мобилизационному разрыву», который долго оставался головной болью русских штабных офицеров и в XX веке. Колоссальные размеры империи в сочетании со слабой железнодорожной сетью приводили к тому, что Россия неизбежно отставала бы от Германии и Австрии при проведении мобилизации в случае войны либо с одной из этих стран, либо с обеими. Понимание этого обстоятельства занимало важное место не только в эволюции дипломатии и мобилизационных расписаниях, но и в непрерывных дискуссиях о должном взаимоотношении между полевыми силами и приграничными крепостями.

Такие же трудности, вызванные технологическими потребностями и возросшими масштабами сражений, представляли собой и самый значительный военный вызов. На том уровне войны, который исследователи конца XX века однозначно определяют как стратегический, русские военные планировщики предреволюционного периода сталкивались с проблемами сосредоточения более крупных сил на больших территориях и с большей скоростью, чем требовалось в эпоху до появления железных дорог и телеграфа. Эти факторы резко повысили сложность мобилизации в преддверии боевых действий, причём проблема ещё больше усугублялась вероятностью того, что Российской империи придётся воевать одновременно и на Дальнем Во-

стоке, и на границах Европейской России. Один из исследователей, Джон Эриксон, уже давно утверждал, что такая возможность вынуждала Россию, по сути, содержать две армии — европейскую и дальневосточную⁸⁵³.

Тем не менее ситуация была не совсем безнадёжной. Завершение строительства Транссибирской магистрали в 1902 г. позволило наладить сухопутную связь между Европейской Россией и Дальним Востоком, но стратегическое значение которой отошло в тень вследствие неудач русской армии в 1904–1905 гг. Пусть ненадёжная, но эта связь постоянно развивалась, позволяя русским перемещать сухопутные силы через просторы евразийского континента быстрее, чем враждебные морские державы могли перегонять флоты с Атлантического океана на Тихий и обратно. По иронии судьбы, та же самая промышленная революция, которая сделала паровые флоты повелителями морей, наделила Россию преимуществами на внутренних коммуникациях в возможном будущем конфликте на периферии «мирового острова». Или, как изящно выразился историк Пол Кеннеди, наследники геостратега Мак-Киндера исподтишка бросили вызов наследникам морского стратега Мэхэна⁸⁵⁴.

Если вопросы технологии и масштабов оказывали глубокое влияние на стратегию, то ещё сильнее они ощущались в сфере операций и тактики. Массовые армии требовали резкого расширения оперативных театров. В то же время, несмотря на необходимость обеспечить массовость и сосредоточение для достижения решительных результатов, возросшая смертность оружия порождала противоположную потребность в рассредоточении. Значительная часть истории современной войны связана с попытками примирить друг с другом эти, по видимости, несовместимые требования. Очевидно, что русские — так же, как и все остальные — столкнулись с серьёзными затруднениями при решении этой дилеммы⁸⁵⁵.

Возможно, нигде изменение технологий и масштабов войны не проявляется так ощутимо, как при сопоставлении сражений под Плевной и Мукде-ном. В ходе третьего штурма Плевны русские и румынские позиции растягивались большим полукругом, имевшим в длину примерно 16 км от одного фланга до другого. Общее число сил, участвовавших в сражении, приближалось к 100 тысячам. Несмотря на возросшую убойную силу казнозарядного оружия, внимательный наблюдатель время от времени мог заметить отблески солнца на штыках противника, до которого было несколько километров.

⁸⁵³ «A Conference on the Soviet Military and the Future», Draft Proceedings, Texas A&M University, College Station, 1983, chaps. 3, p. 41.

⁸⁵⁴ Paul Kennedy, *Strategy and Diplomacy 1870–1945* (London, 1984), 51–52.

⁸⁵⁵ Jonathan M. House, «Towards Combined Arms Warfare», Research Survey No. 2, Combat Studies Institute, U. S. Army Command and General Staff College, 14–17.

Хотя поле боя порой затягивало дымом и туманом, наблюдатель, находившийся на возвышении в тылу у сражающихся войск, имел возможность проследить за развитием событий хотя бы в одном из основных секторов поля боя. И пусть артиллерийская подготовка порой растягивалась на несколько дней, войска реально нападали или оборонялись не более одного-двух дней подряд.

Под Мукденом практически всё обстояло по-иному. Перед тем, как Мукденская операция подошла к завершению, позиции Куропаткина растягивались более чем на сотню километров от фланга до фланга. Хотя противники нередко занимали траншеи и другие полевые укрепления в непосредственной близости друг от друга, видеть друг друга они не могли. Дальнобойность, убойная сила и точность оружия, использующего бездымный порох, создали поле боя, населённое невидимыми бойцами⁸⁵⁶. За исключением редких моментов нападения или обороны, солдатам приходилось находиться в укрытии, обычно в полевых укреплениях, которые становились всё более сложными. И хотя бойцы стали невидимыми, никогда прежде они не были столь многочисленными. В сражениях, развернувшихся вокруг Мукдена, принимало участие более полумиллиона человек. Стычки между ними происходили по всему фронту во внешне разрозненной последовательности боёв, совокупный результат которых определял исход всей операции.

Столкнувшись с грандиозными задачами, которые порождались вопросами технологии, масштабов и массовости, русские принесли под Мукден практически те же принципы обучения, тренировки, связи и штабной работы, которые применялись под Плевной. Программа обучения бойцов определялась тактическими концепциями Драгомирова, пусть даже претерпевшими изменения после 1877–1878 гг. Несмотря на внедрение магазинных винтовок, пулемётов и скорострельной артиллерии, штыковому удару во время атаки по-прежнему придавалось слишком большое значение. Или, выражаясь по-иному, Драгомиров так и не понял, что удар штыка вполне можно заменить ударом пули 30 калибра. Тем не менее было бы несправедливо не отметить, что тактическая система Драгомирова развивалась с течением времени. С этой системой были связаны две главные проблемы: взгляды Драгомирова изменялись очень постепенно, а рабская преданность его учеников системе учителя со временем привела к окостенению мысли и уставов.

Ещё более серьёзным в глазах некоторых очевидцев было засилье взглядов генерала Леера в стратегических исследованиях Николаевской академии,

⁸⁵⁶ Great Britain War Office, General Staff, *Notes upon Russian Artillery Tactics in the War of 1904–1905 with Conclusions Drawn Therefrom*, 7; о проблемах массовости, рассредоточения и возросшей смертоносности оружия см.: James J. Schneider, «The Theory of the Empty Battlefield», *RUSI*, 132, no. 3 (September 1987), 37–42.

которые вследствие этого не могли дать ответа на насущные вопросы планирования и полевого руководства войсками на более высоких уровнях командования. В 1878–1904 гг. проявился явный разрыв между тактическими концепциями Драгомирова на низшем уровне и стратегическими принципами Леера на высшем уровне⁸⁵⁷. Именно этот разрыв русские военные со временем начали заполнять своим пониманием того, что советские исследователи впоследствии называли «оперативным искусством». Действия в рамках театральных не ограничивались отрядами и другими формированиями, собранными на скорую руку после начала войны, а оказывались в ведении сперва корпусов и армейских групп, а затем армий и фронтов. С размышлений, происходивших после 1905 г., начался медленный процесс теоретической эволюции, кульминацией которой в 1920-е гг. стало признание оперативного искусства как актуальной концепции, связывающей военную стратегию, с одной стороны, с тактикой на поле боя, с другой стороны⁸⁵⁸.

Герберт Уэллс писал, что история — это «гонка образования с катастрофой». В применении к военной области эту идею можно перефразировать в том смысле, что адаптация — это гонка образования с катастрофой. В этом отношении русская военная система балансировала на грани катастрофы, всю последнюю четверть XIX столетия упорно целясь за устаревшие представления Леера о военном деле в наполеоновских традициях. К несчастью, опыт русско-турецкой войны — которая по большей части велась против пассивного врага на театрах, сравнительно не затронутых новыми технологиями (за исключением тех, которые принесли туда сами армии), — вряд ли мог привести к пересмотру традиционных интерпретаций и концепций. Что ещё хуже, русские не умели систематически извлекать выгоду из уроков военной истории, понимаемых в узком смысле как опыт ведения сражений. Не случайно офицеры куропаткинского поколения, четвертью столетия ранее ставшие свидетелями крупномасштабных сражений в Болгарии, в 1904 г. привезли с собой на Дальний Восток привычки, приобретённые в иное время, в ином месте и в боях с менее энергичным врагом. В частности, благодаря доминированию лееровских идей в учебном процессе Николаевской академии не было случайностью и то, что более молодые офицеры не сумели бросить серьёзный вызов концепциям своих начальников или потребовать интеллектуальной переоценки устаревшего боевого опыта.

А. А. Незнамов очень хорошо понимал эту проблему: ни давний опыт, ни наполеоновские принципы в интерпретации Жомини и Леера не позволяли Куропаткину и его коллегам-офицерам в полной мере оценить резко возросший

⁸⁵⁷ *Герра* А. В. После войны: о нашей армии. С. 28–29, 35.

⁸⁵⁸ Определение оперативного искусства см.: *Свечин* А. А. Стратегия. С. 15.

темп современного сражения. Традиционные представления о бое включали планомерное развёртывание во время марша к полю сражения, просчитанный манёвр навстречу противнику, сосредоточение сил, паузу для того, чтобы провести окончательную разведку и отдать приказы, и собственно сражение. Однако начиная с 1850-х гг. всё более явно начала проявляться тенденция к ускоренному вводу войск в бой прямо с марша, без паузы на сосредоточение и планомерное развитие сражения. Вместо упорядоченного противоборства новые командиры, особенно германские (и их японские ученики) старались использовать импульс и размах встречного сражения для того, чтобы завязать ряд путаных и с первого взгляда разрозненных боёв, создававших максимум свободы действий для развития инициативы и управляемых штабных импровизаций. Сражения и развитие операций более чем когда-либо стали походить на бешеный вихрь, и вознаграждёнными оказывались те офицеры, которые были интеллектуально и организационно подготовлены к сумятице на поле боя и умели извлекать из неё выгоду. Что же касается российского обучения на штабном уровне и боевого опыта (в основном полученного в 1877–1878 гг.), то они едва ли могли подготовить Куропаткина и его офицеров к тому, чтобы поспеть за нарастающим темпом сражения, в ходе которого противник старался превратить такие сильные стороны русской армии, как массовость и негибкость, в её слабости. Как только Незнамов и его современники после 1905 г. разобрались в новой ситуации, они оказались безнадежно втянуты в гонку адаптации с катастрофой, охватившую их собственную армию.

Хаотичная природа современной битвы, наряду с проблемами масштабов, мобилизации ресурсов и применения новых технологий подчёркивали значение не только скорости, но и децентрализации в сфере командования, управления и коммуникаций. Смертоносность оружия, использующего бездымный порох, требовала рассеяния на поле боя и тактики разомкнутого строя, однако мало кто из тогдашних обозревателей и последующих критиков устаревших (как тогда казалось) типов построения и приёмов боя мог предложить альтернативные варианты, которые бы включали удовлетворительные и работоспособные методы управления⁸⁵⁹. В период 1877–1914 гг. русские пытались заменить батальон ротой в качестве основной тактической единицы. Однако успех этого тактического решения в большой степени зависел от подготовленности младших офицеров и унтер-офицеров, а в России по различным причинам наблюдалась нехватка и тех, и других, особенно в условиях длительных боевых действий. Кроме того, вопрос упирался в развитие новых технологий, включая массовое распространение телефонов, а впоследствии и появление радио. В данном отношении русские

⁸⁵⁹ На эту тему см.: *Paddy Griffith*, *Forward into Battle* (Chichester, Sussex, 1981), 69–72.

не спешили воспользоваться преимуществами новых методов связи, и это отставание часто мешало им своевременно реагировать на быстро изменяющуюся ситуацию на поле боя.

Одновременно с тем ни опыт, ни обучение не подготовили русских (и, разумеется, их всевозможных противников) к тому, чтобы эффективно отреагировать на неожиданное возрождение традиционной осадной войны в современном обличье. Несмотря на тот упор, который теоретики делали на наступлении, манёвре и быстром развёртывании решающего сражения, атаки на Плевну и Порт-Артур свидетельствовали, что медленно разворачивающиеся и затратные штурмы подготовленных и полевых укреплений могут поглотить от трети до половины всех ресурсов полевых армий современного государства. Кроме того, Плевна и Порт-Артур обнажили фундаментальные проблемы координации и массированного воздействия современного боевого оружия, особенно полевой артиллерии. Решение этих проблем требовало не только дополнительного опыта, но и создания и массового применения новых приёмов и новых технологий.

В то же время русская мечта по использованию подвижности и массовости в форме крупных конных формирований для преодоления оперативных и тактических препятствий оставалась по большей части неосуществлённой. Хотя успехи, подобные действиям передового отряда генерала Гурко в 1877 г., выглядели весьма многообещающе, такие неудачи, как провал рейда генерала Мищенко на войне 1904–1905 гг., заставляли прийти к противоположным выводам⁸⁶⁰. В ретроспективе все же следует отметить то упорство, с каким русские цеплялись за свою идею глубокого удара перед лицом повторявшихся затруднений, связанных с концепцией, организацией и применением.

В конце XX века убеждение в том, что «любители говорят о тактике, а профессионалы — о логистике», стало общим местом в рассуждениях военных офицеров. В свете русского опыта 1861–1914 гг. этот афоризм можно переделывать в том смысле, что «любители говорят о числах, а профессионалы говорят о доктрине, связях и системах». Хотя физическая массовость и материальные активы являются важными переменными на войне, последовательное обеспечение военной мощи в той же степени зависит от единства замысла и воли, взаимодействия частей, и целостности организации, планирования и технологии. Именно эти качества армия Российской империи регулярно выказывала на низших уровнях. Или, перефразируя А. М. Зайончковского и Незнамова, каждая хорошая русская дивизия состояла из 64 превосходных рот. Критика откровенно сводилась к тому, что ошибки чаще происходят на высших уровнях командования и организационной иерархии.

⁸⁶⁰ *Menning*, «The Deep Strike in Russian and Soviet Military History», 19–21.

Регулярные провалы на уровне верховного командования вынудили русских создать к 1914 г. достаточно эффективную военную администрацию — возможно, самую эффективную со времён Милютина. Однако политический контекст лишал её работоспособности, отчасти вследствие неспособности Сухомлинова завоевать доверие как в военных кругах, так и за их пределами, а также недостатков, присущих политической системе царизма. Хотя историки придерживаются разных мнений по поводу неизбежности русских революций 1917 г., немногие оспаривают идею о том, что их причины в немалой степени коренились в оторванности верховной власти от народных масс. Как свидетельствует военный опыт, правительству следовало наладить более тесное взаимодействие и со своей армией. Одной из самых фундаментальных задач режима, пришедшего к власти в 1917 г., была такая перестройка военной структуры, которая бы гарантировала надёжную связь между политическим руководством и его вооружёнными силами.

Среди того наследия, которое новый советский военный истеблишмент получил от своего предшественника, была и склонность к осмыслению успехов и неудач — склонность, которой Россия и Советский Союз обязаны истоками своей современной военной науки. Поисками системы в сложных военных явлениях и их истолкования объясняется также зарождение институционально санкционированных военно-исторических исследований. Обсуждая животрепещущие вопросы своего времени, теоретики Российской империи разработали как интеллектуальные рамки, так и точную военную терминологию, многие элементы которой продолжают использоваться даже в конце XX века. Современные советские понятия военного искусства, включая общую стратегию, оперативное искусство и тактику, восходят ещё к дореволюционной военной теории. Это не было исторической случайностью: многие офицеры, получившие признание как военные теоретики ещё при царском режиме — в их число входили Свечин, Незнамов, Михневич и Зайончковский, — служили «военспецами» и в первые годы советского режима⁸⁶¹. Будучи не просто теоретиками и толкователями истории, они создавали непрерывную живую связь между старым и новым. В значительной степени благодаря их наследию в русских и советских концепциях оперативного искусства можно проследить чёткую линию развития, протянувшуюся из XIX в XX век.

Последнее замечание относится к той роли, которую военно-исторические исследования играли в организационном и тактическом развитии российской армии между 1861 и 1914 гг. По нескольким причинам для всей той эпохи характерен расцвет военной истории, который, однако, не всегда бла-

⁸⁶¹ Кастарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 224, 247.

готоворно сказывался на состоянии российской армии. Причиной тому являлись несвоевременность исследований, неумение дать отклик на насущные проблемы армии и, наконец, отсутствие взаимодействия с исследователями, разрабатывавшими военную доктрину. Эти уроки сохраняют свою актуальность и за рамками опыта, полученного Российской империей.

БИБЛИОГРАФИЯ

Неопубликованные документы

«Japanese Army, Information on, Gathered by the Russian Military Forces» (по-русски). 1904. Pavel A. Bazarov Papers, folder 1–8.

Zaionchkovskii, A. M. «Russia's Preparation for the World War: International Relations». Translation by Mary Ada Underhill and Lewis K. Underhill. U. S. Army Command and General Staff College Library.

Базаров П. А. Мнения иностранных военных агентов по вопросам, касающимся настоящей кампании. 2 декабря 1904 // Pavel A. Bazarov Papers, Hoover Institution Archives, folder 1–3.

Базаров Павел Александрович. Papers (на русском языке), 1904–1905. Hoover Institution Archives.

Головин Н. Н. Papers (в основном на русском языке), 1912–1943. Boxes 11–13, Hoover Institution Archives.

Idem. Стратегия в трудах военных классиков // N. N. Golovin Papers, Boxes 11–12.

Golovin N. N. «Sociology of War.» Typescript (in English), 1938. N. N. Golovin papers, Box 11.

Доманенко, генерал. Служба генерального штаба в дивизии и корпусе // Hoover Institution Archives.

Мылов С. Из опыта текущей войны // Pavel A. Bazarov Papers, folder 1–13.

Никольский Е. А. Служба в Главном штабе и в Главном управлении Генерального штаба (1903–1908 гг.) // 1934. E. A. Nikol'skii Memoirs.

Никольский Е. А. Воспоминания (на русском яз.). 1934. Hoover Institution Archives.

Стессель, генерал-адъютант. Главнейшие практические выводы из действий войск против Японцев. 20 августа 1904. Pavel A. Bazarov Papers, folder 1–13.

Опубликованные документы

- Center for Strategic Studies, Texas A&M University. «A Conference on the Soviet Military and the Future». Draft Transcript of Conference Proceedings. College Station, Tex., 1983.
- Chenevix-Trench, [Colonel] F. *Report on the Russian Army* [Confidential]. 16th October 1886. N.p.
- Erickson, John. «The Russian Imperial / Soviet General Staff». Center for Strategic Technology, Texas A&M University, College Station Papers 3. College Station, Tex., 1981.
- Great Britain, General Staff, War Office. *Handbook of the Russian Army*. [For Official Use Only]. 3rd, 4th, 5th and 6th eds. London, 1905, 1908, 1914.
- Idem. *Notes upon Company and Battalion Tactics and the Employment of Artillery in Battle Based upon the Russo-Japanese War Of 1904–5*. [For Official Use Only]. London, 1907.
- Idem. *Notes upon Russian Artillery Tactics in the War of 1904–5 with Conclusions Drawn Therefrom*. [For Official Use Only]. London, 1907.
- Idem. *Reorganisation of the Russian Head-Quarters Staff*. [Confidential]. N.p., 1904.
- Idem. *Report on Changes in Foreign Armies during 1908, 1909, and 1910*. [Confidential]. N.p., n.d.
- Idem. *Report on Foreign Manoeuvres*. [For Official Use Only, Confidential]. 1907, 1908, 1909, 1910, 1911, 1912, 1913.
- Idem. *Some Tactical Notes on the Russo-Japanese War*. [Confidential]. London, 1906.
- Idem. *Twenty Years of Russian Army Reform and the Present Distribution of Russian Land Forces*. [Confidential]. London, 1893.
- Great Britain, India Division of the Chief of Staff, *Lessons of the Russo-Japanese War*. [Confidential]. Simla, 1906.
- Great Britain, Intelligence Branch (Division), War Office. *Affairs in Turkestan*. [Secret]. London, 1886.
- Idem. *Analysis of General Kuropatkin's Scheme for the Invasion of India*. [Secret]. London, 1886.
- Idem. *Distribution of Russian Military Forces in Asia*. [Confidential]. London, 1903.
- Idem. *Foreign Manoeuvres, 1893, 1894, 1895, 1899, 1900, 1901*. [Confidential]. London, 1894, 1895, 1896, 1900, 1901, 1902.
- Idem. *Handbook of the Military Forces of Russia*. 1st ed. London, 1894. 2d ed. London, 1898.
- Idem. *Handbook of the Russian Army*. [For Official Use Only]. 3rd ed. London, 1902.
- Idem. *Handbook of the Russian Troops in Asia*. London, 1890.
- Idem. *Notes en Route from Srinagar to St. Petersburg (Overland) by Captain H. Picot*. London, 1892.
- Idem. *Notes on the Siberian Railway between Cheliabinsk and Lake Baikal Made between the 28th September and the 15th October 1896 by Lieut.-Colonel G. F. Broune*. [Confidential]. London, 1897.
- Idem. *Reports on Changes in Various Foreign Armies during the Year 1899, Together with Their Peace and War Strengths*. [Confidential]. (London, 1900).
- Idem. *Russia's Power to Concentrate Troops in Central Asia*. [Secret]. London, 1888.
- Idem. *System of Training of Staff Officers in Foreign Armies. Russia*. [Confidential]. London, 1901.

- Idem. *Twenty Years of Russian Army Reform and the Present Distribution of Russian Land Forces*. [Confidential]. London, 1893.
- Idem. *War Office Systems of Foreign Countries and India*. London, 1901.
- Great Britain, War Office. *The Armed Strength of Russia*. London, 1873.
- Idem. *The Armed Strength of Russia*. [Official Copy]. London, 1882, 1886.
- Idem. *The Armed Strength of Russian Empire*. [Confidential]. 2 vols. London, 1894.
- House, Jonathan M. «Towards Combined Arms Warfare.» Research Survey No. 2, Combat Studies Institute, U. S. Army Command and General Staff College. Fort Leavenworth, Kans., n.d.
- Lindsay, Captain A. B. *Russian Army List (Containing Composition and Stations of the Russian Army)*. 3rd ed. Simla, 1904.
- Reglement für die taktische Ausbildung der russischen Fusstruppen und Instruction für das Verhalten der Campanie und des Battalions in Gesechte*. Teschen, 1883.
- Rieber, Alfred J., ed. *The Politics of Autocracy: Letters of Alexander II to Prince A. I. Bariatin-skii, 1857–1864*. Paris and The Hague, 1966.
- Russische Felddienst-Vorschrift I. Teil. Dienst der Truppen Erschienen Juni 1899*. Vienna, 1899.
- U. S. War Department, Adjutant General's Office. *Extracts from the New Drill Regulations of the Russian Cavalry (Edition 1896)*. Trans. First Lieut. L. C. Scherer. Washington, D. C., 1898.
- Verordnungen über den Dienst im Felde für die Russische Armee vom Jahre 1881*. Hannover, 1884.
- Воинские уставы для пехоты. Варшава, 1902.
- Воинский устав о службе в учебных лагерях и в походах в мирное время пехоты, артиллерии и кавалерии. СПб., 1871.
- Воинский устав о строевой пехотной службе. Ч. 2. СПб., 1865.
- Воинский устав пешего строя кавалерии. СПб., 1884.
- Дневник А. Н. Куропаткина // Красный архив. Т. II. 1922. С. 9–112.
- Дневник Высочайшего пребывания Императора Александра II-го за Дунаем в 1877 году. СПб., 1878.
- Дневник Д. А. Милютин. В 4 т. / Под ред. П. А. Зайончковского. М., 1947–1950.
- Конспект стратегии составлен офицерами старшего класса Николаевской Академии Генерального штаба. СПб., 1887.
- Мнение Командира 4-го Армейского корпуса генерал-адъютанта Скобелева об организации местного военного управления и о корпусах [место и дата издания не указаны].
- Наставление для ведения боя пехотой (проект). СПб., 1910.
- Наставление для действий пехоты в бою. Высочайше утверждено 17 февраля 1914 г. СПб., 1914.
- Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. В 4 т. СПб., 1909–1911.
- Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков / Под ред. Л. Г. Бескровного. М., 1960.
- Сборник материалов по русско-турецкой войне. В 97 т. СПб., 1898–1911.
- Устав о воинской повинности // Военный сборник. Т. 95. № 2. Февраль 1874. С. 7–150.

Устав полевой службы. СПб., 1909.

Устав полевой службы. Высочайше утверждён 27 Апреля 1912 г. М., 1916.

Тезисы, диссертации и рукописи

Baumann, Robert Fred. «The Debates over Universal Military Service in Russia 1870–1874». Ph.D. diss., Yale University, 1982.

Bellamy, C. D. «Sukhomlinov's Army Reforms 1908–1915». M. A. Essay, King's College, University of London, 1978.

Brooks, Edwin Willis. «D. A. Miliutin: Life and Activity to 1856». Ph.D. diss., Stanford University, 1970.

Idem. «The Military and Industrialization in Reform Russia: The Railroad Connection». Manuscript, 1987.

Fuller, William C., Jr. «Strategy and Power in Russia, 1600–1914». Manuscript, 1990.

Jones, David R. «Russia's Armed Forces at War, 1914–1918: An Analysis of Military Effectiveness». Ph.D. diss., Dalhousie University, 1986.

Malanchuk, Gary Vincent. «The Training of an Army: M. I. Dragomirov and the Imperial Russian Army, 1860–1905». M. A. thesis, Miami University, 1978.

Menning, Bruce W. «Bayonets before Bullets: The Organization and Tactics of the Imperial Russian Army, 1861–1905». M. M. A. S. thesis, U. S. Army Command and General Staff College, 1984.

Moseley, Thomas Vernon. «Evolution of the American Civil War Infantry Tactics». Ph.D. diss., University of North Carolina, 1967.

Pintner, Walter M. «Russia as a Great Power, 1709–1856: Reflections on the Problem of Relative Backwardness, with Special Reference to the Russian Army and Russian Society». Occasional Paper No. 33, Kennan Institute for Advanced Russian Studies, Wilson Center for International Scholars, Smithsonian Institution. Washington, D. C., 1978.

Dyke, Carl Van. «Culture of Soldiers: The Role of the Nicholas Academy of the General Staff in the Development of Russian Imperial Military Science, 1832–1912». M. Phil. thesis, University of Edinburgh, 1989.

Idem. «Russia's Military Professionals: The Development of a Unified Military Doctrine at the Nicholas Academy of the General Staff, 1832–1914». Manuscript, 1990.

Von Wahlde, Peter. «Military Thought in Imperial Russia». Ph.D. diss., Indiana University, 1966.

Wilfong, Walter Thomas. «Rebuilding the Russian Army, 1904–1914: The Question of a Comprehensive Plan for National Defense». Ph.D. diss., Indiana University, 1977.

Книги

Andolenko, [General C. R.]. *Histoire de l'armée russe*. Paris, 1967.

Ashmead-Bartlett, Ellis. *Port Arthur: The Siege and Capitulation*, 2d ed. Edinburgh, 1906. *The Battle on the Schia Ho*. Trans. Karl von Donat. London, 1906.

Bellamy, Christopher. *Red God of War*. London, 1986.

- Best, Geoffrey, and Andrew Wheatcroft, eds. *War, Economy and the Military Mind*. London, 1976.
- Beyrau, Dietrich. *Militär und Gesellschaft im vorrevolutionären Russland*. Cologne and Graz, 1984.
- Bidwell, Shelford, and Dominick Graham. *Fire-Power: British Army Weapons and Theories of War 1904–1945*. London, 1982.
- Bradley, Joseph. *Guns for the Tsar*. DeKalb, Ill., 1990.
- Burne, A. H. *The Liao-yang Campaign*. London, 1936.
- Bushnell, John. *Mutiny amid Repression: Russian Soldiers in the Revolution of 1905–1906*. Bloomington, Ind., 1985.
- von Caemmerer, [Lieut.-General]. *The Development of Strategic Science during the 19th Century*. Trans. Karl von Donat. London, 1905.
- Curtiss, John Shelton. *The Russian Army under Nicholas I, 1825–1855*. Durham, N. C., 1965.
- Idem. *Russia's Crimean War*. Durham, N. C., 1979.
- Denikin, Anton I. *The Career of a Tsarist Officer: Memoirs, 1872–1916*. Trans. Margaret Patoski. Minneapolis, 1975.
- Dobrorolski, Sergei [General]. *Die Mobilmachung der russischen Armee 1914*. Berlin, 1922.
- von Drygalski, A., C. von Zepelin, C. F. Batsch. *Russland. Das Heer. Die Flotte*. Bd. 3, *Die Heere und Flotten der Gegenwart*, ed. C. von Zepelin. Berlin, 1898.
- English, John A. *A Perspective on Infantry*. New York, 1981.
- Epauchin [sic], [Colonel]. *Operations of General Gurko's Advance Guard in 1877*. Trans. H. Havelock. London, 1900.
- Erickson, John, and E. J. Feuchtwanger, eds. *Soviet Military Power and Performance*. Hamden, Conn., 1979.
- Fergusson, Thomas G. *British Military Intelligence, 1870–1914*. Frederick, Md., 1984.
- Fisher, H. H., ed. *Out of My Past: The Memoirs of Count Kokovtsov*. Stanford, Calif., 1935.
- Fuller, William C., Jr., *Civil-Military Conflict in Imperial Russia, 1881–1914*. Princeton, N. J., 1985.
- Garshin, Vsevolod. *From the Reminiscences of Private Ivanov and Other Stories*. Trans. Peter Hanry, Liv Tudge, Donald Rayfield, and Philip Taylor. London, 1988.
- Golovine, N. N. *The Russian Army in the World War*. New Haven, Conn., 1931.
- von der Goltz, Colmar Freiherr. *The Conduct of War*. Trans. G. F. Levenson. London, 1899.
- Greene, F. V. *Report on the Russian Army and Its Campaigns in Turkey in 1877–1878*. New York, 1879.
- Idem. *Sketches of Army Life in Russia*. New York, 1880.
- Griffith, Paddy. *Forward into Battle: Fighting Tactics from Waterloo to Vietnam*. Chichester, Sussex, 1981.
- Gurko, V. I. *Features and Figures of the Past: Government and Opinion in the Reign of Nicholas II*. Ed. J. E. Wallace Sterling, Xenia Eudin, and H. H. Fisher. Trans. Laura Matveev. Stanford, Calif., 1939.
- Hamilton, Ian. *A Staff Officer's Scrapbook*. London, 1905.
- Higham, Robin, and Jacob W. Kipp, eds. *Soviet Aviation and Air Power: A Historical View*. Boulder, Colo., 1977.

- Howard, Michael. *The Franco-Prussian War: The German Invasion of France, 1870–1871*. London, 1981.
- Idem. ed. *The Theory and Practice of War*. Bloomington, Ind., 1975.
- Ignatyev, A. A. *A Subaltern in Old Russia*. Trans. Ivor Montagu. London, 1944.
- Jelavich, Barbara. *St. Petersburg and Moscow: Tsarist and Soviet Foreign Policy, 1814–1974*. Bloomington, Ind., 1974.
- Keegan, John. *The Face of Battle*. New York, 1980.
- Idem. *Six Armies in Normandy*. New York, 1982.
- Keep, John L. H. *Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462–1874*. Oxford, 1985.
- Kennedy, Paul. *Strategy and Diplomacy 1870–1945*. London, 1984.
- Idem. Ed. *The War Plans of the Great Powers, 1880–1914*. London, 1979.
- Király, Béla K., and Gunther E. Rothenberg, eds. *War and Society in East Central Europe*, Brooklyn College Studies on Society in Change No. 10. New York, 1979.
- Kramer, Gustav. *Geschichte der Entwicklung des russischen Heeres von der Thronbestegung des Kaisers Nikolai I Pawlowitsch bis auf die neuste Zeit*. Leipzig, 1896–1897.
- Kuropatkin, A. N. *The Russian Army and the Japanese War*. Trans. A. B. Lindsay. 2 vols. New York, 1909.
- Lieven, D. C. B. *Russia and the Origins of the First World War*. New York, 1984.
- Luvaas, Jay. *The Military Legacy of the Civil War: The European Inheritance*. Chicago, 1959.
- MacKenzie, David. *The Lion of Tashkent: The Career of M. G. Cherniaev*. Athens, Ga., 1974.
- McElwee, William. *The Art of War: Waterloo to Mons*. Bloomington, Ind., 1974.
- McNeal, Robert H. *Tsar and Cossack, 1855–1914*. London, 1987.
- May, Ernest R., ed. *Knowing One's Enemies: Intelligence Assessment before the Two World Wars*. Princeton, N. J., 1984.
- Mayzel, Matitiah. *Generals and Revolutionaries. The Russian General Staff during the Revolution: A Study in the Transformation of the Military Elite*. Osnabruck, 1979.
- Miller, Forrestt A. *Dmitrii Miliutin and the Reform Era in Russia*. Nashville, Tenn., 1968.
- Nojine, E. K. *The Truth about Port Arthur*. Trans. A. B. Lindsay. London, 1908.
- Norregaard, B. W. *The Great Siege: The Investment and Fall of Port Arthur*. London, 1906.
- Paret, Peter, ed. *Makers of Modern Strategy from Machiavelli to the Nuclear Age*. Princeton, N. J., 1986.
- Pierce, Richard A. *Russian Central Asia*. Berkeley, Calif., 1960.
- Reddel, Carl W., ed. *Transformation in Russian and Soviet Military History*. Washington, D. C., 1990.
- Russes et Turcs: La Guerre d'Orient*. 2 vols. Paris, 1877–1878.
- Die Russische Armee*. Berlin, 1912.
- Sakurai, Tadayoshi. *Human Bullets (Niku-Dan): A Soldier's Story of Port Arthur*. Trans. Masujiro Honda and Alice Bacon. Tokyo, 1907.
- Screen, J. E. O. *The Helsinki Yunker School 1846–1879*. Helsinki, 1986.
- Showalter, Dennis E. *Railroads and Rifles: Soldiers, Technology, and the Unification of Germany*. Hamden, Conn., 1975.
- Snyder, Jack. *The Ideology of the Offensive*. Ithaca, N. Y., 1984.

- Stone, Norman. *The Eastern Front 1914–1917*. London, 1975.
- Suchomlinow, W. A. *Erinnerungen*. Berlin, 1924.
- von Tettau, Freiherr. *Achtzehn Monate mit Russlands Heeren in der Mandschurei*. 2 vols. Berlin, 1907.
- Thaden, Edward C. *Russia Since 1801*. New York, 1971.
- Tretiakov, N. A. *My Experiences at Nan Shan and Port Arthur with the Fifth East Siberian Rifles*. Trans. A. C. Alford. London, 1911.
- Winton, Harold R. *To Change an Army*. Lawrence, Kans., 1988.
- Wirtschaftler, Elise Kimerling. *From Serf to Russian Soldier*. Princeton, N. J., 1990.
- Wood, Oliver Ellsworth. *The Yalu to Port Arthur*. Kansas City, Mo., 1905.
- Zaionchkovskii, P. A. *The Russian Autocracy in Crisis, 1878–1882*. Trans. and ed. G. M. Hamburg. Gulf Breeze, Fla., 1979.
- Баженов П. Действия русской кавалерии во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1904.
- Байков Л. Л. Свойства боевых элементов и подготовка войск к войне и бою. Одесса, 1910.
- Барский Б. Е. Организация и управление тылом. М.–Л.: 1926.
- Барсуков Е. Русская артиллерия в мировую войну. В 2 т. М., 1938.
- Белицкий С. М. Стратегические резервы. М.–Л., 1930.
- Беляев Н. И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956.
- Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в.: Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986.
- Idem. Очерки военной историографии России. М., 1962.
- Idem. Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957.
- Idem. Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973.
- Idem. Русское военное искусство XIX в. М., 1974.
- Богданович Е. В. Гвардия русского Царя на софийской дороге 12 октября 1877 г. СПб., 1879.
- Боевое снабжение русской армии в войну 1914–1918 гг. / Сост. А. А. Маниковский. В 3-х ч. М., 1920–1923.
- Большие манёвры в Высочайшем присутствии под городом Псковом 5–10 августа 1903 г. СПб., 1904.
- Бонч-Бруевич М. Бой. Киев. 1909.
- Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 1983.
- Буныковский В. Тактика боя по опыту русско-японской войны. СПб., 1912.
- Idem. Тактика и техника боевых действий пехоты (Краткое пособие начальникам всех родов войск). СПб., 1912.
- Idem. Чернявский И. Поход, отдых и бой по опыту текущей войны. М., 1916.
- Верховский А. И. Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX в. М., 1921.
- Виноградов В. И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1978.
- Витте С. Ю. Воспоминания. В 3 т. М., 1960.
- Военно-инженерные войска русской армии / Под ред. В. И. Железных. М., 1958.

- Военно-морская стратегическая игра 1902 г. на тему «Занятие русскими силами верхнего Босфора». СПб., 1902.
- Газенкампф М. Мой дневник 1877–1878 гг. СПб., 1908.
- Гареев М. А. Общевоинские учения. М., 1983.
- Гершельман Ф. Кавалерия в войнах XX века. СПб., 1908.
- Геруа А. В. К познанию армии. СПб., 1907.
- Idem. После войны: О нашей армии. СПб., 1907.
- Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни. В 2 т. Париж, 1969–1970.
- Главное управление Генерального штаба. Вооружённые силы Австро-Венгрии. В 2 т. СПб., 1912.
- Главное управление Генерального штаба. Вооружённые силы Германии. В 2 т. СПб., 1912–1914.
- Глиноецкий Н. П. Исторический очерк Николаевской Академии генерального штаба. СПб., 1882.
- Головин Н. Н. Служба генерального штаба. СПб., 1912.
- Грулёв М. В. Записки генерала-еврея. Париж, 1930.
- Данилов Н. А. Лекции по военной администрации. Л., 1926.
- Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне 1914–1915 гг. Берлин, 1924.
- Елчанинов А. Г. Ведение современных войны и боя. СПб., 1909.
- Жилин П. А. История военного искусства. М., 1986.
- Жук А. Б. Винтовки и автоматы. М., 1987.
- Idem. Револьверы и пистолеты. М., 1983.
- Зайончковский А. М. Лекции по стратегии, читанные на военно-академических курсах высшего состава в Военной академии РККА в 1922–1923 гг. В 2 ч. М., 1923.
- Idem. Мировая война 1914–1918. 2-е изд. М., 1931.
- Idem. Наступательный бой по опыту действий генерала Скобелева в сражениях Ловчей, Плевной (27 и 30 августа) и Шейново. СПб., 1893.
- Idem. Подготовка России к империалистической войне. М., 1926.
- Зайончковский П. А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952.
- Idem. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.
- Idem. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973.
- Золотарев В. А. Россия и Турция. Война 1877–1878 гг. М., 1983.
- Idem. Русско-турецкая война 1877–78 гг. в отечественной историографии. М., 1978.
- Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1988.
- Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских / Сост. А. И. Макшеев. СПб., 1890.
- История Первой мировой войны 1914–1918 / Под ред. И. И. Ростунова. В 2 т. М., 1975.
- История русской армии и флота / Под ред. А. С. Гришинского, В. П. Никольского и Н. Л. Кладо. В 16 т. М., 1911–1913.
- История русско-японской войны 1904–1905 гг. / Под ред. И. И. Ростунова. М., 1977.
- Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988.
- Керсновский А. А. Философия войны. Белград, 1939.

- Idem. История русской армии. В 4 ч. Белград, 1933–1938.
- Коленковский А. Манёвренный период первой мировой империалистической войны 1914 г. М., 1940.
- Комплектование и устройство вооружённой силы / Сост. А. Редигер. 4-е изд., в 2 т. СПб., 1913.
- Краткий курс истории военного искусства в средние и новые века / Сост. П. А. Гейсман. В 3 ч. СПб., 1893–1896.
- Курс тактики для гв. офицеров учебного пехотного батальона / Сост. М. И. Драгомиров. 2-е изд. СПб., 1867.
- Курс элементарной тактики / Сост. П. М. Гудим-Левкович. В 3 т. СПб., 1887–1890.
- Левицкий Н. А. Русско-японская война 1904–1905 гг. 3-е изд. М., 1938.
- Леер Г. А. Записки стратегии. 3-е изд. СПб., 1877.
- Idem. Метод военных наук (стратегии, тактики и военной истории). СПб., 1894.
- Idem. Опыт критико-исторического исследования законов искусства ведения войны (Положительная стратегия). СПб., 1871.
- Idem. Стратегия. СПб., 1885.
- Лобко П. Л. Записки военной администрации. 6-е изд. В 3 ч. СПб., 1906.
- Мавродин В. А., Мавродин Вал. В. Из истории отечественного оружия (русская винтовка). Л., 1981.
- Мартынов Е. И. Из печального опыта Русско-Японской войны. 2-е изд. СПб., 1907.
- Idem. Стратегия в эпоху Наполеона и в наше время. СПб., 1894.
- Мелikov В. А. Проблема стратегического развёртывания по опыту мировой и гражданской войн. М., 1935.
- Мещеряков Г. П. Русская военная мысль в XIX в. М., 1973.
- Милютин Д. А. Воспоминания. Репринтное изд. Newtonville, Mass., 1979.
- Михневич Н. П. Влияние новейших технических изобретений на тактику войск. СПб., 1893.
- Незнамов А. А. Из опыта русско-японской войны (Заметки офицера Генерального штаба). 2-е изд. СПб., 1906.
- Idem. Основы современной стратегии. М., 1919.
- Idem. Современная война. 2-е изд. СПб., 1912.
- Idem. Требования, которые предъявляет современный бой к подготовке (обучению) начальников и масс. СПб., 1909.
- Обзор деятельности военного министерства в царствование Императора Александра III-ого 1881–1894. СПб., 1903.
- Описание русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. В 9 т. и 14 кн. СПб., 1901–1913.
- Опыт исследования тактики массовых армий / Сост. П. А. Гейсман. СПб., 1894.
- Отечественная артиллерия. 600 лет / Под ред. Г. Е. Передельского. М., 1986.
- Очерк деятельности военного министерства за истёкшее десятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Александровича 1881–1890. СПб., 1892.
- Певнев А. Войсковая конница и её боевое использование. М., 1926.

- Проблемы истории феодальной России. Сборник статей к 60-летию проф. В. В. Мавродина. Л., 1971.
- Прокофьев Е. А. Военные взгляды декабристов. М., 1953.
- Пузыревский А. К. Десять лет назад. Война 1877–78 гг. СПб., 1887.
- Развитие тактики русской армии / Сост. Д. В. Панков. М., 1957.
- Редигер А. Учебные записки по военной администрации. СПб., 1888.
- Ростунов И. И. Русский фронт первой мировой войны. М., 1976.
- Русская военная мысль, конец XIX — начало XX в. / Под ред. П. А. Жилина. М., 1982.
- Русско-турецкая война 1877–1878 / Под ред. И. И. Ростунова. М., 1977.
- Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Балканы / Под ред. Г. Л. Арша, В. Н. Виноградова и др. М., 1978.
- Русско-японская война 1904–1905 гг. В 9 т., 16 кн. СПб., 1910–1913.
- Русско-японская война 1904–1905 года / Сост. В. А. Черемисов. Киев, 1907.
- Русско-японская война в сообщениях в Николаевской Академии Генерального штаба / под ред. А. Байова. В 2 т. СПб., 1906.
- Сборник военных рассказов, составленных офицерами-участниками войны 1877–1878. В 3 т. СПб., 1878.
- Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова 1858–1880. В 2 т. СПб., 1881.
- Свечин А. А. Русско-японская война 1904–1905 гг. Ораниенбаум, 1910.
- Idem. Стратегия. 2-е изд. М., 1927.
- Idem. Эволюция военного искусства с древнейших времён до наших дней. В 2 т. М.–Л., 1927–1928.
- Сказания иностранцев о Русской Армии в войну 1904–1905 гг. СПб., 1912.
- Сорокин А. И. Оборона Порт-Артура. М., 1954.
- Справочник по истории дореволюционной России / Под ред. П. А. Зайончковского. 2-е изд. М., 1978.
- Степанов М. П. Руцукский отряд в 1877–1878 гг. Исторический очерк. СПб., 1888.
- Столетие Военного Министерства / Под ред. Д. А. Скалона. В 13 т. и 48 ч. СПб., 1902–1913.
- Стратегия / Сост. Н. П. Михневич. 3-е изд. СПб., 1911.
- Стратегия в трудах военных классиков / Под ред. А. А. Свечина. В 2 т. М., 1926.
- Строков А. А. Вооружённые силы и военное искусство в первой мировой войне. М., 1974.
- Idem. История военного искусства. М., 1965.
- Сухомлинов В. А. Воспоминания. Берлин, 1924.
- Тактика. Подробный конспект для военных и юнкерских училищ / Сост. К. Н. Дуроп. В 2-х частях. СПб., 1886.
- Тактические примеры для военных и юнкерских училищ / Сост. Г. Зандер. 2-е изд. Одесса, 1897.
- Ушаков К. П. Подготовка военных сообщений России к мировой войне. М.–Л., 1928.
- Фадеев Р. Вооружённые силы России. М., 1868.
- Фёдоров А. В. Русская армия в 50–70-х годах XIX века. Л., 1959.

- Федоров В. Г. Вооружение русской армии в крымскую кампанию. СПб., 1904.
- Idem. Вооружение русской армии за XIX столетие. СПб., 1911.
- Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. В 2 т. Нью-Йорк, 1954.
- Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1974.
- Шацилло К. Ф. Россия перед первой мировой войной (Вооружённые силы царизма в 1905–1914 гг.) М., 1974.
- Idem. Русский империализм и развитие флота. М., 1968.
- Шварц Н. Устройство военного управления. 2-е изд. М.–Л., 1927.
- Эволюция военного искусства: Этапы, тенденции, принципы / Под ред. Ф. Ф. Гайворонского. М., 1987.

Статьи

- Askew, William C. «Russian Military Strength on the Eve of the Franco-Prussian War». *Slavonic and East European Review*, 30 (1951), 185–205.
- Baumann, Robert F. «Universal Service Reform and Russia's Imperial Dilemma». *War & Society*, 4, no. 2 (September 1986), 31–49.
- Idem. «Subject Nationalities in the Military Service of Imperial Russia: The Case of the Bashkirs». *Slavic Review*, 46, no. 3 / 4 (Fall / Winter 1987), 489–502.
- Bellamy, Christopher D. «Antecedents of the Modern Soviet Operational Manoeuvre Group (OMG)». *RUSI*, 129, no. 3 (September 1984), 50–58.
- Idem. «Heirs of Genghis Khan: The Influence of the Tartar-Mongols on the Imperial Russian and Soviet Armies». *RUSI*, 128, no. 1 (March 1983), 52–60.
- Idem. «The Russian Artillery and the Origins of Indirect Fire». *Army Quarterly and Defence Journal*, 112, no. 2 (April 1982), 211–22, no. 3 (July 1982), 330–337.
- Idem. «Seventy Years On: Similarities between the Modern Soviet Army and Its Tsarist Predecessor». *RUSI*, 124, no. 3 (September 1979), 29–38.
- Bond, Brian. «Doctrine and Training in the British Cavalry, 1870–1914». In Michael Howard (ed.), *The Theory and Practice of War*, 95–125.
- Brooks, E. Willis. «The Improbable Connection: D. A. Miljutin and N. G. Cernyshevskij». *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. No. 37, H. I (1989), 21–43.
- Idem. «Reform in the Russian Army, 1856–1861». *Slavic Review*, 43, No. 1 (Spring 1984), 63–82.
- Bushnell, John. «Peasants in Uniform: The Tsarist Army as a Peasant Society». *Journal of Social History*, 13, no. 4 (Summer 1980), 565–576.
- Idem. «The Revolution of 1905–1906 in the Army: The Incidence and Impact of Mutiny». *Russian History*, 12, no. 1 (Spring 1985), 71–94.
- Idem. «The Tsarist Officer Corps 1881–1914: Customs, Duties, Inefficiency». *American Historical Review*, 86, no. 3 (June 1981), 753–780.
- Curtiss, John S. «The Army of Nicholas I: Its Role and Character». *American Historical Review*, 63, no. 4 (July 1958), 880–889.
- Erickson, John. «The Soviet Military System: Doctrine, Technology and 'Style'». In John Erickson and E. J. Feuchtwanger (eds.), *Soviet Military Power and Performance*, 18–43.

- Fuller, William C., Jr. «The Russian Empire». In Ernest R. May (ed.), *Knowing One's Enemies: Intelligence Assessment before the Two World Wars*, 98–126.
- Irvine, Dallas D. «The Origin of Capital Staffs». *Journal of Modern History*, 10, no. 2 (June 1938), 161–179.
- Jones, David R. «Administrative System and Policy-Making Process». In *The Military-Naval Encyclopedia of Russia and the Soviet Union*, II, 34–169.
- Idem. «Advanced Guard (Avangard)». In *The Military-Naval Encyclopedia of Russia and the Soviet Union*, IV, 54–190.
- Idem. «The Beginnings of Russian Air Power, 1907–1922». In Robin Higham and Jacob W. Kipp (eds.), *Soviet Aviation and Air Power: A Historical View*, 15–33.
- Keep, John L. H. «Chernyshevskii and the 'Military Miscellany'». In Inge Auerbach et al. (eds.), *Felder und Vorfelder russischer Geschichte i Studien zu Ehren von Peter Scheibert*, III–33.
- Idem. «The Military Style of the Romanov Rulers». *War & Society*, I, no. 2 (September 1983), 61–84.
- Idem. «The Origins of Russian Militarism». *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*, 26, no. 1 (January–March 1985), 5–20.
- Idem. «The Russian Army's Response to the French Revolution». *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, Bd. 28 (1980), H. 4, 499–523.
- Kenez, Peter. «Autocracy and the Russian Army». *Russian Review*, 13, no. 5 (July 1974), 201–205.
- Idem. «A Profile of the Prerevolutionary Officer Corps». *California Slavic Studies*, 7 (1973), 121–158.
- Kennedy, Paul. «Mahan versus MacKinder: Two Interpretations of British Seapower». In Paul Kennedy, *Strategy and Diplomacy 1870–1945*, 43–85.
- Kipp, Jacob W. «Tsarist Politics and the Naval Ministry, 1876–1881: Balanced Fleet or Cruiser Navy?». *Canadian-American Slavic Studies*, 17, no. 2 (Summer 1983), 151–179.
- Kipp, Jacob W., and Maia Kipp. «The Grand Duke Konstantin Nikolaevich: The Making of a Tsarist Reformer». *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, Bd. 34 (1986), H. 1, 3–18.
- Kipp, Jacob W., and W. Bruce Lincoln. «Autocracy and Reform: Bureaucratic Absolutism and Political Modernization in Nineteenth-Century Russia», *Russian History*, 6, pt. 1 (1979), 1–21.
- Lockett, Richard. «Prerevolutionary Army Life in Russian Literature». In Geoffrey Best and Andrew Wheatcroft (eds.), *War, Economy and the Military Mind*, 19–31.
- Luvaas, Jay. «European Military Thought and Doctrine, 1870–1914». In Michael Howard (ed.), *The Theory and Practice of War*, 69–93.
- McNeal, Robert H. «The Reform of Cossack Military Service in the Reign of Alexander II». In Béla K. Király and Gunther E. Rothenberg, eds., *War and Society in East Central Europe*, 409–421.
- Mahon, John K. «Civil War Infantry Assault Tactics». *Military Affairs*, 25 (1961), 57–68.
- Mayzel, Matitiah. «The Formation of the Russian General Staff, 1880–1917: A Social Study». *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*, 16, nos. 3–4 (July–December 1975), 297–321.
- Menning, Bruce W. «A. I. Chernyshev: A Russian Lycurgus». *Canadian Slavonic Papers*, 30, no. 2 (June 1988), 190–219.

- Idem. «The Army and Frontier in Russia». In Carl W. Reddel (ed.), *Transformation in Russian and Soviet Military History*, 25–38.
- Idem. «The Deep Strike in Russian and Soviet Military History». *Journal of Soviet Military Studies*, 1, no. 1 (April 1988), 9–28.
- Idem. «Russian Military Innovation in the Second Half of the Eighteenth Century». *War & Society*, 2, no. 1 (May 1984), 23–41.
- Idem. «Train Hard, Fight Easy: The Legacy of A. V. Suvorov and His 'Art of Victory'». *Air University Review*, 38, no. 1 (November-December 1986), 79–88.
- Morrill, Dan L. «Nicholas II and the First Hague Conference». *Journal of Modern History*, 46, no. 2 (June 1974), 296–313.
- Pintner, Walter M. «The Burden of Defense in Imperial Russia, 1725–1914». *Russian Review*, 43, no. 3 (July 1894), 231–259.
- Idem. «Russian Military Thought: The Western Model and the Shadow of Suvorov». In Peter Paret (ed.), *Makers of Modern Strategy*, 354–375.
- Ray, Oliver Allen. «The Imperial Russian Army Officer». *Political Science Quarterly*, 76, no. 4 (December 1961), 575–590.
- Rothenberg, Gunther E. «Moltke, Schlieffen, and the Doctrine of Strategic Envelopment». In Peter Paret (ed.), *Makers of Modern Strategy*, 296–325.
- Schneider, James J. «The Theory of the Empty Battlefield». *RUSI*, 132, no. 3 (September 1987), 37–44.
- Stein, H. P. «Der Offizier des russischen Heeres im Zeitabschnitt zwischen Reform und Revolution (1861–1905)». *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, 13 (1967), 346–507.
- Stone, Norman. «Organising an Economy for War: The Russian Shell Shortage, 1914–1917». In Geoffrey Best and Andrew Wheatcroft (eds.), *War, Economy and the Military Mind*, 108–119.
- Towle, P. A. «British Estimates of Japanese Military Power, 1900–1914». In Philip Towle (ed.), *Estimating Military Power*, 111–138.
- Turner, L. C. F. «The Russian Mobilization in 1914». *Journal of Contemporary History*, 3, no. 1 (January 1968), 65–88.
- Idem. «The Russian Mobilization in 1914». In Paul M. Kennedy (ed.), *The War Plans of the Great Powers, 1880–1914*, 252–268.
- Von Wahlde, Peter. «Dmitrii Miliutin: Appraisals». *Canadian Slavic Studies*, 3, no. 2 (Summer 1969), 400–414.
- Idem. «A Pioneer of Russian Strategic Thought: G. A. Leer, 1829–1904». *Military Affairs*, 35, no. 4 (December 1971), 1–8.
- Idem. «Russian Military Reform: 1862–1874». *Military Review*, 39, no. 10 (January 1960), 60–69.
- Авдеев В. А. Военно-исторические исследования в Академии Генерального штаба русской армии // Военно-исторический журнал. № 12. Декабрь 1987. С. 77–80.
- Idem. Военно-исторические исследования в русской армии // Военно-исторический журнал. № 3. Март 1986. С. 81–84.
- Агеев А. Военно-теоретические взгляды Н. П. Михневича // Военно-исторический журнал. № 1. Январь 1975. С. 90–95.
- Idem. Военно-теоретическое наследие А. А. Незнамова // Военно-исторический журнал. № 11. Ноябрь 1983. С. 84–89.

- Idem. Из дневника Н. П. Михневича // Военно-исторический журнал. № 5. Май 1976. С. 69–75.
- Idem. Офицеры русского генерального штаба об опыте русско-японской войны 1904–1905 гг. // Военно-исторический журнал. № 8. Август 1975. С. 99–104.
- Адариди А. Любителям доктрины // Русский инвалид. № 14. 17 января 1912. С. 3.
- Адасовский. Влияние малокалиберного оружия и бездымного пороха на действия артиллерии в бою // Военные беседы, исполненные в штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа в 1892–1893 гг. Т. XIII. 1893. С. 109–133.
- Барбасов А. Русский военный деятель Н. Н. Обручев // Военно-исторический журнал. № 8. Август 1973. С. 100–105.
- Баумгартен А. Артиллерийские заметки // Военный сборник. № 7. Июль 1898. С. 122–146; № 8. Август 1898. С. 442–460.
- Idem. Артиллерия в полевом бою // Военный сборник. Т. 194. № 8. Август 1890. С. 310–348.
- Idem. К вопросу об артиллерийских массах // Военный сборник. Т. 179. Т. 2. Февраль 1888. С. 285–310.
- Б-в А. К 75-летию Николаевской академии генерального штаба // Военный сборник. № 12. Декабрь 1907. С. 213–234.
- Безруков А. Поддержка связи между отдельными частями на войне // Военные беседы, исполненные в штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа за 1893–1894 гг. Т. XV. 1894. С. 109–144.
- Бильдерлинг А. Дмитрий Алексеевич Милютин // Военный сборник. № 2. Февраль 1912. С. 3–16.
- Болдырев В. Е., Друцкой С. А. Плевна // Военная энциклопедия. Т. XVIII. С. 455–469.
- Большаков И. Русская разведка в первой мировой войне 1914–1918 годов // Военно-исторический журнал. № 5. Май 1964. С. 44–48.
- Бонч-Бруевич М. М. И. Драгомиров. Основы воспитания и образования войск // Военно-исторический журнал. № 3. Март 1973. С. 75–80.
- Борецкий А. Уставы и жизнь (К полемике о единой военной доктрине) // Русский инвалид. № 15. 19 января 1912. С. 4–5.
- Борисов В. Значение Клаузевица в современной военной науке // Военный сборник. Т. 244. № 12. Декабрь 1898. С. 241–247.
- Борисов Д. С. Научный подвиг военного инженера // Военно-инженерное искусство и инженерные войска русской армии / Под ред. В. И. Железных. С. 173–184.
- Бородин М. Граф Д. А. Милютин в отзывах его современников // Военный сборник. № 5. Май 1912. С. 1–16. № 6. Июнь 1912. С. 1–20.
- Васильев А. В. Стрелковое оружие русской армии в первой мировой войне // Военно-исторический журнал. № 7. Июль 1987. С. 82–83.
- Виноградский А. Н. Русско-Японская война. Обстановка перед войной // История русской армии и флота / Под ред. А. С. Гришинского и др. Т. XIV. С. 5–58.
- Idem. Тактика скорострельной артиллерии // Военный сборник. Т. 257. № 1. Январь 1901. С. 99–104.
- Военные реформы Императора Александра II // Вестник Европы. Т. 17. № 1. Январь 1882. С. 5–35.
- Война / под ред. К. М. Войде // Военный сборник. Т. 245. № 1. Январь 1899. С. 5–37. Т. 256. № 12. Декабрь 1900. С. 387–404.

- Волоцкий Н. Теория вероятностей и боевое снабжение артиллерии // Военный сборник. № 2. Февраль 1904. С. 139–152; № 3. Март 1904. С. 135–144.
- Idem. Теория вероятностей и боевое снабжение патронами // Военный сборник. № 11. Ноябрь 1904. С. 81–100.
- Воронов П. Начало Плевны // Военный сборник. Т. 252. № 3. Март 1900. № 4. Апрель 1900. С. 245–271.
- В. П. Несколько слов о генеральном штабе // Военный сборник. № 5. Май 1871. С. 140–144.
- Г. Попытка к выяснению вероятнейшего значения малодымного пороха в полевом бою // Военный сборник. Т. 198. № 4. Апрель 1891. С. 212–226.
- Гейсман П. А. Подготовка к войне в широком смысле // Военные беседы, исполненные в штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа в 1894–1895 годах. Т. XVI. 1895. С. 97–160.
- Глиноецкий Н. Заметки о полевых поездках офицеров генерального штаба // Военный сборник. Т. 87. № 10. Октябрь 1872. С. 249–267.
- Гололобов А. Наша академия генерального штаба // Военный сборник. Т. 79. № 5. Май 1871. С. 61–139.
- Григорьев В. Доктрина — наука, учение // Русский инвалид. № 36. 16 февраля 1912. С. 4–5.
- Гулевич А. А. Война и народное хозяйство // Военный сборник. Т. 239. № 1. Январь 1898. С. 60–75. Т. 241. № 5. Май 1898. С. 17–57. № 6. Июнь 1898. С. 257–310.
- Далинский. Единение и антагонизм в армии // Русский инвалид. № 270. 17 декабря 1911. С. 5.
- Д-в Н. В. Наши боевые инструкции и наставления // Военный сборник. Т. 241. № 5. Май 1898. С. 81–102. № 6. Июнь 1898. С. 336–357. № 7. Июль 1898. С. 81–107.
- Дегтярёв. Бой роты и батальона и применение артиллерии в бою по опыту русско-японской войны // Военный сборник. № 9. Сентябрь 1906. С. 69–82.
- Деревянко И. В. Мозг армии // Военно-исторический журнал. № 10. Октябрь 1989. С. 79–80.
- Idem. Русская агентурная разведка в 1902–1905 гг. // Военно-исторический журнал. № 5. Май 1989. С. 76–78.
- Доманевский В. Н. Единство военной доктрины // Русский инвалид. № 274. 22 декабря 1911. С. 4.
- Idem. Единство военной доктрины и полевой устав // Русский инвалид. № 5. 6 января 1912. С. 5.
- Idem. К спору о злободневном вопросе // Русский инвалид. № 23. 28 января 1912. С. 4–5.
- Idem. Самодеятельность начальников // Русский инвалид. № 48. 1 марта 1912. С. 5.
- Idem. Служба генерального штаба // Русский инвалид. № 266. 13 декабря 1911. С. 3–4.
- Idem. Служба генерального штаба в штабе дивизии // Русский инвалид. № 11. 14 января 1912. С. 3.
- Idem. Служба генерального штаба в штабе корпуса // Русский инвалид. № 31. 10 февраля 1912. С. 4–5.
- Драгомиров М. И. Конспект лекций по тактике // Военный сборник. № 9. Сентябрь 1912. С. 1–28.

Idem. По поводу некоторых статей, вызванных последними двумя кампаниями // Военный сборник. Т. 88. № 12. Декабрь 1872. С. 253–274, 289. № 1. Январь 1873. С. 89–106. № 3. Март 1873. № 4. Апрель 1873. С. 267–276.

Драгун. Заметки о коннице // Военный сборник. Т. 179. № 2. Февраль 1888. С. 281–294.

Дружинин К. Военное дело в России при вступлении на престол Императора Александра II и перед войной 1877–1878 гг. // История русской армии и флота / Под ред. А. С. Гришинского и др. Т. XI. С. 5–22.

Idem. Исследование стратегической деятельности германской кавалерии в кампанию 1870 года, до сражения Марс-ла-Туре включительно // Военные беседы, исполненные в штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа в 1896–1897 гг. Т. XIX. 1897. С. 5–22.

Idem. Русско-турецкая война 1877–78 гг. на Балканском театре // История русской армии и флота / Под ред. А. С. Гришинского и др. Т. XI. С. 23–175.

Дуроп К. Тактическое образование армии в мирное время // Военный сборник. Т. 83. № 2. Февраль 1872. С. 229–243.

Дьяков В. А. О развитии русской военно-исторической мысли в последней четверти XIX века // Военно-исторический журнал. № 5. Май 1959. С. 60–72.

Е. У. Уроки японской войны // Военный сборник. № 8. Август 1908. С. 77–98.

Жилин А. П. Большая программа по усилению русской армии // Военно-исторический журнал. № 7. Июль 1974. С. 90–97.

Жилин П. Дискуссии о единой военной доктрине // Военно-исторический журнал. № 5. Май 1961. С. 61–74.

Жилинский С. Стратегия-наука и стратегия-искусство // Военный сборник. Т. 94. № 11. Ноябрь 1873. С. 5–48.

Зайончковский А. М. Единство военной доктрины (Опасности и увлечения) // Русский инвалид. № 280. 31 декабря 1911. С. 2–3.

Idem. Ещё по поводу доктрины // Русский инвалид. № 7. 10 января 1912. С. 3–4.

Idem. Инициатива частных начальников в области их стратегических работ // Военные беседы, исполненные в штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа в 1895–1896 годах. Т. XVII. С. 1–52.

Зайончковский П. А. Выдающийся учёный и реформатор русской армии // Военно-исторический журнал. № 12. Декабрь 1965. С. 32–36.

Idem. Перевооружение русской армии в 60–70-х годах XIX в. // Исторические записки. № 36. 1951. С. 64–100.

Зайцев Л. А. Военно-педагогические взгляды М. И. Драгомирова // Военно-исторический журнал. № 9. Сентябрь 1985. С. 72–76.

Записки П. М. Гудим-Левковича о войне 1877–1878 года // Русская старина. Т. 124. № 12. Декабрь 1905. С. 513–604.

Захаров В. А. Состояние и развитие русского военно-инженерного искусства и инженерных войск с начала XX в. до Великой Октябрьской социалистической революции // Военно-инженерное искусство и инженерные войска русской армии / Под ред. В. И. Железных и др. С. 147–172.

Зедделер. Пехота, артиллерия и кавалерия в бою и вне боя в Германско-французской войне 1870–1871 годов // Военный сборник. Т. 86. № 7. Июль 1872. С. 33–114.

- Золотарёв В. Причины и характер русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Военно-исторический журнал. № 7. Июль 1975. С. 78–82.
- Исторический очерк деятельности военного управления в первое двадцатипятилетие царствования Государя Императора Александра Николаевича (1855–1880 гг.) / Сост. М. И. Богданович // Военный сборник. Т. 132. № 3. Март 1880. С. 5–34.
- Кавтарадзе А. Г. Войсковое управление генерального штаба русской армии // Военно-исторический журнал. № 6. Июнь 1978. С. 77–82.
- Idem. Из истории русского генерального штаба // Военно-исторический журнал. № 12. Декабрь 1971. С. 75–80. № 7. Июль 1972. С. 87–92.
- Idem. Из истории русского генерального штаба (1909 — июль 1914 гг.) // Военно-исторический журнал. № 12. Декабрь 1974. С. 80–86.
- Казаков М. Использование резервов в русско-японской войне 1904–1905 гг. // Военно-исторический журнал. № 4. Апрель 1971. С. 44–55.
- Кайгородов. Артиллерийские массы на полях сражений // Военные беседы, исполненные в штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа в 1887–1888 гг. Т. V. 1888. С. 3–31.
- Карцов П. Траянов перевал // Русский вестник. Т. 194. № 1. Январь 1888. С. 68–105.
- Козлов С. Военная наука и военные доктрины в первой мировой войне // Военно-исторический журнал. № 11. Ноябрь 1964. С. 31–41.
- Колесников А. А. О воспитании и обучении в русской армии // Военно-исторический журнал. № 3. Март 1989. С. 82–84.
- Коллега. Иллюзии и предвзятость // Русский инвалид. № 49. 2 марта 1912. С. 4.
- Комиссаров А. М. М. И. Драгомиров о воинской дисциплине // Военно-исторический журнал. № 6. Июнь 1989. С. 89–92.
- Кондратьев П. Тактическое образование офицеров // Военные беседы, исполненные в штабе войск Гвардии и Петербургского округа в 1896–97 г. Т. XVIII. 1897. С. 1–184.
- Копылов В. Н. Милютин как военный деятель // Военная мысль. № 3. Март 1945. С. 59–72.
- Idem. Тактика русской армии в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Развитие тактики русской армии / Сост. Д. В. Панков. С. 188–227.
- Корсун Н. Г., Харкевич П. Х. Тактика русской армии в первую мировую войну 1914–1918 гг. // Развитие тактики русской армии / Сост. Д. В. Панков. С. 264–315.
- Idem. Тактика русской армии в русско-японской войне 1904–1905 гг. // Развитие тактики русской армии / Сост. Д. В. Панков. С. 228–263.
- Краснов П. Лава // Военный сборник. № 3. Март 11. С. 41–68.
- Кривцов Е. Военное искусство // Русский инвалид. № 16. 20 января 1912. С. 5.
- Кр-кий Я. О действии войск в бою на основании Франко-германской войны 1870–1871 годов // Военный сборник. Т. 94. № 11. Ноябрь 1873. С. 79–106.
- Леер Г. Синтез тактики // Военный сборник. Т. 179. № 2. Февраль 1888. С. 243–280.
- Idem. Современное состояние стратегии // Военный сборник. Т. 53. № 1. Январь 1867. С. 47–66. № 2. Февраль 1867. С. 223–258. Т. 54. № 3. Март 1867. С. 3–28. № 4. Апрель 1867. С. 99–140. Т. 55. № 5. Май 1867. С. 3–25. Т. 57. № 9. Сентябрь 1867. С. 25–65. № 10. Октябрь 1867. С. 219–270.
- Idem. Стратегический и тактический обзор франко-прусской войны (до Седана) // Военный сборник. Т. 81. № 10. Октябрь 1871. С. 145–176.

- Idem. Теоретические масштабы // Военный сборник. Т. 61. № 1. Январь 1869. С. 77–89.
- Леонидов Л. Из истории русской военно-исторической мысли 60-х годов XIX века // Военно-исторический журнал. № 10. Октябрь 1973. С. 95–100.
- Липранди Р. Переправа у Систова // Военный сборник. Т. 250. № 11. Ноябрь 1898. С. 48–55.
- Лобов В. Н. Русский военный мыслитель и педагог // Военная мысль. № 2. Февраль 1990. С. 43–51.
- Макшеев Ф. А. Несколько слов о Драгомировском и Лееровском периодах начальствования академией // Военный сборник. № 12. Декабрь 1907. С. 234–238.
- Маслов И. Исследование о средствах к уменьшению потерь в войсках от пехотного огня // Военный сборник. Т. 183. № 9. Сентябрь 1888. С. 60–96. № 10. Октябрь 1888. С. 288–326.
- Idem. О свойствах пехотного огня и о средствах к развитию его силы // Военный сборник. Т. 174. № 3. Март 1887. С. 87–118.
- Idem. Основная идея плана войны // Военный сборник. № 7. Июль 1905. С. 49–64. № 8. Август 1905. С. 55–76. № 9. Сентябрь 1905. С. 49–62. № 10. Октябрь 1905. С. 51–64. № 11. Ноябрь 1905. С. 79–94.
- М. Г. Устройство и служба генерального штаба // Военный сборник. Т. 92. № 7. Июль 1873. С. 85–114.
- Мещеряков Г. П. Влияние боевого опыта отечественной войны 1812 года на развитие тактики в русской армии в первой половине XIX века // 1812 год / Под ред. Л. Г. Бескровного. С. 181–197.
- Михневич Н. П. Партизанские действия кавалерии в 1812 и 1813 годах // Военные беседы, исполненные в штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа в 1887–1888 гг. Т. IV. 1888. С. 263–311.
- Мысли о технике войн будущего // Военный сборник. Т. 211. № 5. Май 1893. С. 35–55. № 6. Июнь 1893. С. 255–271. Т. 212. № 8. Август 1893. С. 221–238. Т. 213. № 9. Сентябрь 1893. С. 32–55.
- Незнамов А. А. Боевая подготовка армии // Русский инвалид. № 38. 18 февраля 1912. С. 4–5.
- Idem. На злобу дня // Русский инвалид. № 12. 15 января 1912. С. 4–5.
- Idem. Операция (военная) // Военная энциклопедия. Т. XVII. С. 130–133.
- Idem. План войны // Военная энциклопедия. Т. XVIII. С. 446–449.
- Никольский В. П. Военное дело в России при вступлении на престол Императора Николая II и перед войной 1904–1905 гг. // История русской армии и флота / Под ред. А. С. Гришинского и др. Т. XIII. С. 33–41.
- Н. К. По поводу проекта устава полевой службы и наставления для действия в бою отрядов из всех родов оружия // Военный сборник. № 6. Июнь 1903. С. 72–85.
- Носков А. Комплектование армии во время войны // Военная мысль. № 9. Сентябрь 1938. С. 136–141.
- Обзор мнений, высказанных в нашей военной литературе по разным военным вопросам за 1877–1897 годы // Военный сборник. Т. 132. № 3. Март 1880. С. 173–210. № 4. Апрель 1880. С. 410–423. Т. 133. № 5. Май 1880. С. 50–79. Т. 134. № 7. Июль 1880. С. 159–175. № 8. Август 1880. С. 259–279. Т. 135. № 9. Сентябрь 1880. С. 34–53. № 10. Октябрь 1880. С. 280–296. Т. 136. № 11. Ноябрь 1880. С. 280–296.

- Орлов Н. А. Нравственный элемент в военном деле // Военная энциклопедия. Т. XVII. С. 45–52.
- Осипов М. Обзор военно-научных трудов Д. А. Милютин // Военно-исторический журнал. № 9. Сентябрь 1972. С. 102–107.
- Павленко Н. Из истории развития теории стратегии // Военно-исторический журнал. № 10. Октябрь 1964. С. 104–116.
- Паркин П. Винтовке С. И. Мосина 80 лет // Военно-исторический журнал. № 4. Апрель 1971. С. 122–126.
- Петров А. Н. Задачи современной стратегии // Военный сборник. Т. 217. № 5. Май 1894. С. 35–64.
- Idem. Ответ г. Маслову // Военный сборник. Т. 256. № 11. Ноябрь 1900. С. 62–67.
- По поводу тактической подготовки полевой артиллерии // Военный сборник. Т. 247. № 5. Май 1899. С. 111–116.
- Потоцкий. Последние нововведения и предложения в полевой артиллерии // Военные беседы, исполненные в штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа за 1892–1893 гг. Т. XIV. 1893. С. 67–85.
- Потто В. Современное образование и воспитание войск // Военный сборник. Т. 105. № 11. Ноябрь 1875. С. 49–89. № 12. Декабрь 1875. С. 413–471.
- Романовский Г. Д. Русско-японская война 1904–5 гг.: Действия на Квантунском полуострове. Оборона крепости Порт-Артур // История русской армии и флота / Под ред. А. С. Гришинского и др. Т. XIII. С. 83–141.
- Ростунов И. И. Боевые действия русской армии на Балканах в 1877–1878 гг. // Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Балканы / Под ред. Г. Л. Арша, В. Н. Виноградова и др. С. 10–25.
- Idem. Уроки русско-японской войны 1904–1905 гг. // Военно-исторический журнал. № 2. Февраль 1984. С. 73–78.
- Савушкин Р. К вопросу о возникновении и развитии операций // Военно-исторический журнал. № 5. Май 1979. С. 78–82.
- Свечин А. А. Большая военная программа // Русская мысль. Кн. VIII. Август 1913. С. 19–29.
- Idem. Военные действия в Маньчжурии в 1904–1905 гг. // История русской армии и флота / Под ред. А. С. Гришинского и др. Т. XIV. С. 59–182.
- Idem. Эволюция оперативного развёртывания // Война и революция. № 5. Май 1926. С. 3–26.
- Сидоров А. Л. Железнодорожный транспорт России в первой мировой войне и обострение экономического кризиса в стране // Исторические записки. № 26. 1948. С. 3–64.
- Idem. Из истории подготовки царизма к первой мировой войне // Исторический архив. № 2. 1962. С. 120–155.
- Смычников А. А., Мавродин Вал. В. К вопросу о перевооружении русской армии в середине XIX века // Проблемы истории феодальной России. Сборник статей к 60-летию проф. В. В. Мавродина. С. 235–256.
- Современная стратегия // Военный сборник. № 6. Июнь 1908. С. 241–262.
- Суворов А. Н. Военная игра старших войсковых начальников в апреле 1914 года // Военно-исторический сборник. Вып. 1. 1919. С. 9–29.

- Сулькевич М. А. Тактическая подготовка полевой артиллерии // Военный сборник. Т. 244. № 11. Ноябрь 1898. С. 149–158.
- Сухотин Н. Американская конница // Военный сборник. Т. 175. № 5. Май 1887. С. 75–99.
- Тереков. Вопросы воспитания и обучения войск // Военные беседы исполненные в штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа в 1889–90 гг. Т. VIII. 1890. С. 131–192.
- Ухач-Огорович Н. А. Оценка набега на Инкоу // Военный сборник. № 5. Май 1908. С. 61–70.
- Фон-дер-Ховен А. И. О магазинных ружьях // Военные беседы исполненные в штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа в 1885–1887 гг. Т. III. 1887. С. 155–237.
- Фролов В. Героическая оборона Порт-Артура // Военно-исторический журнал. № 9. Сентябрь 1984. С. 67–75.
- Idem. Русско-японская война 1904–1905 гг. (Некоторые вопросы военного искусства) // Военно-исторический журнал. № 2. Февраль 1974. С. 83–90.
- Четыркин Н. Доктрина в уставе полевой службы // Русский инвалид. № 41. 22 февраля 1912. С. 2–3.
- Idem. Устав и доктрина // Русский инвалид. № 260. 4 декабря 1911. С. 6.
- Чичагов М. Большое кавалерийское дело в американскую войну 1863 года. Сражение при Бренди // Военный сборник. Т. 159. 1884. С. 216–232.
- Шацилло К. Ф. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. Т. 42. № 4. Апрель 1967. С. 103–116.
- Idem. Подготовка царизмом вооружённых сил к первой мировой войне // Военно-исторический журнал. № 9. Сентябрь 1974. С. 91–96.
- Шкурак К., Мурзаев Н. К истории развития русских полевых и боевых уставов // Военно-исторический журнал. № 11. Ноябрь 1962. С. 113–120.
- Шор Д. И. Инженерное обеспечение осады Плевны в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Военно-инженерное искусство и инженерные войска русской армии / Под ред. В. И. Железных. С. 126–146.
- Юнаков Н. Ночной бой: Тактическое исследование // Военные беседы, исполненные в штабе Гвардии и Петербургского военного округа в 1897–1898 гг. Т. XX. С. 67–121.
- Янушкевич Н. Н. Состояние вооружённых сил России со времени введения общеобязательной воинской повинности // История русской армии и флота / Под ред. А. С. Гришинского и др. Т. XIII. С. 3–32.

Энциклопедии

- The Military-Naval Encyclopedia of Russia and the Soviet Union.* 1978–84. 4 vols. Издание не завершено.
- Военная энциклопедия. 1911–1915. В 18 т. Издание не завершено.
- Советская военная энциклопедия. 1932–1933. В 2 т. Издание не завершено.
- Советская военная энциклопедия. 1976–1980. В 8 т.
- Советская историческая энциклопедия. 1965–1970. В 13 т.

Газеты, журналы и периодические издания

Air University Review
American Historical Review
Army Quarterly and Defence Journal
Cahiers du Monde Russe et Sovietique
California Slavic Studies
Canadian Slavic Studies
Canadian-American Slavic Studies
Canadian Slavonic Papers
Current History
Forschungen zur osteuropäischen Geschichte
Jahrbücher für Geschichte Osteuropas
Journal of Contemporary History
Journal of Modern History
Journal of Social History
Journal of Soviet Military Studies
Military Affairs
Military Review
Political Science Quarterly
RUSI [Journal of the Royal United Services Institute for Defence Studies]
Russian History
Russian Review
Slavic Review
Slavonic and East European Review
War & Society

Военная мысль
 Военно-исторический журнал
 Военно-исторический сборник
 Военные беседы, исполненные в штабе войск Гвардии
 и Петербургского военного округа
 Военный сборник
 Война и революция
 Вопросы истории
 Исторические записки
 Исторический архив
 Красный архив
 Русская мысль
 Русская старина
 Русский вестник
 Русский инвалид

БЛАГОДАРНОСТИ

С большим удовольствием выражаю свою признательность тем, кто оказывал мне содействие при подготовке этой книги к печати. В этом отношении из небольшой группы моих помощников следует выделить троих коллег, которые неизменно принимают участие в более крупных исследовательских и литературных проектах. Во-первых, я обязан поблагодарить генерал-майора армии США Уильяма А. Стоффта, который, будучи в 1983–1984 гг. директором Института изучения военных действий при Командно-штабном колледже армии США, побудил меня к тому, чтобы потратить часть учебного года на изучение армии Российской империи. Д-р Джейкоб У. Кипп, мой давний друг и наставник, бескорыстно уделял мне много драгоценного времени и внимания на важнейших этапах пути от тезисов к книге. Помимо него, я многим обязан профессору Андре Л. де Сент-Рату, который с готовностью делился своими знаниями о российской армии со мной, своим младшим коллегой по университету Майами в Оксфорде (Огайо). Многие исследовательские материалы для этой книги я почерпнул в носящем его имя собрании в библиотеке Кинг при университете Майами.

Кроме того, советами и содействием на различных этапах исследований и написания книги мне помогали друзья и коллеги по исследованиям и по профессиональной работе. В их число входят д-р Роберт Ф. Бауманн (Институт изучения военных действий); д-р Кристофер Беллами, корреспондент «Индепендент»; д-р Филип Дж. Брукс, директор дипломных программ в Командно-штабном колледже армии США; профессор Джон Эриксон (кафедра оборонных исследований, Эдинбургский университет); профессор Уильям Фуллер-мл. (Военно-морской колледж США); д-р Роберт Иванов (Институт истории АН СССР); профессор Дэвид Р. Джонс (университет Далузи); про-

фессор Джон Л. Г. Кип (прежде — сотрудник университета Торонто); профессор Джордж Ф. Мак-Клири-мл. (Канзасский университет); профессор Уолтер М. Пинтнер (Корнеллский университет); профессор Деннис Э. Шоуолтер (колледж Колорадо); д-р Джеймс Дж. Шнейндер (Школа передовых военных исследований при Командно-штабном колледже армии США); А. Г. Кавтарадзе (Институт истории АН СССР); и г-н Карл Ван Дайк, частный исследователь. В число тех, кто оказывал мне профессиональную поддержку при поиске редких исследовательских материалов, входят г-жа Хелен Болл и г-жа Фрэнсис Мак-Клур (Отдел особых собраний, университет Майами); г-жа Ирина Кук, библиотекарь Гуверовского института войны, мира и революции; г-н Чарльз Поттс (библиотека Уайтхолл, Министерство обороны Великобритании); д-р Тимоти Санз (Бюро по изучению Советской армии); и г-жа Мария Александер (библиотека Уотсон, Канзасский университет).

Учреждения, оказывавшие мне различное содействие и помощь, включают: Институт изучения военных действий при Командно-штабном колледже армии США; кафедра истории университета Майами; кафедра истории Канзасского университета; фонд Форда; Центр русских и восточно-европейских исследований при Иллинойском университете; Институт России и Восточной Европы при университете Индианы; и Бюро по изучению Советской армии при Объединённом командовании армии США.

Но в первую очередь я многим обязан своей жене Маргарет и детям Анитре и Тони. Их жертвы сделали возможным появление этой книги на свет; именно они были вынуждены терпеть моё отсутствие во время бесчисленных выходных и вечеров, потраченных на исследования и написание книги. Всё, что я им должен, невозможно возместить никакими словами благодарности. Вот уже четверть века моя жена и спутница жизни с готовностью расстаётся со своим временем и свободой, с неизменным пониманием и остроумием встречая всевозможные превратности, порождаемые нашими общими интересами к изучению России и Советского Союза. Её любовь, преданность и самоотверженность всегда служили для меня неисчерпаемыми источниками силы.

Стоит ли говорить, что ответственность за все возможные ошибки лежит только на мне.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	5
Введение.....	7
1. Армия Д. А. Милютина и М. И. Драгомирова.....	14
2. Русско-турецкая война, 1877–1878.....	80
3. Армия П. С. Ванновского и А. Н. Куропаткина.....	128
4. Наследие Г. А. Леера и М. И. Драгомирова.....	181
5. Русско-японская война, 1904–1905.....	224
6. Теория и структура, 1905–1914: младотурки и старые реалии	288
7. Дилеммы замысла и воплощения, 1905–1914.....	342
Заключение.....	391
Библиография.....	401
Благодарности.....	422

Издатель Модест Колеров

Москва, Большой Татарский переулок, 3, кв. 16

Подписано в печать 25.04.2016. Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 26.5. Тираж 500 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».

150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

<http://www.jpк.bertelsmann.ru>